ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2018. № 429. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 429. April

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 429 Апрель 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Диденко В.В. Фрейм «толерантность» в русском и немецком миграционном медиадискурсе: фреймовый и дискурсивный анализ ... 5
Кузнецова Н.Г., Васильева С.Л., Зайцева И.Е. Типология наименований сельских поселений в английской, немецкой, французской и русской архитектурно-градостроительной терминологии: проблема межъязыковых соответствий терминологических единиц ... 15
Николаев А.В. Программы возвращения реальности: Виктор Шкловский и Сьюзен Сонтаг ... 28
Сарана Н.В. «Decadence» – первый английский перевод романа «Дело Артамоновых» М. Горького ... 34
Смирнова Е.А. Функциональный подход к изучению глагольной валентности (на примере отсубстантивных глаголов английского языка) ... 44
Судаков Г.В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. ... 51
Трубецкова Е.Г. Глаз и оптические средства: деформация зрения в прозе Владимира Набокова ... 58

ФИЛОСОФИЯ

Головашина О.В., Аникин Д.А. Неожиданные издержки победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания ... 66
Миронов В.А. Проблема научного статуса геологии и способы ее решения в трудах отечественных исследователей в период XX–XXI вв. ... 74

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Барсуков В.Н. Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира ... 82
Негруль С.В., Кашпур В.В., Барышев А.А. Проблема конструирования социального предпринимательства как перформативного феномена: конкуренция смыслов и ценностей в дискурсе ключевых стейкхолдеров ... 91

ИСТОРИЯ

Бочкарева И.Б., Лысенко Ю.А. «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917–1921 гг.) ... 100
Гаман Л.А. Русская революция 1917 г. и модернизация: Н.А. Бердяев о некоторых аспектах революции в России ... 111
Данилец Ю.В. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Мукачевско-Ужгородской епархии в 1945–1955 гг. ... 117
Зиновьев В.П. Цены на продукты потребления в Томске в 1862–1917 гг. ... 125
Кропочева Т.Б., Налимова Т.А., Синева М.В. Историческое образование младших школьников на основе краеведения ... 132
Кушнарева М.Д. Развитие экспортной торговли пушниной из Северо-Восточной Сибири фирмами с крупным капиталом во второй половине XIX – начале XX в. ... 143
Луценко А.В. Историография научного творчества А.А. Богданова ... 148
Мальцев Р.К. К истории выделения петроглифов этнографического времени на территории Минусинской котловины ... 153
Машковцев А.А., Машковцева В.В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим молельням во второй четверти XIX в. (на материалах Вятской губернии) ... 160

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 429 April 2018

CONTENTS

PHILOLOGY

Didenko V.V. The frame “tolerance” in Russian and German migration media discourse: frame and discourse analysis ... 5
Kuznetsova N.G., Vasilyeva S.L., Zaytseva I.E. The typology of rural settlement nominations in English, German, French and Russian architectural and city-planning terminology: the problem of interlingual correspondence of terminological units ... 15
Nikolaev A.V. Returning the reality: Viktor Shklovsky & Susan Sontag ... 28
Sarana N.V. *Decadence*: the first English translation of Maxim Gorky’s *Delo Artamonovykh* ... 34
Smirnova E.A. The functional approach to researching verb valency (a case study of English denominal verbs) ... 44
Sudakov G.V. The evolution of oral speech etiquette in Russia in the 14th–17th centuries ... 51
Trubetskova E.G. The eye and optical devices: deformation of sight in Vladimir Nabokov's prose ... 58

PHILOSOPHY

Golovashina O.V., Anikin D.A. Unexpected expenses of the victory: November 4 in the context of the policy of memory and massive historical consciousness ... 66
Mironov V.A. The problem of the scientific status of geology and how to resolve it in the works of Russian researchers in the 20th–21st centuries ... 74

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Barsukov V.N. Assessment of the prevalence of discriminatory attitudes towards older people in the world ... 82
Negrul S.V., Kashpur V.V., Baryshev A.A. The problem of constructing social entrepreneurship as a performative phenomenon: competition of meanings and values in the discourse of key stakeholders ... 91

HISTORY

Bochkareva I.B., Lysenko Yu.A. The “national question” and the establishment of Soviet power in Turkestan (1917–1921) ... 100
Gaman L.A. Russian revolution of 1917 and modernization: Nikolai Berdyaev on some aspects of the revolution in Russia ... 111
Danilets Ju.V. “The Journal of the Moscow Patriarchate” as a source of the Mukachevo-Uzhgorod Eparchy history in 1945–1955 ... 117
Zinoviev V.P. Prices for consumer products in Tomsk in 1862–1917 ... 125
Kropocheva T.B., Nalimova T.A., Sineva M.V. Local lore-based history education for primary school children ... 132
Kushnareva M.D. The development of export trade in furs from Northeastern Siberia by firms with large capital in the second half of the 19th – early 20th centuries ... 143
Lutsenko A.V. Historiography of Alexander Bogdanov’s scientific works ... 148
Maltsev R.K. To the history of identifying ethnographic petroglyphs on the territory of the Minusinsk Basin ... 153
Mashkovtsev A.A., Mashkovtseva V.V. The confessional policy of the state in relation to the Old Believers’ chapels in the second quarter of the 19th century (on the materials of Vyatka Province) ... 160

Муратова С.Р. Влияние западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. 168
Чуркин М.К. Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): экономическое состояние и адаптивные возможности 175

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д.В. Метапрофильное физкультурное образование студентов с ограниченными возможностями здоровья 184
Кирюшина О.Н. Теоретические и практические аспекты наукометрического исследования научно-педагогической деятельности 189
Лейфа А.В. Физическая активность и качество жизни субъектов образовательного процесса в вузе: структурные компоненты и их оценка 196
Сурнин Д.И., Усачёв Н.А. Статистический анализ развития физической культуры и спорта г.о. Тольятти 203
Хадиуллина Р.Р. Обеспечение доступности веб-контента сайтов вузов физической культуры для слабовидящих студентов (по результатам двухлетнего исследования) 210

ПРАВО

Кудрявцева А.В. Кассационные основания к отмене или изменению судебных решений в уголовном судопроизводстве 215
Оганесян Т.Д. Процедура пилотного постановления Европейского суда по правам человека как средство трансформации национальных правовых систем 221
Прозументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности 227

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 231

Muratova S.R. Influence of the West European traditions of military architecture on the development of engineering ideas and fortification forms in the Urals and Western Siberia in the 18th century 168
Churkin M.K. Resettlement of peasant households of the Chernozem Center in Western Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries): the economic situation and adaptive opportunities 175

PEDAGOGICS

Viktorov D.V. Metaprofile physical education of students with disabilities 184
Kiryushina O.N. Theoretical and practical aspects of the scientometric research of educational research activity 189
Leifa A.V. Physical activity and life quality of educational process subjects in the university: structural components and their assessment 196
Surnin D.I., Usachev N.A. Statistical analysis of the development of physical culture and sports in Togliatti 203
Khadiullina R.R. Accessibility of the web content of websites of physical culture universities for visually impaired students (results of a two-year study) 210

LAW

Kudryavtseva A.V. Cassation grounds for cancellation or change of judicial decisions in criminal proceedings 215
Oganesyan T.D. The procedure of the pilot judgment of the European Court of Human Rights as a means of national legal systems transformation 221
Prozumentov L.M. Prevalence of acts as an optional characteristic of their public danger 227

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 231

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 5–14. DOI: 10.17223/15617793/429/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81’37

В.В. Диденко

ФРЕЙМ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФРЕЙМОВЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнено при поддержке гранта «Wladimir-Admoni-Programm für Sprach- und Sprechwissenschaft, gefördert vom DAAD aus Mitteln des Auswärtigen Amts (AA)».

Исследование выполнено в русле фреймовой и дискурсивной семантики. Целью являются выявление и анализ элементов фрейма «толерантность» в русском и немецком миграционном медиадискурсе. Рассмотрение заданных значений фрейма дает доступ к дискурсивным стратегиям изучаемого дискурса. Кроме того, используемые методы позволяют выделить аспекты значения фрейма и их коннотацию, что предоставляет обширный материал для сравнительно-сопоставительных исследований.

Ключевые слова: фрейм; дискурс-анализ; фреймовая семантика; дискурсивная семантика; толерантность; фреймовый анализ.

При обращении ко многим современным разработкам в области лингвистики не оставляет сомнения доминирующее положение когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы [1, 2]. Понятия «когниция», «когнитивный», «дискурс», «дискурсивный» (и сочетания с ними, например «когнитивные концепты», «дискурсивные механизмы») активно используются в исследованиях различной направленности. Однако же соотношение между когнитивной и дискурсивной составляющими в конкретных работах может различаться. Так, в одних исследованиях в центр ставятся пользователь языка и его когнитивные механизмы [3–6], а в других – дискурс с его стратегиями и правилами присоединения высказываний [8–12]. В настоящей работе мы уделяем особое внимание именно дискурсивной природе фрейма. Толерантность, рассматриваемая как фреймовая модель организации знания, является, таким образом, дискурсивным объектом, который обладает специфичной структурой в рассматриваемой части дискурса – медиадискурсе на тему миграции. Естественно, мы не отрицаем широкого спектра возможностей исследовать фрейм с когнитивной точки зрения, но на данный момент во избежание излишней методологической эклектики ограничиваемся именно дискурсивным аспектом.

Выбору фрейма «толерантность» как объекту исследования способствовали следующие факторы: 1) одно из центральных мест феномена толерантности во всех дискурсах, относящихся к сферам социального взаимодействия; 2) новый междисциплинарный интерес к данному феномену в контексте глобализации, распространения международного терроризма, кризиса беженцев в Европе, противостояния развитых и развивающихся стран; 3) толерантность как частый предмет научной рефлексии; проблематизация сложности и / или парадоксальности феномена толерантности. В связи с третьим пунктом интересно коснуться также некоторых современных философских концепций толерантности, выдвинутых российскими и западными учеными.

Настоящая работа является одной из частей более обширного исследования, посвященного актуализации фрейма «толерантность» и дискурсивных стратегий, с ним связанных, в трех национальных миграционных дискурсах: русском, американском и немецком. Сравнительно-сопоставительный анализ русского и американского миграционного медиадискурса выявил как сходства, так и различия в реализации фреймовых элементов изучаемого фрейма [13]. Результаты представленного здесь исследования, привлекающего немецкий медиадискурс, показывают, что на первый план выходят несколько иные аспекты для сравнения. К примеру, одной из основных дискурсивных стратегий как немецкого, так и русского дискурса является стратегия об ошибочности или переосмыслении толерантности (чего практически не наблюдается в американском медиадискурсе). Такая стратегия, очевидно, реализуется не только в медийном дискурсе, но и в других, например философском, политическом, социологическом. Так, в работах российских исследователей конца XX – начала XXI в. [14–16] часто поднимается тема сложности и противоречивости толерантности, которая требует принять то, что кажется субъекту заведомо ошибочным. Современный российский философ М.Б. Хомяков [16] обозначает как «внутренний парадокс толерантности» тот факт, что она заставляет считать некоторые представления абсолютно неверными, но в то же время принимать их на основании какого-то внутреннего блага. А.В. Перцев [15] называет толерантность не целью или одним из способов поведения, а промежуточным этапом на пути от конфликта к его разрешению и взаимопониманию. Иными словами, при характеристике толерантности часто фигурируют слова «сложность», «противоречивость», «внутренний парадокс».

В немецком философском дискурсе также обсуждаются противоречия, связанные с толерантностью, к примеру в работах немецкого философа Р. Форста [17], который выделяет четыре значения понятия «толерантность»:

1) толерантность как разрешение: группа, обладающая авторитетом, разрешает (допускает) меньшин-

ству жить в соответствии со своими убеждениями, пока они не ставят под вопрос авторитет большинства;

2) толерантность как сосуществование: прагматическое понимание толерантности как средства мирного соседства между группами, имеющими равное положение;

3) толерантность как уважение: толерантность понимается как морально обоснованная ценность двустороннего уважения;

4) толерантность как плюрализм ценностей: толерантность означает не только уважение к другим, но и принятие их убеждений и практик как этически ценных.

При анализе фрейма «толерантность» становится заметно, что такие тенденции философского дискурса находят свое отражение и в ненаучном, медийном дискурсе, что делает возможной гипотезу о существовании общих, принадлежащих вышестоящему дискурсу дискурсивных стратегий.

К вопросу о месте дискурсивной семантики среди наук о языке. В настоящее время взаимодействие когнитивного и дискурсивного подходов прочно утвердилось в семантических исследованиях. Как отмечают Д. Буссе, В. Тойберт и др. [8, 11, 12], дискурсивное направление в рамках лингвистической семантики имеет собственные методы, принципы и цели исследования. Под «значением» в дискурсивной семантике понимается все то, что говорится и было сказано в данном дискурсе о соответствующем дискурсивном объекте [8, 12]. В теоретическом и методологическом планах основополагающим является вопрос о природе дискурса. При всем разнообразии концепций современные лингвисты, работающие в области дискурсивной семантики [8–12], отталкиваются от понимания дискурса в духе французского постструктурализма (например, М. Фуко [18, 19] и Ж. Деррида [20, 21]). М. Фуко вводит понятие дискурса, будучи философом, и использует его как категорию теории познания, что становится возможным благодаря тому, что он добавляет в традиционную модель «язык и мышление» третий компонент – дискурс, который он ставит между ними [8, 18, 19].

В таких теоретических рамках **дискурсы** понимаются как системы формирования элементов знания, которые определяют условия возможности производства и включения в них определенных высказываний. Находясь между языком и мышлением, дискурсы обладают собственными дискурсивными стратегиями и механизмами, например механизмами присоединения высказываний, механизмами, побуждающими к производству дискурсивных событий, структурирующими системы формирования знания [8]. В данной работе понятие дискурсивных стратегий используется в качестве центрального. По определению М. Фуко, **дискурсивные стратегии** должны быть описаны как систематически различные способы обозначать, отграничивать, формулировать дискурсивные объекты, предоставлять для этого языковые выражения и понятия. Эти способы не предопределены дискурсом изначально, но являются регулярностями применения дискурсивных возможностей. Они формируются посредством частотности встречаемости дискурсивных единиц, и их возможно проследить через все отдельные высказывания и тексты [18, 22].

Такое понимание дискурса наиболее целесообразно для решения задач настоящего исследования, рассматривающего формирование абстрактного фрейма в медиадискурсе. Нашей целью являются анализ и представление значения дискурсивного объекта «толерантность» в виде фреймовой структуры, которая будет соответствовать тому, что было сказано о данном объекте в конкретном дискурсе в конкретный период времени.

Фрейм как дискурсивный объект. Вслед за Й. Шарлотом, Д. Ойгстером и Н. Бубенхофером [11], а также во многом Д. Буссе [8], мы рассматриваем фрейм как смысловой шаблон, в котором устанавливается связь между определениями проблем, смысловыми последовательностями, объяснениями, ценностными ориентациями для трактовки событий, высказывания критики и требований легитимирования той или иной практики [11]. Именно такое понимание наиболее релевантно при изучении роли СМИ в формировании фреймов в рамках политических и социальных значимых событий и определения дискурсивных стратегий медиадискурса.

Данная **модель фрейма** понимается в виде структуры организации знаний, в которой вокруг структурного ядра, также называемого «референтным объектом фрейма», сгруппировано определенное количество элементов знания, которые именно в этой перспективе выступают как фреймообразующие фреймовые элементы. Референтный объект фрейма соотносится не с объектом реального мира, а с дискурсивным объектом. Элементы знания, сгруппированные вокруг референтного объекта фрейма, не являются величинами, полностью заполненными конкретной информацией, а выступают как элементы для заполнения (**слоты**), которые при актуализации фрейма заполняются **конкретными наполнителями**. К таким актуализациям относятся все случаи вербализации, при которых с помощью языкового знака или целых языковых выражений актуализируется либо фрейм полностью, либо какая-то его часть (отсылающая к фрейму целиком). Наиболее частотные конкретные наполнители впоследствии переходят в **заданные значения** фрейма, которые больше не нуждаются в эксплицитной актуализации. Любая реализация конкретного наполнителя фрейма связана с той или иной дискурсивной стратегией.

Открытый корпус как материал исследования. В данном исследовании мы различаем онтологическое понятие дискурса, о котором идет речь выше, и рабочее понимание дискурса как исследовательского корпуса. М. Фуко, давая определение дискурсу, который стоит между языком и мышлением и соотносится с общественными практиками определенной общности, отмечает невозможность ученого охватить его во всем объеме. Поэтому он выделяет отдельные части дискурса – основные труды Фуко касаются медицинского, экономического, юридического, естественнонаучного видов дискурса [22–24]. Хотя такое разделение единого дискурса на отдельные части Фуко и называет искусственным ограничением, оно представляет единственную возможность получить эмпирический доступ к дискурсивным элементам и стратегиям.

Наше **рабочее определение дискурса** как корпуса текстов сформировано на основе данной концепции М. Фуко, а также трудов более современных исследователей – А. Цима [10] и Д. Буссе [8]: дискурс – это виртуальная совокупность тематически связанных текстов, образующих функциональное единство, в которых слоты исследуемого фрейма заполняются конкретными наполнителями. Практическую проблему при этом представляет причисление того или иного текста к данному дискурсу. Буссе и Цим предлагают руководствоваться в этом случае критерием семантических отношений между текстами, т.е. определять, состоят ли между ними коммуникативные, функциональные или другие связи. Таким образом, совокупности текстов, выступающие предметом анализа, обозначаются как «открытые корпусы» ([10], перевод мой. – *В.Д.*), так как практически в каждом отдельном случае зачастую сложно судить о релевантности текста. Строго говоря, возникновение дискурса всегда является незавершенным процессом, так как каждый новый текст создает новые интертекстуальные связи. Поэтому указанные авторы склоняются к пониманию дискурсов не как объективно существующих совокупностей, а, скорее, как исследовательских конструктов. Из этого следует, что оценивание релевантности текста и выборки текстов для исследовательского материала может происходить на основании интерпретации и понимания самого исследователя. В нашем случае в качестве основного критерия принимается актуализация в тексте исследуемого фрейма или его части.

Исследовательский корпус, используемый в настоящей работе, состоит из медиатекстов следующих печатных газет:

– русских «Аргументы и факты» (АиФ), «Российская газета» (РГ) и «Московский комсомолец» (МК) (65 статей);

– немецких «Die Tageszeitung» (taz) и «Die Süddeutsche Zeitung» (SZ) (75 статей).

Причинами такого выбора послужили следующие факторы:

– наличие электронных архивов в открытом доступе (или при подписке);

– различный тип газет в рамках одной страны (по географическому, политическому признакам, по регулярности выхода и тиражу) – для определения общих дискурсивных стратегий;

– уровень подачи информации (большинство статей в каждой из газет не относится к «желтой» прессе).

Выборка статей ограничена репортажами и комментариями.

Временной отрезок выборки составляет 10 месяцев – с 1 января по 15 ноября 2016 г. Мы ориентировались на общее количество по 70 статей, однако, вследствие разного уровня освещенности темы, их количество немного варьирует. Из-за отличия количества статей в рамках заданной темы было принято решение использовать три русских газеты вместо двух. Такая разница может объясняться не столько неактуальностью темы в русском медиадискурсе, сколько чисто техническими причинами – объем (количество страниц и формат) российских газет меньше, чем немецких. Эта и другая информация указана в характеристиках ниже.

АиФ. Российская общественно-политическая еженедельная газета, издается с 1978 г. По политической направленности – независимая. Общий тираж – 1 416 625 экз. (на 5–11 июля 2017 г.). Объем – 32 стр. Формат страниц А2. Веб-сайт: aif.ru. На сайте имеется в свободном доступе архив номеров начиная с 1983 г.

МК. Российская общественно-политическая ежедневная газета, издается с 1919 г. По политической направленности – независимая, с либеральным уклоном. Общий тираж – 1 927 315 экз. (на июль 2017 г.). Объем – 8 стр. Формат страниц А2. Веб-сайт: mk.ru. На сайте имеется архив номеров с 1995 г. в свободном доступе.

РГ. Российская ежедневная газета, официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, издается с 1990 г. Консервативный политический уклон. Общий тираж – 166 675 экз. Формат страниц А2. Веб-сайт: rg.ru. На сайте имеется архив номеров за все время в свободном доступе.

SZ. Немецкая ежедневная газета, издается с 1945 г. Политический уклон – левоцентристский. Общий тираж – 392 204 экз. (на октябрь 2015 г.). Объем – 38 стр. Нордический формат (570 × 400 мм). Веб-сайт: sueddeutsche.de. На сайте имеется архив номеров за все время при наличии платной подписки.

taz. Немецкая ежедневная газета, издается с 1978 г. С либеральным политическим уклоном. За последний квартал 2016 г. продано 50 986 экз. Объем – 24 стр. Формат 470 × 300 мм. Веб-сайт: taz.de. На сайте имеется архив номеров за последние 12 месяцев в свободном доступе.

Рассматривая официальный медиадискурс в общем виде и обращаясь к основным дискурсивным стратегиям, мы предполагаем, что отсутствие газет непредставленных политических направлений радикально не повлияет на результаты исследования. Для проверки данной гипотезы мы проводим выборочный анализ, задействуя материал из газет иного политического толка. Такая проверка включает ограниченное количество статей – за 2–3 месяца 2016 г. Для выборочного анализа мы отобрали следующие газеты:

«Правда»: ежедневная российская газета, издается Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ); коммунистическая направленность;

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ): немецкая ежедневная газета, издается в г. Франкфурт-на-Майне; правоконсервативного толка.

Алгоритм фреймового и дискурсивного анализа. Для достижения целей данного исследования фреймовый анализ предшествует дискурсивному, хотя на всех этапах первого учитываются дискурсивная природа фрейма и специфика рассматриваемого дискурса. Таким образом, отдельные этапы эмпирического исследования следующие: 1) разработка структуры матричного фрейма; 2) выявление конкретных наполнителей и их соотнесение со слотами матричного фрейма; 3) количественный анализ конкретных наполнителей, выявление заданных значений фрейма; 4) анализ имплицитных видов предикаций и выявление дискурсивных стратегий. Далее проиллюстрируем данные этапы примерами, останавливаясь более подробно на последних двух.

Структура матричного фрейма «толерантность». Методика разработки структуры матричного

фрейма подробно освещается в одной из статей автора [25]. Отметим, что матричные фреймы являются аналитическими абстрактными конструкциями из слотов, которые используются для дальнейших целей исследования. В ходе предыдущего анализа мы разработали структуру матричного фрейма «толерантность», состоящую из 14 слотов:

1) мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма;

2) цели, роли, функции референтного объекта фрейма;

3) вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект фрейма играет роль;

4) фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма;

5) длительность, время протекания референтного объекта фрейма;

6) участники, задействованные единицы (субъекты и объекты);

7) роли, особенности и состояния участников;

8) средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объектам;

9) способности субъекта;

10) ошибки при совершении действия и их последствия;

11) исправление ошибок;

12) последствия для субъектов и объектов;

13) сходные референтные объекты, их отличия и общие категории;

14) другие названия референтного объекта фрейма.

Конкретные наполнители фрейма. При выявлении конкретных наполнителей фрейма мы пользуемся терминами А. Цима «эксплицитные и квазиэксплицитные предикации» [10, 13]. Эксплицитные предикации реализуются по схеме «X (референтный объект фрейма / части фрейма) + личный глагол (+ дополнение)». Иначе говоря, в эксплицитных предикациях референтный объект фрейма (или его части) всегда стоит на месте подлежащего, например:

(1) *Однако европейская* ***толерантность*** *и рассуждения о мультикультурализме возможны, только когда в обществе есть ощущение гарантированной безопасности и благополучия* (АиФ. 23.03.2016).

В примере (1) референтный объект фрейма выражается лексемой «толерантность» и занимает место подлежащего. Конкретный наполнитель выражен сказуемым и подчинительным предложением: «[…] возможны, только когда в обществе есть ощущение гарантированной безопасности и благополучия». В данном случае он заполняет слот «мотивы, предпосылки, условия возникновения». В этом можно убедиться, выразив валентный слот в форме вопросов «Когда возможна толерантность? / Каковы предпосылки толерантности?»

В квазиэксплицитных предикациях референтный объект фрейма сам является дополнением или выражен в подчинительном предложении, либо он занимает место подлежащего, но конкретный наполнитель реализуется прилагательным, как в примере (1) – «*европейская* толерантность». В данном случае для выявления конкретных наполнителей необходимо переформулировать квазиэксплицитные предикации в эксплицитные, перемещая референтный объект фрейма на место подлежащего и связывая с ним конкретный наполнитель личным глаголом: «европейская толерантность» – «толерантность *является* европейской».

В этом случае конкретный наполнитель заполнит слот «фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма».

Все выявленные указанными способами конкретные наполнители соотносятся с соответствующими слотами и распределяются (где это возможно) по тематическим группам, озаглавленными гиперонимами. В табл. 1–4 представлены самые частотные тематические группы конкретных наполнителей в русском и немецком медиадискурсе. Те слоты, которые получают малое количество наполнителей, в таблицах не приводятся. В круглых скобках указано количество конкретных наполнителей, входящих в каждую тематическую группу.

При сопоставлении табл. 1, 2 можно заметить, что большинство слотов в русском медиадискурсе получает примерно одинаковое количество наполнителей независимо от рассматриваемых СМИ. Резкое отклонение проявляется в случае слота «длительность, время протекания», который можно отнести к одной из особенностей источника выборочного анализа за счет частоты тематизации наличия толерантности во времена СССР (или в настоящее время в социалистических странах) и ее отсутствия в настоящее время в России (и других капиталистических странах). За исключением данного слота, если сопоставить наиболее частотные тематические группы конкретных наполнителей, наблюдается большое количество качественных сходств.

Таблица 1

Конкретные наполнители фрейма в русском медиадискурсе (основной материал)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) роль власти, политики (20); 2) стабильность, уровень жизни (9)
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) противодействие национализму / экстремизму (10)
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект фрейма играет роль	1) проблемы (связанные с миграцией) (11); 2) религия (ислам и православие) (7)
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1) (меж)национальная (10); 2) (меж)религиозная (9)
5. Длительность, время протекания	1. традиция (7)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	**Субъекты и объекты:** 1) связанные с национальностью (12); 2) связанные с религией (8). **Объекты:** 1) мигранты (19). **Субъекты:** 1) мы (7); 2) русские (8); 3) отдельные лица (7); 4) регионы России (10)

Слоты	Конкретные наполнители
7. Роли, особенности и состояния участников	**Объекты:** 1) совершают преступления (28); 2) у них тяжелая жизнь (11); 3) проявляют «другие» обычаи (11). **Субъекты:** 1) неприязнь, раздражение, недовольство (9); 2) страхи (7)
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) обучение, организация семинаров (17); 2) контроль (11)
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) отменить ограничительные меры, смягчить правила (8); 2) безропотность, наивность, романтизм (7). **Последствия:** 1) преступления со стороны беженцев (9)
11. Исправление ошибок	1) жесткие меры, контроль (16)
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) мультукультурализм, (межнациональный) мир (9)

Таблица 2

Конкретные наполнители фрейма в русском медиадискурсе (выборочный анализ – «Правда»)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) роль государства, партии (КПРФ) (6)
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) вывести страну из кризиса (4)
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1) пролетарская (2)
5. Длительность, время протекания	1) во времена СССР (5); 2) нет в настоящее время (3)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	**Объекты:** 1) связанные с национальностью (4) **Субъекты:** 1) мы (2); 2) коммунисты (2)
7. Роли, особенности и состояния участников	**Объекты:** 1) совершают преступления (нелегальные мигранты) (3); 2) у них тяжелая жизнь (2) **Субъекты:** 1) опыт жизни вместе разных национальностей (4)
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) привнесение идей коммунизма (2)
10. Ошибки при совершении действия. Их последствия	1) проявление толерантности к беженцам в Европе (4). **Последствия:** 1) терроризм и преступления (3)
11. Исправление ошибок	1) контроль (2)

Таблица 3

Конкретные наполнители фрейма в немецком медиадискурсе (основной материал)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) Information / Aufklärung (10) / информация / просвещение; 2) der persönliche Kontakt zwischen Einwanderern und Einheimischen / das Kennenlernen (9) / личный контакт между мигрантами и местными / знакомство
2. Цели, роли, функции референтного объекта фрейма	1) resistenter gegen radikale Bewegungen sein (4) / быть более устойчивым против радикальных движений
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых реферетный объект фрейма играет роль	1) Flüchtlingskrise (14) / кризис беженцев; 2) Integration (13) / интеграция; 3) politische / gesellschaftliche Debatten (9) / политические / общественные дебаты
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта фрейма	1. religiös (7) / (меж)религиозная 2. gegenseitig (5) / двусторонняя
5. Длительность, время протекания	1. vor 20-30 Jahren (4) / 20-30 лет назад
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	**Субъекты:** 1) mit dem Beruf verbunden (10) / связанные с профессией; 2) wir (6) / мы; 3) Europa (6) / Европа **Объекты:** 1) Migranten (10) / мигранты; 2) mit der Religion verbunden (8) / связанные с религией; 3) Flüchtlinge (6) / беженцы
7. Роли, особенности и состояния участников	**Субъекты:** 1) Angst, Sorgen haben (19) / боятся, переживают; 2) unsicher sind (10) / не уверены; 3) Ärger haben (8) / злятся. **Объекты:** 1) fremde Kultur und Religion haben (29) / имеют чужую культуру и религию; 2) (versuchen) sich zu integrieren / anpassen (21) / (пытаются) интегрировать-ся / приспособиться; 3) studieren / arbeiten (wollen) (16) / (хотят) учиться / работать; 4) entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten (15) / люди, вырванные из своих стран, где идет война; 5) kriminell, aggressiv (12) / криминальные, агрессивные
8. Средства, стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту	1) helfen / schützen / sich kümmern (18) / помогать / защищать / заботиться; 2) über Sprache und Bildung integrieren (13) / интегрировать через язык и образование
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) Fremdenangst und –feindlichkeit (15) / ксенофобия, плохое отношение к «другим»; 2) Falschmeldungen über Migranten verbreiten (6) / распространение неверных сообщений о мигрантах. **Последствия:** 1) Anstieg rechter Gewalt / Rassismus (9) / расцвет правых движений / расизм
11. Исправление ошибок	1) Klarheit bringen, auf Fakten setzten (8) / внести ясность, основываться на фактах; 2) Migranten integrieren (7) / интегрировать мигрантов
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) Freiheit, Demokratie (7) / свобода, демократия; 2) Offenheit (7) / открытость

Таблица 4

Конкретные наполнители фрейма в немецком медиадискурсе (выборочный анализ – «FAZ»)

Слоты	Конкретные наполнители
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта фрейма	1) Staat und Polizei / государство и полиция
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	**Объекты:** 1) Flüchtlinge (2) / беженцы; 2) Migranten (2) / мигранты. **Субъекты:** 1) Politiker (4) / политики
7. Роли, особенности и состояния участников	**Объекты:** 1) Werkzeug von Extremisten (2) / орудие экстремистов; 2) sind kriminell und aggressiv (3) / криминальные и агрессивные **Субъекты:** 1) Rechtsextremisten (4) / правые экстремисты; 2) Linksextremisten (2) / левые эктремисты
10. Ошибки при совершении действия и их последствия	1) wer Flüchtlinge so aufnimmt, wie das in Deutschland geschieht / кто принимает беженцев так, как это происходит в Германии
11. Исправление ошибок	2) mehr Kontrollen, mehr Polizei (3) / больше контроля, больше полиции
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	1) Mitmenschlichkeit (2) / человечность

На материале, приведенном в табл. 3, 4, заметно примерно равное распределение наполнителей также и в немецком медиадискурсе. Специфика наполнителей слота «участники» в газете «FAZ» объясняется частой реализацией фрейма в политическом контексте и, как следствие, в связи с политическими субъектами. При качественном сопоставлении также при большем количестве сходств отмечаются и различающиеся тематические группы (см. слоты «ошибки» и «исправление ошибок»).

Заданные значения фрейма и дискурсивные стратегии. На этапе выявления заданных значений фрейма на первый план выходит применение дискурс-анализа, поэтому далее речь будет идти о совмещенных методах фреймовой и дискурсивной семантики.

Для выявления заданных значений А. Цим и Д. Буссе [8, 10] предлагают количественный анализ конкретных наполнителей – самые частотные из них и переходят в заданные значения фрейма. Так как последние могут выражаться в имплицитных предикациях – пресуппозициях и импликатурах, то их анализ может быть использован в качестве проверки заданных значений, выявленных с помощью количественного анализа[1]. В терминах дискурсивной семантики частотность реализации одних и тех же фреймовых элементов, их корреляция с аспектами значения референтного объекта фрейма и некоторыми контекстуальными факторами указывают на действие единой дискурсивной стратегии. Ниже приведем примеры некоторых выявленных дискурсивных стратегий рассматриваемых медиадискурсов. Их удается обнаружить при сопоставлении русских и немецких тематических групп заданных значений, а также аспектов значения референтного объекта фрейма, выявленных при анализе философских концепций толерантности и обозначаемых нами как «допущение», «принятие», «уважение», «признание (чужого) как ценности» [17].

В русском медиадискурсе выделяется два субфрейма (частичных фрейма) «толерантность»: «русская толерантность» и «европейская толерантность». В связи с этим проявляются следующие дискурсивные стратегии:

1) субфрейм «русская толерантность» чаще всего эксплицитно актуализируется в контекстах, близких официальному стилю (имеется в виду уровень подачи информации в газетных сообщениях), со значением «принятие», «уважение»; коннотация положительная;

2) в менее официальных контекстах субфрейм «русская толерантность» имеет значение «допущение»; чаще всего коннотация отрицательная;

3) актуализации субфрейма «европейская толерантность» обнаружены в контекстах разного стиля, во всех из них со значением «допущение»; во всех случаях коннотация отрицательная.

Приведем примеры на каждый из случаев:

(1) *По словам Алексея Грибанова, сегодня в Перми существует вся необходимая нормативная и методическая база для формирования атмосферы добрососедства и* ***толерантности*** (РГ. 07.06.2016).

(2) *«А сейчас все больше пропагандируется понятие «****толерантность****», что означает терпимость к иному мировоззрению. Своими фильмами, в том числе и «Смоленской Швейцарией», я хочу сказать, что гораздо важнее взаимопонимание и взаимоуважение»* (МК. 30.09.2016).

(3) *Не только немецкие власти, но и значительная часть гражданского общества ФРГ заняли наиболее* ***толерантную*** *позицию в вопросах адаптации вновь прибывающих мигрантов, несмотря на то, что они криминализировали обстановку в стране и тем самым спровоцировали определенную напряженность в обществе, где явно усилились праворадикальные настроения* (РГ. 19.07.2016).

Отметим, что в примере (2) «толерантность» эксплицитно противопоставляется «(взаимо)пониманию» и «(взаимо)уважению».

В немецком медиадискурсе отдельные субфреймы четко не выявляются. Однако возможно проследить реализацию фрейма со всеми из представленных значений («уважение» и «признание как ценности» часто сложно отделить друг от друга). В ходе анализа удалось вывить следующие дискурсивные стратегии:

1) значение «допущение» реализуется реже остальных; встречается вместе с наполнителями тематической группы «относиться как к чему-то неприятному» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту», наполнителями тематических групп «fremde Kultur und Religion» / «чужая культура и религия», «kriminell, aggressiv» / «криминальные, агрессивные», «verachten die Frauen» / «презирают женщин» слота «роли, особенности, состояния объекта»; выделяется дискурсивная стратегия об ошибочности действующей тактики толерантности;

2) значение «принятие» реализуется вместе с наполнителями тематической группы «относиться к объекту как к жертве» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту», наполнителями тематических групп «entwurzelte Menschen aus den Krisengebieten» / «лишенные родины люди из военных регионов», «haben Angst» / «боятся», «sind nicht so strenggläubig» / «не такие религиозные», «Familien, Frauen und Kinder» / «семьи, женщины и дети» слота «роли, особенности, состояния объекта»; оценивается положительно, но при наличии аспекта «уважение» – отрицательно;

3) значения «уважение», «признание как ценности» противопоставляется двум предыдущим и реализуется вместе с наполнителями тематической группы «относиться к объекту как к равному» слота «стратегии, тактики субъекта по отношению к объекту»; оценивается чаще положительно; возможно, является одним из вариантов новой тактики толерантности;

4) кроме перечисленных значений можно выделить еще одно – «открытость» / «Offenheit» или «свобода» / «Freiheit»; оно чаще всего реализуется вместе с наполнителями «vor 20–30 Jahren» / «20–30 лет назад» слота «длительность, время протекания» и «Demokratie» / «демократия» слота «сходные референтные объекты, их отличия и общие категории»; оценивается положительно (где можно выявить оценку).

На основе рассмотренного материала отмечается изменение коннотации фрейма с аспектом значения «принятие» с положительной на отрицательную. Это происходит обычно при его сопоставлении с другим аспектом значения – «уважение», с которым фрейм в этом случае оценивается положительно. Очевидно, это связано с дискурсивной стратегией переосмысления собственной (недавней) тактики толерантности и попытками ее переработать. Причем в основном материале вопрос о новой тактике остается открытым, что часто выражается риторическими вопросами, например,

(4) *Irgendwann an diesem Abend kam dieser Mann auf sie zu, der ihre Sprache nicht sprach. Er kam ihr näher, sie sagte nein. Er hörte nicht auf. […] Wie das Problem lösen, ohne rassistisch zu wirken? (taz. 12.10.2016) / В какой-то момент в этот вечер к ней подошел мужчина, который не говорил на ее языке. Он подошел ближе, она сказала нет. Он не прекращал… Как решить проблему не проявляя при этом расизма?*

Если в основном материале переход от аспектов значения «допущение» и «принятие» к аспектам «уважение» и «признание как ценности» иногда эксплицируется как одна из возможных новых тактик толерантности (см. примеры (5) и (6)), в материале выборочного анализа (газета «FAZ») новая тактика выражается при заполнении слота «исправление ошибок» как «mehr Kontrollen, mehr Polizei» / «больше контроля, больше полиции» (что, к слову, совпадает с наполнителями основного материала русского дискурса).

(5) *[…] dass im Konzept „Aufklärung“ ein regressives Element enthalten ist, weil es dazu verleitet, die Menschheit in „Aufgeklärte“ und „Barbaren“ zu unterteilen. […] Und diese Entgegensetzung von aufgeklärten Westlern und barbarischen Südlern durchzieht und verzerrt die gesamte Debatte über den Islam und Migration (taz. 2.08.2016) / […] что в концепции «просвещение» содержится регрессивный элемент, так как оно ведет к тому, чтобы делить человечество на «просвещенных» и «варваров». […] И это* ***противопоставление между просвещенными европейцами и варварскими азиатами*** *пронизывает и искажает всю дискуссию об исламе и миграции.*

(6) *Armin Laschet […] sei […] einer der ersten Politiker gewesen, der sich vor die Gastarbeiter stellte und ihnen für ihre Leistungen zum Aufbau der Bundesrepublik dankte. "Das hat die älteren Menschen berührt, weil es das vorher noch nicht gab. Er gab ihnen das Gefühl, ein Teil Deutschlands zu sein." Mit Laschet […] habe es in Nordrhein-Westfalen einen Paradigmenwechsel gegeben, weil er Menschen "von der Opferrolle zu Gleichberechtigten erklärt" habe (SZ. 7.05.2016) / Армин Лашет […] стал […] одним из первых политиков, который встал перед гастарбайтерами и поблагодарил их за вклад в развитие Федеративной республики. «Это тронуло пожилых людей, потому что это был первый подобный случай. Он внушил им чувство, что они часть Германии». С Лашетом в Северном Рейне – Вестфалии произошла смена парадигмы, так как он* ***«провозгласил людей равными, избавив их от роли жертвы»****.*

Примечательна разница между русским и немецким медиадискурсами в наполнении слотов «ошибки при совершении действия» и «исправление ошибок». Предполагается, что наполнители данных слотов находятся в зависимости от других наполнителей. Так, в преобладающем числе русских контекстов, в которых реализуются наполнители группы «отменить ограничительные меры, смягчить правила», слоты «вышестоящие связи» и «участники (объекты)» заполняются наполнителями «кризис беженцев в Европе» и «беженцы» (субфрейм «европейская толерантность») или «нелегальные мигранты» (субфрейм «русская толерантность»). В немецком дискурсе такие же наполнители появляются в стратегии осмысления собственной старой схемы толерантности и возможностей ее изменения. При этом последствия ошибок принадлежат в обоих дискурсах тематическим группам «катастрофа», «хаос», «насилие» с той разницей, что в русском дискурсе данные наполнители относятся к объектам (преступления со стороны мигрантов), а в немецком – к субъектам (праворадикальные настроения со стороны местных жителей).

Наполнение слота «исправление ошибок», естественно, зависит от наполнителей предыдущего слота. Отсюда – те же самые различия между двумя дискурсами. Так, наполнители группы «отменить ограничительные меры, смягчить правила» провоцируют появление наполнителей группы «жесткие меры, контроль». Этим же объясняется и появление наполнителей группы «starker Staat und Polizei» / «сильное государство и полиция» в немецком дискурсе – многие из них вызваны указанным выше переосмыслением тактики толерантности, например в таком контексте:

(7) *Kreuzberg war mal ein Synonym für Multikulti, Gelassenheit und Toleranz. Vorbei. Die Kriminalität eskaliert, und die Menschen haben Angst. […] Sie braucht*

nur wenige Minuten bis zu einem Satz, den man von linken Grüneneher selten hört: "Die Situation ist dramatisch, das kann nur die Polizei lösen" (SZ. 6.04.2016) / Кройцберг был когда-то синонимом мультикультурализма, дозволенности и толерантности. Все в прошлом. Преступность процветает, и люди боятся. […] Проходит лишь несколько минут, и она произносит предложение, которое редко услышишь от сторонника левых и зеленых: «Ситуация дошла до предела, может помочь только полиция».

В связи с такими дискурсивными стратегиями интересно отметить следующий момент: в тех случаях, когда в русских медиатекстах реализуется субфрейм «европейская толерантность», он негативно оценивается именно со значением «допущение», с каким в немецком медиадискурсе он также получает негативную коннотацию. Иными словами, при поверхностных противоречивых дискурсивных стратегиях анализ глубинных стратегий снимает некоторые противоречия. Однако переход аспектов значения от «допущения» к «уважению», «признанию как ценности» в русском медиадискурсе, в отличие от немецкого, не может выступать в качестве возможности исправления ошибок при проявлении толерантности и разработки новой тактики. По всей вероятности (если не принимать во внимание контексты официального стиля, где реализуется субфрейм «русская толерантность»), аспекты значения «уважение», «признание как ценности» в русском дискурсе не принадлежат к фрейму «толерантность», а образуют иной фрейм. То есть единственной возможностью исправления ошибок будет отказ от толерантности вовсе (по крайней мере, в случае субфрейма «европейская толерантность»).

Выводы. В данном исследовании показано представление фрейма «толерантность» как структуры, отображаемой и конструируемой в рамках миграционного медиадискурса. Такое понимание позволило описать и проанализировать его элементы, используя совмещенные методы фреймовой и дискурсивной семантики.

На базе исследовательского корпуса медиатекстов методами анализа эксплицитных и квазиэксплицитных предикаций были выявлены конкретные наполнители фрейма и соотнесены с соответствующими слотами. С помощью количественного анализа выявлены слоты с наиболее частотными наполнителями, которые представляются заданными значениями фрейма, конструируемыми дискурсом. Такие заданные значения отличаются от одного национального дискурса к другому.

В результате исследования выявились аспекты значения фрейма «толерантность» и дискурсивные стратегии, связанные с корреляцией между фреймовыми элементами и другими дискурсивными факторами (например, контекстом их употребления). Некоторые из дискурсивных стратегий мы принимаем за основные, присущие не только рассмотренной части миграционного медиадискурса. В ходе выборочного анализа источников иной политической направленности такое положение подтвердилось. Они оказывают влияние на возникновение определенного элемента фрейма в определенном месте. Иными словами, мы считаем маловероятной возможность спонтанного появления фреймового элемента вне действия той или иной дискурсивной стратегии.

Таким образом, проделанное исследование предлагает богатый потенциал для дальнейшей работы. Выбор между возможными направлениями весьма широк: обратиться к диахронической перспективе и проследить изменение значения фрейма «толерантность» в том же дискурсе, но в разные временные промежутки; рассмотреть этот же фрейм в другом виде дискурса на другую тему; исследовать другие фреймы в том же самом дискурсе, чтобы проследить действие выявленных дискурсивных стратегий в связи с ними; поставить в центр исследовательского интереса не дискурс и его механизмы, а адресата, например проанализировать мнения в блогах, комментарии к медиатекстам, провести эксперимент и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Отметим, что в данной работе мы пользуемся определением пресуппозиций У. Селларса [26]: «Предложение S имеет своей пресуппозицией предложение S' тогда и только тогда, когда *адресант верит*, что истинность S' является условием истинности или ложности S» (к слову, такого же понимания пресуппозиций придерживается и Ж. Деррида [21] в контексте теории речевых актов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубряков Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10.
2. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 37, № 35 (173). С. 142–151.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. 2-е изд. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик В.И. Языковое проявление личности / Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». М. : Гнозис, 2015. 383 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2000. 272 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.
8. Busse D., Hermanns F., Teubert W. Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungergebnisse der historischen Semantik. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1994. 298 S.
9. Wrede J. Bedingungen, Prozesse und Effekte der Bedeutungskonstruktion. Universität Duisburg-Essen : Universitätsverlag Rhein-Ruhr OHG, 2013. 358 S.
10. Ziem A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2008. 440 S.
11. Scharloth J., Eugster D., Bubenhofe N. Das Wuchern der Rhizome. Linguistische Diskurs-Analyse und Data-driven Turn // Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven / Dietrich Busse, Wolfgang Teubert (Hg.). Wiesbaden : Springer VS, 2013. S. 345–380.
12. Teubert W. Die Wirklichkeit des Diskurses // Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven / Dietrich Busse, Wolfgang Teubert (Hg.). Wiesbaden : Springer VS, 2013. S. 55–146.

13. Диденко В.В. Особенности актуализации фрейма «толерантность» в русском и американском миграционных медиадискурсах // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 14–23.
14. Ермакова О.П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 124–132.
15. Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 29–51.
16. Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 15–29.
17. Forst R. Toleranz, Gerechtigkeit und Vernunft // Toleranz. Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend / R. Forst (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2000. S. 119–143.
18. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159–262.
19. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses. München : Carl Hanser Buch Verlag, 1974. 94 S.
20. Derrida J. Limited Ink. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1988. 160 p.
21. Derrida J. Typewriter Ribbon: Limited Ink (2) // Without Alibi. Stanford, California : Stanford University Press, 2002. P. 71–160.
22. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 366 с.
23. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 310 с.
24. Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
25. Диденко В.В. Выявление валентных слотов фрейма толерантность (в немецкой, американской и русской лингвокультурах) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 5–13.
26. Sellars W. Presupposing // The Philosophical Review. № 63. P. 197–215.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 февраля 2018 г.

THE FRAME "TOLERANCE" IN RUSSIAN AND GERMAN MIGRATION MEDIA DISCOURSE: FRAME AND DISCOURSE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 5–14.
DOI: 10.17223/15617793/429/1
Veronika V. Didenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: verdi.fefu@gmail.com
Keywords: frame; discourse analysis; frame semantics; discourse semantics; tolerance; frame analysis.

This research is based on the methodological and theoretical tenets of both frame and discourse semantics. The aim is to reveal and to analyze the frame elements of the frame "tolerance" in Russian and German migration media discourse. The analysis of the frame standard values provides an access to the main discourse strategies of the discourses under study. Moreover, the combination of frame and discourse analysis allows revealing the aspects of the frame meaning and their connotation that can bring fruitful results for further research. The material used in this research consists of the so-called "virtual open text corpus". It includes 65 articles from the Russian newspapers (*Argumenty i Fakty, Moskovskiy Komsomolets,* and *Rossiyskaya Gazeta*) and 75 articles from the German newspapers (*die tageszeitung* and *Die Süddeutsche Zeitung*) of the 10 months of 2016. The frame "tolerance" is presented in this study as the structure of the frame elements constructed in media discourse. The frame elements are divided into three groups: slots, concrete fillers and standard values. For the purposes of this research, a matrix frame structure consisting of 14 slots is used. Through the analysis of explicit and implicit predications, concrete fillers are revealed. The quantitative analysis of the latter gives access to the frame standard values and, therefore, to the discourse strategies. The main results of the research concern the aspects of the frame meaning, their connotations and the discourse strategies. The study has proved that the aspects of the frame meaning ("allowance", "acceptance", "respect", "acceptance (of the other) as a value") depend on several factors, such as the style of a media text, other frame elements (concrete fillers or standard values), or particular discourse strategies. It has come out that the latter are different in Russian and in German media discourses. The main discourse strategy in the Russian discourse can be explicit as "the wrong tolerance tactic of the Europeans and the right tactic of Russia". That is why two subframes in the Russian discourse – "Russian tolerance" and "European tolerance" – are distinguished. Whereas the main discourse strategy of German media discourse concerns their own tolerance tactic: "our (previous or traditional) tolerance tactic is wrong, that is why we need a new one". The ways of working out such a new tactic differ from one newspaper to another. Analyzing the research results, the author claims that no frame element can appear without the framework of a particular discourse strategy, whereas the latter can belong either to both media discourse and some overlying discourse or only to a specific part of discourse that has been under the study.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2001) O kognitivnoy lingvistike i semantike termina "kognitivnyy" [On cognitive linguistics and semantics of the term "cognitive"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 4–10.
2. Khomutova, T.N. (2009) Nauchnye paradigmy v lingvistike [Research paradigms in linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 37:35 (173). pp. 142–151.
3. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 2nd ed. Moscow: Gnozis.
5. Karasik, V.I. (2015) Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Language manifestation of personality]. In: *Nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya "Aksiologicheskaya lingvistika"* [Research laboratory "Axiological Linguistics"]. Moscow: Gnozis.
6. Maslova, V.A. (2000) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems.
7. Boldyrev, N.N. (2001) *Kognitivnaya semantika. Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics. Course of lectures on English philology]. Tambov: Tambov State University.
8. Busse, D., Hermanns, Fund & Teubert, W. (1994) *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungergebnisse der historischen Semantik* [Conceptual history and discourse history. Methodological questions and research results of historical semantics]. Opladen: Westdeutscher Verlag.
9. Wrede, J. (2013) *Bedingungen, Prozesse und Effekte der Bedeutungskonstruktion* [Conditions, processes and effects of meaning construction]. Universität Duisburg-Essen: Universitätsverlag Rhein-Ruhr OHG.

10. Ziem, A. (2008) *Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz* [Frames and linguistic knowledge. Cognitive aspects of semantic competence]. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
11. Scharloth, J., Eugster, D. & Bubenhofe, N. (2013) Das Wuchern der Rhizome. Linguistische Diskurs-Analyse und Data-driven Turn [The proliferating rhizomes. Linguistic Discourse Analysis and Data-Driven Turn]. In: Busse, D. & Teubert, W. (eds) *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven* [Linguistic discourse analysis: new perspectives]. Wiesbaden: Springer VS.
12. Teubert, W. (2013) Die Wirklichkeit des Diskurses [The Reality of Discourse]. In: Busse, D. & Teubert, W. (eds) *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven* [Linguistic discourse analysis: new perspectives]. Wiesbaden: Springer VS.
13. Didenko, V.V. (2017) Actualizations of the frame of tolerance in Russian and American migration media discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 14–23. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/2
14. Ermakova, O.P. (2005) Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta [Tolerance and some features of the Russian mentality]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
15. Pertsev, A.V. (2005) Sovremennyy miroporyadok i filosofiya tolerantnosti [The Modern World Order and the Philosophy of Tolerance]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
16. Khomyakov, M.B. (2005) Tolerantnost' i ee granitsy: razmyshleniya po povodu sovremennoy anglo-amerikanskoy teorii [Tolerance and Its Boundaries: Reflections on the Modern Anglo-American Theory]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
17. Forst, R. (2000) Toleranz, Gerechtigkeit und Vernunft [Tolerance, Justice and Reason]. In: (ed.) *Toleranz. Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend* [Tolerance. Philosophical Foundations and Social Practice of a Controversial Virtue]. Frankfurt; New York: Campus Verlag.
18. Foucault, M. (2008) Diskurs i istina [Discourse and Truth]. Translated from French. *Logos*. 2 (65). pp. 159–262.
19. Foucault, M. (1974) *Die Ordnung des Diskurses* [The Order of Discourses]. Translated from French. Munich: Carl Hanser Buch Verlag.
20. Derrida, J. (1988) *Limited Ink*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
21. Derrida, J. (2002) *Without Alibi*. Stanford, California: Stanford University Press. pp. 71–160.
22. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. Moscow: Progress.
23. Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. Translated from French. Moscow: Smysl.
24. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uch. godu* [The Birth of Biopolitics: a course of lectures given at the Collège de France in 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.
25. Didenko, V.V. (2017) Revealing of potential slots of the frame tolerance (in German, American and Russian linguocultures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/1
26. Sellars, W. (1954) Presupposing. *The Philosophical Review*. 63. pp. 197–215.

Received: 02 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 15–27. DOI: 10.17223/15617793/429/2

УДК 81'373.211.1

Н.Г. Кузнецова, С.Л. Васильева, И.Е. Зайцева

ТИПОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена исследованию наименований сельских поселений в английском, немецком, французском и русском языках. Определяется номенклатура сельских поселений в четырех языках; проводится дифференциация их наименований в зависимости от размера поселений, их функций и типа застройки; описывается соотношение указанных терминов в рамках соответствующих терминологических полей в разных языках, а также реализуется сопоставительный анализ терминологических единиц на основе выявления межъязыковых соответствий разного уровня.

Ключевые слова: наименования сельских поселений в Великобритании, Германии, Франции и России; дифференциация сельских поселений; терминологическое поле; межъязыковые соответствия; перевод терминов; эквиваленты.

В последние десятилетия возрос интерес лингвистов к проблеме изучения терминов с позиций перевода иноязычных текстов. Именно термины как ключевые единицы специального текста определяют его информационное содержание, организуют, структурируют и кодируют информацию, поэтому применительно к ним вопрос о возможности достижения эквивалентности при существовании различий кодовых единиц встает наиболее остро [1. С. 103; 2. С. 171].

Объектом исследования в данной статье выступают наименования сельских поселений в английском (Великобритания), немецком (Германия), французском (Франция) и русском языках (РФ), используемые в текстах архитектурно-градостроительной проблематики. Подразделение поселений (населенных пунктов) на городские и сельские носит универсальный характер и последовательно проводится во всех государственных образованиях. Термины «городское поселение», «сельское поселение» используются, с одной стороны, в градостроительной практике для регулирования земельных правоотношений, с другой стороны, в административном праве для регулирования отношений по организации местного самоуправления на территории государства. Если «городское поселение», «сельское поселение» являются только терминами, то наименования поселений, входящих в обе группировки, относятся также к реалиям и отражают культурные и исторические особенности жизни того или иного народа [3. С. 89]. В то же время, будучи терминами, наименования поселений в каждом языке стремятся к моносемии. Отсюда термины в рамках рассматриваемого семантического поля в любом контексте соотносятся только с одним понятием, с одним объектом.

Для перевода наименований сельских поселений двуязычные словари обычно приводят более или менее подходящие функциональные эквиваленты, которые несут ограниченный объем информации. Очевидно, что словарное соответствие не дает правильного представления о такой лексической единице, поскольку за аналогичными терминами в разных языках стоят разные понятия или разный объем значения близких по смыслу понятий [4. С. 41].

Для понимания таких реалий и их адекватного перевода в статье:

– определена номенклатура сельских поселений Великобритании, Германии, Франции и Российской Федерации на основании материалов по так называемой географии поселений (англ. *settlement geography*, нем. *Siedlungsgeographie*, франц. *géographie de l'habitat*);

– сделаны развернутые описания терминологических единиц по языкам, отсутствующие, в том числе, и в одноязычных толковых словарях, что позволяет выявить сходства и различия между типами сельских поселений Великобритании, Германии, Франции и России, нашедшими отражение в соответствующих наименованиях;

– исследованы отношения между номенклатурными единицами в рамках соответствующего терминологического поля каждого из четырех языков;

– рассмотрена межъязыковая соотнесенность соответствующих терминов и обозначаемых ими понятий для анализируемых языков (эквиваленты, аналоги, описательный перевод).

1. Основные типы сельских поселений Великобритании и их наименования. К сельским поселениям в странах Европы в настоящее время относят поселения в сельской местности. Когда-то действовавшее определение сельских поселений как мест, где население занимается преимущественно сельскохозяйственным трудом, признано в Европе устаревшим ввиду того, что поселения такого рода нередко используются не по своему прямому назначению, а как места отдыха и туризма [3. С. 89; 5–7]. Как и в странах континентальной Европы, под сельскими поселениями в Великобритании понимают сегодня поселения в сельской местности, которая называется *countryside (country)* [8]. И здесь сельскохозяйственная функция сельских поселений перестает быть актуальной, поскольку сельская местность становится все чаще местом отдыха и туризма [9]. Широкое распространение получает в Великобритании также миграция городского населения в сельскую местность, обусловленная стремлением к тихой, спокойной жизни вдали от городского шума. Согласно данным географии поселений (*settlement geography*) большинство, а именно две трети, территории Великобритании занимают сельские поселения, в которых проживают 9,3 млн жителей, что составляет 17,0% населения страны [10].

К базовым типам сельских поселений Великобритании относятся (*rural*) *town, village, hamlet, isolated dwelling.* Данные наименования сельских поселений являются, прежде всего, носителями информации о количестве проживающих в них жителей.

Сельские поселения с числом жителей от 10 000 до 30 000 называются *rural towns*. Если исторически англ. *town* обозначал огороженную землю со зданиями (соответствует франц. *ville "farm"*), затем – сельское поселение, большее по размеру, чем *village,* то в настоящее время *town* может обозначать как крупные поселения-города, так и поселения промежуточного типа, которые уже не относятся к *village*, но и не достигли размеров полноценных городов [11]. Именно такими поселениями являются *rural towns*. Среди *rural towns* различают:

– *market town* – центр рыночной торговли: термин применяется со времен Средневековья к поселениям в сельской местности с правом ведения рыночной торговли, которое отличало эти поселения от обычных сел;

– *hub town* – деловой центр: относительно новый термин, который постепенно вытесняет термин *market town,* что связано с расширением функций центров рыночной торговли. Основным родом деятельности населения *hub towns* и *market towns* являются сегодня торговля, бизнес и сфера услуг, которыми обеспечиваются и в которые вовлекаются в том числе и ближайшие сельские поселения [8].

Сельское поселение *village* насчитывает в Великобритании от 50 до 1 000 жителей, оно имеет церковь и концентрируется в бóльшей степени на ведении сельского хозяйства, хотя последнее уже не является обязательной функцией поселения [12].

Hamlet представляет собой мелкое сельское поселение при более крупном (*village, town*) с числом жителей от 30 человек, не имеющее собственной церкви [Там же].

Isolated dwellings являются самыми мелкими сельскими поселениями, состоящими из одного-двух домохозяйств, находящимися вдали от других поселений; к таким поселениям относятся:

– *homestead / farmstead* – фермерское (крестьянское) хозяйство со всеми зданиями, постройками и угодьями;

– *estate* – поместье, имение: застроенная территория, принадлежащая одной семье или организации и использующаяся для выращивания скота или зерновых [13]. Лексема *estate* в словосочетаниях может расширять свое значение и обозначать уже не просто поместье, а поселок (*housing (building) estate*) или микрорайон;

– *castle* – зáмок: большое здание или группа зданий, укрепленных от нападения толстыми крепостными стенами и во многих случаях рвом, обычно резиденция одной знатной семьи. Вокруг замка может располагаться небольшое поселение – *bourg,* жители которого пользовались в Средневековье защитой стен замка и вели торговлю (ср. соответствие нем. *Burgflecken (m)*) [12];

– *manor (house)* – занимает промежуточное положение между *castle* и *farmstead* и представляет собой поместье с сельскохозяйственными угодьями, которое может иметь укрепления в виде рва и высоких стен, призванные защищать скорее от воров, чем от нападения врагов.

Самые мелкие сельские поселения Великобритании могут иметь функциональную дифференциацию: *vineyard* – виноградарское хозяйство, занимающееся выращиванием виноградников и производством вина; *winery* – винодельческое хозяйство (Англия и Уэльс являются главными винодельческими регионами Великобритании); *sheepfarm* – овцеферма и т.п.

1.1. Наименования сельских поселений Великобритании, отражающие тип застройки территории. По типу застройки территории все сельские поселения Великобритании делятся на две большие группы: *compact settlements* (поселения компактной застройки) и *dispersed settlements* (поселения диффузной застройки) [14].

1.1.1. Наименования сельских поселений компактной застройки. К поселениям компактной застройки относятся:

– *nucleated (=clastered) settlements* – поселения регулярной компактной планировки, имеющие прямоугольную форму (*rectangular pattern*), дома которых расположены достаточно близко друг к другу, а все сельскохозяйственные угодья находятся вокруг поселения в непосредственной близости к нему (*open field system*). Жители имеют в этих угодьях свои земельные наделы, которыми владеют на основе права собственности или аренды. К поселениям данного типа застройки относятся как *village*, так и *hamlet*. В центре такого поселения может располагаться церковь, если это более крупное сельское поселение (*village*), или другие общественно значимые здания, если это более мелкое поселение (*hamlet*), где церковь обычно отсутствует. В некоторых поселениях данного типа в центре, рядом с церковью, находится лужайка с небольшим прудом (*village green*), которая традиционно использовалась для выпаса скота, а в настоящее время представляет собой небольшую парковую зону. Субкатегорией *nucleated (= clastered) settlements* являются *planned villages, planned hamlets,* преднамеренно созданные землевладельцами в соответствии с градостроительной политикой местных или центральных органов власти;

– *linear settlements* (*linear (= chain) villages, linear hamlets*) – поселения линейной застройки, которые группируются вдоль транспортных путей (дороги, реки, дамбы), обеспечивающих возможность передвижения и коммуникации с соседними поселениями и городами. Все сельскохозяйственные угодья поселения находятся за домами, расположенными в одну линию вдоль транспортного пути. К поселениями данного типа застройки относятся как *village*, так и *hamlet*. Разновидность поселений линейной застройки *ribbon-built villages* – своего рода продолжения городов, где строительство домов осуществлялось по маршрутам сообщений, исходящих из населенного пункта (*town*). Иногда *linear settlements* рассматривают как самостоятельный тип застройки территории, который противопоставляется *nucleated (=clastered) settlements* и *dispersed settlements* [12; 15; 16. С. 240].

1.1.2. Наименования сельских поселений диффузной застройки. К поселениям диффузной застройки *dispersed settlements* (= *scattered settlements*) относятся *dispersed villages,* не имеющие определенной структуры и формы, дома в которых рассеяны на холмистой местности, и более мелкие *dispersed hamlets,* представляющие собой объединенные под общим названием *isolated dwellings* поселения нескольких фермеров. В силу того, что все фермерские постройки и сельскохозяйственные угодья, включая пастбища для скота и поля, находятся вокруг каждой фермы, последние оказываются «разбросанными» по территории и достаточно удаленными друг от друга. Такие поселения имеют открытую форму застройки территории без фактического ядра. Данный тип поселений наиболее распространен в Великобритании в графствах Кент и Эссекс [14; 17. С. 54]. Для описания типа ландшафта с рассредоточенными поселениями *(dispersed settlements)* иногда используется французский термин *bocage* (см. далее).

Промежуточным звеном между сельскими поселениями компактной и диффузной застройки являются поселения смешанной застройки *(mixed villages)*, состоящие из компактно застроенного ядра – *village* с несколькими *hamlets* вокруг него. Подобные поселения встречаются как в холмистой местности, так и на равнине [18].

2. Основные типы сельских поселений Германии и их наименования. К базовым типам сельских поселений Германии относятся *Markt (m)*, *Dorf (n), Weiler (m)* и *Einzelsiedlung (f)* [3. С. 89].

Наименования сельских поселений Германии являются главным образом носителями информации о количестве в поселении домохозяйств. Термином *Dorf (n),* имеющим универсальное распространение на территории государства, называются групповые поселения в сельской местности, насчитывающие более 20 дворов (в Баварии более 10). Поселения типа *Dorf (n)* всегда имеют компактную застройку, одну-две церкви и одну-две гостиницы.

Более мелкие групповые поселения с количеством домохозяйств от 3 до 20 (в Баварии, соответственно, до 10), находящиеся на небольшом удалении от более крупного сельского поселения, называются в зависимости от региона *Weiler (m)* (Юго-Западная Германия), *Bauerschaft (f)* (Северо-Западная Германия: Нижняя Саксония, Вестфалия), *Honnschaft (f) (Honschaft, Hunnschaft, Hundschaften, Hondschaft)* (Нижний Рейн, Северный Рейн-Вестфалия), *Zinken (m)* (Баден), *Drubbel (m)* (прежде всего Вестфалия, а также Мекленбург-Передняя Померания, Бавария, Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц), *Hofschaft (f)* (Северный Рейн-Вестфалия, Бергишес Ланд). Такие поселения имеют открытую диффузную застройку, в них отсутствуют здания с центральной функцией (т.е. церковь или гостиница).

Самые мелкие сельские поселения, состоящие из одного-двух домохозяйств, называются *Einzelsiedlung (f), Einzelgehöft (n), Einöde (f), Einödshof (m), Einschicht (f)* (три последних наименования распространены на юге Германии, в Баварии). Такие поселения представляют собой прежде всего фермы *(Bauernhof (m))*, а также мельницы *(Mühle (f)),* постоялые дворы *(Gasthof (m))* и т.п., которые находятся на некотором удалении от более крупного сельского поселения [19. С. 406, 409].

Крупные поселения в сельской местности с разделением труда, выполняющие начиная со Средневековья отдельные функции городов (прежде всего организация рыночной торговли), называются в южной Германии, особенно в Баварии, *Markt (m),* в северной Германии, прежде всего в Саксонии, *Flecken (m)* или *Marktflecken (m).* В отличие от городов такие поселения были в Средние века окружены не крепостной стеной, а только палисадом – стеной из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых на 1/3 своей длины в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусьями или связанных шипами, сквозным прогоном или пришивным брусом. Как и в городах, в таких поселениях были входные ворота [Там же. С. 515–516, 990; 3. С. 89].

2.1. Названия сельских поселений Германии, отражающие тип застройки территории. Для передачи информации о типе застройки территории групповых сельских поселений типа *Dorf (n)* и, опосредованно, о форме и расположении в них земельных участков, что является значимым в градостроительном плане, в Германии существует ряд наименований поселений, представляющих собой композиты. Застройка сельских поселений типа *Dorf (n)* подразделяется на регулярную (компактную) и нерегулярную (компактную, диффузную). Регулярная компактная застройка реализуется как линейная и круговая (полярная, ядерная) [3. С. 89].

2.1.1. Наименования сельских поселений линейной застройки. Линейную застройку представляют поселения с родовым названием *Reihendorf (n) (=Hufendorf (n)).* В случае линейной застройки территории дома́ поселения располагаются на одной линии – вдоль дороги, реки или какой-либо складки местности, – причем обычно только на одной стороне. Регулярная линейная застройка всегда является открытой. К поселениям линейной застройки относятся:

– *Hagenhufendorf (n)(= Bachhufendorf (n), Hagenhufensiedlung (f), Hägerhufensiedlung (f))* – поселение вдоль дороги, идущей параллельно ручью или речке, при этом застроена только одна сторона дороги, а на противоположной стороне улицы находятся земельные наделы;

– *Waldhufendorf (n)* – поселение вдоль просеки в лесистой местности, которое возникло в результате вырубки леса и раскорчевки;

– *Marschhufendorf (n)* – поселение вдоль водоотводных каналов или рвов в болотистой местности;

– *Straßendorf (n)* – изначально поселение вдоль трассы, дома которого располагались по обе ее стороны, были обращены фасадами друг к другу и выходили окнами на улицу. В настоящее время основу планировки такого поселения могут составлять уже несколько улиц, под разными углами перекрещивающиеся друг с другом. Ответвления от основной дороги нередко заканчиваются тупиками. Если трасса, вдоль

которой располагались *Straßendorf (n),* прерывалась из-за какого-либо естественного препятствия или сужалась, получалась *Sackgassendorf (n) (1)* или *Wegedorf (n)* соответственно [19].

К поселениям линейной застройки примыкает *Zeilendorf (n)* – поселение вдоль дороги, которое состоит из одного единственного ряда домов и отличается небольшими размерами. Формально такое поселение может рассматриваться и как поделенная вдоль пополам *Straßendorf (n)* или *Angerdorf (n)* (см. далее) [Там же. С. 1235, 1480; 3. С. 89].

2.1.2. Наименования сельских поселений круговой (полярной, ядерной) застройки. В случае круговой (полярной, ядерной) застройки территории сельского поселения его дома располагаются вокруг центра – площади (отсюда родовое понятие для таких поселений *Platzdorf (n)*) [3. С. 90]. Застройка обычно является закрытой. К поселениям данной застройки относятся:

– *Rundling (m) (= Runddorf(n), Rundlingsdorf (n), Rundplatzdorf (n))* – поселение, в котором подворья в форме клиньев или секторов сгруппированы вокруг круглой или овальной центральной площади. Если въезд в такое поселение застраивался по обе стороны дороги домами, то получалась *Sackgassendorf (n)(2)* с тупиком в виде подковы [19];

– *Wurtendorf (n) (= Warftendorf (n), Wurft (f), Wurt (f))* – поселение на искусственно возведенном холме из земли (так называемые *Warft, Warf, Werfte, Worth, Wurt, Terpe* или *Wierde (f))* круглой или овальной формы для защиты от нападения врагов или от наводнений. В таких поселениях в центре находится водосборник типа пруда для дождевой воды *(Fething (m)),* из которого жители берут воду для скота [Там же. С. 110, 1277];

– *Angerdorf (n)* – поселение с застройкой вокруг центральной территории, которая находится в собственности сельской общины и обычно используется для выпаса скота (*Anger (m)* = луг, пастбище). Эта территория имеет, как правило, форму линзы или глаза, но может иметь и другие формы. Проходящая через поселение дорога разветвляется у центральной территории на две, обходя ее с двух сторон, а затем снова сливается в одну. В отличие от вышеназванных разновидностей круговых поселений *Angerdorf (n)* может иметь и открытую застройку;

– *Rechteckplatzdorf (n)* – поселение с домами вокруг центральной площади, имеющей прямоугольную или квадратную форму.

С конца XVIII в. на территориях с немецкоязычным населением появляются сельские поселения с застройкой по геометрическому плану, предшественником таких поселений является *Schachbrettdorf (n)* – сельское поселение с застройкой территории по типу шахматной доски [20].

2.1.3. Наименования сельских поселений нерегулярной застройки. Нерегулярную компактную (кучевую) застройку, которая всегда является закрытой, представляет *Haufendorf (n)* – поселение с земельными наделами и усадьбами разных размеров, окруженными заборами. Территория такого поселения имеет ядро *(Dorfkern (m))*, индивидуальные земельные наделы *(Ackerflur (f))* и территорию совместного землепользования *(Allmende (f)).*

К поселениям нерегулярной диффузной застройки, которая всегда является открытой, относится поселение *Streusiedlung (f) (= Verstreute Häuser, Einzelhofsiedlung (f))*, объединяющее под одним названием территорию с достаточно далеко отстоящими друг от друга крестьянскими усадьбами (*Bauernhof (m)*), очень мелкими сельскими (*Einzelsiedlung (f)*) или мелкими сельскими поселениями (*Weiler (m)*). Поселение *Streusiedlung (f)* единого центра (*Ortskern (m)*) не имеет. Нерегулярную диффузную застройку имеет также *Weiler (m)* [2. С. 90; 19. С. 669, 1485; 21; 22].

3. Основные типы сельских поселений Франции и их наименования. К базовым типам сельских поселений Франции относятся *bourg (m), bourgade (f), bastide (f) village (m), hameau (m), écart (m), ferme (f), château (m)* и *manoir (m).* Наименования сельских поселений Франции являются, прежде всего, носителями информации о функциях поселений и лишь опосредованно – об их размерах [3. С. 90].

Bourg (m) представляет собой крупное поселение регулярной компактной застройки с некоторыми функциями городов (прежде всего, организация рыночной торговли), где помимо сельскохозяйственных работников проживают ремесленники, торговцы и где имеются государственные службы, такие как почта и муниципалитет. Поселение обычно имеет церковь, а в средние века всегда имело укрепления – крепостные стены, которые отчасти сохранились. В настоящее время *bourg (m)* является административным центром коммуны, в которую могут входить несколько *villages* и *hameaux.*

На юге Франции укрепленные сельские поселения с правом ведения рыночной торговли получили название *bastide (f)* (русск. *бастида*). К характерным чертам таких поселений относятся: расположение на скале, вершине горы или холме; прямоугольная планировка с решетчатой сетью улиц, которая формировалась под влиянием плана римского военного лагеря; наличие центральной квадратной площади, окаймленной домами с аркадами.

Bourgade (f) является сельским поселением, где также имеется рынок, но меньшим, чем *bourg (m)* и *bastide (f),* дома которого значительно отстоят друг от друга. В отличие от *bourg (m)* и *bastide (f)* это сельское поселение было и остается неукрепленным.

Village (m) представляет собой групповое поселение в сельской местности регулярной или нерегулярной компактной застройки, население которого занимается прежде всего сельскохозяйственным трудом, а основные услуги предоставляются в минимальном объеме. По размерам *village (m)* может приближаться к *bourg (m)* [23].

Hameau (m) представляет собой мелкое изолированное поселение нерегулярной диффузной застройки, состоящее из нескольких домохозяйств (но может быть и из одного), расположенное вне главного населенного пункта коммуны. Такое поселение, в отличие от вышеперечисленных, не имеет церкви, его определяющими элементами обычно являются фермы (*ferme (f)). Écart (m)* также является мелким изолированным населенным пунктом, состоящим из 3–4 домохозяйств, но

более удаленным от административного центра коммуны, к которой относится, чем *hameau (m)* [23–25].

К самым мелким поселениям в сельской местности *(habitat isolé (m))*, которые состоят из одного-двух домохозяйств, изолированных от более крупного сельского поселения, относятся *ferme (f) (= mas (m))*, *château (m)* и *manoir (m). Ferme (f)* представляет собой усадьбу – изолированное поселение из одного или нескольких строений со всеми угодьями. На юге Франции соответствующее поселение называется *mas (m)*. Ферма, сдаваемая в аренду, называется *métairie (f)*. Усадьбы, где занимаются разведением винограда и производством вин, называются *château (m)* (хотя *château (m)* обычно обозначает имение с за́мком / сельским домом и прилегающими к нему угодьями). *Manoir (m)* представляет собой поместье, занимающее промежуточное положение между *ferme (f)* и *château (m)*.

Объединение под общим названием нескольких достаточно далеко отстоящих друг от друга крестьянских усадьб *(ferme (f))* или нескольких мелких сельских поселений *(hameau (m))* называется *habitat dispersé (m)* – поселением нерегулярной диффузной застройки [26, 27].

По распространению типов сельских поселений территория Франции может быть разделена на две зоны: северо-восточную, зону крупных деревень – *villages*, к которым непосредственно примыкают обрабатываемые поля, где дома стоят близко друг к другу и каждый дом располагается на одном из концов парцеллы, которые, как правило, не разделяются оградой (система открытых полей *(d'open field)*), и юго-западную, территорию малодворных поселений: *hameaux, fermes* и *châteaux* с системой бокаж/живой изгороди (*structures de bocage*). В юго-западной зоне характерной чертой крестьянской усадьбы является ограда (*clôture (f)*), тип которой варьирует по областям: это либо полоса зелени (живая изгородь), либо земляная насыпь, либо стена из камней. Живые изгороди – искусственные насаждения из деревьев, посаженных в линию, часто близко друг к другу, образующие рощи, так называемые *bocage (m)*, – встречаются в Нормандии в Восточной Бретани, Мен, Анжу, Вандее, Лимузене, а также в северных отрогах Альп [3. С. 90].

3.1. Названия сельских поселений Франции, отражающие тип застройки территории. Сельские поселения типа *village* (*m*) различаются по типу застройки территории и подразделяются в зависимости от способа организации пространства на четыре основных типа:

– *village circulaire (village rond) (m)* – сельское поселение регулярной компактной застройки, где дома расположены вокруг центрального общественно значимого объекта. Разновидностью *village circulaire (m)* выступает *village à place centrale (m),* где главная магистраль разветвляется у центральной площади, обходя ее с двух сторон, а затем снова сливается в одну. Если из *village circulaire (village rond) (m)* выходит несколько дорог, наличие которых обусловлено хозяйственными связями, то поселение имеет радиальную (*structure rayonnante sur un anneau)* или звездообразную форму (*structure rayonnante sur un point).* Поселение с улицами, расходящимися лучами из центра, называется *village-étoile (m);*

– *village linéaire (villages long) (m)* (= швейц. *village linéaire horizontale)* – сельское поселение регулярной компактной застройки, имеющее значительную протяженность, где дома расположены вдоль наземного или водного пути и обычно на одной его стороне. Разновидностью данной формы застройки является *village-cours (m)* со строениями вдоль русла реки. Развитием *village linéaire (m)* выступает *village-rue (m),* где дома располагаются вдоль главной улицы, но уже с двух ее сторон напротив друг друга;

– *village en tas (village masse´s)(m)* (= швейц. *village aggloméré (ou agglomérat))* – сельское поселение нерегулярной компактной (кучевой) застройки, где жилые строения нагромождены без какого-либо видимого порядка;

– *village à plan géométrie (m)* – сельское поселение регулярной компактной застройки в соответствии с геометрическим планом, где дорожные пути перекрещиваются под прямым углом, образуя квадратную сетку. Такую структуру застройки имеют и бастиды [3. С. 91; 28. С. 34–36; 29. С. 12].

4. **Основные типы сельских поселений Российской Федерации и их наименования.** В РФ главным признаком, отличающим городское поселение от сельского, остается характер занятости населения. Городскими считаются поселения, где бóльшая часть жителей работает в промышленности и сфере услуг, сельскими – в сельском хозяйстве [30. С. 46–48].

Основными типами сельских поселений РФ являются *село* и *деревня*, данные наименования получили на территории государства универсальное распространение. Прочие наименования сельских поселений либо имеют территориально-ограниченное распространение (например, *аул* (Кавказ), *стойбище* (Приамурье, Сахалин), *улус* (Бурятия, Якутия) и т.д.), либо являются историческими (например, *посад, станица, слобода*). Такой тип поселения, как *поселок*, классифицируется в зависимости от характера занятости населения (поселок городского типа, поселок сельского типа). Поселки обычно располагаются в непосредственной близости от городов и имеют тенденцию вливаться в последние.

Село представляет собой большой населенный пункт в сельской местности, *деревня* – населенный пункт значительно меньших размеров и считается большой, если количество дворов в ней превышает 30. Мелкие же деревни по своим размерам не отличаются от большого хутора. Главным отличием деревни от села в канонической топонимике России считается отсутствие в деревнях церкви, однако в настоящее время это уже не является правилом. Деревню от села можно отличить также по наличию улиц. В деревнях обычно имеется одна улица, по обеим сторонам которой расположены жилые строения. Села имеют несколько улиц, школу, сельсовет, магазины, почтовое отделение и являются административными и хозяйственными центрами для ближних деревень. Тем не менее четких разграничений между селом и деревней в РФ, очевидно, уже более не существует.

Дифференциация сельских поселений по типу застройки территории в РФ отсутствует. Села и деревни в допетровские времена имели традиционно линейную компактную застройку и располагались вдоль

почтовых трактов. Для сел, планировка которых осуществлялась в 1830–1845 гг., характерна регулярная композиция плана: все улицы прямолинейны, пересекаются под прямыми углами. В настоящее время в селах применяют компактный тип застройки в виде жилых кварталов. Прежнее линейное расположение строений вдоль транспортной магистрали признано нерациональным из-за большой протяженности села, что затрудняет культурно-бытовое обслуживание и санитарно-техническое благоустройство.

К мелким и очень мелким изолированным сельским поселениям РФ относятся *хутор* (юг России), *заимка* (Сибирь), *мыза* (Ленинградская область), которые обычно имеют нерегулярную (компактную, реже диффузную) застройку и по размеру (мелкие / очень мелкие) не дифференцируются [3. С. 91].

5. Терминологическое поле «сельские поселения» в английском, немецком, французском и русском языках. Как известно, терминология любой отрасли знания представляет собой систему, состоящую из подсистем и микросистем, которые включают терминологические поля и терминологические гнезда. В терминологическое поле объединяются единицы на основе их смысловых отношений, т.е. по наличию общих компонентов в плане содержания [31. С. 84]. Наименования сельских поселений в каждом языке объединяются в рамках терминологического поля (терминополя) «сельские поселения», поскольку имеют семантическую общность и единую функцию, выполняемую в языке. Базовые наименования сельских поселений относятся к ядерным компонентам данного терминополя, они обязательны и доминантны для него, осуществляют его главную функцию и имеют полный набор признаков, определяющих это объединение. Базовые наименования сельских поселений выступают гипонимами по отношению к гипероним «сельское поселение».

Терминополе «сельские поселения» имеет в английском, немецком и французском языках горизонтально-вертикальную организацию, в русском языке – горизонтальную. Горизонталь представляет собой совокупность разнородных номинаций: ядерных, базовых наименований сельских поселений; вертикаль, отражающая гиперонимо-гипонимические отношения, имеет место в тех случаях, когда базовые термины (гиперонимы) имеют те или иные разновидности (гипонимы). При наличии в семантической структуре всех наименований сельских поселений архисемы поля «сельские поселения» они отличаются набором дополнительных сем конкретного содержания, классификационно более низкого порядка, отличающихся от языка к языку.

Хотя и считается, что «идеальный термин» не должен иметь синонимов, среди наименований сельских поселений нередко встречается явление изосемии, при котором наблюдается существование территориально ограниченных параллельных синонимов. Подобные синонимы могут рассматриваться как терминологические дублеты, которые объединяются соотнесенностью с одним и тем же научным понятием и объектом действительности. Терминологические единицы поля «сельские поселения» находятся в антонимических отношениях с терминологическими единицами поля «городские поселения».

Проведенный анализ позволяет установить различия в количественном составе терминологического поля «сельские поселения» по языкам, что указывает на различия во взаимоотношениях между конституентами.

Терминологическое поле «сельские поселения» в английском языке состоит из следующих конституентов:

(1) *(rural) town* гипероним – крупное групповое поселение с функциями городов (здесь и далее имеются в виду относительные размеры: *(rural) town > village > hamlet > isolated dwelling)*; гипонимы *market town,* (>) *hub town*;

(2) *village* гипероним – групповое поселение средних размеров с дифференциацией по типу застройки территории, население которых изначально занималось (и отчасти занимается и сейчас) сельскохозяйственным трудом; гипонимы *nucleated (= clastered) village, linear village, dispersed village*;

(3) *hamlet* гипероним – мелкое групповое поселение при более крупном с дифференциацией по типу застройки территории; гипонимы *nucleated (= clastered) hamlet, linear hamlet, dispersed hamlet*;

(4) *isolated dwelling* гипероним – очень мелкое изолированное поселение усадебного типа; гипонимы *farmstead (=homestead), estate, castle, manor (house);*

(5) *dispersed settlement* гипероним – рассредоточенное поселение; гипонимы *dispersed village, dispersed hamlet* (схема 1).

Терминологическое поле «сельские поселения» в немецком языке состоит из следующих конституентов:

(1) *Markt (m)* – крупное групповое поселение с функциями городов (*Markt (m) ≥ Dorf (n) > Weiler (m) > Einzelsiedlung (f))*;

(2) *Dorf (n)* гипероним – крупное и среднее групповые поселения с дифференциацией по типу застройки территории, население которых изначально занималось (и отчасти занимается и сейчас) сельскохозяйственным трудом; гипонимы *Reihendorf (n), Platzdorf (n), Haufendorf (n);* гипероним *Reihendorf (n):* гипонимы *Hagenhufendorf (n), Waldhufendorf (n); Marschhufendorf (n)*; *Straßendorf (n)*; *Zeilendorf (n);* гипероним *Platzdorf (n):* гипонимы *Rundling (m), Angerdorf (n), Wurtendorf (n), Rechteckplatzdorf (n)*;

(3) *Weiler (m)* – мелкое групповое поселение при более крупном, имеющее нерегулярную диффузную застройку;

(4) *Einzelsiedlung (f)* гипероним – очень мелкое изолированное поселение усадебного типа; гипоним *Bauernhof (m);*

(5) *Streusiedlung (f)* – территория нерегулярной диффузной застройки, объединяющая под общим названием достаточно далеко отстоящие друг от друга крестьянские усадьбы, очень мелкие поселения усадебного типа и / или мелкие изолированные поселения, состоящие из нескольких домохозяйств, рассредоточенное поселение (схема 2).

Терминологическое поле «сельские поселения» во французском языке состоит из следующих конституентов:

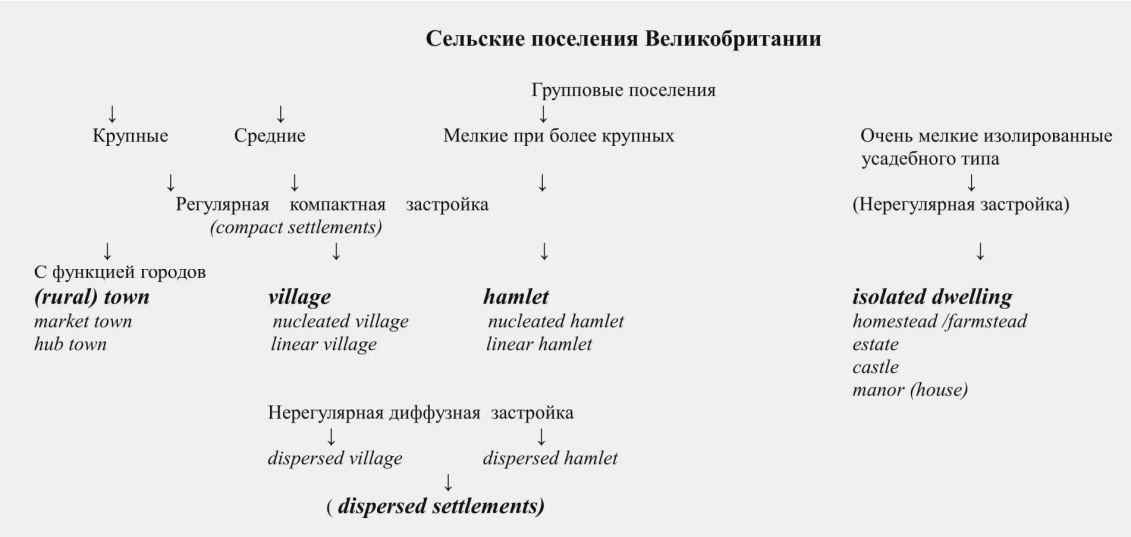

Схема 1

Схема 2

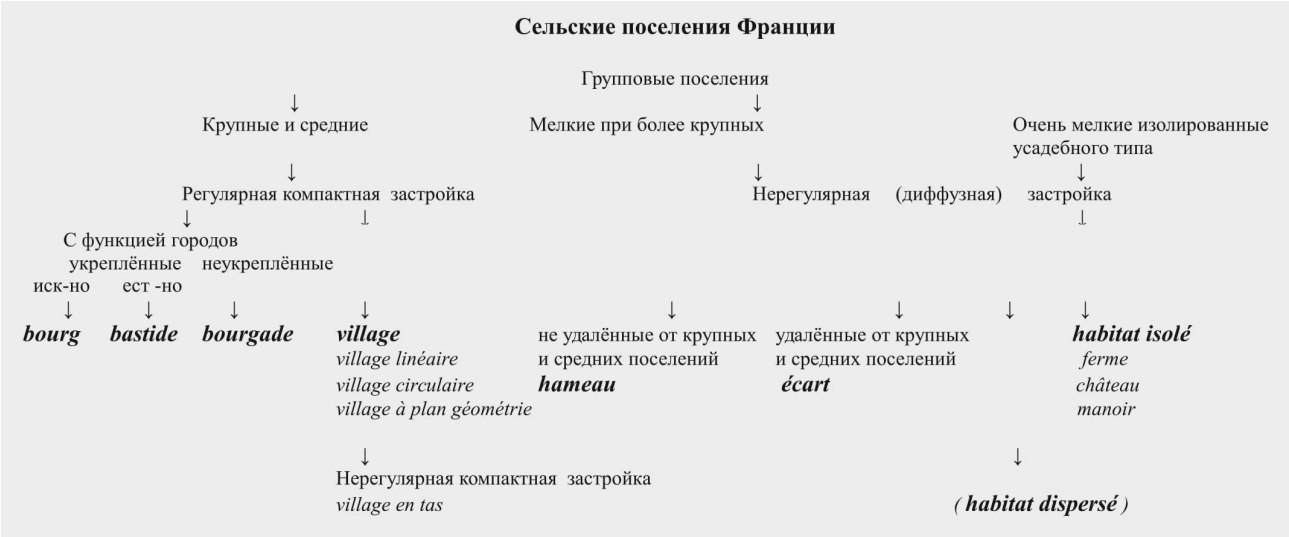

Схема 3

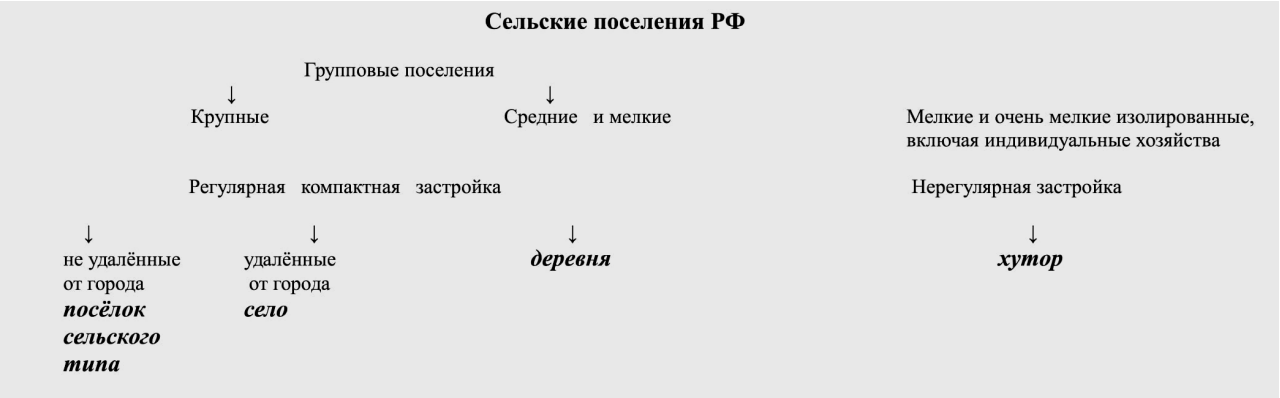

Схема 4

(1) *bourg (m)* – крупное групповое искусственно укрепленное (крепость) поселение с функциями городов *(bourg (m), bastide (f) > bourgade (f) ≤ village (m) > hameau (m), écart (m) ≥ habitat isolé (m))*;

(2) *bastide (f)* – крупное групповое естественно укрепленное (расположение на скале, вершине горы или холме) поселение с функциями городов;

(3) *bourgade (f)* – групповое неукрепленное поселение средних размеров с функциями городов;

(4) *village (m)* гипероним – крупное и среднее групповое поселение с дифференциацией по типу застройки территории, население которых изначально занималось (и отчасти занимается и сейчас) сельскохозяйственным трудом; гипонимы *village circulaire (m), village linéaire (m), village en tas (m), village à plan géométrie (m)*; гипероним *village circulaire (m)*: гипонимы *village à place centrale (m), village-étoile (m)*; гипероним *village linéaire (m)*: гипонимы *village-cours (m), village-rue (m)*;

(5) *hameau (m)* – мелкое групповое поселение, незначительно удаленное от более крупного, имеющее нерегулярную диффузную застройку;

(6) *écart (m)* – мелкое групповое поселение, значительно удаленное от более крупного, имеющее нерегулярную диффузную застройку;

(7) *habitat isolé* гипероним – очень мелкое изолированное поселение усадебного типа; гипонимы *farm (f), château (m), manoir (m)*;

(8) *habitat dispersé (m)* – территория нерегулярной диффузной застройки, объединяющая под общим названием достаточно далеко отстоящие друг от друга крестьянские усадьбы, очень мелкие поселения усадебного типа и / или мелкие изолированные поселения, состоящие из нескольких домохозяйств, рассредоточенное поселение (схема 3).

Терминологическое поле «сельские поселения» в русском языке состоит из следующих конституентов:

(1) *село* – крупное (*село, поселок сельского типа > деревня ≥ хутор*) групповое поселение, достаточно удаленное от города, без дифференциации по типу застройки территории, которая является стандартной (изначально линейная застройка, далее застройка в соответствии с геометрическим планом, затем поквартальная застройка);

(2) *поселок сельского типа* – крупное групповое поселение, находящееся обычно в непосредственной близости к городу;

(3) *деревня* – среднее и мелкое групповое поселение без дифференциации по типу застройки территории, которая является стандартной (линейная застройка);

(4) *хутор* – мелкое и очень мелкое изолированное поселение усадебного типа (схема 4).

Количественные различия терминологического поля «сельские поселения» по языкам обусловлены различиями в номинации, в рамках которой поразному определялись и, соответственно, обозначались значимые с точки зрения их роли в общественной жизни поселения-объекты:

– В Великобритании, Франции и Германии имеются специальные наименования для сельских поселений с функциями городов (прежде всего, организация рыночной торговли: англ. *market town*, нем. *Markt (m)*), которые во Франции дополнительно подразделяются на искусственно укрепленные (франц. *burg (m)*), естественно укрепленные (франц. *bastide (f)*) и неукрепленные (франц. *burgade (f)*) поселения такого типа.

– В Германии и Франции групповые сельские поселения без права ведения рыночной торговли не дифференцируются по параметру крупные / средние: и крупные, и средние групповые сельские поселения называются там одинаково (нем. *Dorf (n)*, франц. *village (m)*). В Великобритании к крупным поселениям относится *(rural) town*, к средним – *village*; в РФ к крупным поселениям относятся *село*, *поселок сельского типа,* к средним и мелким поселениям – *деревня*. При этом крупные сельские поселения разграничиваются по удаленности от городов: *село* – крупное групповое поселение, достаточно удаленное от города; *поселок сельского типа* – крупное групповое поселение, находящееся обычно в непосредственной близости к городу.

– В Германии и Франции выделяются крупные и средние групповые сельские поселения без права ведения рыночной торговли, а в Великобритании также мелкие поселения при более крупном дифференцируются по типу застройки территории, значимой в градостроительном плане (нем. *Dorf (n)*: *Reihendorf (n); Platzdorf (n), Haufendorf (n);* англ. *village: nucleated village, linear village, dispersed village;* франц. *village (m): village circulaire(m), village linéaire(m), village en tas (m), village à plan géométrie (m)*; англ. *hamlet: nucleated hamlet, linear hamlet, dispersed hamlet)*). Подобная дифференциация сельских поселений по типу

застройки для России не характерна, поскольку там изначально имела место исключительно линейная открытая форма застройки, получившая дальнейшее развитие.

– В Великобритании, Германии и Франции имеются специальные наименования для мелких поселений при более крупных (англ. *hamlet*, нем. *Weiler (m),* франц. *hameau (m), écart (m))*, которые могут иметь как регулярную компактную (англ. *hamlet*: *nucleated (= clastered) hamlet, linear hamlet*), так и нерегулярную диффузную застройку (англ. *hamlet: dispersed hamlet*, нем. *Weiler (m)*, франц. *hameau (m), écart (m)*) и при этом дополнительно дифференцируются на незначительно удаленные (франц. *hameau (m)*) и значительно удаленные от более крупных поселений (франц. *écart (m)*).

– В Великобритании, Германии и Франции имеются специальные наименования для очень мелких изолированных поселений усадебного типа (англ. *isoleted dwelling*, нем. *Einzelsiedlung (f)*, франц. *habitat isolé (m)*). В России изолированные сельские поселения по размерам (мелкие/очень мелкие) не дифференцируются и называются одинаково *хутор* (*= заимка, мыза)*, причем наименования таких поселений универсального распространения не имеют.

– В Великобритании, Германии и Франции имеются специальные наименования для сельских поселений, а точнее, территорий нерегулярной диффузной застройки, объединяющих под общим названием достаточно далеко отстоящие друг от друга крестьянские усадьбы, очень мелкие поселения усадебного типа и / или мелкие изолированные поселения, состоящие из нескольких домохозяйств: англ. *dispersed settlement (dispersed village, dispersed hamlet),* нем. *Streusiedlung (f)*, франц. *habitat dispersé (m).*

6. Соотнесение терминов поля «сельские поселения» в анализируемых языках и поиск межъязыковых соответствий. Согласно теории Я.И. Рецкера, одного из основоположников переводоведения, можно выделить три основных вида перевода терминов: перевод с помощью эквивалента, поиск аналога и описательный перевод [32]. Под эквивалентом понимается лексическая единица языка, на который делается перевод, полностью соответствующая по значению переводимой единице. Для полных (абсолютных) эквивалентов характерно абсолютное совпадение семантических сфер терминов языка оригинала и языка перевода. К частичным (относительным) эквивалентам относятся такие единицы языка оригинала и языка перевода, объем значений которых совпадает не полностью, а лишь частично, например за счет того, что один из терминов имеет более широкое значение, другой – более узкое. Аналог представляет собой одну из нескольких лексических единиц, каждая из которых в определенных условиях может соответствовать переводимой единице.

Для единиц языка оригинала, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода и называются безэквивалентными, в качестве приемов перевода используют подбор термина или общеупотребительного слова / словосочетания с близким значением в языке перевода; транслитерацию, транскрипцию; описательный (разъяснительный) перевод, который достаточно точно позволяет передать значение термина, но, представляя собой многокомпонентное словосочетание, усложняет синтаксическую структуру соответствующего предложения в языке перевода.

Хотя терминологическое поле «сельские поселения» по языкам демонстрирует заметные расхождения в структуре и количественном составе, выделение межъязыковых соответствий для наименований сельских поселений в английском, немецком и французском в ряде случаев не вызывает затруднений. Так, полными эквивалентами являются

англ. *market town* – нем. *Markt (m)* – франц. *bourg* (*m)*;

англ. *village* – нем. *Dorf (n)* – франц. *village (m)*;

англ. *isolated dwelling* – нем. *Einzelsiedlung (f)* – франц. *habitat isolé (m)*;

англ. *dispersed settlements* – нем. *Streusiedlung (f)* – франц. *habitat dispersé (m)*.

Для франц. *bourgade (f)* (неукрепленное поселение с правом ведения рыночной торговли, но меньшее, чем франц. *bourg* (*m)*), предполагается уточнение:

франц. *bourgade (f)* – англ. *small market town* – нем. *kleiner Markt(flecken) (m)*.

Более сложный случай представляет собой англ. *hamlet* (ср. *hamlet: a small village, usually without a church* – [13]), которому в качестве словарных соответствий выделяются как нем. *Weiler (m)*, франц. *hameau (m)*, так и нем. *kleines Dorf (n)*, из которых ни одно не является полным [33–37]. С одной стороны, англ. *hamlet,* представляя собой мелкое сельское поселение при более крупном, не имеет церкви, как нем. *Weiler (m)* и франц. *hameau (m),* с другой стороны, англ. *hamlet* может иметь не только нерегулярную (англ. *dispersed hamlet),* но и регулярную застройку (англ. *nucleated hamlet, linear hamlet),* как поселения типа нем. *Dorf (n)* и франц. *village (m).* Соответственно англ. *hamlet* имеет в качестве аналогов нем. *Weiler (m)* и нем. *kleines Dorf (n) ohne Kirche,* франц. *hameau (m)* и франц. *écart (m), (très) petit village (m) sans église*, выбор из которых может быть сделан на основании сведений о типе застройки территории.

Франц. *bastide (f)*, обозначающее крупное групповое естественно укрепленное поселение (за счет расположения на скале, вершине горы или холме) с правом ведения рыночной торговли, заимствуется английским и немецким языками. Заимствование позволяет заполнить пробел металингвистического характера (неизвестное понятие).

Среди разновидностей самых мелких сельских поселений (англ. *isolated dwelling*, франц. *habitat isolée*, нем. *Einzelsiedlung (f)*), представляющих собой изолированные индивидуальные хозяйства, эквивалентами являются:

англ. *farmstead (= homestead)* – нем. *Bauernhof (m)* – франц. *ferme (f)*;

англ. *manor (house)* – нем. *Gutshof (n)* – франц. *manoir (m)*;

англ. *castle* – франц. *château(m)* – нем. *Schloss (n) (Burg (f))*.

При этом наименования самых мелких изолированных сельских поселений нем. *Gutshof (n)* и нем. *Schloss (n) (Burg (f))* относятся к историзмам, обозна-

чают в настоящее время не места проживания в сельской местности, а объекты культурного наследия, которые используются как музеи, резиденции государственных структур или общественных организаций, гостиницы и т.п.

Дифференциация сельских поселений типа англ. *village*, нем. *Dorf (n)*, франц. *village (m)* по типу застройки территории характерна для всех трех языков, но отличается детализацией, бóльшей (немецкий, французский) или меньшей (английский). Поэтому межъязыковые соответствия-эквиваленты ограничиваются родовыми терминами, передающими основные типы застройки территории в сельской местности (гиперонимы), которые в случае необходимости могут дополняться и уточняться (гипонимы):

англ. *linear village* – франц. *village linéaire (villages long) (m)* – нем. *Reihendorf (n)*;

англ. *nucleated village* – франц. *village circulaire (village rond)(m)* – нем. *Platzdorf (n)* и т.п.

Значительно бóльшие трудности представляет поиск соответствий для наименований английских, немецких и французских сельских поселений среди наименований русского языка, и наоборот, в связи тем что терминологическое поле «сельские поселения» русского языка имеет значительные отличия от соответствующего поля в английском, немецком и французском. Так, наименования сельских поселений с правом ведения рыночной торговли могут переводиться на русский язык только описательно. Главным при построении описательного перевода является то, что основной компонент должен обозначать отнесенность к терминологическому полю, выражать родовое понятие, а определяющий компонент должен отражать какие-либо характеризующие признаки, отличающие его от других предметов или явлений того же рода: англ. *market town* – нем. *Markt (m)* – франц. *bourg (m)* – русск. *крупное сельское поселение с правом ведения рыночной торговли*; франц. *bourgade (f)* – англ. *small market town* – нем. *kleiner Markt(flecken) (m)* – русск. *сельское поселение средних размеров с правом ведения рыночной торговли*. Для соответствующих французских наименований допускается уточнение: *укрепленное (искусственно, естественно)* или *неукрепленное.*

Французское наименование сельского поселения *bastide (f)*, обозначающее крупное групповое естественно укрепленное поселение (за счет расположения на скале, вершине горы или холме) с правом ведения рыночной торговли, заимствуется русским языком так же, как английским и немецким – русск. *бастида.*

Соответствием ряду англ. *village* – нем. *Dorf (n)* – франц. *village (m)* выступает в русск. *село* на том основании, что перечисленные поселения всегда имеют церковь; а англ. *hamlet,* обозначающее мелкое поселение при более крупном, не имеющее церкви, как с нерегулярной (англ. *dispersed hamlet*), так и с регулярной застройкой (англ. *nucleated hamlet, linear hamlet*) имеет аналоги русск. *деревня,* русск. *хутор,* выбор между которыми делается на основании сведений о застройке территории. Русск. *деревня* должна переводиться на немецкий и французский с уточнениями: русск. *деревня* – нем. *(sehr) kleines Dorf ohne Kirche* – франц. (*très) petit village sans église.*

В русском языке, где изолированные сельские поселения по размеру (мелкие/очень мелкие) не дифференцируются, ряду нем. *Weiler (m)* – франц. *hameau (m), écart (m)* соответствует русск. *большой хутор*, а ряду нем. *Einzelsiedlung (f)* – англ. *isolated dwelling* – франц. *habitat isolée* – русск. *небольшой хутор, хуторок.* Русск. *хутор* могут в свою очередь соответствовать как ряд нем. *Weiler (m)* – франц. *hameau (m), écart (m)*, так и ряд нем. *Einzelsiedlung (f)* – англ. *isolated dwelling* – франц. *habitat isolée.* Выбор аналога обусловливается наличием дополнительной информации о размере изолированного поселения, о числе в нем домохозяйств.

Эквивалентом ряду англ. *homestead / farmstead* – нем. *Bauernhof (m)* – франц. *ferme (f)* является русск. *крестьянская усадьба*; ряду англ. *manor (house)* – нем. *Gutshof (m)* – франц. *manoir (m)* – русск. *поместье*, ряду англ. *castle* – франц. *château (m)* – нем. *Schloss(n)* или *Burg (f)* – русск. зáмок; все соответствия русского языка являются историзмами.

Наименования сельских поселений в английском, немецком и французском языках, которые несут информацию о типе застройки территории, могут переводиться на русский язык также только описательно, поскольку дифференциация сельских поселений по типу застройки в русской градостроительной традиции отсутствует:

нем. *Straßendorf (n)* – русск. *сельское поселение (село) линейной застройки вдоль трассы с домами по обеим ее сторонам*;

нем. *Wurtendorf (n) (= Warftendorf (n), Wurft (f), Wurt (f))* – русск. *сельское поселение (село) круговой застройки на искусственно возведенном холме из земли*;

франц. *village en tas (village masse´s) (m)* – русск. *сельское поселение (село) нерегулярной застройки, где дома нагромождены без какого-либо видимого порядка*;

франц. *village circulaire (village rond) (m)* – русск. *сельское поселение круговой застройки с домами вокруг центрального объекта* и т.п.

Наименования сельских поселений в анализируемых языках можно разделить на пять групп.

1. Наименования крупных (во Франции также средних) сельских поселений, которые начиная со Средневековья выполняют некоторые функции городов и имеют право ведения рыночной торговли (Великобритания, Германия, Франция).

Наименования таких поселений в английском, немецком и французском языках соотносятся между собой как полные эквиваленты: англ. *market town* – нем. *Markt (m)* – франц. *bourg (m)*. Для франц. *bourgade (f)* – поселения с правом ведения рыночной торговли, но меньшего, чем франц. *bourg (m)* – ряд соответствий-эквивалентов предполагает уточнение: франц. *bourgade (f)* – англ. *small market town* – нем. *kleiner Markt(flecken) (m).* Наименование крупного естественно укрепленного поселения (за счет расположения на скале, вершине горы или холме) с правом ведения рыночной торговли франц. *bastide (f)* заимствуется английским *(bastide)* и немецким *(Bastide (f))* языками. России поселения данного типа неизвестны, поэтому соответствующие наименования сельских

поселений в английском, немецком и французском переводятся на русский язык описательно. Французское наименование сельского поселения *bastide (f)* заимствуется русским языком, так же как английским и немецким, – русск. *бастида.*

2. Наименования крупных и средних сельских поселений без права ведения рыночной торговли, население которых изначально занималось (и отчасти занимается и сейчас) сельскохозяйственным трудом (Великобритания, Германия, Россия, Франция). Для таких поселений характерно наличие церкви.

В Великобритании, Германии и Франции поселения данной группы дифференцируются по типу застройки территории.

Межъязыковые соответствия наименований таких поселений представлены следующим рядом полных эквивалентов: англ. *village* – нем. *Dorf (n)* – франц. *village (m)* – русск. *село.* Поскольку дифференциация сельских поселений второй группы по типу застройки территории отличается разной степенью детализации, то межъязыковые соответствия-эквиваленты в английском немецком и французском ограничиваются родовыми терминами, передающими основные типы застройки территории в сельской местности (гиперонимы), которые в случае необходимости могут дополняться и уточняться (гипонимы). На русский язык наименования сельских поселений в английском, немецком и французском языках, которые несут информацию о типе застройки территории, переводятся описательно.

3. Наименования мелких сельских поселений, обычно при более крупных, которые не имеют церкви, отличаются типом застройки территории (регулярная компактная: англ. *hamlet*, русск. *деревня*; нерегулярная диффузная: англ. *hamlet*, нем. *Weiler (m)*; франц. *hameau (m), écart (m)*, русск. *хутор*), а также незначительной или значительной удаленностью от другого поселения (франц. *hameau (m), écart (m)*) (Великобритания, Германия, Россия, Франция).

Межъязыковые соответствия наименований таких поселений представлены рядом аналогов: англ. *hamlet* – русск. *деревня,* русск. *хутор;* нем. *Weiler (m)* – франц. *hameau (m)*, франц. *écart (m)*; англ. *hamlet* – нем. *Weiler (m),* нем. *(sehr) kleines Dorf ohne Kirche*; франц. *hameau (m), écart (m)*, франц. *(très) petit village (m) sans église,* выбор из которых делается на основе дополнительной информации о типе застройки территории, о значительной или незначительной удаленности такого поселения от более крупного.

Поскольку русск. *хутор* обозначает как изолированное мелкое, так и очень мелкое изолированное сельское поселение, т.е. одновременно входит в наименования сельских поселений групп 3 и 4 (см. далее), то нем. *Weiler (m)* – франц. *hameau (m)*, франц. *écart (m)* соответствует русск. *большой хутор.*

4. Наименования очень мелких сельских поселений усадебного типа (Великобритания, Германия; Россия, Франция).

Межъязыковыми соответствиями-эквивалентами наименований таких поселений (гиперонимы) выступают: англ. *isolated dwelling* – нем. *Einzelsiedlung (f)* – франц. *habitat isolée* – русск. *маленький хутор, хуторок*. Таким образом, русск. *хутор* может соответствовать как ряд нем. *Weiler (m)* – франц. *hameau (m)*, франц. *écart (m)*, так и ряд нем. *Einzelsiedlung (f)* – англ. *isolated dwelling* – франц. *habitation isolée*. Выбор аналога обусловливается наличием дополнительной информации о размере изолированного поселения, о числе в нем домохозяйств. Межъязыковые соответствия наименований индивидуальных хозяйств усадебного типа (гипонимы) представлены следующим рядом эквивалентов: англ. *farmstead (= homestead)* – нем. *Bauernhof (m)* – франц. *ferme (f)* – русск. *крестьянская усадьба,* англ. *manor (house)* – нем. *Gutshof (n)* – франц. *manoir (m)* – русск. *поместье,* англ. *castle* – франц. *château (m)* – нем. *Schloss (n) (Burg (f)* – русск. *за́мок.*

5. Наименования сельских поселений или территорий нерегулярной диффузной застройки, объединяющих под общим названием достаточно далеко отстоящие друг от друга крестьянские усадьбы, очень мелкие поселения усадебного типа и / или мелкие изолированные поселения, состоящие из нескольких домохозяйств (Великобритания, Германия; Франция).

Межъязыковые соответствия наименований таких поселений представлены рядами: англ. *dispersed settlement* – нем. *Streusiedlung (f)* – франц. *habitat dispersé (m)* (полные эквиваленты), англ. *dispersed village, dispersed hamlet* – нем. *Streusiedlung (f)* – франц. *habitat dispersé (m)* (неполные эквиваленты), которые на русский обычно переводятся термином *рассредоточенное поселение*, имеющим широкое значение.

СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский язык; гол. – голландский язык; др.-сканд. – древнескандинавский язык: язык-общепредок всех сегодняшних языков скандинавской группы; нем. – немецкий язык; русск. – русский язык; франц. – французский язык; швейц. – французский язык на территории Швейцарии; mhd. (=mittelhochdeutsch) – средневерхненемецкий язык; средневерхненемецкий период (в истории немецкого языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Базалина Е.Н. Проблема перевода терминов научно-технических текстов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 1. С. 102–107.
2. Волгина И.Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 170–175.
3. Кузнецова Н.Г., Зайцева И.Е. Наименования сельских поселений в немецком французском и русском языках (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71), ч. 2. С. 88–92.
4. Лейчик В. М., Шеллов С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. М. : Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990. Вып. 18, ч. II. 80 с. (Теория и практика научно-технического перевода: Обзор информации)
5. European Rural Landscapes: Persistence and Change in a Globalising Environment. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 2004. 482 p.

6. Hoppe T. Der ländliche Raum im 21. Jahrhundert – Neubewertung einer unterschätzten Raumkategorie. Norderstedt : Books on Demand, 2011. 388 S.
7. Schwarz G. Allgemeine Siedlungsgeographie. Teil 1. Die ländlichen Siedlungen. Die zwischen Land und Stadt stehenden Siedlungen. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter New, 1989. 510 S.
8. Defining rural areas using the rural urban classification. URL: https://www.gov.uk/government/statistics/defining-rural-areas (access date: 14.08.2017).
9. Shepherd J. A Typology of the Smaller Rural Towns of England. URL: http://www.ctauk.org/UserFiles/Documents/In%20Your%20Area/England/TypologyFinal.pdf (access date: 14.08.2017).
10. Rural population 2014/15. URL: https://www.gov.uk/government/publications/rural-population-and-migration/rural-population-201415 (access date: 16.08.2017).
11. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford University Press, 1993. 576 p.
12. Bracey H.E. Rural settlement in Great Britain // Journal of the European Society for Rural Sociology. 2008. Vol. 3, is. 1. P. 69–77.
13. Cambridge dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org (access date: 12.08.2017).
14. Pateman T. Rural and Urban Areas: Comparing Lives Using Rural/Urban classifications // Regional Trends. Palgrave Macmillan. 2011. Vol. 43, is. 1. P. 11–86.
15. Gupta K.B., Faizia S., Iftikhar A. Rural Management. Word-Press. 295 p.
16. Brooks A., Pevsner N. Worcestershire. New Haven. CT : Yale University Press, 2007. 846 p.
17. Wood J.S. The New England Village (Creating the North American Landscape). Baltimore ; Maryland : Johns Hopkins University Press, 2002. 248 p.
18. Classification of villages: four types. URL: http://www.sociologydiscussion.com/village/classification/classification-of-villages-4-categories/2615 (access date: 16.08.2017).
19. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1989. 1816 S.
20. Dorfgrundriss. URL: http://www.spektrum.de/lexikon/geographie/dorfgrundriss/1769 (das Datum des Juganges: 12.02.2017).
21. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/Streusiedlung (das Datum des Juganges: 12. 02.2017).
22. Streusiedlung. URL: http://www.spektrum.de/lexikon/geographie/streusiedlung/7747 (access date: 12.02.2017).
23. Village. URL: http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/21928/VILLAGE (access date: 03.02.2017).
24. Ecart. URL: http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/ecart/ (la date l′accès: 03.02.2017).
25. Ecart. URL: http://www.cnrtl.fr/definition/%C3%A9cart (access date: 03.02.2017).
26. Mise en œuvre de l'obligation de complétude des déploiements des réseaux FttH mutualisés pour l'habitat isolé en zones moins denses. Synthèse de la consultation publique menée du 13 avril au 25 mai 2012. URL: https://www.arcep.fr/uploads/tx_gspublication/synth-cp-orientations_ARCEP_completude-deploiements-FttH-fev2013.pdf (la date l′accès: 04.02.2017).
27. Encyclopédie financière. URL: https://www.rachatducredit.com/definition-habitat-disperse-7898.html (access date: 05.02.2017).
28. Maas W. Probleme der Sozialgeographie. Berlin : Dunker & Hamlot, 1961. 205 S.
29. Meitzen A. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen, und Slawen. Aalen : Scientia Verlag, 1963. Bd. 2. 698 S.
30. Мичурина Ф.З., Теньковская Л.И., Мичурин С.Б. Устойчивое развитие сельских территорий. Пермь : Прокростъ, 2016. 294 с.
31. Кудрявцева И.Г. Семантические характеристики терминологических сочетаний в языке для специальных целей // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 4. С. 84–88.
32. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода. М. : Междунар. отношения, 1974. 216 с.
33. Deutsch-Englisch-Wörterbuch. Hamlet. URL: https://www.dict.cc/englisch-deutsch/hamlet.html (das Datum des Juganges: 17.08.2017).
34. Leo. Wörterbuch. Hamlet. URL: https://dict.leo.org/englisch-deutsch/hamlet (access date: 17.08.2017).
35. Linguee. Hamlet. URL: https://www.linguee.de/englisch-deutsch/uebersetzung/hamlet.html (das Datum des Juganges: 17.08.2017).
36. Dictionnaire Anglais-Français. Hamlet. URL: https://enfr.dict.cc/?s=hamlet (access date: 17.08.2017).
37. Babla Wörterbuch. Hamlet. Электронный ресурс. URL: https://de.bab.la/woerterbuch/englisch-franzoesisch/hamlet (das Datum des Juganges: 17.08.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 марта 2018 г.

THE TYPOLOGY OF RURAL SETTLEMENT NOMINATIONS IN ENGLISH, GERMAN, FRENCH AND RUSSIAN ARCHITECTURAL AND CITY-PLANNING TERMINOLOGY: THE PROBLEM OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCE OF TERMINOLOGICAL UNITS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 15–27.
DOI: 10.17223/15617793/429/2

Nadezhda G. Kuznetsova, Institute of Intercultural Communication (Berlin, Germany). E-mail: nadeshdag@yandex.ru
Svetlana L. Vasilyeva, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vasilyeva_sl@mail.ru
Irina E. Zaytseva, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irinazaitseva@yandex.ru

Keywords: nominations of rural settlements in UK, Germany, France and Russia; rural settlements differentiation; terminological field; interlingual correspondence; translation of terms; equivalents.

The article is devoted to the study of rural settlements nominations in the English (the United Kingdom), German (Germany), French (France) and Russian (Russian Federation) languages which, on the one hand, represent the architectural, city-planning terms and, on the other hand, refer to the realia and reflect cultural and historical peculiarities of peoples' lives. For the better understanding and adequate translation of these realia terms, the inventory of rural settlements' nominations in the English, German, French and Russian languages is determined; the detailed descriptions of terminological units in separate languages are given; the relations between lexical units within the corresponding terminology fields of each of the four languages are investigated; the interlingual correspondence of terms is considered in this article. Rural settlements nominations in the languages under study are divided into five groups in the article. 1) Nominations of large rural settlements with the right to conduct market trade (UK, Germany, France). In Russia settlements of this type are not known; therefore, the corresponding names of other languages are translated into Russian descriptively. 2) Names of large and medium-sized rural settlements having no right for market trade (UK, Germany, France, Russia). Interlingual correspondences of this type of nominations are represented by a number of full equivalents. In the UK, Germany and France these settlements are differentiated according to the type of territory development. Cross-language equivalents in English, German and French are restricted in this case to generic

terms that convey the main types of territory development in the countryside, which can be specified. As for the Russian language, the names of rural settlements denoting the type of territory development are translated into it descriptively. 3) Names of small rural settlements having no church and differentiated according to the type of territory development as well as to their remoteness from a larger settlement (UK, Germany, France, Russia). Interlingual correspondences of the names of such settlements are represented by a number of analogues the choice of which depends upon additional information about the type of territory development and its remoteness from a larger settlement. 4) Names of very small settlements of a manor type (UK, Germany, France, Russia). The names of such settlements are correlated as equivalents or as analogues, the choice of which is based on additional information on the size of the settlement and on the number of households. 5) Names of rural settlements which generally include farmlands, very small manor-type settlements and/or small isolated settlements consisting of several households (UK, Germany, France). Interlingual correspondences of the names of such settlements are represented by a range of full or partial equivalents.

REFERENCES

1. Bazalina, E.N. (2009) The problem of translating terms in scientific and technical texts. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 102–107. (In Russian).
2. Volgina, I.Yu. (2013) Perevod terminov kak klyuchevykh edinits spetsial'nogo teksta [Translation of terms as key units of a special text]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 6. pp. 170–175.
3. Kuznetsova, N.G. & Zaytseva, I.E. (2017) The names of rural settlements in the German, French and Russian languages (comparative aspect). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 5 (71):2. pp. 88–92. (In Russian).
4. Leychik, V.M. & Shellov, S.D. (1990) *Lingvisticheskie problemy terminologii i nauchno-tekhnicheskiy perevod* [Linguistic problems of terminology and scientific and technical translation]. Is. 12:2. Moscow: Vsesoyuznyy tsentr perevodov nauchno-tekhnicheskoy informatsii i dokumentatsii.
5. Palang, H., Sooväli, H., Antrop, M. & Setten, G. (eds) (2004) *European Rural Landscapes: Persistence and Change in a Globalising Environment*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
6. Hoppe, T. (2011) *Der ländliche Raum im 21. Jahrhundert – Neubewertung einer unterschätzten Raumkategorie* [The rural area in the 21st century – reassessment of an underrated space category]. Norderstedt: Books on Demand.
7. Schwarz, G. (1989) *Allgemeine Siedlungsgeographie. Teil 1. Die ländlichen Siedlungen. Die zwischen Land und Stadt stehenden Siedlungen* [General Settlement Geography. Part 1. The rural settlements. The settlements between land and city]. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter New.
8. Gov.uk. (2017) *Defining rural areas using the rural urban classification*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/statistics/defining-rural-areas. (Accessed: 14.08.2017).
9. Shepherd, J. (2009) *A Typology of the Smaller Rural Towns of England*. [Online] Available from: http://www.ctauk.org/UserFiles/Documents/In%20Your%20Area/England/TypologyFinal.pdf. (Accessed: 14.08.2017).
10. Gov.uk. (2015) *Rural population 2014/15*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/publications/rural-population-and-migration/rural-population-201415. (Accessed: 16.08.2017).
11. Oxford University Press. (1993) *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
12. Bracey, H.E. (2008) Rural settlement in Great Britain. J*ournal of the European Society for Rural Sociology*. 3:1. pp. 69–77.
13. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: http://dictionary.cambridge.org. (Accessed: 12.08.2017).
14. Pateman, T. (2011) Rural and Urban Areas: Comparing Lives Using Rural/Urban classifications. *Regional Trends*. 43:1. pp. 11–86.
15. Gupta, K.B., Faizia, S. & Iftikhar, A. (2011) *Rural Management*. Word Press.
16. Brooks, A. & Pevsner, N. (2007) *Worcestershire*. New Haven, CT: Yale University Press.
17. Wood, J.S. (2002) *The New England Village (Creating the North American Landscape)*. Baltimore; Maryland: Johns Hopkins University Press.
18. Sociology Discussion. (n.d.) *Classification of villages: 4 categories*. [Online] Available from: http://www.sociologydiscussion.com/village/ classification/classification-of-villages-4-categories/2615. (Accessed: 16.08.2017).
19. Dudenverlag. (1989) *Duden Deutsches Universalwörterbuch* [Duden German universal dictionary]. Mannheim; Leipzig; Vienna; Zurich: Dudenverlag.
20. Spektrum.de. (2001) *Dorfgrundriss* [Village plan]. [Online] Available from: http://www.spektrum.de/lexikon/geographie/dorfgrundriss/1769. (Accessed: 12.02.2017).
21. Duden. (n.d.) *Deutsches Universalwörterbuch* [German universal dictionary]. [Online] Available from: http://www.duden.de/rechtschreibung/ Streusiedlung (Accessed: 12. 02.2017).
22. Spektrum.de. (2001) *Streusiedlung* [Scattered settlement]. [Online] Available from: http://www.spektrum.de/lexikon/geographie/ streusiedlung/7747. (Accessed: 12.02.2017).
23. Academic. (2012) *Village*. [Online] Available from: http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/21928/VILLAGE. (Accessed: 03.02.2017).
24. Linternaute (n.d.) *Ecart* [Village]. [Online] Available from: http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/ecart/. (Accessed: 03.02.2017).
25. Ecart. [Online] Available from: http://www.cnrtl.fr/definition/%C3%A9cart. (Accessed: 03.02.2017).
26. Arcep.fr. (2013) *Mise en œuvre de l'obligation de complétude des déploiements des réseaux FttH mutualisés pour l'habitat isolé en zones moins denses. Synthèse de la consultation publique menée du 13 avril au 25 mai 2012* [Implementation of the obligation of completeness of deployments of shared networks FttH for isolated habitat in less dense areas. Summary of the public consultation conducted from April 13 to May 25, 2012]. [Online] Available from: https://www.arcep.fr/uploads/tx_gspublication/synth-cp-orientations_ARCEP_completude-deploiements-FttH-fev2013.pdf. (Accessed: 04.02.2017).
27. Rachatducredit.com. (n.d.) *Encyclopédie financière* [Encyclopedia of Finance]. [Online] Available from: https://www.rachatducredit.com/ definition-habitat-disperse-7898.html. (Accessed: 05.02.2017).
28. Maas, W. (1961) *Probleme der Sozialgeographie* [The problem of social geography]. Berlin: Dunker & Hamlot.
29. Meitzen, A. (1963) *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen, und Slawen* [Settlement and agriculture of the West Germans and East Germans, the Celts, the Romans, the Finns and the Slavs]. Vol. 2. Aalen: Scientia Verlag.
30. Michurina, F.Z., Ten'kovskaya, L.I. & Michurin, S.B. (2016) *Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy* [Sustainable development of rural areas]. Perm: Prokrost".
31. Kudryavtseva, I.G. (2009) Semantic properties of terminological word groups in the language for specific purposes. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow Region State University*. 4. pp. 84–88. (In Russian).
32. Retsker, Ya.I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice: essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
33. Dict.cc. (n.d.) *Hamlet*. [Online] Available from: https://www.dict.cc/englisch-deutsch/hamlet.html (Accessed: 17.08.2017).
34. Leo. (n.d.) *Hamlet*. [Online] Available from: https://dict.leo.org/englisch-deutsch/hamlet. (Accessed: 17.08.2017).
35. Linguee. (n.d.) *Hamlet*. [Online] Available from: https://www.linguee.de/englisch-deutsch/uebersetzung/hamlet.html (Accessed: 17.08.2017).
36. Enfr.dict.cc. (n.d.) *Hamlet*. [Online] Available from: https://enfr.dict.cc/?s=hamlet. (Accessed: 17.08.2017).
37. De.bab.la. (n.d.) *Hamlet*. [Online] Available from: https://de.bab.la/woerterbuch/englisch-franzoesisch/hamlet (Accessed: 17.08.2017).

Received: 04 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/429/3

УДК 82.09+82:1

А.В. Николаев

ПРОГРАММЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ: ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ И СЬЮЗЕН СОНТАГ

Рассматриваются некоторые параллели текстов В. Шкловского «Искусство как прием» и С. Сонтаг «Против интерпретации». Демонстрируются подходы авторов к феномену «притупления чувств» и предлагаемые программы по «возвращению реальности». Также исследуются формальные и терминологические параллели текстов и специфика обращения двух авторов к теме эротики. Делается вывод о наследовании интуиций Сонтаг идеям Шкловского и их развитии, а также о существовании определенной внутренней логики предлагаемых ими методов.

Ключевые слова: Шкловский; Сонтаг; русский формализм; остранение; эротика; интерпретация.

Филолог Илья Калинин однажды – вскользь и иронично – заметил, что многим интуициям, прославившим французскую школу философии второй половины XX в., можно найти параллели (иногда частичные, иногда противоположные по прагматике) в русской мысли начала столетия, особенно первых послереволюционных лет; причем сходные места нельзя объяснить только известной обращенностью французского взгляда к Востоку[1]. В свете происходящего сейчас ренессанса формализма в России мы попытаемся оттолкнуться от этого наблюдения и предложить интерпретацию знаменитого и влиятельного текста (правда, принадлежащего американской, а не французской мысли, если есть какой-то смысл обращать внимание на национальные различия в данном случае), а именно эссе Сьюзен Сонтаг «Против интерпретации» [2], на предмет сходства его теоретических и ценностных установок с ключевым текстом русского литературоведения и даже самой литературы – работой Виктора Шкловского «Искусство как прием» [3]. Упреждая возможное замечание об интерпретации текста, который, начиная уже с названия, обличает интерпретацию, отметим: во-первых, мы не обязаны являться сторонниками автора для критического анализа его произведений и, у́же, сторонниками некой теории для ее критического разбора; во-вторых, эти тексты – теоретические работы, а не произведения искусства; наконец, мы можем согласиться с тем, что имеем выявляемые в эссе Сонтаг обе темные интенции интерпретации – приспособление старого текста под новые реалии, с одной стороны, и его превращение в «ручной, уютный» [2. С. 18], иными словами, его «одомашнивание» (закрепление на почве русской традиции литературной критики) – с другой. Тем не менее первой тенденции мы постараемся противопоставить амбивалентное отношение между текстами, т.е. такое, при котором мы не берем более современный из них за образец, в соответствии с которым необходимо проинтерпретировать более старый, чтобы найти в нем предполагаемое «опережение своего времени» и таким образом оправдать его перед современностью. Обратной крайности, то есть обвинению мысли в укорененности в собственных истоках или зависимости от идей-предшественников, которое отрицает возможность появления чего-либо нового, противопоставим внимание к тем различиям, которые есть между идеями в этих работах и которые содержат в себе нередуцируемую относительную значимость каждой из них. Таким образом, несмотря на отмеченное нами сходство некоторых интуиций, мы не ставим под сомнение оригинальность (на которую он претендует довольно осторожно, как мы покажем) более позднего текста относительно более раннего; или, если обратиться собственно к мысли Виктора Борисовича, вспомним, что «вся работа поэтических школ сводится... гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их» [3. С. 10–11] – не видим причин, почему мы не могли бы сказать то же самое о «расположении идей».

***

Эссе Сьюзен Сонтаг «Против интерпретации» было задумано, как это следует из опубликованных дневниковых записей [4. С. 147–148], незадолго до ее двадцатичетырехлетия в январе 1957 г., закончено в 1964 и опубликовано в 1966 г. в составе дебютного сборника ее эссе, для которого оно стало титулярным. Примерно за сорок лет до задумки и почти за полвека до публикации произведения Сонтаг во втором выпуске «Сборников по теории поэтического языка» справивший свое двадцатичетырехлетие в январе 1917 г. Виктор Шкловский впервые печатает статью «Искусство как прием», которую британский литературовед Терри Иглтон в своей известной книге «Теория литературы» называет точкой «начала изменений, перевернувших литературную теорию в двадцатом веке» [5. С. 17] и которая встала в начале течения, до сих пор занимающего одно из важнейших мест в русском литературоведении, если судить по последним номерам ведущих филологических журналов. Однако наблюдаемые сходства не ограничиваются случайными совпадениями в числах и датах. Та теоретическая позиция, на защиту которой встает Сонтаг, и аргументы, к которым она прибегает, как и форма построения текста, также способны напомнить читателю об известном тексте Шкловского. Нам кажется, что можно выделить несколько пунктов, в которых один текст подходит к другому довольно близко, достаточно, чтобы выделить сходства между ними и проявить нюансы различий. Сперва мы рассмотрим схожую жанровую специфику текстов. Затем перейдем к тому, как два мыслителя концептуализируют утрату остроты восприятия. Потом мы обсудим предлагаемые программы возвращения чувства мира. В конце сравним подходы

Шкловского и Сонтаг к теме эротического. Таким образом, этапы нашего рассмотрения таковы:

1) манифесты;

2) притупление чувств – автоматизация и интерпретация;

3) возвращение реальности – искусство и критика;

4) эротика.

Остановимся на каждом из них подробнее.

1. Манифесты. В первую очередь обратим внимание на формальную сторону дела. «Против интерпретации» разделено на десять тезисов. Особое внимание привлекает последний, который можно процитировать целиком: «Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства» [2. С. 24]. В глаза бросается не только риторическая отточенность лапидарной фразы, но и то, в какой мере этот тезис как по своему содержанию, так и по форме и структурному положению в работе отсылает сразу к двум другим известным *последним тезисам*, а именно седьмому пункту «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна и, конечно же, одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе. Вспомним, что именно «Тезисы о Фейербахе» (вместо не менее известного «Манифеста коммунистической партии») Луи Альтюссер называл программным манифестом самого Маркса, манифестом «разрыва с прошлым и перехода к новому мышлению» [6. С. 28], обращая наше внимание именно на последний тезис. Формальная отсылка к структуре этого произведения сейчас для нас важнее имплицитных параллелей между оппозициями «герменевтика–эротика» (Сонтаг), «объяснение–изменение» (Маркс) и «говорение–молчание» (Витгенштейн), о которых мы скажем позже.

Тот факт, что произведение задумано как манифест, освобождает его от требования содержать в себе оригинальную теорию. В данном случае он предпослан в определенной степени задним числом к уже существующим работам, которые Сонтаг считает образцами защищаемого ею «эротического», т.е. формального, подхода, – их список приведен в тезисе VII [2. С. 22–23]. Шкловского, впрочем, в этом списке нет, как и других советских формалистов. Зато упомянута работа Вальтера Беньямина о творчестве Николая Лескова, что сразу бросается в глаза, ведь о Лескове вскользь говорит и Шкловский [3. С. 24].

«Искусство как прием» кажется гораздо менее продуманным и последовательным в формальной структуре; заметно, что работа собрана из нескольких отдельных фрагментов (например, об А. Потебне, Льве Толстом, эротических элементах в фольклоре и литературе) и вряд ли ее форма значима для определения в качестве манифеста, которым она, тем не менее, является, по крайней мере по своей судьбе. «Искусство как прием» не только оказался одним из самых громких текстов русского формализма, будучи притом одним из первых, и успешно ввело в мировую литературную теорию новые термины, но и действительно задало направление как теоретической, так и практической литературной деятельности плодотворной и талантливой группы ОПОЯЗовцев, в первую очередь самого Шкловского. Поэтому можно без сомнений утверждать, что манифестация нового явления в литературе прошла успешно и выбранный для этого дела текст свою цель выполнил крайне успешно; а цель вещи и есть ее сущность.

Определение этих двух текстов как манифестов в защиту определенного взгляда на искусство не столько выступает аргументом в пользу защищаемого нами тезиса об их сходстве, сколько позволяет, с одной стороны, разместить их на одной плоскости и задать необходимую для правильного понимания и оценки как их сходств, так и различий призму – правильно понять текстуальные интенции произведений; и, с другой стороны, дает нам определенное право рассмотреть тексты из них самих, не привлекая для их анализа дальнейшую научную с литературную судьбу создавших их авторов – из того факта они и замысливались, и оказались достаточно яркими и убедительными, чтобы, будучи, можно сказать, дебютами двух молодых авторов, без ссылок на авторитет предыдущих трудов, говоря исключительно за себя и только самих себя представляя, обеспечить им дальнейший крайне завидный успех.

2. Притупление чувств – автоматизация и интерпретация. Сущностными сторонами этих двух манифестов является не только то, что они непосредственно провозглашают, но и то, против чего они возражают, конституируя в этом возражении себя. Оба произведения начинаются с определения своего теоретического и даже мировоззренческого противника.

Для Сонтаг таким противником, что постулируется ею уже в названии эссе, выступает интерпретация (представленная, например, «развитыми системами герменевтики» марксизма и психоанализа [2. С. 17], но не только – вообще подходами к текстам как к аллегориям: социальным, религиозным [Там же. С. 18] и пр.) – отношение к тексту как к означающему и подборка кода, выявляющая скрытое за ним означаемое – разумеется, то, которое сделает текст понятным и приемлемым, диалектически перевернет его в его противоположность, даже если его неприемлемость состояла в интересности и неконвенциональности. «Никогда не завершающийся труд интерпретации» исходит из идеи примата «содержания самого по себе», все еще живой среди людей, «которые относятся всерьез к искусству» [Там же. С. 15]. Проблема является не только теоретической. Дело не в том, что некая теория интерпретации фундаментально ошибочна и не способна выявить истинный смысл – вполне возможно, что по крайней мере вложенный автором смысл она как раз угадывает. Интерпретация вообще заслуживает ниспровержения потому, что в качестве теории плохо справляется со своей задачей защиты и обоснования искусства, «повисает грузом» на его «современной практике» [Там же. С. 15]: если в некоторых исторических ситуациях она способна быть актом освобождения от прошлого путем его переоценки, то сейчас, пишет Сонтаг, интерпретация удушает искусство, обедняет и иссушает яркость поверхности мира ради учреждения единого смысла в его глубине. Интерпретация далеко не безобидна. Навязчивое желание избавиться от искусства, заменив его смыслом, агрессивно и, раскапывая в поисках подтекста, разрушает сам текст [Там же. С. 16].

Интеллектуальный противник Шкловского не так страшен. С первого предложения статьи в качестве такового обозначается школа Александра Потебни в лице его самого и Дмитрия Овсянико-Куликовского. Однако их преступление перед искусством, если можно так выразиться, далеко не так страшно, как то «отравление восприятия», в котором «интерпретаторов» упрекает Сонтаг. Претензии Шкловского к ним исключительно теоретические: школа Потебни предлагает неверное объяснение искусства и «делает чудовищные натяжки» [3. С. 10], чтобы его обосновать. Другой ряд мыслителей, в оппозиции к которым выступает Шкловский, – это теоретики «закона экономии творческих сил», в первую очередь Герберт Спенсер и Рихард Авенариус. Однако все это просто неправильное научное понимание, не оказывающее на само искусство никакого негативного влияния: приверженность этим теориям не мешает поэтам, например Андрею Белому, создавать замечательные стихотворения и тем более не влияет на восприятие читателями прочих поэтических произведений. Шкловский готов пойти на уступки: проблема как первых, так и вторых состояла в том, что они «не различали язык поэзии от языка прозы» [Там же. С. 11]. В отношении «практического языка» и обыденного мышления закон экономии как раз верен, пишет Шкловский, однако это и рождает проблему: автоматизация. Это сущностный противник самого искусства как такового. Искусство необходимо, чтобы вернуть восприятие вещей и действий, ставших привычными, «съетых автоматизацией»; оно возможно как раз потому, что автоматизация существует, что восприятия и действия склонны к автоматизму.

Вопрос, который мы ставим, таков: можно ли обнаружить какую-либо связь между понятиями «автоматизация» и «интерпретация»? Можно ли сказать, что одно является частным случаем другого?

Автоматизация, как и интерпретация, «притупляет чувства» [Там же. С. 24], предлагая вместо того, чтобы увидеть саму вещь, – узнать ее смысл. Но если интерпретация руководствуется анахроничной привязанностью к содержанию, автоматизация – это, как считает Шкловский, «общий закон восприятия» [Там же. С. 13] и потому неизбежна. Если интерпретация – это целенаправленное усилие рассудка по «приручению» вещи с целью лишить ее «способности беспокоить нас» [2. С. 18], то автоматизация – неизбежное следствие лености сознания, «закона экономии усилий». Тем не менее оба автора описывают притупление восприятия как «одомашнивание»: автоматическое, когда мы чувствуем себя как дома в чужом языке или собственно у себя дома, как в приводимом Шкловским примере из дневника Льва Толстого [3. С. 14], или в результате некоторой работы, «обывательской» по своей «натуре», которая «делает искусство ручным, уютным» [2. С. 18].

Различны они и по объектам, чье восприятие притупляют. Несмотря на то, что Сонтаг походя пишет об интерпретации марксизмом общественных событий, а психоанализом – явлений личной жизни [Там же. С. 17], ее внимание сосредоточено на том, как интерпретация «узурпирует место» произведения искусства. Иначе у Шкловского: в самой, наверное, известной и цитируемой строке из эссе говорится, что «так пропадает, в ничто вменяясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [3. С. 15].

Жертвами автоматизации в языке (и поэтому объектами остранения в поэзии) могут стать и становятся «фонетический и словарный состав, характер расположения слов, характер смысловых построений» [Там же. С. 23]. Искусство само, как и все другие вещи, способно пасть жертвой автоматизации, и при этом, что интересно, происходит увеличение области смысла: «по мере умирания произведения и искусства оно ширеет, басня символистичнее поэмы, а пословица – басни» [Там же. С. 15]. Тогда как настоящее искусство, по мнению Шкловского, характеризуется конкретностью смысла, его становление символом чего-то иного, некой абстрактной идеи, означает его смерть.

Интерпретация же, пишет Сонтаг, является производным от определенной позиции в споре о ценностях: ценным является интеллектуальное, произведение искусства настолько имеет ценность, насколько оно «допускает восприятие на разных уровнях» [2. С. 23]. Интерпретация оправдывает искусство перед «гипертрофированным интеллектом», доказывая его ценность содержащимся в нем смыслом. Таким образом, из всех составных элементов искусства Сонтаг концентрируется на «смысловых построениях» и на том, как они страдают от интерпретации. Это можно считать интересным развитием мысли Шкловского. Интерпретаторская критика приходит на помощь автоматизации в борьбе с силой искусства действовать на восприятие, объявляя чувственное восприятие интеллектуально нелегитимным, а смысловое ограничивая априорными рамками выбранной герменевтической парадигмы. И дело не в том, что мы неправильно узнали смысл, а в том, что, когда мы его узнали, нам становится необязательно видеть саму вещь; содержание заменяет вещь в нашем восприятии, и мы «видим только ее поверхность» [3. С. 14].

3. Возвращение реальности. Что же является настоящим предметом манифестов? Какие программы защиты от притупления чувств в них намечаются? Для Сонтаг настоящей критикой, в противоположность интерпретации, является та, которая бы «служила произведению», обратила бы внимание на «чистую, непереводимую чувственную непосредственность образов» [2. С. 19], научила бы нас «непосредственнее воспринимать то, что нам дано» [Там же. С. 17]. Мы должны «прийти в чувство» и «вообще увидеть вещь»; поэтому «функция критики – показать, *что делает его* (произведение. – *А.Н.*) *таким, каково оно есть*, а не объяснить, *что оно значит»* [Там же. С. 24] (курсив автора. – *А.Н.*).

А вот что пишет Шкловский: «*…искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно»* [3. С. 15] (в оригинале разрядка. – *А.Н.*).

Оба автора типографически акцентируют эти строки, которые к тому же довольно похожи и структурно, и лексикой, и смыслом. Рассмотрим же, чем различаются идеи.

Для Шкловского искусство связано со «способом нашего восприятия» [3. С. 11], т.е. находится в обла-

сти субъективного; чтобы некоторые вещи «по возможности наверняка» воспринимались в качестве художественных, они должны быть, по мнению Шкловского, «созданы особыми приемами, цель которых состояла в том, чтобы эти вещи по возможности наверняка воспринимались как художественные» [3. С. 11]. Эти приемы – «прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы» [Там же. С. 15]. Остранение помогает увидеть вещь, которую из-за автоматизации мы начали лишь узнавать.

Если искусство, как считает Шкловский, остраняет и таким образом помогает увидеть мир, т.е. является некой дисциплиной умственного взгляда (по крайней мере, в случае с литературой; применяя этот аналитический аппарат к живописи, мы могли бы говорить о дисциплине взгляда в буквальном смысле), искусственно задерживая его на вещах и явлениях. Скорость восприятия, например скорость чтения, должна быть еще сильнее замедлена непрямыми описаниями вместо простого названия [Там же. С. 15–16], сбивчивым ритмом [Там же. С. 13, 25] и затрудняющими произношение сочетаниями звуков [Там же. С. 13] – впрочем, подробно в данной работе Шкловский останавливается только на первом. Искусство встает между человеком и миром, определенным образом трансформирует и дисциплинирует его восприятие. Иначе считает Сонтаг. Для нее искусство само является частью мира, и его «иссушение» является следствием «потери остроты восприятий» вообще. Шкловский, как мы уже отмечали, тоже рассматривает возможность падения самого искусства жертвой автоматизации, однако для него это – утрата произведением способности затормаживать наше восприятие вследствие определенной необходимой исторической логики: «если это нарушение (в данном месте – ритма, но можно распространить это на все случаи остраненного восприятия. – *А.Н.*) войдет в канон, то оно потеряет свою силу затрудняющего приема» [Там же. С. 25], чем и объясняются свойственная языку поэзии «диглоссность», как мы можем это назвать, и его изменение, когда литературный язык становится общеупотребительным и перестает замедлять восприятие [Там же. С. 23–24]. Вещи, воспринимаемые как художественные современниками своего создания, перестают выполнять свою функцию по остранению – и из-за этого требуется создание новых произведений, производящих работу остранения по-другому. Сонтаг же, можно сказать, больше озабочена априорным устареванием искусства, когда уже даже современники не дают ему шанса быть воспринятым, подходя к нему как к предмету «для помещения в схему категорий» [2. С. 20], подготовленных заранее. Следовательно, искусство не может дисциплинировать наш взгляд; взгляд на искусство сам должен быть должным образом натренирован в качестве критики, «чтобы произведение – и, по аналогии, наш собственный опыт – стало для нас более, а не менее реальным» [Там же. С. 24]. Критика у Сонтаг встает на место, которое у Шкловского занимает искусство, так как само искусство оказывается онтологически однопорядковым остальному миру; произведение искусства – вещь среди вещей. «Чувственное переживание» больше «нельзя принимать как данность» [2. С. 23], однако к интуиции Шкловского, отмечающей историческую обреченность превращения успешного поэтического языка в прозаический, Сонтаг добавляет замечание об определенной другой обреченности – быть воспринятым в свете примата интеллекта над чувством как содержание и быть соответственно проинтерпретированным. Однако это – следствие всего лишь субъективной установки, крайне влиятельной, но не неизбежной.

Интересно другое совпадение идей двух авторов в связанных с этим моментах. Субъективная установка – это все-таки установка по отношению к конкретным произведениям, с которыми должна быть произведена интерпретаторская работа. Следовательно, от нее оказываются спасены произведения, которые, как считается, ее не заслуживают. Так случилось, пишет Сонтаг, с кино, ведь оно «считалось частью массовой, а не высокой культуры, и мыслящие люди его не трогали» [Там же. С. 22]. С другой стороны, искусство в своем «бегстве от интерпретации» [Там же. С. 20] обращается к заигрыванию с массовым искусством; примеры этого – пародия, декоративное искусство, поп-арт. Шкловский, в свою очередь, описывает, как искусство, которое попадает в канон, перестает должным образом выполнять свою функцию, поскольку его поэтический язык принимается читающим обществом в качестве прозаического; поэтому, чтобы сохранять свою трудность восприятия, оно обращается к просторечиям, диалектам и варваризмам [3. С. 24]. И для самого Шкловского один из главных источников примеров приема остранения, наряду с Львом Толстым, – фольклор, загадки, былины и сказки.

Если мы ненадолго позволим себе выйти за заявленные нашей программой рамки двух текстов, то увидим еще одну интересную параллель. Сонтаг пишет, что причиной утраты остроты восприятия являются «перепроизводство», «материальное изобилие», причем не только культурное, а «зрелищ, звуков, запахов» вообще [2. С. 23]. Из этого следует, что «прийти в чувство» возможно не только благодаря внутренней дисциплине зрителя-критика или внешнему дисциплинирующему воздействию искусства, но и вследствие утраты – в прямом смысле слова – изобилия или, по крайней мере, привычного достатка, что возможно, например, во время войны или революции. И в рамках мысли Шкловского действительно возможно сделать такой ход. Обедняя мир, военное время заставляет человека внимательнее всматриваться в привычные вещи, находя для них необычные применения, и, таким образом, выполняет функцию остранения: «Эйхенбаум говорит, что главное отличие революционной жизни от обычной то, что теперь все ощущается. Жизнь стала искусством» [7. С. 260].

4. Эротика. На наш взгляд, самой интересной параллелью между двумя текстами является эксплицитное обращение к теме эротического. Для Сонтаг «эротика» – краткая формула манифестируемой ею программы. Особенно интересно рассмотреть, как оппозиция «герменевтика–эротика» вторит уже упоминавшимся нами оппозициями двух других известнейших «последних тезисов»: «объяснение–изменение»

Маркса и «говорение–молчание» Витгенштейна. Само молчание, пишет Сонтаг, вводится в поэзию французскими символистами, чтобы «восстановить в правах магию слова» [2. С. 20]. Этой магией их стихи начинают обладать постольку, поскольку ускользают от интерпретации, т.е. от возможности однозначного объяснения.

(Отметим еще один схожий момент – терминологический. Важнейшее понятие этой работы Шкловского – «прием»; оно даже вынесено в название. Для Сонтаг важным понятием является «действие»: «У произведения не спрашивали, что оно *говорит,* ибо знали… что оно *делает*» [Там же. С. 14–15] (курсив автора. – *А.Н.*). «Прием» и «действие» – слова одного семантического ряда. Действие совершается в приемах.)

Обращение Шкловского к эротике, на первый взгляд, несколько более поверхностно, хотя он уделяет ей гораздо больше места. Эвфемизмы и загадки – две, на первый взгляд, главных области повседневного практического применения приема остранения, поэтому их слияние в виде эротической загадки кажется чрезвычайно органичным теории Шкловского. Однако стоит снова вспомнить привлекавшую внимание многих цитату: «Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны». «Жену и страх войны» – в этих словах почти что явно звучат Эрос и Танатос.

Второе, впрочем, не кажется слишком удивительным. Итальянский историк Карло Гинзбург в своей статье «Остранение: предыстория одного литературного приема» возводит генеалогию остранения у Льва Толстого к стоикам, в частности к Марку Аврелию [8]. Остранение, таким образом, является, по сути, тем же самым, что французский антиковед Пьер Адо называет стоическим упражнением «физического» определения[2] [9. С. 150]. Однако, что интересно, цитата из «Размышлений» Марка Аврелия, которую оба автора приводят в качестве подтверждения своих позиций, подчеркнуто антиэротична; само эротическое Марк Аврелий остраняет так, чтобы показать его несуразность: «...при совокуплении – трение внутренностей и выделение слизи с каким-то содроганием» (VI, 13, цит. по: [8; 9. С. 151]).

И Адо, и следующий за его пониманием стоицизма Гинзбург пишут, что стоическое «остранение» применялось в качестве напоминания о смерти тем, что мы можем назвать актом некой мыслительной профанации. Интересно приводимое Гинзбургом свидетельство из дневника дочери Толстого [8]. Можно вспомнить и один из наиболее классических случаев использования Толстым остранения, но не в художественных, а в философских целях, в эссе «Что такое искусство?»[3] [10]. И сам Шкловский после нескольких страниц пространных цитат из произведений Толстого и упоминания прочих примеров из них же вынужден одернуться: «Но прием остранения применялся им не только с целью дать видеть вещь, к которой он относился отрицательно» [3. С. 19].

Если для Сонтаг восприятие должно пробудиться в первую очередь для искусства (и уже потом, «по аналогии», – для остального опыта), и исходит она из любви к искусству, то Шкловский признает особую «диалектику жены и войны», как мы можем это назвать: искусство для него не только преодолевает отчуждение узнавания, но и способно выступать инструментом критики, в том числе и социальной, если обратится к вещам глупым, пошлым, несправедливым, страшным. Поэтому оно в равной степени может быть эротичным и танатотичным; здесь мы согласимся с предлагаемым Гинзбургом разделением функций остранения на импрессионистическую и морально- и социально-критическую [8]. Ко второму, впрочем, подойдет и Сонтаг в книге «Смотрим на чужие страдания», где, вполне в согласии со Шкловским, но в гораздо более пессимистичном ключе, напишет о том, как, автоматизируясь, исчезает страх войны[4]. Изменение мира, в конце концов, тоже требует себе эстетически-эротического возвращения реальности, ведь чтобы действовать, нужно сперва уметь увидеть, а чтобы убедить других в необходимости действия – уметь показать[5]. Возможно, самой Сонтаг можно предъявить упрек, схожий с тем, который она сама имеет против «интерпретаторов»: несмотря на более широкий вкус, она считает достойным критики только хорошее искусство; соответственно, танатотические, социально-критические моменты от нее пока еще ускользают.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. с замечанием Кирилла Кобрина: «Как и их правнуки – ”измисты”, энциклопедисты поглядывали на восток с идеологической и небескорыстной надеждой, только в нашем веке роль Екатерины Второй поделили между собой Сталин и Мао» [1].

[2] «Марк Аврелий советует мысленно давать как бы “физическое” определение представившегося объекта, т. е. события или предмета, возбуждающего в нас страсть». [9. С. 150].

[3] Ср. с примером, крайне похожим на те толстовские описания театра, что приводит Шкловский: «Меня провели по темным ходам и проходам подземелья огромного здания, мимо громадных машин для перемены декораций и освещения, где я видел во мраке и пыли что-то работающих людей. Один из этих рабочих с серым, худым лицом, в грязной блузе, с грязными рабочими, с оттопыренными пальцами, руками, очевидно усталый и недовольный, прошел мимо меня, сердито упрекая в чем-то другого. Поднявшись вверх по темной лестнице, я вышел на подмостки за кулисы. Между сваленными декорациями, занавесами, какими-то шестами, кругами стояли и двигались десятки, если не сотни, накрашенных и наряженных мужчин в костюмах с обтянутыми ляжками и икрами и женщин, как всегда, с оголенными насколько возможно телами» [10. С. 42].

[4] Подр. см. [11].

[5] См. также замечание Кирилла Кобрина об эстетическом характере критики буржуазности в [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобрин К. Триумф дезертира: (заметки о книге Ролана Барта «Camera lucida») // Урал. 2000. № 9. URL: http://uraljournal.ru/work-2000-9-1168 (дата обращения: 13.12.2017).
2. Сонтаг С. Против интерпретации / Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
3. Шкловский В.Б. Искусство как прием / Шкловский В.Б. О теории прозы. М. : Сов. писатель, 1983. 384 с.

4. Сонтаг С. Заново рожденная. Дневники и записные книжки 1947–1963. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 344 с.
5. Иглтон Т. Теория литературы: введение / пер. Е. Бучкиной под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М. : Территория будущего, 2010. 296 с. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
6. Альтюссер Л. Ленин и философия. М. : Ад Маргинем Пресс, 2005. 176 с.
7. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие / Шкловский В.Б. «Еще ничего не кончилось...». М. : Вагриус ; СПб. : Пропаганда, 2002. 461 с.
8. Гинзбург К. Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 80 (4). С. 9–29.
9. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М. : Изд-во гуманит. лит., 1999. 320 с.
10. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худ. лит., 1983. Т. 15. С. 41–221.
11. Калинин И.А. Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. 2012. № 116 (4). С. 32–75.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2018 г.

RETURNING THE REALITY: VIKTOR SHKLOVSKY & SUSAN SONTAG

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 28–33.
DOI: 10.17223/15617793/429/3
Aleksandr V. Nikolaev, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.v.nicolaev@gmail.com
Keywords: Shklovsky; Sontag; Russian formalism; defamiliarization; erotics; interpretation.

In the present paper the author researches several existing parallels between two program texts of the 20th-century literary analysis: Viktor Shklovsky's *Art as Technique* (1917) and Susan Sontag's *Against Interpretation* (1964). The author examines these essays as isolated manifestos which suggest two particular while similar approaches to the theory and the value of literature and art in general. Both writers discover the phenomenon of "dulling of the senses", which they both describe using metaphors of "domestication", "making things homely". Shklovsky regards this directly as the automation of perception, while Sontag views a habit of interpretation as its syndrome, which she criticizes. The author suggests that interpretation can be considered, on the one hand, as a certain way of automating the meanings and, on the other, as a development of Shklovsky's ideas in the field of reflection of art criticism: the sensations of things are threatened not only by getting used to them, but also by a purposeful work of mind to domesticate the meanings. Suggested programs to return reality are similar as well. Shklovsky writes about art as of a certain discipline of a reader's or a viewer's perception of things by means of a special device, defamiliarization. For Sontag, who takes a more cynical approach, art has the same ontological status as the rest of the objects and, therefore, the right kind of perception of art itself is required, which is for art criticism to provide. Both writers also address the possibility of turning towards low art as a source of new forms of defamiliarization or as a place to flee from interpretation. Additionally, the author notices that both Shklovsky and Sontag admit the possibility of returning the sharpness to our senses by the literal depletion of the world. Finally, the author addresses another common subject of both texts, which is erotics. In the light of C. Ginzburg's notions on genealogy of defamiliarization from Marcus Aurelius and a distinction between its functions this device can serve, which are impressionistic and socially critical, the author proposes an idea of an inner connection between defamiliarization of the fields of Eros and Thanatos. And while Shklovsky's essay already covers both these aspects, Sontag is yet to compensate her omissions in her subsequent writings. The author considers the fact that she indeed addressed these themes to be an indirect argument for his observation on peculiar similarities on topics, metaphorics and exhortations of these texts.

REFERENCES

1. Kobrin, K. (2000) *Triumf dezertira: (zametki o knige Rolana Barta "Camera lucida")* [Triumph of the Deserter: (notes on the book by Roland Barthes "Camera Lucida")]. *Ural*. 9. [Online] Available from: http://uraljournal.ru/work-2000-9-1168. (Accessed: 13.12.2017).
2. Sontag, S. (2014) *Protiv interpretatsii i drugie esse* [Against Interpretation and Other Essays]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Shklovskiy, V.B. (1983) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Sontag, S. (2013) *Zanovo rozhdennaya. Dnevniki i zapisnye knizhki 1947–1963* [Reborn: Journals and Notebooks 1947–1963]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
5. Eagleton, T. (2010) *Teoriya literatury: vvedenie* [Theory of Literature: introduction]. Translated from English by E. Buchkina. Moscow: Territoriya budushchego.
6. Althusser, L. (2005) *Lenin i filosofiya* [Lenin and Philosophy]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Shklovskiy, V.B. (2002) *"Eshche nichego ne konchilos'..."* ["Nothing has come to an end . . ."]. Moscow: Vagrius; St. Petersburg: Propaganda.
8. Ginzburg, K. (2006) Ostranenie: predystoriya odnogo literaturnogo priema [Estrangement: the prehistory of a literary device]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 80 (4). pp. 9–29.
9. Hadot, P. (1999) *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is the ancient philosophy?]. Translated from French by V.P. Gaydamak. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy lit.
10. Tolstoy, L.N. (1983) Sobranie sochineniy: v 22 t. [Works: in 22 vols]. Vol. 15. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 41–221.
11. Kalinin, I.A. (2012) Sevastopol' v avguste 1855. Voyna, fotografiya i khirurgiya: rozhdenie poetiki moderna [Sevastopol in August 1855. War, photography and surgery: the birth of modern poetics]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 116 (4). pp. 32–75.

Received: 02 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 34–43. DOI: 10.17223/15617793/429/4

УДК 821.161.1

Н.В. Сарана

«DECADENCE» – ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД РОМАНА «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ» М. ГОРЬКОГО

Рассмотрены особенности первого перевода романа «Дело Артамоновых» на английский язык. Автор рассказывает об истории перевода, вышедшего в 1927 г. под названием «Decadence», о причинах его появления, обусловленных личностью переводчика. В статье также представлен анализ последующих переводов «Дела Артамоновых» на английский язык. Статья является итогом исследования, проведенного автором в архиве Ньюхем-колледжа (Кембриджский университет) и Кембриджской университетской библиотеке в 2015–2016 гг. Результаты данного исследования впервые вводятся в научный контекст.

Ключевые слова: «Дело Артамоновых»; М. Горький; «Decadence»; Вероника Скотт-Гатти; Джейн Эллен Харрисон.

Самым первым переводом романа М. Горького «Дело Артамоновых» на иностранный язык был английский перевод. Его сделала в 1927 г. Вероника Скотт-Гатти (Veronica Scott-Gatty). Она дала роману название «Decadence» («Декаданс»). С тех пор «Дело Артамоновых» известно в англоязычной истории литературы в основном как роман «Decadence».

Впоследствии название романа переводили поразному – «The Artamonov Business», «The Artomonovs», но самым нестандартным переводом названия до сих пор остается «Decadence». Несмотря на несовершенства этого перевода (и заглавия, и самого романа), о которых будет сказано ниже, он остается самым востребованным. Пример тому – последнее издание «Дела Артамоновых» на английском языке, подготовленное исследователем русской литературы Irwin Weil (Ирвин Уайл) в издательстве Bison Books в 1984 г. В этом издании используются именно заглавие «Decadence» и перевод Скотт-Гатти [1].

Факт востребованности первого перевода необходимо учитывать, изучая влияние творчества М. Горького на англоязычную аудиторию, – как профессиональную, так и непрофессиональную. Можно сказать, что англоязычным читателям известен не совсем тот роман, каким знают «Дело Артамоновых» те, кто читает его на русском языке. Мы считаем, что славистам, предпринимающим анализ «Дела Артамоновых», необходимо быть информированными об этом феномене.

Что же представляет собой перевод Вероники Скотт-Гатти и каковы причины его появления? В нашей статье мы постараемся ответить на эти вопросы, опираясь на собственное исследование.

Несмотря на то, что иностранные переводы произведений Максима Горького – английские в частности [2] – подробно изучены, результаты нашего исследования дополняют картину представлений английского литературоведческого сообщества 1920-х гг. о творчестве М. Горького и впервые вводятся в научный контекст.

Роман «Decadence» как первый перевод «Дела Артамоновых» на английский язык давал англоязычной публике только приблизительное понимание текста М. Горького. Несовершенство перевода обусловлено представлением о русской литературе, полученным переводчицей Вероникой Скотт-Гатти в процессе ее образования.

О личности переводчицы необходимо рассказать подробнее. На первый взгляд может показаться, что у первого английского перевода два автора – V. Dewey (В. Деви) и Veronica Scott-Gatty (Вероника Скотт-Гатти). Это заблуждение может возникнуть потому, что в 1927 г. перевод «Дела Артамоновых» под названием «Decadence» выходит на английском языке почти одновременно, с разницей в несколько месяцев, в США и в Великобритании. Перевод, как уже было сказано, выходит под двумя разными именами (в США – V. Dewey, в Великобритании – Veronica Scott-Gatty). Предпринятое нами исследование показало, что эти две переводчицы являются одними тем же лицом.

В книге пэров Берка (Burke's Peerage) – издании, авторы которого более 180 лет пишут генеалогическую и геральдическую историю английских семей, – семья Скотт-Гатти описана довольно подробно. Здесь есть в том числе и запись о Веронике Скотт-Гатти, жене сына композитора Альфреда Скотт-Гатти [3. P. 1101] Сообщается, что именно она является переводчицей М. Горького. В книге приводится и девичья фамилия Вероники – Dewey. Именно под этой фамилией вышел американский перевод «Дела Артамоновых» под названием «Decadence». Таким образом, нет оснований сомневаться, что впервые роман «Дело Артамоновых» М. Горького на английский язык перевела именно Вероника Скотт-Гатти, использовав две разные фамилии для британского и американского изданий.

Вероника Скотт-Гатти училась в Кембриджском университете, в Ньюхем-колледже, с 1912 по 1916 г. Ньюхем-колледж был первым колледжем в Великобритании, который начал присуждать женщинам степень M.A. (Master of Arts, степень магистра). Есть также данные о том, что в 1927 г. Вероника Скотт-Гатти одной из первых получила степень M.A. [4. P. 293]. Благодаря консультациям с архивистом колледжа Энн Томпсон, мы можем предположить, что степень была присуждена Веронике Скотт-Гатти именно за ее перевод произведений М. Горького.

Как значится в реестре выпускников Кембриджского университета, Вероника изучала древнегреческий и русский языки. Выбор языков, которые изучала Скотт-Гатти в Кембриджском университете, дает основание связать историю публикации первого английского перевода «Дела Артамоновых» с обширной историей русистики в Великобритании начала XX в.

Во время пребывания Скотт-Гатти в Кембридже в Ньюхем-колледже преподавала Джейн Эллен Харрисон (Jane Ellen Harrison), которая уже была на тот момент знаменитым исследователем древнегреческого языка и античной культуры [5]. Во время учебы Вероники Скотт-Гатти Джейн Эллен Харрисон только начала вести курс по русскому языку наряду с древнегреческим языком. К сожалению, в архивах Кембриджского университета и в личном архиве Эллен Харрисон мы не нашли точного названия того курса, который вела Харрисон у Вероники Скотт-Гатти. Известно только то, что она преподавала русский язык. Учила ли Джейн Харрисон своих студентов искусству перевода? Это остается пока неизвестным. Но в истории переводов Горького Джейн Эллен Харрисон, безусловно, сыграла важную роль.

Джейн Эллен Харрисон к концу своей жизни знала шестнадцать языков, но самыми любимыми языками оставались греческий и русский [6]:

«22 November 1914

I do enjoy teaching my Professor but oh Lord what a language English is – as engaging and childlike as Russian and as ill-regulated. But do you know nothing has made me so happy as the 'aspects' of Russian verbs since first had sight of the Greek participles. I just weep from joy» [6. P. 31].

«22 ноября 1914 года

Мне очень нравится учить моего Профессора, но, Боже, что за язык этот английский – такой же захватывающий и по-детски непосредственный, как и русский, и так же сложно устроен. Но, ты знаешь, ничто не доставляло мне такого удовольствия, как "особенности" русских глаголов, с тех самых пор, как я впервые столкнулась с греческими деепричастиями. Я просто плачу от счастья» (здесь и далее перевод мой, если не указан источник. – *Н.С.*).

Известно, что Харрисон была тесно связана с группой Блумсбери и знала многих русских литераторов, эмигрировавших в Лондон. Это давало ей возможность не только изучать историю русской литературы и переводить произведения на английский (Харрисон принадлежит первый английский перевод «Жития протопопа Аввакума» с предисловием Д.П. Мирского; она также перевела 21 русскую сказку, вошедшую в сборник «Книга медведя». Медведь был ее любимым символом, которым она описывала Россию), но и писать критические статьи об истории русского языка и литературы.

Русскую современность Харрисон узнавала из переписки с русскими знакомыми или из бесед с эмигрантами, у которых она училась языку. Но главным источником «русского» для нее была дружба с Д.П. Мирским. Про отношения Мирского и Харрисон написано много работ, собрана их переписка [7, 8]. Как известно, именно Эллен Харрисон Мирский посвятил первое издание «Истории русской литературы» [9. P. V].

Русские связи Джейн Эллен Харрисон могут стать предметом отдельного исследования. Для нас они важны тем, что именно Харрисон предложила Веронике Скотт-Гатти переводить Горького. В процессе нашей исследовательской работы с помощью сотрудника архива Ньюхем-колледжа была найдена анкета Вероники Скотт-Гатти. В этой анкете (см. Приложение 3) от 1956 г. Вероника Скотт-Гатти, отвечая на вопрос о публикациях, пишет:

«Two books translated from Russian, **owing to the recommendation of Jane Ellen Harrison**:

'Reminiscences of My Youth' by Maxim Gorki published by Heinemann in 1924;

'Decadence' by Maxim Gorki published by Cassels in 1927.

But these works were very pedestrian, and by no means literary productions.

Short stories from the Russian that appeared in the *Nation* owing to the kindness of Leonard Woolf. "The Charming Child" by Averchenko 1923, "The child" by Vsevolod Ivanov 1927.

Contribution to various periodicals» [10. Scott-Gatty]

«Две книги переведены с русского языка **по рекомендации Джейн Эллен Харрисон**:

"Воспоминания моей юности" ("Мои университеты". – *Н.С.*) Максима Горького, издательство Heinemann, 1924 г.; "Декаданс" Максима Горького, издательство Cassels, 1927 г.

Но эти работы очень прозаичны и не должны восприниматься как художественные произведения.

Рассказы, переведенные с русского, печатались в "The Nation" благодаря помощи Леонарда Вульфа. "Очаровательный ребенок" (Предположительно, отрывок из "Рассказов о детях". – *Н.С.*) Аверченко в 1923 году; "Ребенок" ("Дите". – *Н.С.*) Всеволода Иванова в 1927 г.

Статьи в различных журналах».

(Необходимо заметить, что в своей анкете В. Скотт-Гатти неточно указывает даты публикации своих переводов в «The Nation»: перевод Аверченко вышел в журнале 8 марта 1924 г. [11. P. 794–795], а перевод Иванова – 27 июня и 4 июля 1925 г. [12. P. 427–428]. – *Н.С.*).

Анкета переводчицы подтверждает наши предположения о влиянии Джейн Эллен Харрисон на творчество Вероники Скотт-Гатти. Из анкеты видно, что Скотт-Гатти переводила не только Горького, но и Аверченко и Вс. Иванова. Переводы последних были напечатаны в знаменитом журнале «The Nation and Athenaeum», который издавал Леонард Вульф, член группы Блумсбери, с которым Вероника могла познакомиться именно через Харрисон. Сама Харрисон тоже публиковалась в этом журнале.

Реконструировав личность переводчицы и круг ее общения, мы можем объяснить выбор названия, которое дала Вероника Скотт-Гатти своему переводу «Дела Артамоновых». «Decadence» в переводе с французского означает «упадок». Такое название, скорее всего, возникло у переводчицы благодаря влиянию взглядов Д.П. Мирского, который в своем произведении «Современная русская литература» описывает неизменно в терминах «упадка» период русской литературы, связанный с Горьким:

«Russian Realism appeared to be languishing away. But there was yet to come the wonderful Indian summer of Chekhov. Chekhov was the crest of a second and last wave in the history of Russian Realism. His death in 1904

marks **the end**. Before his death there had arisen a younger group of writes, who about 1900 aroused great expectations, but though Gorky and Bunin have produced work of a high order, the work of this generation turned out to be but **the dying echo of a great past**. A new age was preluded by different voices.

The period which witnessed the rise and **decline** of the Russian novel was a period of radical changes in Russian life…» [13. P. 16–17].

«Русский реализм уходил с литературной сцены. Но впереди еще будет его восхитительная бабье лето – Чехов. Чехов был символом второй и последней волны русского реализма. Его смертью в 1904 г. отмечен **конец этой эпохи.** Незадолго до смерти Чехова появилась группа молодых писателей, которые подавали большие надежды на рубеже веков. Несмотря на то, что Горький и Бунин были выдающимися писателями, работы писателей их поколения стали только **слабым отголоском великого прошлого.** Новое время породило другие голоса.

Этот период стал моментом подъема и **упадка** русского романа и временем радикальных перемен в русской жизни».

Вероника Скотт-Гатти, скорее всего, читала воспоминания Максима Горького о Льве Толстом на английском языке, которые были в Кембриджской библиотеке в то время. В этих воспоминаниях упоминается история семьи, похожая на историю семьи Артамоновых:

«I [Gorky] told him the actual story of three generations of a merchant family which I had known, a history in which the law of **a degeneration** had acted with particular mercilessness. Then he [Tolstoy] began excitedly tugging at my arm and encouraging me to write about it: “Now that’s true. I know it; there are two families like that in Tula. It ought to be written. A long novel, written concisely, do you see? You must do it.” His eyes flashed» [14. P. 65].

«Я рассказал ему историю трех поколений знакомой мне купеческой семьи, – историю, где закон **вырождения** действовал особенно безжалостно; тогда он стал возбужденно дергать меня за рукав, уговаривая:

– Вот это – правда! Это я знаю, в Туле есть две таких семьи. И это надо написать. Кратко написать большой роман, понимаете? Непременно!

И глаза его сверкали жадно» [15. С. 502].

Как мы видим, в английском переводе этот отрывок из воспоминаний Горького о Толстом начинается со слова «degeneration», синонима «decadence». Возможная связь этого отрывка с названием первого английского перевода отмечалась в статье В. Рогова «О переводе названий» (Иностранная литература. 1998. № 4).

Несмотря на столь радикальное изменение названия романа «Дело Артамоновых» на название «Decadence», само слово «decadence» не встречается на страницах перевода, сделанного Вероникой Скотт-Гатти. Текст же не имеет предисловия от переводчика, которое могло бы пояснить этот выбор.

Здесь необходимо напомнить о том, что в своей анкете Скотт-Гатти называет переводы М. Горького «очень прозаичными» и «ни в коем случае не художественными произведениями». Этот честный комментарий подтверждается, в частности, тем, как Вероника Скотт-Гатти перевела название другого произведения Горького – «Мои университеты», – изменив название на «Reminiscences of my youth». Здесь мы находим такое примечание переводчика:

«The Russian title of the present volume is *My Universities,* but since Gorki never went to a university, and the book deals entirely with the reminiscences of his early youth, the title has been changed to *Reminiscences of My Youth*, as being more descriptive of the contents of the book» [16. P. vii].

«Русское заглавие данной книги – “Мои университеты”, но так как Горький не заканчивал университет, а книга посвящена в основном его воспоминаниям о ранней юности, я поменяла название книги на “Воспоминания о моей молодости”, так как оно лучше отражает содержание книги».

При переводе заглавия книги «Мои университеты» Скотт-Гатти воспользовалась, на наш взгляд, одним из способов прагматической адаптации текста – опущением нерелевантной для английского читателя информации. В результате, как нам кажется, заглавие *Reminiscences of My Youth* не передает смысла произведения: оригинальное название «Мои университеты» указывает на то, что время, описанное Горьким, научило, воспитало его, а *Reminiscences of My Youth* не несет в себе подобной коннотации.

При переводе заглавия «Дело Артамоновых» Скотт-Гатти также применяет один из способов прагматической адаптации текста, но на этот раз она пользуется приемом генерализации. «Decadence» представляется заглавием со значением более общим, менее соответствующим оригиналу, но более понятным для английского читателя.

Кроме того, Скотт-Гатти несколько раз пользуется нулевым переводом в тексте романа и не переводит слова-реалии. Так, к примеру, название церкви Никола на Тычке, упомянутой в самом начале романа, Скотт-Гатти переводит как «St. Nicholas on-the-Tychok». Тогда как переводчик Алек Браун (Alec John Charles Brown), о котором мы будем говорить далее, не воспользовался опцией нулевого перевода: в его варианте церковь называется «St. Nicholas on the Ladder».

Переводчица гораздо чаще, чем все другие переводчики «Дела Артамоновых», пользуется способом эксплицирования, т.е. делает объяснительные сноски в романе. Этот способ перевода подтверждает наше предположение о том, что роман, вышедший под названием «Decadence», был рассчитан на «усредненного» читателя, а не на специалистов в русском языке и культуре. Подтверждением тому можно считать утерянную в переводе Скотт-Гатти метафоричность оригинального текста. К примеру, метафора Горького «Тишина была натянута над землею туго, точно кожа барабана» переведена Вероникой Скотт-Гатти слово в слово, теряя свою звучность и метафоричность – «The stillness was drawn tightly over the earth like the parchment of a drum» (Земля была плотно накрыта тишиной как куском барабана). Гораздо поэтичнее эта фраза переведена Алеком Брауном – «The silence was drawn down over the world, tight like the skin of a drum» (Тишина была натянута над миром, тугая, словно кожа барабана).

Также в отдельных эпизодах утерян горьковский психологизм. К примеру, в самой последней фразе романа. Петр Артамонов, уже умирающий, «закрыл глаза и сквозь зубы повторил с лютой яростью» своей жене, которая приносит ему последнюю еду в доме: «Не хочу. Прочь». Слово «прочь» переводится Вероникой Скотт-Гатти как нейтральное «Take it away» («унеси»). То есть перевод не только не передает экспрессивной русской интонации этого выражения, но и явно относится не к жене Артамонова, а к хлебу с огурцом, которые она ему приносит.

Алек Браун переводит этот фрагмент следующим образом: «Pushing aside her hand, Peter Artamonov closed his eyes firmly, and, with blinding rage, repeated through set teeth: I don't want it. Go away!». Переводчик не только правильно указывает адресата фразы «Прочь» («Go away» – уйди прочь), но и передает состояние «лютой ярости» (blinding rage) Артамонова. Браун сохраняет настроение и смысл заключительной фразы романа, а его перевод достигает коммуникативного эффекта, в отличие от перевода Скотт-Гатти.

В тех же случаях, когда перевод требует буквальности, Скотт-Гатти вполне справляется с задачей. Пример тому – отрывок, повествующий о свадьбе младшего Артамонова. Этот отрывок является чрезвычайно сложным для перевода, поскольку на свадьбе местные девушки поют частушки. Максим Горький приводит одну из них:

С хором бы тя о борону,
Да с горы бы тя о
каменье,
Чтобы ты нас не
обманывал,
Не хвалил бы, не
нахваливал
Чужедальние стороны,
Нелюдимые слободы, –
Они горем насеяны,
Да слезами поливаны
[17. С. 23].

Несмотря на то, что в большинстве случаев перевод Скотт-Гатти не выдерживает сравнения с переводом Алека Брауна (см. приложение 4), в случае с переводом русской частушки вариант Скотт-Гатти, на наш взгляд, оказывается гораздо ближе к русскому оригиналу. Скотт-Гатти решает использовать английский nursery rhyme для перевода русской частушки:

On a harrow you'll be flung,
Merry songs around you sung,
Stones shall pelt you
From the hill
[18. P. 31].

Алек Браун переводит эту частушку анапестом, при этом теряя «фольклорную» рифму:

May this company hurl and break you
From the heights on the rocks,
Never reckon to deceive us,
Never either sing the praises…
[19. P. 26].

Перевод русской частушки доказывает, что Скотт-Гатти получила достаточно хорошее представление о русском языке для того, чтобы понимать особенность рифмы частушки. Но этого очевидно недостаточно для сохранения в переводе стилистических особенностей текста Горького.

Таким образом, английский вариант романа «Дело Артамоновых», выполненный Вероникой Скотт-Гатти, представляет собой тщательно выполненное ученическое упражнение в русско-английском переводе. Несмотря на очевидное владение теорией и техникой художественного перевода, Скотт-Гатти, на наш взгляд, не использовала весь потенциал текста оригинала.

Если вспомнить слова Скотт-Гатти в ее университетской анкете («эти работы очень прозаичны и не должны восприниматься как художественные произведения»), то можно предположить, что она и не стремилась к созданию выдающегося перевода. Ею могло двигать желание попробовать свои силы в переводе с русского или это было лишь университетским заданием.

Таким образом, первый английский перевод романа М. Горького «Дело Артамоновых» не может дать англоязычным читателям истинного представления об одном из выдающихся произведений ранней советской литературы, важного для понимания советской литературы в целом. Тем не менее в течение двадцати лет английская публика могла познакомиться с романом «Дело Артамоновых» только по переводу Скотт-Гатти. Следующий перевод «Дела Артамоновых», сделанный Алеком Брауном, о котором мы упоминали выше, вышел только в 1948 г. под названием «The Artamonov Business».

Как и Вероника Скотт-Гатти, Алек Браун учился в Кембридже (но в другом колледже – St. John College). Как мы выяснили в ходе нашего исследования, Алек Браун также изучал русский язык у Джейн Эллен Харрисон, но тремя годами позже Скотт-Гатти. Кроме русского, он изучал еще французский и сербский языки. В 1920 г. Алек Браун сдал выпускной экзамен по русскому языку и литературе [20. P. 182].

Существует также и третий английский перевод романа «Дело Артамоновых», под названием «The Artomonovs», но он был сделан в Москве в 1949 г., для советского издательства иностранной литературы (ИИЛ) [21].

Таким образом, два из трех известных переводов сделаны в Кембридже учениками Джейн Эллен Харрисон, чье увлечение русской литературой и культурой дало толчок к публикации романа Максима Горького «Дело Артамоновых» на английском языке.

Первый английский перевод Вероники Скотт-Гатти можно считать безусловно несовершенным. К нему можно было бы отнестись как к архаичному переводу «Дела Артамоновых» и как к факту литературоведческой истории. Но именно перевод Вероники Скотт-Гатти под названием «Decadence» был взят к переизданию в 1984 г. издательством Bison books [1]. Поскольку в настоящее время это издание – последняя по времени публикация «Дела Артамоновых» на английском языке, именно с помощью этого перевода современные англоязычные читатели составляют себе представление о романе М. Горького.

Учитывая этот факт, мы сочли необходимым познакомить исследователей романа «Дела Артамоновых» с результатами нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gorky M. Decadence / by Maxim Gorky; translated by Veronica Scott-Gatty. Bison Books, 1984. Reprint. Originally published: New York : Robert M. McBride, 1927.
2. Terry Garth M. Maxim Gorky In English: a Bibliography, 1868–1936–1986. Cotgrave, Nottingham : Astra Press, 1986.
3. Burke's Peerage and Baronetage. 1939.
4. Newnham College Register. Vol. 1: 1871–1923.
5. Robinson A. The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford : Oxford UP, 2002.
6. Jane Ellen Harrison Archives, GBR/2911/PP Harrison/1/1/31.
7. Mirsky D.S. Jane Ellen Harrison and Russia. Cambridge : W. Heffer & Sons, 1930.
8. Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life 1890–1939. Oxford : Oxford University Press, 2000.
9. Svjatopolk-Mirskij D.N. A History of Russian Literature: From the Earliest times to the Death of Dostoyevskij (1881). London : Routledge, 1927.
10. Newham College Archive. Roll Office file – Scott-Gatty.
11. The Nation & The Athenaeum 34. 8 March. 1924.
12. The Nation & The Athenaeum 37. 4 July. 1925.
13. Mirsky D.S. Modern Russian Literature. London : Humphrey Milford, 1925.
14. Gorky M. Reminiscences of Leo Nicolayevitch Tolstoi / authorized translation from the Russian by S.S. Koteliansky and Leonard Woolf. Richmond : Leonard & Virginia Woolf at the Hogarth Press, 1920.
15. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. / ред. С.А. Макашин. М. : Худ. лит., 1978. Т. 2.
16. Gorky M. Reminiscences of my youth / translated from Russian by Veronica Dewey. London : W. Heinemann, 1924.
17. Горький М. Собрание сочинений. Т. 1–22. М. ; Пг. (Л.), 1924–1929. Т. 19.
18. Gorky M. Decadence / translated from Russian by Veronica Dewey. New York : Robert M. McBride, 1927.
19. The Artamonovs / translated from Russian by Alec Brown. London : Folio Society, 1948.
20. University of Cambridge. The Historical Register of the University of Cambridge. Supplement, 1911–20. Cambridge : At the UP, 1922.
21. Gorky M. The Artamonovs / translated by Helen Altschuler. Moscow : Foreign Languages Press House, 1949.

Приложение 1

Хронологический список английских переводов романа «Дело Артамоновых»

Публикации на английском	Название	Примечание
1927 Gorky, M. (1927). *Decadence / by Maxim Gorky; translated by Veronica Scott-Gatty*. London: Cassell & Company Ltd.	Decadence	Translator – Veronica Scott-Gatty
1927 Gorky, M. (1927). *Decadence / by Maxim Gorky; translated from the Russian by Veronica Dewey*. New York : Robert M. McBride.	Decadence	Translator – V. Dewey
1928 Gorky, M. (1928). *Decadence / by Maxim Gorky; translated by Veronica Scott-Gatty*. London : Cassell & Company Ltd.	Decadence	Translator – Veronica Scott-Gatty
1948 Gorky, M. (1948). *The Artamonov business/ by Maxim Gorky; translated by Alec Brown*. London : Hamish Hamilton.	The Artamonov business	Translator – Alec Brown
1949 Gorky, M. (1949). *The Artamonovs / by Maxim Gorky; translated by Helen Altschuler*. Moscow : Foreign Languages Press House.	The Artamonovs	Translator – Helen Altschuler
1955 Gorky, M. (1955). *The Artamonovs / by Maxim Gorky; translated by Alec Brown*. London : Folio Society.	The Artamonovs	Translator – Alec Brown
1984 Gorky, M. (1984). *Decadence / by Maxim Gorky; translated by Veronica Scott-Gatty*. Bison Books. Reprint. Originally published. New York : Robert M. McBride, 1927.	Decadence	Translator –Veronica Dewey Foreword – Irwin Weil

Выписка из указателя выпускников колледжа Ньюхем

1912

burg 1921-43.

COULSON, HILDA EMILY LOUISE: b. 3 Mar. 1892 at Cambridge. Educ. Perse Girls' Sch.; Newnham 1912-15; Nat. Sci. Trip. Pt I Cl.II 1915. A.M. at Farringtons, Chislehurst, 1915-21, at St Helen's Sch. Norwood 1922-24. Died 26 Sept. 1924. n.c.

CRANKSHAW, ELIZABETH MAY: b. 3 Apr. 1893 at Bolton, Lancs. Educ. Bolton H.S.; Newnham 1912-15; Hist. Trip. Pt I Cl.III 1914, Pt II Cl.II.2 1915; M.A. 1923. A.M. Wheelwright Girls' Sch. Dewsbury 1922-36? n.c.

CROSS, MARY: b. 12 April 1893 in London, dau. of Robert Cross, actuary, and Edith Susanna Benger, formerly school mistress. Educ. N. London Colleg. Sch.; Newnham 1912-15; Math. Trip. Pt I Cl.II 1913, Pt II Cl.III 1915; M.A. 1923. Tchrs' Dipl. Bedford Coll. London 1916. A.M. S. Hampstead H.S. 1916-17; Y.W.C.A. trainee 1918-19 and worker 1919-41; seconded to Y.W.C.A. of India, Burma and Ceylon, posts in Madras, Calcutta and finally Gen. Sec. Bombay 1920-41. Social work in Herts since 1943-74, incl. member and treas. Wigginton Parochial Ch. Council and member of St. Albans Dioc. Moral Welfare Council. Publ. contribs to Y.W.C.A. of India, Burma and Ceylon magazine, editor monthly news sheets.

D'AGUILAR, FRANCES WINIFRED: b. 14 Oct. 1885 at Dalhousie, Punjab, dau. of Major Francis Burton Grant D'Aguilar, R.E. Indian Army, and Frances Louisa Stockwell. Educ. Roy. Sch. for Officers' Daughters, Bath; Cheltenham Ladies' Coll.; Newnham 1912-15; Hist. Trip. Pt I Cl.II.2 1914; Pt II Cl.II.1 1915; M.A. 1923. Camb. Tchg. Certif. (Cheltenham) 1908. A.M. at Northampton H.S. and at Bath H.S. 1909-11. A.M. Dame Alice Owen's Sch. London, E.C.1 1915-45. Died Jan. 1966.

DEWEY, ELAYNE VERONICA (Mrs SCOTT-GATTY): b. 10 Feb. 1893 in London, dau. of Rev. Sir Stanley Daws Dewey, Bart., and Emily Rose Pryce; m. 24 Feb. 1927 Alexander John Scott Scott-Gatty, actor, son of Sir Alfred Scott-Gatty, K.C.V.O., Garter King-of-Arms. Educ. at home; Newnham 1912-16; Class. Trip. Pt I Cl.II.3 1915, Med. & Mod. Lang. Trip. (Russ.) Cl.II 1916; M.A. 1927. A.M. Kensington H.S. 1921-22; journalist 1924-27. Publ. transl. from Russian Maxim Gorki's Reminiscences of my Youth (1924), Decadence (1927); short stories and other contribs to various periodicals. Died 17 June 1970.

DYER, BERYL (Mrs BOLTON): b. 17 Dec. 1893 in London, dau. of Dr Bernard Dyer, analytical chemist, and Edith Steel; sis. of Gwen Dyer (q.v.); m. 14 Feb. 1918 Louis Hamilton Bolton: 1s., 3d. including Anne Bolton (q.v.). Educ. Tremarth, Hampstead; Prior's Field, Godalming; Bedford Coll. London; Newnham 1912-15; Nat. Sci. Trip. Pt I Cl.III 1915; M.A. 1935. M.R.C.S., L.R.C.P. 1933. Med. research at Nat. Hosp. for Nervous Diseases, London, 1934-39; psychiatrist at Mill Hill Emerg. Hosp. 1939-42; M.O. for R.A.F. 1942-45; psychiatrist Maida Vale Hosp. and Eliz. Garrett Anderson Hosp. 1945-48; Sen. Clinical Assist. Psychiatric Dept. London Hosp. 1948-63. Publ. contrib. to Jour. Neurology & Psychiatry 1939. Died 10 Dec. 1977.

ELAM, CONSTANCE FLIGG: see (Mrs) TIPPER RESEARCH FELLOW 1930.

ELY, DOROTHY MILDRED (Mrs MOORE): b. 31 Aug. 1892 at Helensburgh, dau. of George Herbert Ely (Herbert Strang), author, and Frances Emmens; m. 27 Dec. 1916 George Edward Moore, O.M., Prof. of Philos. Camb. Univ.: 2s.. Educ. Ayr Acad.; Croydon H.S.; Newnham 1912-15; Class Trip. Pt I Cl.III.3 1915; M.A. 1931. Died 11 Nov. 1977.

FAIRHURST, SUSIE SUTHERLAND (Mrs ISAACS): b. 24 May 1885 at Bolton, Lancs., dau. of William Fairhurst and Miriam Sutherland; m. (1) 1917 Prof. W.B. Brierley, botanist (marriage dissolved), (2) 1924 Nathan Isaacs. Educ. Bolton Sec. Sch; Manchester Univ. [B.Sc.]; Newnham 1912-13 as res. student in Psychol.. D.Sc.(Lond.). Lect. in Psychol. Darlington Tr. Coll. 1913-17; Extension Lect. and W.E.A. Tutor 1917-24; head of Malting Ho. Sch. Cambridge 1924-31(?); psychol. at London Clinic of Psych-Anal. 1931-33 and on staff until death; head of Dept. of Child Development London Univ. Instit. of Educ. 1933-43. Publ. The Nursery Years (1929), The Children We Teach, The Behaviour of Young Children (1933), Social Development in Young Children (1933), Psychological Aspects of Child Development (1935), Troubles of Children and Parents (1948), Childhood and After (1948); memo to H.O. Cttee on Care of Chn (Curtis Cttee) 1945; many articles on child psychol.

239

Newnham College Register. Vol. 1: 1871–1923. P. 239.

Анкета Вероники Скотт-Гатти из архива колледжа Ньюхем.
Newham College Archive. Roll Office file – Scott-Gatty

13. LIST OF APPOINTMENTS HELD, OR WORK DONE, with dates.

1921 – 22 Classical Mistress at Kensington (Girls Public Day School Trust Company) H.S.

Some free-lance journalism between 1924 & 1927, in the form of short articles in "John o London's Weekly", "Onward", "T.P's Weekly" etc. "Wonderful London" & "Wonderful Britain".

14. VOLUNTARY WORK, if any. during 1939 War Part-Time V.A.D. at the Sanatorium Milford, Surrey & Civil Defence Work.

15. PUBLICATIONS. Please give titles of books and date of publication and names of periodicals contributed to.

Two books translated from Russian, owing to the recommendation of Jane Ellen Harrison :-
"Reminiscences of My Youth by Maxim Gorki published by Heinemann 1924
"Decadence" by Maxim Gorki published by Cassells in 1927.
but these were very pedestrian, & by no means literary productions.

Short Stories from the Russian that appeared in The Nation owing to the kindness of Leonard Woolf. "The Charming Child" by Averchenko 1923
"The Child" by Vsevolod Ivanov 1927

Contrib. to various periodicals.

16. ANY OTHER INFORMATION. For example, Honours; Fellowship of Societies; Membership of Public Bodies, Trusts, etc.; Athletic Achievements; Non-professional interests.

Of course, please leave out any of this, that is too trivial. It is all very small beer but I can't think of anything interesting to say! V.S-G.

Приложение 4

Материалы к сравнению переводов «Дела Артамоновых» 1927 и 1948 г.

D – Gorky M. Decadence / translated from Russian by Veronica Dewey. New York : Robert M. McBride, 1927.
A – The Artamonovs / translated from Russian by Alec Brown. London : Folio Society, 1948.
R – Горький М. Собрание сочинений. Т. 1–22. М. ; Пг. (Л.), 1924–1929. Т. 19.

R	D	A
С. 7–8 Года через два после воли [*т.е. после отмены крепостного права в 1861 г. – Ред.*], за обедней в день преображения господня [*6 августа по ст. стилю, т.ж. яблочный спас. – Ред.*], прихожане церкви Николы на Тычке заметили «чужого», – ходил он в тесноте людей, невежливо подталкивая их, и ставил богатые свечи пред иконами, наиболее чтимыми в городе Дремове. Мужчина могучий, с большою, колечками, бородой, сильно тронутой проседью, в плотной шапке черноватых, по-цыгански курчавых волос, носище крупный, из-под бугристых, густых бровей дерзко смотрят серые, с голубинкой, глаза, и было отмечено, что когда он опускал руки, широкие ладони его касались колен. Ко кресту он подошел в ряду именитых горожан; это особенно не понравилось им, и, когда обедня отошла, виднейшие люди Дремова остановились на паперти поделиться мыслями о чужом человеке. Одни говорили – прасол [*мясник. – Ред.*], другие - бурмистр [*управляющий в имении. – Ред.*], а городской староста Евсей Баймаков, миролюбивый человек плохого здоровья, но хорошего сердца, сказал, тихонько покашливая: – Уповательно – из дворовых людей, егерь или что другое по части барских забав. А суконщик Помялов, по прозвищу Вдовый Таракан, суетливый сластолюбец, любитель злых слов, человек рябой, и безобразный, недоброжелательно выговорил: – Видали, – лапы-те у него каковы длинны? Вон как идет, будто это для него на всех колокольнях звонят. Широкоплечий, носатый человек шагал вдоль улицы твердо, как по своей земле; одет в синюю поддевку добротного сукна, в хорошие юфтовые [*из бычьей кожи, выделанной по русскому способу, на чистом дегте. – Ред.*] сапоги, руки сунул в карманы, локти плотно прижал к бокам. Поручив просвирне [*женщина в каждом приходе, приставленная для печенья просвир; обычно вдова духовного звания. – Ред.*] Ерданской узнать подробно, кто этот человек, горожане разошлись, под звон колоколов, к пирогам, приглашенные Помяловым на вечерний чай в малинник к нему.	P. 1 On the Day of the Transfiguration of Our Lord, about two years after the Emancipation, the parishioners of the church of St.Nicholason-the-Tychok noticed a stranger at Mass. He was jostling the crowd rudely, and placing sumptuous candles before the greatest ikons of the town of Dryomov. The stranger was a powerful man, with a big nose, a full curly beard strongly marked with grey, and a mass of dark, curly hair like a gipsy. His blue-grey eyes looked out insolently from beneath thick, projecting eyebrows, and it was noticeable that when he dropped his arms his broad palms touched his knees. He approached the cross at the same row as the most eminent men in the town, a thing they particularly disliked, and when Mass was over, the most important people in Dryomov stayed in the porch to exchange opinions about the stranger. Some said he was a cattle-dealer, others a mayor, but the starosta of the town, Yevsei Baimakov, a peace-loving man, of bad health but kind heart, said with a quiet cough: “He is probably a nobleman’s servant, a huntsman, or something else to do with gentlefolk’s amusements”. But Pomyliv, the draper, an ugly pockmarked man going by the nickname of ‘Widower Cockroach”, who was also a restless sensualist with a taste for malicious talk, exclaimed malevolently: “Do you see what long paws he has? Look at him walking along as if the bells in every belfry were ringing in his honour!” Dressed in a dark blue overcoat of stout cloth and a good pair of Russian leather boots, the broad-shouldered, big-nosed man was marching along the street as if the whole place belonged to him, his hands thrust in his pockets and his elbows pressed close to his sides. Having entrusted the task of finding out details to Erdanskaya, the woman who made the holly bread, the townsfolk departed at the sound of bells to eat their pies, after Pomyalov had invited them to tea that evening in his raspberry garden.	P. 9–10 A year or two after the Liberation of the Serfs, at communion on Transfiguration Day, the congregation of St. Nicholas on the Ladder observed a stranger in their midst. The fellow actually elbowed his way very rudely into the thick of them – to light expensive candles at the most venerated of the ikons of the town of Dromov. He was powerfully built, with an immense curly beard, well shot with grey; his pate well capped with a fleece of dark, rather gipsyish curly hair; his nose huge; and grey eyes with a touch of blue in them, defiant under the dense ridges of his eyebrows. People noticed too that, when he dropped his arms, his immense fists reached to his knees. When it came to kissing the cross, there he was with the town elite! That they found particularly displeasing, and when they came out from communion the leading citizens of Dromov gathered at the church porch to discuss the stranger. Some thought he must be a meat and fish wholesaler, others – an estate bailiff; but the mayor, Evgeny Baimakov, a peaceable man whose health was as poor as his heart was kind, cleared his throat gently and said: ‘I should put him down to be a member of some noblesman’s household staff – groom, or something else to do with sporting life’. But Pomialov the draper, known as Widowed Cockroach, a restless sensualist, a lover of foul language, pock-marked and altogether a nasty piece of work, said maliciously: ‘Any of you notice his paws – those long arms, I mean? Look at him there, stalking along as if the belfries were a-pealing for him’. The broad-shouldered, large-nosed stranger was pacing steadily down the street as if the soil he trod belonged to him; he was dressed in a knee-length peasant frock-coat of good blue stuff, good quality soft Russian leather knee-boots; hands thrust deep into pockets, elbows snug at his sides. Telling Mrs. Yerlandsky (who made the church wafers) to find out all about the man, the citizens went their ways, while the bells still rang. Meat pasties awaited them. Pomialov invited them all to drink tea with him that evening in his raspberry garden.
С. 23 С хором бы тя о_ борону, Да с горы бы тя о_ каменье, Чтобы ты нас не обманывал, Не хвалил бы, не нахваливал Чужедальние стороны, Нелюдимые слободы, - Они горем насеяны, – Да слезами поливаны.	P. 31 On a harrow you’ll be flung, Merry songs around you sung, Stones shall pelt you from the hill; And this because you treat us ill, And fill our ears with foolish lies By singing praises to the skies Of distant lands with sorrow sowed. Where tears like floods have overflowed.	P. 26 May this company hurl and break you From the heights on to the rocks, Never reckon to deceive us, Never either sing the praises Of your distant foreign parts, For your freedoms are not decent But by sorrow are they sown And by weeping are they watered.
С. 50 Тишина была натянута над землею туго, точно кожа барабана	P. 68 The stillness was drawn tightly over the earth like the parchment of a drum	P. 54 The silence was drawn down over the world, tight like the skin of a drum

С. 259 Оттолкнув ее руку, Артамонов крепко закрыл глаза и сквозь зубы повторил с лютой яростью: – Не хочу. Прочь.	P. 356 But Artamonov pushed her hand away, and with his eyes fast shut and his teeth clenched, repeated in a violent rage: “ I don’t want it. Take it away”.	P. 343 Pushing aside her hand, Peter Artamonov closed his eyes firmly, and, with blinding rage, repeated through set teeth: I don’t want it. Go away!”
С. 127–128 Был конец февраля; оттепель угрожала вьюгой; серенький туман висел над землею, скрывая небо, сузив пространство до размеров опрокинутой над Артамоновым чаши; из нее медленно сыпалась сырая, холодная пыль; тяжело оседая на волосах усов, бороды, она мешала дышать. Артамонов, шагая по рыхлому снегу, чувствовал себя так же смятым и раздавленным, как в ночь покушения Никиты на самоубийство и в час убийства Павла Никонова. Сходство тяжести этих двух моментов было ясно ему и тем более опасным казался третий. Было ясно, что он никогда не сумеет сделать эту барыню любовницей своей. Он уже и в этот час, видел, что внезапно вспыхнувшее влечение к Поповой ломает и темнит в нем что-то милое ему, отодвигая эту женщину в ряд обычного. Он слишком хорошо знал, что такое жена, и у него не было причин думать, что любовница может быть чем-то или как-то лучше женщины, чьи пресные, обязательные ласки почти уже не возбуждали его.	P. 174–175 It was the end of February and a thaw had set in, the signal of an impending snowstorm. A grey mist hung over the ground, hiding the sky from sight and making Artamonov’s horizon seem a bowl inverted over him. From this bowl there poured a slow stream of cold grey dust, which settled so thickly upon his moustache and beard that it almost prevented his breathing. Striding along over the powdery snow, he felt even more depressed and dejected that on the night of Nikita’s attempted suicide and at he time of the murder of Pavyel Nikonov. For it was clear to him that on both these occasions he had been in a similar state of depression, a fact which made this third occasion seem all the more dangerous. And it was also clear that he would never be able to make this lady his mistress. Already he saw that his sudden and ardent attachment for her was obscuring and breaking down something which he prized in himself. Already it was consigning her to the ranks of commonplace. He knew too well what a wife was like, and he had no grounds for thinking that a mistress would be in any way better that the woman whose vapid and forced embraces hardly ever excited him now.	P. 135 It was the end of February. The thaw was threatening a blizzard. A dirty grey haze hung low, blotting out of sky, and diminishing space to a cup upturned over his head, out of which a damp, chilly dust was slowly sifted, settling heavily on moustaches and beard, and making breathing difficult. Threading the half-melted snow, Artamonov felt crumpled and crushed, just as he had been that night when Nikita tried to commit suicide, and again when he killed little Nikonov. The similarity of the burden of those two moments was clear to him, and that made this third one seem all the more menacing. It was obvious that he would never succeed in making a lady like Mrs. Popov his mistress. What was more, he could already see that this physical attraction towards her which had suddenly flared up in him had destroyed and blackened something very precious within him, transforming her into a woman like any other. He knew far too well what women were, and had no reason to suppose that a mistress could be anything different, or better that his own wife, whose inevitable, brackish caresses had almost entirely ceased to excite him.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2018 г.

DECADENCE: THE FIRST ENGLISH TRANSLATION OF MAXIM GORKY’S _DELO ARTAMONOVYKH_

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 34–43.
DOI: 10.17223/15617793/429/4

Natalia V. Sarana, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sara.tasha@gmail.com

Keywords: *Delo Artamonovykh*; *Decadence*; Maxim Gorky; Veronica Scott-Gatty; Jane Ellen Harrison.

The article deals with the history of *Decadence*, the first English translation of M. Gorky’s *Delo Artamonovykh*. The research brings forth the importance of a thorough analysis of English translations to the study of the novel in addition to the new edition of the novel in English. The results of the research have never been introduced for the scientific use before. *Delo Artamonovykh* was first published in Russian in 1925. Though, having been quickly translated into German and French within first four years after its publication, the novel owes its first translation to a British translator, Veronica Scott-Gatty. Due to her work on the novel, *Delo Artamonovykh* is still known as *Decadence* in English literary context. As a result of the author’s studies, it can be stated that the first English translation of *Delo Artamonovykh* gave only a rough understanding of the text to its English readers. Even a cursory textual analysis of the translation makes it clear that the English text had lost the imagery of Gorky’s language, while some phrases, translated into English, do not make sense. Inadequate translation could be justified by the knowledge of Russian literature and language that Veronica Scott-Gatty gained during her studies at the University of Cambridge in 1912–1916. The choice of the subjects that Scott-Gatty studied at the University of Cambridge gives us a reason to connect the publication of the first English translation of *Delo Artamonovykh* with an extensive history of Russian studies in Great Britain at the beginning of the 20th century and its key researcher, Jane Ellen Harrison. Having reconstructed the identity of the translator, Veronica Scott-Gatty, the author can justify her choice of the title for the translation of Gorky’s novel – “Decadence”. From the study of Scott-Gatty’s personal archive materials, it is certain that Scott-Gatty did not seek to create an outstanding translation. She could have been moved by the desire to excel in translating from Russian, or the translation could have been merely an assignment for her class in Russian. Either way, the novel *Delo Artamonovykh*, crucially important for the understanding of early Soviet literature, in its first English translation, could not at that time give a genuine idea of the incredibly strong text and one of the few major works of early Soviet literature. In conclusion, it is important to emphasize once again that the first translation of *Delo Artamonovykh* is not a qualitative literary translation, an opinion that was shared by the translator herself. The fact that the latest edition of *Delo Artamonovykh* was published in English in 1984 with Veronica Scott-Gatty’s translation makes us underline the importance of a new publication of *Delo Artamonovykh* in English, using the 1948 translation of the text made by Alec Brown. Moreover, the translation made by Alec Brown should, in the author’s opinion, be considered as the first literary English translation of the novel. In addition, no less than the new edition of the English translation, the history of the English translation of *Delo Artamonovykh* is important for further study of the history of Maxim Gorky’s work.

REFERENCES

1. Gorky, M. (1984) *Decadence.* Translated from Russian by Veronica Scott-Gatty. 1927 Reprint. Bison Books.
2. Terry, G.M. (1986) *Maxim Gorky in English: a Bibliography, 1868–1936–1986*. Cotgrave, Nottingham: Astra Press.
3. Burke. (1939) *Peerage and Baronetage*. London: Burke.
4. *Newnham College Register*. Vol. 1: 1871–1923.
5. Robinson, A. (2002) *The Life and Work of Jane Ellen Harrison*. Oxford: Oxford University Press.
6. Jane Ellen Harrison Archives. GBR/2911/PP Harrison/1/1/31.
7. Mirsky, D.S. (1930) Jane Ellen Harrison and Russia. Cambridge: W. Heffer & Sons.
8. Smith, G.S. (2000) *D.S. Mirsky: A Russian-English Life 1890–1939*. Oxford: Oxford University Press.
9. Svjatopolk-Mirskij, D.N. (1927) *A History of Russian Literature: From the Earliest times to the Death of Dostoyevskij (1881)*. London: Routledge.
10. Newham College Archive. Roll Office File – Scott-Gatty.
11. *The Nation & The Athenaeum.* (1924) 34. 8 March.
12. *The Nation & The Athenaeum.* (1925) 37. 4 July.
13. Mirsky, D.S. (1925) *Modern Russian Literature.* London: Humphrey Milford.
14. Gorky, M. (1920) *Reminiscences of Leo Nicolayevitch Tolstoi.* Translated from Russian by S.S. Koteliansky and Leonard Woolf. Richmond: Leonard & Virginia Woolf at the Hogarth Press.
15. Makashin, S.A. (ed.) (1978) *L.N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [L.N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries: in 2 vols] Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Gorky, M. (1924) *Reminiscences of my youth.* Translated from Russian by Veronica Dewey. London: W. Heinemann.
17. Gorky, M. (1924–1929) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vols 1–22. Moscow; Petrograd (Leningrad): GIZ.
18. Gorky, M. (1927) *Decadence.* Translated from Russian by Veronica Dewey. New York: Robert M. McBride.
19. Gorky, M. (1948) *The Artamonovs* Translated from Russian by Alec Brown. London: Folio Society.
20. University of Cambridge. (1922) *The Historical Register of the University of Cambridge. Supplement, 1911–20*. Cambridge: At the University Press.
21. Gorky, M. (1949) *The Artamonovs.* Translated by Helen Altschuler. Moscow: Foreign Languages Press House.

Received: 02 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 44–50. DOI: 10.17223/15617793/429/5

УДК 81, 81’37, 81’42

Е.А. Смирнова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается глагольная валентность как функциональная категория, охватывающая различные языковые средства выражения участников обозначаемой глаголом ситуации. Анализ проводится на примере трех отсубстантивных глаголов английского языка: to dog, to hare, to parrot. Автор анализирует словарные дефиниции данных глаголов и примеры их функционирования из корпусов, что позволяет выделить семантические и синтаксические актанты, входящие в их валентность. На основе полученных данных создаются модели валентностной структуры исследуемых глаголов.

Ключевые слова: валентность; актант; функциональная грамматика; функциональная категория; отсубстантивный глагол; корпус.

Функционализм – одно из ведущих направлений языкознания. Актуальность функционального подхода для современной лингвистической науки не вызывает сомнений, поскольку, как отмечает Е.С. Кубрякова, для функционализма, как и для антропоцентризма, ключевую роль играют знания о природе и организации языка, объясняющие, с какими функциональными, биологическими, психологическими и социальными ограничениями должна столкнуться коммуникативная система в своем происхождении и своем реальном использовании [1. С. 55–56]. Функциональная лингвистика опирается на тезис о том, что «язык представляет собой инструмент, орудие, средство, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений [2. С. 161]. Это наблюдается как в сфере познания и описания действительности, так и в актах социальной интеракции, взаимодействия посредством языка [Там же]. Важной особенностью функционального подхода является интеграция разноуровневых языковых средств – морфологических, синтаксических, лексических, – основанная на общности их функций. «Предметом анализа становятся единства, имеющие функциональную основу» [3. С. 3], например категории аспектуальности, темпоральности, субъектности. Мы полагаем, что с позиций функционального подхода следует рассматривать и глагольную валентность.

На современном этапе развития языкознания валентность признается важнейшей лингвистической категорией, которая актуализируется на нескольких языковых уровнях и имеет большое значение для исследования «сущности грамматического строя» и «познания механизма функционирования и развития языка» [4. С. 49].

Традиционно валентность рассматривалась на **синтаксическом** уровне. Так, С.Д. Кацнельсон, который в 1948 г. ввел термин «валентность» в терминологический аппарат лингвистики, определял синтаксическую валентность как «свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [5. С. 132]. Среди западных лингвистов одним из первых изучением валентности начал заниматься Л. Теньер, который, в отличие от С.Д. Кацнельсона, рассматривает валентность в более узком смысле, не как свойство всех полнозначных слов, а только как свойство глагола. Л. Теньер определяет валентность как способность глагола управлять определенным числом актантов и сирконстантов, сравнивая глагол со своеобразным «атомом с крючками», который может притягивать к себе определенное количество актантов и сирконстантов в зависимости от количества «крючков» [6. С. 250]. В.Г. Адмони, который также занимался изучением синтаксической валентности, рассматривал обязательную сочетаемость разрядов и форм слов как важный способ организации развернутых синтаксических единиц. По его мнению, форма слова, вводимая в предложение или словосочетание, еще не достаточна для завершенности конструкции. Эта структурная недостаточность проявляется особенно четко при анализе функционирования главных членов предложения, в первую очередь глагольного сказуемого [7. С. 25]. Г.Г. Сильницкий называет синтаксическую валентность глагола его «лексическим окружением», а именно – совокупностью лексем, синтаксически связанных с позицией в простом предложении [8. С. 132]. Рассмотрению синтаксической валентности посвящены работы и ряда зарубежных авторов (см., напр.: [9–14]).

Семантическая валентность трактуется И.Б. Долининой как «способность элементов одного уровня лингвистического анализа сочетаться друг с другом» [15. С. 28]. Эта способность обусловлена их внутренними семантическими свойствами и проявляется только на таксономическом уровне, т.е. на уровне частей речи, поскольку только части речи имеют формально-смысловое значение, определяющее набор элементов, с которыми они могут сочетаться [Там же].

Как видно из приведенных выше определений, рассмотрение валентности затрагивало только один уровень языка. Однако глагольная валентность проявляется как на семантическом, так и на синтаксическом уровне, т.е. является языковым явлением, выражаемым разноструктурными средствами, которые, как справедливо отмечает А.В. Бондарко, можно исследовать только за рамками основного типа описания по отдельным уровням [3. С. 3].

Идея о необходимости изучения синтаксической и семантической валентности в совокупности высказывалась рядом ученых. Так, В.С. Храковский писал о принадлежности глагола к определенному валентностному классу, который определяется числом элементов, входящих в глагольную конструкцию, а также к определенному семантическому классу, который

зависит от типа ролей участников ситуации, называемой глаголом [16. С. 29]. И.М. Кобозева понимает под семантической валентностью и семантическими актантами единицы и отношения плана содержания речевого отрезка, а под синтаксической валентностью и актантами – единицы плана выражения речевого отрезка, т.е. семантические актанты являются означаемым, а синтаксические актанты – означающим [17. С. 141]. Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, опираясь на тезис о том, что синтаксическое поведение глагола детерминировано его значением, создали классификацию английских глаголов, положив в основу изменение их диатезы. Однако они приходят к выводу, что создание универсальной классификации тематических ролей, которая бы охватила все возможные реализации актантов [аргументов] глагола, невозможно [18]. Противоположную точку зрения находим у Ю.Д. Апресяна, который полагает, что «семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимнооднозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический» [19. С. 15]. Следовательно, создание универсальной таксономии актантов возможно при условии использования общей терминологии для описания семантического и синтаксического уровней.

В рамках функционального подхода глагольная валентность также изучается в двух аспектах. Семантическая валентность рассматривается как потенциальная способность глагола связываться с различными актантами, а синтаксическая – как реализация этой способности [2. С. 163]. Эта мысль соотносится с идеей П. Хэнкса о том, что вне конкретного случая употребления глагола его значение является потенциальным и может быть актуализировано только в контексте (в оригинале: «Outside a particular event in which the verb is used its meaning is potential, it can be activated only in some context») [20. P. 214]. Постулат о двух аспектах функции единицы языка – потенциальном и результативном – является основополагающим для функциональной грамматики, важного направления функциональной лингвистики. Функция в потенциальном аспекте трактуется как способность языковой единицы к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию; тогда как функция в результативном аспекте определяется как результат функционирования данной единицы при взаимодействии со средой, т.е. в речи [3. С. 17].

Несмотря на наличие работ, посвященных исследованию семантической и синтаксической валентности, функциональному подходу к изучению фактов языка в целом [21. С. 50] и валентностным свойствам глагола уделено недостаточное внимание. Сохраняется необходимость комплексного изучения валентностных свойств глагола как на уровне языка, так и на уровне речи. В данной работе глагольная валентность изучается с позиций теории функциональной грамматики, разработанной А.В. Бондарко. Валентность рассматривается нами как функциональная категория, охватывающая различные языковые средства выражения участников обозначаемой глаголом ситуации. Семантическим центром категории валентности является глагольный предикат. Глагол является ядром комплекса, вокруг которого группируются актанты. Актанты – элементы категории валентности, семантически и синтаксически связанные с глаголом и участвующие в описании ситуации, детерминированной данным глаголом. Актанты могут быть выражены как отдельными словами, так и их сочетаниями. Анализ словарных дефиниций глаголов и примеров их функционирования из корпусов позволит нам выделить семантические и синтаксические актанты, входящие в состав валентностного комплекса, а также определить их положение на шкале «центр–периферия». Так, актанты, проявляющиеся и на синтаксическом, и на семантическом уровне, будут располагаться в центре, а актанты, выявленные только на одном из двух уровней – на периферии.

Функциональный подход позволит комплексно исследовать категорию валентности и на уровне языка (анализ словарных дефиниций), и на уровне речи (изучение примеров из корпусов), поскольку сам «процесс функционирования осуществляется в речи, однако закономерности, правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе языка» [3. С. 10]. Мы полагаем, что наше исследование внесет вклад в изучение валентности в контексте функциональной грамматики и корпусной лингвистики.

В настоящем исследовании анализ категории валентности был проведен на примере трех английских отсубстантивных глаголов: *to dog, to hare, to parrot*. Данные глаголы относятся к группе глаголов с инкорпорированным актантом-дескриптивом[1] анималистического характера [23, 24] и ранее не были предметом специального рассмотрения, что также обусловливает новизну и актуальность нашей работы. Выбранные нами глаголы вызывают интерес еще и потому, что они представляют собой морфологическую метафору, основанную на добавлении значения исходного существительного к значению действия, процесса или состояния [25]. Несмотря на принадлежность к одной группе, их значения различны, соответственно, различается и их валентностная структура.

Материалом для анализа послужили он-лайн словари Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD), Merriam-Webster Dictionary (MWD) и Cambridge Advanced Learner's Dictionary (CALD); а также примеры употребления глаголов, взятые из трех корпусов английского языка: British National Corpus[2] (BNC) объемом 100 млн слов, Leipzig University Corpus[3] (LUC) объемом около 88 млн слов, the British English 2006[4] (BE) приблизительным объемом 1 150 тыс. слов. Выбор корпусов обусловлен временными рамками, а именно желанием охватить материал, относящийся к сравнительно большому временному промежутку для наиболее полного изучения функционирования отсубстантивных глаголов в языке. Так, материал BNC относится к 1980–1990-м гг., BE – к 2006 г., а LUC – к 2014 г., таким образом, временной охват эмпирического материала составляет около 35 лет.

Следует отметить, что анализ корпусных данных играет чрезвычайно важную роль для функциональной грамматики, поскольку корпусы обеспечивают

необходимый «естественный» эмпирический материал для исследования той или иной функционально-семантической категории. Ориентация на изучение естественного дискурса относится к фундаментальным характеристикам функционализма [26. С. 307], поскольку, только исследуя естественный дискурс, можно выявить выявить дистрибутивные модели, непосредственно связанные с вопросом о том, как возникают интересующие нас грамматические модели [27. С. 250].

На первом этапе исследования нами были проанализированы словарные дефиниции выбранных глаголов с целью выделения их семантических актантов. Затем были исследованы примеры функционирования данных глаголов из корпусов английского языка (202 примера употребления глагола *to dog*, 87 – *to parrot* и 41 – *to hare*), что позволило выявить синтаксические актанты. На заключительном этапе на основе полученных данных о семантических и синтаксических актантах были построены модели валентностной структуры исследуемых глаголов.

Рассмотрим семантическую валентность данных глаголов. Словари дают следующие толкования их значений:

to dog *– to hunt, track, or follow like a hound; to worry as if by pursuit with dogs; to bother or pester persistently* [MWD]; *(of a problem or bad luck) to cause you trouble for a long time; to follow sb closely* [OALD]; *to follow someone closely and continuously; to cause difficulties* [CALD];

to hare *– to go swiftly* [MWD]; *to run with great speed* [OALD]; *to run or go very quickly, usually in an uncontrolled way* [CALD];

to parrot *– to repeat by rote* [MWD]; *to repeat what sb else has said without thinking about what it means* [OALD]; *to repeat exactly what someone else says, without understanding it or thinking about its meaning* [CALD].

Согласно словарным дефинициям, к семантическим актантам, входящим в семантическую валентность изучаемых глаголов, относятся:

– субъект, имплицитно выраженный субъектными глаголами: *to hunt, to follow, to worry, to bother, to pester, to go, to repeat* [MWD]; *to cause, to follow, to run, to repeat* [OALD]; *to follow, to cause, to run, to go, to repeat* [CALD];

– объект: *trouble; what sb else has said* [OALD]; *difficulties; what someone else says* [CALD];

– бенефициатив[5]: *you; sb* [OALD]; *someone* [CALD];

– дескриптив: *like a hound; as if by pursuit with dogs* [MWD];

– атрибутив[6]: *persistently; swiftly; by rote* [MWD]; *closely; with great speed; without thinking about what it means* [OALD]; *closely and continuously; very quickly, in an uncontrolled way; exactly; without understanding it or thinking about its meaning* [CALD];

– темпоратив[7]: *for a long time* [OALD].

Результаты анализа представлены в таблице.

Как видно из таблицы, самой широкой семантической валентностью обладает глагол *to dog*, а самой узкой – *to hare*. Помимо субъекта, в валентность всех глаголов входит актант атрибутив, что объясняется принадлежностью глаголов к одной семантической группе. Все исследуемые глаголы метафоричны – действие сравнивается с поведением животного. В словарном толковании глагола эксплицируется качество, присущее животному, приписываемое человеку (неотвязчивость собаки, быстрота зайца, способность к механическому повторению человеческой речи попугая).

Семантическая валентность глаголов *to dog, to hare, to parrot*

Семантический актант	dog	hare	parrot
Субъект	+	+	+
Объект	+		+
Бенефициатив	+		
Дескриптив	+		
Атрибутив	+	+	+
Темпоратив	+		

Анализ примеров из корпусов показал, что на синтаксическом уровне в структуру валентности глагола *to dog* входят следующие актанты:

– субъект (100% проанализированных примеров): *A series of high profile corruption scandals* ***dogged*** *the city* (LUC);

– объект (70% проанализированных примеров): *These difficulties have long* ***dogged*** *the newspaper industry* (BNC);

– бенефициатив (30% проанализированных примеров): *The 29-year-old has constantly been* ***dogged*** *by controversy and has earned himself something of a rebel tag* (BNC);

– темпоратив (33% проанализированных примеров): *Abuse of power, nepotism, inefficiency and confusion seem to have* ***dogged*** *the funding process for years* (LUC);

– атрибутив (4% проанализированных примеров): *Dutch football has been increasingly* ***dogged*** *by hooliganism over the past few years* (BNC);

– локатив (4% проанализированных примеров): *The traditional underfunding has* ***dogged*** *progress and development in many public libraries…* (BNC).

Количество синтаксических актантов совпадает с количеством семантических актантов, однако их набор различен. Так, на синтаксическом уровне актуализируется актант локатив, который отсутствует на семантическом уровне. Актант дескриптив, напротив, представлен в словарных дефинициях, но не находит синтаксического выражения. Этот факт можно объяснить инкорпорированием актантов, характерным для отсубстантивных глаголов. Р. Бак трактует такие глаголы как глаголы, инкорпорирующие исходное существительное [28. С. 139–140]. Инкорпорированный актант в данном случае зафиксирован «с точностью до лексемы», но синтаксически невыразим [29. С. 85]. И. Кларк и Г. Кларк отмечают: чтобы интерпретировать отсубстантивные глаголы, необходимо воспроизвести ситуацию, где исходное существительное обозначает одну роль, а остальные актанты [поверхностные аргументы] – другие роли [30. С. 787]. Как мы уже отмечали, исследуемые нами глаголы основаны на метафоре – обозначаемое ими действие сравнивается с поведением животных, выраженных исходным существительным, что отражается в их валентност-

ных свойствах. Несмотря на то, что актант дескриптив не находит синтаксического выражения и зафиксирован в словарных дефинициях не всех исследуемых глаголов, он инкорпорирован в глагол, следовательно, по нашему мнению, должен располагаться в центре модели валентностной структуры, наряду с другими актантами, представленными на обоих уровнях.

Таким образом, модель валентностной структуры глагола *to dog* будет иметь следующий вид (рис. 1).

Рис. 1. Модель валентностной структуры глагола *to dog*

Семантическая валентность глагола *to hare* включает два актанта. Количество синтаксических актантов превышает количество семантических в два раза. Так, в синтаксическую валентность данного глагола входят:

– субъект (100% проанализированных примеров): *Then he scrambled to his feet and **hared** off between the trees* (BNC);

– атрибутив (5% проанализированных примеров): *We **hared** off there at pace to try and get as much out of the session as possible* (LUC);

– директив[8] (100% проанализированных примеров): *The neighbour, on hearing the alarm, roused himself to take a look, and managed only to see the getaway car **haring** down the road* (LUC);

– ризонтив[9] (17% проанализированных примеров): *While Silverio **hared** off for some last-minute shopping, I packed our bags at the lovely shaded campsite* (LUC).

Интересно отметить, что актант-директив реализуется в 100% случаев функционирования глагола *to hare*, однако не представлен ни в одной из проанализированных нами словарных дефиниций.

Модель валентностной структуры данного глагола представлена на рис. 2.

В примерах функционирования глагола *to parrot* обнаруживаются следующие синтаксические актанты:

– субъект (100% проанализированных примеров): *Unfounded concerns among retailers and consumers alike have arisen from disinformation fed into the industry media, **parroted** by sales personnel* (LUC);

– объект (99% проанализированных примеров): *I have news for men and for those few women who **parrot** their words* (BNC);

– атрибутив (14% проанализированных примеров): *Those gullible and naïve journalists who then readily **parroted** the standard stock phrases* (LUC);

– темпоратив (16% проанализированных примеров): *How sad it is that so much misinformation regarding Ida and human evolution was **parroted** only a few short months ago* (LUC);

– локатив (3% проанализированных примеров): *We have no interest in repeating the ANC's clarifications on the wild allegations published in the media, which Ms Mazibuko **parroted** in her letter* (LUC);

– директив (5% проанализированных примеров): *The worst part of this usage debacle is that because AP style is so revered by the mainstream media, these incorrect terms will be **parroted** back to the public at large en masse* (LUC).

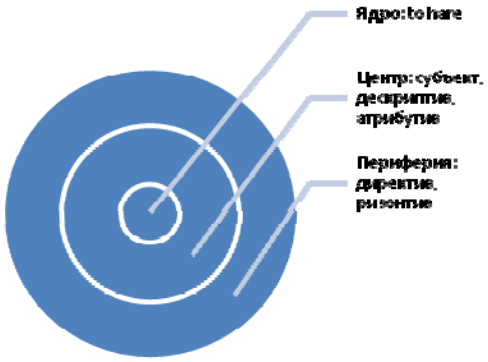

Рис. 2. Модель валентностной структуры глагола *to hare*

На рис. 3 представлена модель валентностной структуры глагола *to parrot*.

Рис. 3. Модель валентностной структуры глагола *to parrot*

Несмотря на то, что во всех использованных нами словарях глагол *to parrot* обозначен как переходный, встречаются примеры его употребления без прямого дополнения:

*And for the first time ever, he was responding, asking questions, answering correctly and not **parroting*** (LUC).

Анализ словарных дефиниций и примеров функционирования глаголов из корпусов английского языка позволил создать модели их валентностной структуры, а также выявить ряд расхождений между семантическими и синтаксическими актантами, что подтверждает необходимость комплексного исследования данной категории. Результаты анализа важны для понимания соотношения между потенциальным и результативным аспектами функционирования глаголов. Во всех рассмотренных нами случаях количество синтаксических актантов превышает количество семантических актантов, что подтверждает тезис А.В. Бондарко о том, что преобразование потенциальной функции в результативную всегда предполагает развитие [3. С. 18]. Синтаксические актанты, выде-

ленные в ходе корпусного анализа примеров, в дальнейшем могут быть использованы для дополнения словарных дефиниций изученных глаголов.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что функциональный подход к изучению категории валентности способствует преодолению «непроницаемости» (термин С.Д. Кацнельсона) подсистем языкового строя, что позволяет получить наиболее полное представление о свойствах языковых единиц, реализуемых в процессе их употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дескриптив – носитель свойства, выражаемого предикатом [22].
[2] British National Corpus. URL: http://corpus.byu.edu/bnc/
[3] Leipzig University Corpus. URL: http://corpora.informatik.uni-leipzig.de/
[4] The British English 2006. URL: https://cqpweb.lancs.ac.uk/be2006/
[5] Бенефициатив – одушевленный адресат, получатель или тот, в пользу или ущерб кому совершается действие [26].
[6] Атрибутив – актант, обозначающий качественную характеристику действия [23. С. 51].
[7] Темпоратив – актант, обозначающий временную характеристику действия (момент совершения действия, его продолжительность или итеративность).
[8] Директив, в терминологии И.П. Сусова, – это место, являющееся конечным пунктом передвижения [31]. Однако мы рассматриваем директив в более широком смысле и понимаем под ним направление действия [23. С. 77].
[9] Ризонтив – актант, обозначающий причину, по которой совершается действие [23. С. 109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 4-е изд. М., 2009. С. 144–238.
2. Шустова С.В. К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 161–164.
3. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М. : Либроком, 2013. 352 с.
4. Солганик Г.Я. Валентность как лингвистическая категория // Русский язык за рубежом. 1994. № 4. С. 49–55.
5. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник Ленинград. гос. ун-та. 1948. № 2. С. 114–134.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. М. : Прогресс, 1988. 656 с.
7. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. 2-е изд., стереотип. М., 2004. 104 с.
8. Сильницкий Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск : Смоленский ЦНТИ, 2006. Т. 1. 255 с.
9. Čech R., Pajas P., Mačutek J. Full valency. Verb valency without distinguishing complements and adjuncts // Journal of quantitative linguistics. 2010. Vol. 4, № 17. P. 291–302.
10. Herbst Th., Heath D., Roe I., Götz D. A valency dictionary of English. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2004. 961 p.
11. Köhler R. Quantitative Untersuchungen zur Valenz deutscher Verben // Glottometrics. 2005. № 9. P. 13–20.
12. Liu H. Quantitative properties of English verb valency // Journal of quantitative linguistics. 2011. Vol. 3, № 18. P. 207–233.
13. Vincze V. Valency frames in a Hungarian corpus // Journal of quantitative linguistics. 2014. Vol. 2, № 21. P. 153–176.
14. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 8, durchgesehene Auflage. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1991. 456 p.
15. Долинина И.Б. Системный анализ предложения (на материале английского языка) : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1977. 176 с.
16. Храковский В.С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» опыт сопоставления // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб. : Наука, 2014. Т. X, ч. 2. С. 25–40.
17. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
18. Levin B., Rappaport Hovav M. Argument Realization. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 286 p.
19. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 15–27.
20. Hanks P. Do word meanings exist? // Computers and the Humanities. 2000. Vol. 34. № 1/2. P. 205–215.
21. Климовская Г.И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 44–54.
22. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.
23. Смирнова Е.А. Функциональный потенциал английских глаголов с инкорпорированными актантами: монография. Пермь : Прикамский социальный институт, 2014. 148 с.
24. Smirnova E., Shustova S. Noun-incorporation in English as a valency-changing device // Lingua. 2017. № 194. P. 15–25.
25. Galèas C.G. The morphological technique of metaphoricity in English word-formation // E. Mela Athanasopoulou (ed.), Selected Papers from the 15th International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics. Thessaloniki : Aristotle University, School of English, 2003. P. 135–151.
26. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / ред. А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 276–329.
27. Thompson S.A., Mulae A. The discourse conditions for the use of the complementizer That in conversational English // Journal of Pragmatics. 1991. № 15. P. 237–251.
28. Buck R.A. Affectedness and other semantic properties of English denominal locative verbs // American Speech. 1993. Vol. 68, № 2. P. 139–160.
29. Алпатов В.М. К топологической характеристике айнского языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 81–86.
30. Clark E.V., Clark H.H. When nouns surface as verbs // Language. 1979. Vol. 55, № 4. P. 767–811.
31. Сусов И.П. Введение в языкознание. М. : Восток–Запад, 2006. 382 с.

СЛОВАРИ

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org/
CED – Collins English Dictionary. URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english
MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary
OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: http://oxforddictionaries.com

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 марта 2017 г.

THE FUNCTIONAL APPROACH TO RESEARCHING VERB VALENCY (A CASE STUDY OF ENGLISH DENOMINAL VERBS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 44–50.
DOI: 10.17223/15617793/429/5

Elizaveta A. Smirnova, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: cmelizaveta@yandex.ru

Keywords: valency; actant; functional grammar; functional category; denominal verb; corpus.

The paper is devoted to the examination of verb valency in the context of functional grammar. Verb valency manifests itself both at the semantic and syntactic levels; therefore, it can be considered a language phenomenon realised by multi-structural means. This is why it should be studied in a complex way which can be done using the functional approach. The author sees valency as a functional category comprising different linguistic means of expressing participants of a situation determined by a verb. The semantic centre of the category is a verbal predicate. A verb is a nucleus of the complex with actants grouped around it. Actants are elements of the category which are semantically and syntactically connected with the verb. They participate in the description of a situation determined by the verb. The novelty of the study is the complex examination of verb valency at semantic and syntactic levels. The analysis of valency was conducted using the example of three English denominal verbs *to dog, to hare, to parrot*. In order to find semantic actants, definitions of the verbs taken from on-line dictionaries (*Oxford Advanced Learner's Dictionary, Merriam-Webster Dictionary* and *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*) were studied. The data for the analysis of syntactic valency were taken from three corpora of the English language: the British National Corpus, the Leipzig University Corpus, British English 2006. The total number of instances analysed was 330. The final stage of the study involved the construction of the verb valency structure models based on the elicited actants. In the centre of the models there are actants found both at the semantic and syntactic levels; the actants existing at one level only are in the periphery. Apart from creating the models, the analysis allowed the author to find out a number of disparities between semantic and syntactic actants (for example, in most cases the number of syntactic actants exceeds the number of semantic ones). This proves the necessity of studying verb valency at different levels. The research findings are important for understanding the correlation between potentional and resultative aspects of verb functioning. Syntactic actants found as a result of the corpus analysis can later be used for the expansion of the dictionary definitions of the examined verbs.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2009) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)]. In: Churilina, L.N. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki* [Topical issues of modern linguistics]. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka.
2. Shustova, S.V. (2013) On the issue of functional potential of the linguistic unit (by the example of semantic and syntactic valencies). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social-educational ideas*. 3. pp. 161–164. (In Russian).
3. Bondarko, A.V. (2013) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporary localization, taxis]. Moscow: Librokom.
4. Solganik, G.Ya. (1994) Valentnost' kak lingvisticheskaya kategoriya [Valency as a linguistic category]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4. pp. 49–55.
5. Katsnel'son, S.D. (1948) O grammaticheskoy kategorii [On the grammatical category]. *Vestnik Leningrad. gos. un-ta*. 2. pp. 114–134.
6. Tenier, L. (1988) *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Translated from French. Moscow: Progress.
7. Admoni, V.G. (2004) *Osnovy teorii grammatiki* [Fundamentals of the theory of grammar]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
8. Sil'nitskiy, G.G. (2006) *Semantika. Grammatika. Kvantitativnaya i tipologicheskaya lingvistika* [Semantics. Grammar. Quantitative and typological linguistics]. Vol. 1. Smolensk: Smolenskiy TsNTI.
9. Čech, R., Pajas, P. & Mačutek, J. (2010) Full valency. Verb valency without distinguishing complements and adjuncts. *Journal of Quantitative Linguistics*. 4:17. pp. 291–302. DOI: 10.1080/09296174.2010.512162
10. Herbst, Th., Heath, D., Roe, I. & Götz, D. (2004) *A valency dictionary of English*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
11. Köhler, R. (2005) Quantitative Untersuchungen zur Valenz deutscher Verben [Quantitative investigations on the valency of German verbs]. *Glottometrics*. 9. pp. 13–20.
12. Liu, H. (2011) Quantitative properties of English verb valency. *Journal of Quantitative Linguistics*. 18:3. pp. 207–233. DOI: 10.1080/09296174.2011.581849
13. Vincze, V. (2014) Valency frames in a Hungarian corpus. *Journal of Quantitative Linguistics*. 21:2. pp. 153–176. DOI: 10.1080/09296174.2014.882188
14. Helbig, G. & Schenkel, W. (1991) *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben* [Dictionary on the valence and distribution of German verbs]. 8th ed. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
15. Dolinina, I.B. (1977) *Sistemnyy analiz predlozheniya (na materiale angliyskogo yazyka)* [System analysis of the sentence (on the material of the English language)]. Moscow: Vyssh. shk.
16. Khrakovskiy, V.S. (2014) Two approaches to the analysis of syntactic constructions: "lexical semantic" and "constructional" (an essay in comparison). *Acta linguistica Petropolitana*. 10:2. pp. 25–40. (In Russian).
17. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS
18. Levin, B. & Rappaport, H.M. (2005) *Argument Realization*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Apresyan, Yu.D. (2006) Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov [Types of correspondence of semantic and syntactical actants]. In: Khrakovskiy, V.S., Dmitrenko, S.Yu. & Zaika, N.M. (eds) *Problemy tipologii i obshchey lingvistiki* [Problems of typology and general linguistics]. St. Petersburg: Nestor–Istoriya.
20. Hanks, P. (2000) Do word meanings exist? *Computers and the Humanities*. 34:1/2. pp. 205–215. DOI: 10.1023/A:1002471322828
21. Klimovskaya, G.I. (2008) On synlexes (to the problem of functionalapproach to the nominative language material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (4). pp. 44–54. (In Russian).
22. Bogdanov, V.V. (1977) *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic and syntactic organization of the sentence]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Smirnova, E.A. (2014) *Funktsional'nyy potentsial angliyskikh glagolov s inkorporirovannymi aktantami* [Functional potential of English verbs with incorporated actants]. Perm: Prikamskiy sotsial'nyy institut.
24. Smirnova, E. & Shustova, S. (2017) Noun-incorporation in English as a valency-changing device. *Lingua*. 194. pp. 15–25.
25. Galèas, C.G. (2003) The morphological technique of metaphoricity in English word-formation. *Selected Papers from the 15th International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics*. Thessaloniki: Aristotle University, School of English. pp. 135–151.
26. Kibrik, A.A. & Plungyan, V.A. (2002) Funktsionalizm [Functionalism]. In: Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M. & Sekerina, I.A. (eds) *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya* [Modern American Linguistics: Fundamental Directions]. Moscow: Editorial URSS.

27. Thompson, S.A. & Mulae, A. (1991) The discourse conditions for the use of the complementizer That in conversational English. *Journal of Pragmatics*. 15. pp. 237–251.
28. Buck, R.A. (1993) Affectedness and other semantic properties of English denominal locative verbs. *American Speech*. 68:2. pp. 139–160.
29. Alpatov, V.M. (1983) K topologicheskoy kharakteristike aynskogo yazyka [To the topological characteristic of the Ainu language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 81–86.
30. Clark, E.V. & Clark, H.H. (1979) When nouns surface as verbs. *Language*. 55:4. pp. 767–811.
31. Susov, I.P. (2006) Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow: Vostok–Zapad.

DICTIONARIES

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. [Online] Available from: http://dictionary.cambridge.org/.
CED – Collins English Dictionary. [Online] Available from: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english.
MWD – Merriam-Webster Dictionary. [Online] Available from: http://www.merriam-webster.com/dictionary.
OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. [Online] Available from: http://oxforddictionaries.com.

Received: 04 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 51–57. DOI: 10.17223/15617793/429/6

УДК 811.161.1

Г.В. Судаков

ЭВОЛЮЦИЯ УСТНОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В МОСКОВСКОЙ РУСИ В XIV–XVII вв.

Изучается формирование и развитие речевого этикета в условиях устного общения с середины XVI до начала XVIII в. Анализируются основные этикетные формулы: приветствие, обращение, диалог, благодарность, прощание, установлена их структура, семантика и коннотация, определена хронология появления. Выявлены важные элементы речевого этикета Средневековья: развитие благопожеланий, обогащение семантики приветствия, обнаружены контактные средства поддержания гармоничного диалога, отмечено появление формул благодарности. Этикетные выражения исследованы в когнитивном аспекте с учетом общекультурной ситуации эпохи и менталитета русского народа. Определены формы влияния бытовой культуры и письменных образцов на устный этикет. В качестве материала исследования используются двуязычные разговорники конца XVI – начала XVII в., которые в этом качестве впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: устный этикет; речевые ситуации; этикетные формулы; влияние культуры и письменной речи.

В «Мыслях об истории русского языка» И.И. Срезневский писал: «…история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них – история языка простонародного и история языка книжного, литературного. На ту и на другую филолог должен обращать внимание отдельно. И так как жизнь языка в книге возможна только потому, что есть или была жизнь языка в народе, то историю народного языка он должен изучить прежде и даже более, чем историю книжного» [1. С. 38].

Русский речевой этикет, т.е. нормы и правила ведения диалога, в зависимости от формы речи также подразделяется на этикет устного общения и этикет письменного общения [2. С. 3].

На «русский речевой этикет» первым обратил внимание В.Г. Костомаров [3], имея в виду прежде всего ситуации устного общения. Устный речевой этикет современности наблюдается исследователями систематически с последней четверти XX в. (см., напр.: [4–5]). Устный речевой этикет прошлого исследуется преимущественно по его фиксациям в письменной художественной речи XIX–XX вв. [6–9]. В ряду этих исследований особое место занимает монография Н.С. Гребенщиковой «История русского приветствия», отличающаяся глубиной ретроспективы и высоким научным уровнем [10], однако фактическая основа этой работы, в отличие от нашей статьи, – не памятники народно-разговорной речи, а восточнославянский фольклор и письменные памятники официального и делового характера. Богатую коллекцию фактов XIX–XX вв. (около 6 000 слов и выражений) собрал и исследовал А.Г. Балакай [11], причем некоторые из зафиксированных им формул сложились в старорусский период.

Изучение речевого этикета в письменной речи древности, особенно в деловой письменности, – дело реальное, проверенное временем и накопившее хорошие традиции (см., напр.: [12, 13]). Весьма интересна предпринятая Е.И. Зиновьевой попытка описания на материале текстов XVI–XVII вв. отдельных речевых интенций и некоторых моделей речевого этикета (обращение и приветствие, просьба и пожелание, благодарность) [14], позже текст опубликован в монографии того же автора [15. С. 26–34]. Для Е.И. Зиновьевой важно было отметить взаимовлияние формул этикета в деловых памятниках и в разговорниках той же эпохи.

Для исследования речевого этикета письменного общения есть источниковая база, насчитывающая десятки тысяч письменных памятников разного рода. Сложней обстоит дело с изучением устных форм речи. Однако письменность, которая тематически многообразна, роды и виды которой исчисляются десятками, может отражать не только развитие государственности, смену социально-экономических условий, но и эволюцию культурных форм. Имеются и такие памятники, которые обслуживали культуру повседневности, фиксировали «обиходный язык», ежедневные ритуалы устного общения.

Истоки русского речевого этикета наблюдаются в живой разговорной речи древних новгородцев, которую частично отражают частные письма XI–XV вв., выполненные на бересте. Значимость этих источников для изучения живой речи несомненна, что блестяще доказал академик А.А. Зализняк [16]. Как установлено нами ранее, в берестяных грамотах частного содержания XI–XIV вв. иногда фиксируются характерные для устной речи лаконичные представления адресата и адресанта (имя, степень родства, социальный статус), обычай «поклонения» *(поклонение*, *поклонъ, кланяюся)*, речевые обороты усиления просьбы *(попечалуете, добр**о** сътвори)*, формулы приветствия и прощания, выражение благодарности (см. подробнее: [17]). Отметим, что в древнерусский период в общении еще не было установившейся в XVI–XVII вв. традиции желать здоровья, провозглашать здравицу, задавать вопрос о состоянии здоровья собеседнику и сообщать о своем здоровье [18].

В качестве источников нашего исследования привлекаются тексты словарей-разговорников XVI – начала XVIII в., созданных иностранцами, приезжавшими в Россию по разным поводам: дела посольские, торговые и иные. Содержание словарей-разговорников очень разнообразно: в их составе и словарики-«азбуковники», и диалоги-«разговоры», и записи пословиц, и грамматические справки. «Записи иностранцев» – так их называл Б.А. Ларин, первый исследователь подобных текстов. Разговорники воспроизводят ситуации бытового общения, начиная с приветствия и вхождения в речевой контакт до сцен благодарностей и прощания. К настоящему времени открыто и издано 15 подобных текстов, из них в свое время Б.А. Ларин впервые издал как наиболее научно значимые три: Парижский словарь московитов

1586 г., Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.); Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (1696 г.) . В качестве приложения к «Русской грамматике» Лудольфа Б.А. Ларин опубликовал «Руководение в грамматыку во Славянороссийскую: Ко употреблению учащыхся Языка Московскаго». Эта книга была подготовлена Ильей Копиевичем и издана в 1706 г. Здесь есть восемь русско-латино-немецких «разговоров». Все названные тексты цитируются нами по изданию [19].

Речевое взаимодействие людей носит социокультурный характер, поэтому при повторяющихся ситуациях общения формируются устойчивые речевые образцы – этикетные формулы. Эти речевые интенции проявляются в типизированных речевых актах, перечни которых в настоящее время насчитывают более десяти единиц. Мы используем для обозначения единиц речевого этикета традиционное обозначение «формулы речевого этикета», хотя считаем допустимым и более новый термин «коммуникативно-семантические группы», который Н.И. Формановская определяла как «совокупности коммуникативных языковых единиц, типизировано выражающих те или иные смыслы речевых интенций» [20. С. 74]. Лексема «группа» вызывает ассоциации с «лексико-семантической группой», но разница в том, что «коммуникативно-семантическая группа» реализуется в виде фразеологизма, в котором могут варьировать какие-то части при сохранении смысла: *Бог в помощь – помогай Бог – с Богом.*

Наша работа является опытом изучения процесса формирования речевого этикета в условиях устного общения; хронологические границы исследования: середина XVI – начало XVIII в. В качестве единиц анализа избираются этикетные формулы: приветствие, обращение, приглашение к столу и речевые обычаи застолья, средства поддержания гармоничного диалога при обсуждении бытовых тем, выражение благодарности, прощание и т.д. Выполняя коммуникативную функцию, единицы речевого этикета позволяют регулировать общение (устанавливать контакт), опознавать (идентифицировать) адресата и апеллировать к собеседнику. В качестве гипотезы исследования выдвигается идея эволюции основных этикетных формул (обращения, приветствия, благодарности и т.д.) под влиянием меняющейся бытовой культуры и письменных форм общения.

Двуязычные словари-разговорники XVI–XVII вв., составленные иностранцами, имели целью зафиксировать именно стереотип устного общения в диалогическом формате, т.е. конструкции устного речевого этикета. Тексты в разговорниках – это записи наиболее актуальных и часто воспроизводимых выражений, повседневных разговоров; ритуал общения в них воспроизводится от момента приветствия и установления контакта между собеседниками до момента благодарности и прощания. По мнению Б.А. Ларина, «едва ли не самой интересной частью всех трех изучаемых… источников является их фразеологический материал, изобильный и в значительной части не имеющий параллелей в письменности XVI–XVII вв.» [19. С. 19]. Исследуемый нами этикетный комплекс – это преимущественно фразеологизмы разной степени сращения.

Выбранные для анализа тексты не повторяют друг друга, а показывают динамику развития этикетных формул. Традиция составления двуязычных разговорников может быть отнесена к XIII–XIV вв., когда Великий Новгород и Псков начинают торговые отношения с ганзейскими городами Германии. Если оценивать качество фактического материала разговорников, то прежде всего надо отметить, что эти записи точно привязаны к территории (известно место записи: Псков, Холмогоры, Москва) и ко времени (есть точные даты записи).

Охарактеризуем несколько подробнее каждый из выбранных памятников. В **русско-немецком разговорнике** (Ein Rusch Boeck) в редакции **1568 г.** [21], кроме словарной, есть фразовая часть: это нормы и речевые формулы, которые следовало использовать при ведении торговых операций и в повседневном быту. В **Парижском словаре московитов 1586 г.** [22], по мнению Б.А. Ларина, «все записанное было достоянием живого языка в конце XVI века».

К началу XVII в. относится **русско-немецкий словарь-разговорник, составленный купцом Томасом (Теннисом) Фенне** [23]. Впрочем, краковские русисты (Анна Болек) считают возможным отнести время его создания к середине XVI в. Для составления словаря использованы два источника: 1) наверняка, это живая речь Пскова, который часто посещал Фенне; 2) вероятно, несохранившиеся словари ганзейских купцов – предшественников и современников Фенне, у которых он и мог списать некоторую часть своего разговорника. В отличие от первых двух разговорников, содержащих в основном отдельные слова, значительную часть книжки Фенне составляет «Разговорник», в нем выделено две части: 1) бытовые разговоры; 2) деловые разговоры: *«как надобь немчиноу с роусином торговат, товар коупит или менят товаро против товароу»* (320).

Следующий памятник – **«Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)»** [24], который, по мнению Б.А. Ларина, «по праву займет достойное место среди немногих памятников XVII в., широко и относительно точно отражающих разговорный язык Московской Руси» [19. С. 177]. Надо добавить, что Ричард Джемс как ученый капеллан очень добросовестно собирал материал и фиксировал при возможности несколько фразеологических вариантов одного речения. Прагматические задачи, которые решал составитель словаря, и его собственный положительный эмоциональный настрой выражает парадигма спряжения глагола *люблю* в настоящем и прошедшем временах в самом начале памятника (214). «Из Англии – с любовью» – замечательная установка для отбора речевого материала для словаря. Но уже на первых страницах составитель предупреждает о том, что в русской речи есть не только *ласково слово* «приветливое слово» (292), но и «*деревенные слова*», т.е. «оскорбительные и непристойные» (244). Поэтому собеседникам рекомендуется *поскрести слово* «смягчить слова, чтобы они казались дружескими, благосклонными» (310). В словаре Джемса особенно

заметно разнообразие учтенных ситуаций общения и соответствующих им этикетных выражений.

В **«Русской грамматике» Лудольфа** [25] обращают внимание два обстоятельства: 1) выбраны наиболее необходимые для общения речевые элементы и подробно разработаны диалоги; 2) учтены синонимы, позволяющие в зависимости от ситуации варьировать этикетные формулы. В книге Ильи Копиевича «**Руководение в грамматыку во Славянороссийскую: Ко употреблению учащыхся Языка Московскаго»** [26], приложенной к «Русской грамматике» Лудольфа, есть восемь русско-латино-немецких «разговоров».

Рассмотрим основные речевые формулы, первая из которых – **приветствие.** В разговорнике 1568 г., например, хорошо представлена фразеология повседневного приветствия (русские тексты в разговорнике записаны латиницей, мы их приводим в кириллической транслитерации): *доброф-то, доброи ден, доброи ветчер, добра нотч* (20а; далее указывается только страница). Лаконичное *челом!* на этой же странице разговорника являет собой пример компрессии традиционного *бью челом*. Дальше увидим, что формула *бью челом* выражала не только просьбу, но и приветствие, и благодарность.

С формулы приветствия начинается словарь 1586 г. Пожелание добра с надеждой на милость Бога – традиция русского речевого общения, которая фиксируется в берестяных грамотах и продолжает развитие в эпоху Средневековья. Фраза с пожеланием добра и милости от имени Бога повторяется неоднократно: *Бох даи добраи вечер. Добраи ночи сударь* (62); *Как те бох милует* (63).

В иллюстративном материале грамматики Лудольфа (1696 г) есть раздел «Розличние речи простие», где представлены приветствия и благодарности: З*дравствуи; Как тебя богъ милует – Спасибо, я не гораздо здоровъ* (569) .

Первые три разговора в книге Копиевича (1706 г) тоже объединены темой приветствия. Здесь много синонимических приветствий, которые мы объединяем в две группы: 1) пожелание добра: *Добрый день. – Слава Богу (Слава творцу небесному); Желаю тебе добраго дня – Такова жъ и я тебе желаю; Буди тебе добро севодне (Сей вечеръ буди тебе щасливыи) – И тебе не худо буди (И тебе благополучныи)*; 2) пожелание здоровья: *Здравствуи – Здравствуи и ты; Зело здравствуи – И ты толико здравствуи; Здравъ буди ты – Ты такожде здравствуи; Здравия тебе желаю – Тако жъ и я тебе желаю; Здравиемъ тя дарю – Я тебя такожъ; Повелеваю тя здравствовать – Я такожде тебя* (631–632). Из этих примеров очевидно, что русское приветствие с пожеланием добра или здоровья – это скорее благопожелание, чем простое приветствие, причем реплики собеседников обязательно содержат повторы, они симметричны и синтаксически, и семантически.

В состав многих этикетных выражений входило **обращение.** Популярны были в конце XVI в., как свидетельствует словарь 1586 г., обращения *(о)сударь, (о)сударыня* – производные от *государь, государыня.* До сих пор исторические словари фиксировали их первое употребление в письменности, начиная с 1619 г. [22. Вып. 28. С. 253–254]. По мнению С.С. Волкова, «обращение *государь (государыня*)… является одним из этикетных средств, выражающих экспрессию почтительности и униженности» [12. С. 89]. Кроме этого, в данный разговорник включены обращения *добраи цалавек, добрая жена* (69), м*илай друг, мила подруга*» (79), которых нет в официальной письменности. Судя по данным словаря, *челом бью* становится частым оборотом речевого этикета, причем в значении «благодарю»: *Я тебе за то дело чолом бью чете мене сделал* (63).

Обращения, употребляемые в разговорнике Т. Фенне, в основном заимствованы из терминологии родства, что сближало общающихся и подчеркивало доброе отношение к собеседнику: *матцка, батцка* (196); *братцке* (197); *братке* (200); н*енка* (228).

В записках Р. Джемса находим рекомендации по поводу формы обращения: *суд**а**`рь, суд**а**`рыня* (237); *мила моя суд**а**`рыня* (274), причем в большинстве зафиксированных слов проставлено ударение.

Отличительная черта русского общения, зафиксированная уже в эпоху Средневековья – **благопожелания,** обычно связанные с благодарностью. Словарь 1568 г начинается с серии благопожеланий (пожелание помощи Бога в делах и пожелания здоровья): *Бохг на помотч, здорово ли тебе на дворе?, аще Бог дал всо здорово?, аще Бох помиловал?* (20а). Эти факты позволяют констатировать, что в XVI в. развивается традиция сопровождать приветствие вопросами о здоровье и пожеланиями здоровья. **Здравствование** – новация этого периода, что фиксируется и словарем 1586 г. в разных вариантах: *Даи бог здаровья»* (62); *Да бе здоровве аспондаре, Да бе здоровве аспондарина* (62). Пожелание здоровья – часто отмечаемая формула в разных ситуациях: встреча, прощание, застолье: *Пей на здоровье* (77).

Разговорник Фенне тоже начинается с благопожеланий (их 19), приведем их в кириллической расшифровке: *Бог пособи вас, Бог на помус, Бог дато, помози бог, помохаи бог, на жалвание, поди з Бохум, Бог блюди тебе, заступи бог, благослови тебе бог, зжит вам, доброффто, добри ден, добро ветчер, добра нич, добо здоровие, даи бог так* (190). Обратим внимание, что пожелание доброго сна – это и пожелание здоровья (с*пишь здор**о**во, здор**о**во спат*). Формула «*Сохрани (блюди) тебя Боже»* (190) – это пожелание уберечься от беды, от болезни. Пожелания, связанные с именем Бога, могли подвергаться компрессии, почти до минимума: *Спаси бо, Богъ с тобой (с вами); С Богомъ!* Последнее произносилось как напутствие в дорогу или пожелание добра провожающим. Но был и специальный ряд пожеланий благополучной дороги: *Поди во имя Божье с богом; Бог тебе проводник* (233). Многие добропожелания могли произноситься при встрече и при прощании. Иногда благопожелание адресант обращает к себе: *Аще бог меня милует, здор**о**во я к тебе приехал* (193); *Даи асподи мне здор**о**во спат* (192); *Даи бог мне здор**о**во спат* (251). Начиная с этого же разговорника фиксируется традиция выражать благодарность формулой «*спаси Бог за что*»: *спаси Бох на заловани; Спаси тебе Бох на великом*

жаловании (20а, 21); *Спаси Бог за до`бро беседе* (Фенне: 216).

Внимание Фенне привлекли пословицы своей краткостью и выразительной интонацией, их можно было удачно вставлять в торговый диалог: *Даи бог мне здорово спат да много добра дабыват да лиха* (горя. – *Г.С.*) *збавит* (239). Интерес вызвали у иностранца русские пословицы шутливого и ироничного содержания, оппозиционные по отношению к благопожеланиям: *Говна тебе на нос* (487); *Даи асподи тебе скорчило; Чорт тебе похвати; Твори тебе чорт за то»* (490). Зафиксировал Фенне и такое шутливое благопожелание: *Не молви перво: как стара баба срат, ино молви: бог на помоч баба* (491).

Находят свое место благопожелания в записках Джемса (1618 г.); особо отметим впервые зафиксированное как пожелание доброй трапезы *Хлеб да соль* (254), похвальное славословие: *(и)сполать тебе* (251), пожелание здоровья: *Как ти владыко сохранеит?* (297). Последнее выражение, по предположению Ларина, могло быть формулой начала беседы типа «Как поживаешь?» [19. С. 350]. Демонстрация интереса к состоянию здоровья, самочувствию собеседника – это выражение расположения к адресату [10. С. 25].

В «Грамматике» Лудольфа зафиксировано благопожелание: *Богъ помочь* (570), уже прочно вошедшее в речевой обиход. Учитывая показания Лудольфа, можно считать, что синонимом к *спасибо* мог выступать оборот *челомъ бью*: *Пожалуи, садися. – Челомъ бью, я не устал; Изволишь с нами хлеба кушать? – Челомъ бью, дело мне* (569). Записанные Лудольфом разговоры посвящены пожеланиям доброй ночи: *Буди тебе сия ночь щчаслива – И тебе блгополучна; Имеи себе добрую ночь – И ты то жъ не худую; Ночь сия вамъ буди блгоугодна – И тебе блгополучна* (632).

Очень важный элемент речевого этикета – **контактные средства связи, средства поддержания гармоничного диалога.** Так, в разговорнике 1568 г. появляются дидактические наставления, касающиеся организации беседы и уважительного отношения к собеседнику: *Говори по памети да по правде* (7а.7). Характерно, что автор разговорника уловил, что в России участники торговых отношений проявляют не только официальную «купеческую» порядочность, но и свойственную русским приветливость, искренность и доброжелательность: *Ино ты прямой человек, дай Бог тебе долго жити* (43).

В словаре 1586 г. есть обороты *добро говори* (68), *добро делашь* (69), *то мне любо – и мине то велико любо* (112), которые являются формой поощрительной оценки для поддержания разговора. Обратим внимание на новый семантический компонент с корнем *люб-*, ср. еще: *говори про любовь* (111); *любо ли тебе то сделать* (127). Стремление к доброжелательному диалогу – это обязательное качество русской беседы.

Т. Фенне учел много примеров просьб, позволяющих регулировать процесс общения: *Пожалуи перемолчи ты мне одно слово* (239); *Бог твои речи не переимит, за тим и ты не переими мое рече, да даи мне до конца говорит* (251); *Перестань: нишкни: сорум* (срам – Г.С.) *тебе таковыа слова молвит* (252); *Чуму* (почему. – *Г.С.*) *ты меня передраживаеш (переносиш): яз тебе не дурн* (не дурак. – *Г.С.*) (254).

У Р. Джемса тоже учтены контактные средства связи, способствующие поддержанию и развитию диалога. Так, имелся оборот для переспрашивания или для акцентирования внимания на какой-то детали: *Как биш?* (291), отмечены специальные слова согласия: *ряж**о**но, вут р**а**жо* (310).

Как считал Лудольф, выражение «*велико слово»* – это тоже приветствие (48), но мы оценим это скорее как похвалу собеседника в целях развития гармоничного диалога.

Самый главный повод для общения – это **просьба**. Обратим внимание при этом на желание расположить к себе собеседника, попросить у Бога милости для него, при этом почти всегда просьба начинается со слова *пожалуи.* Освоение этого слова в начале XVII в. начинает эпоху «пожалуйста» в русской речи: *Останси ты пожалуи здес* (229); *Пожалуи попаметуи меня коли тебе добро будет а бог тебе не забудет* (239). Как отмечает Лудольф в своей Грамматике, фиксируется вплоть до конца столетия и старая формула *бить челом: бьетъ челомъ чтобы ты изволилъ хлеба кушить съ ними* [25. С. 56].

Словарь 1586 г. фиксирует **формулы застольного этикета** *Абедай с нам. Вузинай с нами* (84), которые отражают характерную черту русского гостеприимства: если гость зашел во время домашней трапезы, он обязательно приглашается к столу. Иностранцы должны усвоить и соблюдать обычаи русского гостеприимства, поэтому Фенне приводит речевые формулы застолья: *Приди вечере опят ко мне яз тебе рад попотчевав* (227); *Гостите пожалуете у меня здесь да сете пожалуете хлеба да соль что бог залет* (228); *Миле ты мне гост, в честь ты ко мне пришол* (253). Гостю-новичку нужно пить «новичное»: *Надобе тебе новичное пит: ты впервои здес. Ты переже чего* (раньше. – *Г.С.*) *и здес не бувал* (260). Гостю полагается дать подарок на дорогу: *Надобе нам тебе проводное дат ты проч едиш* (260). Подарок – это и знак благодарности за полученный презент: *Бог даи мне отдарит против тебе* (261).

В «Грамматике» Лудольфа один блок диалогов касается важной в русском разговоре темы застолья. К речевому этикету застолья относятся выражения: *не погнушайся нашимъ кушениемъ* (553); *отпотчиваи* (570). Заслуживает внимания специально сформированный раздел «О естворъ и питии», приведем выдержки из него: *Завтракалъ ли ты? Изволишь с нами хлеба кушить. Мы не дожидались гости, не суди, что я смелъ запростъ тебя держать здесь. Пожалуи, куши, не побрезгуи нашимъ кушениемъ… Изволишь чарку вотки? Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчивать*? (570–571). Далее описывается обычай «здоровной чаши», запускаемой по кругу: *Пожалуи, пейте кругомъ. – Буди здоровъ, на твое здоровие. – Челомъ бью, я починалъ пить про здоровие хозяина* (571–572). В застольный ритуал входит и выражение благодарности: 1) хозяин благодарит гостя за посещение: *То твое пожалование, что с нами запростъ удоволиться изволилъ; Челомъ бью за любовь;* 2) гость благодарит хозяина за сытный обед: *Слава Богу, я доволно елъ, я сытъ* (573).

Как свидетельствует Фенне, во времена Московской Руси при разговоре уже использовали **извинение**, включающее в свой состав и глагол *прости: Я промахнулсе, прости меня яз виноват* (257); *Яз тебе спокастил, прости меня в том* (378). Иногда к извинению добавляли **формулу утешения**: *Не кручинися (не печался) ты в том товару не проторгувалса»* (6). Признание в дружбе – лучшее средство расположить к себе: *Я тебе товар продам на свою цену… не наложу, ты мои сердечна друг* (337). Р. Джемс зафиксировал **формулу клятвы**: *верь Богу «*клянусь Богом» (261), **уступки собеседнику**: *Что пожалуишь* «как тебе угодно» (292).

Составитель словаря 1568 г. обратил внимание на **любовный разговор**. Лирические отношения предполагают употребление соответствующего обращения и, конечно, пожелание здоровья: *Хороша молодица, поди со мнои спати – Хочешь ли на мне жениться, ино с тобои пойду спать* (43а:1); *Милыи мои немчин, поеди с богом да жив-здоров* (43.10). Любовь по-русски уже тогда выражалась горячо и страстно: *Коли тебе вижу ино тобои утешаится и мое сердце* (43а.8).

При **прощании**, как заметил Р. Джемс, полагалось пригласить гостя для повторного визита: *Побувайте сюды* (297); извиниться и просить прощения: *Не поминай лихом* (310); *не осуди, пожалуй* (276), *Бог судит* (283).

Лудольф первым зафиксировал **форму вежливого приглашения** к какому-либо действию, она начиналась со слова *пожалуй*: *Пожалуи, приди чаще къ намъ въпредки* (570).

Выводы. Исследованием установлено, что в корпусе древнерусских текстов имеются памятники, относящиеся к разным периодам истории и адекватно отражающие особенности русского речевого этикета в условиях устного общения.

Следует учитывать два фактора влияния на устный речевой этикет. Первый фактор – это влияние письменной формы (хотя и вторичной по времени появления) на этикет устного общения, но добавим: это влияние было взаимным, хотя и ограниченным. Второй фактор – возможное влияние иноязычной культуры. Наверняка, в разговорнике Т. Фенне и в «Русской грамматике» Лудольфа есть фразы, первоначально составленные на иностранном языке, а затем переведенные на русский.

В современном русском этикете насчитывают 15 групп лексико-коммуникативных единиц [28–29]. В древнерусской этикетной сфере некоторые из них почти не развиты (знакомство и поздравление) или выражаются полисемантичными формулами (раздельно не оформлены неодобрение и отказ, благодарность и комплимент). Речевой этикет развивался и обогащался: это касается формул приветствия, обращения, прощания, благопожелания, застолья, просьбы.

Особое богатство семантики имело приветствие, его прагматические задачи: обращение, знакомство и собственно приветствие. Но «основная цель русского приветствия – манифестация расположения к адресату» [10. С. 257], демонстрация интереса к собеседнику, пожелание ему благ: здоровья, добра, Божьей милости. Приветствие особенно быстро эволюционировало, семантически усложнялось, причем формулы устного приветствия и письменного приветствия взаимодействовали и взаимно обогащались. В структуру приветствия включаются личное имя собеседника, иногда наименование его общественного статуса, его эмоциональная характеристика и выражение чувств по поводу встречи. Приветствия от вербализованного жеста (*кланяюсь, челом бью*) развиваются в сторону осведомления (*как Бог милует?*), затем благопожелания *(будь здоров).* Появившиеся в XVI в., как зафиксировано в исследованных памятниках, пожелания здоровья и запрашивание информации о здоровье собеседника – это сильная нота доброжелательства и душевности. Обороты к*ак здоровье?, как живешь?, как бог помогает?* способствуют установлению контакта и создают положительный эмоциональный фон. Это и приветствие, и узнавание нового, благоприятного о собеседнике. В русском этикете сильны элементы открытости, искренности, стремления к доброму общению.

Отличительная черта русского общения, зафиксированная уже в эпоху средневековья – благопожелания, обычно связанные с благодарностью: пожелания помощи Бога в делах и пожелания здоровья

Важные элементы речевого этикета – контактные средства связи, средства поддержания гармоничного диалога – фиксируются уже в разговорнике 1568 г., они касаются организации беседы и развития диалога, уважительного отношения к собеседнику, поощрительных оценок речи собеседника. При изложении просьбы наблюдается желание расположить к себе собеседника, попросить у Бога милости для него, при этом почти всегда просьба начинается со слова *пожалуи.* Освоение этого слова в начале XVII в. начинает эпоху «пожалуйста» в русской речи

В речевом этикете донационального периода ярко проявляются важнейшие ценности русской культуры: общительность, гостеприимство, эмоциональность, духовность, скромность. Вся система приветствий, обращений, благопожеланий, формул просьб и извинений, застольного этикета – это динамичное сообщество речевых оборотов, где под влиянием социально-культурных изменений актуализируются одни обороты и отправляются в архив истории другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 136 с.
2. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1996. 73 с.
3. Костомаров В.Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.
4. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982. 2-е изд., переработ. и доп. М. : Рус. яз., 1987. 158 с.
5. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. 2-е изд. М. : Икар, 2005. 250 с.

6. Луцева О.А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая четверть XX века) : дис. … канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 151 с.
7. Тупикова С.Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале текстов XIX–XX вв.) : дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 206 с.
8. Лю Минлин. Фигуры речевого этикета в динамике русской лингвокультуры (на материале художественных текстов конца XIX – первой трети XX века) : дис. …канд. филол. наук. М., 2007. 164 с.
9. Бирюлина А.И. Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков) : дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 200 с.
10. Гребенщикова Н.С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне). Гродно : ГрГУ, 2004. 306 с.
11. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
12. Волков С.С. Стилевые средства деловой письменности XVII века : на материале челобитных. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. 342 с.
13. Чащина Е.А. Речевой этикет деловых текстов Московского государства : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1991. 24 с.
14. Зиновьева Е.И. Коммуникативно-семантические группы единиц речевого этикета в обиходном языке Московской Руси // Русское слово в историческом развитии : материалы секции «Историческая лексикология и лексикография»» XXXV Междунар. филол. конф. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 30–38.
15. Зиновьева Е.И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. 147 с.
16. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М. : Языки славянских культур, 2004. 872 с.
17. Судаков Г.В. Речевой этикет устного общения в Древней Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы : к 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е.П. Осипова; Ряз. гос. ун-т. Рязань, 2017. С. 93–101.
18. Отин Е.С. «За сим паки здравствуй!» // Русская речь. 1981. № 3. С. 102–107.
19. Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. 686 с.
20. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. С. 71–76.
21.“Ein Rusch Boeck…”: Ein Russisch-Deutsches anonyms Worter- und Gesprachbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von F. Falowski. Koln ; Weimar ; Wien, 1994. 400 S.
22. Парижский словарь московитов 1586 г. // Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 21–174.
23. Tonnies Fenne’s Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. 509 S.
24. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 177–210.
25. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 г. // Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 511–640.
26. «Руководение в грамматыку во Славянороссийскую: Ко употреблению учащыхся Языка Московскаго»; автор – Илья Копиевич, издана в 1706 г. // Ларин Б.А. Три иностранные источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 630–639.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975. Т. 1 (издание продолжается).
28. Соколова Н.Л. О системном характере речевого этикета // Филологические науки. 2005. № 1. С. 43–52.
29. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Фмлология» 24 февраля 2018 г.

THE EVOLUTION OF ORAL SPEECH ETIQUETTE IN RUSSIA IN THE 14TH–17TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 51–57.
DOI: 10.17223/15617793/429/6

Gury V. Sudakov, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: gvs035@rambler.ru

Keywords: verbal speech etiquette; speech situations; etiquette formulas; cultural influence and interaction of speech.

The article aims to study Russian verbal etiquette in the oral communication from the middle of the 16th century to the beginning of the 18th century, that is the period during which socio-economic, historical and cultural challenges accelerated the creating of universal norms in both written and oral speech in the form of a dialogue. Oral etiquette of Moscow Rus has not been studied yet. The sources of the research include texts of bilingual vocabularies, or phrasebooks (German-Russian, French-Russian, and English-Russian). In the article, seven phrasebooks (out of fifteen identified ones) are described. The phrasebooks present the forms of everyday communication – from greetings and the beginning of the verbal contact to the expressing of gratitude and farewell. The material of the research (bilingual texts) has determined the use of the comparative method; the study of etiquette formulae is based on the methods of contextual lexico-semantic analysis; the study of verbal interaction is relied on the theory of communicative tactics. The research was carried out in three stages. At the first stage, based on the speech etiquette theory, the register of possible speech situations was compiled, and the corresponding etiquette formulae were chosen from the texts of the phrasebooks. At the second stage of the research, the development of every etiquette formulae was described for the period of two centuries, as well as the semantics and connotation of the lexico-phraseological units used by the participants in the dialogues. At the final stage of the research, the etiquette formulae were studied in the cognitive aspect against the background of the cultural situation of the century and the mentality of the Russian people. According to the research results, in the process of communication, the oral etiquette formulae are used to establish the verbal contact, to identify the addressee and to appeal to the interlocutor. Hence, Russian speech etiquette has developed formulae of greeting, addressing, request, gratitude, good-wishing, having meals, farewell. The greetings are developed from the verbalized gesture (*klan’ayus’*, lit. “<I am> bowing”) to asking for informing (*kak bog milujet?* [how are you?]) and – later – expressing good wishes (*bud’ zdorov,* lit. “be healthy”). The study has showed that these factors determined the unique richness of the semantics of Russian greeting formulae, which included an appeal, a form of acquaintance, a greeting in the narrow sense, a verbal demonstration of the interest to the interlocutor and blessings for health, goodness and God’s mercy. The research has revealed that Russian speech etiquette contains important means of the verbal contact for maintaining a harmonious dialogue. For the first time, the study of the verbal expressions of request has been made, and it has been discovered that in the 17th century, the request form included the word *pozhaluy*, from which the era of *pozhaluysta* [please] began in the Russian language. A distinctive feature of Russian medieval communication is the use of well-being formulae, usually associated with gratitude. According to the research results, the system of Rus-

sian etiquette is a dynamic unity of verbal elements, which are actualized and semantically enriched under the influence of socio-cultural changes or stayed only in the history of the language.

REFERENCES

1. Sreznevskiy, I.I. (1959) *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the history of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
2. Sternin, I.A. (1996) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Kostomarov, V.G. (1967) Russkiy rechevoy etiket [Russian speech etiquette]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 56–62.
4. Formanovskaya, N.I. (1987) *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Formanovskaya, N.I. (2005) *Kul'tura obshcheniya i rechevoy etiket* [Culture of communication and speech etiquette]. 2nd ed. Moscow: Ikar.
6. Lutseva, O.A. (1999) *Rechevoy etiket (kategoriya vezhlivosti) i ego izmenenie na styke dvukh epokh (konets XIX – pervaya chetvert' XX veka)* [Speech etiquette (the category of politeness) and its change at the junction of two epochs (the end of the 19th – first quarter of the 20th centuries)]. Philology Cand. Diss. Taganrog.
7. Tupikova, S.E. (2003) *Razvitie bytovogo rechevogo etiketa kak funktsional'no-semanticheskoy universalii (na materiale tekstov XIX–XX vv.)* [Development of household speech etiquette as a functional-semantic universal (on the material of the texts of the 19th–20th centuries)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
8. Liu Minlin. (2007) *Figury rechevogo etiketa v dinamike russkoy lingvokul'tury (na materiale khudozhestvennykh tekstov kontsa XIX – pervoy treti XX veka)* [Figures of speech etiquette in the dynamics of Russian linguoculture (on the material of art texts of the late 19th – first third of the 20th centuries)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Biryulina, A.I. (2009) *Evolyutsiya russkogo rechevogo etiketa (na materiale khudozhestvennoy literatury XIX–XXI vekov)* [Evolution of Russian speech etiquette (on the material of fiction of the 19th–21st centuries)]. Philology Cand. Diss. Tambov
10. Grebenshchikova, N.S. (2004) *Istoriya russkogo privetstviya (na vostochnoslavyanskom fone)* [The history of the Russian greeting (on the East Slavic background)]. Grodno: Grodno State University.
11. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS.
12. Volkov, S.S. (2006) *Stilevye sredstva delovoy pis'mennosti XVII veka: na materiale chelobitnykh* [Styles of business writing of the 17h century: on the material of petitions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Chashchina, E.A. (1991) *Rechevoy etiket delovykh tekstov Moskovskogo gosudarstva* [Speech etiquette of business texts of the Moscow state]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Zinov'eva, E.I. (2006) [Communicative-semantic groups of units of speech etiquette in the everyday language of Moscow Rus]. *Russkoe slovo v istoricheskom razvitii* [Russian word in historical development]. Proceedings of the section "Historical Lexicology and Lexicography" of XXXV International Conference on Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 30–38. (In Russian).
15. Zinov'eva, E.I. (2012) *Ocherki po frazeologii obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–VVII vekov* [Essays on the phraseology of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Zaliznyak, A.A. (2004) *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Sudakov, G.V. (2017) [Speech etiquette of oral communication in Ancient Rus]. *I.I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy: k 205-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Sreznevskogo* [I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects: to the 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky]. Proceedings of the international conference. 21–23 September 2017. Ryazan: Ryazan State University. pp. 93–101. (In Russian).
18. Otin, E.S. (1981) "Za sim paki zdravstvuy!" ["Hello again!"]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 102–107.
19. Larin, B.A. (2002) *Tri inostrannye istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on colloquial speech of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
20. Formanovskaya, N.I. (1986) O kommunikativno-semanticheskikh gruppakh i funktsional'no-semanticheskikh polyakh [On communicative-semantic groups and functional-semantic fields]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3. pp. 71–76.
21. Falowski, F. von. (1994) *"Ein Rusch Boeck…": Ein Russisch-Deutsches anonyms Worter- und Gesprachbuch aus dem XVI Jahrhundert* ["Ein Rusch Boeck…": A Russian-German anonymous dictionary of words and words from the 16th century]. Cologne; Weimar; Vienna: [s.n.].
22. Larin, B.A. (2002) *Tri inostrannye istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on colloquial speech of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 21–174.
23. Tonnies Fenne. (1607) *Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov: [s.n.].
24. Larin, B.A. (2002) *Tri inostrannye istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on colloquial speech of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 177–210.
25. Larin, B.A. (2002) *Tri inostrannye istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on colloquial speech of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 511–640.
26. Larin, B.A. (2002) *Tri inostrannye istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on colloquial speech of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 630–639.
27. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
28. Sokolova, N.L. (2005) O sistemnom kharaktere rechevogo etiketa [On the system character of speech etiquette]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 1. pp. 43–52.
29. Larina, T.V. (2009) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [The category of politeness and the style of communication: a comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Received: 24 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 58–65. DOI: 10.17223/15617793/429/7

УДК 821.161.1.09-31 + 929 Набоков

Е.Г. Трубецкова

ГЛАЗ И ОПТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА: ДЕФОРМАЦИЯ ЗРЕНИЯ В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Проводится анализ образов и мотивов, связанных с визуальной поэтикой Набокова: образов глаза, очков, мотива зрения и его деформации. Прослеживается трансформация данных образов и мотивов в русской и англоязычной прозе автора. Разработка образа глаза и мотива зрения анализируется в контексте экспериментов в визуальном искусстве начала XX в.
Ключевые слова: визуальная поэтика; Набоков; образ глаза; образ очков; мотив близорукости.

По точному замечанию Альфреда Аппеля, прекрасное название для всей набоковской прозы – «Соглядатай», так как «восприятие реальности для него – чудо видения, и сознание играет здесь роль оптического инструмента» [1. С. 196]. Исследования визуальной поэтики автора, появившиеся в последние годы, – один из главных «ключей» к эстетике и философии набоковского творчества [2–4]. В связи с этим представляется важным анализ образов и мотивов, связанных с визуальностью: образов глаза, очков, мотива зрения и его деформации.

В.В. Набоков – исследователь литературы у изучаемых писателей – ценил умение видеть, обращал внимание на их зоркость к миру. Так, в лекции о Гоголе он сравнивал отличие зрения автора «Ревизора» и «Мертвых душ» от зрения среднего читателя и среднего писателя с различием «между человеческим зрением и тем, что видит фасеточный глаз насекомого», а далее отмечал, что до появления Гоголя и Пушкина «русская литература была подслеповатой. Небо было голубым, заря алой, листва зеленой… Только Гоголь (а за ним и Лермонтов, и Толстой) увидел желтый и лиловый цвета» [5. С. 88]. О Тургеневе Набоков говорил, что это был «первый русский писатель, заметивший игру ломаного солнечного света и светотени при появлении людей. Вспомним цыганку, стоявшую спиною к свету, и “белки глаз”, выделяющиеся “серебряными миндалинами”» [Там же. С. 145].

В собственных произведениях Набокова образ глаза становится одним из частотных. Это может быть развернутая характеристика – так, подробно описаны глаза Марты в романе «Король, дама, валет»: «В это мгновение солнечный свет… придал искусственную теплоту ее неподвижным глазам, с их большими, словно упругими, зрачками в сизом сиянии, с их прелестными темными веками, чуть в складочку, редко мигавшими, как будто она все боялась потерять из виду непременную цель» [6. Т. 1. С. 121], или подмечена «изменчивая игра зеленых, карих, желтых восхитительных глаз под бархатными бровями» матери Федора Годунова-Чердынцева в «Даре» [Там же. Т. 3. С. 78].

Либо автор упоминает о глазах героя мельком, но эта характеристика врезается в память, читатель навсегда запоминает «рысьи» глаза Горна («Камера обскура»), «шоколадные» – Лиды («Отчаяние»), «горилловые» – Гумберта («Лолита») и т.д.

Упомянутая вскользь деталь в дальнейшем может стать очень важной для раскрытия образа героя. В романе «Камера обскура» Кречмар, встречаясь с Магдой в темноте кинозала, замечает ее «продолговатый луиниевский глаз» [7. С. 17]. Речь идет о Бернардино Луини, художнике XVI в., ученике Леонардо (Луини упоминается и в раннем рассказе Набокова «Венецианка»). С одной стороны, через эту отсылку перед читателем предстает зримый образ красоты Магды: первое, что поразило героя при встрече с ней в кинематографе? – «чудесный, продолговатый блеск случайно освещенного глаза и очерк щеки, нежный, тающий, как на темных фонах у очень больших мастеров» [Там же. С. 17]). С другой стороны, в контексте романа значимо и то, что одна и самых знаменитых картин Луини – «Мария Магдалина» (1515) (напомним, когда Магда называет свое имя Горну, тот реагирует: «Ага, Магдалина»). Но не только этот круг ассоциаций сопутствует образу Магды. Одну и ту же модель Луини использовал для «Марии Магдалины» и для другой своей картины: «Саломея с головой св. Иоанна Крестителя» (1532) (в иконописи сюжет «Усекновение главы св. Иоанна Предтечи»). Таким образом, уже в первой сцене знакомства героев предсказан трагический финал. Возникает образ роковой женщины, в которой совмещаются красота и жестокость, греховность. Здесь на уровне отсылки к живописным произведениям прослеживается характерная черта набоковской прозы – «полигенетичность ассоциаций».

В поэзии Набокова образ глаза встречается в раннем творчестве? и разрабатывается он в романтическом ключе. Так, в стихотворении «Глаза» (1922) герой-поэт клянется смеющейся царевне, что

…сладостный разрез твоих продолговатых
Атласно-темных глаз, их ласка и отлив
Чуть сизый на белке, и блеск на нижнем веке,
И складки нежные над верхнею, – навеки
Останутся в моих сияющих стихах

[8. С. 194].

А позднее в «Пнине» автор использует этот мотив уже в пародийном аспекте как типичный штамп женской сентиментальной поэзии, создаваемой «эмигрантскими рифмессами» «под Ахматову». Повествователь приводит «типичный образчик» творений Лизы Боголеповой:

Самоцветов кроме очей
Нет у меня никаких,
Но есть роза еще нежней
Розовых губ моих.
И юноша тихий сказал:
«Ваше сердце всего нежней…»
И я опустила глаза…

Неполные рифмы вроде «сказал – глаза» считались тогда очень изысканными. Отметим также эротический подтекст и намеки cour d'amour» [9. Т. 3. С. 162].

В произведениях писателя образ глаза осмысляется и метафорически. Как отражение стремления к безграничному видению / пониманию он присутствует в «Даре», где отец Годунова-Чердынцева рассказывает свою любимую киргизскую сказку о «человеческом глазе, хотящем вместить все на свете» [6. Т. 3. С. 121]. Там же, а позднее и в «Других берегах» описывается «припадок ясновидения» героя «после одного особенно тяжелого воспаления легких» [Там же. С. 21]. При этом зрение обособляется от его носителя: «И кажется, что, если еще немножко отпустить вдаль свое *легкое око* (здесь и далее курсив мой. – *Е.Т.*), различишь блестящую лодку... В ту минуту я достиг наивысшего предела человеческого здоровья: мысль моя омылась, окунувшись недавно в опасную, не по-земному чистую черноту» [Там же. С. 21]. Параллели можно видеть в стихотворении писателя «Око» (1939 г.):

К одному исполинскому оку
Без лица, без чела и без век,
Без телесного марева сбоку
Наконец-то сведен человек

[8. С. 71].

В интервью Набоков говорит о частом видении во время бессонницы «нечеловеческого или сверхчеловеческого лика с огромным все увеличивающимся голубым оком» [1. С. 283]. Возможны и визуальные ассоциации с художественным контекстом – от Всевидящего ока, запечатленного на пирамидах в масонской символике, до серии литографий Одилона Редона, где в воздухе парит огромный, подобный идеальной сфере, глаз. Вспоминается и картина Рене Магритта «Кривое зеркало», и «Глаз» Сальвадора Дали, и работа Ман Рея «Object to be Destroyed» (1923), представляющая собой гигантский метроном, к стрелке которого прикреплена во много раз увеличенная фотография женского глаза.

Образ огромного ока, парящего в воздухе, может читаться как модель Вселенной. Но при внешнем сходстве образа у Набокова и современных ему художников необходимо отметить и существенные различия. В произведениях авангарда подобный образ был связан не только с абсолютизацией зрения, но и с фиксацией диссонанса между непреложной истинностью зрения, с одной стороны, и подчеркиванием его физиологической природы, с другой. Успехи в развитии оптики позволили детально изучить устройство глаза как *органа* зрения, а изобретение фотографии и кинематографа создало такие «оптические протезы» (Поль Верильо), которые могли осуществлять механическое наблюдение за реальностью в отрыве от субъекта [10. С. 28; 11. С. 121–134]. В работах Одилона Редона, Сальвадора Дали, Рене Магритта парящий в воздухе глаз, отделенный от субъекта, побуждает задуматься над автономностью, свободой зрения от диктата разума.

В текстах Набокова «огромное око» становится символом безграничного видения, приближения к границам *потусторонности.* Мотив такого «расширенного смотрения» (М. Матюшин), метафизического прозрения в текстах Набокова связывается со смертью. В «Даре» звучат размышления вымышленного философа Делаланда о том, что после смерти нас ждет «освобождение духа из глазниц плоти и *превращение наше в одно свободное сплошное око*» [6. Т. 3. С. 277].

Образ глаза в произведениях автора является и метафорой авторского всевидения: «раскрываюсь, как глаз, посреди города на крутой улице, сразу вбирая все: и прилавок с открытками, и витрину с распятиями, и объявление заезжего цирка, с углом, слизанным со стены, и совсем еще желтую апельсинную корку на старой, сизой панели, сохранившей там и сям, как сквозь сон, старинные следы мозаики» [Там же. Т. 4. С. 305]. Именно зоркость к миру – неотъемлемая составляющая писательского дара. Настоящие творцы наделены в прозе Набокова способностью замечать мельчайшие детали. «У, какое у автора зрение!.. Нам даже думается, что может быть именно живопись, а не литература с детства обещались ему…» [Там же. Т. 3. С. 26], – так, по представлению главного героя романа «Дар» писателя Годунова-Чердынцева, будет сказано в рецензии на его книгу стихов.

В то же время оппоненты героя страдают глазными болезнями: постоянно подчеркивается близорукость Чернышевского: «глаза, как у крота»; критик Христофор Мортус наделен Набоковым «неизлечимой болезнью глаз, что придавало каждой строке Мортуса какую-то трагическую ценность» [Там же. С. 151][1], посредственный литератор Ширин «в больших очках, за которыми, как в двух аквариумах, плавали два маленьких прозрачных глаза, совершенно равнодушных к зрительным впечатлениям», был «слеп, как Мильтон, глух, как Бетховен, и глуп, как бетон» [Там же. С. 282]. Если использовать концепцию Сюзен Сонтаг о болезни как метафоре [13], то у Набокова близорукость становится метафорой духовной / эстетической слепоты.

Близорукость в русскоязычной прозе писателя – аксиологическая категория. Несовершенство зрения ассоциируется с ущербностью, офтальмологический диагноз используется Набоковым и в переносном значении, например в «Защите Лужина» у героя отмечается мешавшая вначале проявиться во всей полноте дару Лужина «близорукость мысли, от которой мучительной мутью заволакивались шахматные перспективы» [Там же. Т. 2. С. 29]. А о несовершенстве способности человека помнить детали и подробности давно прошедших событий говорится – «память человека близорука» [Там же. С. 116].

Реализацию мотива близорукости на разных уровнях текста можно видеть в романе Набокова «Король, дама, валет», где нарушение зрение героя связывается и с обозначением его душевной слепоты в отношениях с Мартой. При этом развитие любовного романа героев переплетается в тексте с темой утраты / порчи очков. Франц разбивает свои старые очки в первый же день по приезде в Берлин и при встрече с Мартой видит ее другой: «Марта в бесплотном сиянии его близорукости нисколько не была похожа на вчерашнюю даму, которая позевывала, как тигрица. Зато мадоннообразное в ее облике… теперь проявилось вполне, как будто и было ее сущностью, ее душой, которая

теперь расцвела перед ним без примеси, без оболочки. Он не мог бы в точности сказать, – нравится ли ему эта туманная дама: близорукость целомудренна» [6. Т. 1. С. 131]. Этот день становится началом их тайных отношений. В финале романа, когда Франц уже с ужасом представляет возможность дальнейшей жизни с этой «пучеглазой старухой» и только смерть Марты избавляет его от данной перспективы, он замечает, что «все, на что сам смотрит, пересечено сверху вниз неясной полосой, словно вычеркнуто. Он сообразил, что это у него одно стекло треснуло, – но не мог вспомнить, как это случилось» [Там же. С. 278].

«Тема очков», остроумно подмеченная в «Даре» Годуновым-Чердынцевым в жизни Чернышевского, не раз прослеживается в судьбах вымышленных набоковских героев в других произведениях. Очки в прозе Набокова становятся и своеобразной статусной деталью. Франц, желая соответствовать своему новому положению столичного жителя, «размахнулся; он купил американские очки: оправа была черепаховая, – с той оговоркой, конечно, что черепаха тем и известна, что ее отлично и разнообразно подделывают» [Там же. С. 141]. В другом романе («Подвиг») главного героя поражает, что мужественный, окруженный романтическим ореолом Грузинов носит «почему-то простые очки, в металлической оправе, какие подстать было бы носить пожилому рабочему, мастеру со складным аршином в кармане» [Там же. Т. 2. С. 273]. В «Короле, даме, валете» стереотипность восприятия очков обыгрывается в описании обманутого ожидания Драера, наблюдающего за двумя людьми, о которых герою известно, что это профессор анатомии и скульптор: «Один из них был долговязый, бледный, неряшливый, с орлиным взглядом, длинными, откинутыми назад волосами и большущим кадыком; другой – солидный, седой, в очках, в высоком крахмальном воротнике. Их внешность служила для Драйера источником непрестанного наслаждения, ибо тот, с шевелюрой, был профессор, а этот, в строгих очках, – скульптор» [Там же. Т. 1. С. 233].

Образ очков и мотив деформации зрения в литературе могут выполнять различные функции. Ц. Тодоров на примере анализа сказок Э.Т.А. Гофмана показал, как очки и «тема взгляда» связаны с рождением фантастического сюжета [14. С. 101–102]. В произведениях современников Набокова данный аспект мотива близорукости был многосторонне реализован в новеллах С. Кржижановского («Автобиография трупа», «Чуть-чути», «Глазунья в пенсне»), где «укорочение пространства» не видящего без «глазных протезов» героя давало ему возможность проникнуть в «другое измерение», увидеть то, что недоступно обычному взгляду (см. подробнее: [15, 16]). В романе А. Ремизова «Подстриженными глазами», загадочное заглавие которого содержало отсылку к Канту, близорукость осмыслялась как особый дар: «“Подстриженные” определение зрения: таким глазам открыта бо́льшая реальность, чем нормальным глазам. И так можно сказать мир явлений доступней человеку глубже разнообразнее. С просветом в скрытую недоступную сущность вещей по Канту. “Покрывало Майи” на глазах подстрижено» [17. С. 439]. Очки, вернувшие автобиографическому герою нормальное зрение (а у него было 11 диоптрий), лишают героя дара: «И когда я надел очки, все переменилось: как по волшебству, я вдруг очнулся и уж совсем в другом мире. Все стало таким мелким, бесцветным и беззвучным – сжалось, поблекло и онемело; оформилось и разгородилось» [18. С. 61–62].

В советской литературе мотив близорукости и связанный с ним образ очков становятся маркером в оппозиции свой / чужой. Ущербность зрения противоречила культу здорового тела, новый человек должен был быть совершенным и духовно, и физически, о чем писали В. Гудкова [19], Н. Тамручи [20], поэтому очки в 1920-е гг. ассоциировались со слабохарактерной / «старорежимной» интеллигенцией (в «Двенадцати стульях» Е. Ильфа и А. Петрова, «Конармии» И. Бабеля, поэме «Во весь голос» В. Маяковского, «Собачьем сердце» М. Булгакова).

У Набокова в произведениях 1920–1930-х гг. многообразные эстетические и социальные функции образа очков используются редко. Тем не менее можно выделить несколько примеров связи мотива деформации зрения с изменением нарративного фокуса [21. С. 184–207]. Так, в романе «Король, дама, валет» «беспомощная близорукость» героя и связанная с ней «тема очков» становятся не только показателем неспособности Франца видеть жестокость и цинизм Марты, но и позволяют автору дать обычные явления повседневной жизни в новом свете, в необычном ракурсе. Набоков вводит описание Берлина, увиденного близорукими глазами героя, утратившего очки: «Внизу, по улице, как медузы, скользили люди, среди внезапно замершего автомобильного студня, – потом все это опять двигалось, и смутно-синие дома по одной стороне, солнечно-неясные – по другой текли мимо, как облака, незаметно переходящие в нежное небо. Такой представилась Францу столица, – призрачно-окрашенной, расплывчатой, словно бескостной, ничуть не похожей на его грубую провинциальную мечту» [6. Т. 1. С. 129].

Здесь, на наш взгляд, возникает реминисценция из стихотворения ценимого Набоковым В. Ходасевича:

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом –

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб… (1922)
[22. С. 228].

Плывущая полупрозрачная студенистая столица, которую описывает Франц у Набокова, – Берлин, название стихотворения Ходасевича – «Берлинское». При всем различии восприятия города героем Набокова и лирическим героем Ходасевича (от ожидания чуда в первом случае: «город сиял, переливался, падал чудесными складками, но не держался ни на чем, а повисал ослабевший, словно бесплотный, в голубом сентябрьском воздухе» [Там же. С. 128], до полного «опустошения» и одиночества – во втором: «И прони-

кая в жизнь чужую, // Вдруг с отвращеньем узнаю // Отрубленную, неживую // Ночную голову мою» [22. С. 228]), – общим является модус использования несфокусированного зрения. У Франца это мотивировано утратой очков, у героя Ходасевича – взглядом через «толщу чуждого стекла» ночного кафе. Вспоминается и плохое зрение автора «Берлинского». При этом отношение к близорукости Ходасевича у Набокова представляет собой исключение. Он сравнивает особенность стихов поэта с «близорукими глазами», единственный раз используя это сопоставление в положительном смысле: «В сравнении с приблизительными стихами (т.е. прекрасными именно своей приблизительностью – как бывают прекрасны близорукие глаза – добивающимися ее также способом точного отбора, какой бы сошел при других, более красочных обстоятельствах стиха за “мастерство”) поэзия Ходасевича кажется иному поэту не в меру чеканной…» [5. С. 409].

Возвращаясь к приведенному ранее изображению «размытой» столицы глазами близорукого героя в романе «Король, дама, валет», представляется возможным отметить здесь сходство с описанным В. Шкловским приемом «остранения». Сам Набоков к формализму относился скептически: «What is termed “formalism” contains certain trends absolutely repulsive to me» («То, что называют “формализмом”, содержит черты, мне отвратительные») [23. С. 79]. Видимо, писателя отталкивало в работах теоретиков ОПОЯЗа абсолютизирование «приема» и «сделанности» художественного текста. Возможности применения универсального подхода к произведениям искусства Набоков не допускал. В уже цитированном эссе «О Ходасевиче» он писал: «Общий путь, какой бы он ни был, в смысле искусства плох именно потому, что он общий» [5. С. 409]. Тем не менее с работами формалистов он был знаком, и в его произведениях можно видеть и «обнажение приема», и «сдвиг», и «остранение», о чем писали О. Ронен [24. С. 167–175], А. Долинин [12. С. 704–707], М. Гришакова [25. С. 247–249]. Владислав Ходасевич, также критически относившийся к формалистам, в статье «О Сирине» использовал при анализе «Приглашения на казнь» именно их терминологию: «Тут мы имеем дело с приемом, впрочем, весьма обычным. Формалисты его зовут остранением. Он заключается в показывании предмета в необычной обстановке, придающей ему новое положение, открывающей в нем новые стороны, заставляющей воспринять его непосредственнее» [26. С. 249]. Позднее И. Паперно убедительно продемонстрировала «обнажение приема» в «Даре» [27. С. 138–152], а О. Ханзен-Леве показал, что «творчество Набокова реализует формалистскую поэтику гораздо более объемно и многообразно… чем произведения тех авторов, которые находились в России в личных или методологических контактах с формалистами» [28. С. 558]. При этом вряд ли можно видеть влияние теоретических построений формалистов на творчество писателя, речь идет о типологическом сходстве. Не случайно «остранение», обоснованное Шкловским в статье «Искусство как прием», Ханзен-Леве назовет не только приемом, но и «сформулированным… центральным эстетическим и философским принципом современного искусства и его теории» [28. С. 12]. В контексте нашего исследования интересно, что привычные формы восприятия исследователь образно сравнивает с «очками, оказавшимися между прямым, непосредственным зрением и “настоящей действительностью”: если очки обнаружены, то их можно снять и превратить в предмет (а не средство, как до того) рассмотрения и рефлексии» [Там же. С. 12].

Другой пример «остранения», связанный уже не с деформацией зрения, а с полной его потерей, можно видеть в романе Набокова «Камера обскура», где дано виртуозное описание мира через призму восприятия ослепшего после автомобильной катастрофы главного героя Кречмара (в романе звучит и более точный диагноз окулиста: «вследствие кровоизлияния произошло сдавление глазных нервов как раз там, где они скрещиваются в мозгу» [7. С. 370]): «Слуховых впечатлений было набрано за это время сколько угодно, – а зрительных никаких – так что в конце концов неизвестно, как выглядит палата, какое лицо у сиделки, у доктора… Эти звуки, эти шаги, эти голоса двигались как бы в другой плоскости… И между ними и той темнотой, в которой он пребывал, существовала какая-то плотная преграда...» [Там же. С. 366–367]. Описаны его отчаяние, близкое к умопомешательству, ненасытная жажда узреть Магду и «мучительные» попытки «родить свет». Катастрофа оттеняется и «сострадательным» письмом Горна, который подчеркивает особую роль зрения в жизни своего обманутого соперника: «…я всей душой скорблю о Вас, особенно когда вспоминаю Вашу любовь к живописи, к роскошным краскам и утонченным оттенкам, ко всему тому, что делает зрение божественным подарком свыше. Есть люди (Вы и я принадлежим к их числу), которые живут именно глазами, зрением, – все остальные чувства только послушная свита этого короля чувств» [Там же. С. 368]. Значимо и осознание Кречмаром того, что он не умел «до конца пользоваться даром острого зрения» [Там же. С. 375]. В контексте «Камеры обскура» слепота, как и близорукость в романах «Король, дама, валет» и «Дар», является не только констатацией медицинского диагноза, но становится и характеристикой внутреннего мира, показывает духовную слепоту героя, разрушившего жизнь своей жены и дочери ради любви к жестокой и циничной Магде. Любопытно, что Магда и Горн, когда их обман разоблачен, представляются Кречмару «со страшными лучистыми глазами навыкате» [Там же. С. 389], а перед смертью он механически отмечает: «она меня убила, какие у нее выпуклые глаза, базедова болезнь…» [Там же. С. 392]

Внутренний мир героев Набокова становится зримым, он проступает сквозь внешние черты, деформирует внешность: «луиниевские» глаза Магды становятся «выпуклыми», в романе «Король, дама, валет» привлекательная, похожая на мадонну Марта в финале, когда ее план убийства мужа срывается, предстает «пучеглазой старухой», в «Приглашении на казнь» упоминаются «выкаченные», «воспаленные лягушачьи глаза» [6. Т. 4. С. 100] директора тюрьмы. При всей изощренности интертекстуальной и интермеди-

альной поэтики Набокова, сквозной для его прозы русскоязычного периода становится расхожая метафора «глаза – зеркало души». Отрицательные герои либо наделены писателем отталкивающими глазами, либо страдают близорукостью.

Развитие мотива деформации зрения можно видеть в американских романах писателя. В «Пнине», в отличие от русских текстов, главный герой, носящий очки, вызывает читательскую симпатию. Как и с остальными вещами, с очками Пнин очень неловок. «Оправа очков с треском лопалась прямо по дужке, оставляя в его руках две одинаковых половинки, которые он робко пытался соединить, надеясь, быть может, что некое чудо органической реставрации поможет ему» [9. Т. 3. С. 17]. Но если в произведениях 1920–1930-х гг. неумение обращаться с вещами было, как правило, свидетельством бездарности героя (о чем подробно писал С. Давыдов [29]), в «Пнине» это вызывает сочувствие, а не ироническую усмешку.

Образ очков в романе связывается с очень важным для всего творчества Набокова мотивом воспоминания. «Его (Пнина. – *Е.Т.*) любили не за какие-то особые дарования, но за незабываемые отступления, когда он снимал очки, чтобы улыбнуться прошлому, массируя тем временем линзы настоящего» [9. Т. 3. С. 14].

Принципиально важна для романа сцена знакомства повествователя с Пниным, отец которого был знаменитым офтальмологом. Само знакомство происходит много лет назад, в 1911 г., благодаря случайно попавшему в глаз угольку, доставляющему сильную боль и извлеченному Пниным-старшим, который, кстати, «подобно покойному доктору Чехову, носил пенсне в черной оправе на черном же шнурке» [Там же. С. 158]. «И какое божественное облегчение испытал я, когда с помощью крохотного инструмента, похожего на барабанную палочку эльфа, ласковый доктор удалил у меня из глаза преступный черный атом!» [Там же]. После чего и происходит первая встреча рассказчика и героя. «Действительно ли я помню его ежик, припухлое бледное лицо, красные уши? Да, явственно» [Там же. С. 159].

Эпизод с соринкой в глазу и ее извлечением содержит, на наш взгляд, помимо аллюзии на «Снежную королеву» Г.-Х. Андерсена, и отсылку к роману Тургенева «Отцы и дети», к сцене, где Николай Петрович достает «искру из печки» из глаза Фенечки, с чего и начинаются их отношения. «Николай Петрович подвел ее к окну и взял ее обеими руками за голову. Рассмотрев хорошенько ее покрасневший и воспаленный глаз, он прописал ей примочку, которую тут же сам составил, и, разорвав на части свой платок, показал ей, как надо примачивать» [30. С. 48]. На наш взгляд, проведенная параллель не случайна, так как сам Набоков подробно анализирует эту сцену в «Лекциях по русской литературе»: «Все детали просто восхитительны, а описание воспалившегося глаза – настоящее произведение искусства» [5. С. 155]. Своеобразное пародийное переосмысление данного эпизода можно видеть в романе «Лолита», когда Гумберт удаляет языком соринку из глаза Лолиты (см. подробнее: [31]).

Вот данный фрагмент из «Исповеди Светлокожего Вдовца» в переводе самого Набокова: «[Лолита] Оттягивала перед зеркалом веко, стараясь отделаться от соринки, попавшей в левый глаз. <…> На мгновение мы оба заплавали в теплой зелени зеркала, где отражалась вершина тополя вместе с нами и небом. Подержал ее грубовато за плечи, затем ласково за виски и повернул ее к свету.

“Оно вот здесь”, сказала она, “я чувствую”…

“Швейцарская кокрестьянка кокончиком языка”…

“…Вылизала бы?”

“Имно. Попробать?”

“Конечно, попробуйте”.

Нежно я провел трепещущим жалом по ее вращающемуся соленому глазному яблоку.

“Вот здорово”, сказала она, мигая, “все ушло”.

“Теперь второй глаз”.

“Глупый вы человек”, начала она, “там ровно…”. Но тут она заметила мои собранные в пучок приближающиеся губы и покладисто сказала: “О'кэй”.

Наклонившись к ее теплому, приподнятому, рыжевато-розовому лицу, сумрачный Гумберт прижал губы к ее бьющемуся веку» [9. Т. 2. С. 58].

И в «Лолите», и в «Пнине» соринку удаляют из левого глаза.

Далее Гумберт называет себя «внимательным педиатром, обслуживающим все телесные нужды его полубрюнеточки!»

Здесь можно видеть автореминисценцию на «Камеру обскуру», в которой отношения доктор–пациент выстраивает Горн по отношению к Кречмару. Соседям по вилле Горн представляется как «врач, приставленный к нему (Кречмару. – *Е.Т.*)». При этом ввиду тяжелого состояния больного, «он, разумеется, не должен знать, что, кроме его племянницы, живет при нем доктор» [7. С. 370].

Отношение повествователя к герою как врача к пациенту возможно соотнести с концепцией Мишеля Фуко, который пишет об «авторитете чистого взгляда, предшествующего любому вмешательству» [32. С. 166], что сыграло кардинальную роль в развитии клинической медицины. Взгляд врача обладает особой зоркостью, «это взгляд, который может и должен схватывать… вариации, мельчайшие аномалии, будучи всегда настороже по отношению к отклонению… это взгляд, который не удовлетворяется тем, что очевидно видимо» [Там же. С. 141]. Врач не просто наблюдатель, а человек, имеющий право на решение и вмешательство. Подобным совершенно особым зрением, зорким и в достаточной степени авторитарным, и наделен автор.

Различные аспекты, связанные с феноменом зрения, продолжают интересовать Набокова на протяжении всего творчества. Если в русскоязычных романах писатель использует призму восприятия человека с патологией зрения для изображения привычных вещей в необычном ракурсе, то в «Аде» он применяет «остранение» для осмысления самого образа зрительного органа. «Что такое глаза, в конце-то концов (осведомляется Ада)? Две дыры в маске жизни. Что (спрашивает она) значат глаза для существа родом с иной корпускулы или с иного млечного пузырька, существа, которому органом зрения служит (допустим) внутренний паразит, внешне напоминающий

писанное от руки слово “deified” (или, скажем, “недороден”)? Что, в самом деле, означала бы пара прекрасных глаз (человечьих, лемурьих, совиных) для того, кто нашел бы их на сиденье таксомотора?” [9. Т. 4. С. 103–104].

Образ глаза в эстетике Набокова разрабатывается, с одной стороны, максимально реалистически, автор дает детальное описание портрета героев, и глазам уделяется повышенное внимание. Так, если продолжить цитату из «Ады», то повествователь характеризует глаза главной героини следующим образом: «Ра-ек: темно-карий с янтарными спицами или крупицами, размещенными вкруг серьезных зениц наподобие супротивных часов циферблата. Веки: в складочку (рифмуясь по-русски со взятым в винительном падеже уменьшительным от ее имени). Разрез глаз: томный» [Там же. С. 104].

С другой стороны, образ глаза в эстетике Набокова – таинственный символ уникального восприятия мира, он осмысляется как метафора авторского всевидения, как модель Вселенной, как приобщение «потусторонности». На наш взгляд, такая разработка образа обусловливала в произведениях писателя прямую зависимость богатства духовного мира героев от остроты их физического зрения, «зоркости», поэтому в русских романах Набокова («Король, дама, валет», «Дар») близорукость становилась метафорой нравственной / эстетической слепоты. Подобная корреляция не наблюдается в англоязычной прозе писателя: в «Пнине» главный герой, вызывающий безусловную симпатию, носит очки, он близорук и неловок, но при этом наделен удивительной способностью видеть прошлое так же реально, как настоящее, даром сочувствия к близким, сострадания.

Любопытно, что сам автор в Америке начинает носить очки. Произошло это, по свидетельству Б. Бойда, весной 1945 г. и было следствием постоянной работы Набокова с микроскопом в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета, где он служил с 1941 по 1948 г., – «это стало одним из двух событий, преобразивших моложавого худого эмигранта в уютно-упитанного человека в очках, каким он и оставался последние тридцать лет жизни» [33. С. 105].

Было бы слишком наивно видеть прямую связь изменения иронического авторского отношения к близорукости, характерного для русской прозы, на нейтральное в американских романах с особенностями зрения самого писателя. Однако не отметить трансформацию данного мотива также сложно. В «Даре» герой говорит, что «все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане». В то же время в своем будущем романе он хочет все «обстроить, завесить, окружить чащей жизни», своей жизни, с «писательскими страстями, заботами», но так, чтобы от автобиографии осталась «только пыль, – но такая пыль… из которой делается самое оранжевое небо» [6. Т. 3. С. 328]. Игра на смещении границ реальности и искусства проходит через все творчество Набокова. На наш взгляд, проявляется она и в осмыслении мотива близорукости и образа очков.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Александр Долинин видит в корреляции эстетической глухоты и физической близорукости ответ Набокова З. Гиппиус, обвинявшей автора в бессодержательности, в «человеческой бездарности» при наличии обольщающей «словесной и глазной способности». «По сути дела, Набоков отражает (в обоих смыслах этого слова) инвективы Гиппиус, выворачивая их наизнанку: “словесная и глазная способность”, которую она связывает с “человеческой безДАРностью”, в его понимании и есть божественный ДАР художника, “благоДАТЬ чувственного познания” и игры “многогранной мысли”…» [12. С. 245].

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков о Набокове и прочем : интервью, рецензии, эссе. М. : Независимая газета, 2002. 704 с.
2. Ямпольский М. Бабочка памяти (Набоков) // Ямпольский М. О близком : очерки немиметического зрения. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 171–210.
3. Гришакова М. Визуальная поэтика В. Набокова // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 205–228.
4. Трубецкова Е. Эстетика зрения В. Набокова в контексте оптических экспериментов XX века // Набоковский сборник. 2011. № 1. С. 64–75.
5. Набоков В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996. 435 с.
6. Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1990.
7. Набоков В. Камера обскура // Набоков В. Русский период. Собр. соч. : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 1999. Т. 3. С. 250–393.
8. Набоков В. Стихотворения и поэмы. М. : Современник, 1991. 572 с.
9. Набоков В. Американский период. Собр. соч. : в 5 т. / пер. с англ. С. Ильина. СПб. : Симпозиум, 1999.
10. Верильо П. Машина зрения. СПб. : Наука, 2004. 140 с.
11. Бобринская И. Новое зрение // Бобринская И. Русский авангард: границы искусства. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 227–289.
12. Долинин А. Три заметки о романе «Дар» // Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб. : Академический проект, 2004. С. 231–267.
13. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 175 с.
14. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с франц. Б. Нарумова. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
15. Трубецкова Е. «Ракетка и глаз, заброшенный в пространство»: визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 611–621.
16. Трубецкова Е.Г. Мир как «дочка зрения»: опыты остранения Сигизмунда Кржижановского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. С. 61–66.
17. Ремизов А. Лицо писателя. Рабочие тетради // Грачева А.М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова. (1910–1950-е годы). СПб. : Пушкинский Дом, 2010. С. 367–420.
18. Ремизов А. Подстриженными глазами // Ремизов А.М. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 2000. Т. 8. С. 5–264.
19. Гудкова В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

20. Тамручи Н. Медицина и власть // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 134–155.
21. Трубецкова Е. Болезнь как способ остранения: «новое зрение» В. Набокова // Вопросы литературы, 2014. № 3. С. 184–207.
22. Ходасевич В. Собрание стихов. М. : Центурион ; Интерпракс, 1992. 448 с. (Серебряный век)
23. Nabokov V. Letters to M. Scammell. The NY Public Library Berg Collection Nabokov Archive. Скаммелл М. Переводя Набокова, или Сотрудничество по переписке // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 278–284.
24. Ронен О. Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. 1999. № 4. С. 167–175.
25. Гришакова М. Две заметки о В. Набокове // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 247–259.
26. Ходасевич В. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. Антология : в 2 т. СПб.: Русский Христианский Гуманитарный Институт, 1997. Т. 1. С. 244–250.
27. Паперно И. Как сделан «Дар» В. Набокова // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 138–152.
28. Ханзен-Леве О. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М. : Языки русской культуры, 2001. 667 с.
29. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб. : Кирцедели, 2004. 157 с.
30. Тургенев И.С. Отцы и дети. М. : Эксмо, 2015. 317 с.
31. Гусейнова Э. Игровые стратегии в лекционном курсе В. Набокова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 74–77.
32. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998. 302 с.
33. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы : биография / пер. с англ. М. : Независимая газета ; СПб. : Симпозиум, 2004. 927 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 февраля 2018 г.

THE EYE AND OPTICAL DEVICES: DEFORMATION OF SIGHT IN VLADIMIR NABOKOV'S PROSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 58–65.
DOI: 10.17223/15617793/429/7

Elena G. Trubetskova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: etrubetskova@gmail.com

Keywords: visual poetics; Nabokov; image of eye; image of glasses; motif of myopia.

The report deals with the analysis of the images and motifs related to visuality: images of eye and glasses, motifs of vision and blurred vision. Visual studies of Nabokov's poetics are one of the main "keys" to his aesthetics and philosophy of art. On the one hand, the eye image in Nabokov's works is realistically developed, the author gives a detailed description of the portrait of the characters, special attention is paid to the description of the eyes. On the other hand, the metaphor "eyes are the mirror of the soul" is often represented in Nabokov's Russian novels. The author gives unsightly eyes to the negative characters, or makes them suffer from myopia. A medical diagnosis is conceptualized metaphorically: myopia and its associated image of points become a metaphor for the aesthetic (*The Gift*) or spiritual and moral blindness of the characters (*King, Queen, Knave*). At the same time, the heroes, for whom the author feels sympathy, have sharp eyesight. Visual acuity in the works of Nabokov becomes an integral part of a writing gift. Such correlation is not observed in the author's English prose: in *Pnin* the protagonist, who evokes definitive sympathy, wears glasses; he is short-sighted and clumsy, but at the same time is endowed with an amazing ability to see the past as real as the present, a gift of sympathy for loved ones, a gift of compassion. The image of glasses and the motif of myopia are connected with the motif of reminiscence, vital for Nabokov's works. The image of points in Nabokov's novels is analyzed in the context of the Russian prose of the 1920s–1930s. The connection of this image is shown with the reception of "estrangement" (in the novel *King, Queen, Knave*). In Russian novels, the writer uses the prism of perception of a human being with a pathology of eyesight to describe habitual things in an unconventional perspective; however, in American ones (*Ada*) he uses "estrangement" to comprehend the main image of the visual organ. The article analyzes the plot-forming function of eyeglasses and deformation of vision. They are considered as the inter- and intra-textual aspects of the development of this image and motif in the author's texts. There are also philosophical aspects, connected with images of the eye in the oeuvres of Nabokov. In his texts an "enormous eye" becomes a symbol of unlimited seeing, approaching to borders of "otherworld". The motif of such "dilated lookeding" (M. Matushin), metaphysical afterlight in Nabokov's texts is connected with death. Elaboration of the image of the eye and the motif of eyesight is analyzed in context of experimenting in visual art in the beginning of the 20th century (in the works of O. Redon, R. Magritt, S. Dali).

REFERENCES

1. Mel'nikova, N.G. (2002) *Nabokov o Nabokove i prochem: interv'yu, retsenzii, esse* [Nabokov about Nabokov and other things: interviews, reviews, essays]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
2. Yampol'skiy, M. (2001) *O blizkom: ocherki nemimeticheskogo zreniya* [About the near: essays of non-mimetic vision]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 171–210.
3. Grishakova, M. (2002) Vizual'naya poetika V. Nabokova [Visual poetics of V. Nabokov]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 54. pp. 205–228.
4. Trubetskova, E. (2011) Estetika zreniya V. Nabokova v kontekste opticheskikh eksperimentov XX veka [V. Nabokov's aesthetics of view in the context of optical experiments of the 20th century]. *Nabokovskiy sbornik.* 1. pp. 64–75.
5. Nabokov, V. (1996) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
6. Nabokov, V. (1990) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Pravda.
7. Nabokov, V. (1999) *Russkiy period. Sobr. soch.: v 5 t.* [Russian period. Works: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Simpozium. pp. 250–393.
8. Nabokov, V. (1991) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Moscow: Sovremennik.
9. Nabokov, V. (1999) *Amerikanskiy period. Sobr. soch.: v 5 t.* [American period. Works: in 5 vols]. Translated from English by S. Il'in. St. Petersburg: Simpozium.
10. Verillo, P. (2004) *Mashina zreniya* [The machine of vision]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
11. Bobrinskaya, I. (2006) *Russkiy avangard: granitsy iskusstva* [Russian avant-garde: the boundaries of art]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 227–289.
12. Dolinin, A. (2004) *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The true life of the writer Sirin]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt. pp. 231–267.
13. Sontag, S. (2016) *Bolezn' kak metafora* [Disease as a metaphor]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
14. Todorov, Ts. (1999) *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to fiction literature]. Translated from French by B. Narumov. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

15. Trubetskova, E. (2017) “Raketka i glaz, zabroshennyy v prostranstvo”: vizual’nye kody russkogo formalizma v novellakh Sigizmunda Krzhizhanovskogo [“Racket and the eye, thrown into space”: visual codes of Russian formalism in novels by Sigizmund Krzhizhanovsky]. In: Levchenko, Ya. & Pil’shchikov, I. *Epokha “ostraneniya”. Russkiy formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [Epoch of “estrangement”. Russian formalism and modern humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Trubetskova, E.G. (2013) The world as a “girl/child point of view”: Sigizmund Krzhizhanovsky’s practices of “estrangement”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 13. pp. 61–66. (In Russian).
17. Remizov, A. (2010) Litso pisatelya. Rabochie tetradi [The writer’s face. Working notebooks]. In: Gracheva A.M. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova. (1910–1950-e gody)* [Genre of the novel and the works of Alexei Remizov. (1910s–1950s)]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom, C. 367–420.
18. Remizov, A. (2000) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 8. Moscow: Russkaya kniga. pp. 5–264.
19. Gudkova, V. (2008) *Rozhdenie sovetskikh syuzhetov: tipologiya otechestvennoy dramy 1920-kh – nachala 1930-kh godov* [The birth of Soviet plots: the typology of the domestic drama of the 1920s and early 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Tamruchi, N. (2013) Meditsina i vlast’ [Medicine and Power]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 122. pp. 134–155.
21. Trubetskova, E. (2014) Bolezn’ kak sposob ostraneniya: “novoe zrenie” V. Nabokova [The disease as a way of estrangement: “new vision” of V. Nabokov]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 184–207.
22. Khodasevich, V. (1992) *Sobranie stikhov* [Collection of poems]. Moscow: Tsenturion; Interpraks.
23. Nabokov, V. Letters to M. Scammell. The NY Public Library Berg Collection Nabokov Archive. Scammell, M. (2000) Perevodya Nabokova, ili Sotrudnichestvo po perepiske [Translating Nabokov, or Cooperation by Correspondence]. *Inostrannaya literatura*. 7. pp. 278–284.
24. Ronen, O. (1999) Puti Shklovskogo v “Putevoditele po Berlinu” [Shklovsky’s way in the “Guidebook of Berlin”]. *Zvezda*. 4. pp. 167–175.
25. Grishakova, M. (2001) Dve zametki o V. Nabokove [Two notes about V. Nabokov]. In: Kiseleva, L. (ed.) *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. IV (Novaya seriya)* [Works on Russian and Slavic philology. Literary studies. IV (New series)]. Tartu: Tartu likooli Kirjastus.
26. Khodasevich, V. (1997) O Sirine [On Sirin]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. *V.V. Nabokov: pro et contra. Antologiya: v 2 t.* [V.V. Nabokov: pro et contra. Anthology: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy Gumanitarnyy Institut.
27. Paperno, I. (1993) Kak sdelan “Dar” V. Nabokova [How “The Gift” by V. Nabokov was made]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5. pp. 138–152.
28. Hansen-Love, A. (2001) *Russkiy formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism. Methodological reconstruction of development based on the principle of estrangement]. Translated from German. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
29. Davydov, S. (2004) *“Teksty-matreshki” Vladimira Nabokova* [“Matryoshka Texts” by Vladimir Nabokov]. St. Petersburg: Kirtsedeli.
30. Turgenev, I.S. (2015) *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Moscow: Eksmo.
31. Guseynova, E. (2010) Game strategies in V. Nabokov’s lectures on literature. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 10:2. pp. 74–77. (In Russian).
32. Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. Translated from French. Moscow: Smysl.
33. Boyd, B. (2004) *Vladimir Nabokov: amerikanskie gody: biografiya* [Vladimir Nabokov: American Years: Biography]. Translated from English by M. Birdwood-Hedges et al. Moscow: Nezavisimaya gazeta; St. Petersburg: Simpozium.

Received: 19 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/429/8

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.85

О.В. Головашина, Д.А. Аникин

НЕОЖИДАННЫЕ ИЗДЕРЖКИ ПОБЕДЫ: 4 НОЯБРЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья подготовлена по результатам работ, поддержанных грантом РФФИ № 18-011-00658.

Анализируют формирование коммеморативных практик, связанных с празднованием Дня народного единства. Описываются место государственного праздника в современной российской политике памяти, а также основные образы праздника, которые формируются в историческом сознании россиян (религиозные символы, единство многонационального народа России, акцентирование государственной идентичности). В основном, используется символический ресурс коммеморативных практик, связанных с победой в Великой Отечественной войне. Авторы призывают к дополнительной работе с непредвиденными смыслами для консолидации населения.

Ключевые слова: социальная память; коммеморативные практики; День народного единства; День Победы; визуальные ресурсы; государственные праздники; политика памяти.

Государственный праздник как элемент политики памяти. Идея государственных праздников неразрывно связана с самой концепцией гражданской нации, возникшей в XVIII в. и подразумевающей потребность в периодически повторяющихся ритуальных актах, позволяющих преодолеть культурные, экономические и социальные границы ради ощущения политического единства. А.И. Миллер отмечает, что «в условиях Великой Французской революции нация впервые стала тем, чем она постепенно становилась в других странах, – единственным источником легитимности, ключевым политическим символом, мощным инструментом мобилизации, включения / исключения, предметом борьбы и манипуляции со стороны всех политических сил» [1. С. 71].

При этом, парадоксальным образом, нация абсолютно не исключала сохранения империй, а, скорее, придавала их устойчивости дополнительное измерение – посредством актуализации горизонтальных связей, объединяющих все население в единое политическое сообщество. Подобный прием позволял нивелировать этническое разнообразие и способствовал укоренению однородных политических ценностей, но требовал вполне определенных коммемораций, которые подчеркивали соответствие современного состояния национального государства тем архетипам, которые были заданы в идеализированный момент его возникновения. Одним из наиболее распространенных вариантов стало создание системы государственных праздников, обозначавших ключевые точки в развитии нации и в совокупности определяющих контуры той политической системы, которая поддерживала стабильность данного государства. «Рассматривая календари государственных праздников разных стран, кажется, что можно четко определить то, чему посвящен каждый праздник в отдельности, однако, если глубже вникнуть в содержание, то становится ясным, что за любым современным праздником стоят абстрактные идеи – те, что соответствуют главной ценности государства Нового времени – “быть нацией» [2. С. 115].

По сути, речь шла не просто о конструировании определенных дат в качестве наиболее значимых для жизни политического сообщества, а об изобретении целых традиций, вполне зримыми нитями скреплявших расползающуюся ткань европейских колониальных империй. На примере Российской империи стремление создать подобную систему традиций проиллюстрировал Р. Уортман [3].

Идея Э. Хобсбаума про изобретенные традиции известна, однако далеко не любую традицию можно изобрести. Как определяет сам автор концепции, «сознательное изобретение удавалось лишь в той мере, в какой оно транслировалось на правильной волне, то есть на той, на которой публика была готова его принимать» [4. С. 44]. Политическая воля не является единственной детерминантой возникновения традиции, поскольку вновь создаваемый ритуал должен отсылать в массовом сознании к уже имевшимся в прошлом образцам. Иначе говоря, речь должна идти не о *создании*, а о *воссоздании* той социальной или политической практики, которая была прервана последующими непредвиденными обстоятельствами и, в силу этого, нуждается в своем восстановлении.

При этом огромное значение приобретает сам подбор государственных праздников, те принципы, которые будут положены в основание символической колоннады империи, поскольку стремление к консолидации может быть выражено в различных сценариях, например в сценарии победителя (Китай) или сценарии жертвы (Израиль) [5]. Каждый из сценариев имеет свои сильные стороны, но попытка их совмещения чревата расколом общества на условных «консерваторов» и «либералов», поэтому траектория политики памяти должна выступать инструментом продуманной политической стратегии и тактики. В условиях социальной нестабильности, когда усиливается ностальгическая тоска значительной части населения по «золотому веку», закономерным оказывается обращение к победным моментам истории, стремление возместить за счет символических ресурсов прошлого ту фрустрацию, которой подвергается население государства в настоящем.

В этом смысле стремление российской политической элиты и значительной части общества максимально абстрагироваться от той совокупности социальных практик, которые условно можно назвать «советскими», вызывала к жизни естественное обращение к Российской империи не только как объекту утраченных возможностей, а как к источнику разнообразных политических и культурных практик. Практик, разумеется, не буквально повторяющих способы поддержания легитимности, используемые в политической культуре XVIII – начала XX в., а, скорее, репрезентирующих образ Российской империи в глазах обывателя. Одним из вариантов этих практик являются праздники как один «из главных маркеров социально-политических и ценностных изменений и одновременно инструмент символической политики» [6].

При выборе конкретной даты, которая и превратилась в праздник 4 ноября – День народного единства, – сыграли роль несколько значимых факторов. Во-первых, стремление символически перекодировать другую дату, выпадающую на начало ноября (7 ноября, День Октябрьской революции), которая перестала выполнять свою этиологическую и консолидирующую функцию, а превратилась в символический ресурс оппозиции. Во-вторых, расширить символический ряд исторических позитивных событий, который в позднесоветском дискурсе постепенно свелся исключительно к победе в Великой Отечественной войне (при этом по лекалам восприятия победы стали конструироваться все исторические события, включающиеся в символический пантеон новой России). В-третьих, использовать наиболее простой и, в краткосрочном периоде, эффективный вариант консолидации общества по отношению к внешнему врагу, которым на тот момент выступила Польша (в силу определенных экономических и политических разногласий).

В данной работе сознательно не обсуждаются вопросы, связанные с тем, насколько оправдан выбранный для праздника день с позиций исторической достоверности, которая уже была рассмотрена в публикациях исследователей [7, 8], а также специфика государственной политики памяти в России, чему также посвящено достаточное количество работ [9–12].

4 ноября: история вопроса. Официально идея празднования Дня народного единства принадлежала Межрелигиозному совету России. Она была им высказана в сентябре 2004 г. и сразу же получила поддержку Комитета по труду и социальной политике. В конце ноября уже был внесен законопроект (авторы – Валерий Богомолов, Олег Еремеев (Единая Россия) и Владимир Жириновский (ЛДПР)), предполагающий ряд изменений в Трудовом кодексе, в том числе отмену празднования 7 ноября (который так и «не стал днем примирения и согласия», как было замечено в обращении) и введения нового государственного праздника – 4 ноября. Голосования объединяющим не получилось – коммунисты не поддержали инициативу, однако это не повлияло на результат. Закон был принят в третьем чтении 27 декабря 2004 г., и в 2005 г. Россия впервые получила выходной день 4 ноября вместо привычной поколениям даты Октябрьской революции.

За 10 лет процент респондентов, правильно называющих праздник, увеличился с 8 до 55% (в опросе 2017 г. – только 30% [13]). 19% продолжают считать, что отмечается «День согласия и примирения», а процент людей, называющих этот день праздником освобождения от польско-литовских интервентов, остается относительно стабильным – 3–4%. Пока большинство (55%) не собираются праздновать ни тот ни другой праздник, но за 10 лет число празднующих 4 ноября увеличилось почти на 10% (с 12 до 22%), а число отмечающих Октябрьскую революцию примерно на столько же уменьшилось (с 23 до 14% [14]). Можно сказать, что условиях уменьшения интереса к истории первая цель – снижение значимости и возможности символического использования Дня Октябрьской революции оппозицией – оказалась достигнута. В опросе 2017 г. уже 36% россиян признали, что испытывают особые чувства в этот день.

На материале социальных сетей и тематических сайтов мы рассмотрим выбранные государством стратегии репрезентации праздника. Акцент будет сделан на визуальных ресурсах. Для исследования визуального контента, с помощью которого происходит формирование 4 ноября как Дня народного единства, использовалась фото- и видеорегистрация митингов, посвященных этому празднику, а также поиск по Яндекс.картинки (ассоциативный ряд изображений, посвященных празднику). Однотипность транспарантов, с которыми выходят участники на митинг, их профессиональное исполнение позволяют говорить о них как об источнике для исследования государственной политики памяти, а не массовых представлений о конкретном празднике. При анализе внимание обращалось не только на лозунги, но и на общую картинку, образ праздника, создаваемого технологами.

Значимой попыткой повлиять на формирование восприятия нового праздника стал выход в 2007 г. фильма «1612». Однако ни политические, ни культурные акторы к моменту начала съемок не понимали, что стоит или должно стоять за празднованием 4 ноября. Поэтому картина получилась ближе к жанру фэнтези, чем к историческому или, тем более, к пропагандистскому роману. Присутствуют привычные сейчас идеи о разграблении России со стороны поляков и попытках католиков обратить страну в свою веру, но фильм – сознательно или нет – избежал статуса патриотического. Он о чем угодно (о любви, войне), но не о единстве и ополчении. Кузьмы Минина в картине нет вообще, по эпизодическим появлениям князя Дмитрия Пожарского совершенно не понятно, какова его роль в изгнании поляков. Возникает впечатление, что автор пытался напомнить россиянам о том, что было в 1612 г., но оказалось, что об этом никто на самом деле ничего не знает. Поэтому получилась сказка о принцессе и Иване-дурачке, которая почему-то заканчивается не свадьбой, а монастырем для принцессы. В итоге фильмом оказались недовольны практически все – от любителей блокбастеров, фэнтези, любовных, приключенческих рассказов до тех, кто предпочитает исторические сюжеты. В целом, «1612» имеет к новому празднику примерно такое же отношение, как постоянный герой ленты единорог – к российской культуре.

Больше фильмов о 4 ноября не снимали. Для трансляции необходимых, более или менее к тому времени выработанных смыслов использовались проверенные способы «изобретения традиций» – митинги, народные гуляния и спущенные сверху лозунги.

Необходимо отметить, что основная работа по конструированию 4 ноября как Дня народного единства началась всего несколько лет назад. Однако еще в 2012 г. на фоне пересмотра сложившейся в 2000-х гг. символической политики и новой постановки вопроса о национальной идентичности (подробнее см.: [6, 15]) В. Путин опубликовал программную статью «Россия: национальный вопрос», в которой связал 4 ноября с рождением российской «гражданской нации» [16], а через год на торжественном приеме по случаю Дня народного единства обратился к образу «русского мира», «который простирается далеко за пределы нашей страны» [17].

Патриотический поворот 2014 г. обусловил необходимость использования всех возможных символических ресурсов для консолидации населения. Идея единения народа против смуты, борьбы с иноземцами, посягающими на основы русской культуры и государственности, хорошо подходила для этой цели, так как представляла собой «ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего» [18. С. 198].

В 2014 г. в первый (и пока единственный) раз в праздновании Дня народного единства приняли участие представители всех парламентских партий. Праздник, таким образом, презентовался как «общегосударственный» (а не «еще один выходной день», как оценивали его в опросах). Тогда же были созданы и относительно наполнены контентом тематические группы в социальных сетях: «Вконтакте», «Фейсбук», «Твиттер», сайт в сети Интернет. В основном посты были посвящены новостям о праздновании в разных регионах России; другая активность (комментарии, «лайки») в группах практически отсутствовала. В инфографике, выпущенной Общественной палатой РФ, проводятся прямые параллели между событиями 1612 г. и в современной России [19]. Лента, объединяющая события XVII в. и ситуацию в XXI в., украинские олигархи в роли Семибоярщины, США и Европа, которые пытаются разрушить «Русский мир», в роли Польши и рост рейтинга Путина как результат единения братских народов в ответ на санкции и возвращение Крыма. В политических условиях второй половины 2014 г. 4 ноября из конкурента 7 ноября должен был превратиться в актуальный праздник, который вносит вклад в повышение социальной сплоченности. В 2017 г. День народного единства проходил под девизом «Россия объединяет», что более соответствовало современным потребностям, чем коммеморация событий 1612 г.

В визуальном ряду, связанным с Днем национального единства, проявились основные стратегии формирования национальной идентичности в постсоветской России: дружба народов, единение, православие.

Образы праздника в массовом историческом сознании. *Религиозный след.* В инфографике отмечалось, что 4 ноября не праздновался только в советский период [20], однако в Российской империи отмечался день Казанской иконы Божьей матери, а не освобождение столицы от польско-литовских интервентов. По устоявшейся легенде именно икона с ее образом помогла ополчению взять Москву в 1612 г. В благодарность за избавление от поляков князь Пожарский на собственные деньги построил на краю Красной площади Казанский собор, а царь Алексей Михайлович объявил в 1650 г. 4 ноября днем Казанской иконы Божьей матери.

Инфографика призвана показать преемственность современного праздника и дореволюционного, избавить 4 ноября от ореола «нового» выходного, придуманного только для того, чтобы новые поколения забыли про день Октябрьской революции. Таким образом, государство пытается обратиться к имперскому периоду, когда 4 ноября существовал в качестве государственного праздника (хотя и с другим символическим наполнением), используя распространенный среди населения ностальгический образ дореволюционной России. Однако смысловое содержание этого дня поменялось, и религиозный аспект уже не является основным. Православная церковь, максимально приближенная к политической элите современной России, пусть и не заявленная официально в статусе государственной религии (так как церковь пока еще отделена от государства), но декларирующая свой особый статус всеми возможными способами, естественно, пытается использовать символический ресурс этой даты для укрепления связей государства и церкви. Присутствие официальных лиц в главном храме в дни церковных праздников, восстановление старых церквей и открытие новых, преподавание православной культуры в школе, растущая десекуляризация – все это позволяет считать, что православие претендует на использование значительной доли символического капитала, формируемого государством.

Православная тематика – не основная в образе праздника, однако, учитывая бедность смысловых образов, связанных с репрезентацией праздника, она имеет значение. Среди открыток, с помощью которых Яндекс предлагает поздравить друзей с праздником, церковь встречается реже государственной символики, сомкнутых рук или круга и памятника Минину и Пожарскому, но других символов на открытках нет. Понимания праздника, несмотря на его историю, еще не произошло, но противоречия уже присутствуют. Официально 4 ноября позиционируется как единство многообразия российских народов, что должно подразумевать при этом и многообразие религий, исповедуемых этими народами. Однако на деле в поздравительных открытках встречаются изображения связанные только с православием. Таким образом, акцентирование православной тематики представляет собой определенный риск, хотя и может привлечь растущее число воцерковленных православных.

От нации к многонациональности. Народное единство, о котором должен напоминать праздник 4 ноября, визуализировано с помощью многочисленных «праздников национальных культур», представлений в национальных костюмах, которые являются

практически обязательными составляющими Дня народного единства независимо от региона. В сложившихся национальных республиках он проходит более разнообразно, активно, его сценарий продуман, но при бедности смыслов, связанных с 4 ноября, этот образ стал использоваться и в других регионах. Национальные танцы народов России исполняются не только в Абакане, Уфе, но и в Курске, Челябинске, Краснодарском крае. Дегустация национальных кухонь и выступления национальных творческих коллективов проходили в Красноярске и Перми. На различных площадках в Москве в 2017 г. проводились выставки национальных костюмов народов Севера и Дальнего Востока, мастер-классы по приготовлению традиционных национальных блюд, вышивке узоров и так далее.

Однако знакомство с народными костюмами, музыкой, кухней актуализирует восприятие народов России как «другого», возможно, интересного – не надо ехать за экзотикой в дальние страны, однако прежде всего другого. То есть акцентируется именно «инаковость», а не разнообразие народов как граждан России. Возможно, предполагалось, что после этого с помощью других символов, действий придет восприятие другого как своего. «Вне зависимости от того, что будет происходить в России, праздник единства народов является важным, потому что единство народов в нашей стране – это фундамент, на котором строится все государство» [21], – сказал капитан команды КВН РУДН Сангаджи Тарбаев. О дружбе народов – привычном еще со времен позднего СССР концепте – говорят практически все участники демонстраций, которые цитируются в новостных лентах, однако на деле представители каждой партии, движения идут со своими флагами, лозунгами, объединяют которые только ничем не подтвержденные слова о единстве многонационального народа Российской Федерации. Мы видим мозаику, из которой пока не складывается общая картина.

Призрак единства. Еще когда граф С.С. Уваров предложил царю свою «теорию официальной народности» как один из противовесов распространения либеральных взглядов, проблемы возникли с определением третьего пункта этой теории – народностью. Как показать единство? Особенно когда речь идет о единстве миллионов россиян. В инфографике существует сложившаяся практика изображения этого образа через круг держащихся за руки людей. В некоторых регионах этот символ пытались оживить. Например, в Красноярске и Твери «под попурри мелодий хоровода разных национальностей горожане объединятся в большой круг» [22], а во Владивостоке участники флешмоба выстраивались в буквы, образующие сочетание «Мы едины» под звуки российского гимна [23], в Таганроге 7 тыс. человек изобразили фигуру, символизирующую единство [24].

В новостных сюжетах, опубликованных на сайтах региональных администраций, образ единства, как правило, связан с российским флагом. Этот же символ является основным в предлагаемых поисковыми ресурсами тематических открытках и некоторых флешмобах. Разнообразие наблюдается не в символике, а в использовании одного и того же символа: исполнение государственного гимна, разворачивание государственного флага и др. [25–28].

Это может показаться вполне логичным. Создание устойчивой ассоциативной связи между образом государства и государственными символами – одно из предназначений государственных символов. Отсюда их популяризация, широкое распространение, следствием которого можно назвать «повседневный национализм» [29]. Однако в данном случае речь идет не о государстве как политическом образовании, которое в символическом пространстве представлено триколором, а о россиянах, и определенное отождествление людей, живущих в России, и сложившегося образа государства может свидетельствовать об отсутствии представлений именно о людях, народе. Мы можем говорить о народных гуляниях в народных костюмах (эта практика празднования сложилась во многих регионах России), однако сам «народ» остается абстрактным конструктом, готовым к пользованию им акторами в своих целях, не связанных с приближением к пониманию. Отсутствие каких-либо иных способов визуализировать народное единство, кроме российской символики (встречается также герб, Спасская башня Кремля и т.п.), может свидетельствовать о восприятии людей в качестве ресурса для реализации государственной политики.

Интересно, что темы православия, народов-братьев, которые объединились перед лицом внешней угрозы, также актуализируются и празднованием Дня Победы. При ограниченности визуального ряда, с помощью которого формируются нужные смыслы, случается, что одни и те же картинки связаны с разными праздниками.

Георгиевская ленточка – главный современный символ Дня Победы – проносится участниками демонстрации Дня народного единства [30], на праздничное шествие, митинг люди надевают георгиевские ленточки [31]. Многие изображения празднования Дня Победы и Дня народного единства трудноотличимы. Те же радостные лица на фоне российского флага или георгиевской ленты. Несмотря на разницу в периодах, несовместимую с принципом историзма, об изгнании поляков из Москвы говорят в том же дискурсе, что и о борьбе с нацизмом. «Тогда люди разных вер, разных национальностей, сословий объединились для того, чтобы спасти Родину, отстоять российскую государственность. Это было подлинное национальное единение во имя будущего нашей страны» [32], «Преданность Отечеству объединила тогда людей разных сословий, национальностей и вероисповеданий» [33]. Если убрать слово «сословие», то сам текст вполне может быть описанием подвига народа во время Великой Отечественной войны. Как и День Победы, День народного единства «знаменует преданность нашего народа своей стране, родной земле»; нерасторжимость такой связи, ответственность за Отечество «всегда служили основой для независимости и суверенитета России, а патриотизм и любовь к Отчизне столетиями скрепляли нашу многонациональную страну» [34]. Описание торжественного шествия в новостях легко перепутать с Парадом 9 мая: «В городе-герое Севастополе праздник начался с церемонии возложения

венков к Вечному огню. На улицах с утра шествия и гулянья в сопровождении военных оркестров. Горожане несли флаги и транспаранты, а молодежь скандировала патриотические лозунги» [35].

День Победы как государственный праздник наиболее успешно осуществляет задачи трансляции необходимых для формирования государственной идентичности образов. Этому способствовали десятилетия советской коммеморации Великой Отечественной войны, опыт которой используется в современной политике памяти, а также личная (семейная) память россиян. Несмотря на некоторую усталость от «победобесия», большинством россиян этот день признается в качестве повода для национальной гордости. Поэтому экспансия Дня Победы на другие праздники (георгиевская ленточка на 4 ноября, «парад колясок» на День независимости) представляет собой стремление воспользоваться успешными моделями для трансляции необходимых образов, но без учета возможных рисков.

Издержки и перспективы. Уже к 2016 г. группы в социальных сетях и сайт, посвященные празднику, перестали функционировать. Или нужный уровень «народного единения» был получен другими способами, или акторы осознали бесперспективность спущенных сверху инициатив, если они не вызывают поддержку населения. В 2017 г. большинство флешмобов избегали официальной символики, изображая единство россиян через танцы и песни народов РФ [36–38].

Конечно, можно констатировать, что за последние годы День народного единства смог преодолеть соблазн «национализма», точнее говоря, в репрезентирующих его визуальных и вербальных текстах отчетливее становится заметен переход от примордиалистского этноцентризма к доминированию идеи гражданской нации. Этот переход вполне вписывается в траекторию социально-политического развития современной России, пытающейся не допустить реализации националистического сценария и делающей ставку, в отсутствии других альтернатив, на постепенное возобновление идеи «советского народа» (разумеется, с учетом сегодняшних реалий). Использование признаваемого большинством россиян символического ресурса Дня Победы способствует реализации этого сценария.

Однако стоит учитывать, что изобретение традиции представляет собой не одномоментное политическое решение, а постоянную скрупулезную работу по наполнению коллективных действий символическим (а зачастую – и сакрализованным) смыслом. В противном случае возможны два варианта – либо постепенное растворение праздника и его сведение к очередному выходному дню (как в итоге произошло с Днем российской конституции), либо – что еще более опасно – наделение праздника непредвиденными смыслами, когда случайные коннотации способны стать «миной замедленного действия». Аналогичной «миной» для украинского общества выступили эмигрантские учебники по истории «незалежной» Украины, спровоцировавшие, во многом, тот политический и социальный раскол, который потряс это государство уже в 2010-х гг.

Поэтому любые политические коннотации, определяющие вектор интерпретации государственного праздника и его значение в исторической ретроспективе и перспективе, нуждаются в долгосрочной оценке со стороны экспертов, в том числе и со стороны профессионального научного сообщества. А. Ассман отмечает, что «победитель видит историю в краткосрочной перспективе, оглядываясь на череду успехов, которые благодаря его усилиям принесли победу, а историография побежденных оказывается более сложной и содержательной» [39. С. 71]. Из этого следует, что только насыщенная работа с прошлым, включение в пантеон символически значимых событий не только побед, но и поражений сделает возможным избавление от асимметрии массового исторического сознания и консолидацию общества на более прочных и надежных основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер А.И. Нация, или могущество Мифа. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2016. 146 с.
2. Макашова А.С. Государственные праздники в истории культуры России и концепция «изобретения традиции» Э. Хобсбаума // Общество, среда, развитие. 2013. № 4. С. 114–118.
3. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М. : ОГИ, 2004. 797 с.
4. Хобсбаум Э. 2015. Массовое производство традиций: Европа, 1870–1914 // Неприкосновенный запас. 2015. № 6. С. 7–17.
5. Аникин, Д.А. Траектории социальной памяти в глобальном мире: между конфронтацией и конкуренцией (Россия и Китай) // Ученые записки Казанского университета. Т. 155. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Кн. 1. С. 7–14.
6. Ефремова В.Н. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? // Вестник Пермского научного центра. 2016. С. 93–98.
7. Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года? // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda (дата обращения: 12.02.2018).
8. Горбачев П.О. День народного единства: Исторические основания // История в подробностях. М., 2010. № 5. С. 8–11.
9. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
10. Историческая политика в XXI веке : сб. статей / под ред. А. Миллера, М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
11. Головашина О.В Политика памяти в условиях «времени Мебиуса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 63–70.
12. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // Studia Humanitatis. 2016. № 2. С. 21.
13. Россияне о единстве нации // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116501 (дата обращения: 16.12.2017).
14. ВЦИОМ: 54% считают, что в России есть народное единство // Известия. URL: http://izvestia.ru/news/594707 (дата обращения: 11.11.2017).
15. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России / РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. М., 2013. 421 с.

16. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. М., 2012. 23 января. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.11.2017).
17. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня народного единства // Президент России. М., 2013. 4 ноября. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19562 (дата обращения: 18.11.2017).
18. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала. М. : Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
19. 4 ноября – день народного единства // Общественная палата России. URL: https://www.oprf.ru/ru/1449/infografika/newsitem/27191?PHPSESSID=2muaafoad4frj6su5d4e6bm1r3 (дата обращения: 11.12.2017).
20. Инфографика недели: что мы празднуем в День народного единства. URL: http://ekb-room.ru/infografika-nedeli-chto-my-prazdnuem-v-den-narodnogo-edinstva-92856/ (дата обращения: 12.12.2017).
21. Акция «Мы едины!»: такого 4 ноября в Москве еще не было // Правда. URL: http://www.pravda.ru/news/society/04-11-2014/1234032-mitingy-0/ (дата обращения: 14.012.2017).
22. День народного единства в Красноярском крае отметят сибирским хороводом // Наш Красноярский край. URL: http://www.gnkk.ru/news/day-of-national-unity-in-the-krasnoyarsk-region-will-celebrate-the-siberian-dance.html?sphrase_id=42805 (дата обращения: 14.12.2017).
23. И вечной памятью пылает… // Новая газета во Владивостоке. URL: http://novayagazeta-vlad.ru/313/obshhestvo/i-vechnoj-pamyatyu-pylaet.html (дата обращения: 14.12.2017).
24. В Таганроге отметили День народного единства // Таганрог. Без формата. URL: http://taganrog.bezformata.ru/listnews/taganroge-otmetili-den-narodnogo/62315981/ (дата обращения: 14.12.2017).
25. В честь Дня народного единства на главной площади Махачкалы прошел флешмоб // Дагестан. Республиканская государственная вещательная компания. URL: http://rgvktv.ru/obshchestvo/48662 (дата обращения: 14.12.2017).
26. Флешмоб «Мы едины» пройдет в Музее Победы в День народного единства // Префектура ЮЗАО города Москвы. URL: https://uzao.mos.ru/presscenter/news/detail/6955386.html (дата обращения: 14.12.2017).
27. В День народного единства в Туле на площади Ленина пройдет флешмоб // Независимое издание «Тульская пресса». URL: https://www.tulapressa.ru/2016/11/v-den-narodnogo-edinstva-v-tule-na-ploshhadi-lenina-projdet-fleshmob/ (дата обращения: 14.12.2017).
28. В Сергиевом Посаде прошел флешмоб, посвященный Дню народного единства // Сергиевские ведомости. URL: http://insergposad.ru/novosti/obschestvo/v-sergievom-posade-proshyol-fleshmob-posvyashchyonnyy-dnyu-narodnogo-edinstva (дата обращения: 14.12.2017).
29. *Billig M.* Banal Nationalism. London : Sage, 1995. 200 p.
30. 15 тысяч ульяновцев приняли участие в шествии, посвященном Дню национального единства // Улпресса. URL: https://ulpressa.ru/2015/11/04/15-tyisyach-ulyanovtsev-prinyali-uchastie-v-shestvii-posvyashhennom-dnyu-narodnogo-edinstva/ (дата обращения: 16.12.2017).
31. «Пока едины, мы непобедимы». День народного единства в России достиг наивысшего градуса патриотичности // Взгляд. Деловая газета. URL: https://vz.ru/society/2014/11/4/713740.html?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=Взгляд (дата обращения: 12.12.2017).
32. Выступление на церемонии вручения государственных наград Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23238 (дата обращения: 14.12.2017).
33. Прием по случаю Дня народного единства // Президент России. Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56002 (дата обращения: 14.12.2017).
34. Владимир Путин принял участие в торжествах по случаю Дня народного единства // Путин сегодня. URL: http://www.putin-today.ru/archives/6601 (дата обращения: 14.12.2017).
35. «Мы едины!» – 85 тысяч в Москве и сотни тысяч по всей России // Ридус. URL: http://www.ridus.ru/news/203338 (дата обращения: 14.12.2017).
36. День народного единства 2017 в Краснодаре: 15 тысяч человек, студенческий флешмоб и концерт группы IOWA // Комсомольская правда-Краснодар. URL: https://www.kuban.kp.ru/daily/26752/3783215/ (дата обращения: 11.11.2017).
37. «Забайкальский хоровод» прошел одновременно на 10 площадках Забайкальского края // Забайкальский край. Официальный портал. URL: http://www.забайкальскийкрай.рф/news/2017/11/04/60001.html (дата обращения: 11.11.2017).
38. День народного единства-2017 в Ижевск // IZLIFE. Портал № 1 в Ижевске. URL: http://izhlife.ru/weekend/76212-den-narodnogo-edinstva-2017-v-izhevske.html (дата обращения: 11.11.2017).
39. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 марта 2018 г.

UNEXPECTED EXPENSES OF THE VICTORY: NOVEMBER 4 IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF MEMORY AND MASSIVE HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 66–73.
DOI: 10.17223/15617793/429/8
Oksana V. Golovashina, Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru
Daniil A. Anikin, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru
Keywords: social memory; commemorative practices; National Unity Day; Victory Day; visual resources; public holidays; policy of memory.

This article analyzes the holiday on November 4 in the context of memory policy and some of the risks associated with the broadcast image of the Unity Day. Based on A. Assman's, A. Miller's, R. Wortman's, W. Benjamin's views, the visual sources used for the National Unity Day popularization are analyzed. The sources were the materials of the thematic groups in social networks, photos, video registration of rallies and other events on November 4. The authors emphasize that the concept of public holidays is an "invention of tradition" (E. Hobsbawm), but the success of this "invention" needs to be associated n the re-establishment of any social practice. The article describes the conditions and factors that led to the selection of November 4 as the date for the public holiday, and analyzes the reaction of the population. It is emphasized that the interest in the holiday has increased since 2012 against the backdrop of the revision of the symbolic policy in the 2000s, but the reason for the careful reference to the symbolic resource of the day of national unity was the Patriotic turn of 2014, which made it necessary to use all possible symbolic resources to consolidate the population. In visual media, the most common images are connected with Orthodoxy, multinationalism of Russian citizens, the unity of Russian nation. The most popular symbols used at meetings, in news feeds and pictures are the state flag, coat of arms, Kremlin's Spassky Tower and Orthodox temples. Despite the fact that the Orthodox image can attract people to the holiday, the accentuation of Orthodoxy contradicts the formed image of the unity of all Russians, regardless of their ethnic or religious affiliation. Popular "festivals of national cultures" emphasize the difference of Russians, not their unity. In infographics, the common holiday images are those

of a circle, people holding hands, but at rallies we see a mosaic which has not yet formed the overall picture. In general, opinion polls show an increase in the interest in the holiday. In a situation when the visuals which form meanings necessary for the state are limited, the same images can be related to different holidays. For exaple, the ribbon of St. George is not only a symbol of the Victory Day, but it also reflects the patriotism of militia in 1612. It is a certain risk to endow a holiday with additional unpredictable meanings. For the consolidation of society, additional work with the past is needed, a mandatory inclusion in the historical memory of not only victories but also defeats.

REFERENCES

1. Miller, A.I. (2016) *Natsiya, ili mogushchestvo Mifa* [Nation, or power of Myth]. St. Petersburg: European University.
2. Makashova, A.S. (2013) The state holidays in the history of culture of Russia and E. Hobsbaum's concept of "The tradition invention". *Obshchestvo, sreda, razvitie – Society. Environment. Development*. 4. pp. 114–118. (In Russian).
3. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Translated from English. Moscow: OGI.
4. Hobsbawm, E. (2015) Massovoe proizvodstvo traditsiy: Evropa, 1870–1914 [Mass production of traditions: Europe, 1870–1914]. *Neprikosnovennyy zapas*. 6. pp. 7–17.
5. Anikin, D.A. (2013) Trajectories of social memory in the global world: between confrontation and competition (Russia and China). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 155:1. pp. 7–14. (In Russian).
6. Efremova, V.N. (2016) Gosudarstvennaya politika v oblasti prazdnikov v Rossii: peresmotr osnovaniy identichnosti? [State policy in the field of holidays in Russia: revision of the grounds of identity?]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*. pp. 93–98.
7. Nazarov, V. (2004) Chto budut prazdnovat' v Rossii 4 noyabrya 2005 goda? [What will be celebrated in Russia on November 4, 2005?]. *Otechestvennye zapiski*. 5. [Online] Available from: http://www.strana-oz.ru/2004/5/chto-budut-prazdnovat-v-rossii-4-noyabrya-2005-goda. (Accessed: 12.02.2018).
8. Gorbachev, P.O. (2010) Den' narodnogo edinstva: Istoricheskie osnovaniya [The National Unity Day: Historical Background]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 5. pp. 8–11.
9. Koposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of strict regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Miller, A. & Lipman, M. (eds) (2012) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical policy in the 21st century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Golovashina, O.V. (2017) Politics of memory in a "time Mobius". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 63–70. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/7
12. Belyaev, E.V. & Linchenko, A.A. (2016) State politics of memory and the values of the mass historical consciousness in modern Russia: issues and contradictions. *Studia Humanitatis*. 2. pp. 21. (In Russian).
13. VCIOM. (2017) *Rossiyane o edinstve natsii* [Russians on the unity of the nation]. [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116501. (Accessed: 16.12.2017).
14. Izvestiya. (2015) *VTsIOM: 54% schitayut, chto v Rossii est' narodnoe edinstvo* [VCIOM: 54% believe that national unity exists in Russia]. [Online] Available from: http://izvestia.ru/news/594707. (Accessed: 11.11.2017).
15. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovanie smyslov: issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [The construction of meanings: the study of symbolic policy in modern Russia]. Moscow: INION RAN.
16. Putin, V.V. (2012) Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: the national question]. *Nezavisimaya gazeta*. 23 January. [Online] Available from: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. (Accessed: 18.11.2017).
17. Putin, V.V. (2013) *Vystuplenie na torzhestvennom prieme po sluchayu Dnya narodnogo edinstva* [Speech at a reception on the occasion of the National Unity Day]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19562. (Accessed: 18.11.2017).
18. Bourdieu, P. (1994) *Nachala* [In Other Words]. Translated from French. Moscow: Socio-Logos. pp. 181–207.
19. Civic Chamber of Russia. (n.d.) *4 noyabrya – den' narodnogo edinstva* [November 4 – the National Unity Day]. [Online] Available from: https://www.oprf.ru/ru/1449/infografika/ newsitem/27191?PHPSESSID=2muaafoad4frj6su5d4e6bm1r3. (Accessed: 11.12.2017).
20. The EKB Room. (2016) *Infografika nedeli: chto my prazdnuem v Den' narodnogo edinstva* [Infographics of the week: what we celebrate on the National Unity Day]. [Online] Available from: http://ekb-room.ru/infografika-nedeli-chto-my-prazdnuem-v-den-narodnogo-edinstva-92856/. (Accessed: 12.12.2017).
21. Pravda. (2014) *Aktsiya "My ediny!": takogo 4 noyabrya v Moskve eshche ne bylo* [The event "We are united!": Moscow has never had such a November 4 before]. [Online] Available from: http://www.pravda.ru/news/society/04-11-2014/1234032-mitingy-0/. (Accessed: 14.012.2017).
22. Nash Krasnoyarskiy kray. (2014) *Den' narodnogo edinstva v Krasnoyarskom krae otmetyat sibirskim khorovodom* [The National Unity Day in Krasnoyarsk Krai will be celebrated by the Siberian round dance]. [Online] Available from: http://www.gnkk.ru/news/day-of-national-unity-in-the-krasnoyarsk-region-will-celebrate-the-siberian-dance.html?sphrase_id=42805. (Accessed: 14.12.2017).
23. Fedoreev, Yu. (2015) I vechnoy pamyat'yu pylaet… [And of eternal memory there blazes . . .]. *Novaya gazeta vo Vladivostoke*. 313. [Online] Available from: http://novayagazeta-vlad.ru/313/obshhestvo/i-vechnoj-pamyatyu-pylaet.html. (Accessed: 14.12.2017).
24. Taganrog. Bez formata. (2013) *V Taganroge otmetili Den' narodnogo edinstva* [Taganrog celebrated the National Unity Day]. [Online] Available from: http://taganrog.bezformata.ru/listnews/taganroge-otmetili-den-narodnogo/62315981/. (Accessed: 14.12.2017).
25. Dagestan. (2017) *V chest' Dnya narodnogo edinstva na glavnoy ploshchadi Makhachkaly proshel fleshmob* [In honor of the National Unity Day, a flashmob was held in the main square of Makhachkala]. [Online] Available from: http://rgvktv.ru/obshchestvo/48662. (Accessed: 14.12.2017).
26. Prefecture of South-Western Administrative District of Moscow. (2017) *Fleshmob "My ediny" proydet v Muzee Pobedy v Den' narodnogo edinstva* [Flashmob "We are united" will be held at the Victory Museum on the National Unity Day]. [Online] Available from: https://uzao.mos.ru/presscenter/news/detail/6955386.html. (Accessed: 14.12.2017).
27. Tul'skaya pressa. (2016) *V Den' narodnogo edinstva v Tule na ploshchadi Lenina proydet fleshmob* [On the National Unity Day in Tula, a flashmob will be held in Lenin Square]. [Online] Available from: https://www.tulapressa.ru/2016/11/v-den-narodnogo-edinstva-v-tule-na-ploshhadi-lenina-projdet-fleshmob/. (Accessed: 14.12.2017).
28. Sergievskie vedomosti. (2016) *V Sergievom Posade proshel fleshmob, posvyashchennyy Dnyu narodnogo edinstva* [A flashmob dedicated to the National Unity Day was held in Sergiev Posad]. [Online] Available from: http://insergposad.ru/novosti/obschestvo/v-sergievom-posade-proshyol-fleshmob-posvyashchyonnyy-dnyu-narodnogo-edinstva. (Accessed: 14.12.2017).
29. Billig, M. (1995) *Banal Nationalism*. London: Sage.
30. Ulpressa. (2015) *15 tysyach ul'yanovtsev prinyali uchastie v shestvii, posvyashchennom Dnyu natsional'nogo edinstva* [15 thousand Ulyanovsk residents took part in the march dedicated to the National Unity Day]. [Online] Available from: https://ulpressa.ru/2015/11/04/15-tyisyach-ulyanovtsev-prinyali-uchastie-v-shestvii-posvyashhennom-dnyu-narodnogo-edinstva/. (Accessed: 16.12.2017).
31. Vzglyad. (2014) "Poka ediny, my nepobedimy". Den' narodnogo edinstva v Rossii dostig naivysshego gradusa patriotichnosti ["While united, we are invincible." The National Unity Day in Russia reached the highest degree of patriotism]. [Online] Available from:

https://vz.ru/society/2014/11/4/713740.html?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=Vzglyad. (Accessed: 12.12.2017).
32. The President of Russia. Official site. (2005) *Vystuplenie na tseremonii vrucheniya gosudarstvennykh nagrad Rossiyskoy Federatsii* [Speech at the State Awards Ceremony of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23238. (Accessed: 14.12.2017).
33. The President of Russia. Official site. (2017) *Priem po sluchayu Dnya narodnogo edinstva* [Reception on the occasion of the National Unity Day]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/56002. (Accessed: 14.12.2017).
34. Putin segodnya. (2014) *Vladimir Putin prinyal uchastie v torzhestvakh po sluchayu Dnya narodnogo edinstva* [Vladimir Putin took part in the celebrations on the occasion of the National Unity Day]. [Online] Available from: http://www.putin-today.ru/archives/6601. (Accessed: 14.12.2017).
35. Ridus. (n.d.) *"My ediny!" – 85 tysyach v Moskve i sotni tysyach po vsey Rossii* ["We are united!" – 85 thousand in Moscow and hundreds of thousands throughout Russia]. [Online] Available from: http://www.ridus.ru/news/203338. (Accessed: 14.12.2017).
36. Komsomol'skaya pravda-Krasnodar. (2017) *Den' narodnogo edinstva 2017 v Krasnodare: 15 tysyach chelovek, studencheskiy fleshmob i kontsert gruppy IOWA* [National Unity Day 2017 in Krasnodar: 15 thousand people, student flash-mob and concert of IOWA]. [Online] Available from: https://www.kuban.kp.ru/daily/26752/3783215/. (Accessed: 11.11.2017).
37. Zabaykal'skiy Krai. Official portal. (2017) *"Zabaykal'skiy khorovod" proshel odnovremenno na 10 ploshchadkakh Zabaykal'skogo kraya* ["Transbaikalian round dance" was held simultaneously at 10 sites of Zabaykalskiy Krai]. [Online] Available from: http://www.zabaykal'skiykray.rf/news/2017/11/04/60001.html. (Accessed: 11.11.2017).
38. IZLIFE. (2017) *Den' narodnogo edinstva-2017 v Izhevske* [National Unity Day-2017 in Izhevsk]. [Online] Available from: http://izhlife.ru/weekend/76212-den-narodnogo-edinstva-2017-v-izhevske.html. (Accessed: 11.11.2017).
39. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memory, Culture and Memory Politics]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received: 05 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 74–81. DOI: 10.17223/15617793/429/9

УДК 165.12+168.52+551

В.А. Миронов

ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО СТАТУСА ГЕОЛОГИИ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД XX–XXI вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-311-00044.

Рассматриваются основные этапы развития отечественной традиции философско-методологических исследований геологического познания, начиная с разработки концепта «геологическая форма движения материи» и заканчивая классификацией наук о Земле и исследованиями специфики метода моделирования в геологии. Целью статьи является выявление наиболее перспективных и актуальных на сегодняшний день подходов к решению научного статуса геологии, разработанных отечественными авторами.

Ключевые слова: геология; теория познания; философия науки; геологическая форма движения материи; методология геологии; герменевтика; интерпретация; философия геологии.

Принято считать, что активное развитие отечественной традиции философско-методологических исследований геологии и геологического знания началось в середине XX в. с работ советского исследователя Б.М. Кедрова. Мы полагаем, что для понимания основных черт всей советско-российской традиции философии геологии необходимо детально рассмотреть идеи Кедрова, которые задали основной вектор развития отечественной школы философии геологии.

Б.М. Кедров развивал свои идеи в русле марксистской философии, на основе которой он пытался определить, какое место среди других естественных наук занимает геология, и, как следствие, решить проблему неопределенности научного статуса геологии. Отечественный исследователь в своих исследованиях, посвященных философско-методологическим проблемам геологии, опирался на работу одного из основателей марксизма Фридриха Энгельса «Диалектика природы» [1].

Основанием для классификации естественных наук Энгельс определил специфические формы движения: «Различные формы и виды самого вещества можно познать опять-таки только через движение; только в движения обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не находится в движении, нечего сказать» [Там же. С. 215]. Классик марксизма рассматривает следующие формы движения материи, относящиеся к неживой природе: механическую, физическую и химическую, также упоминая, но не рассматривая детально, биологическую форму движения. По Энгельсу, каждая более сложная форма движения материи включает в себя более простые формы. На этом основании Энгельс выводит свою классификацию форм движения материи от простой к более сложным и, как следствие, классификацию наук, каждая из которых изучает соответствующую форму движения материи. Кедров по этому поводу пишет: «Весь процесс развития материи Энгельс рассматривал как совершающийся по восходящей линии, т.е. в последовательном порядке возникновения более сложных из более простых и низших» [2. С. 288–289]. Также классик марксизма отмечал, что его классификация наук не является исчерпывающей и что он вполне допускает обнаружение новых, еще не изученных форм движения. В «Диалектике природы» Энгельс пишет: «Любая форма движения, оказывается, способна и должна превращаться в любую иную форму движения. В этой форме закон достиг своего последнего выражения. Благодаря новым открытиям мы можем найти новые доказательства его, придать ему новое, более богатое содержание» [1. С. 193]. Это, в свою очередь, указывает, что согласно классификации естественных наук Ф. Энгельса вполне допускалась возможность открытия новых форм движения. Классик марксизма в «Диалектике природы» упоминает о такой дисциплине, как геология, определяя ее как историю развития неживой природы, однако не включая ее в ряд естественных наук. Он так писал о геологии: «Постоянное изменение, т.е. снимание абстрактного тожества с собой, имеется также в так называемой неорганической природе. Геология является историей этого» [Там же. С. 183].

Кедров, стараясь обосновать геологию как науку, предложил включить в иерархию наук Энгельса геологическую форму движения материи. Однако это породило другую проблему, а именно проблему места геологии в ряду других естественных наук. Рассуждения Кедрова строились на убеждении, что при допущении существования геологической формы движения материи, по его мнению, ей не будет места в линейной иерархии естественных наук, представленной Энгельсом. Автор пишет: «При таком (линейном. – *В.М.*) расположении наук для геологии нет места в этом ряду, так как поставить ее биологией нельзя: это означало бы признание, что живое возникло из твердого камня» [3. С. 17]. Отвергая возможность возникновения жизни из геологического вещества, Кедров предлагает «концепцию дивергенции» (раздвоения) форм движения материи на геологическую и биологическую формы движения. «Если же встать на точку зрения концепции дивергенции, то приходится отказаться от линейного расположения наук и принять для них разветвленный ряд», – пишет Кедров [Там же]. Таким образом, иерархия форм движения, согласно Кедрову, должна иметь следующий порядок: механическая, физическая, химическая, далее раздвоение на биологическую и геологическую формы движения.

Представления Кедрова о «раздвоении» материи на геологическую и биологическую форму строились

на том, что жизнь может возникнуть исключительно из физической и химической формы движения, но никак не из геологической формы движения материи, оставляя планету лишь в качестве условия возникновения жизни. Кедров пишет: «Вслед за тем, как развились на планете механические, физические и химические формы движения (факторы эволюции нашей планеты, точнее, ее поверхностных сфер), началось дивергентное движение в сторону образования живой и неживой природы» [2. С. 17].

Для лучшего понимания «концепции дивергенции» Кедрова обратимся к общепринятым на сегодняшний день представлениям о том, в какой период развития Земли на ней зародилась жизнь. Начиная с XIX в. и по сей день принято считать, что жизнь на Земле зародилась в геологический период, а именно на самом раннем этапе геологического периода Земли – в докембрии. Об этом мы можем прочесть у Н.В. Гумеровой: «В докембрии на планете возникли атмосфера и гидросфера, зародилась жизнь» [4. С. 44]. В догеологический период, как пишет Гумерова, на Земле «не существовало ни гидросферы, ни настоящей атмосферы» [Там же. С. 42]. Этот этап развития Земли (догеологический), вероятно, и мог подразумевать Кедров, называя его условием начала развития геологических и биологических систем. Причем под характеристикой «геологический», непротиворечиво следуя рассуждениям Кедрова, нам необходимо подразумевать все то, что относится только к земной коре, так как именно земная кора появляется только в геологическом периоде развития Земли. Отсюда следует, что в представлениях Кедрова к геологической форме движения материи можно относить только земную кору, тогда как глубинные части структуры нашей планеты, согласно логике данного исследователя, следует определить лишь как совокупность механических, физических и химических форм движения.

Кедров в своих работах, с одной стороны, констатирует факт существования геологической формы движения материи и, как следствие, обосновывает самостоятельность геологического знания, которое не может быть сведено к физике и химии. С другой стороны, саму планету перед возникновением жизни исследователь оценивает только с позиций механической, химической и физической форм движения, т.е. сводит планетарные процессы к механическим, физическим и химическим. При таком понимании возникновения жизни на нашей планете объект геологии можно описать без введения дополнительной формы движения материи, а следовательно, и геология как наука о Земле в таком случае предстает лишь прикладной химией и физикой. Поэтому мы можем сделать вывод о том, что Кедров, обосновывая научный статус геологии, еще частично разделяет взгляды на геологию как на производную науку от химии и физики. Однако именно Кедров первым актуализировал проблему научного статуса геологии, при решении которой в отечественной исследовательской литературе сформировалось несколько подходов. Поэтому идеи Кедрова послужили предметом обсуждения большого количества исследований отечественных авторов, которые строились либо на развитии идей Кедрова, либо на их критике.

Например, признавая существование геологической формы движения материи, Б.П. Высоцкий, в отличие от Кедрова, рассматривает ее несколько иначе, а именно как «*совокупность изменений и процессов в неорганической системе материи “Земля”, подчиняющихся геологическим закономерностям, основанным на физико-химических законах, но к ним не сводящимся*» [5. С. 8]. При таком понимании геологической формы движения материи геология как наука о Земле имеет соответствующий объект изучения – всю Землю, не ограничиваясь только земной корой. Следовательно, также снимается некоторая внутренняя несогласованность концепции Кедрова, в которой геология как наука о Земле одновременно является как самостоятельной естественнонаучной дисциплиной, так и производной (не самостоятельной) от физики и химии отраслью естествознания.

Другая группа исследователей считала, что введение категории «геологическая форма движении материи» является неверным, а геологические процессы, как пишет В.П. Ковалев, «вовсе не отражают более высокий уровень взаимодействий вещества и не представляют качественно своеобразную форму движения материи» [6. С. 7]. Такого же мнения придерживается Е.К. Федоров: «Науки о Земле не имеют своим предметом особые специфические формы движения материи» [7. С. 40]. В отношении подобных воззрений, согласно которым геология не имеет своего специфического объекта исследования, Н.Н. Амшинский пишет: «Многие склонны лишить геологию материального носителя специфической геологической формы движения материи. Не ведая того, к чему это приводит, они лишают геологию права быть самостоятельной наукой» [8. С. 87]. Поэтому, по мнению Амшинского, идея «геологической формы движения материи» необходима для обоснования научного статуса геологии, иначе говоря, для того, чтобы считать ее наукой.

Также стоит отметить критические работы некоторых авторов в отношении «концепции дивергенции» и взглядов Кедрова на иерархию наук и место в ней геологии. Подобная критика представлена в работах геологов, доказывающих схожесть особенностей развития и формирования минералов как частей геологического вещества (формы движения материи) с особенностями развития биологических организмов. Это такие геологи, как В.Н. Сальников («Минеральный мир – основа зарождения жизни и эволюции человека») [9], А.А. Боковиков («Открытие кремниевой жизни на Земле») [10]. К этому же направлению мы могли бы отнести и работы Н.Г. Стениной [11], в которых доказывается схожесть структур в минералах со структурами ДНК живых организмов. В работах данных авторов высказывается предположение, обратное предположению Кедрова: они предполагают, что жизнь вполне могла произойти из неживого геологического вещества. Мы не будем останавливаться на том, насколько справедливы или нет их воззрения, касающиеся вопроса возникновения жизни, так как эти вопросы уже выходят за рамки философской проблематики и относятся к компетенции естествознания. Стоит отметить лишь, что, несмотря на то, что данное направление критики идей Кедрова напрямую

не касается проблемы научного статуса геологии, тем не менее оно косвенно обосновывает самодостаточность геологии как науки посредством доказательства невозможности описания геологических процессов исключительно с позиций механики, физики и химии.

После дискуссий вокруг идеи Кедрова о «геологической форме движения» стали появляться работы, в которых большое внимание уделяется уже не специфическому объекту – «геологической форме движения», а методологии геологических исследований. «Поворот» к исследованию методологии геологии, вероятнее всего, был мотивирован тем, что тема «геологической формы движения» не раскрывала особенностей геологического познания, а также оказалась недостаточной для понимания сущности геологии как науки.

«Посткедровское» направление философско-методологических исследований геологии основывается на создании классификаций наук о Земле внутри самого геологического знания по критериям разного рода: точности методов, размерам (масштабам) исследуемых объектов и т.д. Отечественные исследователи, занимавшиеся классификацией наук о Земле и их иерархическим соотношением, изучали геологическое знание в том состоянии, в котором оно пребывало во второй половине XX в. К этому времени, помимо «классической» (исторической) геологии, в изучение планеты Земля подключилось большое количество специальных дисциплин, таких как физика, химия, математика, информатика и др. На этом основании большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что геология – это не одна наука, а комплекс различных дисциплин, изучающих разные аспекты нашей планеты. Например, В.М. Букановский следующим образом определяет геологию: «Современная геология представляет целую систему наук, являющихся непосредственной теоретической основой съемочно-поискового, геологоразведочного и горного дела» [12. С. 185]. В.Т. Фролов определяет геологию как «сложнейший комплекс наук» [13. С. 7]. Подобные воззрения на сущность геологии мы можем также встретить в работах таких авторов, как Ю.Н. Карагодин [14], Б.П. Высоцкий [5], Г.Ф. Трифонов [15], Ю.Г. Герасимов [16], А.Л. Яншин [17], В.Е. Хаин [18] и др.

Значительная часть геологов считают, что раскрытие иерархии наук о Земле и их соотношение позволит прояснить характер их совместного исследования в процессе геологического познания. Так, В.М. Букановский пишет: «Свою роль геология будет выполнять тем успешнее, чем правильней будет понимание предмета геологических наук, их связи и сотрудничества. В этом отношении нельзя недооценивать разработки классификации современной геологии» [12. С. 185].

Далее мы постараемся представить два основных типа классификаций наук о Земле, разработанных отечественными исследователями.

В.Т. Фролов выстраивает науки о Земле, исходя из критерия точности дисциплины – от наиболее точной к наименее точной: «1. Кристаллография. 2. Минералогия. 3. Геохимия. 4. Петрология. 5. Литология. 6. Палеонтология. 7. Геология, в том числе: 7а) стратиграфия; 7б) формациология; 7в) тектоника; 7г) геоистория» [13. С. 19].

Ю.Г. Герасимов приводит классификацию наук о Земле, связывая каждую дисциплину с соответствующим объектом ее исследования или, как пишет сам автор, со «структурным уровнем организации вещества Земли» [16. С. 31]. Герасимов начинает свою классификацию с ядерной геологии, которая изучает ядерный уровень организации вещества и является «отраслью геологии, в которой для решения ряда геологических задач применяются ядерно-физические методы» [Там же]. Далее, после ядерной геологии, согласно иерархии наук Герасимова, идет геохимия: «В геологических объектах эти уровни [атомный и молеклярный] тесно связаны, и их изучением занимается одна отрасль геологии – геохимия» [Там же]. Минералогия изучает минеральный уровень, который, по определению Грасимова, «нижний в геологической форме движения материи» [Там же]. Петрография(петрология) и литология изучают горные породы. Геологические формации – учение о формациях. «Формация должна представлять собой набор видов горных пород; входящие в формацию породы должны находиться в определенных взаимоотношениях друг с другом» [Там же. С. 34]. Геосферный уровень – гидрология, тектоника, геофизика. Планетарный уровень – планетарная тектоника, общая геология.

Подобных классификаций на основании разных критериев существует большое количество, так как каждый исследователь, занимающийся классификацией наук о Земле, составлял свою классификацию, отличающуюся от классификаций других авторов. Однако при рассмотрении классификаций наук о Земле стоит обратить внимание на то, что количество подобного рода наук постоянно увеличивается и, как пишет Карагодин, «число наук в составе геологии приближается примерно к 200» [14. С. 131]. Подобные классификации раскрывают теоретическую базу геологии как науки о Земле в широком смысле слова. Однако даже современная исчерпывающая классификация наук о Земле с точным указанием предмета исследований каждой из дисциплин довольно быстро теряет свою содержательную точность в силу постоянного включения новых дисциплин в геологическое знание.

Анализ сложившихся классификаций наук о Земле показывает, что налицо проблема обоснования единой геологической методологии. Причина данной проблемы кроется в том, что у каждой из наук о Земле есть свои специфические методы, принципиально отличающиеся друг от друга. Кроме того, все больше геологических дисциплин нуждается в специальном философско-методологическом рассмотрении, и в конце XX в. в разных странах появляются работы по философии геофизики [19], геохимии [20], геоморфологии [21] и других дисциплин. Увеличивающаяся дифференциация геологического знания, на первый взгляд, превращает геологию из одной единой науки в набор дисциплин, сосредоточенных на изучении разных аспектов одного и того же объекта исследования. А это, в свою очередь, может служить основанием для утверждения о том, что сегодня геологии как науки не

существует, или же в скором будущем геология как единая наука перестанет существовать. Однако, как утверждает Е.А. Куражковская, «дифференциация знаний в этой области (геологии. – *В.М.*) не приводит к ликвидации геологии как науки» [22. С. 45].

Пытаясь решить проблему единства геологической методологии как науки, отечественные исследователи обращаются непосредственно к исследованию процесса геологического познания. Куржаковская пишет: «Их (геологических дисциплин. – *В.М.*) связи проходят по разным каналам единого процесса познания» [Там же. С. 45]. Некоторые геологи, обосновывая единство геологического познания, ограничиваются указанием на комплексность и синтетический характер геологической методологии [5, 13]. Однако указания на «синтез» или «комплексность» методов не раскрывают алгоритм познания и условия совместного использования всех геологических дисциплин в процессе познания Земли и ее участков. Другие исследователи считают, что объединяющей методологией геологического познания является методология моделирования, тесно связанная с системным подходом. Р.Т. Яровикова пишет, что метод моделирования и системный подход дополняют друг друга: «Моделирование, сочетая в себе способность к аналитическо-интегрирующим процедурам, удачно коррелируется с применением системного подхода» [23. С. 305]. Также на тесную связь метода моделирования с системным подходом указывает Е.А. Куржаковская: «Преимущественное значение в нем (в системном подходе. – *В.М.*) имеют методы моделирования природных процессов, нацеленные на выявление функциональной структуры (структуры динамики)» [22. С. 58].

Рассмотрение геологического объекта с позиций системного подхода позволяет разграничить основные направления исследования геологических систем т.е. объектов геологических участков Земли. Например, Ю.А. Косыгин [24] и Ю.П. Трусов [25] считают, что при изучении сложных геологических систем необходимо «последовательное и взаимосвязанное исследование их в статике (строение), динамике (форма движения) и истории (развитие)» [Там же. С. 424]. Несколько другой взгляд на познание геологических систем у В.Н. Селезнева: «При системном подходе геологический объект изучается как динамическая система, т.е. единство трех ее состояний – прошлого (зарождения), настоящего и будущего (тенденций к изменению)» [26. С. 212]. Соответственно, перед тем как начать процесс моделирования системного геологического объекта, исследователь должен решить, какого рода модель геологического участка ему нужна в определенном исследовании: статическая, динамическая, ретроспективная, или же модель, которая отражает прошлое, настоящее или возможное будущее.

Кроме разделения моделей по типу их содержания, модели также разделяются некоторыми исследователями по типу их воплощения: «на материальные и идеальные» модели [27. С. 105]. К материальным моделям можно отнести уменьшенные трехмерные макеты, созданные из необходимого материала, для дальнейших исследований этой модели как способа познания определенного геологического объекта исследования. К идеальным моделям мы будем относить аналоги геологических участков, реализованные в виде математических моделей на основе компьютерной техники и программ, а также в виде чертежей и рисунков геологического объекта или же в текстовом виде.

И.В. Назаров также пишет, что моделирование в геологии должно быть подтверждено эмпирически: «Заключительный этап моделирования – практическая проверка примененной экстраполяции» [Там же. С. 106]. И здесь встает вопрос – какие геологические модели (системы) по типу содержания мы можем проверить эмпирически: статические, динамические или ретроспективные? Статические модели геологических объектов являются наиболее подходящими для эмпирической проверки. Например, если согласно модели есть информация о том, что на определенной глубине и в определенном месте должны быть запасы необходимого месторождения, то это проверяется эмпирически достаточно точно – бурится скважина с отбором горных пород – керна (керн – цилиндрический столбик горных пород, получаемый из скважин при бурении с помощью колонковых труб [28. С. 44]), анализ которых доказывает либо опровергает геологическую модель (гипотезу). Ретроспективные модели проверить напрямую практически невозможно, поэтому их проверка происходит лишь опосредованно и с оговорками на возможную неточность. Проверка динамических моделей также затруднена большой продолжительностью геологических процессов.

На точность геологических моделей, по мнению Назарова, Ковалева и Василенко, отрицательно влияет субъект геологического познания – геолог. Назаров пишет, что «при построении модели часто велика доля субъективного, интуитивного разделения факторов на главные и второстепенные, существенные и несущественные, что отражается на достоверности данных моделирования» [27. С. 112]. Это, в свою очередь, как пишет Назаров, приводит к тому, что «экстраполяция модельной информации на объект не может привести к категорическому выводу. Она носит не достоверный, а вероятностный характер» [Там же. С. 108]/ Поэтому мы можем утверждать, что результаты моделирования имеют гипотетический характер, а также зависят субъективных факторов со стороны исследователя.

На основании изучения ряда работ таких авторов, как В.П. Ковалев [6], А.В. Василенко [29], Н.Е. Мартьянов [30], мы можем выделить два основных субъективных фактора, влияющих на результаты геологического познания: цель, преследуемая исследователем при изучении геологического объекта [29], и воображение исследователя [6, 30]. А.В. Василенко в понимании геологического познания исходит из представлений о системном подходе, согласно которым, по мнению данного автора, «в окружающей реальности нет и не может быть объективных разделов и границ (систем)» [29. С. 104]. Поэтому границы системы, как временные, так и пространственные, по мнению Василенко, задает сам исследователь, исходя из своей первоначальной цели исследования: «только исследователь, руководствуясь определенной целью, может

провести границы системы» [Там же]. В силу того, что, как пишет Р.Т. Яровикова, моделирование «удачно коррелирует с применением системного подхода» [23. С. 305], мы можем утверждать, что результатом геологического исследования можно считать модель геологического участка, которая может быть воплощена в разных формах (в текстовом виде, графически и т.д.). Это, в свою очередь, приводит нас к выводу о том, что модель геологического объекта будет зависеть от цели исследования, которую ставит перед собой геолог. Следовательно, исследуя один и тот же геологический район, но имея разные цели, геолог получит совершенно разные результаты, т.е. разные геологические модели. Это происходит потому, что в силу наличия разных целей одни и те же объекты будут иметь разную ценность для исследования. Например, если геолог стремится воссоздать картину прошлого данного района, то он, скорее всего, будет опираться на палеонтологические данные, и они для него будут иметь первостепенную важность. Если же цель геолога – создать структурную модель определенных пластов (например, нефтеносных) геологического участка, то палеонтологические данные будут иметь второстепенное значение, тогда как первостепенное значение будут иметь геометрические и физические параметры пласта, в котором будет находиться интересующее его полезное ископаемое.

Вторым фактором, влияющим на результаты геологического познания, является роль воображения. В.П. Ковалев в отношении познания геологических объектов пишет: «Чтобы проникнуть в сущность вещей, необходимо создать своим воображением адекватную модель мира» [6. С. 9]. Воображение в геологическом познании играет огромную роль. Геолог посредством воображения создает модель, достраивая структуру современного состояния геологического объекта, большая часть которого недоступна для эмпирического исследования. «Большим преимуществом метода моделирования является возможность изучения процессов, недоступных непосредственному экспериментальному исследованию» [27. С. 111], – пишет И.В. Назаров. Конечно, в современных геологических исследованиях воображение является не единственным способом моделирования. Кроме воображения используются также математические методы, методы компьютерного моделирования, где уже не человек при помощи воображения достраивает фрагментарную информацию, а компьютерные программы по заданным математическим алгоритмам. Назаров, говоря о моделировании в современной геологии, отмечает, что «моделирование, использующее математический аппарат, законы физики и химии, становится одним из основных методов научного исследования на современном этапе развития геологии» [Там же. С. 108]. Однако, несмотря на то, что в познание Земли все больше включаются точные науки, такие как математика, физика и химия, для геолога, тем не менее, сохраняется необходимость моделировать геологический объект при помощи воображения, особенно во время работы в полевых условиях при отборе наиболее подходящей эмпирической информации.

Отмечая субъективный аспект геологического познания, отечественные исследователи не ставят под вопрос научность геологии как дисциплины «необъективной». Ученые рассматривают субъективность лишь в качестве некоторой особенности геологического познания. Предполагалось, что моделирование и системный подход со временем сделают независимыми результаты геологического познания от субъективности исследователя, следовательно, позволят геологическому познанию стать объективной процедурой, а геологии – полноправной наукой. В.В. Василенко по этому поводу пишет: «При использовании системного подхода научные суждения, теории, выводы смогут приобрести новое качество – воспроизводимость, независимость от конкретного исследования» [29. С. 104].

Если, по мнению А.В. Василенко, геологическое исследование в будущем может стать независимым от субъективности исследователя и превратиться в объективную эмпирическую науку, то Н.Е. Мартьянов, напротив, исходит из того, что геология в своей основе представляет собой совершенно другой тип знания, существенно отличающийся от физики не только с точки зрения предмета, но и с точки зрения методологии. Физические методы Н.Е. Мартьянов называет эмпирическими, отличающимися аналитическим характером: «Эмпирические методы не способны дать синтез естествознания, они могут только беспредельно разделять его на бесчисленные участки исследования» [30. С. 23]. Мартьянов, так же как и многие отечественные исследователи, отмечает синтетический характер геологии: «Синтез (синтез естествознания для создания общей теории Земли. – *В.М.*) может произвести только наука о Земле – геология» [30. С. 89]. Однако автор не останавливается на указании синтетического характера геологического знания и указывает на то, что синтез естествознания в рамках геологии осуществляется за счет интерпретации «первичного факта» геологии – геологического разреза. Мартьянов пишет: «Нам же представляется, что именно наличие интерпретации, т.е. – мышления, в первичном факте геологии и делает ее одной из ведущих наук – полем деятельности человеческой мысли в ее стремлении к познанию» [Там же. С. 146].

Подобного разъяснения понятия «интерпретация» и «мышление» автор не приводит, однако мы постараемся прояснить возможные значения данных понятий в контексте его взглядов на геологическое познание. Для решения данной задачи обратимся к размышлениям В.Г. Ковалева об особенностях геологических исследований: «Основное требование научного восприятия геологической действительности поэтому сводится не столько к простому наблюдению доступных изучению природных образований и к их регистрации, но главным образом к пониманию того, что за ними кроется, какую информацию они несут» [6. С. 7]. Понимание того, какая информация кроется за отдельными геологическим телами, разрезами, районом, возможно лишь на основании интерпретации общей картины, или контекста, в котором находится тот или иной геологический объект. Поэтому Ковалев утверждает, что геологу «надо не только уметь вести геологические наблюдения, но и правильно воспринимать наблюденное» [Там же]. А так

как каждый геологический район индивидуален, то и познание с помощью поиска и формулировки законов природы, характерное для физики, будет уже недостаточным для геологического познания. Мартьянов пишет: «Для верной интерпретации разреза рецепта дать невозможно, ибо каждый разрез индивидуален» [30. С. 146].

С одной стороны, результатом геологической интерпретации является модель геологического объекта. С другой стороны, геологическая модель является тем средством, которое облегчает интерпретацию геологического объекта. Однако невозможно построить геологическую модель без интерпретации общей геологической ситуации, которая изначально происходит в сознании человека при использовании воображения и других мыслительных операций. По мнению Мартьянова, эмпирико-аналитический подход не допускает мыслительных операций, подобных тем, которые применяются в геологическом познании: «И вот именно в понимании “наука – не наука” и проявляется вся сущность эмпиризма – ***изгнание мышления***! Борьба с мышлением» [Там же]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, согласно Мартьянову, геология является особой отраслью естествознания, основывающейся на интерпретации индивидуальных объектов (геологических разрезов), где поиск и формулировка законов природы не является целью исследований.

На сегодняшний день можно отметить увеличение применения точных методов в геологическом познании, однако, несмотря на это, геологические модели в отношении своей точности отображения объекта моделирования так же, как и раньше, носят вероятностный характер. Поэтому для понимания сущности геологического познания необходимо учитывать воззрения как Мартьянова, так и Василенко.

На основании рассмотренных работ советских и российских исследователей, мы можем сделать следующие выводы.

Прежде всего мы можем отметить, что они, несмотря на принадлежность единой традиции по изучению философско-методологических исследований проблем геологии и геологического познания, применяли различные подходы к решению проблемы научности геологии.

Первым шагом к решению проблемы научного статуса геологического познания является предложенная Кедровым концепция геологической формы движения материи как особого объекта познания, требующего специальной отрасли естествознания – геологии. Кедров, развивая представления Ф. Энгельса о естествознании, включил геологию в иерархию наук, разработанную классиком марксизма. В последующем проблема классификации наук, как фундаментальных, так и наук, являющихся отраслями геологии, заняла заметную роль в отечественной традиции. Также идея «геологической формы движения материи» послужила возникновению дискуссий об особенностях данной формы движения, ее месте в ряду других естественных наук, а также о том, насколько введение такой категории является обоснованным и необходимым.

Несколько иной подход представляют собой исследования философско-методологических проблем геологии, которые заключаются в построении классификаций различных отраслей геологии на основании различных критериев – степени точности дисциплины, особенностей предмета исследований и т.д. Геология в данных работах определяется как комплекс наук о Земле, а методологической особенностью геологии является комплексность как ее специфическая черта. При таком подходе она в некотором смысле перестает быть наукой, а становится лишь наименованием направления разных наук по изучению Земли, однако подробно анализируется теоретическая база геологического познания.

Поскольку такие понятия, как «комплексность» и «синтез», не раскрывают алгоритм геологического познания, ряд отечественных исследователей стал рассматривать метод моделирования как главный синтезирующий метод геологии с позиций системного подхода. На основании применения системного подхода геологи выделили три главных направления познания геологических объектов-систем, а именно статические, динамические и ретроспективные исследования, при этом эмпирическая проверка статических моделей является наиболее точной. Несмотря на некоторую возможность эмпирической проверки геологических моделей разных типов, авторы полагают, что данные модели имеют гипотетический характер и зависят не только от эмпирических данных, но и как минимум, от двух субъективных факторов: целей исследователя и воображения исследователя. Одна группа исследователей считала, что с помощью математических методов, методов физики и химии зависимость результатов исследования от субъективных факторов в будущем преодолима. Другие исследователи полагали, что интерпретативный характер геологии и ее зависимость от субъективных факторов является отличительной чертой геологического познания.

Таким образом, не будет далеким от истины утверждение, что отечественные исследователи внесли существенный вклад в развитие идей о роли геологического моделирования как интегрирующего метода познания всех наук о Земле. Видится перспективным дальнейшая философская рефлексия, касающаяся метода моделирования, которая может послужить эффективным средством раскрытия принципов геологического познания и обоснования научного статуса геологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Политиздат, 1987. 349 с.
2. Кедров Б.М. Классификация наук. Энгельс и его предшественники. М. : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. Т. 1. 472 с.
3. Кедров Б.М. Энгельс и Ленин о геологии // Теоретические и методологические вопросы нефти и газа. Труды Ин-та геологии и геофизики. Новосибирск : Наука, 1981. Вып. 512. С. 15–20.
4. Гумерова Н.В. Историческая геология : учеб. пособие. 2-е изд. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 106 с.

5. Высоцкий Б.П. Проблемы истории и методологии геологических наук. М. : Недра, 1977. 280 с.
6. Ковалев В.П. Методологические требования адекватного отражения геологической наукой сложных природных систем // Методологические исследования в геологии и геофизике. Новосибирск : Наука, 1986. С. 6–33.
7. Федоров Е.К. Некоторые проблемы развития наук о Земле // Взаимодействие наук при изучении Земли. М. : Наука, 1964. С. 25–54.
8. Амшинский Н.Н. Проблемы гетерогенности и конвергентности в геологии // Методологические исследования в геологии и геофизике. Новосибирск : Наука, 1986. С. 86–99.
9. Сальников В.Н., Горохова М.С. Минеральный мир – основа зарождения жизни и эволюции человека // Развитие жизни в процессе абиотических изменений на Земле : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2014. С. 62–67.
10. Боковиков А.А. Открытие кремниевой жизни на Земле // Минералогия и жизнь: минеральная гомология. 2000. № 11 (7). С. 134–136.
11. Стенина Н.Г. Происхождение минеральной воды. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. 129 с.
12. Букановский В.М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1960. 218 с.
13. Фролов В.Т. Наука геология : философский анализ. М. : Изд-во МГУ, 2004. 128 с.
14. Карагодин Ю.Н. Система наук о Земле // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск : Наука, 1979. С. 131–150.
15. Трифонов Г.Ф. Методологические проблемы синтеза геологических знаний : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997. 300 с.
16. Герасимов Ю.Г. Структурные уровни вещества Земли и их отражение в классификации геологических наук // Методологические проблемы геологии. Киев : Наукова думка, 1975. С. 30–37.
17. Яншин А.Л. Развитие геологии и ее современные особенности // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск : Наука, 1979. С. 16–33.
18. Хаин В.Е., Рябухин А.Г., Наймарк А.А. История и методология геологических наук. М. : Академия, 2008. 416 с.
19. Kautzleben H. Philosophische Betrachtungen zur Geophysik. URL: http://www.kautzleben.eu/leibniz-sozietaet/HK_PhilosophischeBetrachtungen.pdf (das Datum des Zuganges: 19.01.2018).
20. Щербаков Ю.Г. К методологии геохимической систематики // Методологические исследования в геологии и геофизике. Новосибирск : Наука, 1986. С. 55–71.
21. Rhoads B.L., Thorn C.E. Toward a Philosophy of Geomorphology. URL: http://geoinfo.amu.edu.pl/wpk/natgeo/chapt5.pdf (access date: 25.01.2018).
22. Куражковская Е.А., Фурманов Г.Л. Философские проблемы геологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 137.
23. Яровикова Р.Т. Метод моделирования в исследовании геологического объекта // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск : Наука, 1979. С. 294–307.
24. Косыгин Ю.А., Соловьев В.А. Методологические и теоретические проблемы тектоники // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск : Наука, 1970. С. 69–77.
25. Трусов Ю.П. Геологическая форма движения и проблема взаимосвязи форм движения в науках о Земле // Пространство, время, движение. М. : Наука, 1971. С. 414–440.
26. Селезнев В.Н. Проблема исследования геологических основ рационального природопользования // Методологические исследования в геологии и геофизике. Новосибирск : Наука, 1986. С. 209–216.
27. Назаров И.В. Методология геологических исследований. Новосибирск : Наука, 1982. 176 с.
28. Геологический словарь : в 3 т. 3-е изд., перераб. и. доп. / гл. ред. О.В. Петров. СПб. : Изд.-во ВСЕГЕИ, 2011. Т. 2: К–П. 480 с.
29. Василенко А.В. Системный подход в петрологии // Методологические исследования в геологии и геофизике. Новосибирск : Наука, 1986. С. 100–105.
30. Мартьянов Н.Е. Размышления о пульсациях Земли. Красноярск : КНИИГиМС, 2004. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 18 февраля 2018 г.

THE PROBLEM OF THE SCIENTIFIC STATUS OF GEOLOGY AND HOW TO RESOLVE IT IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS IN THE 20TH–21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 74–81.
DOI: 10.17223/15617793/429/9

Vasiliy A. Mironov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mironovv@mail2000.ru

Keywords: geology; theory of knowledge; philosophy of geology; geological form of motion of matter; hermeneutics; interpretation; philosophy and methodology of science.

The article considers the main stages of the development of the Russian tradition of philosophical and methodological studies of geological knowledge. The first step to solve the problem of the scientific status of geological knowledge is the concept proposed by Kedrov concerning the geological form of movement of matter as a special object of knowledge which requires a special branch of science – geology. The category “geological form of movement of matter” has caused the emergence of discussions on the features of this form of movement, its place among other natural sciences, as well as why the introduction of such a category is reasonable and necessary. A slightly different approach is the research of philosophical and methodological problems of geology, which consist of the creation of classifications of the various branches of geology based on various criteria such as degree of precision of the discipline, features of the subject of study, etc. Geology in these studies is defined as a complex of sciences about the Earth, and the methodological feature of seology is its complexity as its specific feature. Within this approach geology, in a sense, ceases to be a science and becomes only the name of the direction of different sciences to study the Earth; however, this direction examines the theoretical basis of geological knowledge. Due to the fact that the concepts “complexity” and “synthesis” did not disclose the algorithm of geological knowledge, a number of Russian researchers began to consider the method of modeling as the main synthesizing method of geology from the standpoint of a systemic approach. According to it, geologists have identified three main areas of knowledge of geological objects-systems, namely static, dynamic and retrospective studies, where empirical testing of static models was the most accurate. In spite of the possibility of empirical verification of geological models of different types, these models are hypothetical in nature, and depend not only on empirical data, but at least on two subjective factors, too: aims of the researcher and imagination of the researcher. One group of researchers believed that by using mathematical methods, methods of physics and chemistry, dependence of research results on subjective factors could be overcome in the future. Other researchers believed that the interpretive nature of geology and its dependence on subjective factors were a specific feature of geological knowledge. Thus, it is not far from the truth that Russian researchers have made a significant contribution to the development of ideas on the role of geological modeling as an integrating method of cognition of all Earth sciences. Further philosophical reflection on the modeling method seems promising, as it can serve as an effective means of disclosing the principles of geological knowledge and justification of the scientific status of geology.

REFERENCES

1. Engels, F. (1987) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow: Politizdat.
2. Kedrov, B.M. (1961) *Klassifikatsiya nauk. Engel's i ego predshestvenniki* [Classification of sciences. Engels and his predecessors]. Vol. 1. Moscow: Izd.-vo VPSh i AON pri TsK KPSS.
3. Kedrov, B.M. (1981) Engel's i Lenin o geologii [Engels and Lenin on geology]. In: Yanshin, A.L. (ed.) *Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy nefti i gaza. Trudy In-ta geologii i geofiziki* [Theoretical and methodological issues of oil and gas. Proceedings of the Institute of Geology and Geophysics]. Is. 512. Novosibirsk: Nauka. pp. 15–20.
4. Gumerova, N.V. (2010) *Istoricheskaya geologiya* [Historical Geology]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
5. Vysotskiy, B.P. (1977) *Problemy istorii i metodologii geologicheskikh nauk* [Problems of history and methodology of geological science]. Moscow: Nedra.
6. Kovalev, V.P. (1986) Metodologicheskie trebovaniya adekvatnogo otrazheniya geologicheskoy naukoy slozhnykh prirodnykh sistem [Methodological requirements of adequate reflection of complex natural systems by geological science]. In: Trofimuk, A.A. (ed.) *Metodologicheskie issledovaniya v geologii i geofizike* [Methodological research in geology and geophysics]. Novosibirsk: Nauka.
7. Fedorov, E.K. (1964) Nekotorye problemy razvitiya nauk o Zemle [Some problems of the development of earth sciences]. In: Baranov, V.I. et al. (eds) *Vzaimodeystvie nauk pri izuchenii Zemli* [The interaction of sciences in the study of the Earth]. Moscow: Nauka, pp. 25–54.
8. Amshinskiy, N.N. (1986) Problemy geterogennosti i konvergentnosti v geologii [Problems of heterogeneity and convergence in geology]. In: Trofimuk, A.A. (ed.) *Metodologicheskie issledovaniya v geologii i geofizike* [Methodological research in geology and geophysics]. Novosibirsk: Nauka.
9. Sal'nikov, V.N. & Gorokhova, M.S. (2014) [The mineral world as the basis of the origin of life and human evolution] *Razvitie zhizni v protsesse abioticheskikh izmeneniy na Zemle* [The development of life in the process of abiotic changes on Earth]. Proceedings of III all-Russian conference. Irkutsk: Institute of Geography, SB RAS. pp. 62–67. (In Russian).
10. Bokovikov, A.A. (2000) Otkrytie kremnievoy zhizni na Zemle [Discovery of silicon life on Earth]. *Mineralogiya i zhizn': mineral'naya gomologiya.* 11 (7). pp. 134–136.
11. Stenina, N.G. (2017) *Proiskhozhdenie mineral'noy vody* [The origin of mineral water]. Novosibirsk: SB RAS.
12. Bukanovskiy, V.M. (1960) *Printsipy i osnovnye cherty klassifikatsii sovremennogo estestvoznaniya* [Principles and main features of the classification of modern natural science]. Perm: Perm. kn. izd-vo.
13. Frolov, V.T. (2004) *Nauka geologiya: filosofskiy analiz* [The science of geology: philosophical analysis]. Moscow: Moscow *SU.
14. Karagodin, Yu.N. (1979) Sistema nauk o Zemle [System of Earth Sciences]. In: Moskalenko, A.T. et al. (eds) *Metodologicheskie i filosofskie problemy geologii* [Methodological and philosophical problems of geology]. Novosibirsk: Nauka.
15. Trifonov, G.F. (1997) *Metodologicheskie problemy sinteza geologicheskikh znaniy* [Methodological problems of geological knowledge synthesis]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
16. Gerasimov, Yu.G. (1975) Strukturnye urovni veshchestva Zemli i ikh otrazhenie v klassifikatsii geologicheskikh nauk [Structural levels of the Earth's matter and their reflection in the classification of geological sciences]. In: Povarennykh, A.S. & Onoprienko, V.I. (eds) *Metodologicheskie problemy geologii* [Methodological problems of geology]. Kiev: Naukova dumka.
17. Yanshin, A.L. (1979) Razvitie geologii i ee sovremennye osobennosti [Development of geology and its modern features]. In: Moskalenko, A.T. et al. (eds) *Metodologicheskie i filosofskie problemy geologii* [Methodological and philosophical problems of geology]. Novosibirsk: Nauka.
18. Khain, V.E., Ryabukhin, A.G. & Naymark, A.A. (2008) *Istoriya i metodologiya geologicheskikh nauk* [History and methodology of geological sciences]. Moscow: Akademiya.
19. Kautzleben, H. (2003) Philosophische Betrachtungen zur Geophysik [Philosophical considerations on geophysics]. In: G. Banse & S. Wollgast (eds) *Philosophie und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart* [Philosophy and Science in Past and Present]. Collection on the occasion of the 70th birthday of Herbert Hörz. Berlin: trafo.
20. Shcherbakov, Yu.G. (1986) K metodologii geokhimicheskoy sistematiki [To the methodology of geochemical taxonomy]. In: Trofimuk, A.A. (ed.) *Metodologicheskie issledovaniya v geologii i geofizike* [Methodological research in geology and geophysics]. Novosibirsk: Nauka.
21. Rhoads, B.L. & Thorn, C.E. (1996) *Toward a Philosophy of Geomorphology.* [Online] Available from: http://geoinfo.amu.edu.pl/wpk/natgeo/chapt5.pdf. (Accessed: 25.01.2018).
22. Kurazhkovskaya, E.A. & Furmanov, G.L. (1975) *Filosofskie problemy geologii* [Philosophical problems of geology]. Moscow: Moscow State University.
23. Yarovikova, R.T. (1979) Metod modelirovaniya v issledovanii geologicheskogo ob"ekta [Modeling in the study of a geological object]. In: Moskalenko, A.T. et al. (eds) *Metodologicheskie i filosofskie problemy geologii* [Methodological and philosophical problems of geology]. Novosibirsk: Nauka.
24. Kosygin, Yu.A. & Solov'ev, V.A. (1979) Metodologicheskie i teoreticheskie problemy tektoniki [Methodological and theoretical problems of tectonics]. In: Moskalenko, A.T. et al. (eds) *Metodologicheskie i filosofskie problemy geologii* [Methodological and philosophical problems of geology]. Novosibirsk: Nauka.
25. Trusov, Yu.P. (1971) Geologicheskaya forma dvizheniya i problema vzaimosvyazi form dvizheniya v naukakh o Zemle [Geological form of motion and the problem of interrelation of forms of motion in the Earth sciences]. In: Mostepanenko, A.M. *Prostranstvo, vremya, dvizhenie* [Space, time, movement]. Moscow: Nauka.
26. Seleznev, V.N. (1986) Problema issledovaniya geologicheskikh osnov ratsional'nogo prirodopol'zovaniya [The problem of studying the geological foundations of rational nature management]. In: Trofimuk, A.A. (ed.) *Metodologicheskie issledovaniya v geologii i geofizike* [Methodological research in geology and geophysics]. Novosibirsk: Nauka.
27. Nazarov, I.V. (1982) *Metodologiya geologicheskikh issledovaniy* [Methodology of geological research]. Novosibirsk: Nauka.
28. Petrov, O.V. (ed) (2011) *Geologicheskiy slovar': v 3 t.* [Geological dictionary: in 3 vols]. Vol. 2. 3rd ed. St. Petersburg: Izd.-vo VSEGEI.
29. Vasilenko, A.V. (1986) Sistemnyy podkhod v petrologii [The system approach in petrology]. In: Trofimuk, A.A. (ed.) *Metodologicheskie issledovaniya v geologii i geofizike* [Methodological research in geology and geophysics]. Novosibirsk: Nauka.
30. Mart'yanov, N.E. (2004) *Razmyshleniya o pul'satsiyakh Zemli* [Reflections on the pulsations of the Earth]. Krasnoyarsk: KNIIGiMS.

Received: 18 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/429/10

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 314.145

В.Н. Барсуков

ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ В СТРАНАХ МИРА

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» (проект № 16-18-00078).

Рассматривается проблема возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям. Предложена авторская методика оценки масштабов и распространенности дискриминационных настроений. Выявлена взаимосвязь возрастной дискриминации с отдельными сторонами жизни общества. Делается вывод о значительной дифференциации и многогранности изучаемого явления в регионах мира. Доказывается, что возрастная дискриминация оказывает существенное влияние на качество жизни старшего поколения.

Ключевые слова: возрастная дискриминация; дискриминационные настроения; пожилые люди; старшее поколение; старение населения.

Введение. Старение населения выступает одним из главных демографических вызовов современности, последствия которого ставят серьезные задачи перед «стареющими» государствами. Одной из них является поддержание темпов экономического роста в условиях, когда доля и численность населения младшего и трудоспособного возрастов перманентно сокращаются. Большинство развитых и развивающихся стран реализовали свои демографические дивиденды, однако сегодня все чаще звучат идеи о возможности формирования второго дивиденда, основанного на реализации ресурсного потенциала единственной увеличивающейся социально-демографической группы – пожилых людей [1]. Для решения этой задачи необходимо создавать благоприятные социально-экономические условия, стимулирующие пожилых людей продолжать трудиться как можно более длительный период после достижения пенсионного возраста. Во многом это зависит не только от состояния здоровья и мотивации пожилого человека, но также от готовности самого общества принять эти изменения. Одним из институциональных барьеров, препятствующих реализации трудового потенциала старшего поколения, является возрастная дискриминация. С юридической точки зрения доказать наличие возрастной дискриминации пожилых людей довольно сложно, однако существуют косвенные способы оценки масштабов ее распространенности, в частности, опирающиеся на социологические методы. Целью данного исследования стало выявление особенностей и закономерностей распространения дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира.

Постановка проблемы. На протяжении всей истории человечества отношение общества к «старости» и пожилым людям менялось. В разное время изучением проблемы эволюции отношения социума к представителям старшего поколения занимались такие ученые, как М. Блекнер, У. Генри, Э. Камминг, А. Роуз [2]. Главным выводом, обобщающим идеи большинства исследований в данной области, является то, что место и роль пожилого человека определяются множеством факторов, к числу которых могут относится исторические, географические, социальные, экономические и т.д. В контексте изучения истоков возникновения возрастной дискриминации особого внимания заслуживает концепция типов культур, разработанная известным антропологом и культурологом Маргарет Мид [3]. Рассмотрим три типа культуры согласно ее классификации, выделив роль пожилых людей в межпоколенческой коммуникации:

1. Постфигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт у старших, пожилые люди выступают посредниками в его передаче от поколения к поколению. Такие культуры являются консервативными и слабо подвержены изменениям. Данный тип характеризуют изолированность и преобладание лабильной (кратковременной) культурной и исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение. Пожилые люди в них ценятся достаточно высоко, поддерживая историческое наследие и реализуя функцию трансмиссии ценностей.

2. Кофигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт не только у старших, но и у сверстников. Переход к данному типу чаще всего происходит вследствие неких революционных событий (переход к новому политическому строю, технологические изменения, принятие новой веры и т.д.), за которыми следует изменение структуры ценностей общества. Помимо функции передачи ценностей роль представителей старшего поколения заключается в установлении пределов и рамок проявлений кофигурации, позволяющих не допустить полного изменения прежних устоев. На этом фоне естественным образом возникают межпоколенческие конфликты, основной причиной которых является конфронтация между системой «старых» и «новых» ценностей. В концепции М. Мид одной из главных характеристик кофигуративной культуры является постепенный переход к модели нуклеарной семьи. Таким образом, в процессе прямого взаимодействия и передачи ценностей участвуют два поколения (родители и дети), межпоколенческая коммуникация сокращается до минимальных

пределов. Разрыв культурной дистанции ведет к возникновению дискриминации по признаку возраста, основанной на конфликте ценностей.

3. Префигуративная культура: не только младшее поколение перенимает опыт у старшего, но и наоборот. В современном обществе темпы научно-технологического прогресса настолько велики, что человечество не успевает вовремя под них подстраиваться. Возникает эффект «шока от будущего», которое в одноименной книге подробно описал Э. Тоффлер [4]. Таким образом, пожилые люди, чья ценностная система является предельно сформированной, вынуждены регулярно перестаиваться под нововведения и инновации не только технологического, но и социального характера [5–9]. Немаловажную роль играет также увеличение общей продолжительности жизни населения. Еще несколько веков назад продолжительность жизни реальных поколений людей в Европе составляла порядка 30 лет [10], в то время как интенсивность научного и технического прогресса была существенно ниже, что способствовало формированию постфигуративных и кофигуративнх культур, в которых возможностей для адаптации и нахождения своего места для пожилого человека было значительно больше.

Таким образом, теория М. Мид демонстрирует, что возникновение возрастной дискриминации – это социальное явление, вызванное трансформацией общественных ценностей, переходом к новому типу культуры, в которой происходят разрывы межпоколенческих коммуникаций. Однако данное явление имеет и другие грани, формирующиеся параллельно с трансформацией возрастной структуры населения – демографическим старением.

Старение населения выступает одним из главных демографических трендов современности. Как показывают исследования [11–15], оно характеризируется тремя важными признаками: глобальностью, необратимостью и множественностью последствий. Глобальность и необратимость подтверждаются статистически: все регионы мира «стареют» (с разной интенсивностью), а с переходом к суженному воспроизводству населения вектор изменения возрастной структуры принимает направление к ее «старению». Увеличение доли и численности пожилых людей влечет за собой множество последствий, наиболее измеримые из которых выражаются в росте смертности населения, увеличении хронических заболеваний, возрастании нагрузки на систему здравоохранения, сокращении доли трудящегося населения. Безусловно, последствия старения требуют от правительств «стареющих» государств реакционных мер по поддержанию устойчивого социально-эконо-мического развития. Одной из таких мер стало введение систем социального страхования населения (в том числе пенсионного обеспечения), которая, с одной стороны, имела благоприятный эффект с точки зрения поддержания уровня потребления (через улучшение качества жизни социально уязвимых категорий), с другой – стало фактором формирования дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям как непроизводительной части общества.

Долгое время (если более точно, то до 70–80-х годов XX в.) пенсионные системы развитых стран основывались на так называемом принципе солидарности поколений (модель условно-накопительной пенсионной системы «*pay-as-you-go*») и функционировали посредством перераспределения средств между поколениями, а точнее перечисления части доходов работающего населения в пользу нетрудоспособных граждан. Однако спустя определенное время, когда демографический дивиденд был исчерпан и большинство развитых стран перешли в третью фазу демографического перехода, пенсионная нагрузка на трудоспособное население начала существенно возрастать, что сделало актуальным вопрос о справедливости перераспределения общественных финансов. Социально-демогра-фической группе пожилых людей, до этого рассматривающейся только в качестве непроизводительной части населения, присваиваются ярлыки «бремени» или «обузы» для государства и его бюджета. Важно отметить, что многие страны отреагировали на этот вызов переходом к накопительной пенсионной системе, повышающей индивидуальную ответственность гражданина за свои пенсионные накопления. Но для нас важно другое. Старение населения и его последствия стали фактором возникновения предвзятого отношения к пожилым людям, не наблюдавшегося ранее: культурная и ценностная «пропасть» между поколениями дополняется экономическим контекстом.

Еще одними важными последствиями демографического старения являются трансформация рынка труда и сокращение предложений на нем. Во второй половине XX в. работодатели в развитых и развивающихся странах применительно к пожилым людям использовали систему, которую условно можно назвать «последний на вход, первый на выход» [16], т.е. люди, приближающиеся к пенсионному возрасту были первыми кандидатами на увольнение и последними – при приеме на работу. В 70-х гг. XX в. в развитых странах активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы, разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [17]. Но, не смотря на контекст, эта система по определению является дискриминационной, причем экономически обоснованной только в рамках «демографического окна», когда соотношение доли иждивенцев к удельному весу трудоспособного населения стремится к минимуму.

На рубеже XX–XXI вв. в большинстве развитых стран проблема профицита предложения на рынке труда сменилась ее дефицитом. Учитывая необратимость глобального демографического старения актуальной стала проблема реализации второго демографического дивиденда, основанного на ресурсном потенциале старшего поколения, проще говоря – стимулирования занятости пожилых людей и внедрения политики продления периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Однако в этом случае необходимо было решить важную проблему возрастной дискриминация по отношению к пожилым людям со стороны работодателя. Мировая общественность отреагировала на это создани-

ем нормативных документов, регулирующих, в том числе, возрастную дискриминацию по отношению к пожилым людям: Венский международный план по проблемам старения (1982 г.), Декларация по проблемам старения (1992 г.), Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002 г.). Представленные документы носят рекомендательный характер, а конкретные антидискриминационные законы принимаются на уровне стран. Один из первых нормативно-правовых актов, регулирующих возрастную дискриминацию, был создан в США, а предпосылкой послужил доклад В. Виртса «Пожилой американский работник» [18]. В совсем докладе он представил несколько подтвержденных эмпирически выводов о возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям в США, которые в обобщенном виде выглядят следующим образом:

– многие работодатели сознательно устанавливают негласные возрастные ограничения;

– формально об этих ограничениях никому неизвестно, а доказать их существование не представляется возможным;

– возрастная дискриминация становится в один ряд с явлениями сексизма, расизма, ксенофобии и основывается на стереотипных предположениях о зависимости возможностей человека от его возраста, неподкрепленных объективными фактами;

– эмпирически доказано, что производительность труда уволенных пожилых сотрудников не отличалась от таковой более молодых работников;

– явление возрастной дискриминации лишает народное хозяйство возможности реализовать ресурсный потенциал миллионов представителей старшего поколения, что также негативно сказывается и на их психологическом состоянии, возникновении чувства ненужности и социальной изолированности.

Представленные выводы в целом отражают сущность возрастной дискриминации. Формирование этого явления происходит под влиянием социальных, экономических и культурных «пластов», в связи чем при оценке его распространенности необходимо учитывать множественность факторов и сфер проявления.

Методология исследования. В качестве информационной базы использовались данные шестой волны социологического обследования The World Values Survey («Обзор мировых ценностей», далее – WVS) [19]. Ассоциация WVS включает в себя большое количество авторитетных ученых-социологов со всего мира, цель которых – сформировать обобщенное представление о ценностной структурах в разных регионах мира. В статье представлены результаты стандартизированных опросов в 56 странах, проводимых на протяжении 2010–2014 гг., общая выборка составила свыше 90 тыс. человек.

Инструментарий обследования WVS является очень обширным, но нас интересовали аспекты, отражающие восприятие обществом старшего поколения. В анкете опроса представлен блок суждений о пожилых людях, с которыми респондентам предлагалось согласиться / не согласиться. Вопрос звучал следующим образом: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о пожилых людях?» Каждому из суждений нами был присвоен маркер дискриминационного восприятия обществом представителей старшего поколения:

1. *Пожилых людей в наши дни не уважают* (I_1). Маркер: неуважительное отношение к пожилым людям.

2. *Пожилые люди получают от правительства больше, чем заслуживают* (I_2). Маркер: восприятие пожилых людей как нагрузки для бюджета государства.

3. *Пожилые люди – это бремя для общества* (I_3). Маркер: восприятие пожилых людей как бремени для общества в целом.

4. *Компании, нанимающие молодых, добиваются бóльших успехов, чем использующие работников разного возраста* (I_4). Маркер: восприятие пожилых людей как ненадежных работников.

5. *У пожилых людей слишком много политического влияния* (I_5). Маркер: восприятие пожилых людей как социальной группы, обладающей чрезмерным политическим влиянием.

Вариантам ответов нами были присвоены следующие балльные оценки: полностью согласен – 1 балл; скорее согласен – 2 балла; трудно сказать – 3 балла; скорее не согласен – 4 балла; полностью не согласен – 5 баллов.

По каждому из суждений рассчитывался средний балл для всех рассматриваемых стран, после чего строился сводный *индекс толерантного отношения к пожилым людям* ($I_{\text{тол}}$) по пяти показателям (*чем ниже балл – тем выше проявление дискриминационных настроений*).

$$I_{\text{тол}} = \frac{I_1+I_2+I_3+I_4+I_5}{5}.$$

Далее проверялись связи изучаемого явления с факторными признаками по всем странам: демографический (доля населения старше 60 лет, по данным ООН), экономический (средний показатель ВВП на душу населения в долларах США, по данным Всемирного банка за период с 2010 по 2014 г.), ценностный (вопросы из анкеты WVS касательно места традиционных и религиозных ценностей в жизни человека) и политический (развитость демократических институтов, по данным The Economist Intelligence Unit). Для выявления связи между результативным (индекс толерантного отношения к пожилым людям) и факторным признаком последовательно строились уравнения парной регрессии, рассчитывался коэффициент корреляции.

Заключительным этапом стала разработка классификации стран мира по уровню дискриминационных настроений и другим рассматриваемым признакам.

Результаты и обсуждение. В табл. 1 представлены результаты итоговых расчетов по первым и последним десяти странам, а также их ранговое положение по частным индексам. В первую десятку (территории с наименьшей распространенностью дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям) входят развитые европейские страны, Австралия и Новая Зеландия, а также четыре бывшие советские республики (Эстония, Казахстан, Грузия и Армения). В конце списка (территории с наиболее широкой распространенностью возрастной дискриминации) находятся страны Азиатского и Африканского регионов. Можно сделать пред-

варительный вывод о существовании «полюсов» вертикали возрастной дискриминации в мире, где на одном находятся развитые страны и регионы с переходной экономикой, на другом – развивающиеся и слаборазвитые. Стоит отметить, что такое распределение является несколько условным, так как многие развитые страны (Япония, Южная Корея, Сингапур) имеют достаточно низкие значения индекса. Такие страны как Катар и Кувейт, располагающие одними из самых высоких показателей ВВП на душу населения [20], также находятся во второй половине списка. Это лишь подтверждает тот факт, что при оценке распространенности возрастной дискриминации в мире недостаточно использования только экономических показателей.

Таблица 1

Положение стран мира по индексу толерантного отношения к пожилым людям

Страна и значение индекса	Ранг по частным индексам				
	Неуважение (I_1)	Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	Бремя для общества (I_3)	Ненадежные работники (I_4)	Чрезмерное политическое влияние (I_5)
1.Нидерланды (3,8424)	15	18	7	2	2
2. Австралия (3,7744)	36	21	4	1	1
3. Германия (3,7464)	13	4	23	6	12
4. Эстония (3,7416)	14	3	41	11	4
5. Новая Зеландия (3,698)	26	28	10	4	3
6. Казахстан (3,6746)	2	13	12	26	8
7. Испания (3,6572)	41	7	11	9	6
8. Армения (3,625)	17	2	8	20	24
9. Швеция (3,5858)	37	26	17	3	16
10. Грузия (3,5744)	25	1	6	19	33
…	…	…	…	…	…
47. Тунис (3,0168)	34	37	14	50	53
48. Ливан (2,9962)	20	40	53	35	43
49. Турция (2,9928)	44	35	48	51	32
50. Филиппины (2,9862)	10	56	31	46	44
51. Египет (2,9268)	7	47	43	54	56
52. Бахрейн (2,9104)	18	48	56	41	37
53. Гана (2,8002)	31	42	52	55	51
54. Малайзия (2,7558)	54	54	19	48	55
55. ЮАР (2,7256)	51	52	55	45	39
56. Нигерия (2,7196)	21	50	54	56	54
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (N=56)	r_1 =0,08	r_2 =0,76	r_3 =0,50	r_4 =0,79	r_5 =0,79

Примечание. Рассчитано автором по [19].

Таблица 2

Показатели частных индексов дискриминационных настроений для некоторых стран (ранжировано по I_1)

Страна	Ранг по частным индексам				
	Неуважение (I_1)	Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	Бремя для общества (I_3)	Ненадежные работники (I_4)	Чрезмерное политическое влияние (I_5)
37. Ирак	1	33	22	53	40
6. Казахстан	2	13	12	26	8
27. Марокко	3	23	45	52	27
22. Гаити	4	53	26	22	7
33. Катар	5	46	2	34	48
35. Кувейт	6	38	15	38	50
52. Египет	7	47	43	54	56
38. Кыргызстан	8	43	29	39	34

Примечание. Рассчитано автором по [19].

Для более полного понимания закономерностей расположения стран мира по уровню толерантного отношения к пожилым людям рассмотрим распределение по частным индексам. Для выявления связи итогового индекса с его составными элементами нами был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который рассчитывается по следующей формуле:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times \sum d^2}{l(l^2-1)},$$

где: $\sum d^2$ – сумма квадратов разностей между рангами итогового и частного индекса; l – число сопоставляемых пар.

Проведенные расчеты (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что между рангами сводного индекса и частными показателями I_2, I_3, I_4, I_5 наблюдается сильная положительная корреляция (r_2 =0,76; r_3 =0,50; r_4 =0,79; r_5 =0,79 соответственно), что свидетельствует о достаточном соответствии четырех из пяти применяемых критериев.

Однако коэффициент ранговой корреляции между итоговым показателем и частным индексом I_1 (неуважительное отношение к пожилым людям) свидетельствует об отсутствии значимых связей между ними (r_1 =0,08). Для выявления причин такого несоответствия рассмотрим позиции некоторых стран, ранжированных по показателю I_1 (см. табл. 2).

Как можно видеть из табл. 2, в восьми странах с наиболее уважительным отношением к пожилых людям наблюдается сильное несоответствие по другим показателям: отдавая дань уважения старшему поколению, население при этом считает пожилых обузой для государства, ненадежными работниками и людьми, обладающими чрезмерным политическим влиянием. Причиной такого расхождения, на наш взгляд, может являться феномен, который условно можно назвать *двойственностью социального восприятия*. Под этим термином мы будем понимать диссонанс восприятия населения пожилого возраста в двух контекстах: личностном (как персонифицированного субъекта человеческих отношений) и общественном (как социально-демографической группы). Для большинства представленных в таблице стран характерны сильные традиции ислама, в котором важное место отводится уважительному отношению к старшему поколению, особенно на уровне семьи [21, 22]. Это объясняет тот факт, что позиции по уровню уважения к пожилым людям в них являются достаточно высокими, а при ответах респонденты, вероятней всего, ориентировались на свой личный опыт, традиции семьи и окружающих их людей. Важно отметить, что показатель I_1 имеет сильную положительную корреляционную связь с религиозностью населения страны (r = 0,71), т.е. уважительное отношение к старшему поколению через личностное восприятие с большой долей вероятности определяется широтой распространенности религиозных канонов.

При этом четыре других высказывания о пожилых людях имеют несколько иной контекст, связанный, в большей степени, с экономическими и политическими аспектами, характеризующими их уже как социально-демографическую группу. Респондент, абстрагируясь от личностного восприятия, переходит к оценке места и роли пожилых людей как категории, которая в большинстве случаев рассматривается в качестве непроизводительной. В этом случае ответы респондентов становятся уже диаметрально противоположными, а также наблюдается сильная отрицательная корреляционная связь с уровнем религиозности страны. Феномен двойственности социального восприятия старшего поколения демонстрирует нам существование латентной возрастной дискриминации, которая проявляется не в личностном отношении, а через идентификацию пожилых людей как членов социально-демографической группы с присваиваемыми им стереотипными характеристиками.

Следующий этап анализа заключается в выявлении связи индекса толерантного отношения к пожилым людям с отдельными демографическими, экономическими, социальными и культурными характеристиками исследуемых стран. Для выявления взаимосвязей между результативным и факторными признаками использовался метод корреляционно-регрессионного анализа.

В первую очередь была произведена оценка взаимосвязи индекса дискриминационных настроений с удельным весом населения старше 60 лет в странах мира. Была выявлена достаточно сильная положительная корреляция (r = 0,66), которая свидетельствует о следующем: чем выше доля пожилых людей, тем ниже распространенность дискриминационных настроений. Это несколько противоречит устоявшемуся мнению о том, что увеличение удельного веса представителей старшего поколения ведет к нарастанию социальной напряженности. Данная ситуация возникает в период, когда темпы прироста доли пожилых людей достигает максимального значения.

Очевидно, что результаты социологического опроса зависят от возрастной структуры населения, на основании которой строится выборка. Можно предположить, что чем выше доля пожилых людей, тем сильнее их влияние на значения индекса толерантного отношения к пожилым людям. Для проверки этой гипотезы был проведен анализ распространенности дискриминационных настроений в возрастном срезе (табл. 3).

Таблица 3

Частные индексы дискриминационных настроений по возрастным группам

Маркер	Возрастная группа		
	до 29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Неуважение (I_1)	2,856	2,843	2,742
Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	3,501	3,620	3,744
Бремя для общества (I_3)	3,881	3,953	4,168
Ненадежные работники (I_4)	2,957	3,102	3,278
Чрезмерное политическое влияние (I_5)	2,997	3,078	3,065

Примечание. Рассчитано автором по [19].

Как видно из табл. 3, действительно, пожилые люди по некоторым показателям оценивают свои социальные роли лояльней, чем представители младших возрастных групп. В то же время граждане старшего поколения оценивают уровень уважительного отношения к себе выше, чем представители других возрастных категорий, а также солидарны с остальной частью общества относительно чрезмерного политического влияния этой социально-демографической группы. Но, несмотря на выявленные диспропорции, дискриминационные настроения во всех трех возрастных категориях выше в странах, где доля пожилых людей составляет менее 10%, т.е. значимость вклада пожилых людей в «старых» государствах в абсолютном выражении нивелируется более низкими оценками их места и роли в «молодых» регионах. Более того, во многих странах с большой долей пожилых людей (Япония, Южная Корея, Румыния, Таиланд, Гонконг) распространенность возрастной дискриминации также достаточно высокая. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что значение индекса толерантного отношения к пожилым людям зависит исключительно от удельного веса населения «третьего возраста».

В качестве фактора, отражающего уровень экономического развития государства, использовался показатель ВВП на душу населения. Была выявлена умеренная положительная корреляционная связь с индексом толерантного отношения к пожилым людям ($r = 0{,}42$). Дисбаланс в распределение вносят страны Юго-Восточной (Япония, Южная Корея, Сингапур) и Юго-Западной Азии (Катар, Кувейт): располагая очень высокими показателями ВВП на душу населения, в то же время имеют высокие значения дискриминационных настроений. Во многом это связано со слабой устойчивостью пенсионных систем в этих странах [23], что обостряет негативное влияние последствий старения населения.

Как уже говорилось ранее, одними из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на отношение к пожилым людям, являются культурные традиции и религиозность. В качестве показателя традиционности использовался индекс, построенный по данным WVS по аналогии с частными индексами дискриминационных настроений. Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Насколько это похоже на Вас: для меня важно следовать традициям и обычаям, принятым в моей семье или религии» (чем выше балл, тем ниже традиционность). Коэффициент корреляция с индексом толерантного отношения к пожилым людям составил 0,38. Это позволяет сделать вывод о том, что высокий или низкий уровень традиционности, характерный для отдельной страны или общества, далеко не всегда определяет уровень дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям. Однако культурные традиции часто не связаны с религией, так как они могут сохраняться длительное время даже в странах с низким уровнем религиозности [24]. В качестве показателя религиозности использовался индекс, построенный по данным WVS по аналогии с частными индексами дискриминационных настроений. Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Насколько для Вас важна следующая ценность: религия» (чем выше балл, тем ниже религиозность). Корреляционная связь оказалась существенно сильней, чем в примере с традиционностью ($r = 0{,}62$), т.е. чем ниже уровень религиозности, тем ниже распространенность дискриминационных настроений в отношении пожилых людей. Выявленная закономерность противоречит подтвержденным фактам о том, что любая из наиболее распространенных религий (христианство, буддизм, ислам) культивируют уважительное отношение к старшему поколению [21, 22], в связи с чем его место и роль в странах с сильными религиозными традициями должны оцениваться достаточно высоко. Согласно теории Р. Инглхарта, переход от материалистических к постматериалистическим ценностям связан, помимо прочего, со снижением уровня религиозности [7]. Таким образом, толерантность к пожилым людям в постматериалистических (развитых) странах распространена значительно шире, в том числе по причине уменьшения влияния религиозных догм. Пожилой человек уже не рассматривается как «мудрец», «старец», что является хоть и положительным, но все же стереотипом, накладывающим отпечаток на восприятие его как индивида, чьи функции ограничиваются трансмиссией жизненного опыта. В странах с широким распространением религиозных догм и традиций пожилые люди воспринимаются как некая субкультура, к которой относятся с большим уважением, но представляющая непроизводительную часть общества, создающая социально-экономическую нагрузку.

В то же время нельзя однозначно утверждать, что распространенность религии способствует формированию дискриминационного восприятия старшего поколения. Это лишь один из многих элементов, характеризующих смену социокультурной парадигмы отношения к пожилым людям с «традиционной» на «современную». Переход к «современной» парадигме предполагает, что пожилые люди рассматриваются не как обуза для общества, а как ресурс его развития и модернизации. Социальный портрет формируется исходя из характеристик общества в целом, а не социально-демографической группы «третьего возраста». Общество перестает мыслить стереотипными образами (в том числе формируемыми религиозными догмами), восприятие пожилых людей основывается на принципах равенства и толерантности, которые, в свою очередь, во много связаны с развитостью демократических институтов в стране.

Для выявления связи возрастной дискриминации с развитием демократических институтов нами были использованы данные рейтинга стран мира The Democracy Index (2016 г.), рассчитанного британским исследовательским центром The Economist Intelligence Unit [25]. Расчеты свидетельствуют о наличии умеренной положительной корреляционной связи между индексом толерантного отношения к пожилым людям и развитием демократических институтов ($r = 0{,}44$). Можно сделать вывод, что в совокупности всех факторов развитость демократических институтов оказывает положительное влияние на снижение возрастной дискриминации в обществе.

Социальная, экономическая и политическая ситуация в стране определяет качество жизни старшего поколения. Можно предположить, что возрастная дискриминация по отношению к пожилым людям выступает фактором снижения качества их жизни. Для подтверждения это гипотезы использовались данные рейтинга качества жизни пожилых людей в мире (Global AgeWatch Index, 2015 г.), рассчитанного по методике международной неправительственной организации HelpAge International [26]. Расчеты показывают, что между индексом толерантного отношения к пожилым людям и Global AgeWatch Index наблюдается сильная положительная корреляционная связь (r = 0,71). Это позволяет нам сделать один наиболее значимый вывод: *качество жизни пожилых людей определяется, в том числе, уровнем распространенности возрастной дискриминации.*

На заключительном этапе была составлена классификация стран мира по уровню возрастной дискриминации с выделением средних показателей, оказывающих влияние на его формирование (табл. 4).

Таблица 4

Классификация стран мира по уровню толерантного отношения к пожилым людям

Уровень толерантности	Страны	Среднее значение показателя для группы				
		Удельный вес населения старше 60 лет	ВВП на душу населения, долл. США	Традиционность, балл	Религиозность, балл	Развитость демократические институтов, балл
Высокий $I_{тол} \geq 3{,}5$	Нидерланды, Австралия, Германия, Эстония, Новая Зеландия, Казахстан, Испания, Армения, Швеция, Грузия, Чили, США, Аргентина	20,4	30 904	3,2	2,98	7,4
Относительно высокий $3{,}3 \leq I_{тол} < 3{,}5$	Россия, Беларусь, Польша, Украина, Бразилия, Эквадор, Уругвай, Гаити, Азербайджан, Кипр, Словения, Мексика, Марокко	15,7	11 104	2,7	2,24	5,7
Средний $3{,}2 \leq I_{тол} < 3{,}3$	Колумбия, Сингапур, Тринидад и Тобаго, Перу, Япония, Катар, Китай, Кувейт, Иордания, Ирак	11,7	28 000	2,6	1,96	5,2
Относительно низкий $3 \leq I_{тол} < 3{,}2$	Кыргызстан, Гонконг, Пакистан, Зимбабве, Южная Корея, Румыния, Руанда, Таиланд, Алжир, Ливия, Тунис	11,7	8 958	2,6	1,79	5,2
Низкий $I_{тол} < 3$	Ливан, Турция, Филиппины, Египет, Бахрейн, Гана, Малайзия, ЮАР, Нигерия	7,6	7 732	2,4	1,43	5,2

Примечание. Рассчитано автором по [19, 20, 25, 26].

Отметим, что указанная классификация имеет целью не определить конкретное место страны и дать характеристику распространенности дискриминационных настроений, а выявить определенные закономерности и особенности. Условно можно выстроить вертикаль возрастной дискриминации, на одном конце которой находятся преимущественно развитые страны и регионы с переходной экономикой, а на другом – развивающиеся и слаборазвитые страны. Для стран с наименьшим уровнем распространенности возрастной дискриминации характерны высокий среднедушевой доход, меньшее влияние традиций и ценностей религии, значительно более развитая система демократических институтов, а также не только бо́льшая доля пожилых людей, но и значительно более высокое качество их жизни. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что искоренение возрастной дискриминации – явление, сопутствующее экономической и социокультурной модернизации государства.

Заключение. Анализ и систематизация факторов распространенности возрастной дискриминации в странах мира позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, возникновение возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям – следствие смены социально-экономических и культурных систем. Восприятие представителей старшего поколения менялось с переходом от традиционного общества, где место и роль пожилых людей оценивались достаточно высоко в силу их значимости в передаче культурных ценностей, к индустриальному обществу, в котором население «третьего» возраста рассматривалось уже через призму их вклада в экономическое развитие. Однако демографическая революция, естественным следствием которой явилось перманентное увеличение доли и численности населения старших возрастов, стала отправной точкой смены социокультурной парадигмы восприятия пожилых людей. Правительства «стареющих» государств, принимая во

внимание важность реализации ресурсного потенциала старшего поколения для устойчивого социально-экономического развития, отреагировали на последствия старения населения вводом мер по искоренению стереотипизации образа пожилого человека. В «современной» парадигме возрастная дискриминация – социальный рудимент, препятствующий реализации ресурсного потенциала и инклюзии старшего поколения.

Во-вторых, распространенность дискриминационных настроений зависит от целой совокупности факторов. Проведенный анализ свидетельствует о наличии определенных закономерностей в формировании вертикали возрастной дискриминации. В странах, характеризующихся высоким уровнем жизни и развитостью демократических институтов, дискриминация по отношению к пожилым людям распространена в гораздо меньшей степени. Увеличение численности пожилых людей в развитых странах воспринимается сегодня не как вызов или проблема, а как возможность для развития, учитывая глобальность и необратимость демографического старения.

В-третьих, было выявлено, что качество жизни пожилых людей во многом определяется отсутствием возрастной дискриминации. Устранение данного социального барьера способствует реализации ресурсного потенциала пожилых людей во многих сферах жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee R., Mason A. Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy. WESS background paper, 2015.
2. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Study of the quality of life of the older generation: a regional experience // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. № 4. P. 88–107.
3. Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap : The Bodley Head, 1970.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002.
5. Buthler T., Berret B. A generation lost: the reality of age discrimination in today's hiring practices // Journal of Management and Marketing Research. 2012. Vol. 10. URL: http: http://www.aabri.com/manuscripts/11981.pdf
6. Inglehar R. Modernization and Postmodernization: Cultural,Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
8. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco : Jossey-Bass, 1968.
9. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y. : Free Press, 1973.
10. Урланис Б. Эволюция продолжительности жизни. М. : Статистика, 1978.
11. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность и взгляд в будущее. М. : Финансы и статистика, 1982.
12. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М. : Статистика, 1976.
13. Реэр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) // Демографическое обозрение. 2014. № 4. URL: http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html
14. Россет Э. Процесс старения населения. М. : Статистика, 1968.
15. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения. М. : Прогресс, 1977.
16. Neumark D., Song J. Do Stronger Age Discrimination Laws Make Social Security Reforms More Effective? // Journal of Public Economics. 2013. Vol. 108. P. 1–16.
17. Зеликова Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014.
18. Wirtz W. The older American worker, age discrimination in employment: Report of the Secretary of Labor to the Congress under section 715 of the Civil Rights Act of 1964. Washington, DC : Department of Labor, 1965.
19. The World Values Survey. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp
20. The World Bank. URL: http://data.worldbank.org/
21. Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 70–78.
22. Смолькин А.А. Социальное проектирование отношения к старости // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2007. № 2. С. 240–247.
23. Pension Sustainability Index 2014. URL: http://www.allianz.ru/upload/iblock/960/960d4c19f5004413d9afec71e085328a.pdf
24. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [1904]. N.Y. : Charles Scribner's Sons, 1958.
25. The Democracy Index. URL: http://www.eiu.com/topic/democracy-index
26. Global AgeWatch Index. URL: www.helpage.org/global-agewatch/

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 27 февраля 2018 г.

ASSESSMENT OF THE PREVALENCE OF DISCRIMINATORY ATTITUDES TOWARDS OLDER PEOPLE IN THE WORLD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 82–90.
DOI: 10.17223/15617793/429/10

Vitaly N. Barsukov, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation). E-mail: Lastchaos12@mail.ru

Keywords: age discrimination; discriminatory attitudes; older people; older generation; population aging.

The aim of this article was to assess the scale and extent of discriminatory attitudes towards the older generation. The information basis of the research was studies of researchers in the field of sociology, demography, anthropology; data of the sixth wave of the world sociological research World Values Survey; the results of the consolidated ratings to assess the development of democratic institutions, the quality of life of older people. General scientific research methods (logical, system approaches, generalization method), statistical methods (groupings, samples, indices, correlation, pair regression equations), sociological and tabular methods of data visualization were used in the work. The first part of the article reveals the nature and essence of age discrimination in the context of cultural, economic and social changes. The second part of the article presents the results of testing the author's methodology for as-

sessing the extent and prevalence of discriminatory attitudes towards older people in 56 countries. The integral index of tolerant attitude to the older was made, which consists of five private indicators with a marker of discriminatory attitudes: disrespectful attitude to the older; perception of the older as a burden for the state budget; perception of the older as a burden for society as a whole; perception of the older as unreliable workers; perception of the older as a social group with excessive political influence. The vertical of age discrimination in the countries of the world is built on the basis of the integral index of tolerant attitude to older people; grouping by interval values of the indicator is made. At the next stage, the links of the studied phenomenon with factor characteristics (demographic, economic, value and political) for all countries were checked. To identify the relationship between the effective (index of tolerant attitude to the older) and the factor signs, the equations of pair regression were consistently constructed, the correlation coefficient was calculated. It is revealed that countries with the lowest prevalence of age discrimination are characterized by a high average per capita income, less influence of traditions and values of religion, a much more developed system of democratic institutions, as well as not only a large proportion of older people, but also a much higher quality of their lives. The final conclusion is that the eradication of age discrimination is a phenomenon that accompanies the economic and socio-cultural modernization of the state.

REFERENCES

1. Lee R. & Mason, A. (2015) *Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy*. WESS background paper.
2. Barsukov, V.N. & Kalachikova, O.N. (2016) Study of the quality of life of the older generation: a regional experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 4. pp. 88–107. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.5
3. Mead, M. (1970) *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*. The Bodley Head.
4. Toffler, E. (2002) *Shok budushchego* [Shock of the Future]. Translated from English. Moscow: ACT.
5. Butler, T. & Berret, B. (2012) A generation lost: the reality of age discrimination in today's hiring practices. *Journal of Management and Marketing Research*. 10. [Online] Available from: http: http://www.aabri.com/manuscripts/11981.pdf.
6. Inglehart, R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
7. Inglehart, R. & Welzel, Ch. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change, and democracy: the human development]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
8. Rokeach, M. (1968) *Beliefs, Attitudes and Values*. San Francisco: Jossey-Bass.
9. Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. N.Y.: Free Press.
10. Urlanis, B. (1978) E*volyutsiya prodolzhitel'nosti zhizni* [Evolution of life expectancy]. Translated from English. Moscow: Statistika.
11. Vishnevskiy, A.G. (1982) *Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: istoriya, sovremennost' i vzglyad v budushchee* [Reproduction of the population and society: history, modernity and a look into the future]. Moscow: Finansy i statistika.
12. Vishnevskiy, A.G. (1976) *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution]. Moscow: Statistika.
13. Reher, D. (2014) Ekonomicheskie i sotsial'nye posledstviya demograficheskogo perekhoda [Economic and Social implications of the Demographic Transition]. Translated from English. *Demograficheskoe obozrenie – Demographic Review*. 4. [Online] Available from: http://demreview.hse.ru/2014–4/150230090.html. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1802
14. Rosset, E. (1968) *Protsess stareniya naseleniya* [Aging Process of Population]. Translated from English. Moscow: Statistika.
15. Sauvy, A. (1977) Obshchaya teoriya naseleniya. [General theory of population.]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Progress.
16. Neumark, D. & Song J. (2013) Do Stronger Age Discrimination Laws Make Social Security Reforms More Effective? *Journal of Public Economics*. 108. pp. 1–16. DOI: 10.1016/*j*.jpubeco.2013.09.006
17. Zelikova, Yu.A. (2014) *Stareyushchaya Evropa: demografiya, politika, sotsiologiya* [Aging Europe: demography, policy, sociology]. St. Petersburg: Norma.
18. Wirtz, W. (1965) *The older American worker, age discrimination in employment: Report of the Secretary of Labor to the Congress under section 715 of the Civil Rights Act of 1964*. Washington, DC: Department of Labor.
19. The World Values Survey. [Online] Available from: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp.
20. The World Bank. [Online] Available from: http://data.worldbank.org/.
21. Smirnova, T.V. (2012) Sotsial'nyy status pozhilykh lyudey: sotsiologicheskiy analiz [The social status of older people: a sociological analysis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. 1. pp. 70–78.
22. Smol'kin, A.A. (2007) Sotsial'noe proektirovanie otnosheniya k starosti [Social design of the attitude to old age]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2. pp. 240–247.
23. Allianz.ru. (2014) *Pension Sustainability Index 2014*. [Online] Available from: http://www.allianz.ru/upload/iblock/960/960d4c19f5004413d9afec71e085328a.pdf.
24. Weber, M. (1958) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [1904]*. N.Y.: Charles Scribner's Sons.
25. Eiu.com. (2017) *The Democracy Index*. [Online] Available from: http://www.eiu.com/topic/democracy-index.
26. Helpage.org. (2015) *Global AgeWatch Index*. [Online] Available from: www.helpage.org/global-agewatch/.

Received: 27 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 91–99. DOI: 10.17223/15617793/429/11

УДК 316.334.23

С.В. Негруль, В.В. Кашпур, А.А. Барышев

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ПЕРФОРМАТИВНОГО ФЕНОМЕНА: КОНКУРЕНЦИЯ СМЫСЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ В ДИСКУРСЕ КЛЮЧЕВЫХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-13-70006).

Рассматривается соотношение дискурсов социального предпринимательства в риторике официальных лиц и субъектов предпринимательства. Установлено, что различие между носителями дискурсов заключается в характере производимой ценности: предоставление социальных услуг или производство новых социальных практик. Дискурс предпринимателей демонстрирует множественные формы генерируемых ими ценностей: распределенная ценность; ценность, генерируемая совместно с потребителем; ценность социально-преобразующего воздействия.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; бизнес в социальной сфере; социальная ценность; перформативность; дискурс-анализ.

Интерес к феномену социального предпринимательства в российской и зарубежной практике активизировался в последние годы, поскольку именно с ним связывают появление новых форм решения социальных проблем. Являясь одновременно бизнесменами и субъектами социального развития, социальные предприниматели опираются на сети сотрудничества (сетевые взаимосвязи гражданского общества, социальный капитал), что, по мнению М. Портера и М. Крамера [1], выступает эффективной заменой стратегиям социальной ответственности корпораций, порождающих в местных сообществах иждивенчество и другие негативные последствия. Новизна феномена обусловлена так называемой двойной социальностью [2]. Социальное здесь оказывается и целью (социальное изменение и социетальная трансформация) и основой деятельности (сообщества, легитимация, культурная укорененность, гражданственность, социальные сети, разделяемый с другими жизненный мир). Специфичность его кроется в тех социальных трансформациях, которые проявляются в результате деятельности социальных предпринимателей.

В научных дискуссиях понятие социального предпринимательства не имеет концептуальной определенности, до сих пор его границы и отличия от таких сфер социальной практики, как благотворительность, добровольчество, социальная ответственность бизнеса, являются предметом осмысления. Существует несколько подходов, позволяющих выделить специфические черты нового вида деятельности. Изначально представления о социальном предпринимательстве складывались в русле теорий классического предпринимательства. Конструкционистское понимание социального предпринимательства основывалась на идеях «творческого разрушения» Й. Шумпетера [3] и позднее – «продуктивного предпринимательства» В. Баумоля [4], т.е. рассматривалось в контексте социальных изменений. Сегодня социальное предпринимательство становится новой компонентой экономики, когда инновации становятся источником не только экономической, но и социальной ценности, продуцируемой генерируемыми предпринимателями социальными изменениями. Преобразующая сила предпринимательства не ограничивается созданием новых продуктов и технологий для более дешевого и эффективного их производства, а ориентирована на создание полезных институтов, более комфортных отношений, новых способов жизни и т.д. Разными авторами исследовались такие характеристики и инструменты преобразующего предпринимательства, как «креативные командные действия» (creative team act) [5], гетерогенность капитала и его постоянная предпринимательская пересборка (reshuffling) [6] и др.

Формирование сетевой экономики привело к развитию «бизнеса платформ», смещающего фокус внимания с внутренних процессов в организации на развитие сети и ценности для участников как нового ресурса конкурентоспособности. В условиях сетевой экономики исследования предпринимательства получили новый разворот в рамках персоналистического подхода: личность предпринимателя, его творческая активность предстали укорененными в сетях межличностных связей. Понятие «социальные сети» впервые было предложено Дж. Барнсом в 1954 для определения системы социальных отношений, через которые индивиды, получают и создают возможность своей деятельности [7]. Таким образом, исследования предпринимательства на основе сетевой методологии описания социальных отношений проводятся в неотъемлемой связи с порождающей и преобразуемой им его социальной средой [8].

Сам термин «социальное предпринимательство» впервые был введен в научный оборот Х. Боуэном в 1953 г. в его книге «Social Responsibilities of the Businessman» [9] для обозначения функций «нормального» бизнеса по компенсации своего возможного негативного имиджа, благотворительной деятельности на территориях его присутствия и созданию благоприятных социальных условий для функционирования в обществе.

Институционализация темы социальной ответственности бизнеса способствовала автономизации дискурса социального предпринимательства, который сосредоточился на новых видах деятельности и субъектах, способствующих преобразованиям общества в целом, а не только росту доходов капиталистических фирм. Знаковой работой оказалась книга Ч. Лидбитера. Суть «социального» Лидбитер видит в заботе о

здоровье, благополучии и благосостоянии граждан и их сообществ, в опоре на социальный, а не экономический капитал как сети отношений доверия и сотрудничества, формирующие не ориентированные на прибыль организации, а организации, становящиеся часть гражданского общества [10]. Социальный предприниматель определяется Ч. Лидбитером как человек, способный к распознаванию неудовлетворенных социальных потребностей и социальных ресурсов для их удовлетворения. Данный субъект движим, прежде всего, собственной миссией, а не стремлением к прибыли, является в этом деле решительным, амбициозным и харизматичным [10. P. 11]. Как видно из предложенного определения, социального предпринимателя отличают как цели деятельности (социальная трансформация), так и средства их достижения (мобилизация социального капитала). Данного подхода придерживаются сегодня теоретики Д. Борнштейн, Д. Элкингтон, Г. Дис и др. [11–13], а также и сами активисты социального предпринимательства М. Юнус, Б. Дрейтон [14, 15].

Несмотря на многообразие дефиниций, в качестве конституирующего признака социального предпринимательства следует рассматривать особенность производимой им ценности. На смену противопоставления экономической и социальной ценности должно прийти понимание множественности форм социально-экономической ценности, генерируемых предпринимателями, которые в разной степени одновременно являются бизнесменами и субъектами социального развития. Социальное воздействие, оказывающееся итогом предпринимательской активности, имеет более сложный мультипликативный эффект, включающий, помимо экономической составляющей, процессы самоорганизации социума, его переструктурирование (вовлечение незащищенных слоев населения, задействование скрытых ресурсов).

Проблемная ситуация, положенная в основу данной статьи заключается в том, что на сегодняшний момент в мире в целом и в России в частности отсутствуют конвенциональное понимание и определение феномена социального предпринимательства. Проблема поиска роли социального предпринимательства в общественных процессах актуальна как среди деятелей государства, так и среди исследователей данного феномена. Становится важным осознать специфику функций социального предпринимательства, характер общественных ожиданий от деятельности социальных предпринимателей, специфику ролей, которые готовы принять на себя сами субъекты, их заинтересованность в производстве определенного вида ценностей. При этом формирование социального предпринимательства как нового сегмента социальной практики сопровождается, с одной стороны, процессом поиска идентичности субъектов, вовлеченных в нее, с другой стороны, поиском их наименования со стороны внешних участников, признающих социальную общность как социально-значимую. Гармоничное встраивание в систему общественно-политических и экономических отношений предполагает соответствие самоидентификации социальных предпринимателей и их идентификации со стороны внешних стейкхолдеров, определяющих сходные смыслы деятельности и ролевые позиции.

Особую значимость проблема идентификации социального предпринимательства имеет для современного Российского государства, поскольку именно социальный предприниматель в рамках официальной точки зрения становится сначала вместе со специализированными государственными службами, а затем и вместо них субъектом решения острых социальных проблем социально незащищенных категорий населения [16]. Легитимизация социального предпринимательства порождает необходимость его регулирования и поддержки на этапе становления. Однако для конкретной практики поддержки и регулирования социального предпринимательства нечеткость в понимании феномена породила ситуацию неопределенности, чреватую, с одной стороны, возможностями появления прорывных социальных новаций, а с другой – больших издержек, связанных с финансированием симулякров, беспрестанно порождаемых на базе модной риторики.

Таким образом, феномен социального предпринимательства в настоящее время имеет явно выраженную перформативную природу, т.е. социальное предпринимательство следует рассматривать как «социальный конструкт» – продукт интерпретаций действительности в процессе социальной коммуникации. Социальные конструкты, находя свое языковое воплощение (дискурсы), способствуют изменению реальных социальных практик. Социальное предпринимательство представляет собой перформативный объект [17], создаваемый в дискурсе. Вопрос его определения решается посредством борьбы дискурсов, находящихся в отношениях конкуренции за доминирующее видение. В поле дискуссий включены государственные деятели, сами социальные предприниматели, различные группы общественности, эксперты фондов поддержки, представители СМИ.

В настоящее время происходит поиск новых идентификаций, означающий экспериментирование со спектром смыслов (идеологем), т.е. представлений о совершенстве («должном») в различных сферах общественной жизни. Идеологема, по определению А. Нойберта, – «лингвистический инвариант с социальной релевантностью», т.е. она не имеет строго определенного значения, ее интерпретация вариативна для представителей различных социальных групп [18]. Фильтрация смыслов производится на основании соответствия интересам социальных субъектов и их культурного опыта, что неизбежно влечет за собой противоречивые интерпретации и порождает проблемы во взаимодействии субъектов.

Таким образом, ситуация с неопределенностью феномена социального предпринимательства порождает следующие исследовательские вопросы, на которые дается ответ в данной статье: какие смыслы вкладываются в понятие «социальное предпринимательство»? Какие роли должны выполнять социальные предприниматели? Производство каких ценностей (value) от них ожидается? В производстве каких ценностей они сами заинтересованы?

Цель исследования – рассмотреть, как соотносятся дискурсы социального предпринимательства в рито-

рике официальных лиц и субъектов предпринимательства.

В качестве метода исследования выбран дискурс-анализ, который исходит из предпосылки, что субъекты не просто отражают реальность, но и конструируют ее посредством языка. Согласно М. Фуко, предложившему концептуальные рамки методологии, дискурс определяется как «связанная определенным образом совокупность высказываний», «способ их сцепления» [19]. Дискурсы, по М. Фуко, – «относительно ограниченные наборы утверждений, которые устанавливают пределы того, что имеет значение, а что значения не имеет» [20. С. 31] (т.е. сконструированная очевидность), и исключают другие способы представления о мире. Дискурс тесно связан с властью, что предполагает доминирование одного дискурса, претендующего на истину, над другим. Он структурирован и упорядочен, при этом структуры дискурса, согласно М. Фуко, имеют форму категоризаций.

К. Герген указывает на то, что дискурс-анализ является не столько методом, сколько методологией, базирующейсяся на социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность [21]. Анализ дискурсов представляется наиболее адекватным инструментом изучения социальной действительности в условиях изменчивости и противоречивости социальной жизни, когда происходит постоянный процесс переосмысления реальности в процессе коммуникации, в ходе которого рождаются новые артикуляции и смысловые коннотации. Язык выступает в большей степени не как репрезентирующее, а как «конституирующее и конструирующее» явление [22]. С позиции социально-конструк-тивистского подхода язык, воплощенный в дискурсе, является способом влияния, посредством которого люди изменяют мир. При этом деятельность субъектов всегда ограничена дискурсом. В данном качестве дискурс задает «потенциалы выражения», а также рамки, ограничивающие диапазон интерпретации «образов реальности» и идентичностей [23], в нем закладывается амплитуда возможных действий.

Дискурсивный анализ на практике предполагает реконструкцию ключевых смысловых категорий, используемых в тексте, при обсуждении того или иного вопроса, выявление концептов, идеологем. Э. Лакло и Ш. Муфф [24] предлагают исследовать дискурсы, используя следующую логику: выявление «узловых точек» (т.е. ключевых знаков, которые организуют дискурс), реконструирование «цепочек эквивалентности» (связывание ключевых знаков в смысловые цепочки, комбинации знаков), понятия, касающиеся идентичности (спектр возможных идентификаций показывает поле возможностей практического социального действия), понятия для анализа конфликта. Н. Фэркло предлагает комбинировать подходы, исследуя также лингвистические структуры текста [25] и обращая внимание на следующие его содержательные и формальные элементы: контроль взаимодействия (кто устанавливает тему беседы); этос (создание идентичностей); метафоры; фразопостроение; грамматика [20. С. 133]. Метафоры создают новую смысловую реальность, поскольку образуются на стыке концептуальных полей. Метафорические значения изменяют когнитивную структуру, формируя пространство для появления новых идентификаций, ролевых репертуаров социальных субъектов. Языковые новации возникают в ситуации сомнения в привычных способах идентификации, т.е. маргинальные ситуации порождают вариативность в идентичностях субъектов.

Анализ идентичностей проводится с помощью противопоставления категорий «Мы» и «Другие». Согласно теории Дж. Поттера и М. Уэтерелл, люди обладают несколькими гибкими идентичностями, которые они создают на основе различных дискурсов [26]. Дискурсы представляют собой «репертуары интерпретации», которые используются как гибкие ресурсы в социальном взаимодействии.

Источниками информации для анализа послужили 50 полуформализованных интервью с социальными предпринимателями Томского региона, проведенные в 2017 г., материалы интервью с официальными лицами Томской области, размещенные в СМИ, документы, размещенные на официальных сетевых ресурсах Президента России.

В октябре 2014 г. проект закона о социальном предпринимательстве, разработанный при непосредственном участии Агентства стратегических инициатив, был внесен в Государственную думу РФ. В соответствии с этим документом в правовое поле предполагалось ввести понятие «социальное предпринимательство», под которым подразумевается «социально ориентированная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на достижение общественно полезных целей, решение социальных проблем, в том числе оказание поддержки лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации» [16].

В число мероприятий «Дорожной карты» по развитию механизмов поддержки негосударственных организаций, предоставляющих услуги в социальной сфере, был включен пункт 8. Введение в федеральное законодательство понятия «социальное предпринимательство» (на декабрь 2016 г.). В августе 2016 г. Минэкономики вынесло на общественное обсуждение законопроект о социальном предпринимательстве

В официальном дискурсе, который реализуется в стратегии государственной социальной политики, тема социального предпринимательства поднимается в контексте проблемы разгосударствления социальных услуг. Одни из первых высказываний в поддержку социального предпринимательства прозвучали от Президента РФ В.В. Путина: «…необходимо развитие реальной конкуренции, открытие бюджетной сферы для НКО и социально ориентированного бизнеса» [27], «…считаю правильным поэтапно направлять некоммерческим организациям до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ, чтобы НКО могли участвовать в оказании социальных услуг, которые финансируются за счет бюджетов» [28], «…важно снятие барьеров для негосударственных организаций к оказанию государственных и муниципальных услуг» [29].

Социальное предпринимательство конструируется в официальном дискурсе как вид предпринимать-

ства, ориентированный на оказание социальных услуг и поддержку социально незащищенных категорий населения («бизнес в социальной сфере»).

Формой идеологии, лежащей в основе данного дискурса, является патернализм. Дискурс государственной власти либеральный по форме и патерналистский по сути.

Прежде всего в риторике официальных лиц бизнес в социальной сфере рассматривается как исполнитель госзаказов, звено механизма обеспечения системы социальных благ, контролируемых государством.

«Федерация призывает социальные учреждения к автономии. Возможно, это как раз первый шаг к социальному предпринимательству. Как только эти учреждения станут самодостаточными, перестанут просить деньги из бюджета и начнут выполнять муниципальные заказы и обслуживать платежеспособный спрос граждан. То есть, зарабатывая деньги, выполнять социальные функции» [30].

Для этих целей предлагается осуществлять бюджетную поддержку – распределение грантов и субсидий, т.е. использовать политику так называемых дешевых денег.

«На старте, чтобы дело сдвинуть с места, надо начинать с системы грантов, чтобы затем социальный бизнес мог участвовать в тендерах на получение госзаказа» [Там же].

С одной стороны, содержание государственной политики в сфере социального предпринимательства свидетельствует о стремлении государства повысить качество социально значимых услуг, оказываемых населению, за счет формирования конкурентных условий путем привлечения негосударственных организаций и перераспределения объемов бюджетного финансирования данного сектора. С другой стороны, сведение роли социальных предпринимателей к осуществлению социальных услуг в рамках государственных заказов сужает поле новаторских социальных инициатив.

Риторика государственных деятелей в контексте рассуждений о создании различных форм «государственно-частного партнерства», «договора общественного согласия» носит скорее идеологический характер. Языковые конструкции, в которых доминирует модус «долженствования», отсутствие структур кооперации с другими субъектами, безличные конструкции «надо, чтобы…», структурируют смыслы, имитирующие партнерские отношения между государством, бизнесом и гражданами: *«Считаю, что предприниматели должны работать без бюджетной поддержки…»*, *«бизнес должен выполнять муниципальные заказы»*, *«мы ждем от социального бизнеса…»*. Происходит последовательное конструирование роли бизнеса как должника государства, а не равноправного и активного партнера в решении социальных проблем.

Рассмотрим, какие смыслы вкладывают в свою деятельность социальные предприниматели.

Размышляя о социальном предпринимательстве, сами акторы озвучивали критерии отнесения / неотнесения к группе.

Основанием для социально-предпринимательских идентификаций послужила ориентация деятельности на социально-незащищенные слои населения, что, на первый взгляд, совпадает с официально заявленным направлением государственной политики. Социальные предприниматели на постоянной основе работают с «*категориями граждан больных и инвалидов*» или «*постоянно проводят благотворительные мероприятия*».

Другой признак принадлежности к группе с точки зрения самих акторов – предпринимательский подход (коммерческая или организационная составляющая).

«Проект должен был быть социальным, но не получился абсолютно социальным, оказалось, что это все можно делать только с добавлением денег и он стал потом, как оказалось, социально-предпринимательским».

«Для меня это значит увидеть проблему или придумать мероприятие и реализовать его так предпринимательски, чтобы найти средства, реализовать их, привлечь. Каким-то образом так его провести, чтобы пришли люди. То есть думать об этом как о предпринимательском подходе».

В то же время ряд опрошенных, несмотря на активность в социальной сфере, не стали относить себя к социальным предпринимателям по причине «невстроенности» в систему государственной политики.

«Я много говорила в интервью на тему социального предпринимательства: в том виде, в котором предлагает российское общество, наверное, скорее всего, нет. Наша услуга, так скажем, социальная, не востребована государством, востребована очень маленькой категорией людей, но на уровне волонтерского проекта. Парадокс в том, что мы реально меняем отношение общества к проблеме, мы ее решаем».

Ситуация непризнания связана с отсутствием официально задекларированного статуса для субъектов, ориентированных на удовлетворение экзистенциальных потребностей, а не обслуживание базовых нужд. По мнению опрошенных, социальные предприниматели должны ориентироваться на более узкие и специфические социальные потребности (*«более насущные и высокие»*).

«Государство должно выстраивать свою политику так, чтобы решать эти проблемы (нехватка мест в детских садах и пр.), и чтобы их не решали люди, которые могут решать более уже насущные, высокие проблемы, например, профилактика ожирения среди детей, или создание и внедрение в практику детских больниц игровых методов реабилитации детей, или создание досуговой деятельности для пенсионеров, которые одиноки».

В то же время «нестандартные» предприниматели репрезентируют свою социальную роль как помощника государства или партнера: *«мы просто помогаем государству решать те проблемы, с которыми оно не справляется».*

Участники интервью, не причисляющие себя к социальным предпринимателям, в процессе самоопределения используют категории, связанные с профессиональной деятельностью (профессиональные актеры, психологи и пр.) или предпринимательством («обычный предприниматель, все предприниматели социально направлены»). Однако в интервью они ча-

сто определяют дело, которым занимаются, как «миссию»: «*миссия, потому что хоть кто-то что-то должен делать», «это миссия, которая дана нам сверху», «миссия по изменению общества».*

Их отличие в том, что они ставят перед собой многоцелевые социальные задачи, реализация которых позволяет совершать социальные трансформации. В высказываниях самих социальных предпринимателей можно увидеть ориентацию на производство социальных проектов, имеющих мультипликативный эффект.

«Есть и еще проект, хотя его сложно так назвать: мы решили построить новую модель деревни, своего рода мини-государство со своей экономикой, со своей инфраструктурой, со своей системой образования. Строим, в первую очередь, для себя: для единомышленников, тех, кто хочет жить на природе, есть настоящие продукты, растить счастливых свободных детей. Параллельно на базе этой модели хотим показать некий пример другого подхода к жизни на земле, ведь сейчас только ленивый не ругает деревню, то, что там происходит: нет работы, нет цели у людей, пьянство» [31].

Таким образом, ключевое различие между носителями разных дискурсов видится в характере производимой ценности: предоставление социальных услуг незащищенным категориям населения или производство новых социальных практик, норм, системы коммуникаций, преобразование социальных институтов *(«социальное благо»*). Несмотря на разнообразие направлений деятельности, личных мотивов, источников получения дохода или особенностей самоопределения, второе понимание прослеживается в рассуждениях всех опрошенных нами социальных предпринимателей, даже тех, которые не соотносят себя с этой группой: *«идем по пути изменения менталитета человека: помогать природе»; «посыл в общество к какому-то положительному образу»; «миссия по преобразованию здравоохранения, реабилитации»; «мы меняем отношение»;«люди помогают людям», «мир становится добрее»; «особенность проекта: он никогда не будет приносить прибыль, но в любом случае он изменит людей»; «возможно, проект станет отправной точкой для социальной активности людей».*

Социальная деятельность в репрезентациях самих акторов связана с налаживанием своеобразных форм взаимодействия социальных субъектов, установлением новых социальных связей, формированием «других» образцов поведения.

«Наша задача была помочь в качестве коммуникаций. С детьми работать, показать им, что они такие же, как и все. Чтобы они могли с нами свободно разговаривать, с нами общаться, с такими, как мы… самореализация, самооценка. И нашим сотрудникам, детям наших сотрудников показать, что есть другое, другое состояние детей, другие ситуации, вот как они живут, понимали, что есть другая сторона медали, которую часто никто не видит. Наша задача – помочь этому учреждению, детям быть более адаптированными в будущем, при выходе».

Переструктурирование социальных отношений на базе другой нормативности – тот социальный эффект, который производится социальными предпринимателями. Он репрезентируется в дискурсе с помощью «природных» метафор (атмосфера). Интересно обращение к природной метафоре как характеристике естественной среды обитания в модусе субъектности (создаем): создают естественную среду, в качестве которой предстают новые формы социальных отношений.

«Каков результат, что изменилось за 10 лет работы?

– Сказать, что именно мы повлияли – так не скажешь. Мы создаем атмосферу, в которую подключаем уже другие предприятия, других людей различных, поэтому здесь… Это же комплексное воздействие».

Таким образом, выстраивание сетей сотрудничества, активное вовлечение групп общественности в решение социальных проблем, опора на инициативы «снизу» – маркер социально-предпринимательской деятельности.

«*Планов в фонде громадье: мы хотим из него сделать полноценный фонд поддержки социальных инициатив с самостоятельными грантами, который бы наравне с городом мог решать любые социальные проблемы. Отличие будет в том, что эта инициатива будет не сверху, как принято, а снизу, от самих горожан, от бизнеса»* [31].

Используя ресурсы местных сообществ, выстраивая сети партнерства, предприниматели становятся генераторами ценности социально-преобразующего воздействия, которая понимается нами как формирование организационно-технологических платформ, обеспечивающих ценность различных позитивных социальных изменений, таких как оздоровление окружающей природной среды; джентрификация социальной среды; обеспечение и продвижение максимально возможных решений в сфере экзистенциальных проблем. Согласно Р. Мартину и С. Осбергу, специфичность социального предпринимательства именно в том и состоит, что оно способствует социальным преобразованиям [32].

Вопреки транслируемому стереотипу о «жертвенности» социального бизнеса (должен жертвовать прибылью ради миссии), отказу от прибыли сами субъекты действия скорее репрезентируют смыслы, которые можно назвать «сверхмотивацией» или дополнительной мотивацией.

«*Была у меня такая миссия успешного бизнесмена – сделать что-то, что может влиять не только на мой кошелек, но и изменить облик либо хотя бы города, либо страны*». Таким образом, социальные проекты – это для бизнеса сверхзадача, ставить которую перед собой могут только состоявшиеся предприниматели.

«Сначала был стартап, было не до благотворительности. Когда компания как-то выросла, стала более стабильно работать на рынке, почему-то решили, что надо как-то обществу говорить "спасибо". За то, что мы в этом обществе работаем, получаем какие-то результаты, не только финансовые, но и творческие, реализуемся сами, получают реализацию наши сотрудники».

Анализ спектра самоидентификаций индивидов позволяет реконструировать ряд принимаемых акто-

рами социальных ролей, определить «репертуар возможных действий». В разнообразии самокатегоризаций отражается система значимых ценностей. На каких основаниях базируется самоидентификация социальных предпринимателей?

Можно выявить тенденцию поиска идентичности среди социальных предпринимателей, зафиксировать их вариативность. Для маргинальных сообществ может быть характерна негативная идентификация, которая определяется как «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо в членах группы или сообщества» [33. С. 271]. В текстах интервью встречаются негативные идентификации (*«не-спонсоры», «немного ненормальные»*), что свидетельствует пока об отсутствии связи с какой-нибудь определенной социальной общностью. Специфика самоидентификации связана с отсутствием институционально определенного (признанного) статуса предпринимателей – социальных новаторов, т.е. соответствующая гетерокатегоризация, или нас-идентификация. Поисковый характер идентификации показывает на создание социальными предпринимателями маргинальных практик, деятельности на границах установленных порядков.

«Мы сказали: “Мы не будем вам спонсорами”. Слово “спонсор” – это не наше слово. Как только раз назовете – разворачиваемся и уходим. Для нас это оскорбительно, спонсор – это мешок с деньгами, пришел, деньги дал, ушел. Мы сказали: “Мы будем помогать вам всем чем угодно – организационно, чем угодно, но только не деньгами”. Задача другая. И мы стали тратить. Я считаю, для нас в жизни самый главный ресурс – это время, душевный какой-то ресурс».

Обоснование выбора негативных самокатегоризаций осмысливается путем противопоставления миру прибыли и корысти: *«конечно, мы все немножко ненормальные, потому что больших денег от такой работы нет»*, а также ассоциации с другими ценностями. Эти ценности не всегда четко артикулированы: *«рожден для чего-то большого, доброго, созидательного, но, конечно, не понимал для чего»*. Смысл отрицания имеющейся категории «спонсор» аргументируется его отстраненной функцией (пришел-ушел), что неявно аппелирует к желательности пока еще периферийной для российского общества ценности – «участия» в социальной жизни. Ориентация на участие и личная вовлеченность в социальную практику наряду с предпринимательским подходом реализуется в роли организатора социальных взаимодействий. Генерация распределенной ценности (Shared value) обеспечивается, согласно М. Портеру и М. Крамеру [1], путем участия бизнеса в решении социальных проблем, но не на принципах благотворительности, а на коммерческой основе. Специфика создания распределенной ценности связана в том, что она генерируется в процессе сотрудничества, а не конкуренции.

«Я ведь понимал: бизнесмены не дают денег на социальные проекты не потому, что жалко, а потому, что не верят в результат. А если прийти и сказать: “Вот вчера я поставил площадку, у меня был такой-то бюджет, столько-то дали жители, столько-то власть, давай теперь у тебя во дворе построим с твоей помощью”, – это звучит убедительно. Процентов 90 соглашались» [34].

В отличие от стереотипизированных представлений (бескорыстие, жертвование прибылью) моральная мотивация предпринимателей проявляется в ориентации на идеалы, а мир прибыли противопоставляется «миру мечты»: неоднократно встречается позитивная самокатегоризация «*мечтатели»: «я больше люблю играть роль такого мечтателя, который любит реализовывать свои мечты», Фонд «Мир моей мечты»; «создала себе параллельный мир – в нем и живу».* Содержательно из интервью становится понятно, что мечтатели – это те, кто меняет окружающий мир и идет ради этого на риск. Мечта для социальных предпринимателей служит вдохновляющим идеалом, мотивирует на деятельность.

Еще одна повторяющаяся самокатегоризация – «партнер», т.е. тот, кто «принимает участие», участник совместной деятельности, позиция которого подразумевает равноправие сторон.

«Партнерство – это элемент предпринимательства. Мы даже на полупартнерских условиях [с представителями власти] *не захотели. Это опять несвобода, ситуация зависимости. Нам нравится, что мы можем провести, что хотим».*

Партнерская роль отражает активный компонент идентичности социальных предпринимателей. Неслучайно использование концепта «социальные проекты» в описании собственной деятельности. В понятии «социальный проект» содержится прямое указание на новаторский характер активности в изменяющейся среде. Самокатегоризация в качестве партнера соседствует с антипатерналистской направленностью деятельности – *«поддерживаем тех, кто развивается».*

В дискурсе социальных предпринимателей проблематизируется вопрос о том, что ценность – социальное благо – генерируется совместно с потребителем.

«“Лампа” сама по себе самостоятельная, огромное количество людей прикладывают к тому руку ежедневно, и я могу 3 дня там не появляться, прийти и понять, что что-то изменилось, что кто-то что-то сделал».

Генерация такой ценности аутентична духу социального предпринимательства. В этой связи И. Шеман [35] писал о формировании всеобщей предпринимательской «субъективности» в современном обществе, когда решение глобальных проблем становится прерогативой всех членов общества, сети предпринимательской активности которых становятся средой решения таких проблем.

В процессе производства ценности, генерируемой совместно с потребителем (Value co-created with consumer), решаются дилеммы между коммерческой и некоммерческой составляющими социального предпринимательства, между активностью и иждивенчеством как эффектами деятельности.

«Спустя пару лет я уяснил, что все проекты движутся на моей силе. Пока ты даешь свои ресурсы,

организационные и финансовые, проект работает, но чуть отходишь в сторону – и сразу все глохнет. Я хотел запустить систему, которая сама бы себя развивала, но вместо этого породил систему паразитическую: сколько дал – столько потребили, не производя никакой добавочной стоимости. Так нельзя» [34].

Когда человек потребляет какую-то услугу, ему важно осознавать как затраченные ресурсы будут расходоваться. Среди тех людей, кто ходит часто, мы спрашиваем. Им важно понимать, что они вкладывают в проект. Людям важно осознавать, что это вкладывается. Они пришли, поддерживают нас, их вкладом мы живем.

Проведенный дискурсивный анализ показал существенное различие смыслов социально-предпринимательской деятельности между официальным дискурсом, продуцируемым государственными чиновниками, и дискурсом самих социальных предпринимателей. В официальном дискурсе социальный предприниматель – это исполнитель заказов государства на решение задач в сфере социального обслуживания и обеспечения потребностей социально незащищенных групп. Запрос к социальному предпринимательству, содержащийся в официальной риторике, отражает слабую перформативность социального предпринимателя с точки зрения государства, а также его ориентацию на генерирование социальным предпринимательством главным образом социальной, а не экономической ценности [36, 37]. Слабая перформативность означает низкую социально-преобразующую способность официально конструируемого образа социального предпринимателя, который становится дублером служб социальной защиты и поддержки. Такой социальный предприниматель производит и продает не новые ценности, смыслы и стили жизни, способы и формы социальной связанности, а конкретные товары и услуги.

Спектр самоидентификаций социальных предпринимателей и выделяемых ими самими социально-предпринимательских ролей более широк по сравнению с государственным видением. Для социальных предпринимателей характерна ориентация на выполнение социальной миссии, сверхнормативные цели по преобразованию культуры взаимодействий, общественного сознания людей, удовлетворение более высоких экзистенциальных потребностей. Дискурс социальных предпринимателей демонстрирует особенности генерируемых ими ценностей – они производят не конкретные товары и услуги, а новую социальную среду, новые ценности, смыслы и стили жизни. Специфика этих ценностей преодолевает противопоставление социальной и экономической ценности и совмещает их в процессе динамического производства множественности форм ценности, генерируемых социальными предпринимателями, которые в разной степени одновременно являются бизнесменами и субъектами социального развития. Среди таких форм анализ дискурса позволяет выделить распределенную ценность (Shared value); ценность, генерируемую совместно с потребителем (Value co-created with consumer); ценность социально-преобразующего воздействия (Social impact value). Данные виды генерируемых социально-экономических ценностей опираются на видение сильной перформативности социального предпринимательства, которое понимается как ключевой агент социально-преобразующей деятельности.

Таким образом, различия в дискурсах описания феномена социального предпринимательства отражают процесс конкурентной борьбы между государством и самими социальными предпринимателями за перформативное определение социального предпринимательства, которое и определит содержание и границы деятельности социальных предпринимателей в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Porter M., Kramer M. The big idea: creating shared value; how to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth // Harvard Business Review. 2011. Vol. 89, is. 1/2. P. 62–77.
2. Steyaert C., Hjorth D. “What is social in social entrepreneurship?”, Entepreneurship as social change:a third new movements in entrepreneurship, Cheltenhan, UK : Edward Elgar, 2006. P. 1–20.
3. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. London : Routledge. 1994. P. 82–83.
4. Baumol W.J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // Journal of Political Economy. 1990. Oct. Vol. 98, № 5, part 1. P. 893–921.
5. Foss N.J., Klein P.G., Kor Y.Y., Mahoney J.T. Entrepreneurship, Subjectivism, and the Resource-based view // Towards a new Synthesis. 2008. March. Vol. 2, is. 1. P. 73–94. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/sej.41/abstract (дата обращения: 10.10.2017).
6. Lachmann L. Capital and its structure. MO : Sheed, Andrews, &McMeel, Kansas City, 1978.
7. Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish. // Human Relations. 1954. Vol. 7, is. 1. P. 39–58. URL: http://pierremerckle.fr/wp-content/uploads/2012/03/Barnes.pdf (дата обращения: 23.10.2016).
8. Dubini P., Aldrich H. Personal and extended networks are central to the entrepreneurial process // Journal of Business Venturing. 1991. Vol. 6. P. 305–313. URL: http://www.researchgate.net/publication/228314339_Personal_and_Extended_Networks_Are_Central_to_the_Entre-preneurial_Process (дата обращения: 10.10.2017).
9. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. New York : Harper Rowe, 1953.
10. Leadbeater . Ch. The Rise of the Social Entrepreneur. London : Demos, 1997.
11. Bornstein D., Davis S. Social Entrepreneurship: What Everyone Needs to Know. Oxford University Press, 2010.
12. Elkington J., Hartigan P. The Power of Unreasonable People: How Social Entrepreneurs Create Markets That Change the World. Harvard Business Press, 2008.
13. Dees J.G., Emerson J., Economy P. Enterprising nonprofits: A toolkit for social entrepreneurs. New York : John Wiley & Sons, 2001.
14. Yunus M. Banker to the poor: Microlending and the battle against world poverty. New York : Public Affairs, 1999.
15. Drayton W. The citizen sector: Becoming as entrepreneurial and competitive as business // California Management Review. 2002. № 44 (3). P. 120–132.
16. Проект Закона о социальном предпринимательстве // Портал Агентства стратегических инициатив. URL: http://asi.ru/social/business/ (дата обращения: 13.10.2017).

17. Callon M. What Does It Mean to Say That Economics Is Performative? // MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds.). How Economists Make Markets. The Performativity of Economics. Princeton : Princeton University Press, 2007.
18. Neubert A. Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-leninistischen Soziolinguistik // Rudolf Große and Albrecht Neubert (ed.) Beiträge zur Soziolinguistik. Halle : Verlag Enzyklopädie, 1974. P. 25–46.
19. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия, 2004.
20. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х. : Гуманитарный Центр, 2004.
21. Gergen K. An invitation to social construction. London : Sage, 1999.
22. Wood L., Kroger R. Doing Discourse analysis. London, Thousand Oaks CA : SAGE Publications, 2000.
23. Burr V. An introduction to social constructionism. London : Routledge, 1995.
24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. London, 2001.
25. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge : Polity Press, 1992.
26. Wetherell M., Potter J. Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation. London ; New York : Harvester Wheatsheaf, 1992.
27. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19825 (дата обращения: 06.10.2017).
28. Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50864 (дата обращения: 10.10.2017).
29. Бюджетное послание на 2014–2016 годы от 13 июня 2013 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/18333 (дата обращения: 06.10.2017).
30. Лосева К. Может ли бизнес зарабатывать добрыми делами? (круглый стол) // Томские новости+. 07.10.2011. URL: http://tomsk-novosti.ru/143239/ (дата обращения: 22.11.2017).
31. Серебрякова Е. Как Роман Казаков: Как научить сибиряков есть суши, персонал зарабатывать деньги, а бизнесменов заниматься благотворительностью // Томский обзор. 12.07.2012. URL: https://obzor.westsib.ru/article/371526 (дата обращения: 22.11.2017).
32. Martin, R.L., Osberg, S. Social Entrepreneurship: the Case for Definition. Stanford Social Innovation Review. Spring, 2007.
33. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
34. Тайлашева Е. Роман Казаков. Бойся комфорта! // Томские новости+. 15.06.2015. URL: http://tomsk-novosti.ru/roman-kazakov-bojsya-komforta/ (дата обращения: 14.01.2018).
35. Szeman I. Entrepreneurship as the new common sense // The South Atlantic Quarterly. 2015. Vol. 114, № 3. P. 471–490.
36. Brooks A.C. Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation. Upper Saddle River, NJ : Prentice-Hall, 2008.
37. Keohane Georgia L. Social entrepreneurship for the 21st Century: Innovation Across the Nonprofit, Private, and Public Sectors: Innovation Across the Nonprofit, Private, and Public Sectors. McGraw-Hill, January 2013.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 24 января 2018 г.

THE PROBLEM OF CONSTRUCTING SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS A PERFORMATIVE PHENOMENON: COMPETITION OF MEANINGS AND VALUES IN THE DISCOURSE OF KEY STAKEHOLDERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 91–99.
DOI: 10.17223/15617793/429/11
Svetlana V. Negrul, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlight@bk.ru
Vitaliy V. Kashpur, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru
Aleksey A. Baryshev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru
Keywords: social entrepreneurship; business in social sphere; social value; performativity; discourse analysis.

The aim of the research is to consider how discourses of social entrepreneurship are correlated in the rhetoric of officials and business entities. The method of research is discourse analysis. Sources of information for the analysis are 50 semi-formalised interviews with social entrepreneurs in Tomsk conducted in 2017, interview materials with officials posted in the media, documents posted in official network resources of the President of Russia. The problem situation consists in the fact that at the moment there is no conventional understanding and definition of the phenomenon of social entrepreneurship. This phenomenon has a clearly expressed performative nature, that is, it should be regarded as a "social construct", as a product of interpretations of reality in social communication. Social constructs, finding their own language expression (discourses), contribute to changing real social practices. Discourse analysis showed a significant difference in the meanings of social entrepreneurship activities in the official discourse and in the discourse of social entrepreneurs. The request for social entrepreneurship in the official rhetoric reflects the weak performativity of the social entrepreneur from the point of view of the state, which means a low social impact capacity of the constructed image of the social entrepreneur which becomes a duplicate of social protection and support services. The spectrum of self-identifications and roles of social entrepreneurs is wider. They are characterised by an orientation toward fulfilling the social mission, by over-standard goals for transforming the culture of interactions, the public consciousness of people and by the satisfaction of higher existential needs. Values they generate produce a new social environment, new values, meanings and life styles rather than specific goods and services. The specificity of these values overcomes the opposition of social and economic values and combines them in the dynamic production of the multiplicity of forms of a value generated by social entrepreneurs who, to varying degrees, are both businesspeople and subjects of social development. Among such forms, discourse analysis identifies a shared value; a value co-created with the consumer; a social impact value. These types of values rely on the vision of the strong performativity of social entrepreneurship which is understood as a key agent of social impact activities. Thus, differences in the discourses of describing the phenomenon of social entrepreneurship reflect the competition between the state and social entrepreneurs for the performative definition of social entrepreneurship which will determine the content and boundaries of the activities of social entrepreneurs in Russia.

REFERENCES

1. Porter, M. & Kramer, M. (2011) The big idea: creating shared value; how to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth. *Harvard Business Review*. 89:1/2. pp. 62–77.
2. Steyaert, C. & Hjorth, D. (2006) What is social in social entrepreneurship? In: Elgar, E. (ed.) *Entepreneurship as social change:a third new movements in entrepreneurship*. Cheltenhan, UK: Edward Elgar.
3. Schumpeter, J.A. (1994) *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge. pp. 82–83.
4. Baumol, W.J. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*. 98(5):1. pp. 893–921.

5. Foss, N.J., Klein, P.G., Kor, Y.Y. & Mahoney, J.T. (2008) Entrepreneurship, Subjectivism, and the Resource-based view. *Towards a New Synthesis*. 2:1. pp. 73–94. [Online] Available from: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/sej.41/abstract. (Accessed: 10.10.2017).
6. Lachmann, L. (1978) *Capital and its structure*. Kansas City, MO: Sheed, Andrews, &McMeel.
7. Barnes, J.A. (1954) Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 7:1. pp. 39–58. [Online] Available from: http://pierremerckle.fr/wp-content/uploads/2012/03/Barnes.pdf. (Accessed: 23.10.2016).
8. Dubini, P. & Aldrich, H. (1991) Personal and extended networks are central to the entrepreneurial process. *Journal of Business Venturing*. 6. pp. 305–313. [Online] Available from: http://www.researchgate.net/publication/228314339_Personal_and_Extended_Networks_Are_Central_to_the_Entre-pre-neurial_Process. (Accessed: 10.10.2017). DOI: 10.1016/0883-9026(91)90021-5
9. Bowen, H. (1953) *Social Responsibilities of the Businessman*. New York: Harper Rowe.
10. Leadbeater, Ch. (1997) *The Rise of the Social Entrepreneur*. London: Demos.
11. Bornstein, D. & Davis, S. (2010) *Social Entrepreneurship: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press.
12. Elkington, J. & Hartigan, P. (2008) *The Power of Unreasonable People: How Social Entrepreneurs Create Markets That Change the World*. Harvard Business Press.
13. Dees, J.G., Emerson, J. & Economy, P. (2001) *Enterprising nonprofits: A toolkit for social entrepreneurs*. New York: John Wiley & Sons.
14. Yunus, M. (1999) *Banker to the poor: Microlending and the battle against world poverty*. New York: Public Affairs.
15. Drayton, W. (2002) The citizen sector: Becoming as entrepreneurial and competitive as business. *California Management Review*. 44 (3). pp. 120–132.
16. Agency for Strategic Initiatives. (2013) *Proekt Zakona o sotsial'nom predprinimatel'stve* [Draft Law on Social Entrepreneurship]. [Online] Available from: http://asi.ru/social/business/. (Accessed: 13.10.2017).
17. Callon, M. (2007) What Does It Mean to Say That Economics Is Performative? In: MacKenzie, D., Muniesa F. & Siu, L. (eds) *How Economists Make Markets. The Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
18. Neubert, A. (1974) Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-leninistischen Soziolinguistik [On the subject and basic concepts of Marxist-Leninist sociolinguistics]. In: Große, R. & Neubert, A. (eds) *Beiträge zur Soziolinguistik* [Contributions to Sociolinguistics]. Halle: Verlag Enzyklopädie.
19. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
20. Fillips, L. & Jorgensen, M. (2004) Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse. Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr.
21. Gergen, K. (1999) *An invitation to social construction*. London: Sage.
22. Wood, L. & Kroger, R. (2000) *Doing Discourse analysis*. London, Thousand Oaks CA: SAGE Publications.
23. Burr, V. (1995) *An introduction to social constructionism*. London: Routledge.
24. Laclau, E. & Mouffe, C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. London: Routledge.
25. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
26. Wetherell, M. & Potter, J. (1992) *Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation*. London; New York: Harvester Wheatsheaf.
27. Kremlin.ru. (2013) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 12 dekabrya 2013 goda* [The President's Address to the Federal Assembly of December 12, 2013]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/19825. (Accessed: 06.10.2017).
28. Kremlin.ru. (2015) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 3 dekabrya 2015 goda* [The President's Address to the Federal Assembly of December 3, 2015]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/50864. (Accessed: 10.10.2017).
29. Kremlin.ru. (2013) *Byudzhetnoe poslanie na 2014–2016 gody ot 13 iyunya 2013 goda* [Budget Policy Address for 2014–2016 of June 13, 2013]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/18333. (Accessed: 06.10.2017).
30. Loseva, K. (2011) Mozhet li biznes zarabatyvat' dobrymi delami? (kruglyy stol) [Can business earn from good deeds? (A round table)]. *Tomskie novosti+*. 07 October. [Online] Available from: http://tomsk-novosti.ru/ 143239/. (Accessed: 22.11.2017).
31. Serebryakova, E. (2012) Kak Roman Kazakov: Kak nauchit' sibiryakov est' sushi, personal zarabatyvat' den'gi, a biznesmenov zanimat'sya blagotvoritel'nost'yu [Like Roman Kazakov: How to teach Siberians to eat sushi, staff to earn money, and businesspeople to engage in charity]. *Tomskiy obzor*. 12 July. [Online] Available from: https://obzor.westsib.ru/article/371526. (Accessed: 22.11.2017).
32. Martin, R.L. & Osberg, S. (2007) Social Entrepreneurship: the Case for Definition. *Stanford Social Innovation Review*. Spring.
33. Gudkov, L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
34. Taylasheva, E. (2015) Roman Kazakov. Boysya komforta! [Roman Kazakov. Be afraid of comfort!]. *Tomskie novosti+*. 15 June. [Online] Available from: http://tomsk-novosti.ru/roman-kazakov-bojsya-komforta/. (Accessed: 14.01.2018).
35. Szeman, I. (2015) Entrepreneurship as the new common sense. *The South Atlantic Quarterly*. 114:3. pp. 471–490. DOI: https://doi.org/10.1215/00382876-3130701
36. Brooks, A.C. (2008) *Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.
37. Keohane, G.L. (2013) *Social entrepreneurship for the 21st Century: Innovation Across the Nonprofit, Private, and Public Sectors: Innovation Across the Nonprofit, Private, and Public Sectors*. New York: McGraw-Hill.

Received: 24 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 100–110. DOI: 10.17223/15617793/429/12

ИСТОРИЯ

УДК 94(575.4).08

И.Б. Бочкарева, Ю.А. Лысенко

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ (1917–1921 гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».

Рассматривается национальная политика большевиков в Туркестане в первые годы становления советской власти на примере решения ими основного требования национальной политической элиты – национальной автономии. Хотя Туркестанской автономной республике как форме самоопределения населения региона был придан классовый, унитарный характер, ее провозглашение в совокупности с другими шагами РКП(б) по решению национального вопроса стало одним из факторов утверждения советской власти.

Ключевые слова: большевики; национальный вопрос; Туркестан; автономная республика; Турккомиссия ВЦИК.

Придя к власти, большевики столкнулись ростом самосознания и складыванием местных вариаций национализма во всех национальных регионах России, вызванными политическими изменениями после Февральской революции и стремлением национальных политических элит повысить политический статус своих регионов. В. Ленин как основной идеолог национальной политики РКП(б) довольно быстро осознал вызовы со стороны национализма процессу утверждения советской власти в национальных регионах бывшей империи, еще и в условиях разгорающейся Гражданской войны. С его подачи возрастает значимость национального вопроса в иерархии партийных приоритетов, партия начинает вносить коррективы в свои теоретические схемы и принимать практические шаги по его решению, учитывая региональную специфику. Туркестан представляет показательный пример для анализа становления советской власти в азиатской части России, напрямую сопряженного с решением здесь национального вопроса.

В советский период изучение становления советской власти в Туркестане подчинялось сложившимся оценкам этого процесса как «победного шествия советской власти». При господстве классового подхода в интерпретации исторических событий влияние национального фактора на процесс становления советской власти и характер Гражданской войны в Туркестане не становились предметами глубокого изучения. Более того, в советской литературе утверждалось, что большевики на момент восстания в Ташкенте в октябре 1917 г. смогли объединить «многонациональные трудящиеся массы на борьбу за победу социалистической революции» [1. С. 63, 2. С. 10–11], хотя источники[1] и современные исследования свидетельствуют, что городское мусульманское население заняло пассивную и выжидательную позицию в дни смены власти, а в политическом отношении поддерживало местные национальные организации [4, 5]. Современные исследователи, имея возможность полнее представить картину политических процессов в Туркестанском крае после Февральской революции, останавливаются преимущественно на анализе оппозиционных большевикам движений местного населения: джадидов, басмачества [5–7]. Отмечается, что национальная политика советской власти в Туркестане в начальный период существования была по своим мероприятиям продолжением колониальной эпохи [7]. Не отрицая больших социальных издержек становления советской власти для коренного населения региона, нам вместе с тем хотелось бы отметить, что именно большевики, отстранив от власти местную либеральную интеллигенцию и подавив басмаческое движение, определяли последующий характер модернизации региона, включая и логику последующего национального строительства. В статье мы рассмотрим эволюцию национальной политики РКП(б) в Туркестане на примере создания института автономной советской республики и партийного строительства.

Динамика развития политической ситуации в Туркестане осенью 1917 г. подчинялась логике общероссийского революционного процесса. Здесь также наблюдалось падение авторитета Временного правительства в лице Туркестанского комитета на фоне острого продовольственного кризиса в крае и общего ухудшения социально-экономической ситуации. Вместе с тем радикализация общественных настроений, рост влияния большевиков в городах европейской части России, в Советах рабочих и солдатских депутатов, как в зеркале, отражались на раскладе политических сил в Ташкенте. К сентябрю большевистская программа получила поддержку со стороны солдатских комитетов и профсоюзов рабочих-железнодорожников. В конце августа местные большевики, реализуя установки РСДРП(б) после корниловского мятежа, добились принятия Ташкентским советом рабочих и солдатских депутатов (далее – Ташсовет) резолюции о передаче всей власти советам. В целом провозглашение советской власти в Ташкенте и затем во всем Туркестане прошло по тому же сценарию, что и в центре. Опираясь на армию, Ташсовет захватил власть в Ташкенте через три дня после октябрьского переворота в Петрограде (см. подробнее: [5. С. 176–181]).

Специфика провозглашения советской власти в Туркестане заключалась в том, что советы как органы демократической власти, сложившиеся после Февральской революции, представляли интересы местного русскоязычного населения. Местный туземный пролетариат как класс на тот момент еще не сложился и не был широко представлен в советах, военные части, укомплектованные из коренного населения, в принципе отсутствовали. Сельское коренное население, в массе своей неграмотное, вообще было аполитично и мало что знало о происходящих политических изменениях. В свою очередь, местные общественно-политические организации Шурои-исламия и Улема-джамияти, представлявшие движение коренного населения за предоставление краю статуса национально-территориальной автономии, с сентября 1917 г. неоднократно заявляли, что расценивают действия большевиков как узурпацию власти, а лозунг «Вся власть Советам» – как не соответствующий интересам мусульманского населения.

На момент прихода к власти в теоретических построениях В. Ленина и И. Сталина по национальному вопросу доминировал классовый подход. Нации и национализм понимались как феномены исторически уходящей капиталистической формации, а право на самоопределение рассматривалось лишь как переходный шаг в процессе создания пролетарского унитарного государства [8. С. 44]. Не случайно на II съезде советов была провозглашена Российская советская республика как унитарное государство. Тем не менее «право наций на самоопределение вплоть до отделения» имело статус программной установки и последовательно декларировалось большевиками. Первые постановления советской власти по национальному вопросу: «Декларация прав народов России» и обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», вышедшие в ноябре–декабре 1917 г., гарантировали право на самоопределение, свободу вероисповедания, сохранение культуры, традиций народов России [9. С. 39–41; 10]. Эти заявления были призваны, прежде всего, повысить доверие к новой власти со стороны мусульманских народов, убрать шлейф колониальности, доставшийся новой власти от имперской эпохи. Следует отметить, что установки центральных органов РСДРП(б) по национальному вопросу в это время во многом носили декларативный характер, а национальная политика отличалась высокой степенью конъюнктурности. Однако ташкентские коммунисты даже на уровне деклараций не учли национальную специфику, интересы местного населения, организуя советскую власть в крае. Следование установкам РСДРП(б) – диктатура пролетариата, классовый принцип организации власти, недоверчивое отношение к национализму как идеологии буржуазного общества – в условиях Туркестана привело к тому, что у местных большевиков не было точек соприкосновения ни с коренным населением в лице «трудящихся», ни с автономистским национальным движением. Местные национальные организации, Шурои и Улема, оценивались ими как «буржуазно-националистические», что по классовым соображениям исключало возможность сотрудничества с ними.

Как итог, 15 ноября 1917 г. начал работу III съезд советов Туркестанского края, который конституировал новый краевой орган власти в лице Совета народных комиссаров Туркестанского края во главе с Ф. Колесовым. Отношение новой власти к автономистским устремлениям коренного населения нашло отражение в следующей резолюции: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органы краевой власти фракция приветствовала бы… [11. Л. 10]. Таким образом, советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу, как диктатура трудящихся, но комплектовалась по национальному принципу при чрезвычайно узкой социальной базе. При этом вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда.

А. Халид обосновывает нежелание большевиков допускать мусульман во властные органы стремлением контролировать распределение продовольствия в условиях его острого дефицита [6. С. 195]. На наш взгляд, позиция местных большевиков по отношению к туркестанскому национальному движению определялась, помимо вышеназванных факторов, устойчивыми стереотипами восприятия европейским населением местного коренного населения как отстающего в развитии, не готового самостоятельно обеспечить должный уровень развития региона. После Февральской революции представители всех общероссийских партий в регионе отметились рассуждениями, близкими к высказыванию лидера левых эсеров Н.И. Черневского о том, что «…мусульмане еще не доросли до автономии, не удержат всех завоеваний революции и придут к нам сами» [12. С. 119], сделанного уже после Октябрьского переворота. Местное отделение РСДРП(б) хоть и не выступало со столь категоричными заявлениями, но, несомненно, разделяло эти стереотипы, тем более что партия после прихода к власти начала активно пополняться представителями русской общины региона, стремившимися остаться на руководящих позициях.

Именно как продолжение колониального правления, как вызов планам национального самоопределения Туркестана и были восприняты решения III съезда советов Туркестанского края. Как представляется, до съезда советов национальные организации занимали выжидательную позицию, и существовала вероятность поддержки советской власти с их стороны, так как им импонировала национальная риторика Ленина. Но решения съезда стали точкой размежевания автономистского движения с советской властью. В обстановке политической нестабильности и неясности перспектив советской власти, так как большинство политических сил края осудило захват власти большевиками, лидеры автономистского движения, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, решили реализовать свой проект автономии Туркестана.

Менее чем через две недели, 27 ноября 1917 г., в Коканде собрался IV съезд мусульман, принявший

известную резолюцию: «Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоуправлению на началах, возвещенных великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с федеративной демократической российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестана Учредительному собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены» [11. Л. 17]. На следующий день съезд избрал Временный народный совет автономного Туркестана в составе 32 человек, по количеству мест, выделенных Туркестану в Учредительном собрании. Из состава народного совета было сформировано временное правительство под председательством М. Тынышпаева в количестве 12 членов, 4 из которых должны были представлять европейскую общину. Так как Ташкент находился под контролем большевиков, новое правительство сделало местом своего пребывания г. Коканд, отсюда второе название Туркестанской автономии – Кокандская автономия. В регионе сложилось формальное двоевластие.

Провозглашение автономии и создание временного правительства стали максимальной точкой развития национального автономистского движения коренного населения края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения[2], были фактически исчерпаны. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана Кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния (армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения), не смогло перехватить политическую инициативу в свои руки[3]. То, что национальная политическая элита уже после Октябрьского переворота в Петрограде и Ташкенте при слабости вышеуказанных факторов решилась на провозглашение автономии и создание правительства, можно объяснить, на наш взгляд, высокой мобилизационной особенностью идеологии национализма.

После провозглашения местными националистами автономии СНК Туркестана обратился за директивами в центр. Однако центральное советское правительство само находилось в сложных условиях выживания и решения вопроса о выходе России из Первой мировой войны. В этой связи нарком по делам национальностей И.В. Сталин в своем ответном послании отметил: «Вы сами власть на местах, сами должны вырабатывать директивы» [5. С. 209]. На IV съезде советов Туркестана (19–26 января 1918 г.) большевистская фракция впервые определила свою позицию по вопросу автономии. Председатель Ташкентского горкома РКП(б) И.О. Тоболин отметил, что партия не против автономии, но она должна иметь пролетарский характер. При этом большинство делегатов съезда проголосовали за ликвидацию Кокандской автономии. В условиях разгорающейся в стране Гражданской войны судьба Туркестанской автономии была предопределена, ее ликвидация была лишь вопросом времени. Повод к военной ликвидации национального правительства в Коканде дали сами автономисты, попытавшись в ночь с 29 на 30 января захватить крепость Коканда и другие стратегические объекты города. Попытка не удалась, а Совет рабочих и солдатских депутатов Коканда отправил телеграммы в Ташкент и другие города Ферганской области с просьбой о помощи. Первым в Коканд прибыл военный отряд из Скобелева под командованием К.П. Осипова[4], через три дня стали прибывать войска из Ташкента. В контексте характера межнациональных отношений в крае показательно, что выступление автономистов в Коканде было воспринято русскими по составу городскими советами как выступление мусульман против русских. В свою очередь, сопротивление, оказанное сторонниками правительства Туркестанской автономии в Коканде, приняло статус газавата, священной войны против неверных. В результате ликвидации правительства Туркестанской автономии борьба за национальное самоопределение Туркестана на несоветской основе переходит от модернизированной местной интеллигенции к представителям традиционных групп местного общества в лице командиров басмаческих отрядов и приобретает военный характер.

Специфика начального этапа становления советской власти в Туркестане, помимо национальных особенностей региона, определялась тем, что с декабря 1917 г. по сентябрь 1919 г. он был фактически отрезан от центральной части России вследствие начала гражданской войны и захвата Оренбурга войсками атамана Дутова, а затем Колчака. Поскольку связь с центральным правительством в этих условиях была нерегулярной, местный СНК вынужден был решать задачу сохранения советской власти самостоятельно, исходя из собственных представлений о мерах ее укрепления. В последующем член Турккомиссии Г. Сафаров определит этот период как «полосу совершенно самобытного развития советской власти в Туркестане» [12. С. 118]. Для этого «самобытного периода» было характерно обострение межнациональных отношений в регионе, в первую очередь вследствие того, что декларируемые советской властью принципы расходились с реальной политикой советских органов на местах, колониальной по своему содержанию, дискриминационной в отношении коренного населения. Документы как органов советской власти, так и ее оппонентов содержат многочисленные свидетельства нарушения прав или попросту откровенного грабежа мусульманского населения со стороны руководства городских Советов, красноармейцев и русских крестьян [13. Л. 104–109; 14. С. 244, 247–249]. Ярким свидетельством подобной политики стало использование советами армянских дашнакских дружин[5], которые участвовали в ликвидации правительства Кокандской автономии и в последующем контролировали ситуацию в ряде городов Ферганской долины. Дашнаки, помимо прочего, использовали сложившуюся политическую конъюнктуру в регионе как возможность отомстить мусульманскому населению за погромы и геноцид армянского народа в Османской империи. Подобные действия со стороны органов со-

ветской власти естественно приводили к росту численности и активности басмаческого движения, недоверию к советской власти со стороны местного туземного населения. С позиции разработчиков национальной политики большевиков, Ленина и Сталина, быстро осознавших вызовы советской власти, исходящие от национальной проблемы, такая ситуация в крае была нетерпимой.

Действительно, провозглашение в ноябре–декабре 1917 г. в ряде мусульманских регионов России национальных автономий и создание национальных правительств свидетельствовали о популярности идеи национального самоопределения и в условиях гражданской войны не могли не беспокоить советское правительство, заставляя переходить от деклараций к конкретным практическим шагам в решении национального вопроса. Ликвидация военным путем правительства Туркестанской автономии не укрепила автоматически советскую власть в регионе, а наоборот, породила новую угрозу в лице басмаческого движения. Центральное советское правительство решило взять на себя инициативу в провозглашении национальных автономий, лишив, таким образом, национальную несоветскую элиту монополии на разработку национальных проектов. На III Всероссийском съезде советов в январе 1918 г. Российская советская республика была преобразована в федеративную. Это создало правовые основания для внедрения советских вариантов национальной автономии, и Туркестан стал первым регионом, где она была провозглашена.

В апреле 1918 г. И. Сталин в письме к СНК Туркестанского края дал разъяснение позиции Москвы по вопросу института автономии. В частности, он отметил: «Некоторые советы на местах решили ввиду этого (того, что носителями идеи автономии выступали национальные буржуазные круги. – *Авт.*) отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая разрешение национального вопроса путем оружия, но этот путь совершенно непригоден для советской власти, этот путь способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов, а верхи эти выставить спасителями родины, защитниками нации, что ни в коем случае не входит в расчеты советской власти. Не отрицать автономию, а признавать ее является очередной задачей советской власти» [15. С. 76]. По сути, Сталин, говоря его же словами, предлагал взять уже известную «форму» автономии и наполнить ее новым советским, классовым содержанием, где власть выражала бы интересы местного национального пролетариата. В этой связи в обращении содержалось указание привлекать к работе «революционные элементы» самоопределяющихся народов, содействовать сближению местного населения с советской властью.

Для оказания организационной помощи в правовом оформлении советской автономии СНК РСФСР направил в край группу работников Наркомнаца во главе чрезвычайным комиссаром П.А. Кобозевым. 30 апреля 1918 г. V съезд советов Туркестанского края принял «Положение» об образовании Туркестанской Советской Федеративной республики в составе РСФСР. Новым и значимым моментом для последующего процесса национально-государственного развития региона стало то, что статус советской автономии в Туркестане был определен как республика. В идейно-политических построениях туркестанских автономистов после Февральской революции административный статус автономии края не был четко определен, кроме того, что она должна быть национально-территориальной [14. С. 187]. Большевики, стремясь подчеркнуть народный характер своей власти, смелее использовали исторически сложившиеся политические формы народного представительства. Институт республики как форма правления независимого государства был призван продемонстрировать фактически максимальное воплощение права на самоопределение. В этом отношении решение центрального советского правительства провозгласить в национальных мусульманских регионах ряд автономных республик имело большое значение в процессе разработки национальной политики большевиков, оно свидетельствовало о том, что новая власть переходит от заявлений к конкретным шагам по решению национального вопроса.

Республиканская форма автономии задавала и организацию власти согласно принципу разделения властей. Высшим постоянным законодательным органом Туркреспублики стал Центральный исполнительный комитет (ЦИК), который возглавил П.А. Кобозев, исполнительная власть оставалась за Советом народных комиссаров (СНК) под председательством Колесова. Однако вопрос распределения властных полномочий между автономной республикой и центром требовал более детальной проработки, и по предложению Ленина в Москву была направлена специальная комиссия. С провозглашением автономной республики было решено создать в Туркестане и свою национальную коммунистическую партию, первый съезд которой прошел в июне 1918 г. Но изменения касались, по сути, только названия, в остальном Коммунистическая партия Туркестана сохраняла статус отделения РКП(б) и в своих действиях должна была выполнять указания центральных органов партии. Как на V съезде советов, так и на I съезде КПТ лейтмотивом выступлений и решений являлась задача активизации работы среди мусульманского пролетариата с целью вывести его из-под влияния национальной буржуазии и привлечь на сторону советской власти. Эту задачу актуализировали Гражданская война и возникновение очагов антисоветских выступлений на территории самой ТуркАССР: в Закаспийской области, в Семиречье, в Ферганской долине. Уже на V съезде советов Туркестана Кобозев, получив место председателя президиума съезда, заставил включить в последний нескольких мусульман. Благодаря ему 9 из 37 членов ТуркЦИКа и 4 из 16 членов Совнаркома являлись мусульманами [6. С. 212].

В октябре 1918 г. по инициативе Ленина было создано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б) для проведения организационно-политической, пропагандистской и агитационной работы среди мусульманских коммунистов. В Туркестане по аналогии с центром была создана сеть уездных и областных мусульманских бюро под общим руководством Краевого Мусбюро при Крайкоме КПТ. В пол-

номочия Мусбюро, помимо проведения организационно-агитационной работы среди мусульманской части партии, входило «наблюдение за деятельностью Комиссариата по делам национальностей и других советских органов в смысле правильного проведения коммунистической программы в части, касающейся мусульман» [16. Л. 41]. Краевое Мусбюро возглавил Турар Рыскулов. Мусбюро стали первым организационным шагом по работе с местным туземным населением и включению его в систему советских партийных и государственных органов.

Провозглашение автономной советской республики в Туркестане свидетельствовало о понимании лидерами большевистской партии необходимости учитывать и реагировать на национальные требования коренного населения. Решения VIII съезда РКП(б), прошедшего в марте 1919 г., ставили перед партией задачу борьбы с проявлениями «великодержавного национализма» в отношении «угнетенных наций», дабы заслужить их доверие к советской власти [17]. Решая задачу укрепления советской власти в мусульманских регионах России и продвижения социалистической революции дальше на Восток, В.И. Ленин волне закономерно на первый план вывел деколонизационную составляющую в национальной политике партии. Задачи РКП(б) применительно к ситуации в Туркестане были доведены до ЦИК Туркреспублики и Крайкома КПТ радиограммой от 12 июля 1919 г. В ней отмечалось: «…на основании принятой VIII съездом программы компартии… необходимо широкое пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надеемся, что передовой революционный кадр Туркестана, русский пролетариат, исполнит свой революционной долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели...» [16. Л. 75]. Вместе с тем приходится констатировать, что в самом Туркестане заявленный курс центрального советского руководства во многом так и оставался до конца 1919 г. на уровне деклараций, не находил понимания со стороны местных русских коммунистов. Факты дискриминации коренного населения, и не только имущих классов, о которых говорилось ранее, попрежнему имели широкое распространение. Подобная ситуация не отвечала установкам национальной политики, диктуемым Москвой.

Поэтому, как только у руководства РКП(б) появилась возможность усилить контроль центра за принятием решений в Туркестане в связи с разгромом в сентябре 1919 г. войсками туркестанского фронта РККА армии Колчака и прорывом блокады Туркестана, оно решило направить в регион Комиссию по делам Туркестана[7] с целью выработки мер для укрепления советской власти. Решение поставленной задачи в условиях Туркестана было напрямую связано с урегулированием национального вопроса, который включал следующие составляющие: более четкое правовое определение статуса автономии и компетенций органов Туркреспублики в ее взаимоотношениях с федеральными властями, принципы организации Коммунистической партии Туркестана, обеспечение коренному населению доступа к земле и воде, борьба с басмачеством. В рамках статьи мы остановимся на партийно-государственном направлении работы Турккомиссии, довольно показательном для анализа эволюции подходов большевиков к решению национального вопроса.

Ко времени приезда Турккомиссии в Ташкент в ноябре 1919 г. партийная организация РКП(б) несла на себе отпечаток колониальной структуры общества имперского периода. Коммунистическая партия Туркестана включала в себя три структуры, слабо взаимодействующие друг с другом: Крайком РКП(б), Крайком иностранных коммунистов и Мусбюро. Прошедшие в период с мая 1919 г. по февраль 1920 г. три краевые конференции мусульманских организаций КПТ свидетельствовали об усиливающемся недовольстве коммунистов-мусульман политикой руководящих органов партии и республики в отношении коренного населения, которая оценивалась как колониальная [Там же. Л. 57]. Резолюции конференций отразили тот факт, что в партии складывается политически активная группа коммунистов во главе с председателем Мусбюро Тураром Рыскуловым, готовая отстаивать национальные интересы широких слоев коренного населения и его представительство во власти.

Установки Москвы стали основанием для открытой критики Рыскуловым курса Крайкома КПТ и выдвижения своей программы решения национального вопроса. В докладе на III краевой конференции мусульманских коммунистических организаций в феврале 1920 г. Т. Рыскулов подчеркнул, что «туркестанские партийные организации не поняли тех задач, которые стоят перед партией пролетариата на Востоке… Необходимо устранить систему колонизации, практиковавшуюся во времена царизма, что страшно осложняет национальный вопрос. До сих пор в Туркестане единой партии нет… Крайком не имеет влияния на мусульманские массы. Последние подчиняются исключительно Мусбюро. Если мы хотим осуществить наши идеалы на Востоке, мы должны изменить наше отношение к коренному туземному населению, должны вызвать их веру в нас» [Там же. Л. 111]. Рыскулов выступил с предложением устранить сложившееся организационное деление партии по национальному принципу и объединить все коммунистические организации в Туркестане в единую партию под общим руководством ЦК РКП(б), закрепив за ней название Коммунистической партии тюркских народов Туркестана [Там же. Л. 116]. В части национально-государственного строительства он подчеркнул, что в ТуркАССР самоопределяющимся народом является тюркский народ, поэтому республика должна именоваться Тюркской советской республикой РСФСР [18. Л. 19–20]. Путем преобразования партии и в перспективе республиканских органов на национальной основе Рыскулов считал возможным устранить колонизаторские пережитки в управлении краем,

преодолеть ущемление политических прав коренного населения [19]. Рыскулова, как и многих политических деятелей Востока, привлекала в коммунизме и политике РКП(б) в первую очередь антиколониальная составляющая и уже потом социальные преобразования. Не менее важной причиной, по его мнению, являлось то, что Туркестан мог и должен был стать показательной витриной строительства социализма в восточном обществе и в этом качестве стать авангардом продвижения мировой социалистической революции на Восток. Показательно, что члены Турккомиссии Ш. Элиава и В.В. Куйбышев, присутствовавшие на V конференции КПТ (18 января 1920 г.) и III краевой конференции мусульманских организаций, поддержали предложения Рыскулова. Они не увидели в них противоречия установкам РКП(б) на максимальное привлечение в ряды партии трудящихся масс коренного населения. В итоге конференции утвердили программу Рыскулова, а он сам после роспуска Мусбюро возглавил единый Крайком КПТ и Туркестанский Центральный исполнительный комитет.

Использование Рыскуловым именно тюркской идентичности как критерия преобразований в партии и системе управления республики свидетельствовало, что более частная по отношению к тюркской этническая идентичность, положенная впоследствии большевиками в основу национально-территориального размежевания в Центральной Азии, еще не воспринималась местной политической элитой как критерий национального самоопределения [20. С. 179; 21. С. 138]. Не случайно, стремясь обосновать право коренного населения формировать партийные и республиканские органы, дабы придать автономии Туркестана истинно национальный характер, Т. Рыскулов реанимировал уже оформленный в свое время джадидами концепт тюркской общности, к которой принадлежало большинство населения республики, как своего рода аналог нации. Рыскулов попытался реализовать национальный проект Тюркской республики, обосновывая его коммунистической риторикой и идеалами. Например, проект Тюркской советской республики позиционировался им как *интернациональный*, так как в ее границах в перспективе могли объединиться трудящиеся всех тюркских народностей, на текущий момент даже не входящих в состав РСФСР [18. Л. 19–20]. Таким образом, границы республики могли быть шире уже провозглашенной ТуркАССР.

Однако именно национальный, «тюркский» принцип преобразования партии и республики вызвал возражения остальных членов Турккомиссии, в первую очередь М.В. Фрунзе, а в последующем и Политбюро ЦК РКП(б). Как представляется, Фрунзе, являясь председателем Реввоенсовета Туркфронта, оценивал ситуацию в Туркестане через призму военно-политических и государственных интересов Советской России. Туркестан он рассматривал как приграничную территорию в контексте существующих здесь внутренних и внешних угроз. Тюркская составляющая предложений Рыскулова была близка пантюркизму, являвшемуся идейной основой разгромленной большевиками Туркестанской автономии и возникшего после этого басмаческого движения. А басмачи воспринимались командованием Туркфронта не иначе как агенты английского империализма [22. Л. 44 об.]. К проявлениям национализма в руководстве РКП(б) было осторожное и противоречивое отношение из-за его надклассовой природы. В этом свете идея преобразования Туркестанской АССР в Тюркскую советскую республику при слабости позиций советской власти и объективной узости ее социальной базы среди коренного населения была воспринята М. Фрунзе как угроза интересам Советской России в регионе. На следующий день после прибытия в Ташкент, 23 февраля 1920 г., на заседании Турккомиссии он подверг критике решения конференций и позицию Куйбышева и Элиаве, поддержавших их. В резолюции заседания Турккомиссии отмечалось, что поднятую «националистическую шумиху как нельзя лучше могут использовать наши враги, а главным образом Англия» [23. С. 91]. В результате Турккомиссия признала решения конференций недействительными, в Москву была направлена только рекомендация о создании единой партии путем объединения трех партийных центров в единый ЦК коммунистической партии Туркестана при сохранении установки на привлечение в ряды КПТ коренного мусульманского населения.

Вместе с тем реальная власть в вопросах управления Туркестанской АССР и КПТ сосредоточилась в руках Турккомиссии и Реввоенсовета Туркфронта. Крайком КПТ и ТуркЦИК, где хоть и была увеличена доля коммунистов из числа коренного населения, не имели свободы в принятии решений, находясь под «опекой» Турккомиссии. Такая ситуация воспринималась Т. Рыскуловым и его сторонниками как нарушение автономии Туркестана. Пытаясь отстоять свое видение организации власти в ТуркАССР, Рыскулов решил напрямую обратиться в Политбюро ЦК РКП(б). В мае 1920 г. Ш. Элиаве и Я. Рудзутак были вызваны в Москву для обсуждения ситуации в Туркестане. В этой связи ТуркЦИК принял решение направить в Москву так называемую Турклелегацию в составе Т. Рыскулова, Н. Ходжаева, Грух-Иванова.

25 мая 1920 г. члены Турклелегации встретились с Лениным и представили ему свой проект задач партии в Туркестане. Общий знаменатель предложений Рыскулова – обеспечить реальную автономию государственным органам Туркреспублики в лице ТуркЦИКа и Турксовнаркома и доступ к руководящим должностям представителям коренного мусульманского большинства населения. В этой связи выдвигалось требование о ликвидации Турккомиссии как ненужной «надслойки» в управлении республикой и комплектовании частей Красной Армии в Туркестане только из коренного населения [24. Л. 8]. При этом проект Турклелегации не включал предложений относительно решения каких-то социально-экономических проблем Туркестана. Это подтверждает сложившуюся в историографии оценку коммунистов из мусульманских тюркоязычных регионов России, которые в своей деятельности руководствовались принципом, что «в колониальном обществе интересы социальной революции должны быть подчинены задачам его национального самоопределения и культурного возрождения» [6. С. 213]. Учитывая негативную реакцию

Турккомиссии и рекомендации центральных органов по вопросу переименования партии и республики на основе тюркской идентичности, Рыскулов не высказал их напрямую в своем проекте. Однако в развернутой преамбуле проекта он критиковал русскоязычных работников (а по сути, Турккомиссию) за то, что они пытаются создать искусственное впечатление о «существующем антагонизме между узбеками, киргизами и туркменами, расчленить их друг от друга» [24. Л. 4].

После ознакомления с докладом Турделегации Ленин рекомендовал ЦК РКП(б) взять за основу будущего положения о задачах партии в Туркестане проект Турккомиссии. Политическое самоопределение Туркестана на основе тюркской и мусульманской идентичности в сочетании с передачей местным властям контроля над армией, что всегда входило в полномочия центральной власти, не встретили понимания со стороны вождя партии. Следует отметить, что в это же время со схожими идеями о создании тюркской советской республики выступили лидеры татарской и башкирской элит в составе РКП(б) М. Султан-Галиев и А. Валидов, что позволяет говорить о складывании в партии в начале 1920-х гг. национал-коммунистического течения. Перспектива создания единой республики тюркских народов, весьма обширной по территории, была воспринята Лениным как угроза советскому влиянию в тюркоязычных регионах и территориальной целостности РСФСР. Близость идей мусульманских коммунистов идеологии пантюркизма делала ее очень сомнительной в глазах руководства партии.

Вместе с тем доводы Турделегации о сохраняющейся дискриминации в отношении коренного населения лишний раз убедили Ленина в необходимости расширять социальную базу партии путем решения социально-экономических противоречий в регионе. «Ликвидация отношений недоверия, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате десяти с лишком летней империалистической политики Российского самодержавия» выдвигалась в качестве приоритетной цели в положении «О задачах РКП(б) в Туркестане», утвержденном 29 июня 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В целях ликвидации национальных противоречий предлагалось осуществить передел земли и вернуть часть киргизскому населению, оставив русским переселенцам участки в размере трудового надела, а также «откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом» [25. С. 433].

В решении других составляющих национального вопроса в Туркреспублике большевистское руководство осталось на прежних позициях. За партией сохранялось название «Туркестанская коммунистическая партия». Турккомиссия сохранялась как представительство ВЦИК, решающее в республике вопросы управления, закрепленные за федеральной властью: внешние сношения, внешняя торговля, военное дело [Там же. С. 434]. По рекомендации Ленина членам Турккомиссии вменялось в обязанность регулярно взаимодействовать и консультироваться с ТуркЦИК и ТуркСНК, чтобы повысить значимость последних в глазах местной партийной элиты, создать видимость их самостоятельности. На практике, в условиях однопартийного режима, когда КПТ сохранила лишь статус областного отделения РКП(б), в процессе принятия решений в республике сохранился примат центральных органов и их представительства.

Именно в процессе разработки «Положения о задачах партии в Туркестане» В.И. Ленин в поправках к его проекту внес свою известную рекомендацию: составить карту (этнографическую и пр.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению; детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей [25. С. 436]. Это указание можно считать отправной точкой подготовки большевиками национально-территориального размежевания Центральной Азии, определившего контуры современной политической карты региона. Но, что показательно, уже в предложениях Турккомиссии, представленных на рассмотрение Политбюро, содержалось положение о созыве съезда советов узбекских, киргизских и туркменских трудящихся для обсуждения вопроса о возможности национального самоопределения в форме автономных республик. Это дает основание предположить, что уже на уровне Турккомиссии сложилось представление о целесообразности в свете интересов партии и советской власти найти и опереться в национальном строительстве на иные, чем тюркский, уровни идентичности. Можно сказать, что предложения Рыскулова стали одним из факторов, обусловивших поворот руководства РКП(б) к этно-террито-риальным критериям национального строительства в Центральной Азии, позволившим впоследствии создать более мелкие по сравнению с проектом Тюркской республики и подконтрольные центру советские республики.

В свете продолжающейся Гражданской войны в России, широкого размаха басмаческого движения в Туркестане и слабости позиций советской власти в регионе от немедленных шагов по национальному размежеванию Туркреспублики было решено отказаться. Серьезным ограничителем советской политики в Туркестане являлась немногочисленность идейно подготовленных кадров, лояльных советской власти. Отчеты в Москву членов Турккомиссии и работников республиканского аппарата управления повсеместно отмечают слабый состав советов и партийных ячеек на местах, который не выдерживали критики ни с классовой, ни с национальной, ни с профессиональной точки зрения. М. Фрунзе и в Куйбышев во время обсуждения в Политбюро ЦК РКП(б) политики в Туркестане писали Ленину о преждевременности создания национальных республик на месте Туркреспублики, так как на текущий момент нет достаточных сил для обслуживания даже единого Туркестана [18. Л. 40]. Состав Турккомиссии за период ее существования также неоднократно менялся по причине востребованности ее членов на других фронтах работы. Так, в связи с выездом из пределов Туркестана членов Турккомиссии Элиавы и Рудзутака и предстоящим отъездом Фрунзе Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г. утвердило новый состав Турккомиссии.

Отклонение Политбюро ЦК РКП(б) проекта Рыскулова как основы национальной политики в регионе

поставило перед Турккомиссией задачу устранения «группы Рыскулова» с руководящих постов в руководстве республикой. Его взгляды были официально определены как проявление «буржуазного национализма» [26. Л. 22], эта оценка затем перекочевала в советскую историографию, в которой его проект интерпретировался как «пантюркистско-националистический» [1. С. 219]. Поскольку Турар Рыскулов не согласился с характером предъявленных ему претензий и продолжал отстаивать свои позиции, Турккомиссия 10 июля 1920 г. распустила лояльный ему Крайком КПТ и создала Временный ЦК КПТ во главе с Н. Тюракуловым. Рыскулов был отозван в Москву. В течение лета весь советский аппарат и все партийные комитеты и ревкомы в ТуркАССР были переизбраны. В результате Москва окончательно установила монополию на разработку и трактовку подходов к построению советской власти и решению национального вопроса в регионе. Окончательную позицию партии относительно инициатив мусульманских коммунистов определил X съезд РКП(б), прошедший в марте 1921 г. Съезд осудил антипартийные уклоны в национальном вопросе: великодержавный (великорусский) шовинизм и местный национализм, как вредные и опасные для коммунизма и пролетарского интернационализма [27. С. 404]. Вместе с тем великодержавный шовинизм определялся как главная опасность для реализации задач партии в национальном вопросе, в Туркестане борьба с ним приняла форму кампании по борьбе с колонизаторством.

Решительная борьба с колонизаторством в партии осуществлялась под руководством Турккомиссии с весны 1920 г. Чистка партии проходила в форме смещения с должностей русскоязычных руководителей и, как правило, их перевода на работу в другие регионы РСФСР. При этом Турккомиссия в отчете в центр справедливо указывала, что высылка коммунистов, зараженных колонизаторством, натолкнется на полное отсутствие подготовленных работников из местного населения. Укрепление советской власти в регионе объективно требовало создания лояльной и идеологически подготовленной элиты из коренного населения. Воплощением этого курса стало включение в декабре 1921 г. в Туркбюро ЦК РКП(б) коммунистов-мусульман – Н. Тюрякулова, А. Рахимбаева и К. Атабаева. Как отмечает А. Халид, представители новой советской туркестанской элиты, как правило, заканчивали русско-туземные школы и вступили в партию в 1918 г. или позже, однако они недолго продержались на своих постах. До национально-территориального размежевания границ Средней Азии в 1924–1925 гг. во властных структурах Туркреспублики постоянно происходили кадровые рокировки и перетряски, ибо центр не был удовлетворен революционной сознательностью ответственных работников-мусульман. Поэтому, несмотря на то, что формально ТуркЦИК и ЦК КПТ неизменно возглавлялись представителями коренных народов, европейцы продолжали доминировать на среднем и низшем уровнях [6. С. 221]. Кампания борьбы с колонизаторством среди русского населения республики вышла за рамки чистки партийных и государственных органов и приобрела форму выселения русских крестьян во время проведения земельной реформы в 1921 г. в Семиречье в интересах коренного, преимущественно казахского, населения (см. подробнее о реформе: [28]). Важной составляющей работы Турккомиссии являлась подготовка и последующее законодательное утверждение нового проекта положений, определяющих пределы Туркестанской автономии во взаимоотношениях с центром. Первая Конституция ТАССР, принятая VI съездом советов Туркреспублики в ее условиях оторванности от РСФСР, слишком широко (с учетом Конституции РСФСР), по мнению большевистского руководства, трактовала права автономии. Делегация ТуркЦИКа, прибывшая летом 1918 г. в Москву для разработки Конституции, уже исходила из принципа децентрализации в распределении полномочий между федеральным центром и автономной республикой. Ее проект включал право свободного выхода из состава РСФСР, право осуществлять собственную внешнюю политику, а военная сфера должна была контролироваться коллегией, составленной из двух представителей Туркестана и одного представителя центра. Но в сформулированных делегацией тезисах об автономии «напрочь отсутствовали какие-либо ссылки на национальные особенности края, т.е. автономия задумывалась на чисто территориальных и административных условиях» [6. С. 220]. Предложенный делегацией ТуркЦИКа проект уже тогда вызвал возражения Президиума ВЦИК, но переговоры остались незавершенными из-за развернувшейся гражданской войны. Следует отметить, что, являясь приграничной территорией и будучи оторванной от европейской части России фронтами Гражданской войны, Туркреспублика в ряде случаев самостоятельно осуществляла внешнеполитическую деятельность в период 1918–1919 гг. Система комиссариатов республики включала Комиссариат по иностранным делам, который занимался широким кругом в основном консульских вопросов [29]. С приездом Турккомиссии руководство внешнеполитической работой перешло к ней, и комиссариат был упразднен.

Для большевиков федерация представляла переход от насильственной интеграции народов, проводимой российскими имперскими властями, к свободно выраженной воле рабочих масс к объединению с целью создать в будущем социалистический унитаризм [30. С. 231]. Подобно автономии федерация как форма государственного устройства играла важную демонстрационную роль в реализации целей национальной политики РКП(б), но этой форме большевики придавали свое унитарное содержание. Именно в русле этого подхода Турккомиссия должна была подготовить положение о характере автономных прав ТуркАССР и обеспечить ему поддержку со стороны местной советской политической элиты. В марте 1920 г. комиссия представила на рассмотрение ЦК РКП(б) соответствующий проект. Согласно ему к исключительной компетенции федеральных органов власти относились вопросы внешней политики, обороны и внешней торговли; к вопросам совместного управления – транспорт, почта, телеграф, финансы, но все декреты федеральной власти, касающиеся этих комиссариатов,

распространялись на Туркестанскую республику. Остальные вопросы оставались в компетенции ТукрЦИК и ТуркСНК. Как уже отмечалось, в конце июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложения Турккомиссии. После чистки КПТ и советских органов в рамках кампаний по борьбе с колонизаторством и национальным уклоном, устранения внутрипартийной оппозиции действиям Турккомиссии новая Конституция Туркестанской Советской Социалистической республики без проблем была утверждена 24 сентября 1920 г. IX Всетуркестанским съездом советов. 11 апреля 1921 г. скорректированный статус автономии Туркреспублики получил окончательное нормативное закрепление декретом ВЦИК. В результате советская национальная автономия Туркестана лишилась каких-либо признаков политической самостоятельности, будучи сведена до решения культурных и отчасти хозяйственных вопросов.

После прихода к власти большевиков национальная политика была подчинена задаче сохранения и укрепления советской власти. Ее результативность во многом была обусловлена тем, что благодаря политической гибкости и прагматизму Ленина партия не стала заложницей своих теоретических схем в национальном вопросе, а начала их корректировать, повышая значимость национального фактора по отношению к классовому, что демонстрирует решение национального вопроса в Туркестане в первые годы становления советской власти. В то же время центральному руководству РКП(б) приходилось преодолевать сильную инерцию колониальных стереотипов и подходов к организации управления местных руководителей республиканских и партийных органов, не разделявших установку на привлечение коренного населения к управлению. Большевистскому руководству удалось при помощи Турккомиссии создать приемлемую на тот момент для советских государственных интересов модель национальной автономии Туркестана, а также начать процесс складывания лояльной новой власти коренной национальной элиты. Значимая роль Турккомиссии в проведении национальной политики в Туркестане заключалась в том, что она смогла перехватить инициативу и сформулировать ответ на вызов со стороны местной партийной элиты во главе с Т. Рыскуловым, выступившей за организацию партии и республики на тюркской основе и расширение прав автономии. Советской России предпочтительнее было направить процесс национальной консолидации не по пути политического оформления тюркской нации, поощряя распространенные среди мусульманских коммунистов настроения пантюркизма, а в направлении этнокультурного самоопределения населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С лета 1917 г. в городах Туркестанского края при поддержке Шурои-исламия и Улема-джамияти стали возникать организации трудовых мусульман – «Иттифак». Самаркандская организация «Иттифак» на заседании 7 ноября 1917 г. определила свою позицию по факту захвата власти большевиками в соответствии с позицией национальных организаций, отметив: «Власть в Туркестане должна быть конструирована не Советом рабочих и солдатских депутатов, имеющим за собой ничтожную часть населения края, а согласно желаниям мусульманского большинства, которое развернет свои национально-политические требования в Учредительном собрании» [3].

[2] На март 1918 г. правительство Туркестанской автономии назначило выборы в местное Учредительное собрание.

[3] В начале 1918 г. СНК Туркестана смогло провести реквизицию из банков денежных средств правительства Кокандской автономии и лиц, его поддержавших. Было реквизировано около 9 млн руб. Эти действия вызвали кризис во временном правительстве, которое было обвинено пострадавшими деловыми кругами в бездействии. В итоге в правительстве произошли кадровые перестановки, пост главы правительства занял Мустафа Чокаев, обещавший проводить более решительную политику.

[4] Осипов К.П. – (1896 – ?), член РСДРП(б) с 1913 г., после того как отличился в подавлении правительства Туркестанской автономии, был назначен военным комиссаром Туркреспублики. В январе 1919 г. группа бывших царских офицеров и туркестанских коммунистов, недовольных назначением на многие руководящие посты работников из центра, подготовила мятеж в Ташкенте, целью которого было свержение советской власти. Осипов возглавил мятеж и провозгласил себя военным диктатором. В ходе мятежа были убиты 14 советских комиссаров, почти все туркестанское правительство. После подавления мятежа Осипов присоединился к одному из руководителей басмаческого движения Мадамин-беку.

[5] Дашнаки – члены армянской национальной партии Дашнакцутюн, филиалы которой действовали в Туркестане в среде армянской диаспоры. После Октябрьской революции дашнаки поддержали новую власть. Боевые отряды дашнаков на протяжении 1918 г. от имени советской власти осуществляли реквизиции продовольствия и национализацию хозяйства мусульманского населения Ферганской долины.

[6] Комиссия по делам Туркестана была создана постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1919 г. В нее вошли Ш.З. Элиава (председатель), В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе, Ф.И. Голощёкин, Г.И. Бокий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордиенко А.А. Образование Туркестанской АССР. М., 1968.
2. Нуруллин Р.А. Советы Туркестанской АССР в период гражданской войны. Ташкент, 1965.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1475.
4. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция. М., 2004.
5. Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2005.
6. Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005.
7. Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
8. Размахов К.Е. Создание советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 44.
9. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 39–41.
10. Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока // Декреты Советской власти. М., 1957. С. 113–115.
11. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.
12. Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Reprint. Oxford, 1985.
13. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 311.

14. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Барнаул, 2016.
15. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441.
17. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) : принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. URL: http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm (дата обращения: 22.02.2016).
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 79.
19. Арапов А. Крах проекта Тюркской советской республики 1919–1920 гг. URL: http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1336816380 (дата обращения: 22.02.2017).
20. Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб., 2007.
21. Вишневский А. Центральная Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2.
22. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 129.
23. Акрамов А., Авлиякулов К. В.И. Ленин, Турккомиссия и укрепление советской власти в Средней Азии. Ташкент, 1991.
24. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14099.
25. Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41.
26. РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.
27. Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 5.
28. Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1.
29. Сарсенбаев М.А. Международное право в истории Казахстана и Средней Азии. URL: http://bibliotekar.kz/mezhdunarodnoe-pravo-v-istorii-kazahstan/-2-mezhdunarodno-pravovye-otnoshenija-tu.html (дата обращения: 23.10.2017).
30. Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

THE "NATIONAL QUESTION" AND THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN TURKESTAN (1917–1921)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 100–110.
DOI: 10.17223/15617793/429/12

Irina B. Bochkareva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: portnygina@yandex.ru
Yulia A. Lysenko, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iulia_199674@mail.ru

Keywords: Bolsheviks; national question; Turkestan; autonomy republic; Turkestan Commission of All-Russian Central Executive Committee.

When the Bolsheviks seized power, they faced the growth of national consciousness in all the national regions of Russia and the desire of local political elites to raise the political status of their regions. Turkestan is an illustrative example for analyzing the formation of Soviet power in the Asian region of Russia directly associated with the solution of the national question. The article describes the national policy development of the RCP(b) in Turkestan on the example of the implementation by Bolsheviks of the main indigenous national elite demand – national autonomy, but in the form of the Soviet Republic. A crucial event in the solution of the national question in the region was the Turkestan Commission arrival in the early 1920s, which indicated the establishment of Moscow's control over the actions of local authorities. Until that time, the nature of the Soviet regime in Turkestan was the actual continuation of the Imperial colonial rule. In conclusion, one can see that the Bolsheviks national policy was subordinated to the task of preserving and strengthening Soviet power. Its success was largely due to the fact that the political flexibility of Lenin, the party was being held hostage to their theoretical schemes by the national question and started to correct the increasing importance of national factors in relation to the class one. At the same time, the Central leadership of the RCP(b) had to overcome the strong inertia of colonial attitudes and approach to governance by local Russian leaders and the republican and party officials who did not join the course on attracting the indigenous population to governance. In the end, Moscow, with the help of the Turkestan Commission, managed to establish acceptable Soviet state interests at that time, the model of national Turkestan autonomy, and begin the formation of indigenous national elites loyal to the new government. Although the Turkestan Autonomous Soviet Republic as a self-determination form of the population of the region was given a class and unitary character, its proclamation in conjunction with other steps of the RCP(b) on the solution of the national question became a factor in the maintainance of the Soviet government. The significant role of the Turkestan Commission in implementing the national policy was the fact that it was able to seize the initiative and to formulate a response to a challenge from the native communist elite headed by Turar Ryskulov, which suggested that the Turkic identity as a national criterion for the transformation of the Republic and of the party from Turkestan to Turkic, and called for greater rights of autonomy. It was preferable for Soviet Russia to guide national consolidation in the direction of ethno-cultural self-determination of the population of the region rather than in the way of the political formation of a Turkic nation, encouraging sentiments of pan-Turkism widespread among the Muslim Communists.

REFERENCES

1. Gordienko, A.A. (1968) *Obrazovanie Turkestanskoy ASSR* [Formation of the Turkestan ASSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Nurullin, R.A. (1965) *Sovety Turkestanskoy ASSR v period grazhdanskoy voyny* [The Soviets of the Turkestan ASSR during the Civil War]. Tashkent: Nauka.
3. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1475. (In Russian).
4. Iskhakov, S.M. (2004) *Rossiyskie musul'mane i revolyutsiya* [Russian Muslims and Revolution]. Moscow: Izd-vo "Sotsial'no-politicheskaya mysl'".
5. Agzamkhodzhaev, S. (2005) *Istoriya turkestanskoy avtonomii* [History of Turkestan autonomy]. Tashkent: Toshkent islom universiteti.
6. Khalid, A. (2005) Turkestan v 1917–1922 godakh: bor'ba za vlast' na okraine Rossii [Turkestan in 1917–1922: the struggle for power on the border land of Russia]. In: Sevost'yanov, G.N. (ed.) *Tragediya velikoy derzhavy: natsional'nyy vopros i raspad Sovetskogo Soyuza* [The tragedy of a great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Izd-vo "Sotsial'no-politicheskaya mysl'".
7. Buttino, M. (2007) Revolyutsiya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdu padeniem tsarskoy imperii i obrazovaniem SSSR [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the tsarist empire and the formation of the USSR]. Translated from Italian by N. Okhotin. Moscow: Zven'ya.
8. Razmakhov, K.E. (2013) Creation of soviet autonomy in Turkestan in 1917–1918. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 9. pp. 44. (In Russian).

9. Politizdat. (1957) Deklaratsiya prav narodov Rossii [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
10. Politizdat. (1957) Obrashchenie k trudyashchimsya musul'manam Rossii i Vostoka [Address to the working people of Moslems of Russia and the East]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Moscow: Politizdat.
11. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1632.
12. Safarov, G. & Bogachov, A.K. (1985) *Kolonial'naya revolyutsiya (opyt Turkestana)* [Colonial revolution (the experience of Turkestan)]. Zhalin.
13. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 122. List 1. File 311. (In Russian).
14. Lysenko, Yu.A. (ed.) (2016) *Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i pervye gody sovetskoy vlasti: dokumenty i izvlecheniya* [Ethnopolitical and ethno-social processes in the Central Asian border lands of Russia during the revolutions of 1917 and the first years of Soviet power: documents and excerpts]. Barnaul: Azbuka.
15. Stalin, I.V. (1947) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1318. List 1. File 441. (In Russian).
17. Agitclub.ru. (n.d.) *Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov): prinyata VIII s"ezdom partii 18–23 marta 1919 g.* [Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks): adopted by the Eighth Party Congress on March 18–23, 1919]. [Online] Available from: http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm. (Accessed: 22.02.2016).
18. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 84. File 79. (In Russian).
19. Arapov, A. (2012) *Krakh proekta Tyurkskoy sovetskoy respubliki 1919–1920 gg.* [The failure of the project of the Turkic Soviet Republic of 1919–1920]. [Online] Available from: http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1336816380. (Accessed: 22.02.2017).
20. Abashin, S. (2007) *Natsionalizmy v Sredney Azii* [Nationalisms in Central Asia]. St. Petersburg: Aleteya.
21. Vishnevskiy, A. (1996) Tsentral'naya Aziya: nezavershennaya modernizatsiya [Central Asia: incomplete modernization]. *Vestnik Evrazii*. 2.
22. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 122. List 1. File 129. (In Russian).
23. Akramov, A. & Avliyakulov, K. (1991) *V.I. Lenin, Turkkomissiya i ukreplenie sovetskoy vlasti v Sredney Azii* [V.I. Lenin, the Turkmens Commission and the strengthening of Soviet power in Central Asia]. Tashkent: Uzbekiston.
24. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 2. List 1. File 14099. (In Russian).
25. Lenin, V.I. (1967–1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 41. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
26. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 640. List 1. File 56. L. 22. (In Russian).
27. Stalin, I.V. (1947) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
28. Genis, V.L. (1998) *Deportatsiya russkikh iz Turkestana v 1921 godu ("Delo Safarova")* [Deportation of Russians from Turkestan in 1921 ("Safarov's Case")]. *Voprosy istorii*. 1.
29. Sarsenbaev, M.A. (2014) *Mezhdunarodnoe pravo v istorii Kazakhstana i Sredney Azii* [International law in the history of Kazakhstan and Central Asia]. [Online] Available from: http://bibliotekar.kz/mezhdunarodnoe-pravo-v-istorii-kazahstan/-2-mezhdunarodno-pravovye-otnoshenija-tu.html. (Accessed: 23.10.2017).
30. Sabol, S. (1995) The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation. *Central Asian Survey*. 14.

Received: 28 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 111–116. DOI: 10.17223/15617793/429/13

УДК 930.1

Л.А. Гаман

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И МОДЕРНИЗАЦИЯ: Н.А. БЕРДЯЕВ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Рассматриваются отдельные аспекты концепции Н.А. Бердяева (1874–1948 гг.) Русской революции 1917 г. Анализируются особенности его исследовательской стратегии, междисциплинарной по своему характеру. Освещаются его представления о некоторых предпосылках, характере и последствиях революции, о факторах, обусловивших ее своеобразие. Рассматриваются теоретические положения Бердяева о советской модернизации. Подчеркивается его стремление учитывать трагический характер и неоднозначность ее последствий.

Ключевые слова: революция; марксизм; менталитет; русская православная церковь; советская модернизация; советский неогуманизм.

Русская революция 1917 г. как одно из ключевых событий XX в., повлекшая за собой глубинные трансформации в России, оказавшая продолжительное многоплановое влияние на систему международных отношений, в немалой степени определившая основные тенденции мирового развития в XX–XXI вв., продолжает вызывать научные и общественные дискуссии, обострившиеся в год ее 100-летия. Учитывая большую сложность этого события и необходимость формирования взвешенных его оценок, представляется важным обращение к идейно-теоретическому наследию русских эмигрантских авторов, таких как Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов, И.А. Ильин и др., предложивших объяснительные версии революции в России, содержащие богатый фактографический и теоретико-методологический материал, способствующие углубленному ее исследованию.

В рамках данной работы рассматриваются некоторые аспекты историко-религиозной концепции Русской революции Н.А. Бердяева (1874–1948 гг.), посвятившего значительную часть своего творчества ее изучению. Не случайно в западном культурном сообществе он известен как компетентный историк Русской революции. Примечательно, что во Франции его книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) выдержала восемь изданий и является классической для изучения этого периода российской истории [1. С. 154]. В качестве источников данной работы выступают произведения Бердяева, написанные им в поздний период творчества, преимущественно в 1930–1940-е гг. Важным источником являются труды некоторых его современников, главным образом Ф.А. Степуна, также посвятившего всестороннему исследованию революции значительную часть своих работ. Историко-философские построения Бердяева неизменно вызывали и продолжают вызывать интерес исследователей вплоть до настоящего времени [2–6]. Автором данной статьи также уделялось внимание изучению его концепции Русской революции 1917 г. и советской истории [7. С. 23–129; 8].

Предваряя дальнейшее изложение, необходимо охарактеризовать в общих чертах исследовательский метод Н.А. Бердяева, опираясь на который он предложил свою версию Русской революции. Будучи человеком христианского сознания, одним из ярких представителей религиозного символизма [4. С. 112–220], он подчеркивал свою приверженность «историософической точке зрения» на революцию, по его мнению, более других способствовавшей выявлению структурной сложности данного события [9. С. 106]. Историософский метод познания, междисциплинарный по своей сути, предполагал широкое обращение к достижениям социальных и гуманитарных наук, в особенности исторической науки, при непременном признании религиозных оснований исторического процесса. Своеобразие этого исследовательского метода определялось сложной комбинацией собственно научных подходов с основными постулатами христианской философии истории, что позволяло Бердяеву расширять проблематику, выявлять антропологическое измерение истории, находить разноплановые смысловые уровни макро- и микроисторических процессов и событий. Характерное для мыслителя стремление учитывать многофакторность исторического развития, значение в нем антропологической составляющей делает его работы, несмотря на дискуссионность многих его выводов, актуальными, созвучными научным поискам современной историографии [10. С. 5–25].

Историософский метод стал основой для анализа революции как важного события христианского периода истории в режиме «долгого времени» в широкой исторической перспективе в свете проблемы направленности исторического развития. Положение о принадлежности Русской революции 1917 г. христианскому периоду истории стало одним из фундаментальных для бердяевских размышлений о ее предпосылках, характере, ближайших и отдаленных последствиях и перспективах. Избранный ракурс позволил Бердяеву настаивать на всемирном – «вселенском» – значении Октябрьской революции как события, с невероятной силой актуализировавшего в новых исторических условиях христианский проект переустройства мира на более справедливых основаниях.

С христианскими убеждениями было связано свойственное мыслителю отрицательное отношение к современной капиталистической системе, отличительной чертой которой, по его убеждению, стала тотальная дегуманизация человека. В исторической перспективе ее альтернативой должно было стать «трудовое общество» как социальная проекция «персоналистического социализма», способного гармонизировать проблему личности и общества, контуры которого Бердяев находил в пореволюционной России. В этой связи он писал в своей последней работе:

«Западу следовало бы помнить, что Россия страшными жертвами спасла Европу от рабства, и что русский народ первый сделал социальный опыт, необычайный по смелости, и поставил новую тему для мира» [11. С. 279]. Одним из ключевых завоеваний революции он считал отмену эксплуатации человека человеком.

В искомом завещанном христианством преображении мира на религиозно-духовных основаниях, в построении более справедливого общества лидирующую роль Бердяев отводил России, Советской России как одному из модусов существования России вечной. «Когда я говорю “Россия”, – пояснял он, – я имею в виду не только советскую, пореволюционную Россию, но и Россию вечную» [12. С. 311]. Этот свой вывод он отстаивал до конца жизни, независимо от неприятия его значительной частью российской эмиграции, независимо от обвинений самого мыслителя в «просоветской ориентации». Его особенную горечь вызывало непонимание его позиции по отношению к Советской России единомышленниками по «пореволюционному сознанию», в частности Т.П. Федотовым, резко критиковавшим «просоветские» бердяевские взгляды в своих работах американского периода творчества (1942–1951 гг.) [2, 3]. В этой связи Бердяев писал в одном из писем: «Некоторые находят, что моя ориентация слишком советско-патриотическая. Меня очень огорчили дошедшие до меня сведения, что Георгий Петрович (Федотов. – *Л.Г.*) настроен совсем иначе, что его ориентация недостаточно русская...» [13. С. 217–218].

Особо подчеркнем, что Бердяев рассматривал «Февраль» и «Октябрь», как стадии единого революционного процесса, сближаясь в этой своей оценке с некоторыми другими сторонниками «пореволюционного сознания», например Ф.А. Степуном [14. С. 311]. «Русская революция, – отмечал Бердяев в одном из своих докладов, – отразила в себе сначала борьбу “общественности” с “государственностью” и минутную победу общественности (Февральская революция. – *Л.Г.*), затем всеобщий народный бунт против обеих борющихся сторон культурного слоя: и “государственности”, и “общественности”» [15. Л. 6]. В поздний период творчества мыслитель более всего писал о значении Октябрьской революции в связи с социальным переустройством мира, касаясь Февральской революции лишь вскользь. Несмотря на признание им этой последней «свободолюбивой» по своему характеру [16. С. 212], он подчеркивал ее бесперспективность, обусловленную чуждостью либерально-демократических ценностей и принципов основной части русского народа.

Отдаленной причиной трагического взаимонепонимания передовой либерально настроенной общественности и народа, отчетливо проявившегося в ходе Октябрьской революции, не пощадившей культурную элиту, как и представителей революционной интеллигенции, Бердяев считал порожденный петровской модернизацией культурный раскол. Констатируя этот факт, он писал: «Оторванность культурного слоя от народа нашла свою законченность в Октябрьской революции 1917 г.». Чрезвычайно важным для понимания «срыва» Февраля является указание мыслителя на значение культурного раскола внутри самого культурного слоя России, оказавшегося неспособным к конструктивному консенсусу на начальной стадии революции. Он подчеркивал: «Слабая сплоченность культурного слоя породила в нем самом (культурном слое. – *Л.Г.*) раскол, который нашел свою законченность в февральской революции 1917 года» [15. Л. 5–6].

Однако основную причину низкой влиятельности либерализма в России Бердяев связывал с рядом особенностей российского менталитета, для которого, по его мнению, оказались мало свойственными «римские представления о собственности», «инстинкт буржуазной обеспеченности», «буржуазные добродетели», что в своей совокупности обусловило специфику коммуникационного пространства России, неблагоприятного для рецепции идей либерализма. В этой связи он писал: «…русским свойственны были буржуазные пороки, но не свойственны были буржуазные добродетели, как людям Запада. И это характерная черта. При таких свойствах в России не могло создаться сильной, уверенной в своей правоте буржуазии, не могло обнаружиться влиятельной буржуазной идеологии» [12. С. 178]. Особо отметим, что в свете рассматриваемой проблемы меньшую, в сравнении с европейцами, склонность русского народа к буржуазности Бердяев связывал с рядом его исторически воспитанных православным христианством свойств, прежде всего, «особого рода тоталитаризмом, т.е. стремлением к цельности, к тотальному преображению жизни, но и эсхатологизмом, т.е. устремлением к концу» [Там же. С. 316]. Признаем, что это едва ли в полной мере соответствует историческим реалиям, на что обращали внимание уже современники Н.А. Бердяева, например М.М. Карпович, глубокий знаток русской общественно-политической мысли, один из основоположников русистики в США. Убедительными контраргументами для ученого выступало положительное отношение советского народа к НЭПу, равно как широкое применение насильственных методов по отношению к русскому крестьянству в годы коллективизации [17. С. 283].

Важнейшим достижением Октябрьской революции Бердяев считал привлечение к исторической активности широких народных масс, что, согласно его убеждению, выгодно отличало ее от петровской модернизации, как известно, также обусловившей радикальные трансформации российского общества [9. С. 12–13]. Самостоятельное значение в его концепции революции занимает анализ русского коммунизма, представлявшего собой, по его мнению, «русифицированный марксизм», приспособленный к российским реалиям, оперируя идеями которого большевики сумели завоевать социальное доверие масс, получить их поддержку и «переключить» их религиозную энергию на строительство нового общества. Мыслитель, в частности, объективно показал, что переопределение роли крестьянства в революции, превращение его в «революционный класс» [Там же. С. 89] вразрез с классическим марксизмом позволило не только обеспечить социальную базу большевикам в стране с малой численностью пролетариата, но и запустить революционные процессы в странах «догоняющей модер-

низации», что в перспективе стало основой создания «восточного блока». Он писал в этой связи: «Русификация марксизма привела к тому выводу, что коммунистическая революция должна происходить вопреки Марксу не в индустриализированных странах с сильным пролетариатом, а в странах отсталых, аграрных, с подавляющим преобладанием крестьянства. Это одна из причин образования восточного блока» [11. С. 274].

Значительное место в концепции Бердяева Русской революции 1917 г. занимает системный анализ ее предпосылок и причин. В данной работе коснемся лишь его интерпретации роли исторического православия в структуре причин революции. В своих работах 1930–1940-х гг. он подверг резкой критике «цезарепапизм», сакрализацию светской власти, чрезмерную зависимость исторического православия от государства, его слабую социально-преобразующую роль, низкий культурный уровень духовенства, что в своем сложном взаимодействии способствовало ослаблению христианской жизни в народе, снижению авторитета церкви и формированию в общественном сознании ее имиджа как силы реакционной, препятствующей модернизации страны. Резко критикуя историческое христианство, он писал: «Христиане страшно запаздывают, инициатива выпала из их рук. Лишь в средние века она была в их руках. В века же новой истории христиане проявили самый бессовестный конформизм, освящая любую неправду...» [18. С. 50]. Сходной позиции придерживался Степун, особенно сожалевший о том, что русская православная церковь не выработала своего учения об обществе, не взяла под свою защиту учение о естественных правах человека, как то было сделано католичеством. В результате, резюмировал мыслитель, учение о естественном праве «появляется в России не как христианская, а как антихристианская и, во всяком случае, как антицерковная тема» [19. С. 284–285].

Наряду с обоснованной критикой исторического православия оба мыслителя неизменно подчеркивали его большую положительную роль в российской истории. Специальное внимание ими было уделено роли русской православной церкви в формировании целого ряда особенностей российского менталитета, как положительных, так и негативных, в своем диалектическом единстве обусловивших разноплановые проявления социального поведения россиян во время революции и пореволюционного строительства. Так, поразившие мир необыкновенная жертвенность, социальный идеализм, энтузиазм русского народа в годы революции и Второй мировой войны, в период советского строительства мыслитель связывал с древними духовными источниками, с «духовным капиталом, приобретенным тысячелетним его христианским воспитанием» [12. С. 228].

Сущностной чертой историко-религиозных представлений Бердяева о Русской революции является восприятие ее как события, одновременно универсального, отмеченного типологическими чертами любой революции как формы социальной динамики, и уникального, самобытного, обусловленного эндогенными факторами развития. В этой связи уместно обратить внимание на значение проблем преемственности и разрывов, традиции и новации в его историко-теоретических построениях. Для него было очевидно их диалектическое единство в историческом развитии, особенно с учетом онтологического измерения истории: «Одно сохранение прошлого есть претензия оторвать прошлое от господства над ним духа вечности, один соблазн творчества есть претензия оторвать будущее от господства над ним вечности» [20. С. 113]. «Власть прошлого», полагал мыслитель, в своих отрицательных и положительных проявлениях неизбежно влияла на развитие общества. В частности, характерный для советской системы этатизм он рассматривал как часть российской традиции деспотической власти, исторически мало считавшейся с интересами и социальными ожиданиями общественности. Подобно тому, как это было характерно для российской монархической политической системы, настаивал он, в СССР «интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства» [9. С. 9].

Положение о преемственном характере деспотической власти в России представлялось дискуссионным многим современникам Бердяева. Так, Степун настойчиво подчеркивал коренную несхожесть российского монархического и советского политических режимов, настаивая на их разнородности. В качестве основного критерия, не позволяющего включать их в единую традицию российской власти, Степун считал отношение носителей власти к творимому ими в стране насилию. Формулируя ключевое отличие монархического и большевистского политических режимов, он писал: «Разница эта заключается в том, что монархию, исповедовавшую православие, и можно, и должно упрекать в содеянных ею тяжелых грехах, так как грех – основная категория христианского сознания. Упрекать же большевизм за греховность его убеждений и действий – бессмысленно, так как последовательное материалистическое сознание не знает понятия греха» [19. С. 339]. Роковым следствием этого стало широкое распространение насилия и имморализма в пореволюционной России, что нашло свое выражение не только в массовом терроре, но и в широком распространении шпионажа, доносительства, различных форм конформизма.

Сильной стороной концепции Бердяева является стремление учитывать роль международных факторов в историческом развитии, что приобретало дополнительное значение в условиях усиления интеграционных (глобализационных) процессов в мире, ускоренных двумя мировыми войнами XX в. Уже в 1914 г. в работе «Конец Европы» мыслитель писал об утрате Европой статуса монополиста культуры и неизбежности формирования в новых исторических условиях единой «мировой культуры». В этом ракурсе разворачивались его размышления не только о неизбежности (закономерности), но и о запоздалости революции в России. Едва ли не главным аргументом в пользу исчерпанности монархического политического режима в стране Бердяев считал его саморазложение в условиях неудачной войны, сопровождавшееся окончательной десакрализацией монархической идеи в общественном сознании народа [9. С. 110–111]. Так или

иначе, падение российской монархии, по объективному мнению мыслителя, способствовало дальнейшей модернизации России, необходимой в условиях углубления международной интеграции. Подчеркивая неизбежность индустриального развития стран как ключевого условия решения «проблемы хлеба», повышения жизненного уровня численно растущего населения в мире, Бердяев настаивал на коренной необходимости российских модернизаций. Однако, по его убеждению, они со времен Петра Великого имели своей целью не только преодоление социально-экономической и культурной отсталости страны, но и выполнение Россией исторической роли, которую он связывал, в соответствии со своей версией русской идеи, с реализацией социальной правды в мире. В свете этой мировой перспективы он положительно оценивал такие достижения советского государства, как прекращение «хаотического распада» России, вызванного революцией, и создание федеративной системы, что в результате позволило сохранить территориальную целостность страны и ее ресурсы, прежде всего человеческие ресурсы. «Создание советской федерации, – подчеркивал он, – объемлющей много племен и народов, было огромной заслугой» [12. С. 266]. В составе факторов, позволявших верить в великое будущее России, наряду с восстановлением территориальной целостности России, важными ему также представлялись жизнеспособность русской православной церкви, сохранившей свою организацию вопреки антицерковной политике советского государства, и высокая рождаемость в СССР, несмотря на «невыносимые экономические условия» в стране [15. Л. 8].

В своих работах 1930–1940-х гг., адресованных преимущественно западной аудитории, Бердяев стремился обосновать необходимость советской модернизации, в исторической перспективе обусловившей победу СССР над фашистской Германией. Специфику советской модернизации определяла приверженность коммунистической идеологии. Он считал объективно неизбежной форсированную – «острую» – индустриализацию страны, необходимую для преодоления промышленной отсталости России. Параллельная «американизация русских людей, выработка нового типа практика», их всеобщая увлеченность техникой вызывали определенные опасения Бердяева, полагавшего, что это может способствовать «обуржуазиванию» народа, тем не менее оценивались им положительно, равно как преодоление русской лени, «выработанной барством и крепостным правом» [9. С. 116]. При условии сохранения жертвенности и социального идеализма – свойств, воспитанных христианством, полагал он, эти компоненты трудовой этики могли способствовать строительству нового, более справедливого общества.

Полемизируя с западными оппонентами, находившими советскую модернизацию, вызванную революцией, чрезмерно жестокой, а советский народ варварским и обезличенным, Бердяев предлагал учитывать историческую специфику народа, отказаться от двойных стандартов в оценках европейской и российской моделей развития. Он обращал внимание на асинхронность модернизационных процессов в различных культурно-исторических регионах, на их неизбежно болезненный характер для любого сообщества на определенном этапе развития. В этой связи он писал: «В России происходит процесс острой индустриализации, процесс жестокий и мало считающийся с ценностями человеческой личности, как и многие процессы истории. [В России] индустриализация происходила под знаком коммунизма. В Англии начала XIX в. происходила под знаком индивидуалистического капитализма. Был ли процесс первоначального накопления в Англии… менее жесток и более человечен?» [12. С. 260]. Соглашаясь с Бердяевым в его стремлении объективно оценить значение и своеобразие советской модернизации, тем не менее следует признать, что он все-таки не ставил во всей остроте проблему цены советских достижений.

Бердяев высоко оценивал повышение культурного и образовательного уровня народа в пореволюционный период, несмотря на понижение качества культуры как таковой в Советской России, что он рассматривал как временное явление. Резюмируя культурные достижения советской модернизации, он отмечал: «Огромные народные массы приобщились к просвещению и к элементарной цивилизации с сильным уклоном к технике. Но качественный уровень культуры очень понизился. Культурной элиты больше не существует» [21. Л. 14]. Несмотря на сложность и неоднозначность последствий советской модернизации, Бердяев одним из первых эмигрантских авторов сумел увидеть тенденции зарождения неогуманизма в СССР, ярким проявлением которого стало всенародное увлечение творчеством А.С. Пушкина, отличающегося свободолюбием и человечностью. Показательным для него также являлось широкое распространение в советской образовательной системе педагогических идей Л.Н. Толстого [12. С. 247]. Констатация очевидных симптомов советского неогуманизма, тем не менее, не означала игнорирования мыслителем трагических проявлений процессов дегуманизации в Советской России, связанных с подавлением личности и репрессированием любых проявлений свободы в стране. Объяснение этому последнему он находил, прежде всего, в свойственном марксизму моральном релятивизме, доведенном до крайности в его русифицированной версии. Бердяев отмечал: «Марксизм утверждает моральный релятивизм, моральная оценка меняется в зависимости от социальных классов. Происходит разрыв с традициями христианской и гуманистической морали» [Там же. С. 200]. Примечательно, что одним из главных условий развития подлинной свободы в Советской России он объективно считал преодоление ее международной изоляции, особенно опасной в условиях углубления международной интеграции.

Особо отметим, что Бердяев являлся убежденными сторонником сохранения социальных достижений революции, выработанной советским народом трудовой этики, социальной солидарности. Он выступал категорическим противником реставрации капиталистической системы в России, полагая, что это приведет к «срыву» модернизации, к трагическому обесце-

ниванию всех понесенных в ходе революции и советского строительства жертв, к измене русского народа своей национальной идее построения справедливого общества. Не случайно он писал в одной из своих последних работ: «Мировая роль советской России связана, прежде всего, с социальным переустройством мира. Первый раз во всемирной истории в основу социального строя огромной страны положен принцип, не допускающий эксплуатации человека человеком» [12. С. 258]. Бердяев был глубоко убежден, что, несмотря на все отрицательные стороны советской системы – «ложь коммунизма», она была способна к постепенной трансформации и практическому воплощению «правды коммунизма» в интересах русского народа и мирового сообщества в целом.

Таким образом, оригинальная, сложная по своей структуре и содержательному наполнению концепция Русской революции 1917 г. Н.А. Бердяева, отличающаяся семантической сложностью, содержит в себе богатейший материал, изучение которого необходимо для углубленного ее постижения. Предложенная мыслителем объяснительная версия революции способствует углубленному пониманию трагического характера российской истории, сложной природы революции в России и пореволюционного строительства в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркадэ Ж.К. Проникновение русской мысли во французскую среду: Н.А. Бердяев и Л. Шестов // Русская религиозная мысль XX века : сб. статей / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург, 1975.
2. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М. : Мартис, 2004. Т. 9 : Статьи американского периода. С. 194–210.
3. Федотов Г.П. Н.А. Бердяев – мыслитель // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М. : Мартис, 2004. Т. 9 : Статьи американского периода. С. 278–291.
4. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
5. Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 241–266.
6. Волкогонова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 390 с.
7. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 332 с.
8. Гаман Л.А. Некоторые аспекты концепции советской истории Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. 2008. Т. 310. С. 65–71.
9. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
10. Могильницкий Б.Г. У истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 358 с.
11. Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С. 271–280.
12. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи : сб. статей // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Пролегомены к критике Откровения. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 156–372.
13. Письма писателей (Бердяева, Мочульского, Горького, Есенина, Куприна) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 95. С. 216–231.
14. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. 651 с.
15. Бердяев Н.А. Смысл исторического момента, переживаемого в настоящее время Россией : схема [доклада] (26 декабря 1934) // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 97.
16. Бердяев Н.А. Самопознание. М. : ДЭМ, 1990. 336 с.
17. Карпович М. Комментарии. В поисках «третьего исхода» (о статье Н.А. Бердяева) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С. 281–287.
18. Бердяев Н.А. Христианство и революция // Новый град. 1937. № 12. С. 48–62.
19. Степун Ф.А. Чаемая Россия / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб., 1999. 480 с.
20. Выдержки из писем Н.А. Бердяева Г.П. Федотову // Вестник Русского христианского движения. 1978. № 124. С. 117–120.
21. Бердяев Н.А. Трансформация марксизма в России (1940-е) // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 263.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND MODERNIZATION: NIKOLAI BERDYAEV ON SOME ASPECTS OF THE REVOLUTION IN RUSSIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 111–116.
DOI: 10.17223/15617793/429/13

Lydia A. Gaman, Seversk Institute of Technology, Branch of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute) (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru

Keywords: revolution; Marxism; mentality; Russian Orthodox Church; Soviet modernization; Soviet neohumanity.

The aim of the paper is to cover some aspects of Nikolai Berdyaev's (1874–1948) concept on the Russian revolution of 1917 in connection with the problem of Russian cultural modernization in the 20th century. The relevance of the appeal to this part of his ideological and theoretical heritage containing the richest material whose study is necessary for a profound understanding of the premises, character and ambiguous consequences of the revolution caused by a complex interaction of the international and endogenous factors of the development is emphasized. The peculiarities of Berdyaev's research strategy cross-disciplinary in character combining actually scientific methods of knowledge and basic provisions of religious symbolism connected with a Christian paradigm of history are considered. Heuristic opportunities of this approach allowed him to bring about the systematic sociocultural analysis of the Russian revolution of 1917, innovative for the time, to broaden the problem field of the research, to take into account many factors of the revolution and its polysemantic character. In particular, he was able to reveal the significance of historically formed people's mental features, both positive and negative, that affected in their dialectical interaction many peculiarities of the revolution and Soviet modernization caused by it. Special attention is paid to covering the mixed factor of the Russian Orthodox Church as part of the revolution reasons. Being a Christian thinker, Berdyaev considered this event in the light of a historical process problem. His aspiration to reveal negative and positive demonstrations and results of the Russian revolution of 1917 in their dialectic

unity is emphasized to have been defined by his belief in the relation of this event to the Christian period of history. Berdyaev, like some other Russian thinkers, for example, Stepun, is noted to consider "February" and "October" as parts of an indivisible revolutionary process; he paid special attention to the October revolution and believed in its universal significance. Berdyaev's ideas of the Soviet modernization caused by the revolution, his connecting its specificity with the communistic ideology, are covered. In the conditions of the international integration deepening his aspiration to consider modernization inevitability in the world is noticed. Along with it, the importance of his theoretical provision on the asynchrony of social and cultural modernization of Russia and Europe that should be considered in the analysis of the Soviet modernization version is emphasized. Berdyaev's positive evaluation of social consequences of the revolution in Russia, above all, the abolition of man by man exploitation and the mission of the historical masses activity is particularly pointed out in the paper. At the same time the thinker is noted not to have put the value problem of the Soviet achievements as an acute one. A conclusion about the content, the relevance and scientific significance of Berdyaev's concept on the Russian revolution of 1917 is drawn.

REFERENCES

1. Marcadé, J.-C. (1975) Proniknovenie russkoy mysli vo frantsuzskuyu sredu: N.A. Berdyaev i L. Shestov [Penetration of Russian thought into the French environment: N.A. Berdyaev and L. Shestov]. Translated from French. In: Poltoratskiy, N.P. (ed.) *Russkaya religioznaya mysl' XX veka* [Russian religious thought of the 20th century]. Pittsburgh: University of Pittsburgh.
2. Fedotov, G.P. (2004) *Sobr. soch.: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Martis. pp. 194–210.
3. Fedotov, G.P. (2004) *Sobr. soch.: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Martis. pp. 278–291.
4. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical Worldview. Five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
5. Ermichev, A.A. (2014) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and plots of Russian philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 241–266.
6. Volkogonova, O.D. (2010) *Berdyaev*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
7. Gaman, L.A. (2008) *Revolyutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osveshchenii russkoy religioznoy emigrantskoy mysli* [Revolution of 1917 and Soviet history in covering Russian religious emigre thought]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Gaman, L.A. (2008) Several aspects of N.A. Berdyaev's conception of soviet history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 310. pp. 65–71. (In Russian).
9. Berdyaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka.
10. Mogil'nitskiy, B.G. (2007) U istokov Tomskoy istoriograficheskoy shkoly. A.I. Danilov i problema preemstvennosti v otechestvennoy istoriko-teoreticheskoy mysli XX veka [At the origins of the Tomsk historiography school. A.I. Danilov and the problem of continuity in the Russian historical and theoretical thought of the twentieth century]. In: Mogil'nitskiy, B. & Nikolaeva, I.Yu. (eds) *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographical issues of historical science]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Berdyaev, N.A. (1953) Tretiy iskhod [Third Exodus]. *Novyy zhurnal – The New Review*. 32. pp. 271–280.
12. Berdyaev, N.A. (1997) *Istina i Otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and Revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. St. Petersburg: Izd-vo RkhGI. pp. 156–372.
13. Novyy zhurnal – The New Review. (1969) Pis'ma pisateley (Berdyaeva, Mochul'skogo, Gor'kogo, Esenina, Kuprina) [Letters from writers (Berdyaev, Mochulsky, Gorky, Yesenin, Kuprin)]. *Novyy zhurnal – The New Review*. 95. pp. 216–231.
14. Stepun, F.A. (2000) *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1496. List 1. Unit 97. Berdyaev, N.A. (1934) *Smysl istoricheskogo momenta, perezhivaemogo v nastoyashchee vremya Rossiey: skhema [doklada] (26 dekabrya 1934)* [The meaning of the historical moment currently experienced by Russia: the scheme of [the report] (December 26, 1934)].
16. Berdyaev, N.A. (1990) *Samopoznanie* [Self-cognition]. Moscow: DEM.
17. Karpovich, M. (1953) Kommentarii. V poiskakh "tret'ego iskhoda" (o stat'e N.A. Berdyaeva) [Comments. In search of a "Third Exodus" (on the article by N.A. Berdyaev)]. *Novyy zhurnal – The New Review*. 32. pp. 281–287.
18. Berdyaev, N.A. (1937) Khristianstvo i revolyutsiya [Christianity and Revolution]. *Novyy grad*. 12. pp. 48–62.
19. Stepun, F.A. (1999) *Chaemaya Rossiya* [The desired Russia]. St. Petersburg: RKhGI.
20. Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya. (1978) Vyderzhki iz pisem N.A. Berdyaeva G.P. Fedotovu [Excerpts from letters of N.A. Berdyaev to G.P. Fedotov]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*. 124. pp. 117–120.
21. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1496. List 1. Unit 263. Berdyaev, N.A. (1946) *Transformatsiya marksizma v Rossii (1940-e)* [Transformation of Marxism in Russia (1940s)].

Received: 28 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 117–124. DOI: 10.17223/15617793/429/14

УДК 930.1: 271.222(477.87)-773»1945/1955»

Ю.В. Данилец

«ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МУКАЧЕВСКО-УЖГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В 1945–1955 гг.

Проанализированы материалы по истории Мукачевско-Ужгородской епархии, которые печатались на страницах «Журнала Московской Патриархии». Автор разделяет все публикации на три группы, исследуя тексты о деятельности епископов, внутренней жизни епархии и некоторых представителей духовенства. Особое внимание уделено материалам о поездках православных делегаций в Москву, контактах с Патриархией, мероприятиях по воссоединению греко-католиков. В заключение раскрывается содержание некрологов об известных подвижниках православной церкви в Закарпатье.

Ключевые слова: 1945–1955 гг.; Закарпатье; духовенство; епископ; журнал; Мукачевско-Ужгородская епархия; статья; церковь.

Специфической чертой периодических изданий как источников, по мнению историка Т. Кузнец, является их комплексный, синтетический характер. В них представлено много форм информации (документальная, текуще-хроникальная, личного характера и т.д.). Также к положительной характеристике прессы исследовательница относит «оперативность представления информации о событиях, непосредственность отображения последних, стремление откликнуться на исторические даты и юбилейные события публикациями исторического или историко-биографического характера, что повышает их ключевую ценность» [1. С. 13].

Одним из важных источников по истории Мукачевско-Ужгородский епархии является официальный орган Русской православной церкви (РПЦ) – «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП). Актуальность исследования данной темы вызвана несколькими факторами. Во-первых, в украинской и российской историографии отсутствуют специальные научные разработки по данной проблематике. Во-вторых, в связи с открытием доступа к архивным фондам ученые имеют возможность максимально объективно изучить процессы вхождения православных Закарпатья в состав РПЦ, формирования управленческой структуры в первые десятилетия, роль отдельных личностей в этом процессе. Материалы журнала отражали в первую очередь внутреннюю жизнь епархии, факты, которые епископы считали важными для всей РПЦ.

В данной публикации мы хронологически ограничиваемся первыми десятью годами деятельности Мукачевско-Ужгородской епархии. В это время во главе епархии стояли три архиерея: Нестор (Сидорук) (1945–1948), Макарий (Оксиюк) (1948–1950) и Иларион (Кочергин) (1950–1956). Хронологические рамки обусловлены первым этапом в государственно-церков-ных отношениях Советского государства, которые заключались в неком конкордате И. Сталина с РПЦ. После его смерти и полного утверждения Н. Хрущева начинается качественно новый этап в истории церкви в СССР.

Процесс вхождения закарпатских православных в состав РПЦ рассмотрен нами в предыдущих публикациях [2–3]. Тема, которая вынесена в заголовок статьи, недостаточно изучена исследователями. Вместе с тем в последние годы вышло несколько исследований, в которых проанализированы различные аспекты развития данного периодического издания. Среди авторов, изучавших журнал, можно выделить А. Алешина [4], А. Василицына [5], М. Ереськина [6], В. Любартовича [7], Е. Полищука [8–9], архиепископа Тихона (Емельянова) [10], В. Родченко [11]. В 2001 г. Издательский совет Русской Православной Церкви опубликовал 24 номера журнала, которые относятся к первому периоду существования редакции [12].

Мукачевско-Ужгородская православная епархия была создана после Второй мировой войны вследствие вхождения приходов Мукачевско-Пряшевской епархии Сербской православной церкви (далее – СПЦ) и Пражской архиепископии Константинопольского патриархата в состав Украинского экзархата РПЦ. Территория епархии ограничивалась Закарпатской областью УССР, где функционировало 135 приходов с 136 священниками, 18 монастырей и скитов. Общее количество верующих составляло около 14 200 человек.

Первый номер ЖМП вышел в 1931 г., однако во времена церковных гонений в 1935 г. прекратил свою деятельность. С избранием Патриархом Московским Сергия (Страгородского) издание было возобновлено. После возобновления в 1943 г. тираж журнала составлял 3 000 экземпляров, но уже в 1944 г. он достиг 6 000. В 1945–1955 гг. редакция издавала по 12 номеров год. Во главе редакции стояли: в 1944–1946 гг. – митрополит Ленинградский (с 1945 г. – Патриарх) Алексий (Симанский), в 1946–1960 гг. – митрополит Николай (Ярушевич). Ответственными секретарями издания в это время работали протоиерей А. Смирнов, профессор Ленинградской духовной академии Л. Парийский, профессор Московской духовной академии А. Георгиевский [8. С. 89–91].

Публикации, которые печатались на страницах ЖМП, мы проанализировали по проблемно-хронологическому принципу. По нашим подсчетам редакция журнала опубликовала в 1945–1955 гг. более 20 статей, которые имели отношение к православной церкви Закарпатья. Все выявленные публикации мы условно разделили на три группы: 1) статьи, освещавшие вопросы деятельности епископов; 2) статьи, которые содержали информацию о внутренней жизни епархии; 3) некрологи. Соотношение статей по тематике выглядит следующим образом: 1-я группа – 14 статей; 2 – 8, 3-я группа – 3. Если подходить к анализу количества публикаций по отдельным годам, то ситуация выглядит следующим образом: 1948 г. – 6 статей,

1949 г. – 5, 1955 г. – 4, 1945, 1947, 1950 гг. – по 2, 1946, 1951, 1952, 1954 гг. – по 1.

Перейдем к непосредственному анализу статей. Первые сообщения, которые появились на страницах ЖМП, касались организации канонического перехода Мукачевско-Пряшевской епархии из состава СПЦ в РПЦ. В № 1 за 1945 г. редакция сообщала о пребывании в Москве православной делегации из Закарпатья. «Представители православного духовенства Мукачевско-Пряшевской епархии (Закарпатская Украина) в составе главы делегации игумена Феофана Сабова и членов: Архимандрита Алексия Коболюк (Кабалюка. – *Ю.Д.*), протоиерея Дмитрия Белякова, священника Иоанна Кополович и профессора Петра Васильевича Линтур» прибыли в столицу СССР 7 декабря 1944 г. [13. С. 5]. На вокзале делегацию встретил Управляющий делами Московской Патриархии протоирей Николай Колчицкий и член Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Уткин. Далее редакция ознакомила читателей с краткой историей православия в Закарпатье, акцентируя внимание на упорной борьбе с католической церковью, а также большом влиянии крупных церковно-общественных центров – Киево-Печерской лавры, Почаева и других. В статье детально освещалось передвижение делегации в период с 7 по 13 декабря. В частности, члены делегации были несколько раз приняты митрополитом Алексием, местоблюстителем патриаршего престола, и членами Синода, встречались с председателем Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Карповым, посетили множество храмов, музеев, а также Богословский институт при Московской Патриархии. С благословения патриаршего местоблюстителя настоятель Московского кафедрального собора поднес главе делегации о. Феофану и архимандриту Алексию кресты с украшениями, а остальным членам делегации – наперсные. Всем членам были поднесены церковные богослужебные книги – типикон, цветная триодь, минея и др. [Там же. С. 8]. Во время переговоров члены делегации получили поддержку в намерении перейти под юрисдикцию РПЦ.

После официального обращения к Синоду СПЦ в Белграде было принято решение о каноническом переходе Мукачевско-Пряшевской епархии в состав РПЦ. Окончательно вопрос был решен на заседании Священного Синода в Москве 22 октября 1945 г. В № 11 за 1945 г. редакция поместила заметку под названием: «Пребывание в Москве епископа Мукачевского Владимира» [14]. Во время работы Синода «преосвященный Владимир прочел письмо председателя Священного Синода Сербской Церкви, митрополита Иосифа, в котором митрополит сообщает постановление Священного Синода о передаче Мукачевской епархии в ведении Русской Православной Церкви». Также епископ от своего лица выразил согласие на передачу епархии в юрисдикцию РПЦ. Как отмечается в публикации, в заключение епископ Владимир произнес краткую речь, в которой сообщил, что он, а также вся Сербская Церковь сердечно рады, что епархия Мукачевская входит в состав РПЦ, и пожелал ей преуспеяния под защитой русской церкви [Там же. С. 20]. В той же публикации находим информацию о назначении на Мукачевскую кафедру преосвященного Нестора (Сидорука), епископа Уманского.

ЖМП опубликовал пять материалов, которые касались епископа Нестора. В № 5 за 1946 г. была напечатана информация об участии владыки Нестора в наречении и хиротонии иеромонаха Антония (Пельвецкого) во епископа Станиславского и Коломыйского [15]. Особенный интерес вызывает статья, подготовленная епископом Нестором и размещенная редакцией в № 8 за 1947 г. В публикации архиерей в общих чертах проанализировал историческое развитие православия в регионе, подметив особенности государственной политики иностранных государств, в составе которых находилось Закарпатье. Должное внимание он уделил роли Мукачевского монастыря на Чернечьей горе, который в 1947 г. был возвращен православной церкви от греко-католиков. «На Чернечей горе живут православные черницы во главе с игуменией Параскевой – одной из тех мужественных православных девушек, которых на Мармарош-Сигодском процессе католические инквизиторы вместо унижения прославили как твердых исповедниц веры Святой – и вот к ним, в святую обитель этих верных вере предков тружениц на святой ниве православия, стекаются со всего Закарпатья богомольцы» [16. С. 37]. Отдельно епископ описал празднование в монастыре отпуста на честь Благовещения Пресвятыя Богородицы. В июне 1948 г. владыка Нестор был освобожден от управления Мукачевско-Ужгородской епархией и перемещен на Курскую кафедру [17]. В № 11 от 1951 г. ЖМП напечатал информацию о смерти епископа от кровоизлияния в мозг. В некрологе, который подготовил Н. Концевич, указывались основные заслуги Нестора на архипастырской работе: «Преосвященный Нестор прослужил в сане епископа всего 6 лет, но за это короткое время выполнил ряд ответственных поручений Московской Патриархии: участвовал в воссоединении униатов Закарпатья, совершил в 1946 г. поездку в Венгрию с целью принятия венгерских православных приходов, согласно их просьбе, в юрисдикцию Московской Патриархии, в 1947 г. ездил в Албанию для участия в хиротонии нового епископа, а в 1949 г. посетил Маньчжурию, где изучал состояние жизни православных приходов. Годом раньше Преосвященный Нестор принимал участие в Совещании глав и представителей автокефальных Православных Церквей в Москве» [18. С. 7–8]. О деятельности епископа Нестора в Закарпатье нами была подготовлена отдельная публикация [19].

В № 10 за 1947 г. редакция опубликовала статью С. Хруцкого о праздновании Успения Пресвятой Богородицы в Мукачевском Свято-Николаевском монастыре. По словам автора, на отпуст в Мукачево пришло около 30 тыс. паломников со всех частей области. Богослужение совершалось под открытым небом, в специально сооруженной деревянной часовне, которая служила алтарем и солеей. По приглашению закарпатского архипастыря в Мукачево прибыли: «высокопреосвященный Макарий в сопровождении о. протопресвитера Г. Костельника и о. протоиерея В. Дрелиха. С Волыни прибыл преосвященный Варлаам Луцкий, из Одессы преосвященный Сергий, из

Станислава преосвященный Антоний, а из Киева в качестве представителей Экзарха Украины митрополита Иоанна прибыла делегация в составе протоиереев К. Ружицкого, Д. Плахтеева и Б. Шулькевича и множество священнослужителей местных церквей» [20. С. 39]. Отдельно С. Хруцкий остановился на проповеднической деятельности архиереев во время праздника. Епископ Нестор «отметил явный акт покровительства Божией Матери в том факте, что в радостный день Ее Успения тут собрались 4 архиерея с родной украинской земли, как бы в вознаграждение за те страдания за веру православную, какие переносил благочестивый народ Закарпатья; как наглядный памятник этих страданий нарочито воздвигнута часовня, являющаяся точным воспроизведением тех молитвенных домов, в каких молились первые пионеры и исповедники Православия» [Там же. С. 40]. Владыка Волынский и Ровенский Варлаам (Борисевич) в проповеди подчеркнул «чувство симпатии и сочувствия к закарпатским страдальцам за веру православную, наполняющее души их ближайших земляков-волынцев» [Там же]. Преосвященный Антоний (Пельвецкий), епископ Станиславский и Коломийский, «первую часть своей проповеди посвятил празднику Успения Божией Матери, представив Успение как радостный завершительный акт трудного земного жития Богоматери, а далее начал говорить о радостном эпилоге многострадальной жизни галицкого народа, каким явилось его воссоединение с Киевом, “матерью русских народов”, не только в политической жизни, но и в религиозно-церковной сфере» [Там же]. За архиерейской литургией, после Евангелия, произнес слово о. протопресвитер д-р Г.Ф. Костельник, а во время запричастного стиха проповедовал преосвященный Сергий (Ларин), епископ Одесский и Херсонский. В конце литургии к верующим обратился со словом архиепископ Макарий (Оксиюк).

С июня 1948 г. по 17 марта 1950 г. во главе Мукачевской епархии стоял архиепископ Макарий, имея титул – Львовский, Тернопольский и Мукачевско-Ужгородский [21]. В № 10 за 1948 г. ЖМП разместил три материала за подписью архиепископа. Все они касались погибшего протопресвитера Гавриила Костельника. Среди них были некролог, соболезнование по поводу смерти и статья о погребении главы инициативной группы по «воссоединению» греко-католиков [22–24].

В 1949 г. в Закарпатье, аналогично с Галицией, была ликвидирована греко-католическая церковь. Часть духовенства и большинство приходов перешли в состав РПЦ. Редакция ЖМП уделила этому событию значительное внимание, разместив в № 10 четыре материалы по «воссоединению». В частности, на страницах журнала был напечатан указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия I о награждении архиепископа Макария правом ношения креста на клобуке [25]. Значительное влияние на греко-католическое духовенство оказало послание Макария к «всечестнейшим и боголюбивым пастырям, благочестивым инокам, инокиням и всем благочестивым верным чадам Святой Православной Церкви на Закарпатье» [26]. Названный документ был также напечатан в виде брошюры, которую раздавали в Мукачеве во время отпуста на Чернечьей горе. Провозглашение ликвидации Ужгородской унии с Римом состоялось на праздник Успения Пресвятой Богородицы в Мукачевском монастыре. Об этом событии редакция опубликовала два материала. Один из них, авторства о. Н. Павлосюка, описывал торжественное богослужение и масштаб участия в нем православного духовенства и верующих. Литургию «совершал высокопреосвященный Макарий, архиепископ Львовский, Тернопольский и Мукачевско-Ужгородский, в сослужении преосвященных Антония Станиславского и Михаила Дрогобычского, о.о. архимандритов закарпатских монастырей Пантелеймона и Матфея» [27. С. 5]. Перед окончанием богослужения настоятель Ужгородского кафедрального собора, протоиерей Ириней Контратович, «провозгласил всему собравшемуся на Чернечей горе благочестивому народу в день 28 августа 1949 г., что с этим днем закончила свое существование на Закарпатской Украине церковная уния закарпатского духовенства с Римом… “Отныне и во веки мы – православные чада, святой Матери нашей Русской Православной Церкви”», – торжественно провозгласил о. Контратович» [Там же. С. 6]. В том же номере редакция поместила выдержки из отчета архиепископа Макария Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I. В своем докладе от 30 августа 1949 г. владыка «последовательно изложил ход церковного торжества и особенно отметил в нем тот момент, когда он на торжественной литургии передал в благословение благочестивому народу Закарпатья драгоценный дар Его Святейшества – образ Богоматери» [28. С. 10]. В заключение своего доклада высокопреосвященный Макарий писал: «Итак, первые семена единения греко-католиков Закарпатья с Православной Церковью уже посеяны. Торжественное всенародное молитвенное общение духовенства и десятков тысяч верующих дает основание полагать, что семя братского единения в православной вере предков найдет добрую почву для всхода и развития. Молимся и уповаем, что Господь и впредь не оставит Своим благословением труды сеющих и поливающих ниву Православной Церкви на Закарпатье и возрастит на ней добрые плоды благочестия, мира и радости» [Там же. С. 11]. На этом докладе Патриарх Алексий I написал следующую резолюцию: «1949. Сент. 7. Радуюсь совершившемуся торжеству Православия в Мукачевском монастыре. Укрепи, Боже, сие, еже совершил еси» [Там же].

Архиепископ Макарий пользовался значительным авторитетом в Патриархии. В № 9 за 1949 г. редакция поместила Постановление Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода о направлении Макария в составе делегации на Всесоюзную конференцию сторонников мира от РПЦ [29]. В декабре 1949 г. Совет Московской духовной академии избрал архиепископа Макария своим почетным членом [30]. В марте 1950 г. архиепископ Макарий был освобожден от управления Мукачевско-Ужгородской епархией, оставаясь только управляющим Львовско-Тернопольской кафедрой. В июле 1951 г. он был избран предстоятелем Польской Православной церкви с ти-

тулом митрополита Варшавского и всея Польши [31]. Умер в 1961 г. Редакция ЖМП опубликовала объемный некролог, в котором характеризировалась в том числе и миссионерская деятельность владыки Макария в Закарпатье [32. С. 53].

17 марта 1950 г. временное управление Мукачевской и Ужгородской епархией было поручено епископу Уманскому Илариону (Кочергину). 22 июля того же года Синод утвердил его на должности Мукачевско-Ужгородского епископа. О деятельности нового архиерея редакция журнала напечатала несколько статей. В № 7 за 1952 г. вышла статья протоиерея М. Бендаса «“Умовение ног” в кафедральном соборе». Автор подчеркивал, что это событие является особенно памятным для Закарпатья. «Православные в Закарпатье, находившиеся под чешской и сербской церковной юрисдикцией, не видели чина “Умовение ног” – первые потому, что православный их епископ жил далеко, в столице Чехословакии – Праге, а вторые – потому что в Сербской Церкви совершение этого чина не было принято. Епископ Иларион совершил обряд в стенах Мукачевского собора при большом стечении богомольцев» [33].

В № 12 за 1954 г. издание сообщило о поездке группы бывшего греко-католического духовенства из Закарпатья и других западных областей в Киев и Москву. В составе делегации из Мукачевско-Ужгородской епархии были «протоиерей города Мукачева о. Михаил Пензель и благочинный Иршавского района протоиерей о. Василий Маттуш… Прибывшие гости были приняты Патриаршим Экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Иоанном, затем они посетили киевские храмы, монастыри и Киево-Печерскую лавру, осмотрели город и его достопримечательности» [34. С. 24]. В Москву гости прибыли 16 октября, где на Киевском вокзале были встречены протопресвитером Н. Колчицким, сотрудником Московской Патриархии С. Филипповым, протоиерея М. Зерновым, священником М. Стаднюком и помощником старосты одного из московских храмов Ф. Абрамовым. Поселение состоялось в новой гостинице «Ленинградская». «На другой день, в воскресенье, гости, несмотря на усталость, выразили горячее желание быть в храме. Преосвященный Антоний совершил Божественную литургию в храме Всех Скорбящих Радости в сослужении местного духовенства и трех членов делегации. Часть остальных гостей-священников сослужила настоятелю храма св. Пимена Великого, а другая часть – настоятелю храма св. Иоанна Воина» [Там же. С. 24]. 17 октября 1954 г. гости были приняты Святейшим Патриархом Алексием I в его резиденции, а вечером сослужили в Патриаршем соборе под праздник пяти Московских святителей. На следующий день гости совершили молебен перед великой московской святыней – чудотворной иконой Божией Матери Иверской, в храме Воскресения в Сокольниках. 19 октября участники делегации нанесли визит в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и встретились с его председателем Г. Карповым. Духовенству из Западной Украины была дана возможность посетить Кремль, Оружейную палату, Третьяковскую галерею, Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, метро, Музей Советской Армии, бывшие Новодевичий и Донской монастыри, Московскую духовную академию. «В субботу, 23 октября, гости, разделившись на три группы, совершали всенощное бдение в храмах: Всехсвятском, Ильинском и Никольском. А в воскресенье утром они отбыли в Троице-Сергиеву лавру, где преосвященный Антоний соборне с епископом Леонидом, наместником лавры архимандритом Пименом, членами делегации и прочим духовенством совершил Божественную литургию. С благоговением гости приложились к мощам великого основателя лавры преподобного Сергия. По окончании литургии они приняли участие в монашеской трапезе» [34. С. 27]. 24–28 октября духовенство посетило Ленинград. Во время визита были организованы прием у митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), посещение Эрмитажа, Ленинградской духовной академии, целого ряда храмов [Там же. С. 29–30].

В 1955 г. ЖМП три раза писал о жизни Мукачевско-Ужгородской епархии. В № 2 была помещена статья о пятилетии воссоединения униатов Закарпатья с РПЦ. Автор признавал, что «за такое короткое время воссоединившиеся приходы, конечно, не могли изжить всех последствий латинского влияния в церковных обрядах». Отмечалась большая роль в этом процессе архиепископа Макария и епископа Илариона. В частности, на долю последнего выпал «труд по внедрению в бывшие униатские приходы православного богослужебного чина». С этой целью он осуществлял ряд мероприятий по ознакомлению духовенства с особенностями православного богослужения, организовал во всех приходах Закарпатья церковные советы и ревизионные комиссии [35]. 4 февраля 1955 г., по информации редакции, духовенство и верующие г. Мукачево Закарпатской области праздновали 10-летие интронизации Святейшего Патриарха Алексия. «В этот день в Мукачевском кафедральном соборе Преосвященным Иларионом, епископом Мукачевским и Ужгородским, в сослужении соборного духовенства была совершена Божественная литургия. После литургии был отслужен благодарственный молебен. На молебен вышло все духовенство города и настоятели сельских приходов. Торжественное богослужение закончилось многолетием Святейшему Патриарху» [36]. В рамках упоминаемых мероприятий 3 января 1955 г. в Свято-Николаевском монастыре в Мукачеве состоялся съезд благочинных Мукачево-Ужгородской епархии с участием правящего архиерея преосвященного Илариона. «Этот съезд с удовлетворением отметил значительные успехи в деле перехода воссоединившихся с Русской Православной Церковью униатских приходов Закарпатья на православные обычаи» [37]. Духовенство наметило ряд новых действий по устранению из богослужебной практики некоторых латинских искажений.

Несколько обособленно среди публикаций стоит статья о наречении и хиротонии архимандрита Дорофея (Филиппа). Владыка Дорофей родился 1913 г. в с. Нанково Хустского района Закарпатской области. В 1938 г. вступил в Свято-Николаевский мужской монастырь в с. Иза, где в июле следующего года был

пострижен в монашество. В 1951 г. назначен духовником женского монастыря в Мукачеве. Во время пребывания в обители заочно окончил курс духовной семинарии и поступил в Ленинградскую духовную академию. 10 июня 1955 г. Священный Синод РПЦ назначил его на Кременецкую епископскую кафедру. Архимандрит Дорофей был хиротонисан в воскресенье, 12 июня 1955 г., в Богоявленском Патриаршем соборе. Хиротонию совершали Патриарх Алексий I, архиепископ Можайский Макарий (Даев) и настоятель Антиохийского подворья в Москве епископ Василий (Самаха) [38. С. 12]. В 1964–2000 гг. возглавлял Православную церковь в Чехословакии, а впоследствии в Чехии и Словакии.

На страницах ЖМП были опубликованы также два некролога – схиархимандрита Алексия (Кабалюка) и игуменьи Февронии (Рацюк). Протоиерея Георгий Станканинец сообщил основные вехи биографии архимандрита, акцентируя внимание на его сельском происхождении и религиозном воспитании. Он переходит в православие на Святой горе Афон, а далее принимает монашество в Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре на Холмщине. Весной 1911 г. от Сербского Патриарха получает благословение для священнодействий в Закарпатье. Кабалюк преследовался австро-венгерскими властями и был осужден на Мараморош-Сиготском процессе на четыре с половиной года тюремного заключения. После освобождения в 1918 г. о. Алексий возглавляет православное движение в крае. В 1921 г. его избирают настоятелем монастыря и возводят в сан игумена. В 1923 г. о. Алексий получает новое повышение – он возводится в сан архимандрита. Стараниями архимандрита Алексия строятся монастырь в Изе, женский монастырь в Домбоках, много храмов и епархиальный интернат. В 1944 г., после освобождения Закарпатья, о. Алексий с делегацией православного духовенства ездил в Москву по вопросу перехода местной епархии в ведение РПЦ. Умер 2 декабря 1947 г. в Девичьем монастыре в Домбоках, похоронен на кладбище мужского монастыря в с. Изе Хустского района [39. С. 70]. Попутно отметим, что архимандрит Алексий (Кабалюк) был в 2001 г. канонизирован УПЦ под именем Алексия Карпаторусского исповедника [40. С. 131]. Некролог о игуменье Февронии подготовил игумен Василий (Пронин), известный впоследствии церковный историк и религиозный деятель. Монахиня Феврония стояла у основания первого женского монастыря в с. Липча. С 1942 г. и до своей смерти 24 сентября 1950 г. она находилась во главе православного Девичьего монастыря в Домбоках Мукачевского района [41].

Таким образом, ЖМП является важным источником по истории Мукачевско-Ужгородской православной епархии первых десяти лет ее существования. Редакция освещала основные события в жизни православных Закарпатья, акцентируя внимание на деятельности епископов и духовенства. В журнальных материалах содержатся биографические данные о правящих архиереях, уникальная информация о поездках православных делегаций в Москву и Ленинград, сообщения о мероприятиях по очищению православного обряда от латинских влияний и т.д. Пик интереса редакции ЖМП к жизни Мукачевско-Ужгородской епархии приходится на 1948–1949 гг. За эти два года в журнале напечатано более 50% всех статей на закарпатскую тематику, что было вызвано так называемым «воссоединением» греко-католиков с православной церковью. Уникальными по своему содержанию являются некоторые торжественные речи и проповеди архиереев, которые печатались на страницах ЖМП. На сегодняшний день их текст не обнаружен в архивах, что повышает ценность периодического издания. Количество статей о епархии также зависело от активности архиерея, который лучше или хуже умел организовать оперативное освещение различных аспектов своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнець Т. Історія в журналі «Труды Киевской Духовной Академии»: тематична спрямованість публікацій // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. 2016. Вип. 110. С. 13–19.
2. Данилец Ю. Поездка делегации Мукачевско-Пряшевской православной епархии в Москву и канонический переход в состав РПЦ (на материалах ГАРФ) // Rocznik teologiczny. 2017. Rok LIX. Z. 1. С. 131–150.
3. Данилець Ю. Православна церква на Закарпатті в перші роки радянської влади (на документах розсекречених фондів ДАЗО) // Русин. 2016. № 4. С. 217–235.
4. Алешин А. Проблемы развития духовного образования на страницах «Журнала Московской патриархии» в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. 1943–1948 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 79–87.
5. Василицын А. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории русской православной церкви в БССР послевоенного периода // Актуальные проблемы источниковедения : материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. С. 298–301.
6. Ерескин М. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской Православной Церкви // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 89–90.
7. Любартович В. У истока возрождения издательского дела Московской Патриархии // ЖМП. 2003. № 9. С. 6–11.
8. Полищук Е.С. К 65-летию начала непрерывного издания «Журнала Московской Патриархии» // ЖМП. 2008. № 9. С. 88–96.
9. Полищук Е. Журнал Московской Патриархии // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XIX. С. 396–398.
10. Тихон, архиеп. Бронницкий. Средства массовой информации Русской Православной Церкви на пороге третьего тысячелетия // ЖМП. 2000. № 4. С. 48–65.
11. Родченко В. Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 142–148.
12. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М. : Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2001. 272 с.
13. Пребывание в Москве делегации Православной Церкви Закарпатской Украины // ЖМП. 1945. № 1. С. 5–10.
14. Пребывание в Москве епископа Мукачевского Владимира // ЖМП. 1945. № 11. С. 20–21.
15. Хроника [наречение и хиротония иеромонаха Антония (Пельвецкова) во епископа Станиславского и Коломыйского] // ЖМП. 1946. № 5. С. 14–15.

16. Нестор, епископ. Из Закарпатья // ЖМП. 1947. № 8. С. 35–38.
17. Хроника (назначения и перемещения архиереев) [епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор (Сидорук) назначен епископом Курским и Белгородским] // ЖМП. 1948. № 9. С. 40.
18. Концевич Н., протоиерей. Епископ Курский и Белгородский Нестор (некролог) // ЖМП. 1951. № 11. С. 7–10.
19. Данилец Ю. Нестор (Сидорук) – первый Мукачево-Ужгородский архиерей // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф., Иваново, 23–24 марта 2016 г. : в 2 ч. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2016. Ч. 1. С. 117–123.
20. Хруцкий С. Веками ожидаемое торжество // ЖМП. 1947. № 10. С. 38–41.
21. Хроника (назначения и перемещения архиереев) [архиепископ Львовский и Тернопольский Макарий (Оксиюк) назначен архиепископом Львовским, Тернопольским и Ужгородско-Мукачевским] // ЖМП. 1948. № 9. С. 40.
22. Макарий, архиепископ. Протопресвитер о. Гавриил Костельник (некролог) // ЖМП. 1948. № 10. С. 11–14.
23. Макарий, архиепископ Львовский и Тернопольский и Мукачево-Ужгородский. Соболезнование по поводу смерти протоиерея о. Гавриила Костельника // ЖМП. 1948. № 10. С. 17.
24. Макарий, архиепископ Львовский и Тернопольский и Мукачево-Ужгородский. Кончина и погребение протопресвитера о. Гавриила Костельника // ЖМП. 1948. № 10. С. 18–24.
25. Алексий I, Патриарх [Московский и всея Руси]. Преосвященному архиепископу Львовско-Тернопольскому и Мукачевско-Ужгородскому Макарию [награждение правом ношения креста на клобуке] // ЖМП. 1949. № 10. С. 11.
26. Макарий, архиепископ Львовский и Тернопольский и Мукачево-Ужгородский, священноархимандрит Почаевской Св.-Успенской Лавры. [Послание] всечестнейшим и боголюбивым пастырям, благочестивым инокам, инокиням и всем благочестивым верным чадам Святой Православной Церкви на Закарпатье // ЖМП. 1949. № 10. С. 7–9.
27. Павлосюк Н., священник. Торжество Православия на Закарпатье // ЖМП. 1949. № 10. С. 5–6.
28. К воссоединению греко-католиков Закарпатья // ЖМП. 1949. № 10. С. 10–11.
29. Постановление Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода [направить на Всесоюзную конференцию сторонников мира делегацию от РПЦ в составе: митрополита Крутицкого Николая (глава), архиепископа Львовского Макария, протопресвитера Н.Ф. Колчицкого, наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Иоанна, прот. г. Гомеля М.П. Кротта] // ЖМП. 1949. № 9. С. 11.
30. Новые почетные члены Московской Духовной Академии // ЖМП. 1950. № 3. С. 19–20.
31. Постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода 15 июня 1951 г. [отпустить в юрисдикцию Польской Автокефальной Церкви на пост ее Главы архиепископа Львовского и Тернопольского Макария (Оксиюка)] // ЖМП. 1951. № 7. С. 3–4.
32. Мирошниченко М. Предстоятель Православной Церкви в Польше Митрополит Макарий (некролог) // ЖМП. 1961. № 4. С. 51–58.
33. Бендас М., протоиерей. «Умовение ног» в кафедральном соборе // ЖМП. 1952. № 7. С. 55.
34. Зернов М., протоиерей, Стаднюк М., священник. Церковные гости из Западной Украины и Закарпатья (дневник пребывания) // ЖМП. 1954. № 12. С. 24–30.
35. Летопись церковной жизни: пятилетие воссоединения униатов Закарпатья // ЖМП. 1955. № 2. С. 61.
36. Летопись церковной жизни: в Мукачевско-Ужгородской епархии // ЖМП. 1955. № 4. С. 7.
37. Летопись церковной жизни: съезд благочинных // ЖМП. 1955. № 5. С. 12.
38. Наречение и хиротония архимандрита Дорофея (Филипп) // ЖМП. 1955. № 7. С. 10–13.
39. Станканинец Георгий, протоиерей. Схиархимандрит Алексий (Кабалюк) // ЖМП. 1948. № 2. С. 69–70.
40. Данилець Ю. Обраний Божим Провидінням. Життєпис преподобного Олексія Карпаторуського сповідника. Чернівці : Місто, 2013. 168 с.
41. Василий (Пронин), игумен. Кончина игумении Февронии // ЖМП. 1950. № 12. С. 57–58.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2018 г.

“THE JOURNAL OF THE MOSCOW PATRIARCHATE” AS A SOURCE OF THE MUKACHEVO-UZHGOROD EPARCHY HISTORY IN 1945–1955

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 117–124.
DOI: 10.17223/15617793/429/14
Jurij V. Danilets, Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine). E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua
Keywords: 1945–1955; Transcarpathia; clergy; bishop; magazine; Mukachevo-Uzhhorod Eparchy; article; church.

The aim of this publication is to consider the content and context of articles about the Mukachevo-Uzhgorod Orthodox Eparchy history in 1945–1955 printed on the pages of the official periodical of the Russian Orthodox Church – *The Journal of the Moscow Patriarchate*. Based on this research, the author defines the proposed topic as not sufficiently investigated. The calculations show that the greatest number of publications in the journal were in 1948, 1949 and 1955. The article proposes a classification of publications and their division into three groups: 1) articles in which the issues of the activity of bishops were covered; 2) articles which contained information on the internal life of the Eparchy; 3) obituaries. The publications about visits of an Orthodox delegation from Transcarpathia in 1944 to Moscow, Bishop Vladimir (Raich) in 1945, reunited clergy in 1954 were analyzed in detail. It is found that the journal paid much attention to the activities of Orthodox bishops. More than a half of the materials in all publications were devoted to bishops. It is found that articles about Transcarpathia were prepared personally by the bishops (archiereuses) as well as by individual priests or members of the editorial board. The journal paid special attention to the preaching activity of bishops (archiereuses), the holding of certain ceremonies, and church activities. Further biography of bishops, after their transfer from Transcarpathia can be traced on the pages of the journal. It is shown by the author that the journal sufficiently covered the process of reunification of Transcarpathian Greek Catholics with the Orthodox Church, showed the course of celebrations in this context on Chernecha Mount in Mukachevo. It is noted that in the journal information about Transcarpathians who reached significant positions in the church can be found. A text about the consecration of Dorotheus (Philip), who later headed the Orthodox Church in Czechoslovakia, was analyzed in particular. The obituaries printed in the journal were studied as well. The author’s attention was drawn to essays about the leader of the Transcarpathian Orthodox Church Archimandrite Alexy (Kabalyuk) and Fevronia (Ratsyuk) the abbess of the monastery in Domboky. The author comes to a conclusion that *The Journal of the Moscow Patriarchate* is an important source on the history of the Mukachevo-Uzhhorod Orthodox Eparchy in the first ten years of its existence. The periodical has unique information that cannot be found in other sources.

REFERENCES

1. Kuznets’, T. (2016) Istoriya v zhurnali “Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii”: tematichna spryamovanist’ publikatsiy [History in the journal “Proceedings of the Kiev Theological Academy”: thematic confrontation of publications]. *Gileya: naukoviy visnik. Zbirnik naukovikh prats’*. 110. pp. 13–19.

2. Danilets, Yu. (2017) Poezdka delegatsii Mukachevsko-Pryashevskoy pravoslavnoy eparkhii v Moskvu i kanonicheskiy perekhod v sostav RPTs (na materialakh GARF) [Trip of the Mukachevo-Pryashevsk Orthodox Eparchy delegation to Moscow and the canonical transition to the Russian Orthodox Church (on the materials of State Archive of the Russian Federation (GARF))]. *Rocznik teologiczny*. Rok LIX. Z. 1. pp. 131–150.
3. Danilets', Yu. (2016) Orthodox church in Transcarpathia in the early Soviet years (on documents from declassified SATR fund). *Rusin*. 4. pp. 217–235. (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/46/14
4. Aleshin, A. (2014) On the development of theological education in The Journal of Moscow Patriarchate during the Great Patriotic War and Early Post-War Years (1943-1948). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 8 (337):59. pp. 79–87. (In Russian).
5. Vasilitsyn, A. (2013) ["The Journal of the Moscow Patriarchate" as a source on the history of the Russian Orthodox Church in the BSSR post-war period]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya* [Topical issues of source study]. Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of V.I. Pikheti. Minsk–Vitebsk. October 9–11, 2013. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 298–301.
6. Ereskin, M. (2014) "Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii" kak istochnik po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi ["The Journal of the Moscow Patriarchate" as a source on the history of the Russian Orthodox Church]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 4. pp. 89–90.
7. Lyubartovich, V. (2003) U istoka vozrozhdeniya izdatel'skogo dela Moskovskoy Patriarkhii [At the source of the revival of the publishing business of the Moscow Patriarchate]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 6–11.
8. Polishchuk, E.S. (2008) K 65-letiyu nachala nepreryvnogo izdaniya "Zhurnala Moskovskoy Patriarkhii" [To the 65th anniversary of the beginning of the uninterrupted edition of "The Journal of the Moscow Patriarchate"]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 88–96.
9. Polishchuk, E. (2008) Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [The Journal of the Moscow Patriarchate]. In: Alexy II (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 19. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
10. Tikhon, Archbishop of Bronnitsy. (2000) Sredstva massovoy informatsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi na poroge tret'ego tysyacheletiya [Mass media of the Russian Orthodox Church on the threshold of the third millennium]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 4. pp. 48–65.
11. Rodchenko, V. (2011) Tipologicheskie osobennosti "Zhurnala Moskovskoy Patriarkhii" kak ofitsial'nogo obshchetserkovnogo izdaniya [Typological features of "The Journal of the Moscow Patriarchate" as an official general church publication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2. pp. 142–148.
12. Council of the Russian Orthodox Church. (2001) *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii v 1931–1935 gody* [The Journal of the Moscow Patriarchate in 1931–1935]. Moscow: Izd. Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi.
13. ZhMP. (1945) Prebyvanie v Moskve delegatsii Pravoslavnoy Tserkvi Zakarpatskoy Ukrainy [Stay in Moscow of the delegation of the Orthodox Church of Transcarpathian Ukraine]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 1. pp. 5–10.
14. ZhMP. (1945) Prebyvanie v Moskve episkopa Mukachevskogo Vladimira [Stay in Moscow of Bishop Vladimir Mukachevsky]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 11. pp. 20–21.
15. ZhMP. (1946) Khronika [narechenie i khirotoniya ieromonakha Antoniya (Pel'vetskova) vo episkopa Stanislavskogo i Kolomyyskogo] [Chronicle [nomination and ordination of Hieromonk Antoniy (Pelvetskov) bishop of Stanislavsk and Kolomiysk]]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 5. pp. 14–15.
16. Nestor, Bishop. (1947) Iz Zakarpat'ya [From Transcarpathia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 8. pp. 35–38.
17. ZhMP. (1948) Khronika (naznacheniya i peremeshcheniya arkhiereev) [episkop Uzhgorodskiy i Mukachevskiy Nestor (Sidoruk) naznachen episkopom Kurskim i Belgorodskim] [Chronicle (appointments and movements of bishops) [bishop of Uzhhorod and Mukachevo Nestor (Sidoruk) appointed bishop of Kursk and Belgorod]]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 40.
18. Kontsevich, N., Archpriest. (1951) Episkop Kurskiy i Belgorodskiy Nestor (nekrolog) [Bishop of Kursk and Belgorod Nestor (obituary)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 11. pp. 7–10.
19. Danilets, Yu. (2016) [Nestor (Sidoruk) – the first Mukachevo-Uzhgorod bishop]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* [State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries]. Proceedings of V international conference. Ivanovo. 23–24 March 2016: in 2 parts. Pt. 1. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 117–123. (In Russian).
20. Khrutskiy, S. (1947) Vekami ozhidaemoe torzhestvo [The celebration expected for centuries]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 38–41.
21. ZhMP. (1948) Khronika (naznacheniya i peremeshcheniya arkhiereev) [arkhiepiskop L'vovskiy i Ternopol'skiy Makariy (Oksiyuk) naznachen arkhiepiskopom L'vovskim, Ternopol'skim i Uzhgorodsko-Mukachevskim] [Chronicle (appointments and movements of the bishops) [Archbishop of Lviv and Ternopil Makariy (Oksiyuk) appointed archbishop of Lviv, Ternopil and Uzhgorod-Mukachevo]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 40.
22. Makariy, Archbishop. (1948) Protopresviter o. Gavriil Kostel'nik (nekrolog) [Protopresbyter Fr. Gavriil Kostelnik (obituary)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 11–14.
23. Makariy, Archbishop Archbishop of Lviv and Ternopil and Mukachevo-Uzhgorod. (1948) Soboleznovanie po povodu smerti protoiereya o. Gavriila Kostel'nika [Condolence over the death of Archpriest Fr. Gavriil Kostelnik]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 17.
24. Makariy, Archbishop of Lviv and Ternopil and Mukachevo-Uzhgorod. (1948) Konchina i pogrebenie protopresvitera o. Gavriila Kostel'nika [The death and burial of Protopresbyter Fr. Gavriil Kostelnik]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 18–24.
25. Alexy I, Patriarch [of Moscow and All Russia]. (1949) Preosvyashchennomu arkhiepiskopu L'vovsko-Ternopol'skomu i Mukachevsko-Uzhgorodskomu Makariyu [nagrazhdenie pravom nosheniya kresta na klobuke] [To His Eminence Archbishop of Lviv-Ternopil and Mukachevo-Uzhgorod Makariy [awarding the right to wear a cross on a klobuk]]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 11.
26. Makariy, Archbishop of Lviv and Ternopil and Mukachevo-Uzhgorod, the Archimandrite of the Pochaev St. Assumption Lavra. (1949) [Poslanie] vsechestneyshim i bogolyubivym pastyryam, blagochestivym inokam, inokinyam i vsem blagochestivym vernym chadam Svyatoy Pravoslavnoy Tserkvi na Zakarpat'e [[Address] to the most honorable and God-loving pastors, pious monks, nuns and all pious faithful children of the Holy Orthodox Church in Transcarpathia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 7–9.
27. Pavlosyuk, N. priest. (1949) Torzhestvo Pravoslaviya na Zakarpat'e [The Triumph of Orthodoxy in Transcarpathia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 5–6.
28. ZhMP. (1949) K vossoedineniyu greko-katolikov Zakarpat'ya [To the reunification of the Greek Catholics of Transcarpathia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 10. pp. 10–11.
29. ZhMP. (1949) Postanovlenie Svyateyshego Patriarkha Aleksiya i Svyashchennogo Sinoda [napravit' na Vsesoyuznuyu konferentsiyu storonnikov mira delegatsiyu ot RPTs v sostave: mitropolita Krutitskogo Nikolaya (glava), arkhiepiskopa L'vovskogo Makariya, protopresvitera N.F. Kolchitskogo, namestnika Troitse-Sergievoy Lavry arkhimandrita Ioanna, prot. g. Gomelya M.P. Krotta] [Decree of His Holiness Patriarch Alexy and the Holy Synod [to send a delegation from the Russian Orthodox Church to the All-Union Conference of Supporters of the Peace: Metropolitan Nikolai of Krutitsk (head), Archbishop of Lviv Makariy, Protopresbyter N.F. Kolchitsky, governor of the Trinity-Sergius Lavra, Archimandrite Ioann, prot. of Gomel M.P. Krott]]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 9. pp. 11.
30. ZhMP. (1950) Novye pochetnye chleny Moskovskoy Dukhovnoy Akademii [New honorary members of the Moscow Theological Academy]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 3. pp. 19–20.
31. ZhMP. (1951) Postanovlenie Svyateyshego Patriarkha i Svyashchennogo Sinoda 15 iyunya 1951 g. [otpustit' v yurisdiktsiyu Pol'skoy Avtokefal'noy Tserkvi na post ee Glavy arkhiepiskopa L'vovskogo i Ternopol'skogo Makariya (Oksiyuka)] [Decree of His Holiness the Patriarch and the Holy Synod of June 15, 1951 [to release the Archbishop of Lvov and Ternopil Makariy (Oksiyuk) into the jurisdiction of the Polish Autocephalous Church for the post of its Head]]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 7. pp. 3–4.

32. Miroshnichenko, M. (1961) Predstoyatel' Pravoslavnoy Tserkvi v Pol'she Mitropolit Makariy (nekrolog) [Metropolitan Makariy, Primate of the Orthodox Church in Poland (obituary)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 4. pp. 51–58.
33. Bendas, M., Archpriest. (1952) "Umovenie nog" v kafedral'nom sobore ["Foot Wash" in the cathedral]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate.* 7. pp. 55.
34. Zernov, M., archpriest, & Stadnyuk, M., priest. (1954) Tserkovnye gosti iz Zapadnoy Ukrainy i Zakarpat'ya (dnevnik prebyvaniya) [Church guests from Western Ukraine and Transcarpathia (diary of stay)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate.* 12. pp. 24–30.
35. ZhMP. (1955) Letopis' tserkovnoy zhizni: pyatiletie vossoedineniya uniatov Zakarpat'ya [Chronicle of church life: the five-year reunion of the Uniates of Transcarpathia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 2. pp. 61.
36. ZhMP. (1955) Letopis' tserkovnoy zhizni: v Mukachevsko-Uzhgorodskoy eparkhii [Chronicle of church life: in the Mukachevo-Uzhhorod Eparchy]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 4. pp. 7.
37. ZhMP. (1955) Letopis' tserkovnoy zhizni: s"ezd blagochinnykh [Chronicle of church life: congress of the Deans]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate.* 5. pp. 12.
38. ZhMP. (1955) Narechenie i khirotoniya arkhimandrita Dorofeya (Filipp) [Naming and consecration of Archimandrite Dorotheus (Philip)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate*. 7. pp. 10–13.
39. Stankaninets, G., Archpriest. (1948) Skhiarkhimandrit Aleksiy (Kabalyuk) [Schema-Archimandrite Alexy (Kabalyuk)]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate.* 2. pp. 69–70.
40. Danilets', Yu. (2013) *Obraniy Bozhim Providinnyam. Zhittєpis prepodobnogo Oleksiya Karpatorus'kogo spovidnika* [Selected by God's Providence. Life record of Rev. Oleksiy Karpatursky, a confessor]. Chernivtsi: Misto.
41. Vasiliy (Pronin), hegumen. (1950) Konchina igumenii Fevronii [The death of the Abbess Fevronia]. *ZhMP – The Journal of the Moscow Patriarchate.* 12. pp. 57–58.

Received: 26 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 125–131. DOI: 10.17223/15617793/429/15

УДК 94(57)

В.П. Зиновьев

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ТОМСКЕ В 1862–1917 гг.

Автор представляет составленную им на основе сведений сибирских газет, справок Томской городской управы и материалов Томского горного управления статистику цен на основные продукты потребления в одном из наиболее крупных провинциальных центров России – Томске – во второй половине XIX – начале XX в. и дает ее предварительный анализ, целью которого является поиск связи рыночных цен Томска с сибирским и общероссийским товарными рынками.

Ключевые слова: статистика цен; продукты потребления; Томск; рынок; вторая половина XIX – начало XX в.

Статистика цен является основным инструментом анализа состояния и тенденций развития рыночной экономики. В российской историографии есть великолепные примеры применения такого точного подхода к изучению процессов формирования капиталистических отношений в нашей стране: это общеизвестные труды И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова [1], Т.М. Китаниной [2–3]. К статистике цен прибегали для выяснения тенденций изменения жизненного уровня работников исследователи рабочего класса страны [4. С. 431–432; 5. С. 116, 118]. Предпринимались такого рода попытки и автором настоящей статьи [6. С. 151–153, 157–158; 7. С. 142–143; 8; 9. С. 132–155].

Вместе с тем следует признать, что цены не являются любимым предметом внимания историков, даже изучающих экономическую историю. В настоящей статье автор ставит скромную задачу составить статистику цен на основные предметы потребления в одном городе – Томске – и представить наиболее общий ее анализ, памятуя о том, что уже сама по себе опубликованная статистика цен поможет историкам в объяснении уровня жизни горожан, тенденций развития экономики одного из крупнейших провинциальных центров дореволюционной Северной Азии.

Основными источниками информации о движении цен послужили сообщения дореволюционных газет и материалы делопроизводства Томской городской управы (Ф. 233), канцелярии окружного инженера Томского горного округа (Ф. 428) и канцелярии управления Томской горной области (Ф. 433), хранящиеся в Государственном архиве Томской области.

Более или менее регулярные публикации о ценах на основные продукты питания на рынке Томска стали появляться в газете «Томские губернские ведомости» с 1862 г. по 1870 г. Список продуктов, цены на которые публиковались, был невелик. Так, «Торговые цены, существовавшие в Томске на съестные припасы с 1-го по 8-е марта 1865 года» включали следующие товары (за пуд): муку ржаную – 23–25 коп., муку пшеничную – 55–65 коп., горох – 0,8–1 руб., крупу ячную – 55–60 коп., просовую – 1–1,2 руб., гречневую 0,9–1 руб., масло коровье – 6–6,4 руб., масло постное – 9–9,6 руб., говядину свежую 1 сорта – 1,2–1,6 руб., говядину 2-го сорта – 1–1,2 руб., нельму свежую – 5–6 руб., нельму соленую 3,8–4,2 руб., осетрину свежую 3,5–4,5 руб., осетрину соленую – 2,8–4 руб., стерлядь свежую – 2,8–4,5 руб., стерлядь соленую – 2,4–2,8 руб., щучину свежую 1,2–1,6 руб., щучину соленую – 0,8–1 руб., рыбу мелкую – 0,8–1 руб., муксуна свежего – 45–60 коп. штука, муксуна соленого 30–35 коп. штука, сотню яиц – 1,6–2 руб., сотню головок лука – 70–80 коп., мед – 5–5,5 руб., сахар – 9–10 руб. [10]. В список продуктов были включены ржаная мука, пшеничная мука, крупы (ячная, гречневая, просо), говядина, сахар, мед, масло скоромное и растительное (конопляное), рыба (щука). Мерой веса взят пуд (табл. 1).

Таблица 1

Цены в Томске в 1862–1882 г. по данным «Томских губернских ведомостей», руб. за пуд

Продукты питания	1862 г.		1863 г.		1864 г.		1865 г.		1866 г.	1867 г.	1869 г.	1870 г.	1882 г.	
	Март	Сент.	Май	Нояб.	Март	Нояб.	Весна	Осень	Весна	Весна	Осень	Весна	Апрель	Окт.
Мука ржаная	0,25–0,28	0,30–0,35	0,39	0,31	0,28	0,22	0,28	0,33	0,45	0,7	0,33	0,24	0,02 фунт	0,015 фунт
Мука пшеничная	0,55–0,65	0,65–0,75	0,58	0,58	0,45	0,52	0,63	0,7	0,72	0,96	0,69	0,6	0,035 фунт	0,03 фунт
Мясо говяжье	1,2–1,6	1,80	2,18	1,5	1,5	1,4	1,8	1,65	1,7	1,9	1,67	1,4	2,0–2,2	1,4–2,4
Масло скоромное	6,0–6,4	5,5–6,0	5,92	5,25	5,35	5,55	6,57	5,85	5,38	5,55	5,9	8,5		
Масло растительное	9–9,6	7,5–8,0	6,58	5,25	5,2	6,35	7,38	8,0	4,88	5,17	6,2	8,33		
Сахар	9–10	10–11	12,55	12,75	12,50	10,5	10,5	10,5	13,08	13,83	11,6	11,73		
Мед	5,0–5,5	4,0–4,5			4,15	5,4								
Рыба, щука	1,2–1,6	1,2–1,6	1,03	0,95	1,25	1,35	1,04	1,35	1,0	1,33	1,8	1,83		
Крупы	0,55–1,0	0,6–1,5	0,93	0,77	0,60	0,65	0,94	1,18	1,06	1,3	0,64	0,72		

Источники: Томские губернские ведомости. 1862. № 10. 1–8 марта; № 36. 7–14 сент.; 1863. 12 апр., 10 мая, 22 нояб.; 1864. № 12, 47; 1865. 12 марта, 16 апр., 28 мая, 17 сент., 1 окт.; 1866. 11, 18, 25 марта, 22, 29 апр., 20 мая; 1867. 3, 31 марта, 5 мая; 1869. 3, 31 окт., 5 дек; 1870. 7, 14 марта, 4 апр., 20 июня; 1882. 17 апр.

Более подробные сообщения о ценах на томских рынках приводились в 1877–1908 гг. в частных газетах – иркутской «Сибири», томских «Сибирской газете» и «Сибирском вестнике», тюменской «Сибирской торговой газете». Приведу сообщение о ценах на товары томского рынка из «Сибирского вестника» за

22 марта 1892 г.: «Томский рынок. Подвоз продуктов довольно большой, спрос очень мал, а потому цены на все сильно пали. Мука ржаная 40 к. за пуд, пшеничная 60–65 к. за пуд, овес 30 к. за пуд, мука крупчатая 1-й сорт 9 р. за куль, 2-й 8 р. за куль, 3-й 7 р. за куль, 4-й 6 р. за куль, крупа гречневая 70 к. за пуд, просовая 1 р. 60 к. за пуд, ячная 80 к. за пуд, соль крупная 45 к. за пуд, колотая 50 к. за пуд, мыло желтое 4 р. 40 к. за пуд, серое з р. 10 к. за пуд, свечи сальные 4 р. 40 к. за пуд, керосин 2 р. 20 к. за пуд, сахар головной 6 р. 50 к. за пуд, пиленый 6 р. 60 к. за пуд, масло коровье 8 р. за пуд, ореховое 10 р. за пуд, конопляное 6 р. 50 к. за пуд, подсолнечное 9 р. за пуд, чай фамильный – 10 р. за цибик, кирпичный (64 доски) 65 р. за цибик, (72 доски) 72 р. за цибик, яйца свежие 5 р. за сотню, мерзлые 4 р. за сотню, картофель 10 к. за куль, молоко свежее 10 к. крынка, лук 25–50 к. за сотню, мед 5 р. за пуд, орех кедровый 1 р. 60 к. за пуд, лен простой 1 р. 60 к. за пуд. конопля 2 р. 20 к. за пуд, горох 1 р. за пуд, табак листовый 3 р. 50 к. за пуд, махорка (два ящика) 27 р., воск 20 р. за пуд. Птица: гуси колотые 70 к. за пару. Мясо: 1-й сорт 1 р. 80 к. за пуд, 2-й сорт 1 р. 20 к. за пуд. Дрова: березовые 3 р. 20 к. за сажень, сосновые 2 р. за сажень, сено 2 р. за воз» [11]. Товаров могло быть больше или меньше, чем приведено в этом примере. Сообщения о рыночных ценах в томских газетах стали в начале XX в. редкостью, видимо, это связано с распространением магазинной и лавочной торговли и падением интереса к периодической базарной торговле.

Таблица 2

Среднегодовые цены в Томске в 1871–1894 гг. на основные продукты питания по данным городской управы, руб. за пуд

Продукты питания	1871 г.	1872 г.	1876 г.	1877 г.	1879 г.	1882 г.	1894 г.
Мука ржаная	0,33	0,28	0,32	0,25	0,33	0,56	
Мука пшеничная	0,81	0,57	0,52	0,41	0,55	0,89	
Мясо говяжье	1,69	2,06	1,79	1,72	1,74	1,76	1,9
Масло скоромное	6,33	6,92	5,79	5,36	7,60	7,38	7,2
Масло растительное	7,08	4,42	3,46	3,83	5,40		
Сахар		11,80	9,68	8,83	9,45	12,67	7,6
Рыба, щука	1,5	1,82	1,25	1,16	1,52	2,0	
Крупы	0,89	1,07	0,84	0,64	0,77	0,93	1,25
Крупчатка	1,6	1,6				2,0	
Соль	0,64	0,6	0,61	0,7	0,72	0,51	0,33
Капуста, ведро		0,3	0,21	0,24	0,35		
Картофель, мешок	0,4	0,3	0,24	0,21	0,3		
Молоко, ведро	0,83	0,8	0,68	0,49	0,74		
Чай, фунт, кирпич			1,25 фунт	1,45 фунт	1,08	1,85 фунт	1,05
Мыло			4,0	3,72	4,10	3,92	2,8
Свечи			4,5	4,44	5,20	5,54	5,2
Табак			0,22 фунт	0,22 фунт	6,31		9,2
Дрова, погонная сажень			1,88	2,15	2,90	3,25	
Керосин						4,0	4,25
Водка, ведро						6,0	

Источники: За 1871 г., 1872 г. – ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 44; за 1876 г. – Оп. 5. Д. 160. Л. 82–829; за 1877 г. – Д. 201. Л. 30–778; за 1879 г. – Д. 215. Л. 1–720; за 1882 г. – Оп. 2. Д. 330. Л. 33–903; за 1894 г. – Ф. 428. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–4.

Таблица 3

Среднегодовые цены в Томске на основные предметы потребления по данным сибирских газет 1877–1908 гг., руб. за пуд

Продукты питания	1877 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Мука ржаная	0,27	0,46	0,7	0,59	0,52	0,7	0,73	0,44	0,43	0,49	0,73
Мука пшеничная	0,4	0,57	0,9	0,90	0,81	1,08	1,13	0,75	0,67	0,73	1,02
Мясо говяжье	1,55		2,4	2,18	2,47	2,2	2,05	1,96	1,95	2,1	1,8
Масло скоромное	8,0	6,62	7,5–8,0	7,53	8,3	9,9	8,0	7,27	8,21	8,0	7,63
Масло растительное	3,5	5,37						5,01	3,55	3,2	3,75
Сахар	10,0		9,8–10,5	13,37	12,80	10,6	8,6	6,65	7,48	6,8	7,03
Рыба, щука	3,6			2,10						1,0	
Крупы	0,45		1,1	1,08	1,31	1,5	1,71	1,1	0,69	0,9	1,38
Крупчатка	1,7	1,6	1,55–1,95	2,0	1,88	2,0	2,1	1,85	1,73	1,8	1,95
Соль	0,7		0,5	0,6	0,63	0,5	0,4	0,28	0,38	0,42	0,33
Картофель, мешок									0,36	0,45	0,45
Молоко, крынка									0,1	0,07	0,07–0,08
Чай, фунт, кирпич								1,15	1,2	1,25	1,07
Мыло				4,42	4,45	5,6	4,6	3,38	3,05	4,0	3,25
Свечи	4,65		6,4	5,62	6,15	6,9	5,76	4,9	4,2	4,6	4,35
Табак, пуд					3,16		8,65	9,43	9,0	12,0	
Дрова, погонная сажень	2,00			3,0				2,5	2,3	2,5	2,0
Керосин			6,0	4,0				1,74	2,36	2,2	1,88
Водка, ведро			5,0–6,0	6,0	6,0–6,5	6,5	8,0	5,75	7,0	4,0	

Источники: за 1877 г. – Сибирь. 1877. 4 дек., 1882. 11 апр., № 15; за 1880 г. – Сибирь. 1880. № 10; за 1881 г. – Сибирская газета. 1881. № 17, 28 июня; за 1881 г. – Сибирская газета. 1881. № 17, 28 июня; за 1882 г. – Сибирская газета. 1882. 31 янв., 4, 11 апреля, 9 мая, 3 окт, 5 дек.; за 1883 г. – Сибирская газета. 1883. 6, 13 марта, 10, 15 апр., 1, 15, 22, 29 мая, 20 июня, 21 авг., 28 окт., 6 нояб.; за 1884 г. – Сибирская газета. 1884. 4 янв., 18, 26 февр., 22 апр., 3 июня, 1 сент., 1885. 20 янв.; за 1885 г. – Сибирская газета. 1885. 22 апр.; Сибирский вестник. 1885. 15 мая, 11 сент., 23 окт., 13, 19 ноября; за 1886 г. – Сибирская газета. 1886. 16 марта, 14 апр., 4 мая, № 36, 41; за 1887 г. – Сибирская газета. 1887. 4 янв., 18 апр.; Сибирский вестник. 1887. 6 сент., 20 окт. 6 нояб.; за 1888 г. – Сибирская газета. 1888. 10 янв., 27 февр., 19 марта, 9 апр.; Сибирский вестник. 1888. 3 февр., 4 марта, 3 апр., 25 июня, 31 окт., 18 дек.; за 1889 г. – Сибирский вестник. 1889. 15 марта, 10 сент., 22 окт., 11 нояб.

Продукты питания	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1907 г.	1908 г.
Мука ржаная	0,48	0,51	0,37	0,5	0,4	0,63	0,89	0,91	0,7	0,57	0,73	0,76	0,59
Мука пшеничная	0,72	0,95	0,67	0,7	0,7	0,9	1,0		0,78			0,90	0,8
Мясо говяжье	2,0	1,88	1,9	2,0	3,05	2,65	1,5	2,08	2,67	3,0	2,55		4,65
Масло скоромное	6,15	6,48	8,0	6,8	6,2	8,35	8,5	11,15	12,43	9,5	11,70		11,75
Масло растительное	3,84	5,5	6,5	6,0	4,2		5,0	4,85	4,60	4,1	4,9		4,75
Сахар	6,9	6,52	7,68	7,9			6,45	5,85	6,1		7,75		5,9
Рыба, щука		1,2		1,0	3,2						5,0		
Крупы	0,82	0,87	0,81	1,0	0,8		1,15	1,73	1,25	1,5	1,37	1,2	1,31
Крупчатка	1,65	1,64	1,7	1,5	1,45		2,05	2,0	1,76	1,6	1,63	1,6	1,76
Соль	0,32	0,34	0,48	0.4					0,27				0,36
Картофель, куль	0,13	0,14	0,10	0,3									
Молоко, крынка	0,09	0,09	0,1	0,06									
Чай, фунт, кирпич	0,86	0,86	1,01	1,05									
Мыло	2,9	2,95	4,1	3,7				4,0	4,22	4,2	4,25		4,6
Свечи	4,1	4,0	4,7	5,0				6,25	6,23	6,65			
Табак, пуд				10,25									
Дрова, погонная сажень	2,68	2,43	2,6		2,7								
Керосин	2,15	2,43	2,0	1,8				1,32	1,56	1,83	2,55		2,2
Водка, ведро													

Источники: За 1890 г. – Сибирский вестник. 1890. 20 марта, 1 сент., 19 нояб., № 35, 60; за 1892 г. – Сибирский вестник. 1892. 5 апр., 8 июня, 1 дек.; за 1892 г. – Сибирский вестник. 1892. 22 марта, № 35, 138; за 1893 г. – Сибирский вестник. 5 сент.; за 1894 – Сибирский вестник. 1894. 24 мая; за 1900 г. – Сибирская торговая газета. 1900. № 163, 24 июля; за 1901 г. – Сибирская торговая газета. 1901. № 4, 18, 162, 255, 270; за 1902 г. – Сибирская торговая газета. 1902. № 173, 277; за 1903 г. – Сибирская торговая газета. 1903. № 15, 225; за 1904 г. – Сибирская торговая газета. 1904. № 197; за 1905 г. – Сибирская торговая газета. 1905. № 34; за 1907 г. – Сибирская торговая газета. 1907. № 208, 258; за 1908 г. – Сибирская торговая газета. 1908. № 126.

Другим источником сведений о ценах была Томская городская управа, эти материалы сохранились как в фонде самого учреждения, так и в фондах горного ведомства, куда передавалась информация о ценах в городах Сибири, чтобы составлять таксы цен на предметы потребления в лавках горнопромышленных предприятий. В них помещались цены на товары, закупаемые для рабочих и служащих, поэтому список предметов потребления был специфическим: горох, горчица, крупа гречневая, капуста соленая, мука ржаная, масло скоромное, мед, мясо скотское свежее, мясо соленое, перец горошчатый, рыба свежая, рыба соленая, сало скотское топленое, сахар, соль, чай кирпичный, овес, сено, азямы (армяки), бахилы, ботинки, бродни, блузы, бумазея, бязь, вареги шерстяные, вар, ведра железные, гильзы папиросные, гвозди разные, железо разное, заплаты броденные, зипуны, керосин, кочма, коленкор, картузы, кретон, литовки, лопаты железные, миткаль, мыло, парусина, перчатки, порох, полушубки, пимы, рубахи ситцевые, рукавицы, сапоги, ситец, спички фосфорные, сукно, тик, топоры, трико, холст, чашки, шапки, шаровары, шубы [12. Л. 23–24]. Это так называемые приисковые товары, для горных работ и потребления на невзыскательный вкус.

Для формирования динамического ряда цен автором была проведена некоторая унификация данных. Хлебные цены учитывались в виде цен на муку ржаную, пшеничную и крупчатку (пшеничная мука тонкого помола вальцевыми мельницами) в рублях за пуд. Цены на зерно и готовый хлеб не учитывались. Цены на мясо учитывались в виде цен на мороженую говядину как на наиболее распространенную в торговле, для теплого времени года учитывались цены на свежее мясо или солонину. Цены на масло скоромное – это цены на топленое масло, наиболее употребляемое в Сибири, цены на сливочное масло были выше. Учитывались цены на постное масло – преимущественно конопляное. Цены на чай учитывались в виде цен на кирпич (плитку прессованного китайского чая весом в 3 фунта) чая, наиболее употребляемого простонародьем, байховые и цветные чаи стоили значительно дороже и оценивались за фунт, ящик, цибик, место. Цена на водку, квашеную капусту, молоко учитывалась за ведро (12,3 литра). Цена дров (березовых) учитывалась за погонную сажень, составлявшую треть кубической сажени (9,66 куб. м). Это поленница аршинных (0,71 м) дров длиной и высотой в сажень (2,13 м). Березовые дрова в Томске были наиболее употребляемые. Из большого разнообразия рыбного товара как индикатор цен выбрана щука, не самая дешевая, но распространенная рыба. Цена мороженой и свежей щуки раз в пять была ниже цен на стерлядь, осетра, нельму. Учитывались базарные, мелкооптовые цены, а не розничные (магазинные или лавочные), имевшие серьезный разброс по торговым заведениям. Автор ориентировался при выборе продуктов на наибольшую по доле в городах группу населения – малоимущих (рабочих, ремесленников, прислугу, мелких торговцев, студентов и учащихся). В связи с этим отмечу, что при составлении динамического ряда цен для вычисления расходов состоятельных жителей города, в том числе чиновничества, преподавателей учебных заведений, необходимо учитывать более дорогие сорта мяса, рыбы, муки, чая, предметов туалета, табака и т.д. А также следует учитывать потребление мучных изделий (вермишели, макарон), куриных яиц, рыбных и мясных консервов, кондитерских изделий.

Сезонные колебания цен, судя по сведениям газет, были значительными. Весенние цены на муку, крупы, дрова, сено были обычно выше осенних на 15–50%, дальнейшая их динамика зависела от урожайности нового года (табл. 4). Цены могли вернуться к прежнему уровню, вырасти или снизиться.

Таблица 4

Сезонные колебания цен в Томске в 1887 г., руб. за пуд

Продукты питания	3 янв.	7 февр.	6 марта	18 апр.	28 мая	26 июня	7 авг.	4 сент.	2 окт.	6 нояб.
Мука ржаная	0,3	0,3	0,4	0,4	0,35	0,37	0,4	0,45	0,5	0,45
Мука пшеничная	0,5	0,4–0,5	0,6–0,65	0,7	0,75–0,8	0,45	0,6	0,6	0,7	0,8
Овес	0,28	0,28	0,35	0,4	0,35	0,4	0,4	0,4	0,3	0,35
Крупчатка 1-й сорт	1,6	1,6	1,6	1,72	1,6	1,6	1,6	1,6	1,8	1,8
Масло скоромное	8,0	8,1	8,4	7,0	7,5	6,8	7,2	7,7	8,3	9,25
Масло конопляное	3,2	3,0	3,2	3,2	3,2	3,3	3,8	3,8	3,8	3,8
Свечи сальные	4,0	3,8	4,0	3,9	3,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
Мыло желтое	3,1	3,1	2,8	2,8	2,9	2,8	3,0	4,0	3,0	2,8
Соль	0,35	0,4	0,4	0,4	0,4	0,28	0,3	0,31	0,35	0,45
Дрова, погонная сажень	2,0–2,4	2,2–2,8	2,2–2,7	2,3–2,6	2,5–2,7	2,0–2,4	1,8–2,3	1,8–2,5	2,2–2,8	2,2
Мясо говяжье	1,2–1,5	1,2–1,6	1,2–1,6	1,4–1,6	1,6–2,2	2,4	2,0	–	2,0	1,8
Сало скотское топленое	2,8	2,8	3,0	3,0	3,0	–	–	–	–	–
Крупы	0,3–0,6	0,4–0,6	0,56–0,65	0,4–0,8	0,7–1,0	0,4–0,6	0,5–0,7	0,6–0,8	0,6–0,8	0,5–0,7
Сено	0,08	0,1	0,12	0,12	0,1–0,15	0,1	0,1	0,1	0,1	0,08
Керосин	1,6	2,2	3,2	3,0	0,2 фунт	2,4	1,2	1,4	1,6	1,6
Махорка, ящик	8,0–9,5	8,5–9,5	9,0–9,75	9,25–10,2	–	11,5	11,5	12,0	12,5	12,0
Водка	4,5–4,6	4,5–6	4,5–6,0	5,0–7,0	5,0–7,0	5,0	6,0	6,0	8,0	7,0
Сахар	5,8–6,2	6,2	6,8–7,2	7,0–7,2	6,8	6,2	6,3	6,4	7,3	7,0
Чай, кирпич	0,71	0,73	76,8 ящик	76,0 ящик	81,0 ящик	80,0 ящик	1,0	1,3	1,3	0,8–0,84

Источник: Сибирская газета. 1887. 4 янв., 8 февр., 8 марта, 20 апр., 29 мая, 28 июня, 9 авг., 6 сент., № 116, 131.

Таблица 5

Цены на основные предметы потребления в Томске, руб.

Предмет потребления	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1894 г.	1899 г.	1902 г.	1904 г.	1909 г.	1912 г.	1916 г.	1917 г., март
Мука ржаная, пуд	0,33	0,73	0,48	0,40	0,39–0,45	0,70–0,85	0,50	0,80–0,85	0,60–0,80	2,65	3,2
Мука пшеничная, пуд	0,55	1,13	0,72	0,70	0,60–0,75	1,30–1,50	0,85	0,8–1,0	0,75–1,2	2,70	4,0
Мука крупчатка, пуд	1,60	2,10	1,65	1,50	1,30–1,40	2,10–2,15	1,65	1,8–1,85	2,20	2,17	4,4
Мясо говяжье, пуд	1,74	2,05	2,00	1,90	1,40–1,80	2,40–3,20	2,40–2,50	1,80–4,00	2,80–4,80	4,00–10,80	8,0
Масло скоромное, пуд	7,60	8,00	6,15	7,20	11,50	14,60	11,50	15,00	13,80	40,00–48,00	44,0
Масло подсолнечное или конопляное, пуд	5,40	–	3,84	4,20	4,80	6,20	2,40	6,20	8,40	25,00	32,0
Соль, пуд	0,72	0,40	0,32	0,33	0,60–0,80	0,35–0,80	0,60	0,60–0,80	0,40–0,80	1,00–1,30	2,8
Сахар, пуд	9,45	8,60	6,90	7,60	6,80	6,80	6,60	6,60	6,60	12,00	16,0
Щука, пуд	1,52	–	–	3,20		1,20–3,20	1,60	2,80	3,80	4,80	18,0
Крупы, (ячная, греча), пуд	0,77	1,71	0,82	1,25	0,8–1,20	1,80–2,20	1,40–2,20	1,30–2,00	1,30–2,20	3,60–8,00	7,2 – 12,0
Чай, кирпич	1,08		0,86	1,05	0,85–1,10	1,05–1,15	1,10–1,20	0,90–1,00	1,00–2,00	2,20–3,25	2,8–3,7
Капуста, ведро	0,35				0,24–0,40	0,4–0,6	0,50	0,2–0,45	0,35–0,6		
Картофель, мешок	0,30		0,10–0,15								11,0–18,0
Молоко, ведро	0,74		0,08 (крынка)								12,0–16,0
Азям, штука	[3,8]		3,80	4,20	4,15	4,25	4,50	5,50	4,00	7,5	15,0
Сапоги, пара	[4,6]		4,60	5,25	5,50	8,50–10,50	7,0–9,0	7,50–12,00	5,50–8,00	25,0–30,0	42,0
Мыло, пуд	4,10	4,60	2,90	2,80	3,60	3,60	6,00	5,20	3,80	24,0	32,0
Свечи, пуд	5,20	5,76	4,10	5,20	5,00	7,20	6,90	8,75	11,60	44,0	40,0
Табак, пуд	6,31	8, 65	10,50 (ящик)	9,20	8,80	14,00	9,60	10,80	12,0	32,0	31,20
Рубаха, штука	–			0,95	0,65–1,0	1,25	0,7–1,2	1,1–1,4	0,75–1,0	1,85	
Шаровары, штука	–			1,50	0,75–1,50	1,50–2,20	2,65–3,5	1,20–3,0			
Рукавицы, пара	–		0,40	0,62	0,25–1,20	0,40–0,60	0,45	0,45–0.6	0,4–0,6	2,0–2,2	2,30
Дрова березовые, погонная сажень	2,90	3,50	2,68	2,70					3,7	20,7	28,0–35,0
Спички, коробка 100 штук	–			7,00 (ящик)	0,07–0,11	0,08	0,07	0,11	0,11	0,30	0,40
Керосин, пуд	[6,0]		2,15	4,25			3,20	2,20	2,80	4,50	4,80

Источники: За 1879–1880 гг. – ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 215. Л. 1–720; за 1885 г. – Сибирская газета. 1885. 22 апр.; Сибирский Вестник. 1885. 15 мая, 11 сент., 23 окт., 13, 19 нояб.; за 1890 г. – Сибирский вестник. 1890. 20 марта, 1 сент., 19 ноября, № 35, 60; за 1894 г. – ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–4; за 1899 г. – ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 937. Л. 5–8; за 1902 г. – ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 381. Л. 146–150: за 1904 г. – ГАТО. Ф. 428. Оп. 3. Д. 1902. Л. 23–31; за 1909 г. – ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 459. Л. 21–22; Д. 474. Л. 11–12; за 1912 г. – ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 527. Л. 22–23; Ф. 3. Оп. 18. Д. 1333; за 1916 г. – ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2986. Л. 10; за 1917 г. – Ф. 428. Оп. 4. Д. 2986. Л. 234; [16. Т. 3. С. 233–234].

Оценка полученных данных показывает, что общей тенденцией для цен на все основные товары был их рост. Наиболее показательны цены на муку. С 1840-х гг. цены на ржаную муку выросли к 1914 г. на 206%, на пшеничную – на 149% (табл. 6). В.И. Семевский применительно к дореформенной Сибири сделал вывод об узости рынка сбыта хлеба и его перепроизводстве в регионе.

Таблица 6

Динамика хлебных цен в Томске в 1840–1919 гг.

Годы	Ржаная мука		Пшеничная мука	
	Рублей за пуд	В % к 1840–1843 гг.	Рублей за пуд	В % к 1840–1843 гг.
1840–1843	0,45	100	0,73	100
1845–1849	0,42	93,3	0,84	115,1
1850–1854	0,19	42,2	0,31	42,5
1855–1859	0,33	73,3	0,46	63,0
1860–1864	0,43	95,5	0,67	91,8
1865–1869	0,59	1,31	0,91	124,7
1870–1874	0,31	68,9	0,66	90,4
1875–1879	0,32	71,1	0,54	74,0
1880–1884	0,58	128,9	0,86	117,8
1885–1889	0,60	105,0	0,86	117,8
1890–1894	0,45	100,0	0,75	102,7
1895–1899	0,42	93,3	0,68	93,2
1900–1904	0,74	164,4	0,89	121,9
1905–1909	0,72	160,0	0,88	120,5
1910–1914	0,93	206,7	1,09	149,3
1915	0,95	211,1	0,96	131,5
1916, ноябрь	2,65	588,9	2,7	370,0
1917, март	3,2	711,1	4,0	547,9
1918, январь			7,6	915,7
1918, декабрь			16,0	2 191,8
1919, июнь			23,94	3 279,5
1919, декабрь			84,60	11 589,0

Источники подсчета: За 1840–1889 гг. – [13. С. LXXII]; за 1890–1917 гг. – данные табл. 3–5 [16. С. 233–234; 17. С. 91]; за 1918–1919 гг. – 18. С. 68.

Таблица 7

Динамика цен на основные предметы потребления в Томске с 1880 по 1917 г. 1880 = 100,0%*

Предмет потребления, ед. изм.	1880 г.		1890 г.		1899 г.		1909 г.		1912 г.		1916 г.		1917 г., март	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Мука ржаная, пуд	0,33	100,0	0,48	145,5	0,42	127,3	0,82	248,5	0,7	212,1	2,65	303,0	3,2	969,7
Мука пшеничная, пуд	0,55	100,0	0,72	130,9	0,67	121,8	0,9	163,6	0,97	176,4	2,70	490,1	4,0	727,3
Мука крупчатка, пуд	1,60	100,0	1,65	103,1	1,35	84,4	1,82	113,8	2,20	137,5	2,17	135,6	4,4	275,0
Мясо говяжье, пуд	1,74	100,0	2,00	114,9	1,60	92,0	2,9	166,7	3,8	218,4	7,40	425,3	8,0	460,0
Масло скоромное, пуд	7,60	100,0	6,15	80,9	11,50	151,3	15,00	197,4	13,80	181,6	44,0	578,9	44,0	578,9
Масло растительное, пуд	5,40	100,0	3,84	71,1	4,80	88,9	6,20	114,8	8,40	155,6	25,00	463,0	32,0	592,6
Соль, пуд	0,72	100,0	0,32	44,4	0,70	55,6	0,70	55,6	0,60	83,3	1,15	159,7	2,8	388,9
Сахар, пуд	9,45	100,0	6,90	73,0	6,80	72,0	6,60	69,8	6,60	69,8	12,00	127,0	16,0	169,3
Щука, пуд	1,52	100,0	–	–			2,80	184,2	3,80	250,0	4,80	315,8	18,0	986,8
Крупы, (ячная, греча), пуд	0,77	100,0	0,82	106,5	1,0	129,9	1,65	214,3	1,75	227,3	5,8	753,2	9,6	1 246,8
Чай, кирпич	1,08	100,0	0,86	79,6	0,97	89,8	0,95	88,0	1,5	138,9	2,72	251,9	3,25	300,9
Азям, штука	[3,8]	100,0	3,80	100,0	4,15	109,2	5,50	144,7	4,00	105,3	7,5	197,4	15,0	394,7
Сапоги, пара	[4,6]	100,0	4,60	100,0	5,50	119,6	9,75	212,0	6,75	146,7	27,5	597,8	42,0	913,0
Мыло, пуд	4,10	100,0	2,90	70,7	3,60	87,8	5,20	126,8	3,80	92,3	24,0	583,4	32,0	780,5
Свечи, пуд	5,20	100,0	4,10	78,8	5,00	96,2	8,75	168,3	11,60	223,1	44,0	461,5	40,0	769,2
Дрова березовые, погонная сажень	2,90	100,0	2,68	92,4					3,7	127,6	20,7	703,4	31,5	1 086,2
Керосин, пуд	[6,0]	100,0	2,15	35,8			2,20	36,7	2,80	46,7	4,50	75,0	4,80	80,0
Средняя динамика	–	100,0		89,2		101,8		137,8		152,2		389,5		589,9

*Расчет на основе данных табл. 5.

Цены на ржаную муку упали в первой половине 1850-х гг. до 19 коп. за пуд, пшеничной муки – до 31 коп. за пуд [13. С. LXXII]. Цены на хлеб в Западной Сибири оставались низкими вплоть до конца 1870-х гг. С развитием пароходства и вывозом хлеба в Европейскую Россию начался рост цен на хлеб. Неровно, но в целом росли цены на крупу, мясо, рыбу, мыло, табак, свечи, мануфактурные изделия и обувь. Исключение составляли товары фабричного производства из Европейской России – сахар и керосин, цены на которые с 1870–1880-х гг. упали вдвое в начале XX в. Мед, который был вдвое дешевле сахара в 60–80-е гг. XIX в., в начале XX в. сравнялся с ним в цене. Экспорт коровьего масла, который с конца XIX в. стал проводиться из Западной Сибири, серьезно увеличил цены на него в Томске (см. табл. 3, 5). Это было явным следствием воздействия железной дороги, снизившей стоимость транспортировки товаров между торговыми центрами страны и Томской губернией.

Отдельного объяснения требует динамика цен на новый для Сибири продукт – картофель, он по мере распространения культуры в крестьянском обиходе снизился в цене на рынке, вместо 40 коп. за мешок в

1870–1880-е гг. он стал продаваться в начале XX в. за 10–15 коп. (см. табл. 2, 3, 5).

Надо отметить, что ни Русско-турецкая, ни Русско-японская войны не оказали существенного влияния на движение цен в Томске. Первая же мировая война катастрофически сказалась на росте цен, хотя и не сразу. В 1914 – начале 1915 г. цены менялись мало. В справке Томской казенной палаты Департаменту окладных сборов Министерства финансов отмечается даже рост благосостояния населения губернии в 1914 – начале 1915 г.: «Реализация обильного урожая, прекращение продажи питей, выдача казенных пайков, повышение заработной платы оказали благотворное влияние на уровень благосостояния сельского населения, значительно повысив его покупательную способность. Ярким примером благосостояния служит прилив сбережений в государственные сберегательные кассы» [14. С. 20].

Со второй половины 1915 г. цены стали медленно подниматься, в 1916 г. набрали скорость, в 1917–1919 гг. шли галопирующим темпом. Цены на хлеб выросли по сравнению с довоенными в ноябре 1916 г. в 2,5 раза, в марте 1917 г. – в 4 раза, в январе 1918 г. – в 7,5 раз, в декабре 1918 г. – в 16 раз, в июне 1919 г. – в 23 раза, в конце 1919 г. – более чем в 80 раз (см. табл. 6). Нормирование цен на печеный хлеб во время Первой мировой войны не распространялось на базарные цены муки. Введение государственной монополии на продажу масла с 1 мая 1916 г. резко повысило рыночные цены на масло. Распоряжение о реквизиции продовольствия с уплатой на 20% ниже рыночной цены командующий войсками Омского военного округа генерал Е.О. Шмит отдал уже 27 февраля 1915 г., разрушая рыночный механизм саморегулирования. В 1916 г. крестьяне начали прятать хлеб и масло, сокращать их производство. Временное правительство 25 марта 1917 г. ввело хлебную монополию и твердые цены, а 30 марта 1917 г. объявило весь наличный хлеб государственным, за вычетом «необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца». Рынок разделился на регулируемый и свободный [15. С. 80, 83, 127]. В настоящей статье показаны цены на свободном рынке.

Собранные данные позволяют определить динамику цен на основные предметы потребления в Томске с 1880 по 1917 г. Это весьма приблизительные расчеты индекса цен на 17 предметов потребления, которые удалось выбрать из имеющихся данных: ржаная мука, пшеничная мука, крупчатая мука, говядина, масло скоромное, масло растительное, крупы, соль, сахар, чай кирпичный, щука, азям (армяк), сапоги, свечи сальные, мыло желтое, дрова березовые, керосин. Цены были сведены к среднегодовым. Подсчет показал, что с 1880 г. до конца столетия цены практически не двигались. В начале XX в. цены в Томске начали расти на те товары, которые были предметами сибирского вывоза – хлеб, масло, на остальные товары они либо росли очень медленно, либо снижались. В предвоенное пятилетие обозначилась общая тенденция роста цен. Средняя результирующая такова: 1899 г. – 101,8% к уровню 1880 г., 1909 г. – 137,8%, 1912 г. – 152,2%, 1916 г. – 389,5%, март 1917 г. – 636,5% (табл. 7). По сравнению с довоенными (1912 г.) цены выросли к марту 1917 г. в 4,2 раза. С июня 1914 г. по февраль 1917 г., по сведениям, приведенным Н.М. Дмитриенко, цены на съестные и промышленные товары (22 наименования) в Томске в среднем выросли на 324% [16. С. 91]. Это в целом подтверждает наши расчеты.

Можно также сделать вывод, что на томские цены в начале XX в. стала влиять ситуация на общероссийском рынке потребительских товаров; правительство не смогло использовать полностью ресурсы Томской губернии из-за разрухи на транспорте и неэффективных действий властей.

Чтобы узнать, насколько это верно для других городов Сибири, необходимы сравнительные исследования, которых пока нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М. : Наука, 1974. 399 с.
2. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (очерки правительственной политики). Л. : Наука, 1978. 288 с.
3. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. 384 с.
4. Струмилин С.Г. Субиндексы бюджетного индекса цен в России // Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М. : Наука, 1967. 442 с.
5. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М. : Наука, 1979. 288 с.
6. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 годы) // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 8: Рабочие Сибири в период империализма. С. 130–159.
7. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
8. Зиновьев В.П. Динамика реальной заработной платы горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 117–128.
9. Зиновьев В.П. Экономическое положение горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX века: истоки социальной идентичности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 260 с.
10. Томские губернские ведомости. 1865. № 10 (12 марта).
11. Сибирский вестник. 1892. № 35 (22 марта).
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 4. Д. 129.
13. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1898. Т. 1: От начала золотопромышленности до 1870 г. LXXXIV, 578 с.
14. Зиновьев В.П. Сибирь и Томская губерния в Первой мировой войне // Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов / под науч. ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2015. Т. 1. С. 10–26.
15. Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы первой мировой войны (июль 1014 – март 1918 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 618 с.
16. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов / под науч. ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2015. Т. 3. 320 с.

17. Дмитриенко Н.М. Дороговизна в Томске в 1914–1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 89–98.
18. Шлаин Б.И. Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. 73 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 февраля 2018 г.

PRICES FOR CONSUMER PRODUCTS IN TOMSK IN 1862–1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 125–131.
DOI: 10.17223/15617793/429/15
Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Keywords: price statistics; consumer products; Tomsk; market.

The article examines the prices of basic consumer products in Tomsk from 1862 to 1917. It is important part of the work to determine the level of life of citizens and to identify trends of the development of market relations in Siberia. The author presents statistics on the prices of basic consumer products in one of the largest provincial centers of Russia, Tomsk, in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries. He does so on the basis of information from Siberian newspapers, information from the Tomsk City Council and materials of the Tomsk Mining Department, and gives its preliminary analysis. The author summarizes the information in seven tables, five of which are informational and two are analytical. The information tables systematize the price reports in the official newspaper *Tomskiye gubernskiye vedomosti* [Tomsk Provincial Sheets] from 1862 to 1870 (Table 1), in the certificates of the Tomsk City Council from 1871 to 1894 (Table 2) and in Siberian private newspapers from 1877 to 1908 (Tables 3–4). Table 5 is a summary of prices for the main commodities in the Tomsk markets for 1880–1917. Table 6 shows the dynamics of prices in Tomsk for rye and wheat flour for 1840–1919. Table 7 shows the calculations of the price dynamics for 17 commodities for 1880–1917: rye-flour, wheat-flour, the finest wheat flour, meat, butter, vegetable oil, kitchen salt, fresh-water fish, sugar, tea pressed in form of cakes, groats (buck-wheat, peeled barley, millet), peasant overcoats, boots, soap, tallow-candle, birch-tree fire-woods, petroleum. On the analysis of the received information, the author came to a conclusion that the Tomsk market was isolated until the 1880s, then prices began to grow slowly with the strengthening of ties with the market of European Russia in connection with the development of ship navigation and railway communication. The First World War until the second half of 1915 did not have a significant impact on the Tomsk market. From the second half of 1915 prices began to rise, in 1917 they went into a galloping inflation. From 1912 to 1917 prices rose by 4.2 times. Prices for flour increased by 16 times in comparison with the pre-war times in 1918, and by more than 80 times in 1919. The author believes that in the early twentieth century Tomsk was included in the all-Russian market of consumer goods. The land of Tomsk region at this time brought forth much rye and wheat. The author concludes that the government did not make a full use of the resources of Tomsk region due to the collapse of the transport system and ineffective activities of the authorities during the First World War.

REFERENCES

1. Koval'chenko, I.D. & Milov, L.V. (1974) *Vserossiyskiy agrarnyy rynok. XVIII – nachalo XX veka. Opyt kolichestvennogo analiza* [The All-Russian Agricultural Market. 18th – early 20th centuries. The experience of quantitative analysis]. Moscow: Nauka.
2. Kitanina, T.M. (1978) *Khlebnaya torgovlya Rossii v 1875–1914 gg. (ocherki pravitel'stvennoy politiki)* [Grain trade of Russia in 1875–1914. (essays on government policy)]. Leningrad: Nauka.
3. Kitanina, T.M. (1985) *Voyna, khleb i revolyutsiya (Prodovol'stvennyy vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, bread and revolution (Food issue in Russia, 1914 – October 1917)]. Leningrad: Nauka.
4. Strumilin, S.G. (1967) Subindeksy byudzhetnogo indeksa tsen v Rossii [Subindices of the budget price index in Russia]. In: *Izbrannye proizvedeniya. Istoriya chernoy metallurgii v SSSR* [Selected works. History of ferrous metallurgy in the USSR]. Moscow: Nauka.
5. Kir'yanov, Yu.I. (1979) *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii* [The living standard of workers in Russia]. Moscow: Nauka.
6. Zinov'ev, V.P. (1973) K voprosu ob ekonomicheskom polozhenii gornorabochikh Sibiri (1895–1914 gody) [On the economic situation of Siberian miners (1895–1914)]. In: Bozhenko, L.I. et al. (eds) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Is. 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 130–159.
7. Vilkov, O.N. et al. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [Working class of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka.
8. Zinov'ev, V.P. (2015) The dynamics of the real wages of miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 117–128. (In Russian).
9. Zinov'ev, V.P. (2016) *Ekonomicheskoe polozhenie gornorabochikh Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka: istoki sotsial'noy identichnosti* [The economic situation of Siberian miners in the late 19th – early 20th centuries: the origins of social identity]. Tomsk: Tomsk State University.
10. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1865) 10 (12 March).
11. *Sibirskiy vestnik*. (1892) 35 (22 March).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 433. List 4. File 129. (In Russian).
13. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers in the Siberian gold fields]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. I.M. Sibiryakova.
14. Zinov'ev, V.P. (2015) Sibir' i Tomskaya guberniya v Pervoy mirovoy voyne [Siberia and Tomsk Province in World War I]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny: sb. dokumentov i materialov* [When the states collapsed: the destiny of the Siberian province in the context of the First World War: documents and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
15. Eremin, I.A. (2006) *Zapadnosibirskiy tyl Rossii v gody pervoy mirovoy voyny (iyul' 1014 – mart 1918 g.)* [West Siberian rear of Russia during the First World War (July 1014 – March 1918)]. History Dr. Diss. Barnaul.
16. Zinov'ev, V.P. (ed.) (2015) *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny: sb. dokumentov i materialov* [When the states collapsed: the destiny of the Siberian province in the context of the First World War: documents and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
17. Dmitrienko, N.M. (1994) Dorogovizna v Tomske v 1914–1917 gg. [High prices in Tomsk in 1914–1917] In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri: voprosy istorii* [Economic development of Siberia: questions of history]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Shlain, B.I. (1920) *Zapadno-Sibirskiy uglepromyshlennyy rayon v 1914–1919 gg.* [The West Siberian Coal Industry Area in 1914–1919]. Moscow: 33-ya tipografiya MSNKh.

Received: 28 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 132–142. DOI: 10.17223/15617793/429/16

УДК 3073.3.016:908

Т.Б. Кропочева, Т.А. Налимова, М.В. Синева

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

Рассматриваются этапы становления исторического образования учащихся начальных классов в отечественной педагогике, а также особенности его организации в начальной школе XXI в. В аспекте совершенствования методики исторического образования младших школьников охарактеризованы возможные методы и формы использования краеведения. Содержание исторического краеведения показано на примере одного из регионов России – Кемеровской области.

Ключевые слова: историческое образование младших школьников; этапы становления начального исторического образования; историческое краеведение.

Историческое образование подрастающего поколения является одной из главных проблем современной школы. Но если в старших классах главным вопросом для ученых и учителей является содержание исторического образования, то в начальных классах к слабо разработанным аспектам относится проблема методики обучения младшего школьника истории.

Как известно, предмет «Окружающий мир», введенный образовательным стандартом 2004 г. в 1–4-м классах школы, соединил две образовательные области – «Естествознание» и «Обществознание», а последняя область строится на единении вопросов истории, культурологии, правоведения и социологии. Такие ученые, как Н.И. Ворожейкина, В.И. Добролюбова, Е.Е. Саплина, О.Ю. Стрелова, М.Т. Студеникин, Н.Я. Чутко, предприняли попытку разработать методику преподавания начального исторического образования, но в их трудах мы видим лишь некоторые методические рекомендации, отдельные конспекты уроков и дополнительный исторический материал к ним. Однако для качественного исторического образования младшего школьника недостаточны только практические рекомендации, необходимо методологическое, теоретическое и методическое обоснование преподавания начального курса истории. Кроме того, учебный предмет «Окружающий мир» является интегрированным, соединяющим знания из таких разных по методам исследования наук, как география, биология, экология, краеведение, обществознание и история. Сказанное позволяет предположить, что естественно-географические, эколого-краеведческие и общественно-исторические понятия должны формироваться в единении (интеграции), а на сегодняшний день в начальной школе по-прежнему существуют две отдельные, слабо связанные образовательные области «Естествознание» и «Обществознание». Кроме того, мы не встретили научно-методической литературы по проблеме использования краеведения в историческом образовании учащихся.

Следует отметить и еще одну проблему: начальная школа уже более десятка лет самостоятельно занимается разработкой содержания и методики преподавания начального курса истории, поскольку подготовка учителя для этой деятельности отсутствует в педагогических вузах. Так, для вузовского курса «Методика обучения дисциплине “Окружающий мир” изданы учебники под названием «Методика преподавания естествознания» (Е.В. Григорьева, З.А. Клепинина, Е.Ф. Козина и др.), а единственный учебник для педагогических вузов «Методика изучения окружающего мира в начальных классах» А.В. Миронова был издан в 2002 г. и сегодня является редкостью. Таким образом, в педагогических вузах до сих пор не читается курс «Методика преподавания истории и обществознания в начальных классах», а учителям приходится вести уроки общественно-исторического содержания чисто интуитивно. На практике мы видим, что такие уроки проводятся с помощью метода объяснительного чтения и просмотра презентаций.

Сказанное определяет необходимость: 1) введения в педагогическом вузе курса (факультатива) «Методика обучения младшего школьника истории и обществознанию»; 2) разработки системы методов, приемов и организационных форм преподавания истории и обществознания в начальных классах школы; 3) определения теории формирования общественно-исторических представлений у младшего школьника.

В данной статье затронуты некоторые аспекты исторического образования младшего школьника: определение задач исторического образования младшего школьника; конкретизация основных этапов решения проблемы исторического образования детей младшего школьного возраста в истории отечественной педагогики; определение требований к методике организации данного процесса в современной начальной школе на основе использования краеведения.

Проблема исторического образования волновала педагогов многие века. С давних времен учителя и ученые осознают, что низкое качество исторического образования влечет за собой непонимание человеком прошлого и настоящего своей страны, собственной роли в истории общества и, как следствие, отсутствие чувств патриотизма и гражданственности.

В начальной школе задачами исторического образования можно определить: нравственное воспитание и общее развитие младшего школьника, формирование исторических представлений как пропедевтики освоения истории в старших классах, развитие основ исторического сознания.

В процессе анализа научной литературы мы установили ряд этапов становления исторического образования младших школьников в России.

1-й этап. Рукописные книги и лубочные картинки как первый источник исторического образования детей (XVII–XVIII в.). Начиная с XVII в. историю стали преподавать для детей царской семьи и их прибли-

женных по специальным рукописным азбуковникам. Содержание этих книг было посвящено наиболее ярким эпизодам прошлого, представленным в виде картинок, изображающих исторические события, бытовые эпизоды, занятия жителей разных стран [1].

В этот же период из Западной Европы в Россию приходит традиция изготовления «потешных книг». Вначале их называли «фряжскими картинками», затем «потешными листами», а позже «лубочными картинками» или «лубком». Потешные листы содержали картинки из географии, истории, быта различных стран. Именно эти книги стали началом исторического и обществоведческого просвещения русских детей различных сословий.

2-й этап. Пропедевтический курс «История» в начальной школе России (XVIII–XIX в.). В XVIII в. благодаря выходу в 1786 г. Устава народных училищ история как отдельный предмет была введена в младших классах народных училищ, гимназий и частных пансионатов для дворянских детей 9–12 лет. Пропедевтический характер предмета «История» был основан на идеях Я.А. Коменского, а учителям было рекомендовано использование иностранных учебников и следующих методов обучения: чтение текстов и пересказ прочитанного, зазубривание вопросов и ответов по тексту, составление синхронических таблиц учителем и детьми, рассказ учителя [2. С. 4–5].

После Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов 1825 г. царское правительство провозгласило историю вредным предметом и исключило ее из программы начальных классов вплоть до в 60-х гг. XIX в. Однако в учебниках литературного чтения начали печатать обширные тексты по истории классической древности, а также детям предлагались многочисленные факты из жизни святых, царей, полководцев.

Методика преподавания начального курса истории появляется позже, чем сам предмет «История», – во второй половине XIX в. Методисты-историки обосновали понятие исторической пропедевтики в начальных классах, определили ее место в школьном курсе истории, разработали основные компоненты методической системы: содержание, методы, формы и средства исторического образования младших школьников. Основоположниками методики пропедевтического курса истории можно назвать трех российских педагогов – Н.Ф. Бунакова, К.Д. Ушинского и С.И. Гессена.

Н.Ф. Бунаков и К.Д. Ушинский создали методику объяснительного чтения, согласно которой дети должны были читать и пересказывать тексты исторического содержания. Оба педагога не считали необходимым введение отдельного предмета «История», но отмечали важность пропедевтики исторического образования. Н.Ф. Бунаков называл важнейшей целью обучения воспитание школьника гражданином своей страны и призывал учителей поддерживать в ребенке чувство народности [3].

К.Д. Ушинский с целью организации исторического просвещения создает для младших классов гимназий и народных училищ учебник под названием «Детский мир и Хрестоматия», который интегрирует родной язык, математику, литературу, географию, естествознание и историю как предварительные курсы научных дисциплин, рассматриваемых в старших классах гимназий. Содержание исторического раздела учебника «Детский мир и Хрестоматия» было представлено следующими разделами: «Первое знакомство с Родиной» (переложение русских летописей); «Из русской истории» в виде отрывков из исторических сочинений (например, «Повесть временных лет» летописца Нестора) и художественных произведений (например, «История государства Российского» Н.М. Карамзина). Педагог отмечает большую воспитательную роль исторических статей учебника, что делает его книгу весьма актуальной и для нашего времени, когда национальной доктриной России провозглашено патриотическое воспитание подрастающего поколения [4. С. 14].

Обучение младших школьников К.Д. Ушинский предлагает строить на основе деятельной интуиции и поясняет, что каждый элемент интегрированного курса должен быть вначале понят учеником, затем на основе наблюдений найден в окружающей действительности, связан с жизнью самого ребенка или его ближайшего окружения, а затем на основе взаимосвязей соединен с другим изучаемым элементом. К.Д. Ушинский отмечал, что младший школьник, обладая конкретным образным мышлением, не способен к усвоению исторической последовательности, которая формируется у взрослого человека благодаря обобщенности мышления и умению абстрагировать. При работе с детьми ученый предлагал вводить школьников в науку через близкие, знакомые им образы действительности, при этом используя следующие методы обучения истории: рассказ учителя, эвристическая беседа, непрерывное повторение [5. С. 140–143].

Большое внимание К.Д. Ушинский уделяет стилю изложения учебного материала. Он использует не сухие формулировки, а словесные зарисовки, создающие в сознании детей яркие исторические образы и впечатления. Жанр, в котором написаны параграфы его учебника, ученый называет «деловыми статейками» и обозначает требования к их устройству: упражнения для наблюдения, сравнения, формулирования выводов и умозаключений; тексты, позволяющие развить последовательное мышление, укрепить логические связи, владеть умением изъясняться последовательно, несбивчиво, используя накопленный словарный запас и усвоенные обороты речи [Там же. С. 177–178].

Другой ученый, С.И. Гессен (конец XIX в.), историю начальных классов называл «эпизодическим курсом», поскольку предлагал показывать малышам только основные (яркие) эпизоды развития общества, строить между ними элементарные причинно-следственные связи, а научную систему истории изучать только в старших классах. Педагог предлагал проводить с детьми наблюдения памятников старины, а также изучать исторические произведения живописи и литературы, отмечая благоприятное влияние интеграции истории с искусством, этнографией и религией на развитие, воспитание и обучение младшего школьника. С.И. Гессен разработал следующие методы обучения истории, называя их «проблематически-

ми»: работа с историческими источниками, «живой диалог», элементарное исследование [6].

И К.Д. Ушинский, и С.И. Гессен называли обязательным принципом обучения истории принцип наглядности и предлагали использовать карты, картины, иллюстрации учебника, макеты, схемы, благодаря которым дети смогут почувствовать исторический факт, научатся сопереживать героям отечественной истории. Кроме того, ученые были едины во мнении, что содержание элементарного курса истории должно быть посвящено отечественной истории, поскольку родная история ближе и доступнее ребенку для понимания, чем всемирная. Для нашего исследования ценным является утверждение дореволюционных методистов о том, что в начальное обучение должна быть включена история родного края, которая будет способствовать качественному усвоению событий истории всей России [5, 7].

Основной организационной формой пропедевтического обучения истории оба педагога называли урок. Но К.Д. Ушинский отмечал необязательность включения урока истории в жесткое расписание занятий, а также не ограничивал время его проведения. Педагог предлагал учителю чередовать рассказ, чтение и беседу с рисованием, пением и ролевой игрой учащихся, что позволяло при периодической смене деятельности проводить урок в течение полутора часов. Ученый допускал возможность организации дифференцированного обучения, когда одна группа детей занимается самостоятельно по учебнику, с другой группой учитель проводит беседу, а третья группа рисует или готовит сценку.

Таким образом, Н.Ф. Бунаковым, К.Д. Ушинским и С.И. Гессеном были выдвинуты идеи, положенные в основу формирования методической системы исторического образования учащихся младших классов и обоснованные Я.Г. Гуревичем. Первое в России методическое пособие по истории, написанное Я.Г. Гуревичем, было опубликовано в журнале «Педагогический сборник» в 1877 г. (№ 4–8) и называлось «Опыт методики истории», что позволяет назвать автора основоположником методики преподавания элементарного курса истории как научной дисциплины [8].

Я.Г. Гуревич в своем пособии разделяет смысловое значение истории как науки и как учебного предмета и отмечает, что *история как наука* исследует законы общественного развития, а для *учебного предмета* основной целью является усвоение обучающимися главных исторических фактов, а также их нравственное и умственное развитие.

Ученый способствовал введению элементарного курса русской истории как обязательного предмета в 1-х и 2-х классах гимназии взамен интегрированного, соединяющего географию, литературу и историю. Главным методом обучения детей Я.Г. Гуревич называет концентрический, он критикует популярные в то время за границей хронологический и культурно-исторический методы. Смысл концентрического метода заключается в усвоении младшими школьниками конкретных исторических фактов и имен, а не в изучении логической последовательности исторических явлений и периодов, что доступно только учащимся старших классах [9].

Содержание элементарного курса истории Я.Г. Гуревич раскрывает на основе включения следующих разделов: а) народные предания, песни, мифы, которые вызывают большой интерес у детей благодаря их сказочности и непосредственности; б) биографии выдающихся людей в истории России (Владимир Мономах, Александр Невский, Петр I и др.); в) описание отдельных выдающихся явлений России (верования славян, монголо-татарское иго и т.п.).

Автор методического пособия разрабатывает следующую структуру урока элементарной истории:

1. Рассказ учителя об историческом факте или чтение им исторического рассказа с использованием исторических карт, картин, портретов, памятников.

2. Вопросы учителя к детям на уяснение смысла усвоенных фактов.

3. Повторение последовательности усвоенных исторических фактов.

Таким образом, Я.Г. Гуревич критикует преобладающие в тот период методы чтения, заучивания и пересказа текста учебника и рекомендует использование живой беседы учителя с детьми, что поддерживает внимание школьников, вносит оживление в урок, способствует нравственному взаимодействию педагога и обучающихся. Кроме того, ученый рекомендовал включение в начальный курс истории местного материала, что способствует более легкому усвоению и пониманию истории всей страны [Там же].

3-й этап. Идеологически направленные общественно-исторические предметы начальной школы (1920–1990-е гг.).

После Октябрьской революции Народный комиссариат просвещения в 1920 г. вводит программы школы первой ступени (с пятилетним сроком обучения), по которым вместо элементарной истории вводится цикл общественно-исторических предметов «Родиноведение», «Обществоведение и история» с увеличением учебного времени на их изучение. В программе предлагалось в 1–3-х классах начальной школы проводить беседы по родиноведению с привлечением исторических сведений, а в 4–5-х классах изучать историю русской культуры.

Задачами обществоведческого образования назывались следующие: создать представление об истории развития социалистического государства, показать закономерности советского строя и свободной жизни трудящихся. При этом история развития княжеской, а затем царской России подменялась историей борьбы народа за лучшую жизнь, за свободу трудящихся. Методика преподавания истории также изменилась, учителя стали больше рассказывать, проводили экскурсии к историческим местам, на фабрики и заводы, дети изготавливали простейшие наглядные пособия по истории.

В 1921 г. в стране был введен новый предмет «Обществоведение», объединивший все общественные науки, изучаемые в школе: историю культуры, политэкономию, историю социализма. Но к содержанию начального курса обществоведения учителя начальных классов предъявляли большие претензии из-за его сложности. Например, учащиеся 2–3-х классов должны были изучать вопросы о происхождении

человека, о первобытном коммунизме, о развитии семьи. В результате многие учителя, вопреки программе, стали изучать с детьми историю, культуру, быт людей родного края, села и города. Все это создавало пестроту и хаотичность в обучении элементарной истории.

Окончательная ликвидация дореволюционной системы преподавания истории в начальной школе произошла в связи с появлением комплексных программ, введенных Государственным ученым советом, созданным при Наркомпросе [10]. Все предметы в комплексной программе были объединены в три группы (колонки) знаний: природа–труд–общество. Каждая учебная неделя посвящалась определенной колонке, а дети в течение этой недели изучали какой-то один объект (одну тему) на всех уроках. Например, темы могли быть такими: «Черная металлургия», «Садоводство», «Крупный рогатый скот». Дети писали сочинения, изучали историю возникновения, решали задачи, рассматривали карту и т.д., и все это по одной теме в течение недели. Комплексные программы отвергли предметное преподавание, считая его пережитком старой школы. Учебников почти не было, дети работали в основном самостоятельно в бригадах, выполняли проекты, ходили на экскурсии [11. С. 31–35]. Цель комплексных систем заключалась в развитии у школьников самостоятельности, активности, трудолюбия, в формировании у них единой картины мира, но из-за слабой методической разработанности она не была реализована. Сложившаяся ситуация отрицательно повлияла на качество знаний учащихся по всем предметам, по истории в том числе.

В 1930–1931 гг. комплексные программы отменили, а в школу были возвращены систематические научные курсы. В 1934 г. в начальных классах был введен элементарный курс «История СССР». Для создания учебника по истории был проведен конкурс, в котором приняли участие ведущие ученые-историки. В августе 1937 г. в качестве стабильного учебника был утвержден краткий курс истории СССР под редакцией А.В. Шестакова. Это был первый советский учебник элементарного курса истории для начальной школы, охватывающий историю нашей страны от первобытного общества до 30-х гг. XX в. [4].

Этот учебник был прочитан и поправлен лично генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным. В результате по его совету академическая историческая наука (научная школа М.Н. Покровского) была заменена на периодизацию исторического развития социалистического государства. А.В. Шестаков и его коллектив впервые в учебной исторической литературе выдвинули новую схему этапов исторического процесса: учебник начинается с изложения истории первобытно-общинного строя на территории СССР. Далее следует характеристика феодальной и капиталистической формаций, и заканчивается учебник изложением истории советского периода до 1936 г.

Впервые в учебной литературе рассматриваются такие темы, как Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, НЭП, коллективизация, культурная революция. В дальнейшем такое деление истории вошло во все советские учебные пособия по отечественной истории. Большую роль в становлении государства отводят авторы Ивану Грозному и Петру I, а также различным народным бунтам и революциям, что не было свойственно классической истории. Такая интерпретация исторического развития России была главенствующей в учебниках истории до 1990-х гг.

К новому учебнику истории были созданы методические рекомендации, конспекты уроков, а в 1940 г. И.В. Гиттис пишет обстоятельное исследование по методике начального курса истории, где характеризует методы и приемы обучения младшего школьника истории, раскрывает содержание многих исторических фактов на основе формирования у детей живых образных представлений. Основным методом обучения младших школьников истории И.В. Гиттис называет метод объяснительного чтения [12].

Поскольку учителя того времени отмечали сложность учебного материала, особенно для учащихся 3-го класса, то в 1945 г. была пересмотрена система начального общего образования и сделан вывод о ее перегруженности и многопредметности. В результате отдельный предмет «История» исчезает в 1–3-х классах (остается только в 4-м классе), и возвращается метод объяснительного чтения, согласно которому общественно-исторический материал дети изучают при чтении литературных произведений в виде исторической пропедевтики (по К.Д. Ушинскому). С этой целью с 1945 г. в начальных классах начинает действовать новый учебный предмет «Родная речь».

Продолжая идею К.Д. Ушинского о наглядности обучения истории, в 1948–1950 гг. А.Г. Карцов и Д.Н. Никифоров впервые создают серию настенных картин и карт по истории для начальной школы. Картины отражали исторические события в России и СССР от древности до победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В 1951 г. Г.А. Глудман создает методическое пособие «Уроки объяснительного чтения исторических статей в 3-м классе», где предлагает учителю конспекты уроков истории, словарь исторических терминов, перечень детской литературы по истории для внеклассного чтения.

Следует отметить, что начальный курс истории оставался в тот период достаточно сложным, объем учебника с каждым годом возрастал, например в издании 1955 г. объем учебника истории для 4-го класса достигал 288 страниц. Учителя и ученые увидели необходимость в замене элементарного курса истории (по А.И. Гессену) на эпизодический (по К.Д. Ушинскому), чтобы дети могли рассматривать только самые яркие периоды истории страны, а не изучать пока недоступную для их понимания последовательность исторических событий развития российского общества [13].

В 1956 г. была издана новая книга «История СССР. Учебная книга для 4 класса» (авторы С.П. Алексеев, В.Г. Карцов), которая представляла эпизодический курс истории в виде описания в занимательной форме самых ярких картин истории страны. Объем учебного материала резко уменьшился, учебник был иллюстрирован, система знаний и представлений школьников по истории была логично вы-

строена, а задания к тексту хорошо продуманы. К учебнику было создано методическое пособие для учителя [14].

В 1961 г. в начальной школе действует учебник-хрестоматия Т.С. Голубевой и Л.С. Геллерштейна «Рассказы по истории СССР для 4 классов», а в 1965 г. к этому учебнику создается методическое пособие в виде конспектов уроков к курсу эпизодических рассказов.

С 1966–1969 гг. начальная школа постепенно становится трехлетней, а история как учебный предмет в 1–3-х классах исчезает [15]. Четвертый класс более не относится к начальной школе, поэтому в нем работают учителя-предметники, в результате историю стали преподавать учителя-историки, которые слабо разбирались в возрастных особенностях младших школьников и работали с ними, как со взрослыми школьниками. В помощь учителям-предметникам Г.Г. Герасимовой было создано методическое пособие «Обучение истории в 4-м классе», где автор обобщает опыт преподавания истории в начальных классах, формулирует образовательно-воспитательные задачи курса, требования к уроку истории в 4-м классе, условия успешного усвоения курса школьниками, организацию их самостоятельной познавательной деятельности на уроках.

Такое положение с начальным историческим образованием просуществовало до 90-х гг. XX в.

4-й этап. История и обществознание как составляющие части курса «Окружающий мир» (конец XX – начало XXI в.). В 90-е гг. XX в. начальная школа вновь становится четырехлетней. Постепенно вводится новый учебный предмет «Окружающий мир», на основе которого после 20-летнего перерыва вновь осуществляется историческая пропедевтика.

«Окружающий мир» как интегрированный курс начальной школы объединяет естественнонаучное, обществоведческое и историческое содержание. Некоторое время (около 20 лет) в отдельных школах параллельно с «Окружающим миром» изучался предмет «История», но из-за многопредметности начального образования этот опыт не прижился.

В конце XX – начале XXI в., как и в 60-е гг. XIX в., одной из основных проблем преподавания истории в начальных классах является соотнесение объема и сложности учебного материала с возрастными психологическими возможностями младшего школьника. И хотя К.Д. Ушинский уже предлагал вариант решения этой проблемы через смену деятельности школьников на уроке, дифференциацию обучения и регулирование длительности урока, но в современной школе проблема снижения учебной нагрузки решается другим способом. Педагоги предлагают уменьшение плотности учебного процесса и доступность учебного материала [6].

В начальной школе нашего времени действует одновременно несколько учебно-методических комплектов (УМК), и каждый из них решает проблему общественно-исторического образования младших школьников по-разному.

В УМК *«Школа России»* единый курс «Окружающий мир» создан А.А. Плешаковым (естествознание) и Е.А. Крючковой (обществознание и история). Учебник состоит из двух частей. Как правило, в первой части дается характеристика естественной природы, а во второй – социализированной, т.е. обществознание и естествознание изучаются отдельно. Например, 4-й класс: 1-я часть – Земля и человечество, Природа России, Родной край – часть общей страны; 2-я часть – Страницы всемирной истории, Страницы истории России, Современная Россия.

В УМК *«Начальная школа XXI века»* авторами курса «Окружающий мир» являются Н.Ф. Виноградова и Г.С. Калинова. Образовательные области «Обществознание» и «Естествознание» изучаются во взаимосвязях и взаимообусловленностях. И хотя учебник состоит из двух частей, но разделы все переплетены. Например, 4-й класс: 1-я часть – Человек – живое существо (организм), Твое здоровье, Человек – часть природы, человек среди людей; 2-я часть – Родная страна: от края до края, Человек – творец культурных ценностей, Человек – защитник своего Отечества. Гражданин и государство.

В УМК *«Перспективная начальная школа»* курс «Окружающий мир» создан группой авторов: О.Н. Федотова, Г.В. Трафимова, С.А. Трафимов, Л.А. Царева. Учебник состоит из двух частей и хрестоматии, где авторами предпринимается попытка выстраивания взаимосвязей естественной и социализированной природы. Например, 4-й класс: 1-я часть – История отечества, Земля – планета солнечной системы, Путешествие по природным зонам, Родной край – часть великой России; 2-я часть – Человеческий организм, Изучаем органы чувств, Путешествие по странам мира, Москва как летопись истории России, Мы – граждане России.

В УМК *«Школа 2100»* действует единый курс «Окружающий мир. Мир и человек», но в каждом классе названия предметов разные. Общество и природа изучаются по двум разным учебникам.

Например, 3-й класс:

Учебник 1: «Обитатели земли» (1-я часть – Вещество и энергия, Живая оболочка планеты, Экологическая система – ячейка живой оболочки Земли. 2-я часть – Живые участники круговорота веществ). Авторы: А.А. Вахрушев, О.В. Бурский, А.С. Раутиан.

Учебник 2: «Мое отечество. Вводный курс истории и обществознания» (1-я часть – Твои «корабли» на «реке времени», Времена Древней Руси. IX–XII в. 2-я часть – Времена Московского государства. XIV–XVII века, Времена Российской империи. 3-я часть – Времена Советской России и СССР. 1917–1991 годы. 4-я часть – Современная Россия). Авторы: Д.Д. Данилов, С.В. Тырин.

В УМК *«Система Л.В. Занкова»* авторы курса «Окружающий мир» (Н.Я. Дмитриева, А.Н. Казаков) раскрывают природные и социальные системы во взаимосвязях. Например, 3-й класс: 1-я часть – Природные условия Земли, Человек в далеком прошлом, Земли восточных славян. 2-я часть – Московское государство, Путь от Руси к России, Краеведение.

Итак, как мы видим, проблема интеграции решается авторами учебно-методических комплектов по-разному, но уже половина из них сумели объединить,

взаимодополнить три таких разных по содержанию раздела, как история, естествознание, обществознание.

Таким образом, современный предмет истории для начальных классов характеризуется внутрикурсовой интеграцией содержания обучения: от эпизодической отечественной истории до всеобщей истории. Что касается методов обучения, то современные педагоги предлагают развивающие личностно ориентированные методы сочетать с репродуктивными: проблемный диалог, исследование, рассказ учителя и доклад ученика, демонстрация слайдов и картин. Многие авторы интегрированного курса «Окружающий мир» при изучении общественно-исторических тем предлагают использовать игры, инсценировки, коллективную и групповую проектную деятельность, а также историческое краеведение.

Общественно-историческое краеведение – один из путей патриотического и гражданского воспитания школьников, так как оно помогает увидеть и оценить культурно-исторические, этнографические, историко-региональные явления и факты в развитии общественной жизни России и родного края.

Главными целями исторического краеведения можно назвать следующие: 1) познакомить младших школьников с наиболее значительными событиями русской истории, истории малой родины; 2) заложить первоначальную хронологическую структуру исторических знаний; 3) обеспечить неразрывность учебных гуманитарных курсов истории, русского языка и литературы.

Как известно, история страны базируется на материале истории ее городов и сельских поселений. По данным Росстата, на 1 января 2016 г. в Кемеровской области насчитывалось 20 городов, 22 поселка городского типа и 165 сельских поселений [16]. К сожалению, далеко не все города, не говоря о поселках, имеют свою написанную историю. Одна из важнейших задач краеведения заключается в том, чтобы не только раскрыть разнообразие городов и сел региона, но и показать в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие. Раскрывая через населенный пункт единство общего и местного в историческом развитии страны и края, показать в каждом из них свое историческое, природоведческое, экологическое, экономическое и культурное лицо.

Интересен опыт краеведческой работы в с. Тараданово Крапивинского района Кемеровской области, где создан музей села, при котором работает кружок краеведов-историков, реализующий следующие этапы работы:

1. Создание краеведческого кружка, который обобщил уже имеющую информацию и приступил к поисковой работе.

2. Летний лагерь – этап интенсивной поисковой работы, давший материал для краеведческого уголка.

3. Работа с архивным материалом.

4. Обобщение собранного материала. Подготовка и выступление кружковцев с докладами на конференциях.

А.В. Разинкин – преподаватель школы с. Ягуново Кемеровской области – предлагает краеведам Кузбасса подумать о создании учебного пособия, доступного школьникам, поскольку, испытывая дефицит литературы, «мы в своей работе большое внимание уделяем практической деятельности, одним из видов которой является экспедиция. В экспедициях главной целью ставится частичное решение проблем. Вся работа строится совместно с кафедрой археологии КемГУ» [17. С. 34].

В целях конкретизации теоретического материала по краеведению ведется активная издательская деятельность по выпуску материалов и работ специалистов-краеведов. Изданы работа Д.В. Кацюбы и Р.В. Николаева «Этнография народов Сибири» [18], топонимический словарь «Тайны имен земли Кузнецкой», подготовленный учителем из Прокопьевского района В.М. Шабалиным [19]; большой интерес представляет книга Л.И. Соловьева «Живи, Кузнецкая земля» [20]. В начальной школе Кемеровской области учителя активно используют учебник «Родной край», созданный Т.Б. Кропочевой [21].

В.М. Шабалин отмечает, что одним из источников краеведческой работы школьников является местная топонимика. Поскольку русские первооткрыватели, исследовавшие Сибирь, предпочитали оставлять туземные названия географических объектов, то для получения топонимических знаний и научной интерпретации педагог должен уметь пользоваться архивными материалами, которыми располагают местные краеведческие музеи. Краеведческая работа требует от педагога готовности к такой деятельности. Учитель не сможет вызвать у детей интерес к знанию своего края и краеведческой деятельности, если сам не умеет видеть и понимать цель изучения историко-географических объектов и явлений. Педагог должен иметь суждение о сущности, причинах и следствиях местных явлений, пользоваться различными источниками краеведческой информации. В доступном объеме можно использовать живые источники краеведческой информации: беседовать с местными жителями-старожилами, специалистами-краеведами, краеведами-любителями.

Учитель школы № 10 г. Белово Кемеровской области В.В. Зинченко вместе с учениками 2-го класса проводит значимую работу по историческому краеведению. Педагог выступила инициатором и создателем школьного музея, а в 2005 г., к 60-летию Великой Победы, основным материалом в музее стали экспонаты, посвященные этой теме. В.В. Зинченко на встречу со школьниками пригласила ветеранов, среди которых был и прадедушка ученика ее класса Ивана Колотова. Эта встреча носила очень эмоциональный характер, так как одноклассники узнали прадедушку Ивана и как героя Великой Отечественной войны.

Воспитатель Л.Л. Зубова совместно с учениками 3-го класса школы г. Прокопьевска ведет исследовательскую работу краеведческого характера по теме «Памятники города Прокопьевска». Учащиеся занимаются исследованием памятников, проводят посильную работу по их сохранению. По мере возможностей школьники ухаживают за памятниками, совместно с коммунальными службами города высаживают цветы, занимаются прополкой газонов в парках. Кроме того, для детей 1–4-х классов проводятся массовые меро-

приятия, где юные туристы-краеведы могут показать друг другу свои лучшие работы, посоревноваться в играх-соревнованиях.

После изучения требований Государственного образовательного стандарта к отбору содержания исторической составляющей предмета «Окружающий мир» можно научно обосновать краеведческое историческое содержание в данной образовательной области, способствующее формированию общественно-исторических знаний, умений и ценностей у младших школьников. Прежде всего, необходимо отобрать *когнитивный опыт личности*. С этой целью мы воспользовались учебным пособием «Родной край» [21].

В названном учебном пособии можно увидеть деление на разделы, соответствующие требованиям образовательного стандарта: естественнонаучное краеведение – раздел «Природа Кемеровской области»; историческое краеведение – «История родного края»; обществоведческое краеведение – разделы «Люди земли Кузнецкой» и «Чем занимаются люди земли Кузнецкой».

Приведем для иллюстрации некоторые выдержки общественно-исторического содержания из данного учебника.

«Первобытный человек появился на территории Кемеровской области около 100–150 тысяч лет назад. Об этом свидетельствуют открытые учеными древнекаменные поселения на берегу реки Кии. Первобытный человек занимался собирательством съедобных растений и охотой на мамонтов, шерстистых носорогов, северных оленей и других животных. Свои стоянки люди устраивали на высоких берегах рек, жили группами в пещерах…

Недалеко от города Кемерово на берегу реки Томь сохранились рисунки древнего человека. Сейчас здесь находится заповедник “Томская писаница”, где можно увидеть рисунки лосей, сов, журавлей, сцены охоты и рыбной ловли, образы духов (древних богов)…» [Там же. С. 20].

Учебное пособие «Родной край» можно использовать при работе по любой системе и образовательной программе по «Окружающему миру», поскольку оно написано для реализации национально-регионального компонента образовательного стандарта, предусматривающего при шестидневной рабочей неделе со 2-го по 4-й классы наличие трех часов в неделю, посвященных краеведению, а при пятидневной неделе на уроке по окружающему миру предусматривается 25% содержания отводить на краеведение.

Опыт практической деятельности и опыт отношений личности также представлены в рассматриваемом пособии в аппарате организации усвоения. Рассмотрим данные компоненты краеведческого содержания, основанного на общественно-исторических связях.

Опыт практической деятельности широко представлен в учебном пособии «Родной край». Такие сигналы-символы, как «Работа с картой и атласом», «Выполни задания», развивают у детей познавательные, практические и организационные умения. Приведем примеры некоторых заданий.

1. По Атласу Кемеровской области для школьников [22. С. 6] проследи маршрут исследователя Д.Г. Мессершмидта [21. С. 100].

2. На контурную карту Кемеровской области нанеси административный район, его центр и город (село), где ты живешь [Там же. С. 119].

Опыт творчества представлен в учебном пособии «Родной край» разнообразными проблемными вопросами и заданиями. Например:

1. Вспомни названия улиц своего города (села). Вместе со взрослыми узнай, в честь каких известных людей или событий они были названы [Там же. С. 25].

2. Подумай вместе с одноклассниками, почему в Кемеровской области лучше развита промышленность, а не сельское хозяйство? [Там же. С. 117].

Опыт отношений личности представлен заданиями, формирующими у школьников оценочное отношение к миру, деятельности и людям. Например: «Если кто-то из твоих родственников добывает каменный уголь или железную руду, то расспроси его об этой профессии, составь доклад-сообщение и выступи перед классом» [Там же. С. 39]; «Узнайте историю своего города (села). Составьте альбом или “книжку-малышку” о своем городе (селе) по плану: история, положение на карте, промышленность (сельское хозяйство), население, культура и наука» [Там же. С. 18].

Названные виды вопросов и заданий использовались в процессе организации экспериментальных исследований в школе, и мы отметили, что для третьеклассников подобные задания интересны, вызывают у них активную учебную деятельность, эмоциональный подъем.

Рассмотренное содержание исторического краеведческого образования в начальной школе позволило разработать методы и формы краеведческого образования в аспекте исторического образования младших школьников. На первых этапах работы мы использовали методы, способствующие корректировке сложившихся у школьников ценностных ориентаций, интересов и потребностей. Затем на основе наблюдательного опыта и краеведческой деятельности школьников в ходе беседы с помощью фактов, цифр, суждений вызывали эмоциональные реакции учащихся.

В процессе подготовки к занятиям по «Окружающему миру» мы выбирали методы, способствующие формированию исторических знаний школьников, развитию их познавательных способностей, формированию краеведческой культурыа. Мы старались привлечь к историко-краеведческой работе всех учащихся класса, учитывая местные условия нашего города. Так, были намечены конкретные памятники истории и культуры г. Новокузнецка для проведения экскурсий с учащимися, подобрана специальная литература исторического характера, приглашены интересные люди, проживающие в Новокузнецке. Поскольку работа по краеведению должна быть тесно связана с программой по «Окружающему миру», то мы старались все результаты краеведческой деятельности детей использовать на уроках исторического содержания.

Одной из задач начального курса истории является подведение учащихся к пониманию истории как жизни человечества, протяженной во времени. На учебном материале предмета «Окружающий мир» у школьников впервые начинают складываться временные и пространственные представления в историческом контексте. По-

нимание исторической хронологии и картографии помогает формированию пространственно-временных образов истории, развитию исторического мышления.

Экспериментальные исследования мы проводили в 1-м классе, обучение ребят проходит по программе Н.Ф. Виноградовой «Окружающий мир» учебно-методи-ческого комплекта «Начальная школа XXI века». Сложный исторический материал в первом классе не преподается, но изучаются такие пропедевтические темы, как «Родной край», «Дом, в котором ты живешь», «Наша страна Россия», «Мы – россияне», «День защитника Отечества» и другие. При изучении таких тем и в первом классе возможно использование краеведческого материала.

Одним из распространенных методов обучения истории является беседа, которая использовалась нами в том случае, когда общественно-исторический материал немного знаком учащимся. Например, при изучении темы «Родной край» учащимся были заданы вопросы по тексту [21]: 1. В какой области ты живешь? 2. Почему Кемеровская область часто называется «Кузнецкой землей»? 3. Как называется твой город? 4. Когда был образован Новокузнецк? 5. Чем занимаются жители нашего города?

Вопросы беседы, построенные на краеведении, требуют от учащихся не простого пересказа текста учебника истории, а решения проблемных вопросов, т.е. использования имеющихся знаний в нестандартных ситуациях.

Довольно часто на уроках истории мы использовали рассказ как метод обучения. Учащиеся выборочно читали печатный текст учебника по окружающему миру и обогащали свои знания сообщениями учителя или одноклассников по истории родного края. Например, при изучении темы учебника «Окружающий мир» (с. 77–79) [23] мы использовали отрывки из учебника «Родной край»:

«Наша небольшая по площади область отличается разнообразием, красотой и богатством природы. В нашем крае можно увидеть высокие горы и плоские равнины, темнохвойную тайгу и безлесные степи, бурные реки и глубокие озера. По всей России известны месторождения полезных ископаемых Кузбасса: каменный и бурый уголь, железная руда и цветные металлы, золото и мрамор» [21. С. 5].

Экспериментальные исследования позволили сделать некоторые выводы в виде методических рекомендаций по использованию словесных методов обучения младших школьников истории вообще и истории родного края в частности. Во-первых, психологической особенностью младших школьников является преобладание наглядно-образного мышления. У ребенка этого возраста неустойчивое внимание и незначительная способность произвольного запоминания. Поэтому слушание рассказа учителя или чтение текста учебника требует от ребенка большого напряжения ума, из-за чего им упускаются многие важные детали повествования и быстро наступает утомление.

Во-вторых, поскольку история является устным предметом, то для эффективного обучения младших школьников важно использовать различные типы его анализаторов:

– слуховые (рассказ учителя, аудио- и видеозаписи);

– зрительные (меловой рисунок, картины, аппликации, карты, предметы материальной культуры, диапозитивы, видеофильмы, презентации и др.);

– тактильные и кинестетические (аппликации, модели, предметы материальной культуры).

В-третьих, при формировании исторических представлений учителю часто приходится упоминать различные страны, части света, города, поэтому любое историческое событие желательно сопровождать показом настенных карт или работой учащихся с глобусом и атласом.

По поводу картографического метода следует отметить, что, к сожалению, исторические настенные карты для начальной школы не выпущены, но в Кемеровской области учителя начальных классов успешно работают по атласу Кемеровской области [22], в котором кроме физической, экологической, климатической и природоведческих карт помещены экономическая, историческая и карта освоения территории Кузбасса. Поэтому работа с атласом и контурными картами области способствует формированию общественно-исторической образованности младших школьников.

По мнению С.А. Жуковой, формирование умения работать с исторической картой является одной из важнейших задач учителя истории, которая продолжает решаться в период всего обучения в школе. Но карты для младших школьников должны быть несколько иными: максимально лаконичными, содержащими основные сведения, затрагиваемые при изучении темы, периода. Карты должны быть красочными, с крупными условными обозначениями и шрифтом. Очень хорошо в начальной школе использовать при работе с картой аппликации, когда плоские изображения (стрелки, фигуры, условные обозначения) могут перемещаться по карте (с помощью магнита, липучки и др.). Это позволяет как бы «оживить» карту, «разыграть» на ней исторические события, выделить места сражений, центры культурных связей, показать пути и направления взаимодействия народов. Использование фигур-аппликаций способствует установлению логических взаимосвязей, лучшему запоминанию «сухой» информации, помогает перейти к восприятию абстрагированных символов стандартной исторической карты [24]. Мы не могли часто использовать карту на уроках, поскольку для первоклассников этот материал сложен.

Важную роль в обучении истории играет метод демонстрации картин исторического содержания, как созданных выдающимися художниками (изображающих исторические события, батальные и бытовые сцены, портреты исторических деятелей), так и специально написанных для целей образования и способствующих раскрытию учебной темы. Исторические картины несут в себе массу детализированной информации, умение видеть которую способствует формированию целостного образа эпохи, эмоциональному восприятию события, формированию личностного отношения к событию или личности. Частично такие картины включены в содержание базовых учебников по окружающему миру [23], а также

они помещены в краеведческий учебник [21]. Например, при изучении истории жизни древних людей на территории Кузбасса учитель вместе с детьми рассматривает в учебнике наскальные рисунки древнего человека, охраняемые в заповеднике «Томская писаница» [Там же. С. 15].

Работа с коллекциями предметов материальной культуры позволяет учащимся «прикоснуться» к историческому прошлому, увидеть реальные объекты, представляемые в воображении или изображенные на иллюстрации, лучше понять, для чего служили эти предметы и как их использовали. Предметы таких коллекций можно подержать в руках, попробовать действовать с ними так, как действовали люди прошедшей эпохи (например, предметы детских игр, быта, изделия народных промыслов и др.).

Модели представляют собой условное воспроизведение натуральных объектов (предметов быта, одежды, орудий труда, памятников архитектуры и т.д.), обычно в уменьшенном, несколько стилизованном виде. Опираясь на наглядно-действенное мышление школьников, модели и коллекции дают общее и конкретное представление об объектах материальной культуры. Работу с коллекциями материальной культуры жителей Кемеровской области можно провести в краеведческих музеях городов и некоторых поселков Кемеровской области. В процессе эксперимента мы с первоклассниками посетили исторический музей «Кузнецкая крепость», где для них была проведена экскурсия по материальным свидетельствам развития Кузнецкой крепости и города Кузнецка.

Демонстрация диапозитивов и диафильмов по истории России и родного края представляет собой проектирование на экран ряда изображений. В начальной школе предпочтительнее использовать цветные кадры, так как они вызывают больше эмоций у младших школьников, способствуют созданию более ярких впечатлений от просмотра.

В современной начальной школе довольно популярным становится метод мультимедийных презентаций. Особенностью этих средств обучения является то, что каждый кадр соответственно заложенной в нем программе может выводить на экран содержащуюся в нем информацию одномоментно или послойно (например, изображение, стрелки-указатели, текст-пояснение, что в определенной степени напоминает работу с транспарантами для кодоскопа).

Кадры мультимедийной презентации могут демонстрироваться последовательным рядом или выборочно. Благодаря системе гиперссылок один кадр может указывать на другой, связанный с ним информацией, к которому можно моментально обратиться, если требуется пояснение. Иллюстративно-текстовая организация мультимедийных презентаций может также содержать в себе карты, картосхемы, таблицы, иметь аудиосопровождение (музыкальное, фонозапись). В отличие от диафильмов, при работе с мультимедийными презентациями не требуется затемнять помещение. При этом сохраняются обычная обстановка класса, возможность производить записи в тетради.

Мультимедийные презентации историко-краеведческого содержания разрабатывает сам учитель, для чего использует разнообразную краеведческую литературу (научную, периодическую, учебную).

Большое значение в развитии общественно-исторической образованности младших школьников имеет игра (дидактическая или ролевая). Игровая деятельность младших школьников включает различные виды деятельности и поэтому является универсальной. При участии в играх дети уточняют, закрепляют, расширяют имеющиеся представления об исторических фактах, у них развиваются активность, креативность мышления. Творческие игры младших школьников отражают впечатления, полученные в процессе занятий, экскурсий, повседневной жизни.

Педагогически грамотное руководство игровой деятельностью позволяет расширить кругозор младших школьников. В то же время хотелось бы предостеречь педагогов от чрезмерного увлечения массовыми играми в ущерб другим формам работы. Важны не отдельные мероприятия, а хорошо продуманный непрерывный процесс деятельности по изучению родного края, сохранению его истории и культуры. Если есть возможность, желательно практиковать игры, направленные на развитие наблюдательности, памяти, умения ориентироваться. Приведем примеры некоторых игр, которые мы провели в процессе педагогического эксперимента.

«Игра-путешествие». Старт игры был проведен в театрализованной форме, пришел «Хозяин Кузнецкой земли», который пригласил ребят в гости в сказочный край, где ребята встретили различные препятствия (станции), которые надо преодолеть (на каждой станции ребята показывали свои знания по истории Кузбасса). Каждый последующий игровой пункт принимает только тех участников, которые выполнили предыдущие задания. Всех ребят, прошедших испытание, Хозяин Кузнецкой земли встречал чаем с пирогами.

В процессе организации сюжетно-ролевой игры «Фестиваль рисованных фильмов о нашем городе» дети были разделены на группы-киностудии по созданию рисованных фильмов на различные темы, например: «Слава людям нашего города», «Улицы родного города», «Наша школа». В ходе подготовки игры ребятам предлагаются готовые фотографии и рисунки, которые они должны смонтировать (склеить) в виде «пленки» фильма (бумажная лента). При показе фильма ребята каждой группы демонстрируют свою «пленку», рассказывают (озвучивают) по фотографиям подобранный материал.

Среди традиционных массовых форм историко-краеведческой работы особо можно выделить праздники. Например: «Папа, мама, я – дружная семья», «Моя Родина – Кузбасс» и т.д.

Большую часть воспитательной нагрузки несет на себе период коллективной подготовительной работы к любому празднику. В ходе подготовки необходимо стимулировать творческую инициативу, находчивость, выдумку школьников. Желательно избрать совет дела, который уточняет, конкретизирует план подготовки и проведения мероприятия, разрабатывает задания и поручения как отдельным ученикам, так и группам. Каждый коллектив готовит свой добрый сюрприз. Желательно в краеведческие праздники вво-

дить театрализованные представления, аукционы, ярмарки поделок из природного материала, выставки, шествия карнавального типа, чтобы поддерживать импровизированное самодеятельное творчество младших школьников.

Проведенное исследование позволило определить, что в процессе историко-краеведческого образования можно использовать разнообразные *методы* обучения (рассказ, беседа, картографический метод, демонстрация картин, таблиц и схем исторического содержания, демонстрация ТСО и работа с коллекциями материальной культуры, ролевые и дидактические игры) и *формы* организации образовательного процесса по истории (праздники, экскурсии, нетрадиционные уроки).

Можно сделать вывод, что методическая система современной исторической пропедевтики строится на основе реализации принципов занимательности, наглядности, а также краеведческого принципа отбора содержания, способствующих развитию позитивной учебной мотивации, навыков учебной деятельности, исторической образованности младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лыжина О.А. Формирование исторических представлений младших школьников на уроках исторической пропедевтики : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 279 с.
2. Чеботарев Х.А. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению: на высокоторжественный день рождения ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторыя, премудрыя законодательницы и истинныя матери Отечества, в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, апреля 22 дня 1779 года / говоренное Харитоном Чеботаревым, истории, умословия и нравоучения профессором публичным ординарным, университетским библиотекарем и конференц-секретарем, и Московскаго Российскаго собрания членом. М. : Печатано в Университетской типографии, 1779. 28 с.
3. Бунаков Н.Ф. Школьное дело: учебный материал, проработанный на учительских съездах и курсах за 30 лет (1872–1902 г.). 3-е изд., значит. перераб. СПб. : Гутзац, 1906. 231 с.
4. Методика начального обучения истории / под ред. М.С. Васильевой. М. : Просвещение, 1964. 271 с.
5. Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского. М. : Педагогика, 1974. 270 с.
6. Гессен С.И. Глобальная «метода», или глобальное обучение грамоте / под ред. А. Павлова, С.И. Гессена, Н.А. Ганца и др. // Русская школа. Прага : Земгора, 1935. № 2–3. С. 19–41.
7. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
8. Гуревич Я.Г. Опыт методики истории // Педагогический сборник. СПб, 1877. Кн. VII. 88 с.
9. Гуревич Я.Г. Историческая хрестоматия по новой и новейшей истории. СПб. : Типография МПС, 1885. 742 с.
10. Новые программы единой трудовой школы I ступени. I, II, III, IV годы обучения. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 132 с.
11. Верзилин Н.М. Проблемы методики преподавания биологии. М. : Педагогика, 1974. 224 с.
12. Гиттис И.В. Методика начального обучения истории : учебник для пед. училищ. М. : Учпедгиз, 1945. 118 с.
13. Вагин А.А. Методика преподавания истории. М. : Просвещение, 1968. 434 с.
14. Карцов В.Г. Методика преподавания истории в начальной школе : учебник для пед. училищ. М. : Учпедгиз, 1956. 176 с.
15. Чутко Н.Я. О преподавании истории в начальной школе. Система Л.В. Занкова // Начальная школа. 2003. № 11. С. 73–76.
16. Население Кемеровской области на 2016 год // Сайт о странах, городах, статистике населения. URL: statdata.ru›naselenie/kemerovskoj-oblasti (дата обращения: 20.06.2017).
17. Разинкин А.В. Некоторые проблемы школьного краеведения в Кузбассе : историческое краеведение в Кузбассе. Кемерово : ОблИУУ, 1999. 89 с.
18. Кацюба Д.В. Николаев Р.В. Этнография народов Сибири. Кемерово : ОблИУУ, 2004. 202 с.
19. Шабалин В.М. Тайны имен Земли Кузнецкой : краткий топонимический словарь Кемеровской области. Кемерово : Обл ИУУ, 1994. 223 с.
20. Соловьев Л.И. Живи, Кузнецкая земля. Кемерово : Кемеровский полиграфический комбинат, 2007. 251 с.
21. Кропочева Т.Б. Родной край : учеб. пособие для учащихся начальных классов. Новокузнецк : КузГПА, 2006. 136 с.
22. Кемеровская область : атлас для школьников / под ред. В.Н. Гнатишина и др. Новосибирск : Просвещение-регион, 2009. 31 с.
23. Виноградова Н.Ф. Окружающий мир : 1-й класс : учебник для учащихся общеобразовательных учреждений : в 2 ч. М. : Вентана-Граф, 2014. Ч. 1. 96 с.; Ч. 2. 96 с.
24. Жукова С.А. Средства обучения истории в начальной школе // Начальная школа. 2013. № 4. С. 35–40.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2018 г.

LOCAL LORE-BASED HISTORY EDUCATION FOR PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 132–142.
DOI: 10.17223/15617793/429/16

Tatyana B. Kropocheva, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: krtb@yandex.ru

Tatiana A. Nalimova, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: nalimova7@rambler.ru

Marya V. Sineva, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kropocheva87@yandex.ru

Keywords: methodology of primary history education; stages of formation of history education; historical local lore.

This article discusses some aspects of history education for primary school children, namely, determining the objectives of history education; identifying the major stages of solving the problem of history education for primary school children in the history of Russian pedagogy; and defining the requirements to the methods of the organization of this process in modern school based on the use of local lore. The objectives of history education include the moral upbringing and general education of primary school children, the formation of historical conceptions as the propaedeutics of learning history in the secondary school, and the development of the basics of historical consciousness. The analysis of scientific literature determined the stages of the formation of history education for primary school children in Russia. The first stage was represented by manuscripts and cheap popular prints as the first source of history education for children (17th and 18th centuries), the second by the propaedeutic course “History” in Russia’s primary school

(18th and 19th centuries), the third by the ideologically oriented social and historical subjects in primary school (the 1920s to the 1990s), and the fourth by history and social science as components of the course "The Surrounding World" (late 20th century and early 21st century). The modern history subject for primary school children is characterized by integration with regard to the content of education, which includes episodic Russian history and world history. When teaching history in primary school it is expedient to use the potential of historical local lore. The main objectives of historical local lore are as follows: (1) to inform primary school children about the most significant events in the history of Russia and the small homeland, (2) to provide the original chronological structure of historical knowledge, and (3) to provide the continuity of history, the Russian language and Russian literature courses. The content of historical local lore is shown using the example of a region of Russia, namely, Kemerovo Oblast. The methodological system of modern history propaedeutics is based on the use of visual methods and entertaining material, as well as the local lore-based principle of content selection, which promotes the development of the positive motivation, learning skills and historical erudition of primary school children.

REFERENCES

1. Lyzhina, O.A. (2004) *Formirovanie istoricheskikh predstavleniy mladshikh shkol'nikov na urokakh istoricheskoy propedevtiki* [Formation of historical representations of younger schoolchildren in the lessons of historical propaedeutics]. Pedagogy Cand. Diss. Ekaterinburg.
2. Chebotarev, Kh.A. (1779) *Slovo o sposobakh i putyakh, vedushchikh k prosveshcheniyu: na vysokotorzhestvennyy den' rozhdeniya eya velichestva gosudaryni imperatritsy i samoderzhitsy vserossiyskiya Ekateriny Vtoryya, premudryya zakonodatel'nitsy i istinnyya materi Otechestva, v publichnom sobranii Imperatorskago Moskovskago universiteta, aprelya 22 dnya 1779 goda* [A word about the means and ways leading to enlightenment: on the highly solemn birthday of her Majesty the Empress and the autocrat of all Russia Catherine the Second, the wise legislator and the true mother of the Fatherland, in the public meeting of the Imperial Moscow University, April 22, 1779]. Moscow: Pechatano v Universitetskoy tipografii.
3. Bunakov, N.F. (1906) *Shkol'noe delo: uchebnyy material, prorabotannyy na uchitel'skikh s"ezdakh i kursakh za 30 let (1872–1902 g.)* [Schoolwork: educational material, developed at the teachers' congresses and courses for 30 years (1872–1902)]. 3rd ed. St. Petersburg: Gutzats.
4. Vasil'eva, M.S. (ed.) (1964) *Metodika nachal'nogo obucheniya istorii* [Methods of primary teaching of history]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Goncharov, N.K. (1974) *Pedagogicheskaya sistema K.D. Ushinskogo* [Pedagogical system of K.D. Ushinsky]. Moscow: Pedagogika.
6. Gessen, S.I. (1935) Global'naya "metoda", ili global'noe obuchenie gramote [Global "method", or global literacy training]. *Russkaya shkola*. 2–3. pp. 19–41.
7. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
8. Gurevich, Ya.G. (1877) Opyt metodiki istorii [Experience of the methodology of history]. *Pedagogicheskiy sbornik*. VII.
9. Gurevich, Ya.G. (1885) *Istoricheskaya khrestomatiya po novoy i noveyshey istorii* [Historical anthology on new and modern history]. St. Petersburg: Tipografiya MPS.
10. State Academic Council. (1926) *Novye programmy edinoy trudovoy shkoly I stupeni. I, II, III, IV gody obucheniya* [New programs of a unified labor school of the I level. I, II, III, IV years of study]. Moscow; Leningrad: Gosizdat,.
11. Verzilin, N.M. (1974) *Problemy metodiki prepodavaniya biologii* [Problems in the methodology of teaching biology]. Moscow: Pedagogika.
12. Gittis, I.V. (1945) *Metodika nachal'nogo obucheniya istorii: uchebnik dlya ped. uchilishch* [The technique of initial teaching of history: a textbook for pedagogical schools]. Moscow: Uchpedgiz.
13. Vagin, A.A. (1968) *Metodika prepodavaniya istorii* [Methods of teaching history]. Moscow: Prosveshchenie.
14. Kartsov, V.G. (1956) *Metodika prepodavaniya istorii v nachal'noy shkole: uchebnik dlya ped. uchilishch* [Methods of teaching history in primary school: a textbook for pedagogical schools]. Moscow: Uchpedgiz.
15. Chutko, N.Ya. (2003) O prepodavanii istorii v nachal'noy shkole. Sistema L.V. Zankova [About teaching history in primary school. The system of L.V. Zankov]. *Nachal'naya shkola*. 11. pp. 73–76.
16. Statdata.ru. (2016) *Naselenie Kemerovskoy oblasti na 2016 god* [Population of Kemerovo Oblast for 2016]. [Online] Available from: http://www.statdata.ru/naselenie/kemerovskoj-oblasti. (Accessed: 20.06.2017).
17. Razinkin, A.V. (1999) *Nekotorye problemy shkol'nogo kraevedeniya v Kuzbasse: istoricheskoe kraevedenie v Kuzbasse* [Some Problems of School Local Studies in Kuzbass: Historical Local Studies in Kuzbass]. Kemerovo: OblIUU.
18. Katsyuba, D.V. & Nikolaev, R.V. (2004) *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the peoples of Siberia]. Kemerovo: OblIUU.
19. Shabalin, V.M. (1994) *Tayny imen Zemli Kuznetskoy: kratkiy toponimicheskiy slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Kuznetsk land: a short toponymic dictionary of Kemerovo Oblast]. Kemerovo: Obl IUU.
20. Solov'ev, L.I. (2007) *Zhivi, Kuznetskaya zemlya* [Live, Kuznetsk land]. Kemerovo: Kemerovskiy poligraficheskiy kombinat.
21. Kropocheva, T.B. (2006) *Rodnoy kray: ucheb. posobie dlya uchashchikhsya nachal'nykh klassov* [Native Land: Textbook for primary school students]. Novokuznetsk: KuzGPA.
22. Gnatishin, V.N. et al. (eds) (2009) *Kemerovskaya oblast': atlas dlya shkol'nikov* [Kemerovo Oblast: atlas for schoolchildren]. Novosibirsk: Prosveshchenie-region.
23. Vinogradova, N.F. (2014) *Okruzhayushchiy mir: 1-y klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: v 2 ch.* [World around: 1st grade: textbook for pupils of general educational institutions: in 2 parts]. Moscow: Ventana-Graf.
24. Zhukova, S.A. (2013) Sredstva obucheniya istorii v nachal'noy shkole [Means of teaching history in primary school]. *Nachal'naya shkola*. 4. pp. 35–40.

Received: 26 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 143–147. DOI: 10.17223/15617793/429/17

УДК 94(571.1/5).08

М.Д. Кушнарева

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНОЙ ТОРГОВЛИ ПУШНИНОЙ ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ФИРМАМИ С КРУПНЫМ КАПИТАЛОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследованы особенности экспорта пушнины из Северо-Восточной Сибири крупными фирмами. Выделены два периода: на довоенном этапе основным направлением экспорта пушнины через систему комиссионеров являлась Германия; с началом военных действий основным направлением экспорта пушнины стали Соединенные Штаты Америки. Главная роль крупных фирм в организации экспорта заключалась в снижении уровня контрабанды, налаживании регулярных транзитных поставок сырья в обмен на товары потребления.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь; экспорт пушнины; фирма; крупный капитал.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что процесс развития экспортной торговли пушниной из Северо-Восточной Сибири крупными предприятиями в период модернизации российской экономики в современной историографии еще недостаточно изучен. Между тем речь идет о развитии одного из ведущих сегментов экономики не только сибирского региона, но и России в целом. Изучение исторического опыта функционирования крупных предприятий в сфере международных торговых отношений важно в современных экономических условиях, когда наблюдается всплеск интереса к Северо-Восточной Сибири и ее арктической полосе, богатой различными видами ресурсов. Следует отметить, что проблема развития экспортной торговли сибирской пушниной получила определенное освещение в отечественной и зарубежной историографии.

Анализ некоторых проблем экспорта сибирской пушнины через Якутскую ярмарку в Китай, Америку и Западную Европу был проведен в трудах В.М. Зензинова и М.М. Константинова [1. С. 55–63; 2. С. 63–69]. По мнению Ф.Г. Сафронова, Российско-Американская компания заложила основы международного товарообмена через торговые пункты и морские порты Северо-Восточной Сибири [3, 4]. В.П. Шахеров отметил, что усиление позиций российского торгового капитала во внешней торговле и рост экспорта сибирской пушнины в Китай произошли после подписания во второй половине XIX в. серии международных нормативных актов, регулировавших торговые отношения России и Китая [5. С. 149]. Экспортная торговля сибирской пушниной на центральных ярмарках Сибири была описана в работах Т.К. Щегловой, А.В. Старцева, Ю.М. Гончарова [6–8].

Зарубежная историография проблемы представлена работами немецких, американских и канадских авторов, которые исследовали ряд проблем развития экспорта сибирской пушнины с позиции американского экономического влияния на северо-восток Сибири. Так, А. Малоземов указал, что внешняя торговля сибирской пушниной через порты Тихого океана входила в противоречие с политикой Соединенных Штатов Америки, стремившихся укрепить свое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе [9. С. 358]. По мнению Ф. Голдера, экспорт сибирских мехов имел первостепенное значение для развития внешнеэкономических связей российского государства, а также был стимулом политической консолидации внутри страны [10. С. 25–35]. Ю. Семенов утверждал, что создание Российско-Американской компании в качестве мирового лидера по торговле мехами имело целью ослабить позиции Ост-Индской компании. Деятельность Российско-Американской компании позволяла государству получать сверхприбыли от экспорта мехов [11. С. 78, 239]. С. Томпкинс указал, что экспортная торговля сибирской пушниной являлась для российского государства сферой сотрудничества с американскими торговцами и стояла в центре внешнеполитической доктрины соперничества в Тихоокеанском регионе [12. С. 16]. Т. Амстронг отметил, что российское государство не имело четкого плана в развитии внешней пушной торговли, что стало главной причиной укрепления позиций частного капитала [13. С. 32]. По мнению Дж. Ленсена, погоня за пушниной являлась основной целью развития торговых отношений России с Японией [14. С. 355]. Дж. Гибсон сделал вывод о том, что «мягкое золото» было особо важным в экспорте российского сырья [15. С. 94]. Г. Сэлисбери определил принципы приоритета частного торгового капитала в международной торговле России [16. С. 59–60]. Линкольн В. установил зависимость между ростом экспорта пушнины и укреплением российского самодержавия на международной арене [17. С. 55–57]. Ю. Слезкин указал, что рост спроса на сибирскую пушнину на международном рынке побудил российское государство не только усилить хозяйственное освоение Сибири, но и учесть интересы частного капитала [18. С. 12, 38].

Таким образом, российскими и зарубежными учеными были рассмотрены различные проблемы развития экспортной торговли сибирскими мехами. Однако широкий спектр вопросов, таких как роль представителей крупных фирм в организации экспорта партий пушнины на международные рынки, особенности экспорта сырья из Северо-Восточной Сибири, в настоящее время требует научной разработки.

Основной целью данной статьи является анализ развития основных направлений экспортной торговли пушниной из Северо-Восточной Сибири крупными предприятиями в период модернизации российской экономики.

Следует отметить, что в развитии российской экспортной пушной торговли было два периода: довоенный и после начала Первой мировой войны. В довоенный период одним из основных направлений экспорта сибирской пушнины являлась Германия.

Расширению внешнеэкономического партнерства России и Германии в сфере пушной торговли способствовал таможенный тариф, введенный в 1891 г. [19. С. 217]. В 1904 г. был заключен внешнеторговый договор с Германией, согласно которому немецким фирмам было дано право экспорта российской пушнины через свои представительства в центральных городах России. В связи с этим в Москве и большинстве крупных городов России появилось значительное число представительств крупных немецких мехоторговых компаний, заключавших сделки с российскими меховщиками [20. Л. 2–43]. Скорняжно-меховая промышленность Германии специализировалась главным образом на обработке белки и красной лисицы [21. С. 51]. В довоенный период на территории Германии действовало более 4 000 скорняжных, красильных, шлифовальных меховых фабрик в Тауха, Звенкау, Рета, Маркронштадте, Вейсенфеллсе, Шкейдице [22. С. 89]. В экспортных операциях с сибирскими мехами участвовали такие немецкие фирмы, как Союз германских предприятий по выделке и окраске пушнины – Der Verband Deutcher Rauchwarten-Zurichtereienund Farbereien, Объединение германских фабрикантов меховщиков – Die Vereinigung Deutscher Pelzwaarenfabrikanten и Объединение германских шлифовальных предприятий – Die Vereinigung Deutcher Schweiffabrikanten в Лейпциге [21. С. 90].

Экспорт сибирской пушнины в Германию был организован крупными фирмами через комиссионные представительства в Москве. Сущность комиссионной торговли заключалась в том, что комиссионеры представляли на торгах меха доверителей или клиентов в качестве брокеров. Спрос на определенные сорта пушнины зависел от сезона, моды и количества добытого зверя. После окончания торгов комиссионеры отсылали своим клиентам отчет с уведомлением о произошедшем повышении или понижении цены по каждому виду пушнины.

Так, комиссионерами якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эвертова в сделках с немецкими меховщиками в Москве длительное время являлись И.Г. Шипачев, А. Трапезников, Т.С. Лапин, торговый дом «Зазубрин и К°». За период 1866–1870 гг. через торговый дом «Зазубрин и К°» были заключены сделки с немецкими торговцами от имени Н.Д. Эверстова на сумму более 1,5 млн руб. [23. Л. 15–17]. Главным экспортным пушным товаром в сделках являлся соболь. Отчеты комиссионеров Н.Д. Эверстова сопровождались письмами о ходе торговли. Приведем краткую цитату из письма распорядителей фирмы «Зазубрин и К°» на имя Н.Д. Эверстова от 22 марта 1867 г. с целью иллюстрации особенностей заключения экспортных сделок. «Милостивый государь, Николай Дмитриевич! Посланные Вами ко мне через Зяблова два сундука с соболями, которых оказалось согласно письму верно – 35 сороков, в совершенной исправности. Товар хороший и я постараюсь продать его с соблюдением всевозможных выгод для Вас, а также поручения относительно Ваших платежей будут мной по возможности исполнены. Если удастся продать соболя раньше, то капитал по назначению пришлю в Якутск ко времени» [24. С. 25]. Соболя Н.Д. Эверстова считались лучшими в среде немецких комиссионеров, которые устанавливали достаточно высокие цены за сибирский товар. Комиссионерами другого якутского купца 1-й гильдии, Г.В. Никифорова, в торговле с немецкими меховщиками в Москве являлся торговый дом «Шешунов и Скачков». В период 1905–1913 гг. комиссионеры Г.В. Никифорова заключали с немецкими торговыми представителями сделки на сумму более 250 тыс. руб. ежегодно [25. Л. 13, 81–146]. Ежегодный оборот от комиссионной торговли с немецкими агентами в Москве фирмы «Наследники А.М. Кушнарева» в период 1905–1907 гг. составлял более 500 тыс. руб. [26. Л. 19–110]. Сделки заключались в московском отделении торгового дома лично одним из учредителей компании – А.А Бушуевой. Главные распорядители торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» регулярно выезжали в Лейпциг с целью заключения договоров на поставку пушнины. Так, А. Молчанов 27 февраля 1909 г. писал в Якутскую контору торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» о предстоящей поездке. Приведем небольшую цитату из письма. «На днях поеду в Лейпциг, где, вероятно, останусь до мая месяца. Вообще на пушном рынке затишье и, думаю, продлится с такими товарами, как горностай, до осени» [27. Л. 56]. В 1908 г. фирма «А. и М. Молчановы и Быков» через московское отделение экспортировала в Германию более 60% всего объема партионной белки из Северо-Восточной Сибири [Там же. Л. 17–18]. В 1909 г. внешнеторговый оборот Московского отделения фирмы составил 102 тыс. руб., в 1910 г. – 79 тыс. руб. Основными экспортными товарами являлись якутский соболь и черно-бурая лисица [Там же. Л. 1–116]. В 1911 г. доля экспортного пушного сырья торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» от общего количества приобретенной пушнины составляла 18%, в 1912 г. – 15%, в 1913 г. – 74% [Там же. Л. 98–116; 18. Л. 10–63; 19. Л. 1–78].

Основным торговым партнером большинства крупных фирм в сфере организации экспорта сибирской пушнины в довоенный период являлась Германия, одновременно в структуре экспортной торговли пушниной начинает укреплять свои позиции восточное направление, представленное Китаем. Этому способствовало не только наличие договоров с китайской стороной, но и географическое положение Северо-Восточной Сибири, а также наличие сложившейся торговой практики и обычаев делового оборота, регулировавших экспорт российских мехов в Китай.

Высокий спрос на сибирскую пушнину со стороны Китая был обусловлен тем, что китайская буржуазия конца XIX – начала XX в. должна была иметь одну смену одежды из «тяжелого меха», одну смену из «среднего меха» и не менее двух смен одежды из «легкого меха», употребляя эту одежду в соответствии с сезоном. Кроме того, горностай китайские пушные фирмы покупали для подарков китайскому двору [27. Л. 27]. Сибирская пушнина экспортировалась в Китай фирмами «А. и М. Молчановы и Быков» и «А.В. Швецов и сыновья» через представительства компаний в Калгане, Пекине, Шанхае и Ханькоу, где были сосредоточены китайские транспортные, стра-

ховые, упаковочные, скорняжные компании. В 1908–1913 гг. экспорт сибирской пушнины фирмами Молчановых и Швецовых для внутреннего потребления в Китае составлял от 180 до 500 тыс. руб. [27. Л. 1–51, 80, 139–153, 178–201]. В 1908 г. доля партионной пушнины торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» от общего количества скупленной пушнины в Северо-Восточной Сибири, реализуемая в Китае, составляла 85%, в 1909 г. – 61%, 1910 г. – 78%, в 1911 г. – 82%, 1912 г. – 85%, 1913 г. – 26% [Там же. Л. 1–116, 139, 153]. Фирма «А.В. Швецов и сыновья» в 1913–1914 гг. отправила более 60% всей партионной пушнины из Северо-Восточной Сибири на китайский внешний рынок [Там же. Л. 88–178].

В целом период 1904–1913 гг. для организации внешнеторговых операций крупных фирм с сибирской пушниной характеризовался ростом показателей экспортных операций до 11% ежегодно. Для государства рост экспорта российской пушнины в Западную Европу и Китай означал повышение таможенных доходов, поэтому внешнеполитический курс правительства в целом характеризовался как благоприятный для развития внешнеторговых операций с пушниной.

В условиях Первой мировой войны, когда большинство европейских рынков сбыта продукции пушного промысла были потеряны, крупные фирмы смогли наладить новые связи с зарубежными покупателями. Одним из главных направлений экспорта сибирской пушнины взамен утраченным немецким рынкам сбыта в годы Первой мировой войны стали Соединенные Штаты Америки. Однако экспорт сибирской пушнины в данном направлении был сопряжен с рядом трудностей. Прежде всего, представителям крупных фирм было необходимо снизить уровень контрабандной торговли пушниной со стороны американских предпринимателей. В.П. Захаров описал некоторые методы торговли американцев: «Бывали случаи, когда американцы “высаживали” бочку с водкой к чукотским стойбищам и со шхун через бинокль следили за попойкой, пока хозяева не становились беспомощными. Тогда янки спускали шлюпку, обходили яранги и забирали все ценное. Дошло до того, что на протест урядника на мысе Дежнева против выгрузки спирта на российский берег капитан шхуны ранил его выстрелом» [28. С. 82]. Кроме того, в условиях военных действий население северных промысловых округов испытывало острую нехватку продовольствия, вследствие чего Якутская областная продовольственная управа в 1917 г. ввела запрет на свободный вывоз пушнины с территории Северо-Восточной Сибири. «Вся пушнина, предназначенная к вывозу из Якутской области, должна быть использована для обмена на товары, требующиеся области» [29. Л. 2–6].

Для организации экспорта пушнины взамен товаров потребления крупные фирмы заключили ряд совместных соглашений о транспортировке и экспорте сибирский пушнины с территории Северо-Восточной Сибири через порты Охотского моря в Японию и США. Так, в 1917 г. фирмами Кушнаревых, Никифорова, Коковина и Басова в рамках договора о сотрудничестве было поставлено в США через Японию 80 тыс. шт. белки, 2 тыс. шт. красной лисицы, 1 тыс. шт. белого песца, 1 500 пудов мамонтовой кости на сумму 950 тыс. руб. [29. Л. 40]. Благодаря заключению экспортной сделки, населению Северо-Восточной Сибири в 1917 г. было поставлено более 28 тыс. пудов продуктов питания и товаров первой необходимости. В 1918 г. к соглашению о совместном экспорте пушнины в обмен на товары потребления присоединилось Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». В 1918 г. Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» экспортировало в США 28% от общего количества белки в сыром виде, скупленной в промысловых районах Северо-Восточной Сибири. На меховые аукционы США компанией в 1918 г. было отправлено 40% сырой белки, 20% красной лисицы, 46% лисицы сиводушки, 29% соболя от общего количества. Для населения Северо-Восточной Сибири было ввезено более 15 тыс. пудов продуктов и товаров потребления [Там же. Л. 1–97]. В рамках совместного договора об экспорте сибирской пушнины крупными фирмами через Харбин на меховые аукционы США в 1918 г. было экспортировано 170 140 шкурок белки общей стоимостью 155 тыс. руб., 9 600 шкурок красной лисицы стоимостью 213 тыс. руб., горностай, песец, соболь и другие сорта пушнины на общую сумму более 1 млн руб. Ввезено в Северо-Восточную Сибирь грузов более 25 тыс. пудов [30. Л. 1–97].

Интенсификации экспорта пушнины на североамериканские рынки крупными фирмами во многом способствовали система налаженных транспортных перевозок речным, а затем морским транспортом к морской и сухопутной границе, наличие собственных отделений в портах Охотского моря. С 1912 г. начинается государственное субсидирование морских рейсов Добровольного флота, находившегося в ведении Морского Министерства. Рейсы парохода «Сишан» с тоннажем 26 тыс. пудов были организованы по маршруту Владивосток–бухта Тикси [19. С. 229]. В 1914–1918 гг. наметился рост грузоперевозок по данному направлению от 13 до 33 тыс. пудов, что позволило снизить дефицит товаров потребления [31. Л. 18–19].

Таким образом, в довоенный период основным направлением экспорта пушнины из Северо-Восточной Сибири являлась Германия, одновременно происходило укрепление позиций крупных фирм на азиатском направлении. Такому положению способствовало не только наличие международных договоров Российской империи с Китаем, сложившихся традиций и обычаев торгового оборота, но и географическое положение Северо-Восточной Сибири. Стимулирование развития экспорта сибирской пушнины в Соединенные Штаты Америки произошло в годы Первой мировой войны, когда большинство европейских каналов сбыта сибирской пушнины было утеряно в связи с военными действиями. Экономический потенциал крупных фирм позволил им создать структуру экспортной торговли сибирскими мехами, прибыль от которой являлась важной статьей дохода государства в условиях военных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М. : Наука, 1916. 95 с.
2. Константинов М.М. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921. 81 с.
3. Сафронов Ф.Г. Охотско-Камчатский край (пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции) / под ред. М.А. Кротова. Якутск : Якуткнигоиздат, 1958. 136 с.
4. Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. 192 с.
5. Шахеров В.П. Роль Иркутска в становлении международных отношений и торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв. // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 9.
6. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул : БГПУ, 2002. 234 с.
7. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие. Барнаул : АзБука, 2007. 214 с.
8. Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул : БЮИ МВД России, 2016. 445 с.
9. Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Barkley : University of California Press, 1958. 358 p.
10. Kerner R. The Urge to the Sea: The Corse of Russian History. The Role of the Rivers, Portage, Ostrogs, Vonasteries and Furs. Berkley. Los Angeles, 1946. 662 p.
11. Semenov J. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten ; Stuttgart ; Salzburg, 1954. 239 p.
12. Tompkins S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman. Oklahoma, 1945. 152 p.
13. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. 256 p.
14. Lensen G. The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relation. 1697–1875. Princeton, 1959. 355 p.
15. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula. 1639–1856. Madison ; Wisconsin, 1969. 256 p.
16. Salisbury H. War Between Russia and China. N. Y., 1969. 240 p.
17. Lincoln W.B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. 528 p.
18. Slezkine Y. Russia and Smell People of the North: Arctic Mirrors. Ithaka ; London, 1994. 476 p.
19. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука, 1987. 272 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152 (Департамент государственной экономии Государственного Совета), Оп. 6. Д. 336.
21. Коган М.И. Иностранные пушные рынки. М. : Советская Азия, 1933. 318 с.
22. Гринвальдт Э.М. Меховая торговля в России и за границею (история ее и статистика, обделка мехов и товароведение). Рига : Тип. Л. Вейде, 1872. 46 с.
23. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 500 (Торговый дом «Н.Д. Эверстов»). Оп. 1. Д. 7.
24. Кушнарева М. Д. Пушная торговля в Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск : ИГУ, 2017. 173 с.
25. НАРС (Я). Ф. 415 (Торговый дом «Г.В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 11.
26. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11. Д. 1081.
27. НАРС (Я). Ф. 418 (Торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков»). Оп. 1. Д. 16.
28. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск : Наука, 1995. 135 с.
29. НАРС (Я). Ф. 24 (Якутская областная земская управа). Оп. 1. Д. 61.
30. НАРС (Я). Ф. 420 (Якутское отделение Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 11.
31. РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров). Оп. 12. Д. 359.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 января 2018 г.

THE DEVELOPMENT OF EXPORT TRADE IN FURS FROM NORTHEASTERN SIBERIA BY FIRMS WITH LARGE CAPITAL IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 143–147.
DOI: 10.17223/15617793/429/17

Margarita D. Kushnareva, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: Northeastern Siberia; exports; furs; firm; large capital.

The article is devoted to the investigation of the organization of export trade in furs from Northeastern Siberia by firms with large capital in the period of modernization of the Russian economy. The process of exporting Siberian furs was significantly influenced by the economic, political and geographical factors of the Russian Empire. The pre-war and post-war periods in the organization of foreign trade operations with furs enterprises with large capital are outlined. In the pre-war period, one of the main directions of foreign trade was Western Europe. The main partner in export transactions with Siberian furs was Germany. Transactions with German merchants were commissioned by large companies from Northeastern Siberia in Moscow. The leading firm in the export of Siberian furs to Germany was the trading house N.D. Everstov. The cost of export transactions of N.D. Everstov with German companies reached 1.5 million rubles. At the end of the 19th century, the steady demand for furs from Northeastern Siberia from China was formed. Leaders in the export of high-quality furs to China were the trading houses A. and M. Molchanov and Bykov and A.V. Shvetsov and Sons. The firms had their own representations in Calgan, Beijing, Hankow, Shanghai, and supplied furs for the higher bourgeoisie of China. During the war, the United States of America became one of the main export destinations for furs from Northeastern Siberia. The main feature of the organization of export transactions was the existence of agreements between large firms on the joint supply of furs in exchange for food and consumer goods. Under the agreements, export operations were carried out by the trading houses G.V. Nikiforov, M.A. Kokovin and I.A. Basov, Heirs of A.M. Kushnarev, the joint-stock company of the Match and Fur Factory N.P. Rylov and F.P. Lesnikov. The development of this direction of fur export was facilitated by the presence of large firms' own transport enterprises, as well as the organization of subsidized sea flights of the Marine Ministry. Transit centers for Siberian furs export trade with the United States of America were Harbin and Tokyo. In 1914–1918, the volume of annual export operations with furs from Northeastern Siberia of large firms to North American markets ranged from 950 thousand to 1 million rubles. In conclusion, it is noted that in the pre-war period the main direction of fur exports from Northeastern Siberia was Germany,

while the position of large firms in the Asian direction was strengthening. Stimulating the development of exports of Siberian furs to the United States occurred during the First World War, when most of the European channels for Siberian furs were lost due to military actions. The economic potential of large firms made it possible to create an export trade structure for Siberian furs, the profit of which was an important item of the state's income in the conditions of military operations.

REFERENCES

1. Zenzinov, V.M. (1916) *Ocherki torgovli na severe Yakutskoy oblasti* [Essays on trade in the north of the Yakut region]. Moscow: Nauka.
2. Konstantinov, M.M. (1921) *Pushnoy promysel i pushnaya torgovlya v Yakutskom krae* [Fur trapping and fur trade in the Yakutsk region]. Irkutsk: Gos. izd-vo. Irkutskoe otdelenie.
3. Safronov, F.G. (1958) *Okhotsko-Kamchatskiy kray (puti soobshcheniya, naselenie, snabzhenie i zemledelie do revolyutsii)* [The Okhotsk-Kamchatka region (routes of communication, population, supply and agriculture before the revolution)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
4. Safronov, F.G. (1988) *Tikhookeanskie okna Rossii: iz istorii osvoeniya russkimi lyud'mi poberezhiy Okhotskogo i Beringova morey, Sakhalina i Kuril* [The Pacific windows of Russia: from the history of development by Russian people of the shores of the Sea of Okhotsk and the Bering Sea, Sakhalin and the Kuriles]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.
5. Shakherov, V.P. (2014) The Role of Irkutsk in the Development of International Relations and TradeWith Countries in the Asia-Pacific Region in XVIII–XIX Centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State University*. 9. (In Russian).
6. Shcheglova, T.K. (2002) *Yarmarki Zapadnoy Sibiri i Stepnykh oblastey vo vtoroy polovine XIX veka. Iz istorii rossiysko-aziatskoy torgovli* [Fairs of Western Siberia and the Steppe Regions in the second half of the 19th century. From the history of Russian-Asian trade]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
7. Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2007) *Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX v.)* [History of Entrepreneurship in Siberia (17th – early 20th centuries]. Barnaul: AzBuka.
8. Startsev, A.V. (2016) *Sibir' i sopredel'nye territorii: istoriya, istoriografiya, metodologiya* [Siberia and adjacent territories: history, historiography, methodology]. Barnaul: BYuI MVD Rossii.
9. Malozemoff, A. (1958) *Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War*. Barkley: University of California Press.
10. Kerner, R. (1946) *The Urge to the Sea: The Corse of Russian History. The Role of the Rivers, Portage, Ostrogs, Monasteries and Furs*. Berkley. Los Angeles, 662 p.
11. Semenov, J. (1954) *Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten* [The conquest and development of the economic treasury of the East]. Olten; Stuttgart; Salzburg: Fackelverlag.
12. Tompkins, S. (1945) *Alaska, Promyshlennik and Sourdough*. Norman: University of Oklahoma Press.
13. Armstrong, T. (1965) *Russian Settlement in the North*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Lensen, G. (1959) *The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relation. 1697–1875*. Princeton: *Princeton* University *Press*.
15. Gibson, J.R. (1969) *Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula. 1639–1856*. Madison, WS: University of Wisconsin Press.
16. Salisbury, H. (1969) *War Between Russia and China*. N. Y.: Norton.
17. Lincoln, W.B. (1994) *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. London: Cornell University Press.
18. Slezkine, Y. (1994) Russia and the Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. Ithaka; London: Cornell University Press.
19. Shepelev, L.E. (1987) *Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. Problemy torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914. Problems of trade and industrial policy]. Leningrad: Nauka.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1152. *Departament gosudarstvennoy ekonomii Gosudarstvennogo Soveta* [Department of State Economy of the State Council]. List 6. File 336.
21. Kogan, M.I. (1933) *Inostrannye pushnye rynki* [Foreign fur markets]. Moscow: Sovetskaya Aziya.
22. Grinval'dt, E.M. (1872) *Mekhovaya torgovlya v Rossii i za granitseyu (istoriya ee i statistika, obdelka mekhov i tovarovedenie)* [Fur trade in Russia and abroad (its history and statistics, lining of fur and commodity science)]. Riga: Tip. L. Veyde.
23. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 500. *Torgovyy dom "N.D. Everstov"* [Trading House N.D. Everstov]. List 1. File 7.
24. Kushnareva, M.D. (2017) *Pushnaya torgovlya v Severo-Vostochnoy Sibiri v perepiske predstaviteley firm s krupnym kapitalom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv*. [Fur-trade in Northeastern Siberia in the correspondence of representatives of firms with large capital in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
25. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 415. *Torgovyy dom "G.V. Nikiforov"* [Trading House G.V. Nikiforov]. List 1. File 11.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 23. *Ministerstvo torgovli i promyshlennosti* [Ministry of Trade and Industry]. List 11. File 1081.
27. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 418. *Torgovyy dom "A. i M. Molchanovy i Bykov"* [Trading House A. and M. Molchanov and Bykov]. List 1. File 16.
28. Zakharov, V.P. (1995) *Pushnoy promysel i torgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Fur trapping and trade in Yakutia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
29. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 24. *Yakutskaya oblastnaya zemskaya uprava* [Yakut Regional Zemstvo Board]. List 1. File 61.
30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 420. *Yakutskoe otdelenie Aktsionernogo obshchestva spichechnoy i mekhovoy fabriki "N.P. Rylov i F.P. Lesnikov"* [Yakut branch of the Joint Stock Company of the Match and Fur Factory N.P. Rylov and F.P. Lesnikov]. List 1. File 11.
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. *Sovet Ministrov* [Council of Ministers]. List 12. File 359.

Received: 29 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 148–152. DOI: 10.17223/15617793/429/18

УДК 930.2(47).083/084

А.В. Луценко

ИСТОРИОГРАФИЯ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА А.А. БОГДАНОВА

Анализируется советская и постсоветская историография научного творчества Александра Александровича Богданова (1873–1928), выделяются основные направления изучения его научного наследия. Особо отмечается сохранившееся у современных исследователей стремление интерпретировать разработки Богданова в философско-дискурсивном ключе. В качестве альтернативы господствующему подходу к изучению наследия Богданова предлагается распространение методов тектологии в область исторических исследований.

Ключевые слова: историография; история науки; научное творчество А.А. Богданова; тектологический системный анализ.

Александр Александрович Богданов (1873–1928) долгое время фигурировал в истории науки лишь как представитель философского направления под названием «русский махизм», которое якобы представляло собой эклектическое объединение элементов марксизма и позитивизма, за что подверглось критике со стороны Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. Монография последнего «Материализм и эмпириокритицизм» в течение всего советского периода отечественной истории оставалась фактически единственным источником информации о Богданове и его исследованиях. Однако и в постсоветское время по-прежнему не признано то, что такие богдановские разработки, как эмпириомонизм[1] и в особенности всеобщая организационная наука тектология[2], не только являлись пионерными для науки начала XX столетия, но и в настоящее время обладают большим эвристическим потенциалом при исследовании сложных (в особенности социальных) процессов. Несмотря на то, что системно-аналитические методики Богданова на десятилетия опередили исследования таких корифеев, как Л. фон Берталанфи, Н. Винер и Ст. Бир, наследие российского ученого по-прежнему принято рассматривать как сугубо философскую концепцию дискурсивного характера, никак не связанную с прикладной научной работой.

Причину такого избирательного подхода к творчеству А.А. Богданова следует искать, прежде всего, в том, что его научные взгляды формировались на «стыке» естественнонаучного и гуманитарного знания и потому обладают междисциплинарным характером, который закономерно затруднял их анализ, даже если не принимать в расчет откровенную политизированность первых исследовательских работ, связанных с философско-идеологической оценкой тектологии [3][3], а также с определением роли ее создателя в социал-демократическом движении [4]. За пределами этих четко очерченных областей деятельность А.А. Богданова вообще не анализировалась и не оценивалась вплоть до 1957 г., когда исследователи обратили внимание на медицинские разработки ученого [5], а также на связь всеобщей организационной науки тектологии с аналогичными по содержанию методиками системного анализа, разработанными на Западе после Второй мировой войны [6]. Однако политическая деятельность А.А. Богданова, а равно его разработки в области системного анализа все еще оценивались в рамках сложившейся традиции [7].

Для этой традиции, сформировавшейся еще в 1930-х гг., характерна жесткая идеологическая заданность, предполагавшая соотнесение взглядов Богданова не с современными ему научными концепциями, но исключительно с полемическими работами Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, имевшими пристрастный антибогдановский характер. Следование этому канону выступило одной из ключевых предпосылок формирования «черной легенды» о «ревизионизме» и «реакционности» взглядов создателя тектологии.

Ситуация изменилась лишь на рубеже 1980-х и 1990-х гг. вместе с политической идеологией государства: публикация произведений А.А. Богданова [8, 9] обусловила рост интереса к его научным разработкам в среде историков, экономистов, философов [10–14] и специалистов по системному анализу [15], а облегчение доступа в архивы позволило не только осуществить издание значимой части рукописного наследия ученого [16, 17], но и приступить к исследованию его подлинной роли в развитии отечественной и мировой науки. Таким образом, период директивного превращения А.А. Богданова в «фигуру умолчания» российской истории сменился периодом активного изучения его трудов, и с середины 1990-х гг. по настоящее время различные аспекты научного и политического наследия А.А. Богданова в контексте развития соответствующих областей деятельности послужили предметом диссертационных исследований молодых ученых, специализирующихся в социально-гуманитарных областях.

Эти исследования, отличающиеся разноплановостью проблематики [18–26], особенностями привлекаемого культурного, исторического и философского контекста [27–37], а также методологическим разнообразием [38–44], обладают, тем не менее, рядом общих черт. Прежде всего, *поле исследования сознательно сужается* авторами буквально до одного-двух аспектов деятельности А.А. Богданова, чтобы сосредоточиться на строго определенной проблематике его обширного наследия. Подобный подход представляется недостаточно корректным с методологической точки зрения, поскольку появляется соблазн поставить богдановскую методику тектологического системного анализа – по своему характеру столь же прикладную, как, например, законы механики Ньютона, – в один ряд с философскими доктринами «серебряного века», которые в большинстве своем изначально не предназначались для практического использования. Объяснение причин этой ситуации можно найти в работах самого Богданова, отмечавшего, что нередко «мысленный» эксперимент воспринима-

ется как научный, чем перечеркивается главный постулат тектологической науки: «То, что установлено экспериментом, установлено *научно* и является *научным фактом*, потому что позволяет при реализации тех же условий *точно предвидеть* результат; и нет высшего критерия научности, чем точное предвидение на практике. И потому эксперимент *всегда* научен, “философским” он быть не может по самому определению: что установлено научно, то уже не философия <…>, *своих* экспериментов у нее нет и быть не может. У тектологии свои эксперименты имеются, и уже одно это доказывает, что она – не философия» [2. С. 412–413]. Доказательством справедливости выводов Богданова может служить также и то обстоятельство, что *дискурсивные рассуждения философов XX в.*, при всей логичности построений, были *нарочито дистанцированными от любых форм прикладной деятельности и не предполагали проверки практикой.* Наиболее показательным в этом отношении может служить следующее высказывание Н.А. Бердяева: «Задача человечества не в том, чтобы насильственно создать тот или иной строй и им осчастливить всех, а в том, чтобы победить грех и зло, внутренно соединить свою волю с Божьей, полюбить Бога и любовью завоевать себе богатства полевых лилий» [45. С. 87]. Каких-либо рекомендаций – даже самого общего характера – на предмет практического осуществления красиво изложенной концепции «теократического социализма» Н.А. Бердяев не просто не составил, но весьма недвусмысленно указал на неприемлемость столь «приземленного» восприятия философских текстов, основой которых видел исключительно «интуицию, субъективную по внешности, объективную по внутреннему существу» [45. С. V] и не нуждающуюся в обоснованиях и доказательствах. Вопреки доводам Богданова, подавляющее большинство современных историков и философов, изучающих его наследие, продолжают рассматривать тектологию как сугубо дискурсивную концепцию, которая оценивается лишь с позиции противоречия или согласованности с суждениями других авторов, но не как науку, являющуюся квинтэссенцией практической деятельности по систематизации организационного опыта.

Кроме того, прикладные исследования, связанные с применением элементов системного тектологического анализа [46. С. 106], интегрируют разработки А.А. Богданова в современный научный контекст, исключая из рассмотрения их связь с конкретной культурно-исторической средой второй половины XIX – начала XX в. К сожалению, отсутствие в общем массиве выполненных работ тех полномасштабных исследований, которые рассматривали бы научное наследие Богданова в контексте реальной практики во всем ее многообразии, не способствует формированию представлений о возможностях и перспективах применения методов тектологии для обнаружения закономерностей развития событий социальной, экономической и политической истории любого периода жизни человечества.

Появление научных трудов, посвященных решению указанной проблемы, представляется актуальным направлением исследовательского поиска для следующего поколения ученых-историков ввиду того, что присущее определенным историческим школам современности стремление свести многообразную жизненную практику людей прошлого исключительно к оторванным от практической деятельности «дискурсам» и их интерпретациям (зачастую субъективизированно-произвольным) объективно ведет к сохранению господства мифов в общественно-историческом сознании, поскольку «дискурсивное» восприятие стирает различия не только между глобальными историческими событиями и эпизодами частной жизни отдельных людей, но даже между доказательно подтверждаемыми и умышленно искаженными интерпретациями одних и тех же исторических фактов, так что исчезает грань между истиной и ложью в научном, социальном и нравственном смыслах[4]. Подобных методологических ошибок можно будет избежать, если помнить о тектологических исследованиях Богданова, которые были направлены не на собирание и сравнение разнообразных описаний проблемной ситуации, а на исследование структурно-функциональных взаимосвязей динамически развивающегося процесса и поиск конкретных мер эффективного воздействия, способного привести изученный процесс к необходимому целесообразному результату. Естественно, описания в этом исследовании использовались, но играли не самодовлеющую, а сугубо инструментальную роль, и Богданов признавал, что характер трансформации общества детерминируется, во-первых, исходным состоянием социальной системы, во-вторых, господствующей культурой социального сотрудничества, через которую и в соответствии с которой входят в жизнь общества любые инновации [2. С. 430–460].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Концепция эмпириомонизма разрабатывалась А.А. Богдановым с 1904 по 1906 г. и, по его словам, была ориентирована на «монизм типа организации, по которому систематизируется опыт, монизм познавательного метода» [1. С. 32]. Стремление создать научную основу для систематизации социально значимого (коллективного) опыта людей, «раздробленного» по конкретным отраслям знания, привело Богданова к созданию тектологии.

[2] Термин «тектология» был впервые применен А.А. Богдановым в 1911 г. для обозначения новой области исследовательского поиска, направленного на то, чтобы «научно систематизировать в целом организационный опыт человечества». Отличие тектологии от философии Богданов видел в том, что последняя «…не сознавала своей зависимости от *практики* жизни и <…> думала *представить* мир как стройно-единую систему – “объяснить” его посредством какого-нибудь универсального принципа. В действительности требовалось *превратить* мир опыта в организованное целое, каким он реально не был; а этого не только философия, но и вообще мышление само по себе, своими исключительными силами (т.е. в отрыве от практики. – *А.Л.*), сделать не может» [2. С. 62].

[3] Основой монографии А.В. Щеглова послужили публицистические по своему смысловому содержанию работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), Г.В. Плеханова «Materialismus militans» (1908–1910), Л.И. Аксельрод «Новая разновидность ревизионизма» (1904).

[4] Наиболее показательным примером здесь может служить продолжающееся по сей день историко-идеологическое противостояние «красных» и «белых»: оба исследовательских меньшинства выступают каждое со своим «дискурсом», крайне мало соотнося его с реальным воздействием событий раннего советского периода отечественной истории на жизненную практику действительного большинства населения бывшей Российской империи. Между тем лишь сопоставление обоих «дискурсов» с изменениями образа жизни этого самого большинства может с предельной четкостью показать, в чем именно были правы, а в чем заблуждались «белые» и «красные» во время Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М. : Республика, 2003.
2. Богданов А.А. Тектология. М. : Финансы, 2003.
3. Щеглов А.В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М. : Соцэкгиз, 1937. 228 с.
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. : Правда, 1938. 352 с.
5. Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды : в 3 т. Киев : Изд-во АН УССР, 1957. Т. 2. С. 183–186.
6. Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. 1967. Вып. 8. С. 49–60.
7. Суворов Л.Н. Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской «организационной науки» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1966. № 3. С. 84–91.
8. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М. : Экономика, 1989.
9. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.
10. Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Предисловие к книге А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» // Богданов А.А. Тектология : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. С. 7–35.
11. Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов (биографический очерк) // Богданов А.А. Тектология : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. С. 36–44.
12. Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. М. : Политиздат, 1990. С. 3–27.
13. Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты… // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 11–19.
14. Абалкин Л.И. Тектология А.А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 3–7.
15. Моисеев Н.Н. Тектология А. Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 8–13.
16. Плютто П.А. Время и люди (из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 133–142.
17. Неизвестный Богданов : в 3 кн. М. : АИРО-XX, 1995.
18. Пустильник С.Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1993.
19. Кузьминых Н.А. Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А. Богданова : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1993.
20. Кульсеева Т.Г. Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова : дис. ... канд. философ. наук. Курск, 1995.
21. Максименко Е.П. Концепция «пролетарской культуры» в идейно-политическом наследии А.А. Богданова : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
22. Луценко А.В. Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа. Томск, 2000.
23. Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х гг. Иваново, 2001.
24. Тарент И.Г. Историко-философский анализ тектологии А.А. Богданова : дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.
25. Афанасьева Е.Л. Рациональная организация социально-экономических систем на основе тектологии А.А. Богданова : дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2004.
26. Кузнецова К.А. Социологические взгляды А.А. Богданова : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010.
27. Мясникова С.В. Проблема социального идеала в философско-литературных произведениях А.А. Богданова, Е.И. Замятина, А.П. Платонова : дис. ... канд. филос. наук.
28. Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997.
29. Николаева Л.С. Теория и практика Пролеткульта, 1917–1932 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
30. Добронравов С.В. Дискуссия «реалистов» и «идеалистов» в русской философии начала XX века : дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
31. Юдин М.В. Деятельность Московского Пролеткульта в 1918–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
32. Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы: российский опыт историографического осмысления, вторая половина XIX – 30-е гг. XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.
33. Бойко М.И. Теоретические проблемы культуры в общественно-политических дискуссиях 20-х – начала 30-х годов в Советской России : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002.
34. Иванцов Д.С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте : дис. ... канд. культурологии. Киров, 2006.
35. Изюмова Ю.А. Общественная мысль Советской России: футурологические проекты научной интеллигенции 1920-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.
36. Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии 1920 – середины 1930-х гг. : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.
37. Полуян Н.Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма» : дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2010.
38. Калиниченко С.Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х годов: А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1994.
39. Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007.
40. Балановский В.В. Понятие трансцендентальной рефлексии в философии И. Канта и его применение к анализу гносеологических концепций Вл.С. Соловьёва и А.А. Богданова : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2011.
41. Жукоцкий В.Д. Русский марксизм в религиозном измерении: историко-философский аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000.
42. Минтус О.М. Эволюция философских взглядов Н.И. Бухарина : дис. ... канд. филос. наук. Нижневартовск, 2003.
43 Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли: 1890-е – 1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2003.
44 Шепелева В.Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2013.
45 Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб. : Изд. М.В. Пирожкова, 1907.
46 Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

HISTORIOGRAPHY OF ALEXANDER BOGDANOV'S SCIENTIFIC WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 148–152.
DOI: 10.17223/15617793/429/18

Anton V. Lutsenko, Seversk Institute of Technology, Branch of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute) (Seversk, Russian Federation). E-mail: antom9@rambler.ru

Keywords: historiography; history of science; scientific work of Alexander Bogdanov; tectological system analysis.

This article contains analysis of Alexander Alexandrovich Bogdanov's (1873–1928) scientific works historiography and allocates the main directions of his scientific heritage study. The first stage of this study, the period of the 1930s–1950s, is characterized with the Marxist-Leninist ideology domination. Back then Bogdanov's works were interpreted only according to Georgy Plekhanov's and Vladimir Lenin's polemical texts, and it was the reason why the tectological system analysis method created by Bogdanov was defined only as an anti-Marxist philosophical doctrine. Some changes took place in the 1960s–1990s, when the main attention of historians was focused on Bogdanov's practical research in the sphere of medicine and system analysis. The main methodological features of the latest historical research are also characterized in this article: 1) the field of research is consciously narrowed to one–two aspects of Bogdanov's activity, which are studied in a profound detail; 2) the analysis of Bogdanov's works is rigidly associated with a specific area of knowledge: economics, sociology, political science, medicine, public administration, etc., and his tectological system analysis method is groundlessly attributed to philosophy; 3) scientific works of Bogdanov are corresponded with the modern situation in the respective areas of theoretical and practical knowledge, and are analyzed without any connection with the real level of science development in the time of Bogdanov's life. It should be especially noted that historians in the 2000s–2010s preserved the aspiration to interpret Bogdanov's developments as philosophical "discourse" only; it is also necessary to estimate the heuristic potential of a similar interpretation as low because it leads to the replacement of Bogdanov's system research analysis by a significantly less productive procedure of comparison of Bogdanov's opinion with opinions of other historical persons who lived at the turn of the 20th century. An alternative for a "discursive" interpretation of Bogdanov's scientific heritage is the integration of the tectological system analysis method with the research of the historical process and, respectively, the correlation of all "discursive" interpretations not only with each other but with the main forms of social, economic, political and scientific practice reconstructed according to primary sources, too. This methodological approach will allow to disprove a widespread conception of history as a "collection of subjective judgments about events of the Past" and will allow to restore the status of historical science as exact knowledge about the system of cause-effect relations between accurately established facts.

REFERENCES

1. Bogdanov, A.A. (2003) *Empiriomonizm. Stat'i po filosofii* [Empiriomonism. Articles on philosophy]. Moscow: Respublika.
2. Bogdanov, A.A. (2003) *Tektologiya* [Tectology]. Moscow: Finansy.
3. Shcheglov, A.V. (1937) *Bor'ba Lenina protiv bogdanovskoy revizii marksizma* [The struggle of Lenin against the Bogdanov revision of Marxism]. Moscow: Sotsekgiz.
4. Commission of the Central Committee of the CPSU(b). (1938) *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A brief course]. Moscow: Pravda.
5. Bogomolets, A.A. (1957) *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: USSR AS. pp. 183–186.
6. Setrov, M.I. (1967) Ob obshchikh elementakh tektologii A. Bogdanova, kibernetiki i teorii sistem [On the general elements of the tectology of A. Bogdanov, cybernetics and systems theory]. *Uchenye zapiski kafedr obshchestvennykh nauk vuzov g. Leningrada. Filosofiya*. 8. pp. 49–60.
7. Suvorov, L.N. (1966) Iz istorii bor'by V.I. Lenina, partii bol'shevikov protiv bogdanovskoy "organizatsionnoy nauki" [From the history of the struggle of V.I. Lenin, the Bolshevik Party against Bogdanov's "organizational science"]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filosofskie nauki*. 3. pp. 84–91.
8. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn.* [Tectology. General Organizational Science: in 2 books]. Moscow: Ekonomika.
9. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Issues of socialism. Works of different years]. Moscow: Politizdat.
10. Gloveli, G.D. & Figurovskaya, N.K. (1989) Predislovie k knige A.A. Bogdanova "Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka" [Foreword to A.A. Bogdanov's Tectology. General Organizational Science]. In: Bogdanov, A.A. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn.* [Tectology. General Organizational Science: in 2 books]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
11. Gloveli, G.D. & Figurovskaya, N.K. (1989) A.A. Bogdanov (biograficheskiy ocherk) [A.A. Bogdanov (biographical essay)]. In: Bogdanov, A.A. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn.* [Tectology. General Organizational Science: in 2 books]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
12. Gloveli, G.D. & Figurovskaya, N.K. (1990) Tragediya kollektivista [The tragedy of a collectivist]. In: Bogdanov, A.A. *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Issues of socialism. Works of different years]. Moscow: Politizdat.
13. Gloveli, G.D. & Pustil'nik, S.N. (1990) Sotri sluchaynye cherty… [Erase the random features . . .]. *Khimiya i zhizn'*. 12. pp. 11–19.
14. Abalkin, L.I. (1995) Tektologiya A.A. Bogdanova: na puti k novoy paradigme [Tectology of A.A. Bogdanov: on the way to a new paradigm]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 3–7.
15. Moiseev, N.N. (1995) Tektologiya A. Bogdanova – sovremennye perspektivy [Tectology of A. Bogdanov – modern perspectives]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 8–13.
16. Plyutto, P.A. (1992) Vremya i lyudi (iz arkhivov A.A. Bogdanova) [Time and people (from the archives of A.A. Bogdanov)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 133–142.
17. Bordyugov, G.A. (ed.) (1995) *Neizvestnyy Bogdanov: v 3 kn.* [The Unknown Bogdanov: in 3 books]. Moscow: AIRO-XX.
18. Pustil'nik, S.N. (1993) *Biologicheskie idei tektologii A.A. Bogdanova: k genezisu obshchey teorii sistem* [Biological ideas of Bogdanov's tectology: to the genesis of the general theory of systems]. Abstract of Biology Cand. Diss. Moscow.
19. Kuz'minykh, N.A. (1993) *Istoriograficheskie problemy issledovaniya organizatsionno-sotsiologicheskoy kontseptsii A.A. Bogdanova* [Historiography problems of research of the organizational-sociological concept of A.A. Bogdanov]. Abstract of Social Sciences Cand. Diss. Moscow.
20. Kul'seeva, T.G. (1995) *Teoreticheskie osnovaniya empiriomonizma A.A. Bogdanova* [Theoretical grounds for empiriomonism of A.A. Bogdanov]. Philosophy Cand. Diss. Kursk.
21. Maksimenko, E.P. (1996) *Kontseptsiya "proletarskoy kul'tury" v ideyno-politicheskom nasledii A.A. Bogdanova* [The concept "proletarian culture" in the ideological and political heritage of AA. Bogdanov]. History Cand. Diss. Moscow.
22. Lutsenko, A.V. (2000) *Aleksandr Bogdanov kak politik, uchenyy, prosvetitel', osnovopolozhnik metodologii sistemnogo analiza* [Alexander Bogdanov as a politician, scientist, educator, the founder of the methodology of system analysis]. Tomsk: [s.n.].
23. Shushpanov, A.N. (2001) *Literaturnoe tvorchestvo A.A. Bogdanova i utopicheskiy roman 1920-kh gg.* [Literary works of A.A. Bogdanov and the utopian novel of the 1920s]. Ivanovo: [s.n.].

24. Tarent, I.G. (2003) *Istoriko-filosofskiy analiz tektologii A.A. Bogdanova* [Historical and Philosophical Analysis of A.A. Bogdanov's Tectology]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
25. Afanas'eva, E.L. (2004) *Ratsional'naya organizatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove tektologii A.A. Bogdanova* [Rational organization of socio-economic systems based on A.A. Bogdanov's Tectology]. Philosophy Cand. Diss. Yakutsk.
26. Kuznetsova, K.A. (2010) *Sotsiologicheskie vzglyady A.A. Bogdanova* [Sociological views of AA. Bogdanov]. Social Sciences Cand. Diss. Saratov.
27. Myasnikova, S.V. (2005) *Problema sotsial'nogo ideala v filosofsko-literaturnykh proizvedeniyakh A.A. Bogdanova, E.I. Zamyatina, A.P. Platonova* [The problem of the social ideal in the philosophical and literary works of AA. Bogdanov, E.I. Zamyatin, A.P. Platonov]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
28. Ponomareva, G.M. (1997) *Utopiya i utopicheskoe soznanie v kontekste russkoy kul'tury XIX – nachala XX veka* [Utopia and utopian consciousness in the context of Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
29. Nikolaeva, L.S. (1997) *Teoriya i praktika Proletkul'ta, 1917–1932 gg.* [Theory and Practice of Proletcult, 1917–1932]. History Cand. Diss. Moscow.
30. Dobronravov, S.V. (2000) *Diskussiya "realistov" i "idealistov" v russkoy filosofii nachala XX veka* [The discussion of "realists" and "idealists" in Russian philosophy of the early 20th century]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
31. Yudin, M.V. (2001) *Deyatel'nost' Moskovskogo Proletkul'ta v 1918–1925 gg.* [The activities of the Moscow Proletcult in 1918–1925]. History Cand. Diss. Moscow.
32. Sychenkova, L.A. (2001) *Kul'tura Zapadnoy Evropy: rossiyskiy opyt istoriograficheskogo osmysleniya, vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX vv.* [The culture of Western Europe: the Russian experience of historiographical comprehension, the second half of the 19th c. – 1930s]. History Dr. Diss. Moscow.
33. Boyko, M.I. (2002) *Teoreticheskie problemy kul'tury v obshchestvenno-politicheskikh diskussiyakh 20-kh – nachala 30-kh godov v Sovetskoy Rossii* [Theoretical problems of culture in the socio-political discussions of the 1920s – early 1930s in Soviet Russia]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
34. Ivantsov, D.S. (2006) *Fenomen Proletkul'ta v kul'turno-istoricheskom aspekte* [The phenomenon of Proletcult in the cultural and historical aspect]. Culture Science Cand. Diss. Kirov.
35. Izyumova, Yu.A. (2006) *Obshchestvennaya mysl' Sovetskoy Rossii: futurologicheskie proekty nauchnoy intelligentsii 1920-kh godov* [Public thought of Soviet Russia: futurological projects of the scientific intelligentsia of the 1920s]. History Cand. Diss. Samara.
36. Podol', R.Ya. (2009) *Teoriya istoricheskogo protsessa v russkoy istoriosofii 1920 – serediny 1930-kh gg.* [The theory of the historical process in Russian historiosophy in 1920 – mid-1930s]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
37. Poluyan, N.N. (2010) *Idei teorii poznaniya "russkogo empiriokrititsizma"* [Ideas of the theory of cognition of "Russian empiriocriticism"]. Philosophy Cand. Diss. Kirov.
38. Kalinichenko, S.B. (1994) *Problema "novogo" cheloveka v trudakh politicheskikh deyateley 20-kh godov: A.A. Bogdanov, N.I. Bukharin, A.V. Lunacharskiy, L.D. Trotskiy* [The problem of a "new" person in the writings of political figures of the 1920s: A.A. Bogdanov, N.I. Bukharin, A.V. Lunacharsky, L.D. Trotsky]. History Cand. Diss. Stavropol.
39. Alekseev, V.V. (2007) *Kontseptsiya sotsial'no organizovannogo opyta A.A. Bogdanova i ee rol' v stanovlenii sovetskoy modeli sotsializma v 1920-kh – seredine 1930-kh godov* [The concept of socially organized experience of A.A. Bogdanov and its role in the formation of the Soviet model of socialism in the 1920s – mid-1930s]. History Cand. Diss. Izhevsk.
40. Balanovskiy, V.V. (2011) *Ponyatie transtsendental'noy refleksii v filosofii I. Kanta i ego primenenie k analizu gnoseologicheskikh kontseptsiy Vl.S. Solov'eva i A.A. Bogdanova* [The concept of transcendental reflection in the philosophy of I. Kant and its application to the analysis of epistemological concepts of Vl.S. Solovyov and A.A. Bogdanov]. Philosophy Cand. Diss. Kaliningrad.
41. Zhukotskiy, V.D. (2000) *Russkiy marksizm v religioznom izmerenii: istoriko-filosofskiy aspekt* [Russian Marxism in the religious dimension: the historical and philosophical aspect]. Philosophy Dr. Diss. Ekaterinburg.
42. Mintus, O.M. (2003) *Evolyutsiya filosofskikh vzglyadov N.I. Bukharina* [Evolution of philosophical views of N.I. Bukharin]. Philosophy Cand. Diss. Nizhnevartovsk.
43 Kisel'nikova, T.V. (2003) *Problemy liberal'nogo sotsializma v rossiyskoy obshchestvenno-politicheskoy mysli: 1890-e – 1917 gg.* [Problems of liberal socialism in Russian social and political thought: 1890s – 1917]. History Dr. Diss. Tomsk.
44 Shepeleva, V.B. (2013) *Problema revolyutsionno-demokraticheskoy al'ternativy v Rossii 1917–1920 gg.* [The problem of the revolutionary-democratic alternative in Russia in 1917–1920]. History Dr. Diss. Tyumen.
45 Berdyaev, N.A. (1907) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and the public]. St. Petersburg: Izd. M.V. Pirozhkova.
46 Lubin, A.F. (1997) *Metodologiya kriminalisticheskogo issledovaniya mekhanizma prestupnoy deyatel'nosti* [Methodology of forensic investigation of the mechanism of criminal activity]. Law Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.

Received: 20 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 153–159. DOI: 10.17223/15617793/429/19

УДК 902/904

Р.К. Мальцев

К ИСТОРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Рассматривается история выделения наскальных рисунков этнографического времени на памятниках бассейна Минусинской котловины, преимущественно относимых к хакасским. Выделена значимая роль Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева в изучении рисунков данного хронологического периода. Выявлено отсутствие монографических работ по вышеуказанному отрезку времени. Определены основные сюжетные композиции, образы и стилистика. Отмечены наиболее широко распространенные мотивы данного хронологического периода, в частности образ коня и всадника, а также тамгообразные знаки, имеющие генетическую связь с предшествующими культурно-историческими периодами. Отличительной особенностью рисунков этнографической современности является их схематичность, в некоторой степени примитивность.

Ключевые слова: петроглифы; Минусинская котловина; история изучения; этнографическое время, Хакасская археологическая экспедиция.

Народное искусство хакасов имеет достаточно богатую историю своего развития. Изобразительные памятники этнографического времени – изображения на шаманских бубнах, деревьях, предметах домашней утвари, петроглифы, мелкая пластика и др. – ценны не только в эстетическом отношении, они также являются важным историческим источником по истории одного из сибирских народов – хакасов, проживающих на территории Минусинской котловины. Одной из оригинальных категорий изобразительных памятников являются наскальные рисунки, выполненные на отдельных плитках, лежащих по склонам гор, на курганных камнях, на скальных плоскостях. Среди них особенно содержательны сюжетные композиции, в которых отдельные образы объединены в смысловые сцены, отразившие целый комплекс мировоззренческих представлений их создателей. Сюжетные композиции демонстрируют ритуальные действия, отражают социально-экономическую и бытовую жизнь, охоту и многие другие проявления жизни оставивших их художников.

В исторической науке, за рисунками, относимых к периоду Нового времени, прочно закрепилось название изображений «этнографического времени». Применительно к данному региону и рисункам вышеотмеченного периода (в частности, рисункам хакасов) под этнографической современностью мы понимаем период с XVIII по начало XX в. Нижняя временная граница была установлена на основе материалов исследований Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева, которыми в ходе изучения изображений тамг хакасов, буквенных знаков, применявшихся с конца XIX в., рисунков на деревьях, свидетельств исследователей, народной памяти, выбивки дат, изображений оружия, минеральных красителей, миграционных процессов была установлена приблизительная датировка начала нанесения хакасами петроглифов. Именно в XVIII–XIX вв. произошло окончательное закрепление русского государства на территории Сибири, установилась широкая деятельность духовных миссий, а в искусстве народов, населяющих данную территорию, наравне со старой, начала формироваться новая изобразительная традиция. Особенности данной эпохи помогают раскрыть письменные источники, оставленные представителями духовных миссий, исследователями Сибири, фольклорные материалы, передаваемые изначально в устной форме, а уже в XIX в. записанные. В это время происходят изменения в этнической и культурной традиции народов, населяющих территорию Минусинской котловины, непосредственно связанные с появлением многочисленных представителей других народов и культурных традиций. Верхняя граница этнографической современности установлена началом XX в., т.е. моментом кардинального изменения как в мировоззрении, так и в быту хакасов в связи с приходом новой власти, когда было зафиксировано прекращение массового нанесения рисунков.

В истории изучения наскальных изображений хакасов можно выделить три периода, имеющих свои особенности и факторы, подтолкнувшие к изучению этого пласта рисунков.

Первый период, ***дореволюционный*** (XVIII – первая четверть XX в.), характеризуется первоначальным накоплением знаний о хакасских писаницах и открытием новых памятников народного творчества хакасов. Начало накопления сведений о рисунках местного населения связано с именем известного исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта, который в 1722 г. открыл и зафиксировал местонахождения на утесе Городовая стена на правом берегу Енисея близ д. Новоселовой изображений тамг, зоо- и атропоморфных фигур, нанесенных красной краской [1. Abb. 8]. К сожалению, других свидетельств в литературе XVIII в. о рисунках хакасов нет.

Оживление интереса и накопление новых сведений о хакасских рисунках отмечается с наступлением XIX в. Интересно, что даже государственные лица, далекие от археологии и науки в целом, записывали свои наблюдения, среди таких можно указать енисейского губернатора А.П. Степанова, сообщавшего о том, что могилы покойных украшены большими камнями, на некоторых из которых находятся различные высечки [2. С. 84–85].

Видный исследователь Д.А. Клеменц, исследуя изображения на Трифоновской и Шабаболинской писаницах, нанесенных красной и черной красками, указывал: «*...можно сказать, что рисунки, сделанные черной краской, новее красных*», – а в отношении Арбатской писаницы отмечал: «*...ходит слух, что к ней кто-то и поныне прибавляет время от времени новые знаки… уверяют меня, что там такие рисунки, какие*

бывают на шаманских бубнах» [3. С. 38–39]. Однако, как справедливо отмечали позже Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев, исследователь не сделал необходимого вывода и не выделил современных ему хакасских рисунков на камнях и скалах [4. С. 9]. В то же время его современник, археолог И.Т. Савенков отмечал различия между древнейшими писаницами и поздними. Указывая, что антропоморфные фигуры почти не фигурируют, он подчеркивал: «*Рисунки звероловов и древних пастухов отличаются отсутствием человека. Они по-гомеровски отражали внешний вид, а новокопёнские, так называемые иероглифические – нет. Они имеют всего чуть ли не две фигуры лошади, а остальное – люди, люди и люди, мужчины и женщины, тамги, тамги и тамги…*» [5].

Важное место в деле исследования памятников наскального искусства, не только этнографического времени, но и всего Енисея в начале XX в., занимает выдающийся отечественный исследователь, энтузиаст и новатор А.В. Адрианов. Вклад Александра Васильевича в изучение петроглифов огромен, многие современные исследователи считают именно Адрианова основателем петроглифоведения, как научной дисциплины. В данной работе мы уделили внимание лишь его наблюдениям и исследованиям, посвященным рисункам, относимых к хакасам. Обследуя многие писаницы рассматриваемого региона, он отмечал беспорядочно сделанные алой или темно-фиолетовой краской рисунки, относя их к более позднему пласту изображений, при этом там же он встречал начертания, писаные ярко-красной грубой краской, какой на то время расписывали шаманские бубны. Интересными представляются его замечания по поводу некоторых изображений: «*Я, впрочем, слышал от инородцев, что эти писаницы из года в год подновляются ими*» [6. С. 142]. Имеются сведения, что во время одного из своих походов он наблюдал за тем, как подросток-хакас пытался воспроизвести ранее нанесенный сюжет на плоскости: «*...то воспроизводил копии с фигур древних писаниц, то импровизировал, но относился к работе с сосредоточенной серьезностью*» [7. Л. 2]. Интересным представляется его воспоминание и о том, что ему удалось увидеть автора многих рисунков: «*Я нашел и автора этой писаницы, подростка-пастуха, качинца Кыржана. Наблюдая за своим овечьим стадом с вершины горы, он от безделья каждый день выбивал фигуры на плите куском железа, пользуясь им как зубилом. Работа велась методически, старательно, серьезно*» [8. С. 46]. Во время экспедиционных работ А.В. Адриановым было сделано несколько эстампажей, опубликованных им в 1913 г. Они были сделаны на скалах по р. Мане и Колбе, являющихся писаницами качинцев (одной из групп хакасов) XVIII–XIX вв. [4. С. 10].

С наступлением Гражданской войны экспедиционные работы по исследованию памятников наскального искусства отошли на второй план. Свидетельства о рисунках, в том числе и относимых к этнографическому времени, оставались без внимания.

Таким образом, дореволюционный период дал первые свидетельства, касаемые рисунков этнографической современности. Деятельность вышеуказанных исследователей заложила прочную основу для дальнейшего изучения этого пласта изображений.

Вторым этапом в истории изучения наскальных рисунков этнографической современности является ***советский*** (1917–1991 гг.). Данный этап в силу его особенности (идеология; осведомленность современников о достижениях предшественников; методика исследования и документирования) можно разделить на два отрезка. На первом, хронологически ограниченном 1917 – сер. 1950-х гг., можно говорить о том, что исследователи, в частности этнографы, не обращали внимания на сведения и работы своих предшественников. Так, например, известный этнограф Е.Р. Шнейдер еще в 1930-х гг., говоря об искусстве хакасов, писал: «*Рисунок распространен мало. Он встречается на шаманских бубнах, тесах, изредка на предметах домашнего обихода и курганных камнях. В первых двух случаях материалом служит красная и белая краска, на деревянных предметах – это резьба. Наконец, в последнем случае рисунок выбивается камнем или острым железным орудием. И те, и другие чрезвычайно схематичны и во многом напоминают писаницы железной эпохи Минусинского края. Человек, животное, рыбы, птицы и пр. – большей частью простая комбинация палочек и кружков*» [9. С. 82]. Выдающийся этнограф, автор работ «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.» (1954) [10], «К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья» (1955) [11], С.В. Иванов в своих трудах, иллюстрирующих богатый материал по народам Сибири, обладая огромной источниковой базой в виде изображений на шаманских бубнах, не придал особого внимания наскальным рисункам хакасов. Лишь в работе «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.» (1954) он дает немногословную ссылку на дореволюционные источники, указывая, что «*об изображениях на камнях сведения очень скудны. Известно только, что хакасы выбивали фигуры на древних курганных памятниках и на новейших надгробиях… К сожалению, подобного рода изображения остались неопубликованными, а может быть, и несобранными*» [10. С. 588–589].

Что же касается самих рисунков, относимых к этнографическому времени, то они скудны. Так, в 1920-х гг. С.А. Теплоухов натолкнулся на пастуха-хакаса, который вычерчивал свою тамгу на писанице «почетной давности» [12. С. 19]. Другим фактом обнаружения является то, что в 1948 г. сотрудником Минусинского музея Э.Р. Рыгдылоном неподалеку от с. Шалаболинское были обнаружены две плоскости. На одной из них под изображением оленя были отмечены два ряда знаков в виде копьевидных, заостренных столбиков неравномерной величины. Над одним из рядов была выбит тамгообразный знак, а также несколько изображений звезд [13. Л. 2]. Автор не дал конкретных указаний на время нанесения изображений, однако можно предположить, исходя из изобразительных мотивов, что они относятся именно к хакасам, следовательно, и к этнографическому времени. Справедливым представляется замечание Эрдемто Ринчиновича,

касающееся деятельности предшественников, которых абсолютно не интересовала техника исполнения петроглифов, т.е. установление времени возникновения памятника, так же как и Финляндскую экспедицию 1884 г. [13. Л. 8].

Второй хронологический отрезок, ограниченный нами концом 1950-х – началом 1990-х гг., существенно отличается от предшествующего тем, что происходит оживление интереса к искусству этнографического времени, а также появлением множества работ, связанных с наскальным искусством хакасов. Началось широкомасштабное научное изучение памятников Минусинской котловины не только исследуемого периода, но и более раннего времени, вызванное рядом факторов. К таким относятся: «аварийные работы», проводимые Каменским отрядом ЛОИА АН СССР (рук. Я.А. Шер), развитие местных центров по исследованию памятников наскального искусства, а также существенное развитие краеведческого движения [14].

Говоря о непосредственном изучении памятников наскального искусства, относящихся к хакасам, нельзя не отметить ведущую деятельность в этом направлении Хакасской археологической экспедиции МГУ под руководством Леонида Романовича Кызласова, которая на протяжении двадцати лет (1958–1979) планомерно и скрупулезно исследовала памятники Минусинской котловины. Именно благодаря деятельности экспедиции в научный оборот был введен широкий пласт изображений, относимых как к этнографическому времени, так и к более раннему периоду (средневековому). Многое из работ экспедиции нашло отражение в совместной работе Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов» (1980) [4]. Данная монография является на сегодняшний день единственным наиболее полным собранием серии этнографических петроглифов, в котором отражены различные мотивы и сведения, касающиеся хакасского искусства.

Для начала отметим, что организация экспедиции в значительной степени была не только необходима в научных целях, но и, на наш взгляд, вызвана государственной потребностью со стороны властей Республики Хакасия. Здесь и необходимость, как пишет сам Леонид Романович, прояснения некоторых обстоятельств сложения хакасской государственности [15. С. 167], а также создание научного труда «История Хакасии» [16. С. 162].

Одной из задач, стоящих перед Хакасской экспедицией, являлись поиск и исследование памятников XI–XVIII вв., а также более поздних. Был разработан специальный маршрут, в который вошли несколько районов Хакасии: Усть-Абаканский, Аскизский, Боградский, Ширинский и Орджоникидзевский. Маршрут пролегал по таким местонахождениям петроглифов, как Оглахты, Сулек, Абакано-Перевоз. В ходе осмотра Сулекской писаницы было отмечено воздействие антропогенного фактора, в частности нанесение поверх древних рисунков более поздних надписей, а также дат с 1939 по 1954 гг. [15. С. 152–162]. Такое воздействие на плоскости с рисунками мы можем отмечать и на местонахождении Усть-Туба [17]. Важным достижением экспедиционных работ стало масштабное эстампирование и фотографирование петроглифов.

Имел место в деятельности Хакасской экспедиции обмен опытом с другими экспедициями, осуществляющими свою деятельность в данном регионе. Так, летом 1968 г. на местонахождении Оглахты были осуществлены совместные работы с ранее упомянутым Каменским отрядом Красноярской экспедиции ЛОИА. В результате было осуществлено совместное копирование и фотографирование наскальных изображений [18. С. 86].

Экспедиционные работы 1970 г. дали значимый результат в деятельности исследователей. Благодаря систематическим археологическим работам стало возможным научное обоснование этапов исторического развития племен и образования государственности древних хакасов [19. С. 220].

Важнейшим моментом в истории изучения памятников наскального искусства этнографической современности (хакасов) стал выход в свет раннее упомянутого труда «Народные рисунки хакасов» (1980 г.) [4], который вобрал в себя не только сами копии изображений, нанесенных на скалы, но и историю выделения писаниц, относимых к хакасам, предметы быта, мифы и легенды хакасского народа, а также сравнение петроглифов с народным творчеством хакасов.

Хотелось бы отметить удивительное совпадение: в этот же год вышел еще один труд, значимый для петроглифистов России, который используют и сегодня – «Петроглифы Средней и Центральной Азии» [20] Я.А. Шера, вобравшийо в себя сведения по наскальному искусству и Минусинской котловины.

Также на рассматриваемом хронологическом отрезке отмечаются и случайные находки рисунков, характерных для данного хронологического периода. Так, в 1970 г. геолог Ю.М. Каллеганов обнаружил Монокские изображения. В 1969 и 1974 гг. Н.В. Леонтьев обследовал правобережье Енисея, Малоарбатский Писанец и Малый Писанец, а также Комарковские писаницы. В 1974–1975 гг. археологом Хакасского областного краеведческого музея Э.А. Севастьяновым были обнаружены рисунки между селом и станцией Аскиз. В том же 1974 г. геологи Березовской экспедиции обнаружили изображения лошадей и зданий в окрестностях улуса Аёва [4. С. 20]. В 1972 г. красноярский художник В.Ф. Капелько обнаружил большое количество выбитых и резных изображений на плитах Оглахты. Его находки были вывезены в Минусинский музей. Эти плиты привлекли внимание Н.В. Леонтьева, в ходе обследования Оглахты были обнаружены и вывезены 90 плит с рисунками. Именно Н.В. Леонтьеву удалось первому установить хакасскую принадлежность рисунков [Там же. С. 16].

Нельзя не отметить работы, проводившееся в 1970–1980-е гг. Петроглифическим отрядом КемГУ под руководством Б.Н. Пяткина, в ходе которых был собран огромный материал по наскальным изображениям и рисункам с курганных камней, который в настоящее время находится на хранении в Музее аАрхеологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. Позднее в свет вышла совместная статья Б.Н. Пяткина, О.С. Советовой, Е.А. Миклашевич «Петроглифы

Оглахты-V» (1995) [22], в которой была опубликована значительная часть изображений коней и всадников из коллекций музея, относящихся к изучаемому нами периоду. Также в 1997 г. была опубликована статья О.С. Советовой и Е.А. Миклашевич «Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов» [23], в которой представлены отдельные изображения, относимые авторами к различным эпохам на территории Минусинской котловины, в частности к этнографическому времени. Была дана трактовка отдельных сюжетов, определены основные стилистические особенности этнографических рисунков.

Петроглифический отряд Южносибирской археологической экспедиции КемГУ произвел выявление этнографических изображений на местонахождениях Оглахты («Сорок зубьев», «Чертов лог», «Кизань»). Отрядом была проанализирована техника выбивки, выявлено применение насечек, прошлифовки. Отмечается, что наиболее популярным сюжетом является изображение коня, о чем уже было сказано ранее Л.Р. Кызласовым и Н.В. Леонтьевым. Основные сюжеты, связанные с конем, это жертвоприношение, священный конь «изых», кони у коновязи [Там же. С. 67].

Исходя из собственных исследований, посвященных петроглифам, мы можем сделать вывод, что одним из самых распространенных сюжетов является конь в образе «изыха». Анализ рисунков этнографического времени позволил нам выделить серию изображений, которые можно отнести к сценам ритуального характера, в нескольких задействован конь. Такие композиции встречаются на некоторых памятниках наскального искусства Минусинской котловины: Оглахты, Тепсее, Суханихе, Хуртаях-холе и др. В них могут присутствовать украшенные кони, какие-то необычные антропоморфные фигуры, изображения конских копыт, сцены со священным животным «изыхом» и т.п. К критериям, позволяющим относить те или иные рисунки к сценам ритуального характера, являются гипертрофированные размеры и неестественные позы самого животного (Оглахты, Тепсей, Суханиха), наличие различных предметов культа, таких как бубен (Хуртаях-хол, Бычиха), бубенцы (шаркунцы) (Оглахты), кони в сочетании с непропорционально небольшими антропоморфными фигурками (Оглахты) и др.

Многие ритуальные действия, проводимые хакасами, нашли отражение в различных письменных источниках, заметках миссионеров духовных миссий и этнографов. В качестве аналогий можно использовать реальные предметы религиозного культа – бубны, одежду и пр. Неоценимую помощь оказывают фотоматериалы начала XX в.

Интерес представляет то, что обряд посвящения в изыха происходил вплоть до 1920-х гг. Посвящения «ызыха» у хакасов во время летнего народного праздника Тун пайрам, праздника первого айрана, проводился в конце мая – начале июня после перекочевки скотоводов с зимника на летник. В этот период весь перезимовавший скот восстанавливал форму [24. С. 206]. Как правило, изыха посвящали духам (богам), взамен прося семейного благополучия, здоровья, урожая, прироста поголовья скота и пр. Однако были случаи, когда посвящение изыхов было приурочено к семейным праздникам [25. С. 113].

Исследователями вышеуказанной статьи [23] также была отмечена скромность этнографических петроглифов Суханихи по сравнению с другими местонахождениями. О.С. Советова и Е.А. Миклашевич сделали осторожный вывод, что этническое происхождение не может быть отнесено только к хакасам, этот вопрос является наиболее важным и требует дальнейшего научного изыскания [Там же. С. 69].

Таким образом, именно на втором хронологическом отрезке советского периода произошел рывок в отношении изучения памятников наскального искусства Минусинской котловины, в частности относящихся к этнографической современности. В науку был введен огромный массив материалов, посвященный петроглифам хакасов. К сожалению, мы можем констатировать, что до наших дней огромный пласт обнаруженных изображений остается необработанным, а опубликована лишь небольшая доля изображений.

Третий период, условно обозначенный нами как ***современный*** (с 1991 г.), можно охарактеризовать продолжением работ по изучению изображений не только этнографической современности, но и более ранних периодов. Особенностью данного периода является широкое применение исследователями компьютерных технологий, что, несомненно, облегчило обработку и введение в научный оборот ранее неизвестных изображений хакасов.

На памятниках наскального искусства Минусинской котловины начинают работать совершенно новые исследователи, привнесшие иной подход к изучению петроглифов вышеуказанного региона.

Говоря об исследовательской деятельности, можно выделить долгосрочный проект по обследованию, мониторингу и копированию памятников Минусинской котловины, проводимый русско-французской экспедицией, возглавляемой Я.А. Шером и А.-П. Франкфором. Результатом экспедиционной деятельности стал выход трехтомного издания «Петроглифы Центральной Азии» [26, 27], вобравшего в себя изображения, относящиеся к различным культурно-историческим периодам, также был проведен мониторинг наиболее подвижных плоскостей [28].

В свет выходят статьи, посвященные отдельным сюжетам петроглифов этнографической современности. Особое внимание в последнее время уделяется родовым знакам хакасов – тамгам. Исследуется их генетическая связь с предшествующими культурами Минусинской котловины [21, 29, 30].

Сегодня на памятниках Минусинской котловины, в частности на одном из крупнейших местонахождений – Тепсейском археологическом микрорайоне, ведет свои научные изыскания Тепсейский отряд КемГУ (кемеровский центр по изучению наскального искусства) под руководством д-ра ист. наук, профессора О.С. Советовой [17]. Работы отряда начались с 2012 г., их особенностью является совмещение археологической практики студентов и научных работ молодых ученых. Работы отряда пересекаются с работами другого петроглифического отряда КемГУ, под

руководством канд. ист. наук, доцента А.Н. Мухаревой, работающего в основном на местонахождении Улазы. Отряды проводят совместные выезды, делятся опытом и позитивным настроением.

Важной характеристикой отряда, на наш взгляд, является продолжение традиции Петроглифического отряда ЮСАЭ по формированию круга лиц, интересующихся петроглифами Енисея (И. Аболонкова, П. Кореньков, Э. Исмайылова, Е. Сатина, Р. Мальцев, М. Талягина, О. Шишкина и др.).

За шесть лет отрядом была проделана огромная работа по выявлению, очистке и копированию плоскостей с петроглифами. Выявлены ранее неизвестные изображения, исполненные не только выбивкой, но и краской. Осуществляется мониторинг состояния плоскостей, как прибрежных, так и находящихся в логу (Волчий лог) и выходящих к водохранилищу [31–34]. Проводятся работы и с рисунками курганного поля, входящего в рассматриваемый археологический микрорайон [35]. Продуктивным стал полевой сезон 2017 г. Участниками отряда были проведены работы на пунктах Тепсей I, Тепсей III, курганном поле. Успешными оказались работы на местонахождении Усть-Туба, в результате которых были произведены разведывательные мероприятия, мониторинг, документирование и копирование ряда плоскостей. Был обнаружен огромный разновременный массив изображений, в том числе и этнографической современности (изображения военных кораблей, антропоморфные и зооморфные изображения).

Продолжает свою работу на памятниках наскального искусства рассматриваемого региона Е.А. Миклашевич, ежегодно организовывающая работы по поиску, копированию, мониторингу и документированию на таких памятниках, как Куня, Оглахты, Сулек, Суханиха, Потрошиловская писаница [36, 37].

Ведут свои работы и другие научные центры по исследованию петроглифов: Красноярск (А.Л. Заика) и Минусинск (Т.А. Ключников) [38]. Интерес вызывает совместная работа данных центров с кемеровским центром. Специалисты находятся в постоянном контакте, делятся результатами полевых сезонов. Проводятся паспортизация памятников и их внесение в реестр охраняемых территорий.

В заключение данной работы мы можем констатировать, что история исследования памятников наскального искусства этнографического времени, в частности хакасов, длится уже не одно столетие. Однако выявление и вынесение их в отдельную хронологическую линию произошло лишь в середине XX в. Деятельность всех вышеупомянутых исследователей, экспедиции внесли неоценимый вклад в новое направления в археологии – петроглифоведение. В науку был введен новый пласт изображений, благодаря которому представляется возможность реконструировать образ и мировоззрение народов Минусинской котловины. История изучения данных петроглифов, безусловно, не ограничивается деятельностью только указанных экспедиций и исследователей, она имеет еще множество вопросов, которые еще предстоит осветить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 1. 1862.
2. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835.
3. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.
4. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 147 с.
5. Савенков П.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОРГО. 1886. Т. 17, № 3–4.
6. Адрианов А.В. Писаницы по реке Мане // ЗОРСАРАО. 1913. Т. 9.
7. Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // ИРКИСВА. 1904. № 4.
8. Адрианов А.В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // ИРКИСВА. 1908. № 8.
9. Шнейдер Е.Р. Искусство народностей Сибири. Л., 1930.
10. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954.
11. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // СМАЭ. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 16.
12. Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. 1933. Вып. 62.
13. Рыгдылон Э.Р. Предварительный отчет археологической экспедиции Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова на р. Тубу летом 1948 г. // АМКМ НА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 651.
14. Мальцев Р.К. Факторы и предпосылки изучения памятников наскального искусства Среднего Енисея (1940–1990-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 87–91.
15. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1960. Вып. VIII. С. 163–168.
16. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1963. Вып. IX. С. 156–164.
17. Мальцев Р.К. Петроглифические отряды КемГУ на Среднем Енисее : вчера, сегодня, перспективы // Междисциплинарные исследования археологии, этнографии и истории Сибири : материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2017. С. 71–74.
18. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1968 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1970. Вып. XV. С. 84–91.
19. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1969 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1971. Вып. XVI. С. 173–176.
20. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
21. Мальцев Р.К. Наскальные изображения хакасских тамг как исторический источник // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2015. С. 239–241.
22. Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекций) // Древнее искусство Азии. Кемерово, 1995. С. 86–105.
23. Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Никалс, 1999. С. 47–73.
24. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.

25. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об ызыхах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 111–211.
26. Sher J.A. Siberie du sud 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 1994. Fascicule № 1. 152 p.
27. Blednova N. Siberie du sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 1995. Fascicule № 2. 93 p.
28. Francfort H.-P., Sacchi D., Sher J.A., Soleilhavoup F., Vidal P. Art rupestre du bassin de Minusinsk : nouvelles recherches franco-russes // Arts asiatiques. Paris, 1993. Vol. 48. P. 5–52.
29. Мухарева А.Н. Стилистические варианты и особенности техники нанесения изображений коплекса Улазы (I тыс. н. э.) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4 (3). С. 57–61.
30. Мухарева А.Н. «Энциклопедии» тамг на горе Большой Улаз (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 3 (1). С. 78–82.
31. Советова О.С., Аболонкова И.В. Загадки Тепсейского фриза (Тепсей II) // Археология Южной Сибири. Кемерово : РИО КемГУ, 2012. Вып. 26. С. 113–114.
32. Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Местонахождение Тепсей I : история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово : РИО КемГУ, 2012. Вып. 26. С. 99–112.
33. Советова О.С., Аболонкова И.В. Изобразительные традиции наскального искусства в контексте археологического материала Тепсейского археологического микрорайона // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55), т. 4. С. 68–75.
34. Советова О.С., Аболонкова И.В., Талягина М.А., Шишкина О.С. Новые петроглифы Тепсея (по результатам исследований 2012–15 гг.) // Ученые записки Музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово : Примула, 2015. Вып. 2. С. 101–113.
35. Советова О.С., Шишкина О.О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник КемГУ. 2014. № 3, т. 3. С. 93–98.
36. Миклашевич Е.А. Отчет о разведках памятников наскального искусства в 2007 г. в Орджоникидзевском, Усть-Абаканском и Аскизском районах Республики Хакасия и в Минусинском районе Красноярского края // НА КМАЭЭ. № 290.
37. Миклашевич Е.А. Отчет о разведках памятников наскального искусства в 2008 г. в Орджоникидзевском, Боградском и Аскизском районах Республики Хакасия и в Минусинском районе Красноярского края // НА КМАЭЭ. № 292.
38. Интервью с А.Л. Заикой, кандидатом исторических наук, доцентом КГПУ им. Астафьева. Интервьюер Р.К. Мальцев. 28 сентября 2017 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

TO THE HISTORY OF IDENTIFYING ETHNOGRAPHIC PETROGLYPHS ON THE TERRITORY OF THE MINUSINSK BASIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 153–159.
DOI: 10.17223/15617793/429/19
Roman K. Maltsev, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mrk1992@mail.ru
Keywords: rock art; Minusinsk Basin; history of study; ethnographic time; Khakassia archaeological expedition.

In this article, the history of identification of ethnographic petroglyphs on the territory of the Minusinsk Basin, mainly attributed to Khakass ones, is considered. Three periods are distinguished in the history of the study of rock paintings of the Khakass: pre-revolutionary (the 18th – first quarter of the 20th centuries), characterized by the initial accumulation of knowledge about Khakass pisanitsas and the discovery of new monuments of folk art of the Khakass. At this stage, a significant contribution was made by such researchers as D.G. Messerschmidt, D.A. Klements, A.V. Adrianov, who laid a solid foundation for further study of this layer of images. The Soviet stage (1917–1991), due to its peculiarity, can be divided into two parts. In the first part, chronologically limited to 1917 – mid-1950s, one can say that researchers, in particular ethnographers, did not pay attention to the data and works of their predecessors. The second chronological period (late 1950s – early 1990s) differs significantly from the previous one: there is a revival of interest in the art of the ethnographic time, the emergence of many works related to the rock art of the Khakass. A large-scale scientific study of the monuments of the Minusinsk Basin of not only the period under investigation, but also an earlier time began. The Khakass archaeological expedition of Moscow State University headed by L.R. Kyzlasov systematically and scrupulously explored the monuments of the Minusinsk Basin for twenty years (1958–1979), as well as the Petroglyphic Detachment of Kemerovo State University headed by B.N. Pyatkin. The modern period (since 1991) can be characterized by the continuation of works on studying not only images of ethnographic modernity, but also earlier periods. A feature of this period is the widespread use of computer technologies by researchers, which undoubtedly facilitated the processing and introduction into scientific circulation of previously unknown images of the Khakass. In conclusion, the author states that the history of the study of rock art monuments of the ethnographic time, in particular the Khakass, has been going on for more than a century. However, the identification and presentation of them in a separate chronological line occurred only in the middle of the 20th century. The activities of all the above-mentioned researchers and expeditions have made an invaluable contribution to a new direction in archeology – petroglyphology. A new layer of images was introduced into science, thanks to which it is possible to reconstruct the image and outlook of the peoples of the Minusinsk Basin.

REFERENCES

1. Messerschmidt, D.G. (1862) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727* [Research trip through Siberia 1720–1727]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
2. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseyskaya guberniya* [Yenisei Province]. St. Petersburg: Tip. Konrada Vingebera.
3. Klements, D.A. (1886) *Drevnosti Minusinskogo muzeya* [Antiquities of the Minusinsk Museum]. Tomsk: izdanie In. Kuznetsova.
4. Kyzlasov, L.R. & Leont'ev, N.V. (1980) Narodnye risunki khakasov [Folk drawings of the Khakass]. Moscow: Nauka.
5. Savenkov, P.T. (1886) K razvedochnym materialam po arkheologii srednego techeniya Eniseya [To exploratory materials on the archeology of the middle reaches of the Yenisei]. *Izvestiya VSORGO*. 17:3–4.
6. Adrianov, A.V. (1913) Pisanitsy po reke Mane [Pisanitsas on the river Mana]. *ZORSARAO*. 9.
7. Adrianov, A.V. (1904) Predvaritel'nye svedeniya o sobiranii pisanits v Minusinskom krae letom 1904 g. [Preliminary information on the collection of pisanitsas in the Minusinsk region in the summer of 1904]. *IRKISVA*. 4.
8. Adrianov, A.V. (1908) Obsledovanie pisanits v Minusinskom krae letom 1907 g. [A survey of pisanitsas in the Minusinsk region in the summer of 1907]. *IRKISVA*. 8.
9. Shneyder, E.R. (1930) *Iskusstvo narodnostey Sibiri* [Art of the peoples of Siberia]. Leningrad: Izd. Gosudarstvennogo Russkogo muzeya.
10. Ivanov, S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v.* [Materials on the fine arts of the peoples of Siberia of the 19th – early 20th centuries]. Moscow; Leningrad: USS AS.
11. Ivanov, S.V. (1955) K voprosu o znachenii izobrazheniy na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [On the importance of images on the ancient cult objects of the peoples of the Sayan-Altai highlands]. *SMAE*. 16.

12. Meshchaninov, I.I. (1933) Zagadochnye znaki Prichernomor'ya [Mysterious signs of the Black Sea region]. *IGAIMK*. 62.
13. AMKM NA. Fund 1. List 1. File 651. Rygdylon, E.R. (1948) *Predvaritel'nyy otchet arkheologicheskoy ekspeditsii Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova na r. Tubu letom* [Preliminary report of the archaeological expedition of the Minusinsk Museum n.a. N.M. Martyanov on the river Tuba in the summer of 1948].
14. Mal'tsev, R.K. (2017) Factors and the background of the study of rock art monuments of the Middle Yenisei (1940s–1990s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 87–91. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/13
15. Kyzlasov, L.R. (1960) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1958 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [The Khakass archaeological expedition of 1958 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. VIII. pp. 163–168.
16. Kyzlasov, L.R. (1963) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1959 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [The Khakass archaeological expedition of 1959 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. IX. pp. 156–164.
17. Mal'tsev, R.K. (2017) [Petroglyphic detachments of Kemerovo State University in the Middle Yenisei: yesterday, today, prospects]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya arkheologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary research of archeology, ethnography and history of Siberia]. Proceedings of the international conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of the scholar and public figure Nikolai Konstantinovich Auerbach (1892–1930). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 71–74. (In Russian).
18. Kyzlasov, L.R. (1970) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1968 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [The Khakass archeological expedition of 1968 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. XV. pp. 84–91.
19. Kyzlasov, L.R. (1971) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1969 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [The Khakass archaeological expedition of 1969 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. XVI. pp. 173–176.
20. Sher, Ya.A. (1980) *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Central Asia]. Moscow: Nauka.
21. Mal'tsev, R.K. (2015) [Rock carvings of Khakass tamgas as a historical source]. *Proceedings of the LV Russian Archeological and Ethnographic Conference of Students and Young Researchers*. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 239–241. (In Russian).
22. Pyatkin, B.N., Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (1995) Petroglify Oglakhty-V (publikatsiya kollektsiy) [Petroglyphs of Oglachty-V (publication of collections)]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Drevnee iskusstvo Azii* [Ancient art of Asia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
23. Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (1999) Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov [Chronological and stylistic features of the Middle-Nenets petroglyphs]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* [Archeology, ethnography and museum business]. Kemerovo: Nikals.
24. Butanaev, V.Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov: posobie dlya uchiteley* [Traditional culture and way of life of the Khakass: manual for teachers]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
25. Burnakov, V.A. (2010) Traditsionnye predstavleniya khakasov ob yzykhakh [Traditional representations of the Khakass about the sacred]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2 (42). pp. 111–211.
26. Sher, J.A. (1994) Siberie du sud 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) [Southern Siberia 1: Oglakhty I-III (Russia, Khakassia)]. *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale*. Paper 1.
27. Blednova, N. (1995) Siberie du sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) [Southern Siberia 2: Tepsei I-III, Ust-Tuba I-IV (Russia, Khakassia)]. *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale.* Paper 2.
28. Francfort, H.-P., Sacchi, D., Sher, J.A., Soleilhavoup, F. & Vidal, P. (1993) Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches franco-russes [Rock Art from the Minusinsk Basin: New French-Russian Studies]. *Arts asiatiques*. 48. pp. 5–52.
29. Mukhareva, A.N. (2013) Stylistic variations and technique peculiarities of Ulazy rock images (1st millennium AD). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (3). pp. 57–61. (In Russian). DOI:10.21603/2078-8975-2013-3-57-61
30. Mukhareva, A.N. (2015) "Encyclopedia" of tamgas on Bolshoy Ulaz mountain (Minusinsk Basin). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. T. 3 (1). pp. 78–82. (In Russian). DOI:10.21603/2078-8975-2015-1-78-82
31. Sovetova, O.S. & Abolonkova, I.V. (2012) Zagadki Tepseyskogo friza (Tepsey II) [Mysteries of the Tepsei Frieze (Tepsei II)]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 26. pp. 113–114.
32. Sovetova, O.S., Mukhareva, A.N. & Abolonkova, I.V. (2012) Mestonakhozhdenie Tepsey I: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie [Location of Tepsei I: history of study and current state]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 26. pp. 99–112.
33. Sovetova, O.S. & Abolonkova, I.V. (2013) Rock art traditions in the context of the archaeological material of Tepsei micro-region. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 (55): 4. pp. 68–75. (In Russian). DOI:10.21603/2078-8975-2013-3-68-75
34. Sovetova, O.S., Abolonkova, I.V., Talyagina, M.A. & Shishkina, O.S. (2015) Novye petroglify Tepseya (po rezul'tatam issledovaniy 2012–15 gg.) [New petroglyphs of Tepsei (based on the results of 2012–2015 studies)]. *Uchenye zapiski Muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*. 2. pp. 101–113.
35. Sovetova, O.S. & Shishkina, O.O. (2014) Images on the plates of Tagar kurgans fences (Tepsei archaelogical complex). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 (3). pp. 93–98. (In Russian). DOI:10.21603/2078-8975-2014-3-93-98
36. NA KMAEE. 290. Miklashevich, E.A. *Otchet o razvedkakh pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v 2007 g. v Ordzhonikidzevskom, Ust'-Abakanskom i Askizskom rayonakh Respubliki Khakasiya i v Minusinskom rayone Krasnoyarskogo kraya* [Report on the exploration of the monuments of rock art in 2007 in Ordzhonikidze, Ust-Abakan and Askiz districts of the Republic of Khakassia and in the Minusinsk Area of Krasnoyarsk Krai].
37. NA KMAEE. 292. Miklashevich, E.A. *Otchet o razvedkakh pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v 2008 g. v Ordzhonikidzevskom, Bogradskom i Askizskom rayonakh Respubliki Khakasiya i v Minusinskom rayone Krasnoyarskogo kraya* [Report on the exploration of the monuments of rock art in 2008 in Ordzhonikidze, Bograd and Askiz districts of the Republic of Khakassia and in the Minusinsk Area of Krasnoyarsk Krai].
38. Mal'tsev, R.K. (2017) *Interv'yu s A.L. Zaikoy, kandidatom istoricheskikh nauk, dotsentom KGPU im. Astaf'eva* [Interview with A.L. Zaika, candidate of historical sciences, associate professor of Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University]. 28 September.

Received: 28 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 160–167. DOI: 10.17223/15617793/429/20

УДК 94 (470.342) «18»

А.А. Машковцев, В.В. Машковцева

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ МОЛЕЛЬНЯМ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассмотрена политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам во второй четверти XIX в. На основании изученных документов авторы приходят к выводу, что в указанный период доминировали административные, силовые меры воздействия на старообрядцев, целью которых являлось искоренение староверия. На материалах Вятской губернии показана реализация запрета на строительство новых и ремонт обветшавших старообрядческих молелен, действовавшего на законодательном уровне.

Ключевые слова: Русская православная церковь; духовенство; старообрядцы; молельня; религиозная литература; конфессиональная политика; Николай I; законодательство; Вятская губерния.

Огромный вклад в сохранение древнерусской культуры внесли приверженцы староверия. Их молельни не только выполняли религиозные функции, но и являлись культурными центрами старообрядчества. В них хранились иконы «дониконовского» письма и богослужебные книги, которые почитались староверами в равной степени. Осознание их значимости побуждало старообрядцев всеми силами бороться за сохранение памятников духовного наследия в случае их изъятия властями. Ценность написанной по старым канонам иконы, как религиозной философии в образах, была для них несомненна. Значимость книги обусловливалась совокупностью факторов. Прежде всего, книжная культура старообрядцев неразрывно связана с религией; книга, бытовавшая в их среде, – это книга религиозная по своему содержанию. Кроме того, книга воспринималась как способ трансляции исторического наследия. Через нее староверы передавали накопленный опыт в сфере религии и культуры последующим поколениям. В связи с этим книга оценивалась старообрядцами как источник непререкаемой истины. Наконец, книга использовалась в целях обучения и воспитания. При этом известно, что уровень грамотности старообрядцев часто был выше, чем аналогичный показатель в среде приверженцев официальной церкви. Таким образом, книга в восприятии старообрядцев – объект культуры, обладающий особой ценностью [1]. Центрами сосредоточения старообрядческой книжности являлись молельные дома, функционирование которых на протяжении всего XIX в. находилось под строгим контролем как светских, так и духовных властей. Возможность открывать свои молельни старообрядцы получили лишь в царствование Александра III по указу от 3 мая 1883 г., однако для этих целей им разрешалось использовать только уже существующие здания [2. С. 220]. Право строить новые молельные дома было даровано староверам в начале XX в., по указу Николая II 17 апреля 1905 г. [3. С. 257–258].

Наиболее жесткой по отношению к старообрядцам являлась политика Николая I. Она носила ярко выраженный ограничительный характер и преследовала цель полного искоренения староверия. При этом акцент делался на силовых, административных способах воздействия на старообрядцев, которые находились под контролем Третьего отделения императорской канцелярии. В обязанности последнего входило доставление сведений «о числе существующих в государстве разных сект и расколов» [4. С. 666]. Согласно постановлению от 10 июня 1853 г. в местностях, где проживали староверы, усиливалась городская и земская полиция [5. С. 455]. За лицами, исполнявшими у старообрядцев духовные требы и религиозные обряды, не признавался сан священника. Их следовало называть либо «остающийся у раскольников поп», либо «исправляющий у раскольников духовные требы» [6. С. 136]. Законодательство второй четверти XIX в. регламентировало не только функционирование, но и наличие молелен «ревнителей древнего благочестия». В частности, молельные дома и часовни, построенные до 17 сентября 1826 г., рекомендовалось оставлять «в том положении, в каком они в то время были; после же того… вновь строить что-либо похожее на церкви» не разрешалось. Ремонт или «возобновление старых подобных зданий» запрещались [7. С. 6]. В том случае, если старообрядцы преступали закон и самовольно открывали молельню, ранее опечатанную властями, она подлежала уничтожению [6. С. 140]. Во всех официальных документах «раскольнические молитвенные здания не должны быть называемы церквами, а только моленными или часовнями» [7. С. 142].

Имеющиеся в нашем распоряжении неопубликованные источники, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Кировской области, позволяют проследить реализацию конфессиональной политики государства в отношении старообрядческих культовых центров на материалах Вятской губернии. Так, одним из крупнейших духовных центров вятского староверия являлась молельня в деревне Боровской Сретенской волости Нолинского уезда, которая была построена в 1791 г. [8. Л. 42] и функционировала до 1845 г. Первоначально она имела внешний облик православной церкви, и венчал ее купол с крестом, на что в 1805 г. было дано согласие властей. Разрешалось также содержать при молельне «10 небольших домиков для призрения неимущих» [9. Л. 53 об.]. Однако с воцарением Николая I кардинально меняется курс конфессиональной политики правительства в сторону ужесточения. В соответствии с действовавшим во второй четверти XIX в. законодательством недопу-

стимым считалось наличие атрибутов православного храма в старообрядческой молельне: престолов, колоколов и крестов [10. С. 446]. В связи с этим 10 ноября 1835 г. министр внутренних дел Д.Н. Блудов довел до сведения вятского губернатора К.Я. Тюфяева решение императора о снятии колоколов с трех старообрядческих часовен Нолинского уезда – Боровской, Ситминской и Таратихинской – и передаче их в церковь при тюремном замке г. Вятки. Позднее последовало распоряжение императора и о снятии крестов с указанных культовых зданий. Помимо этого, руководствуясь Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (Т. 14, ст. 48), за старообрядцами Ситминской волости Нолинского уезда необходимо было установить контроль, для того чтобы не допустить использование ими нового каменного дома, построенного для «призрения престарелых и убогих», в качестве молельни [11. Л. 13 об.]. Нолинский земский исправник получил соответствующие предписания вятского губернатора и рапортами от 31 декабря 1835 г. и 5 февраля 1837 г. отчитался об их исполнении – снятии трех медных колоколов и четырех крестов со старообрядческих молелен в деревне Боровской, Ситминской и Таратихинской, «несмотря на вопль и крики угнетенных скорбию раскольников» [Там же. Л. 39].

Религиозно-просветительскую работу среди местных старообрядцев, по поручению епархиального архиерея, проводил миссионер Николаевского собора г. Нолинска протоиерей Михаил Преображенский. В частности, 26 марта 1845 г. он организовал назидательную беседу со староверами, которая продолжалась более трех часов. В общей сложности прихожанами Боровской молельни являлось около 1 500 староверов-федосеевцев, включая малолетних детей. На беседу с православным пастырем пришли 153 человека. М. Преображенский объявил присутствовавшим волю императора Николая I об обращении их в единоверие. Для этого они должны были согласиться принять православного священника, который стал бы совершать для них богослужения по старопечатным книгам, признаваемым старообрядцами. В случае же, если старообрядцы проявят упорство, кельи, после предварительного выселения из них «ревнителей древнего благочестия», надлежало уничтожить, а молельню оставить закрытой с перспективой преобразования ее в православный храм.

Слова миссионера, несмотря на все его усилия, не имели успеха: никто из староверов не пожелал воссоединиться с официальной церковью даже на правах единоверия. Они заявили, что имеют «своих наставников, о коих, хотя бы довелось и голову на плаху положить, никому не скажут». Проявляя фанатичную преданность «древнему благочестию», беспоповцы выразили убежденность в том, что «только та истинная вера, которая гонима», подразумевая под таковой старообрядчество, «и заключили тем, что хотя бы довелось и в Сибирь идти, но и тогда священника им не надо» [12. Л. 66]. Напомним, что изначально наиболее жесткую позицию по отношению к Русской православной церкви и ее духовенству занимали именно беспоповцы, убежденные в том, что после проведения реформы патриарха Никона весь мир является царством антихриста, в том числе и официальная церковь. Православных пастырей они в связи с этим воспринимали не иначе как слуг антихриста и не считали возможным, даже после перекрещивания, принимать их к себе для совершения богослужения и отправления духовных треб [13. С. 69]. Данные функции у беспоповцев стали исполнять не рукоположенные в сан наставники, или уставщики. Как видим, местные старообрядцы в создавшейся ситуации были носителями данной идеологии.

Исполняя решение властей, после закрытия Боровской молельни согласно императорскому указу 5 мая 1845 г. иконы, книги и другие вещи, находившиеся в ней, с целью предотвращения организации кражи, были переданы на хранение в церковную палатку Николаевского собора г. Нолинска. Кельи же, построенные близ молельного дома, были уничтожены. Однако старообрядцы выразили свой протест против такой политики, проводившейся в их отношении, в открытой форме. Об этом свидетельствуют следующие факты. Так, 17 декабря 1846 г. Комитет министров вынес решение по делу о краже книг и икон из Боровского молельного дома. Вероятно, после закрытия молельни часть имущества старообрядцы успели вынести до его передачи на хранение в церковную палатку при Николаевском соборе. 13 книг, изъятых у старообрядцев К. Чиркова, Т. Маслова и А. Тимофеевой, поступили на рассмотрение Вятской духовной консистории с целью выявления их соответствия учению Русской православной церкви. Все они были признаны не отвечающими интересам официального православия, особенно «Житие Преподобного Василия Нового», которое получило крайне негативную оценку со стороны православного клира: «Наполнено такими сказаниями, которые невеждам и заблуждающим от православной веры, каковы все наши раскольники, могут подать повод к понятиям и суждениям о будущем веке чувственно грубым и странным» [14. Л. 145–145 об.]. Рассмотренные книги были отправлены в Министерство внутренних дел, как того требовало действовавшее законодательство. Виновных в совершении кражи книг из Боровской молельни найти не удалось, но в деле фигурируют имена подозреваемых – Т. Сухих, Ф. Изергина и Е. Нелюбина. Возможно, они проникли в молельный дом через слуховое окно. За ними было установлено строгое наблюдение со стороны местных властей с целью обнаружения похищенных икон и книг. Г. Брызгалова, обвиняемого в «сокрытии найденных в лесу близ села Сретенского на елке в мешке книг, икон и креста и в недопущении волостного головы к обыску с произнесением ругательств», приговорили к тюремному заключению на срок 8 суток [12. Л. 193 об.–194].

Вскоре после описанных событий протоиерей Н. Романов сообщил вятскому преосвященному Неофиту, что 23 мая 1847 г., побывав у Боровской молельни, он заметил новые восковые печати на дверях взамен сорванных. Спустя год миссионер довел до сведения епископа, что деревянный молельный дом старообрядцев сгорел «будто бы от силы молнии во время грозы» 30 апреля 1848 г. [Там же. Л. 172]. По

просьбе Неофита вятский губернатор А.И. Середа распорядился о проведении расследования на предмет выяснения причин пожара и уничтожения молельни. Пристав 2-го стана Нолинского уезда А. Назаров установил следующие обстоятельства дела: «30 апреля 1848 г. после половины дня последовал сильный удар грома. Молния ударила в крышу молельни, которая вдруг вся вспыхнула, затем пламя быстро распространилось на все здание и, хотя собравшиеся жители деревни Боровской и окольные принимали к прекращению пожара все меры, но все усилия их оказались бесполезными» [12. Л. 173 об.]. Предположение об умышленном поджоге доказать в ходе следствия не удалось. Никто из крестьян, опрошенных под присягой, не дал соответствующих показаний. Несмотря на это, исключать организацию поджога молельни старообрядцами нельзя. Возможно, таким образом они выразили протест против преобразования своего храма в единоверческую церковь. Тем более что подобные ситуации известны и были зафиксированы применительно к другим старообрядческим культовым центрам. Например, 28 апреля 1850 г. Святейший Синод постановил передать старообрядческую молельню в селе Старая Тушка в ведение местного православного духовенства и преобразовать ее в единоверческий храм [15. Л. 15–15 об.]. В сентябре 1852 г. замки в тушкинской молельне были взломаны, а печати с двух дверей сорваны. В результате проведенного осмотра выяснилось, что из молитвенного дома похищены некоторые вещи (паникадило, свечи и др.) [16. Л. 70]. Судьба же созданной единоверческой церкви оказалась печальной. Она просуществовала достаточно недолго. В ночь на 15 августа 1860 г., как сообщил становой пристав Малмыжского уезда вятскому губернатору, она полностью сгорела. Пока огонь не проник внутрь здания, старообрядцы сумели вынести из храма 29 икон. По данному делу было произведено расследование, в ходе которого местным властям удалось установить только то, что поджог церкви совершили сами старообрядцы села Старая Тушка или близлежащих деревень [17. Л. 5 об.].

В селе Слудка Лобанской волости Нолинского уезда функционировали две старообрядческих молельни: одна принадлежала поповцам, другая – беспоповцам-федосеевцам. Молельня, принадлежавшая старообрядцам-поповцам, была построена в начале XIX в. Точно установить год ее основания не представляется возможным. В различных документах в качестве такового называется 1804 г. [8. Л. 42] и 1810 г. [18. Л.1]. В связи с обветшанием молельного дома староверы предприняли соответствующие меры, однако действовавшее тогда законодательство не разрешало им не только строить вновь «что-либо, похожее на церкви», но и производить ремонт старых часовен [4. С. 946; 7. С. 6; 10. С. 446]. В ответ на эти действия старообрядцев в 1837 г. их молельня была закрыта нолинским земским исправником. Такова же была участь молельного дома беспоповцев федосеевского согласия.

В случае закрытия той или иной старообрядческой молельни закон предусматривал предоставление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной утвари на рассмотрение местной духовной консистории для передачи их в распоряжение ближайшего единоверческого храма. Все предметы культа, изъятые из слудских молелен, поступили в церковь села Лобанского. Епископ Вятский и Слободской Неофит высказал мысль о необходимости преобразования культовых центров староверов в православные храмы «с дозволением совершать на первый раз определенным священникам божественную службу… по тем же старопечатным книгам, кои в оных часовнях находятся, если они по рассмотрении не окажутся противными православию» [12. Л. 10 об.]. Интересно, что вятский губернатор А.И. Мордвинов идею преосвященного воспринял скептически и в донесении министру внутренних дел отметил, что надеяться на успех ее реализации не представляется возможным, поскольку среди населения данной местности преобладают старообрядцы, не настроенные на диалог с официальной церковью. Кроме того, техническое состояние обветшавших зданий оставляло желать лучшего.

Реакция старообрядцев оказалась вполне предсказуемой: они выступили категорически против преобразования их молелен в православные церкви. Более того, староверы попытались доказать законность существования их храмов. Одним из аргументов было то, что молельни открылись при старообрядческих кладбищах, и здесь происходило отпевание усопших. Без этого верующие не могли выполнить свой христианский долг и достойно проводить в последний путь умерших. Доказывая законность своих прав, староверы предъявили земскому исправнику копию с указа Казанской губернской канцелярии от 4 февраля 1765 г. о выделении им государственной земли для погребения умерших. Ф.С. Штин от лица слудских поповцев ходатайствовал о разрешении им возобновить богослужения. В ходе проведенного расследования при каждой из слудских молелен были обнаружены настоящие паломнические центры. В частности, при молельне поповцев содержалось 9, а при федосеевской молельне – 11 келий, в которых проживали старообрядцы. По мнению исправника, они намерены «перенести в кельи богослужение, прикрыв посещение кладбища посторонними раскольниками видом поминков либо благотворительности» [18. Л. 14 об.]. В сложившейся ситуации епископ Неофит высказался за снос данных объектов. Окончательное решение по данному делу было вынесено 16 сентября 1841 г. Комитетом министров. В соответствии с ним кельи следовало разобрать, а пребывавших в них староверов вернуть в места их постоянного проживания, что и было выполнено [Там же. Л. 43]. Что касается молельных домов старообрядцев, то, по указу императора 5 января 1845 г., они были уничтожены в марте того же года. Местной полиции вменялось в обязанность установить строгое наблюдение за старообрядцами, с тем чтобы они «не осмеливались вновь устраивать молитвенных зданий или производить в домах своих сборища для богомолений» [12. Л. 35 об.].

Еще одним духовным центром староверия на Вятской земле являлась Наймушинская молельня, располагавшаяся в Глазовском уезде. В конце XVIII в. при починке Песчаный Ключ (позднее – в деревне

Наймушинской) без соответствующего разрешения властей было открыто старообрядческое кладбище. На нем староверы поповского толка построили свою молельню. К сожалению, архивные материалы не позволяют точно установить год ее основания. По документам Вятской духовной консистории, она была построена около 1814 г. [19. Л. 15]. Согласно сведениям, представленным глазовским уездным исправником в октябре 1870 г. после осмотра молельни, годом ее постройки следует считать 1826 г. [20. Л. 159]. Сами старообрядцы в одном из ходатайств, направленных в МВД, указали, что их молельня существует при починке Песчаный Ключ с 1822 г. [21. Л. 1]. Вероятно, наиболее точная дата – 1814 г., поскольку известно, что в 1823 г. молельня уже заново перестраивалась. Получив сведения об этом, министр внутренних дел А.А. Закревский распорядился о ее закрытии (1829 г.) [22. Л. 30].

Через два года Министерство внутренних дел признало возможным отменить свое решение о закрытии молельни и староверы смогли отправлять в ней богослужения. Однако епархиальное начальство после этого неоднократно заявляло о необходимости закрытия Наймушинской молельни, ссылаясь на то, что старообрядцы, несмотря на запрет государственной власти, постоянно ремонтировали ее, например, после пожара 1855 г. [23. Л. 1]. Вятский епископ Елпидифор сообщил об этом губернатору и просил его распорядиться о запрещении старообрядцам исправлять свой молитвенный дом. Еще ранее, 4 июля 1846 г., Кабинет министров постановил: «Вменить местному полицейскому начальству в обязанность иметь строгое наблюдение, дабы с оной (с молельней) не было допускаемо никаких поправок или возобновлений» [24. Л. 2 об.]. Учитывая это, вятский губернатор сделал соответствующее распоряжение, обратившись к земскому исправнику, после чего за местными старообрядцами был установлен строгий надзор.

Впоследствии, по инициативе епархиального начальства, Наймушинская старообрядческая молельня была опечатана, перестроена в кладбищенскую единоверческую церковь. Староверы, потеряв свою молельню и все предметы культа, находившиеся в ней, неоднократно предпринимали попытки вернуть их, но безуспешно. Им было отказано и в разрешении построить новую часовню в деревне Бармашевской, поскольку на расстоянии от 2 до 20 верст от нее находились четыре старообрядческих молельни [25. Л. 16–17]. Вплоть до 1906 г. старообрядцы неоднократно направляли ходатайства в Министерство внутренних дел о возвращении им Наймушинской молельни [21. Л. 24 об.], однако они так и не увенчались успехом.

В январе 1838 г. по поручению Глазовского земского суда становой пристав Лихачев опечатал старообрядческую молельню в деревне Курьинской Глазовского уезда. В ходе проведенного им расследования выяснилось, что местные старообрядцы самовольно починили крышу молельного дома, открытого около 30 лет назад, а также сени, пристроенные к нему. На расстоянии семи саженей от молельни пристав обнаружил «выстроенный из нового лесу… домик, или избу с печкою». Произведенный ремонт староверы мотивировали тем, что во время бури со многих домов, в том числе и с молельни, сорвало крышу. В результате в здание стала поступать вода, что причиняло вред хранившимся там иконам. В создавшейся ситуации старообрядцы починили крышу. Поправки сеней они мотивировали «ветхостью бревен крыши, которые угрожали им падением». При этом староверы утверждали, что все описанные действия они произвели «по незнанию законоположения, воспрещающего подобные поправки» [26. Л. 1 об.–2]. Как было сказано выше, действовавшее во второй четверти XIX в. законодательство запрещало осуществлять какой бы то ни было ремонт старообрядческих молелен. В противном случае староверы привлекались к судебной ответственности, а молельня опечатывалась властями. В решении Глазовского земского суда подчеркивалось, что данную молельню следовало либо «оставить запечатанною», либо уничтожить. Однако суд учел фактор возможного психологического воздействия подобного вердикта – озлобленность старообрядцев в связи с оказываемым на них силовым давлением, принуждением их к воссоединению с официальной церковью. На этом основании суд счел необходимым оставить курьинский молельный дом в «настоящем его положении» с разрешением проводить в нем богослужения «до совершенного его разрушения». Власти, таким образом, рассчитывали на скорое естественное разрушение здания по причине его ветхости. Между тем, чтобы старообрядцы не подумали, что законом разрешено ремонтировать старые молельни, сени, «как ими поправленные уже не по причине бури, но по собственному… произволу», следовало уничтожить [Там же. Л. 2 об.]. Итоговое решение по данному делу было вынесено императором 24 апреля 1840 г.: «Означенную моленную в деревне Курье и пристроенную к оной избу… оставить навсегда запечатанными» [Там же. Л. 16]. Очевидно, что власти, считая безусловно приоритетными методы запрета, ограничения в правах старообрядцев, систему жестких наказаний, стремились избежать обострения взаимоотношений староверов и адептов Русской православной церкви и усиления конфронтации между ними. Этим обусловлена специфика вынесенного решения, предполагающего, с одной стороны, сохранение молельни, но с другой – запрет на ее использование в религиозных целях. За старообрядцами устанавливался строгий надзор со стороны местной полиции в целях пресечения совершения ими противоправных деяний, в частности самовольного открытия молельни, проведения в ней богослужений.

Молельни устраивались старообрядцами и в жилых избах. Например, таковая была обнаружена в доме Ивана Кривошеина – крестьянина деревни Федоровской Медянского прихода, приверженца поморского согласия. По поручению губернатора К.Я. Тюфяева в сентябре–октябре 1836 г. вятским земским исправником было проведено необходимое расследование. В ходе следственных мероприятий И. Кривошеин признал, что изба, принимаемая за молельню, была построена примерно 15 лет назад его отцом – Ионой, и при его жизни здесь действительно проводились службы и совершались различные обряды, в

том числе и крещение младенцев. Косвенным подтверждением этого служили обнаруженный исправником при обыске большой чугунный котел, а также достаточно большое количество различных книг религиозного содержания, среди которых Псалтырь, Канонник, святцы и др. И Иван, и его брат Федор Кривошеин заявили, что в данный момент осмотренная изба не используется как публичная молельня. Между тем епископ Вятский и Слободской Нил усмотрел «вредное влияние» на православных старообрядцев прихода села Медянского. Преосвященный обратил особое внимание на поведение Федора Кривошеина, который, по его словам, «стал настолько дерзновенным, что священнику села Медянского при народе публично заявил, чтобы он не трудился располагать народ к церкви, ибо никто его не послушает» [27. Л. 26 об.]. Однако следствию не удалось доказать вину Кривошеиных в распространении староверия и в «совращении православных», в связи с чем в марте 1841 г. они были освобождены от дальнейшего судебного преследования. Духовные власти настаивали на том, чтобы молельня в деревне Федоровской была опечатана, но решение Комитета министров предусматривало возвращение дома, в котором она размещалась, его владельцу. При этом за молельней устанавливался строгий полицейский надзор [Там же. Л. 37 об.], с тем чтобы не допустить ее использования в целях пропаганды староверия.

Аналогичным был приговор, определивший судьбу молельни, открытой в избе Гавриила Козлова – крестьянина-старообрядца деревни Мокрушинской Верхосунской волости Нолинского уезда. Уездный исправник Порфирьев при осмотре обнаружил молельню «распечатанною, чисто прибранною, в ней были на передней стене полки с образами… на лавках несколько подручников, употребляемых раскольниками при молении» [28. Л. 2 об.]. 4 деревянных и 4 медных иконы, медные складни, медный восьмиконечный крест и кадильница, религиозная, в том числе богослужебная, литература (Часослов, Псалтырь, Синодик, рукописная книга с именами умерших для поминовения и др.), 20 подручников, свечи, разделенные по сортам, – все это свидетельствовало о том, что помещение использовалось не как жилое, а, вероятнее всего, для религиозных целей [Там же. Л. 12 об.–13]. Особое внимание обращают на себя подручники – молитвенные коврики, используемые старообрядцами при земных поклонах и позволяющие сохранить руки чистыми [29]. Это атрибут старообрядческого богомоления, поскольку вследствие реформ патриарха Никона земные поклоны были заменены поясными, и необходимость в подручниках для адептов официальной церкви после этого отпали.

В ходе опроса Г. Козлов заявил, что является приверженцем федосеевского согласия и несколько лет назад подвергался судебному преследованию за исполнение религиозных обрядов, в частности крещение младенца, за что был наказан – «выдержан при волостном правлении на хлебе и воде 7 дней» [28. Л. 15]. При этом Г. Козлов не отрицал, что ранее в принадлежавшей ему избе действительно собирались старообрядцы для богослужения, но только до 1837 г., когда молельня была опечатана бывшим уездным исправником Честновским. Однако, по словам подследственного, Честновский в том же году дал разрешение открыть ее и использовать как жилое помещение. Тогда там поселились племянницы Г. Козлова – Буторина и Бабкина, и строение перестало использоваться в религиозных целях. Истинность данных показаний не очевидна и может быть поставлена под сомнение, поскольку делопроизводственная документация 1839 г. содержит информацию о проведении богослужений в доме Г. Козлова, очевидцами которых являлись дьячок с. Сунского Шабалин и православные крестьяне д. Мокрушинской и Черинской. В связи с этим нолинский исправник Порфирьев опечатал «моленную горницу», поручил Верхосунскому правлению вести за нею постоянное наблюдение, а все обнаруженные книги, иконы и другие вещи передал на хранение в церковь села Верхосунского. Что касается бывшего исправника Честновского, то он первоначально опровергал показания Г. Козлова, а затем, в 1841 г., признал факт открытия им молельни, подчеркнув, однако, что сделал это исключительно «для жительства племянницам Козлова… а не для общественного собрания для богомолия» [28. Л. 58]. И Г. Козлов, и исправник Честновский избежали наказания по суду только по причине смерти (первому на момент проведения следствия было более 95 лет). Помещение, которое использовалось ранее для богослужений, в соответствии с решением Нолинского уездного суда от 14 июля 1841 г., разрешалось оставить племянницам Г. Козлова с условием, что оно обязательно будет переделано под крестьянскую жилую избу. Бабкина и Буторина должны были дать подписку в том, что обязуются не допускать «никаких сборищ для раскольнических молений под опасением строжайшей ответственности» [Там же. Л. 65–65 об.]. Как видим, и в условиях жесткого репрессивного курса царского правительства по отношению к старообрядцам власти, заинтересованные в воссоединении староверов с Русской православной церковью, стремились избежать возможного обострения противоречий и в ряде случаев отказывались от уничтожения молелен, ограничиваясь лишь их закрытием или переустройством для использования в качестве жилых помещений. Однако подобные ситуации наблюдаются только тогда, когда следствию не удавалось собрать достаточно улик и доказать вину старообрядцев, например, в самовольном открытии ранее опечатанной молельни и ее использовании для совершения богослужений. В противном случае адепты староверия наказывались по всей строгости закона, а молельни уничтожались.

Действовавшее законодательство предусматривало освобождение старообрядцев от судебного преследования за открытие в своем доме молельни в случае перехода их в лоно Русской православной церкви, в том числе путем принятия единоверия. Напомним, что единоверие было введено при Павле I, который «заботился об изыскании способов к сближению раскольников с православными путем некоторых незначительных религиозно-обрядовых уступок» [6. С. 27]. В 1800 г. были утверждены составленные московским митрополитом Платоном Правила, предусматривав-

шие создание единоверия для той части старообрядцев, которые согласны были «войти в подчинение Синоду, однако опасались оставить древние обряды» [29. С. 94]. Приверженцы единоверия сохраняли внешнее сходство со старообрядцами поповского толка (двоеперстное крестное знамение, двоекратное повторение слова «аллилуйя» в религиозных песнопениях и др.), однако признавали главенство Святейшего Синода и обязались принимать священство от официальной церкви. Согласно Правилам 1800 г. со староверов, принявших единоверие, снималась анафема, наложенная на них при патриархе Никоне. Таким образом, при Павле I был найден компромисс в решении проблемы государственно-старообрядческих отношений, хотя сами старообрядцы негативно относились ко всем воссоединившимся с официальной церковью, в том числе и на правах единоверия.

Принятие единоверия означало присоединение старообрядцев к Русской православной церкви, а потому служило основанием для освобождения их от наказания за совершение ряда преступлений. Так, согласно рапорту священника Матвея Мышкина, в селе Паздеринском Сарапульского уезда работник Камско-Воткинского завода Антон Петров «к умножению и утверждению раскола и к соблазну православных христиан в доме у себя в нарочито устроенной для богомолья избе делает собрания и сам поучает ересям» [30. Л. 1]. Первоначально, по распоряжению Вятского губернского правления, самовольно устроенная в доме А. Попова молельня была опечатана. Однако впоследствии, после перехода его в единоверие, Вятский секретный совещательный комитет принял решение об открытии молельни и преобразовании ее в жилое помещение с тем условием, чтобы за ней велось постоянное наблюдение и не допускалось «никакого устройства, похожего на часовню» [Там же. Л. 26]. Со стороны министра внутренних дел данное постановление не встретило возражений и было приведено в исполнение. Все обнаруженные при осмотре здания книги были проанализированы представителями духовенства. В результате часть книг (Псалтырь, Минея, Канон по усопшим) Вятская духовная консистория сочла возможным передать в местную единоверческую церковь, равно как и изъятые у А. Попова пять икон, не противоречивших учению официальной церкви. Книга, содержавшая рассуждения об Антихристе, написанная Стефаном Яворским, была признана нравоучительной и полезной «как для православных сынов церкви, так и для заблудших» и на этом основании возвращена владельцу. Аналогична судьба Каноника и Святцев, предназначавшихся к «частному употреблению» [Там же. Л. 25, 30]. Несомненно, что в случае, если бы А. Попов сохранил приверженность «древнему благочестию», по данному делу было бы проведено тщательное расследование и окончательное решение предусматривало бы закрытие и опечатывание старообрядческой молельни, а ее владелец за нарушение действовавшего законодательства понес бы наказание по суду. Ситуация сложилась иначе лишь благодаря воссоединению А. Попова с Русской православной церковью.

Особенно жестко наказывались старообрядцы, уличенные в организации богослужений в своем доме, поскольку подобная деятельность приравнивалась к распространению и пропаганде староверия. Данные факты устанавливались по донесениям представителей православного клира и служили поводом для проведения судебного расследования. В частности, в 1841 г. было возбуждено дело, главными фигурантами которого являлись старообрядцы Нолинского уезда Лупп и Павел Шихалевы. Они обвинялись в «допущении в своем доме раскольнических собраний с целью богомоления» [31. Л. 6]. В особой «горнице» в избе Л. Шихалева были обнаружены иконы, «старинные церковные книги» и предметы богослужения. Сами старообрядцы отказались признать свою вину, но 28 опрошенных под присягой показали, что видели, как в дом к Л. Шихалеву по воскресным и праздничным дням открыто приходили местные староверы для участия в богослужении. Дело Шихалевых рассматривалось в нолинском уездном суде и Вятской палате уголовного и гражданского суда, а окончательное решение было вынесено Комитетом министров 6 мая 1841 г. В соответствии с ним Лупп Шихалев и его внук Павел приговаривались к тюремному заключению сроком на 4 недели каждый и обязывались подпиской впредь не организовывать никаких собраний старообрядцев. Молельную комнату в доме Луппа следовало уничтожить.

Таким образом, действовавшее во второй четверти XIX в. законодательство жестко регламентировало функционирование старообрядческих молелен. Оно полностью соответствовало поставленным властями задачам в области конфессиональной политики – пресечение распространения староверия и воссоединение его адептов с официальной церковью. При помощи представителей православного духовенства органами полиции выявлялись культовые центры старообрядцев и принимались необходимые меры для прекращения их деятельности. Так, только в Нолинском уезде в рассматриваемый период прекратили свое существование 5 старообрядческих культовых центров. В 1840 г. по решению властей была уничтожена Таратихинская молельня, в 1845 г. та же участь постигла две Слудских молельни, в 1848 г. сгорела Боровская молельня, которую власти планировали преобразовать в единоверческий храм, наконец, в 1850 г. по решению Комитета министров была подвергнута разрушению Ситминская молельня. В каменном же здании старообрядческой Ситминской богадельни в 1859 г. был открыт единоверческий храм. Подобные проявления политики властей можно наблюдать и на общероссийском уровне. В частности, в это же время были ликвидированы Иргизские (1841–1842 гг.) и Керженские (1854–1857 гг.) старообрядческие монастыри и Выгорецкая обитель (1854–1856 гг.). Пострадали и духовные центры Стародубья: упразднены Казанский Климковский монастырь (1850 г.) и Тульегорские Норские обители (1850 г.), преобразованы в единоверческие Покровский Климковский (1848 г.) и Новопокровский (1850–1853 гг.) монастыри [32. С. 218, 216]. Успенская церковь Преображенского кладбища и Никольская церковь Рогожского кладбища в 1854 г. были переосвящены в православные. Вслед за тем, в 1856 г., были «запечатаны» алтари храмов Рогожского кладбища. Однако проводимая в отношении старообрядцев огра-

ничительно-запре-тительная политика не достигла желаемой для властей цели: староверие продолжало существовать как религиозно-культурный и социальный феномен. Правительство рассматривало старообрядцев «как временное зло в государстве, подлежащее уничтожению» [33. С. 33]. Между тем старообрядчество доказывало свою жизнеспособность, несмотря на все гонения, которым подвергались его приверженцы. Численность староверов продолжала расти вопреки мерам, предпринимаемым властями. Это подтверждают данные статистики. Так, если в 1838 г. в Вятской губернии проживало 31 622 старообрядца [34. Л. 133 об.], то в 1855 г. их насчитывалось 38 996 человек [35. Л. 9]. Взаимовыручка, сплоченность, помощь состоятельных членов общины из числа предпринимателей позволили старообрядцам выстоять даже в условиях жестких карающих мер, применяемых по отношению к приверженцам «древнего благочестия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Поздеева И.В. Книга – Личность – Община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2001. С. 7–30.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. Т. III. 1883. СПб., 1886. С. 219–221. № 1545. «Мая 3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1883 г., мая 24, ст. 469) – О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб».
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и дополнения. СПб., 1908. С. 257–258. № 26125. «Апреля 17. Именной Высочайший указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1905 г., апреля 17, отд. I, ст. 526) – Об укреплении начал веротерпимости».
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825–1881. Т. I. 12 декабря 1825–1826. СПб., 1827. С. 665–666. № 449. «Июля 3. Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних дел – О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии».
5. Собрание постановлений по части раскола. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1875. 694 с.
6. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 г. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1875, 1903. 340 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 18 (1843). Ч. 2: прибавление к тому XVII. СПб., 1844. С. 6. № 16123а. «О раскольнических часовнях и молитвенных домах».
8. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 582. Оп. 126. Д. 103.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 155.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). СПб., 1837. С. 446. № 9107. «Апреля 28. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров – О воспрещении обращать крестьянские избы в старообрядческие молельни и устраивать в оных престолы».
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4.
13. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж : YMCA-Press, 1988. 603 с.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 4. Д. 1919.
15. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Д. 120.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 89. Д. 669.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 79.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 ж. Д. 225.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 з. Д. 764.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 73 а.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 822.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 14. Д. 1747.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 85. Д. 181 а.
25. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 35.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 86.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 ж. Д. 1.
28. ГАКО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39.
29. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М. : Церковь, 1996. 317 с.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 129 а. Д. 27.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 206.
32. Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск : Ладомир, 2011. 451 с.
33. Васильева С.В. Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII–XXI вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 52 с.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 34.
35. ГАКО. Ф. 582. Оп. 574. Оп. 1. Д. 30.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 января 2018 г.

THE CONFESSIONAL POLICY OF THE STATE IN RELATION TO THE OLD BELIEVERS' CHAPELS IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF VYATKA PROVINCE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 160–167.
DOI: 10.17223/15617793/429/20

Andrey A. Mashkovtsev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru
Victoria V. Mashkovtseva, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; clergy; Old Believers; chapel; religious literature; confessional politics; Nicholas I; legislation; Vyatka Province.

The article examines the state policy in relation to the Old Believer religious centers in the second quarter of the 19th century. The source of the research is archival materials extracted from the funds of the Russian State Historical Archive and the State Archive of Kirov Oblast, as well as regulatory and legal acts presented, first of all, in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The main objective of this research is to review the implementation of the all-Russian legislation that regulated the attitude of the authorities to the Old Believers' chapels in Vyatka Province. At various stages of Russian history in the field of the confessional policy of the authorities in relation to the Old Believers, both exhorting and forceful methods of influencing its adherents were used. During the reign of Nicholas I, a system of restrictions and prohibitions was developed, which was applied to the Old Believers. This involved all aspects of the life of representatives of this religious group. In particular, in the localities where the Old Believers lived, the city and zemstvo police were intensified. Persons who performed spiritual rites and religious rites among the Old Believers were not recognizes as priests. Their liturgical activity was severely suppressed. The authorities observed strictly that representatives of the Old Believer clergy did not influence the adherents of the Russian Orthodox Church and did not engage in the propaganda of the Old Believers. At the legislative level, not only the functioning, but also the presence of chapels of the "ancient piety" adherents was regulated. Thus, prayer houses built before September 17, 1826 were recommended to be left as they were at the time of the discovery, but after this period it was not allowed to build new chapels. Repair of the deteriorated Old Believers' chapels was forbidden. If the Old Believers transgressed the law and illegally opened a chapel previously sealed by the authorities, it was, as a rule, subject to destruction. In all official documents, religious buildings of the Old Believers were to be called only "prayer house or chapels", but not churches. Finally, the use of the Orthodox Church symbols – domes, crosses and door icons – was not allowed for Old Believers' prayer houses. Based on the documents studied, the authors come to a conclusion that during the period under review, administrative, forceful measures of influence on the Old Believers dominated, with the help of which the authorities sought to eradicate the old faith and reunite its adherents with the official church. However, the restrictive-prohibitive policy towards the Old Believers did not achieve the goal the authorities desired: the Old Believers continued to exist as a religious, cultural and social phenomenon. Mutual support, unity, assistance of wealthy community members from among entrepreneurs allowed the Old Believers to survive even in the conditions of strict punitive measures applied to the "ancient piety" adherents.

REFERENCES

1. Pozdeeva, I.V. (2001) [The book – Personality – Community – tools for the reproduction of traditional culture (30 years of study of the Old Believers' communities of Verkhokamye)]. *Staroobryadcheskiy mir Volgo-Kam'ya: problemy kompleksnogo izucheniya* [Old Believers world of the Volga-Kama: problems of a comprehensive study]. Proceedings of the conference. Perm: Perm State National Research University. pp. 7–30. (In Russian).
2. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Three. 1881–1913. Vol. III. 1883. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 219–221.
3. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Three. 1881–1913. Vol. XXV. 1905. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 257–258.
4. Russian Empire. (1827) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1825–1881. Vol. I. 12 December 1825–1826. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 665–666.
5. Ministry of Internal Affairs. (1875) *Sobranie postanovleniy po chasti raskola* [Collection of resolutions on the part of the split]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
6. Ministry of Internal Affairs. (1903) *Obzor meropriyatiy Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 g.* [Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
7. Russian Empire. (1844) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. (1825–1881). Vol. 18 (1843). Pt. 2: Supplement to Vol. XVII. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, pp. 6.
8. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 126. File 103. (In Russian).
9. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128. File 155. (In Russian).
10. Russian Empire. (1837) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. (1825–1881). Vol. 11 (1836). St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 446.
11. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 4. (In Russian).
12. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 a. File 4. (In Russian).
13. Florovskiy, G. (1988) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Paris: YMCA-Press.
14. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 4. File 1919. (In Russian).
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 27. File 120. (In Russian).
16. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 7. File 437. (In Russian).
17. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 89. File 669. (In Russian).
18. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 79. (In Russian).
19. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 15 zh. File 225. (In Russian).
20. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 15 z. File 764. (In Russian).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 222. File 73 a. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 4. File 822. (In Russian).
23. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 14. File 1747. (In Russian).
24. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 85. File 181 a. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 40. File 35. (In Russian).
26. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 86. (In Russian).
27. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 zh. File 1. (In Russian).
28. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 57. List 1. File 39. (In Russian).
29. Vurgaft, S.G. & Ushakov, I.A. (1996) *Staroobryadchestvo. Litsa, predmety, sobytiya i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya* [Old Believers. Persons, objects, events and symbols. Experience of an encyclopedic dictionary]. Moscow: Tserkov'.
30. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 129 a. File 27. (In Russian).
31. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 206. (In Russian).
32. Kochergina, M.V. (2011) *Starodub'e i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760–1920 gg.): demograficheskoe razvitie staroobryadcheskikh obshchin, predprinimatel'stvo, dukhovnaya zhizn', kul'tura* [Starodub'e and Vetka in the history of Russian Old Believers (1760–1920): the demographic development of Old Believer communities, entrepreneurship, spiritual life, culture]. Bryansk: Ladomir.
33. Vasil'eva, S.V. (2011) Gosudarstvennaya i tserkovnaya politika v otnoshenii staroobryadchestva Baykal'skogo regiona (XVII–XXI vv.) [State and church policy regarding the Old Believers of the Baikal region (17th–21st centuries)]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
34. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 z. File 34. (In Russian).
35. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 574. List 1. File 30. (In Russian).

Received: 29 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 168–174. DOI: 10.17223/15617793/429/21

УДК 930 (623.1/.3)

С.Р. Муратова

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНЫХ ИДЕЙ И ФОРМ ФОРТИФИКАЦИИ НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII в.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00476.

Рассматривается история развития военно-инженерного дела в России. Выявляется степень распространения западноевропейских традиций военного зодчества на южных границах России по Уралу и Западной Сибири. Поддерживается идея, что развитие теории военно-инженерного дела привела к распространению типизации в военной архитектуре. Анализ документов позволил определить степень реализации типовых проектов на практике. Было выявлено распространение западноевропейских традиций фортификации: крепости строили земляными, с бастионами в углах, встречались и равелины, и редуты, использовали идеи Вобана укрепления земляных оборонительных конструкций фашинами. В то же время отмечается сохранение элементов отечественного деревянного зодчества предшествующей эпохи в укреплениях Оренбургской и Сибирских линий.

Ключевые слова: Урал; Западная Сибирь; пограничная линия; фортификация; крепость.

Необходимость исследования проблемы в рамках очерченных хронологических рамок состоит не только в уникальности созданной в XVIII столетии системы охраны границ, но и в возможности проследить развитие идей и форм фортификационных сооружений с истоков. Именно в XVIII в. в России стало бурно развиваться военно-инженерное дело. На вновь осваиваемых территориях как в европейской части России, так и на Урале и в Западной Сибири наряду с традиционными отечественными формами стали внедрять новые европейские идеи организации долговременной фортификации.

При исследовании темы нами были изучены планы укреплений [1] и карты [2], топографические описания пограничных линий [3. Оп. 1. Д. 83, 85, 93], хранящиеся в РГВИА и РГАДА. Также мы опирались на богатый материал, собранный историками и исследователями-архитекторами, и, прежде всего, на труды В.В. Яковлева [4], К.С. Носова [5], М.И. Мильчика [6], С.Н. Баландина [7], Т.С. Проскуряковой [8], Н.Л. Крашенинниковой [9], О.П. Бауськовой [10], Н.П. Крадина [11]. Таким образом, в совокупности весь изученный материал позволил воссоздать общую картину внедрения в XVIII в. западноевропейских традиций военного зодчества и инженерных идей и форм фортификации в целом на территории России и в частности на Урале и в Западной Сибири.

Нельзя сказать, что европейские традиции фортификации пришли к нам только вместе с петровскими преобразованиями. Еще в XIV и XV вв., при Дмитрии Донском и Иване III, впервые из-за рубежа были приглашены «розмыслы» – знатоки военно-инженерного дела. При Иване IV появился Пушкарский приказ, который специально стал заниматься всеми инженерными делами [10. С. 127–129].

В разные эпохи отечественная оборонная архитектура претерпевала различные влияния. К примеру, в XV в. это было больше итальянское влияние (Антон Фрязин, Аристотель Фиорованти), а XVI в. отмечен влиянием немецкой и голландской традиций строительства оборонительных сооружений [12. С. 254–260]. Причина таких изменений, возможно, объяснима с точки зрения тенденций развития внешнеполитических связей.

На изменения идей и форм фортификации больше повлияло появление новых видов вооружения, в соответствии с которыми необходимо было подготовить и долговременные укрепления. Бастионная фортификация, пришедшая к нам, также была связана с этими нововведениями в области огнестрельных орудий крупного калибра. Земляные крепости, облицованные камнем, пришли на смену деревянным крепостям. В углах укреплений теперь возводили пятиугольные бастионы, конструкция которых позволяла вести фланкирующий обстрел подходов к ним. При круглых формах башен образовывались мертвые зоны, пятиугольная форма бастиона позволяла в обороне укрепления избавиться от этого недостатка. Стена крепости между бастионами называлась куртиной. Подступы к ней стали укреплять равелинами (укрепление в форме треугольника, которое было ниже, чем бастион и куртина) и редюитами.

Первые шаги в деле формирования военно-инженерного ведомства Россия делала уверенно. Иноземные специалисты в области строительства оборонительных сооружений сохранили в России звания инженеров. Именно так их стали называть в отечественных официальных актах еще со времен Алексея Михайловича Романова. Но более кардинальные изменения произошли в эпоху Петра I. С началом этой эпохи стали не только привлекать иностранных специалистов в области фортификации, но и активно готовить своих инженеров и мастеров, первые из которых получили образование, обучаясь за границей.

С этого времени бурно стало развиваться и отечественное инженерное искусство. Петр I, познакомившись за рубежом со специалистами и с европейской системой устройства оборонительных сооружений, предпринимает активные меры в деле развития этого направления в своем государстве В 1701 г. Пушкарский приказ был переименован в Артиллерийский. Его возглавил царевич Александр Арчилович Имеретинский. В России с этого времени понятие «инженер» стали использовать и по отношению к отечественным специалистам в области военной фортификации. Военные инженеры и все чины инженерного ведомства входили в штат артиллерии и подчинялись генерал-

фельдцейхмейстеру (по Уставам 1698 и 1716 гг.). Уставом ему вменялось знание фортификации.

Петр I в ходе первых лет Северной войны сделал вывод о том, что инженерные войска должны быть под одним началом с артиллерийскими. Но тем не менее в течение XVIII в. общее руководство военно-инженерными войсками изменялось не один раз. В 1704 г. А.А. Имеретинского сменил Я.В. Брюс, который в 1720 г. принял под свое ведение все крепости России [10. С. 130].

К 1701 г. относится начало подготовки в России своих специалистов. Для этого в Москве была учреждена Школа математических и навигацких наук, которая кроме прочих мастеров готовила архитекторов, инженеров, геодезистов. Для руководства школой был приглашен профессор Абердинского университета г. Фарварсон. Эту школу закончили такие государственные деятели, как И.К. Кирилов, Ф.И. Соймонов. Они же повышали свою квалификацию в Англии и Голландии. В дальнейшем их деятельность на службе Отечеству была связана с проектами укрепления границ на юге Урала и Западной Сибири.

Впоследствии в России появились специальные учебные заведения по подготовке специалистов в области фортификации. Так, в 1712 г. в Москве была основана первая инженерная школа, а в 1719 г. такая же школа в Петербурге. В 1723 г. Московская и Петербургская школы были объединены в одну. Это учреждение получило название «Петербургская инженерная школа», руководителем ее был назначен А. Де Кулон [Там же. С. 132].

С открытием специальных учебных заведений появилась необходимость и в соответствующей литературе, которой в России практически не существовало. Это было одним из злободневных вопросов во всех открытых в то время учебных заведениях. Литературу в области фортификации переводили на славянский. По указу Петра I были переведены сочинения ведущих западных инженеров – труды Кегорна, Вобана, Штурма и Римплера. В России лучшим руководством считалась книга «Паганово о военной архитектуре». Тогда же появилась такое сочинение, как «Книга Марсова, или Воинских дел», в которое были включены реляции самых знаменитых сражений и журналы осад, совершенных русскими войсками во время Северной войны с 1702 по 1713 г.

Известно также, что Петр I следил за тем, чтобы переводы были адекватными и соответствовали правильному восприятию иностранной терминологии. 10 февраля 1700 г., во время пребывания в Голландии Петра I с посольством, жителю Амстердама Ивану Тесенгу была дана Жалованная грамота о «печатании в Голландии земных и морских карт, чертежей… архитектурных и всяких по военной части книг на славянском, латинском и голландском языках… и привозе оных на продажу в Россию». Данная привилегия на изготовление и продажу специальной литературы в России была получена Иваном Тесенгом на 15 лет с уплатой пошлин в Архангельске [13. С. 6–8]. Этот факт мог способствовать распространению широкого европейского влияния на военную архитектуру XVIII в.

Деятельность Петра I по совершенствованию обороноспособности русских крепостей повлияла и на то, что в обиход профессионалов в области фортификации входят новые термины и понятия: бастион, полубастион, гласис, бруствер, куртина, фланк и т.д. При планировании пограничных территорий стали придерживаться следующих принципов архитектурно-планировочной организации: единообразие фортификационных единиц с использованием типового проектирования, но в то же время присутствовало и приспособление к свойствам ландшафта; использование различных по размерам и назначениям оборонительных сооружений. Наиболее ярко это было выражено в военной архитектуре европейской части России.

Западное влияние в области военно-инженерного дела в первые годы правления Петра I в России ознаменовалось строительством отдельных мощных крепостей по западному образцу. А уже в 1718–1725 гг. в европейской части России, между Волгой и Доном, предпринимается попытка построения единой цепи оборонительных сооружений, получившей в истории название Царицынской линии. Она протянулась на 60 верст и состояла из четырех крепостей и одного редута, соединенных непрерывным рвом и валом. В 1731–1742 гг. этот опыт повторили при организации Украинской линии, которая состояла из 16 крепостей и построенных между ними редутов. Ее непрерывный вал протянулся от Днепра до Северского Донца на 268 верст. Следующий этап в истории сооружения таких оборонительных линий был связан со строительством Новой Закамской линии в 1731–1736 гг. Появление укрепленных систем охраны границ, состоявших из городов-крепостей, между которыми создавались полевые укрепления, обычно в виде земляного вала со рвом, стало возможным только в XVIII в., после формирования централизованного государства. В таких системах иногда наверху вала возводили деревянный тын. Подступы укрепляли засеками и рогатками против конницы. Для обороны подступов к валу продольным ружейным огнем вал имел выступы в виде реданов, которые размещались через каждые 200–600 м.

Совсем иная система организации пограничного пространства была реализована за Уралом и в Сибири. Начало освоения южных районов Западной Сибири связано с двумя экспедициями под командованием И. Бухолца и И. Лихарева, а также с освоением горных руд на Алтае. На Южном Урале многие укрепленные города-крепости были основаны в ходе экспедиции И. Кирилова, известной в истории как Оренбургская. Построенные на Южном Урале и в Западной Сибири отдельные фортификационные единицы разной формы так и не были соединены в единую оборонительную пограничную цепь, как это было сделано в европейской части России. Хотя такая идея и была отражена в проектах и планах, но так и не реализовалась. По плану предполагалось соединить отдельные разной мощности укрепления общей линией земляных валов. Подтверждением этому являются обнаруженные нами в архиве планы крепостей, редутов и форпостов. К примеру, на плане Усть-Каменогорской крепости [14. Д. 937. Л. 1], представленном на рис. 1, мы можем наблюдать части проектируемой линии, состоящей из системы земляных

валов и реданов, идущих с одной стороны к Семипалатной крепости, а с другой – к Колывано-Воскресенским заводам. Объяснение этому может дать рапорт Зорина Киндерману от 29 января 1745 г., где первый указывает на особенности и трудности в возведении и застройке Иртышской укрепленной линии: «О сделании здесь… маяков при здешней степной стороне, за обширностью места, оные маяки… каждый расстоянием по 5 верст… а между 20-ю верстами иметь форпосты и крепости… ***к зделанию земляного вала здешняя земля весьма неспособна***, да и кем оное исполнить, таковых способных (яко-то крестьян) в близости не имеется» [15. С. 16]. При строительстве новых крепостей в Западной Сибири даже при широком распространении западного влияния полностью не смогли отказаться от старых традиций. Поставленные в первой четверти XVIII в. (1714–1720 гг.) в верхнем течении Иртыша города-крепости и между ними семь промежуточных форпостов, а также укрепления Оренбургской линии хотя и были сооружены по новым принципам фортификации, земляными, но в то же время в них использовали деревянные конструкции. В связи с нововведениями в будущем предполагалась постепенная замена земляными и старых деревянных сибирских крепостей, но эта затея не была реализована.

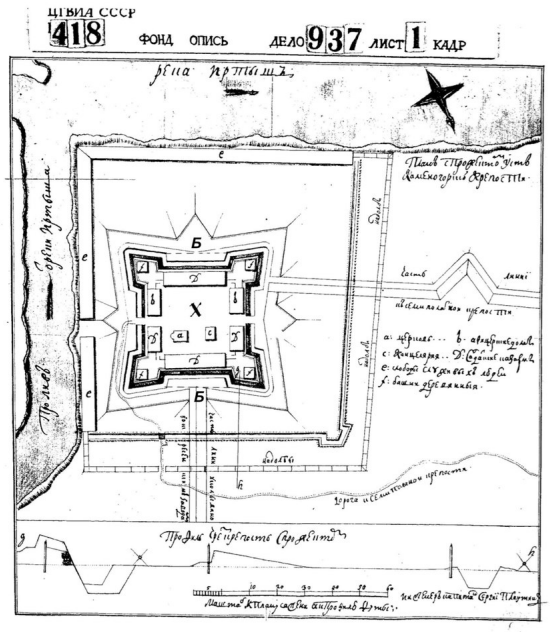

Рис. 1. План с проектом Усть-Каменогорской крепости

Место для строительства новых крепостей на рубежах государства определяла Инженерная контора под руководством Де Кулона, который с 1722 г. был назначен еще и начальником над всеми крепостями. Ему стали подчиняться инженерно-крепостные части, в которых с 1724 г. в штате числились генерал-поручик, два генерал-майора, 12 штаб-офицеров, 67 обер-офицеров и 274 кондуктора [16. С. 49]. Инженерная контора в 1724 г. разделила все отечественные крепости на 3 разряда: северо-западные (11 крепостей), российские (18 крепостей) и персидские (5 крепостей). Так появился штат (анштальт) крепостей. Из всех 18 российских крепостей только три числились в восточной части империи. Это Уфа на Урале, Тобольск в Западной Сибири и Селенгинск в Восточной Сибири (сегодня территория Республики Бурятии).

Быстрое расширение границ государства при Петре I и в предыдущие столетия не позволяло эффективно организовать их охрану. Предпринятые для этого меры в первой четверти XVIII в. по причине смерти императора не были доведены до конца. Поэтому деятельность по укреплению границ государства необходимо было продолжить его преемникам.

Многое было сделано с назначением 23 мая 1727 г. обер-директором над всеми фортификациями генерал-лейтенанта Х. Миниха. Учредили фортификационную контору, которая стала заниматься постройкой новых и починкой старых укреплений. Все дела по планированию, возведению и ремонту крепостей были переданы в контору Инженерного управления. Само Инженерное управление подчинялось напрямую Военной коллегии. Высшей инстанцией, утверждающей штат крепостей, принимающей решения о возведении новых и оставлении старых, был Сенат. В свою очередь, Инженерному управлению вменялось содержание всех укреплений в исправности. Управление занималось образованием молодых офицеров для своевременного комплектования необходимым штатом инженерного корпуса [12. С. 667].

Занимаясь вопросами укрепления обороноспособности границ, Миних в 1729 г. предложил новый штат крепостей, который был утвержден частично: только в части разделения управления крепостями на департаменты. Им же были предложены и реализованы положения «О надлежащем распределении артиллерии по крепостям»; «Об осмотре пунктов, назначенных для укрепления»; «О построении здания для хранения инженерных моделей и чертежей» и т.д. [12. С. 670–671; 17. С. 388–390].

В новом штате крепости были разделены на семь департаментов. Все крепости Сибири, назначенные для защиты северо-восточной и северной границ, отнесли к шестому департаменту. К выполняющим ранее эти функции крепостям Казань, Уфа, Тобольск, Селенгинск, Архангельск и Новодвинск были прибавлены Томск, Кузнецк, Иркутск, Нерчинск, Кунгур, Омск, Ямышев, Семипалатинск и Екатеринбург [12. С. 9–17].

В основную функцию сибирских крепостей – Омской, Ямышевской, Семипалатинской, Томской, Кузнецкой, Иркутской – входило предотвращение набегов «каракалпаков, контайши и других татарских орд» и перехода ими через границу на российские земли. Для эффективного управления всеми необходимыми частями войск, от которых зависела эффективная организация охраны границ, отдельные артиллерийские, и инженерные части были соединены вместе под названием Канцелярии от артиллерии и фортификации [12. С. 669; 17. С. 222]. Соединение это не повлекло за собой кардинальных изменений, и дела по обоим ведомствам велись, как и ранее, независимо друг от друга.

Для исправного содержания крепостей инженерное управление ежегодно посылало на границу инженер-генерал-майоров и штаб-офицеров, которым вменялось проведение инспекторских смотров инженерных команд. Для этого в 1731 г. была составлена инспекторская

инструкция [12. С. 670]. Также следили за состоянием пограничных укреплений. К примеру, для выполнения такой задачи на Сибирские линии был направлен инженер генерал-майор Брамс, который должен был доставить в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации сведения о крепостях, форпостах, редутах, зашитах, станциях, маяках и полумаяках, находящихся на этих линиях, а также и описания их состояния [3. Д. 239. Л. 1 об.]. Такие осмотры проводили регулярно, и продолжались они весь XVIII в. В некоторых особенных случаях, требовавших безотлагательного исполнения, первым лицам на границе вменялось принятие решения о незамедлительном исправлении крепостей по собственному усмотрению. Такая система инженерного надсмотра и руководства не давала необходимых результатов. Вследствие этого уже в XVIII в. многие крепости, лишенные инженерного надзора, соответствующего внимания и заботы со стороны губернаторов и комендантов, пришли в полный упадок.

Исследователь В.В. Яковлев [4. С. 11, 121] выделил пять периодов в развитии отечественной долговременной фортификации. XVIII в. им выделен в особый отдельный третий период, в котором он увидел практическую и теоретическую части, с чем мы полностью согласимся. Тому достаточно подтверждений в делопроизводственных и графических документах XVIII в., а также в топографических описаниях пограничных линий. Практическая часть заключалась в том, что сложившийся корпус инженеров, кондукторов проводил осмотры существующих укреплений, выявлял недостатки, назначал исправления. Кроме всего, строили новые укрепления. Теоретическая часть заключалась в составлении проектов, многие из которых вообще не были осуществлены и остались лишь на бумаге. Поэтому важно при использовании архивных источников четко их разграничивать и правильно использовать. Наличие того или иного источника, в нашем случае проекта фортификационной единицы или линии на бумаге, еще не свидетельствует о его претворении в жизнь. Лишь сравнительный анализ проекта укрепления с практическими осмотрами состояния их эксплуатации может пролить свет на неясные вопросы по строительству оборонительных линий и помочь найти ответ на вопрос, насколько полно новые фортификационные идеи XVIII в. были реализованы на практике.

Развитие военно-инженерного дела в России в XVIII в. и вместе с этим теоретизирование, вошедшее в практику организации пограничного пространства, распространили применение типизации в планировании и возведении фортификационных единиц. Эти нововведения в архитектурно-планировочной организации пограничного пространства были экономически выгодными, так как использовались единые методы проектирования и строительства. Уже после смерти Петра I, в конце 30-х гг. XVIII в., был оставлен документ «Должность Архитектурной экспедиции», авторами которого являются такие архитекторы, как Карло Джузеппе Трезини, Иван Коробов, Иоганн Шумахер и Михаил Земцов. Этот трактат представлял собой основы архитектурно-строительного дела и включал законы строительного дела, правила и практические рекомендации по технике его ведения. В нем были даны инструкции по организации планировочной структуры городов и руководства чиновникам по внедрению нововведений в отечественные градостроительство и архитектуру [8. С. 69].

Спланированные проекты крепостей использовались не как канон. При реализации проектов укреплений на границе их совершенствовали в зависимости от географических условий местности, ее важных элементов, а также с учетом оборонительных возможностей военной техники. Анализ разнообразия типовых проектов, которые были подготовлены для различных участков Сибирских линий и Оренбургской линии, свидетельствует о том, что специалисты в области фортификации всесторонне изучали обстановку и местность перед проектированием. К примеру, на Уйской линии (дистанция Оренбургской линии) использовались «заплотные» укрепления, на Иртышской линии, ввиду особенностей грунта этой местности, земляные крепости бастионного начертания были укреплены фашинами. Широко используемые в начале XVIII в. на западных границах России приемы фортификации на восточных границах стали применять заметно позднее. Это объясняется лучшей военной оснащенностью неприятеля на Западе по сравнению с вооружением соседей на Востоке, а также отсутствием экономических и людских ресурсов для реализации таких же проектов на юго-востоке страны.

В конце XVIII в. наблюдается тенденция уменьшения размеров крепостей по сравнению с окружающими их форштадтами, или казачьими слободами, которые увеличиваются по мере расширения колонизации края. Все крепости были оснащены определенным обязательным для каждой комплектом стандартных зданий военного назначения: штаб и обер-офицерские дома, казармы, цейхгаузы, пороховые погреба, канцелярия, гауптвахта, кордегардия и др.

Типизация, характерная для того времени, проявилась в формах укреплений Уйской и Сибирских линий. Планирование предполагало, что все укрепления должны были иметь форму правильного многогранника. Но из-за привязки к местности чаще получалось в виде неправильного многоугольника, с бастионами в углах. На этих линиях возводились четырехугольные и шестиугольные крепости, реже пятиугольные (таблица). Сама оборонительная система строилась на использовании тенального и бастионного фронтов. Примерами могут быть бастионные крепости разной конфигурации, построенные на Сибирских линиях: четырехугольные – Пресногорьковская, Кабанья, Пресновская, Становая, Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская на Тоболо-Ишимской линии, Семипалатная на Иртышской линии и т.д.; пятиугольные – Бийская на Колывано-Кузнецкой линии, Омская и Усть-Каменогорская на Иртышской линии; шестиугольные – Ямышевская на Иртышской линии, Звериноголовская (переданная в Оренбургскую линию), Святого Петра на Тоболо-Ишимской линии и т.д.

Более упрощенный вариант типового проектирования мы обнаруживаем при организации строительства укреплений на Оренбургской линии.

Наличие на Сибирских линиях элементов европейских фортификационных новшеств (составлено на основе документа: РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–42)

Название крепости	Дата постройки	Форма	Кол-во бастионов	Кол-во полубастионов	Кол-во реданов	Кол-во равелинов	Размер рва, фут.	Размер вала, саж.
Иртышская линия								
Омская	1716 1768	Регулярный 4-угольник Иррегулярный 4-угольник	4	2			8	
Ямышевская	1766	Иррегулярный 4-угольник	2	2			7	584
Семипалатинская	1718 1776		8				5	1 044
Железинская			1	2			8	
Усть-Каменогорская			6	1	1		5	1 169
Тоболо-Ишимская линия								
Тобольская дистанция								
Пресногорьковская Кабанья Пресновская Становая	1752–1755	Регулярный 4-угольник	–	–	4		5	
Ишимская дистанция								
Св. Петра	1752–1755	6-угольная	6	–		6		
Лебяжья Полуденная	1752–1755	Регулярный 4-угольник	–	–	4			
Николаевская	1760-е	Регулярный 4-угольник	–	–	4	2		
Тарская дистанция								
Покровская		Регулярный 4-угольник	–	–	4	2		
Колывано-Кузнецкая линия								
Ануйская	1748							264
Катунская								260
Бийская	1710 1718 1748–1751	Иррегулярный 4-угольник	4	2	6			1 177
Кузнецкая		Иррегулярная	1	2				

Проект предполагал возведение укреплений в виде ретраншемента с реданами в четырех сторонах. Крепость укреплялась валом и рвом [1. Оп. 160. Д. 258. Л. 1]. В укреплениях, примыкающих к естественным географическим преградам (крутым берегам рек, озер), чаще всего в целях экономии отказывались от идеальных форм и ограничивались возведением полубастионов. К примеру, на Иртышской линии Омская крепость 1772 г. была с четырьмя бастионами и имела форму неправильного многоугольника. Со стороны р. Иртыш были возведены только полубастионы и реданы [3. Оп. 27. Д. 1070. Л. 1]. Примером этому же может служить план крепости Уклы Карагайской 1773 г. Уйской линии. Эта крепость была укреплена двумя бастионами в двух углах и двумя реданами с северной и восточной сторон. Со стороны одноименного с названием крепости озера, которое примыкало к укреплению с западной стороны, на плане мы не видим никаких укреплений [Там же. Оп. 40. Д. 376. Л. 1].

При рассмотрении планировки укреплений на Сибирских линиях можно выделить различные по характеру и иерархии фортификационные единицы: крепости, редуты, форпосты, маяки, защиты, станции. Крепости в XVIII в. – укрепленные пункты с постоянным гарнизоном, вооружением, организованные по новым требованиям фортификации. Ограда их в идеале должна была иметь бастионное начертание с каменной облицовкой. Но чаще их профиль состоял из заплота и небольшой насыпи, примыкавшей к нему с наружной стороны, со рвом впереди. За контр-эскарпом рва, в небольшом от него расстоянии, помещались два ряда рогаток. Такие укрепления были характерны для уральских линий. Внутри крепости кроме построек военного назначения обязательно была церковь, а вот конюшня чаще находилась за пределами крепости и имела свое отдельное укрепление.

Все пространство между крепостями на пограничной линии укреплялось фортификационными единицами малых форм. Были подготовлены их типовые проекты (рис. 2). Редуты имели квадратную форму со стороной около 20 саж. (43 м) с выступами в углах в виде бастионов или полубастионов. Из них два противоположных имели вид бастионов и были вооружены каждый одним орудием. Другие два выступа были квадратной формы и состояли из казарм с открытой обороной. К примеру, на типовом проекте редутов, рекомендованных к возведению на Тоболо-Ишимской линии, предполагались лишь полубастионные укрепления [14. Д. 936. Л. 1]. Палисадное укрепление редутов было приспособлено к стрельбе из ружья. К палисаду прилегала насыпь со рвом на грудную высоту, за

контр-эскарпом рва были помещены рогатки и надолбы (см. рис. 2). Практически во всех описанных укреплениях упоминаются надвратные башни, на которых помещалась каланча, с которой наблюдали за окрестностями. Экспликация на плане позволяет предположить, что внутри редута могли быть следующие строения: офицерские светлицы – 3, солдатская казарма – 6, провиантский амбар – 5, конюшни – 4, пороховой погреб – 7. Вне редута, если он находился недалеко от берега реки, могла находиться баня. Укрепления чуть больших размеров (30 и более саж.) назывались форпостами. Но были и малые форпосты, которые в размерах были меньше редутов.

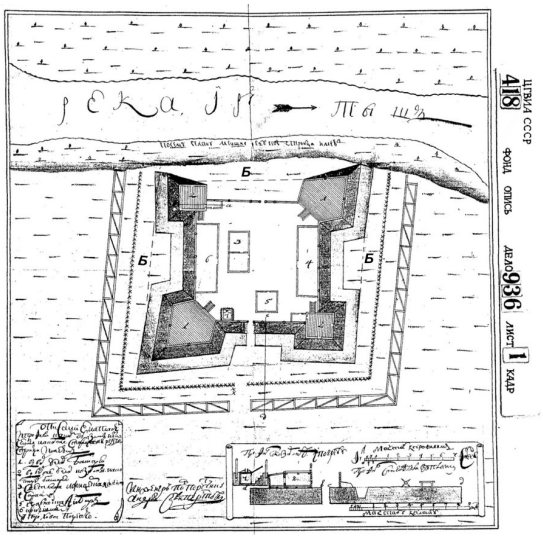

Рис. 2. Типовой план и профиль проектируемых редутов на Иртыше (1746 г.)

Четырехугольные заплотные укрепления со стороной в 10 саж. и выступами на углах назывались станциями и представляли собой те же самые редуты. Заплотная ограда обносилась рядом надолб и рогаток. Внутри станции находились светлица, провиантский амбар, сараи и конюшня. Последние два строения строились у ограды, и в стенах проделывались бойницы. К примеру, на Иртышской линии значилось 20 станций. Из них 19 были построены в виде правильного четырехугольника, и только одна, станция Соленый поворот, представляла собой иррегулярный четырехугольник. Профилем всех этих укреплений на Иртышской линии являлся бруствер с одним банкетом и горизонтальный ров в 10 футов, прикрытый гласисом.

Таким образом, сохранившиеся документы по истории фортификационных сооружений Урала и юга Западной Сибири показывают уровень развития военно-инженерного строительства XVIII в., а также позволяют выявить уровень влияния западноевропейских традиций на отечественное военное зодчество. В целом оборонная архитектура южных границ Западной Сибири и Урала в плане использования конструктивных приемов мало чем отличалась от общероссийской. Мы можем отметить, что при всех нововведениях XVIII в. все-таки просматривается наличие преемственности с XVII в., что было выражено в сохранении традиций укрепления подступов к оборонительным сооружениям, использовании в земляных укреплениях элементов деревянной архитектуры и др. При общем сходстве композиционных и конструктивных приемов строительства деревоземляных укреплений Урала и Западной Сибири они, расположенные на пересеченной местности, в отличие от городов-крепостей европейской части России, не всегда имели геометрически правильные конфигурации. В то же время сами укрепления Урала и Западной Сибири также между собой отличались. Многие крепости на Урале были построены уже в колонизируемом пространстве, где отсутствовала потребность в сильно укрепленном пункте. Наоборот, активизация южных соседей в Западной Сибири в середине XVIII в. требовала строительства здесь более серьезных укреплений и оснащения их необходимым вооружением. Именно эти особенности отразились в степени влияния западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. С XVIII в. работы по содержанию и исправлению крепостей стали подвергаться постоянному надзору, что благотворно отразилось на обороноспособности укреплений. В то же время отечественные крепости не стали такими непреступными и долговременными укреплениями, как на Западе. При всем желании императоров в России, в том числе на Урале и в Западной Сибири, мы не наблюдаем полного влияния западных традиций фортификации на особенности возведения крепостей. Все, даже так называемые долговременные укрепления – крепости, форпосты, редуты, станции, носили временный характер. Поэтому многие из них, приходя в ветхость, уже не восстанавливались и практически до сегодняшнего дня не сохранились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 248. Оп. 113, 160.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 424. Оп. 1. Д. 27.
3. РГВИА. Ф. 349. Оп.1. Д. 83, 85, 93. Оп. 27, 40.
4. Яковлев В.В. История крепостей. М. : АСТ ; СПб. : Полигон, 2000. 400 с.
5. Носов К.С. Русские средневековые крепости. М. : Эксмо, 2013. 352 с.
6. Мильчик М.И. Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 184–202.
7. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1974. С. 7–37.
8. Проскурякова Т.С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири (второй половины XVII – 60-е гг. XVIII) // Архитектурное наследство. М., 1976. № 25. С. 55–71.
9. Крашенинникова Н.Л. Строительство русских крепостей XVIII в. по «образцовым» проектам // Архитектурное наследство: проблемы градостроительства IV–XIX вв. / под ред. О.Х. Халпахчьяна. М., 1976. № 25. С. 72–78.
10. Бауськова О.П. Вехи истории Главного инженерного управления // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Седьмой международной научно-практической конференции, 18–20 мая 2016 года : в 5 ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 127–164.
11. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 142 с.

12. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России : в 3 ч. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1865. Ч. 3: Опыт исследования инженерного искусства после императора Павла I до императрицы Екатерины II. 1016 с.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. IV: 1700–1712. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 1751. 1666 с.
14. РГВИА. Ф. 418. Оп. 1.
15. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. ЧОИДР. Кн. 1. М., 1867. С. 16.
16. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке : очерки / АН СССР, Ин-т истории ; под ред. И.А. Осипова. М. : Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1958. 659 с.
17. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VIII: 1728–1732. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1834. 833 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2018 г.

INFLUENCE OF THE WEST EUROPEAN TRADITIONS OF MILITARY ARCHITECTURE ON THE DEVELOPMENT OF ENGINEERING IDEAS AND FORTIFICATION FORMS IN THE URALS AND WESTERN SIBERIA IN THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 168–174.
DOI: 10.17223/15617793/429/21
Svetlana R. Muratova, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: gaisulka@mail.ru
Keywords: Ural; Western Siberia; border line; fortification; fortress.

The article is devoted to facts having great influence on the development of military engineering in the Ural territories and in Western Siberia which came from Western Europe in the 18th century. The intensity and peculiarities of this process are also analyzed in this work. The author thinks that new fortification ideas connected with artillery development came to Russia in the 14th–15th centuries. In the 18th century, they were particularly evident. It caused to organize Russian engineer groups, artillery and engineer forces in the Military Department. The intensity of Western influence was reinforced by the translated works of leading European engineers such as Kegorn, Vauban, Sturm, Rimpler which were propagated in Russia. These works were necessary for educating Russian engineers. As a result, two directions, theoretical and practical, appeared in Russian fortification. They emerged in the design of new defence structures and lines and in the implementation of ideal projects in severe Russian conditions. The aim of this investigation is the detection of the influence of West European fortification traditions on the development of Russian fortification ideas and forms on the border lines in the Urals and in West Siberian territories. Special engineering historical documents of Uisk and Siberian defence structures and lines were studied. The discovered materials of the border fortification inspections, formed by officers of engineering teams, made it possible to identify the degree of implementing standard projects in practice. Construction features of fortresses and redoubts built on border lines and separate constructions of fortification units were also identified. The research showed that engineering innovations could not influence elements of wooden defence architecture of the previous epoch. The reduced socio-economic opportunities of the state and terrain features could not force builders to abandon the strict requirements of Western standard projects. They adapted them to the real conditions of the Trans-Ural territory and Siberia. Traditional forms of Russian military architecture and individual design were used more widely in the fortifications of the Orenburg line and in the construction of dug works. Fortifications were guarded by fences with boards, wooden towers at the corners, stockades, slingshots. In the Siberian border lines, wooden military architecture showed more widespread Western European practices of fortification. The use of fascines for fortification of earthen fortresses along the Siberian lines also can be an evidence of Vauban's ideas propagation.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. Lists 113, 160. (In Russian).
2. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 424. List 1. File 27. (In Russian).
3. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 349. Op.1. File 83, 85, 93. Lists 27, 40. (In Russian).
4. Yakovlev, V.V. (2000) *Istoriya krepostey* [The history of fortresses]. Moscow: AST; St. Petersburg: Poligon.
5. Nosov, K.S. (2013) *Russkie srednevekovye kreposti* [Russian medieval fortresses]. Moscow: Eksmo.
6. Mil'chik, M.I. (1995) Ital'yanskie mastera – stroiteli Ivangorodskoy kreposti [Italian experts – builders of the Ivangorod fortress]. In: Yanin, V.L. (ed.) *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod historical collection]. Is. 5(15). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Balandin, S.N. (1974) Oboronnaya arkhitektura Sibiri v XVII v. [Defence architecture of Siberia in the 17th century]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri dosovetskogo perioda* [Cities of Siberia: economy, management and culture of Siberian cities of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
8. Proskuryakova, T.S. (1976) Planirovochnye kompozitsii gorodov-krepostey Sibiri (vtoroy poloviny XVII – 60-e gg. XVIII) [Planning compositions of cities-fortresses of Siberia (second half of the 17th century – 1760s)]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 25. pp. 55–71.
9. Krasheninnikova, N.L. (1976) Stroitel'stvo russkikh krepostey XVIII v. po "obraztsovym" proektam [The construction of Russian fortresses of the 18th century. by "exemplary" projects]. *Arkhitekturnoe nasledstvo: problemy gradostroitel'stva IV–XIX vv.* 25. pp. 72–78.
10. Baus'kova, O.P. (2016) Vekhi istorii Glavnogo inzhenernogo upravleniya [Milestones of the history of the Main Engineering Administration]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Arms. New research and materials]. Proceedings of the seventh international conference. 18–20 May 2016. In 5 parts. Pt. 1. St. Petersburg: VIMAIViVS. pp. 127–164. (In Russian).
11. Kradin, N.P. (1988) *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo* [Russian wooden defence architecture]. Moscow: Iskusstvo.
12. Laskovskiy, F.F. (1865) *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii: v 3 ch.* [Materials for the history of engineering in Russia: in 3 parts]. Pt. 3. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection One. Vol. IV: 1700–1712. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
14. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 418. List 1. (In Russian).
15. Potanin, G.N. (1867) Materialy dlya istorii Sibiri [Materials for the history of Siberia]. *ChOIDR*. 1. pp. 16.
16. Beskrovnyy, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke: ocherki* [Russian army and navy in the 18th century: essays]. Moscow: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony SSSR.
17. Russian Empire. (1834) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection One. Vol. VIII: 1728–1732. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.

Received: 26 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 175–183. DOI: 10.17223/15617793/429/22

УДК 94 (47)

М.К. Чуркин

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.): ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И АДАПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Статья посвящена выявлению экономического состояния крестьянских хозяйств черноземного центра Европейской России в переселенческом процессе. На основании статистических данных представлены материальные возможности мигрантов и оценены перспективы адаптации в местах водворения. Установлены сопутствующие факторы, определившие продуктивность обустройства переселенцев в регионе. Констатируется, что экономические стереотипы поведения мигрантов, проявившиеся во внедрении традиционных подходов к организации земледельческих практик, существенно лимитировали процесс развития переселенческих хозяйств в Сибири.

Ключевые слова: аграрная колонизация; переселенцы; старожилы; крестьянское хозяйство; правительственная политика.

В историко-экономической литературе второй половины XIX – начала XXI в. проблемы причин и последствий миграций земледельческого населения черноземного центра России на восточные окраины страны получили детальное и многоаспектное толкование в контексте изучения крестьянского хозяйства, специфики его развития в районах выхода переселенцев и объективных трансформаций в местах их водворения [1. С. 228–265]. Сложившаяся историографическая традиция вкупе с широким кругом источников делопроизводственного, законодательного и статистического характера открывает видимые перспективы продолжения исследования потенциальных возможностей переселенческих крестьянских хозяйств в условиях аграрной колонизации. Очевидно, что в последние десятилетия, в обстоятельствах набирающего силу историко-антропологического подхода, переселенческая тема постепенно освобождается от «позитивистских оков», к числу которых относилась традиционная регионализация миграционной проблематики. Сегодня для большинства исследователей очевидно, что крестьянские миграции осуществлялись в рамках единого колонизационного пространства, в котором результаты обустройства и, как следствие, достижение экономического успеха были связаны с условиями выхода переселенцев.

Принятие отдельным хозяйством или группой хозяйств решения о переселении можно рассматривать в качестве своеобразной увертюры к миграции на новые земли, ставящей перед крестьянским объединением ряд жизненно важных экономических задач. Переселение в сибирские губернии являлось для крестьянства ответственным актом, так как включало в себя несколько последовательных и трудоемких этапов: продажу всего или части имущества на родине; определение маршрута движения в места водворения и собственно переселение; поиск участка, зачисленного за переселенцем или переселенческой партией в Сибири; получение приписки и приемного приговора от общества старожилов; возведение жилых построек, приобретение хозяйственного инвентаря и имущества в районе обустройства.

Индикатором экономического потенциала переселенческих хозяйств в Сибири служат обобщенные данные о количестве средств, вырученных крестьянами от ликвидации имущества на родине, выраженные в денежном эквиваленте. Выборочный опрос 12 908 семей переселенцев из Европейской России, прошедших в период с 1882 по 1892 г., показал, что суммами до 10 руб. располагали 7 734 семьи переселенцев (60% опрошенных); от 10 до 50 руб. – 3 286 семей (25,4%); от 50 до 100 руб. – 982 семьи (7,6%); от 100 до 300 руб. – 728 семей (5,6%); более 300 руб. – 174 семьи (1,4%) [2. С. 61]. Обследование в 1894 г. 5 291 переселенческой семьи на предмет материальной обеспеченности дало следующие результаты: суммами до 10 руб. обладали 1 372 семьи (25,9%); от 10 до 50 руб. – 1 037 семей (19,5%); от 50 до 100 руб. – 720 семей (13,6%); от 100 до 300 руб. – 1 492 семьи (28,1%); более 300 руб. – 670 семей (12,6%) [3. Л. 17].

Из 849 семей, опрошенных в 1906 г., суммы до 50 руб. приходились на 132 семьи (15,5%); от 50 до 100 руб. – на 207 семей (24,3%); от 100 до 300 руб. – на 385 семей (45,3%); свыше 300 руб. – на 125 семей (14,7%) [4. С. 18]. Денежное довольствие вышедших на переселение крестьян черноземных губерний России – Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской, в основных чертах можно проследить на примере движения мигрантов данной группы в Тюкалинский уезд Тобольской губернии.

За период с конца 1870-х до середины 1890-х гг. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии водворилась 1 831 семья переселенцев из европейской части России и 1 505 семей – из четырех исследуемых губерний [5. С. 120, 184] (здесь и далее подсчет мой. – *М.Ч.*). Разделив предварительно всех переселенцев на 5 групп по времени водворения таким образом, что пятую группу составили переселенцы, пришедшие в уезд до 1882 г., четвертую – пришедшие в 1883–1885 гг., третью – в 1886–1888 гг., вторую – в 1889–1891 гг., первую – в 1892–1893 гг., получим следующую картину, иллюстрирующую материальный достаток устроенных на участке переселенцев в разные периоды. До 1882 г. в уезде водворилось 19 семей, из которых от 50 до 100 руб. имели 2 семьи (10,5%); от 100 до 250 руб. – 2 семьи (10,5%); свыше 250 руб. – 15 семей (78,9%); в период с 1883 по 1885 гг. обустроилось на землях Тюкалинского уезда 90 семей, из них средствами до 50 руб. располагала 1 семья (1,1%); от 50 до 100 руб. – 5 семей (5,5%); от 100 до 250 руб. – 31 семья (34,4%); свыше 250 руб. – 53 семьи (58,8%); из

переселившихся с 1886 по 1888 г. 669 семейств до 50 руб. имели 45 семей (6,7%); от 50 до 100 руб. – 78 семей (11,6%); от 100 до 250 руб. – 369 семей (55,1%); свыше 250 руб. – 177 семей (26,4%); из пришедших в 1889–1891 гг. 661 семьи переселенцев до 50 руб. принесли с собой 105 семей (15,8%); от 50 до 100 руб. – 175 семей (26,4%); от 100 до 250 руб. – 317 семей (47,9%); более 250 руб. – 64 семьи (9,6%); из водворившихся в 1892–1893 гг. в уезде 392 семей – до 50 руб. было у 88 семей (22,4%); от 50 до 100 руб. – 150 семей (38,2%); от 100 до 250 руб. – 131 семья (33,4%); более 250 руб. – 23 семьи (5,8%) [5. С. 280–290].

Анализ данных материальной обеспеченности крестьянских хозяйств, решившихся на переселение, позволяет сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, в отношении общей массы крестьян-мигрантов из Европейской России обнаруживается устойчивая тенденция к стабильному увеличению процентного состава категории переселенцев, располагавших суммами от 100 до 300 руб. Данная группа переселенцев, составлявшая в 1880-е – начале 1890-х гг. порядка 5,6% всех выселяющихся, выросла к началу XX столетия до 45,0% (по некоторым данным до 60,0%). Во-вторых, к разряду показательных следует отнести и сведения, демонстрирующие динамику движения малоимущих переселенцев, число которых в переселенческом потоке постоянно снижалось: 60,0% в 1882–1892 гг.; 25,9% в 1894 г.; 20,0% в 1900 г.; 15,5% в 1906 г. Наконец, в-третьих, практически неизменным оставался слой переселенцев среднеобеспеченных, достаток которых определялся средствами от 50 до 100 руб.: в 1882–1892 гг. – 25,4%; в 1894 г. – 19,5%; в 1900 г. – 25,1%; в 1906 г. – 24,3%.

Иная ситуация наблюдалась в среде выходцев из четырех исследуемых губерний во второй половине XIX – начале XX в. Изучение денежного достатка переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, прошедших в этот период в Тюкалинский округ Тобольской губернии, показало, что общее количество крестьянских хозяйств, имеющих денежные средства, вырученные от продажи имущества на родине (до 250–300 руб.) в 1880-е гг. было значительно большим, чем по Европейской России в целом: 88,0 против 8,0%, однако число таких хозяйств динамично сокращалось и к 1892–1893 гг. составляло 39,2 к 40,7% по европейским губерниям. В свою очередь, процентный состав семей, вышедших на переселение в означенный уезд Тобольской губернии с мизерными средствами до 50 руб., от начала 1880-х к середине 1890-х гг., напротив, постоянно возрастал, составляя в 1883–1885 гг. 1,1% от общего потока; в 1886–1888 гг. – 6,7%; в 1889–1891 гг. – 15,8%; в 1892–1893 – 22,4%. Обращает на себя внимание высокий процент крестьянских хозяйств, выходцев из черноземных губерний, направлявшихся в Тюкалинский уезд и располагавших денежными средствами от 250 руб. и более. Таковых среди переселенцев, пришедших в уезд до 1882 г., насчитывалось 78,9% от общей массы. До 1886 г. переселенцы этой группы составляли решительное большинство среди мигрантов указанного направления – в среднем около 68,8%, но к 1893–1894 гг. число представителей данного слоя крестьян сократилось до 5,8%, тогда как в общем по России выросло до 12,6%.

Приведенные данные являются косвенным подтверждением факта эскалации кризисных явлений в сельскохозяйственном секторе экономики черноземного центра России, интенсивно проявившегося с 1890-х гг. и отражавшегося на материальном достатке переселенцев. Подавляющее число переселенческих семей обладало в момент выхода от 50 до 250 руб., что лишь частично соответствовало предстоящим затратам на водворение и обустройство. По самым скромным расчетам, произведенным землеустроительной комиссией Острогожского уезда Воронежской губернии, крестьянам-переселенцам для обустройства в ближайших областях и губерниях Западной Сибири необходимо было иметь не менее 250 руб. [6. Л. 34]. В 1894 г. МВД выработало правила, по которым официальное разрешение на переселение можно было получить лишь при наличии 300–500 руб. [7. С. 7].

Представленные свидетельства, характеризующие степень денежного довольствия мигрантов, содержат изрядную долю объективной погрешности, поскольку касаются только законной части переселенческого элемента, подпадавшего под опросы. Между тем значительная масса переселенцев, направлявшихся во второй половине XIX – начале XX в. в губернии Сибири, следовала туда самовольно (44–45% из черноземной полосы с 1861 по 1906 г.), подвергалась поверхностному учету, не имела прав на льготный переселенческий тариф и до середины 1890-х гг. не могла рассчитывать на сколько-нибудь значительные правительственные вспомоществования. Обследование 3 000 семейств, водворившихся в Тобольской губернии с конца 1870-х до середины 1890-х гг., продемонстрировало, что из всей массы хозяйств региона 1 786 составляли пришедшие самовольно, без документов, по паспортам и увольнительным свидетельствам, соответственно, изначально располагали незначительными средствами и могли пополнить лишь малообеспеченную категорию переселенцев [5. С. 121].

Денежные средства, вырученные переселенцами на родине от продажи имущества, подвергались значительной коррекции в период следования переселенческих партий в различные местности сибирского региона. Успех адаптации крестьянских хозяйств в уездах Западной Сибири зависел не только от количества средств, но и от выбранных маршрутов передвижения, сезонных условий, оперативности чиновников в транзитных переселенческих пунктах, эпидемиологической обстановки в пути и т.д. Несмотря на позитивные изменения, произошедшие к концу XIX в. в деле доставки переселенцев в связи с постройкой Сибирской железной дороги, сроки и условия их перевозки зависели от численности переселенческого потока, а также организаторских усилий и способностей железнодорожной администрации. Многодневные задержки в пути, а также существование строгой очередности относительно времени выхода переселенцев из мест проживания, приводили к массовым опозданиям переселенцев к началу весенне-полевых работ. Обследование переселенческих хозяйств, прибывших

в различные губернии и области Сибири, произведенное в 1896 г. Г.А. Приймаком, дало показательные результаты. Из 1 805 семей курских переселенцев, пришедших в Сибирь в 1896 г., только 29 достигло Сибири в марте и апреле, 560 семей прибыло в мае, 975 – в июне, 241 семья – с июля по декабрь. Из 1 011 семей выходцев из Тамбовской губернии 117 семей водворилось в Сибири в период с января по апрель включительно, 506 семей пришло в мае, 176 – в июне, 212 семей – с июля по декабрь. Из 2 349 семей орловских переселенцев лишь 77 семей пришло в регион водворения с января по апрель, 1 071 семья – в мае, 863 – в июне, 318 семей – с июля по декабрь. Из 862 семей переселенцев Воронежской губернии 49 семей обосновалось в Сибири с января по апрель, 421 семья водворилась в мае, 216 – в июне, 206 семей – с июля по декабрь [8. С. 2–33]. Принимая во внимание, что начало посевных работ Сибири приходилось на 20-е числа апреля, выясняется, что лишь 272 переселенческих семьи (4,5%) успевали к стартовому периоду сельскохозяйственных работ. При этом следует иметь в виду, что водворившиеся в Сибири с сентября по февраль 1896 г. переселенцы в количестве 552 семей (9,1%) вообще пропускали сельскохозяйственные работы как по посеву яровых (20–23 апреля), так и озимых (с конца июня до 15 августа) культур, рассчитывая в межсезонье лишь на собственные сбережения [Там же. С. 2–33]. Таким образом, подавляющая масса переселенцев, оказавшись в Сибири, не успевала к началу полевых работ, а те, кто прибывал вовремя, в начальный период адаптации вряд ли могли рассчитывать на быстрый экономический успех, не имея достаточных средств и необходимого в сибирских условиях обеспечения рабочим скотом. Согласно выводам Г.А. Приймака, из всех прошедших в сибирские губернии и области переселенцев Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской губерний безлошадных и однолошадных хозяйств насчитывалось 4 025, что составляло 66,7% к общей массе [Там же. С. 25–33].

Путевые ссуды, на которые переселенцы могли рассчитывать после принятия закона 13 июля 1889 г., выплачивались нерегулярно и составляли незначительную прибавку к имеющимся у переселенцев средствам. Согласно циркуляру МВД, принятому в 1892 г. и предназначенному для внутреннего пользования, заимообразные пособия нуждающимся переселенцам во время пути мог выдавать чиновник особых поручений в размере от 20 до 30 руб. на семью, шедшую в Сибирь по проходному свидетельству [9. Л. 10 об.–11]. Сведения окружных крестьянских начальников о ходе переселенческого дела в Тобольской губернии создают представление об эпизодическом характере выдачи переселенцам путевых пособий. Так, из всех водворенных на 50 участках Колмаковской волости Тюкалинского округа переселенцев ссуды на проход к месту водворения в 1892 г. не получила ни одна семья; аналогичная ситуация сложилась в Сыропятской и Еланской волостях округа; переселенцы Баженовской волости (более 20 семей) в качестве путевого пособия получили лишь 345 рублей [Там же. Д. 156. Л. 40–75].

Исследование экономического потенциала переселенческих хозяйств центрально-черноземных губерний показывает, что с точки зрения обеспечения денежными средствами контингент переселявшихся был неоднородным. Как видно из приведенных выше статистических данных, в среде мигрантов встречались и те, кто располагал мизерными (до 50 руб.) средствами, и «состоятельные» крестьяне, имевшие на хозяйство от 250 и более руб. На эту особенность неоднократно указывали исследователи. А.А. Кауфман, характеризуя материальный потенциал переселенческих хозяйств в местах водворения в Томской губернии, в частности 5 семей тамбовских и 4 семьи курских выходцев, приселившихся к поселку Михайловский Алчедамской волости, отмечал, что 3 семьи пришли на место без денег, 3 – имели от 30 до 60 руб., 3 – от 250 до 800 руб. [10. С. 4–5]. В отношении экономических возможностей представителей одной губернии в источниках можно встретить диаметрально противоположные свидетельства. По обследованию, произведенному чиновником по крестьянским делам А.А. Чарушиным поселка Листвянки Дмитриевской волости Мариинского округа Томской губернии, осевшие там выходцы из Курской губернии «все очень бедны, обременены большими семьями, не имеют лошадей и земледельческих орудий… многие просят милостыню»; в то же время в соседнем поселке Курском, образованном переселенцами одноименной губернии в 1888–1889 гг., «курские переселенцы, за малым исключением, пришли на участок со своими деньгами, устроились и в настоящее время обладают продовольственными средствами вполне достаточными» [4. Д. 128. Л. 10–10 об.]. Тем не менее «хребет» переселенческого потока из центральных черноземных губерний составляли крестьяне, вышедшие из родных мест в пореформенное время со 100–250 руб.

Насколько сопоставимы были материальные возможности крестьян-переселенцев из черноземного центра страны с объективными требованиями к затратам на обустройство и организацию полноценных хозяйств в гетерогенных условиях сибирского региона? Предваряя ответ на этот вопрос, необходимо отметить, что реализация задач обустройства осуществлялась переселенцами в условиях сосуществования и, следовательно, не только сотрудничества, но и экономического соперничества со старожилами Сибири, имевшими долговременный опыт хозяйствования в местных условиях. Различные варианты водворения переселенцев в регионе, к разряду которых относилось приселение к старожилам или образование автономных переселенческих поселков, накладывали определенный отпечаток на характер и темпы обустройства миграционного элемента в Сибири.

При обустройстве в старожильческих поселках, где значительная доля земельных угодий концентрировалась в руках местных крестьян, переселенцы часто попадали в экономическую зависимость к старожилам, что проявлялось в широко распространенной практике арендных отношений, вынужденном участии в промыслах, а также в батрачестве. По свидетельству А.А. Кауфмана, переселенцы центрально-черно-земной полосы России, водворенные в 1880-е – начале 1890-х гг. на участках Томской губернии, по причине маломощности своих хозяйств на начальной

стадии обустройства в регионе в массовом порядке работали по найму в хозяйствах старожилов. Например, в пос. Тарасовском Мариинского округа батрачили все переселенцы; в пос. Покровском из 60 зарегистрированных переселенческих хозяйств в работе по найму принимали участие более 50 семей; из 27 семей, водворенных в пос. Курском, батрачили представители 16 семей; из 57 переселенческих дворов пос. Нижне-Кубитетский 40 семей работали по найму [10. С. 77–116]. Не явились в этом отношении исключением и другие регионы Западной Сибири, где в массовом порядке обустраивались переселенцы черноземной полосы: выходцы их Курской губернии, прибыв партией из 10 семей в пос. Бичелинский Викуловской волости Тобольской губернии, в течение всего первого года в полном составе ходили на поденщину или нанимались в батраки. Приобретая у старожилов бесценный опыт рационального хозяйствования в местных условиях, объективно переселенцы были вынуждены в обмен на этот опыт расставаться со значительной частью своих средств, уходивших на приобретение адаптированных к сибирским почвам земледельческих орудий труда, а также кредитование под большие проценты от старожилов. К числу неизбежных финансовых трат для данной категории переселенцев относилось и приобретение приемных приговоров у местного общества. По данным С.П. Швецова, изучавшего экономическое состояние переселенческих хозяйств Томского округа, стоимость приемного приговора колебалась от 2 руб. 50 коп. до 100 руб. на семью [11. С. 161].

Водворенные на отдельных участках, образовавшие самостоятельное общество переселенцы находились в более затруднительных условиях. Вероятность достижения экономического успеха в этой группе зависела от размера стартового капитала, с которым крестьянское хозяйство начинало производственную деятельность в регионе, и сопутствующих объективных обстоятельств: времени прибытия на участок, благоприятности рыночной конъюнктуры на хлебную продукцию и скот, адекватности конкретным условиям земледельческого инвентаря и т.д. Отсутствие опыта хозяйственной деятельности в сибирских условиях, а также источников его приобретения ставили переселенцев данной категории в тесную зависимость от случайных факторов, что не могло не сказываться на темпах их обустройства и адаптации в избранной местности.

По официальным данным, а также свидетельствам непосредственных участников переселенческого дела решающим фактором для успешного обустройства крестьян-мигрантов в местах водворения являлась их финансовая обеспеченность. В разнохарактерных природно-климатических условиях степной, лесостепной, подтаежной и таежной местностей необходимый для земледельческого хозяйства инвентарь и имущество стоили по-разному.

Учитывая, что подавляющее число переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний инстинктивно тянулись в ближайшие географические районы Западной Сибири, максимально сходные по естественным условиям с районами выхода, а в 90-е гг. XIX – начале XX в. – на расположенные вдоль линии Сибирской железной дороги лесостепные и степные участки, то в среднем переселенческое хозяйство должно было располагать средствами до 400 руб. (против 100–250 руб., наличествующих фактически). На этом основании можно предполагать, что основная масса водворившегося на переселенческих участках и в старожильческих поселках крестьянства черноземной полосы России обзаводилась хозяйством спустя 3–4 года, а иногда и более лет после поселения в Сибири.

Земельный простор, индифферентность властей, слабо регламентирующих переселенческие потоки до строительства Сибирской железной дороги, предоставляли переселенцам широкие возможности выбора земельных участков в непосредственной близости к лесным массивам или в оптимальном отдалении от них.

В конце XIX – начале XX в., в связи с тем что наиболее удобные для заселения участки Западной Сибири были заполнены, кардинально изменился вектор колонизации. Правилами 1899 г. Кабинет закрыл для переселенцев Алтай. С 1896 г. вследствие «истощения запаса непосредственно пригодных для заселения и, следовательно, для обращения в переселенческие участки земель», а также в связи с ростом переселенческого движения в Сибирь, в Тобольской губернии началось обследование незаселенных пространств Тарского округа [12. С. 47]. С конца 1890-х гг. под переселенческие участки правительство начинает отводить земли, отмежеванные у инородцев Степного края [13. С. 91]. При сохранении стабильного переселенческого потока в Тобольскую губернию количество переселенцев в Томскую губернию уменьшилось с 75% в 1885–1893 гг. до 52% в 1894–1898 гг., что свидетельствовало об активном заселении степных районов, и в частности Акмолинской области, где переселенцы столкнулись не только с дефицитом питьевой воды, нехваткой сенокосных угодий, но и с недостатком лесных материалов для строительства. Данная проблема практически для всей Западной Сибири особенно остро встала после 1898 г., когда из пользования крестьян-старожилов интенсивно изымались излишки казенных земель.

Обеспеченность переселенцев средствами к моменту водворения на закрепленных участках определяла экономический потенциал крестьянских дворов в связи с такими параметрами, как наличие пашенных угодий, земледельческого инвентаря, рабочих лошадей, крупного рогатого скота.

Одним из определяющих экономический успех переселенческих хозяйств условий являлось наделение крестьян в регионах Западной Сибири земельными угодьями. Основанием земельного устройства лиц крестьянского состояния в различных местностях Сибири считалась установленная еще в 1837 г. 15-десятинная норма душевого земельного надела, к реализации которой государство приступило в 1838 г. После отмены крепостного права, разрастания процесса малоземелья и углубления кризисных явлений в сельском хозяйстве черноземной полосы России, в стремлении крестьян на «вольные» азиатские земли именно размер надела являлся приоритетным требованием при принятии решения о переселении. С какими бы трудно-

стями не приходилось сталкиваться переселенцам в процессе обустройства на новых местах, большинство из них было склонно оценивать свое положение как благополучное главным образом по причине земельного простора. Вот лишь некоторые из суждений переселенцев, водворенных в различных поселках Каинского округа Томской губернии в 1888–1892 гг. по этому поводу: «Жить можно. Куда лучше российского, пашни и покосу вдоволь» (пос. Ново-Александровский); «Земли много… Хоть бы родным нашим так жить довелось» (пос. Воропаевский); «День и ночь надо бога молить за Государя Александра Александровича» (поселок Богословский) [3. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.]. Даже недовольство жизненными условиями на участке крестьянами-переселенцами озвучивалось в связи с могущим возникнуть в отдаленной перспективе земельным утеснением: «Что будет, когда земля выдержится, один Господь знает» [10. С. 65–97].

Степень удовлетворения крестьян земельным наделом находилась в тесной связи с составом переселенческой семьи, ее численностью и, в первоочередном порядке, с наличием достаточного числа рабочих рук. Опыты исследователей возрастного состава переселенческих семей, вышедших из черноземных областей России, производимые в конце XIX – начале XX в., однозначно указывали на то обстоятельство, что при дефиците годных работников крестьянские семьи, водворенные в различных местностях сибирского региона, были обременены большим количеством малолетних детей до 10 лет. С одной стороны, данный факт с учетом перспективы мог рассматриваться как явление позитивное, с другой стороны, крестьянские хозяйства нуждались в оптимальном количестве рабочих рук «здесь и сейчас». Дополнительной проблемой, усугублявшей и без того неблагоприятную ситуацию с количеством рабочих рук в переселенческом хозяйстве, для крестьянских семей становилось их дробление в ходе выдвижения на новые места: неокончательное урегулирование вопроса о ликвидации имущества на родине, необходимость завершения тех или иных хозяйственных работ обязывали часть рабочих сил семьи задерживаться в местах выхода, ставя тем самым под сомнение успех переселенческого хозяйства на начальном этапе обустройства в Сибири.

Нередко переселенцы становились заложниками собственного «земельного голода», в особенности в тех случаях, когда отмежеванный переселенческому обществу земельный надел не соответствовал реальному количеству крестьянских хозяйств, проживающих на данном участке. О неравномерности наделения крестьян земельными угодьями свидетельствует следующий факт: в д. Савиной Тобольского округа на 50 душ приходилось 133 десятины, в д. Горносубботино на 141 душу – 3 483 десятины. В Томской губернии средние наделы на душу в разных деревнях колебались от 5–6 до 33–41 десятин [14. С. 57]. В первые годы XX в. чиновники Томского губернского управления в переписке по переселенческому вопросу с местным губернатором обращали внимание последнего на частые вынужденные отказы крестьян от «лишней» земли: «В нередких случаях земли, отведенные под переселенческие поселки, невысокого качества, но главным образом весьма трудны для разработки маломощной семьей переселенца, которая, уходя от малоземелья в России, встречается в Сибири с другой крайностью – с непосильной работой, потому что 15-десятинный надел становится для нее тяжким многоземельем… в то время как семья переселенца в большинстве случаев далеко многочисленнее старожильческой, причем соотношение годных работников к наличным душам менее благоприятно, вследствие чего никто из переселенцев не в состоянии использовать весь свой надел… реально обрабатывая не 15, а 5–6 десятин» [3. Ф. 3. Оп. 46. Д. 1119. Л. 6]. Подобный прецедент возник в начале 1890-х гг. в пос. Павловском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии: на переселенческом участке было отмежевано земли на 59 душ, в то время как в действительности проживало только 38, т.е. новоселы пользовались землей на лишних 21 душу, выплачивая подати за несуществующих крестьян [10. С. 13], что отрицательным образом сказывалось на их благосостоянии. Переселенцы пос. Ново-Александровский Каинского округа той же губернии, выражая восторг по поводу изобилия пригодных для хлебопашества земель, одновременно жаловались на недостаток рабочих рук и свое будущее связывали с железнодорожным строительством, которое, по их словам, должно обеспечить их существование [Там же. С. 85].

Отметим и еще одно важное обстоятельство: в конце 1880–1890-х гг., в связи с нарастающим численно переселенческим потоком из черноземных губерний, активными работами по отграничению переселенческих участков и устройству переселенцев, центральные и региональные власти при отводе наделов крестьянам-мигрантам стали внимательнее относиться к их материальным возможностям по обработке того или иного количества земли. В письме к тобольскому губернатору товарищ министра внутренних дел А. Кривошеин сообщал: «В комитете министров был слушан внесенный по Высочайшему повелению всеподданнейший отчет за 1897 г. о состоянии Тобольской губернии. В отчете этом, против объяснения Вашего Превосходительства, что ныне, с урегулированием переселенческого движения и с усилением численного состава лиц, ведающих переселенческим делом, все заботы губернской администрации обращены на исследование экономического состояния переселенцев последних лет, – последовала Высочайшая Его Императорского Величества отметка: “Так и следует”…» [9. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392. Л. 40–40 об.]. Таким образом, возможность для переселенческого хозяйства получить в пользование полновесный 15-десятинный надел зависела от ряда условий: мнения на этот счет властей, полагавших 15 десятин верхним пределом наделения, а также способности крестьянского двора приобрести оптимальное количество земледельческих орудий и рабочего скота, необходимых для обработки земельного участка.

При всей очевидной зависимости имущественного положения переселенцев от их материального достатка нельзя обойти вниманием тот факт, что некоторым малообеспеченным хозяйствам, имеющим количество

средств, неадекватное условиям водворения, все-таки удавалось с течением времени наладить свое хозяйство. Происходило это благодаря ссудным мероприятиям правительства, наиболее въедливо критикуемым в специальной литературе, преимущественно советского периода историографии [15. С. 168–193]. Казенное и частное кредитование крестьян-переселенцев во второй половине XIX в. переживало серьезную эволюцию. Если до 1880-х гг. ссудная помощь носила спорадический характер, то в 1880–1890-х гг. число лиц, получивших ссуду, существенно расширилось. В Тобольской губернии для кредитования переселенцев ежегодно выделялось 9–14 тыс. руб. В Томской губернии в 1884–1893 гг. ежегодно казенные безвозвратные суммы получала 101 семья, в общей сложности на сумму в 209,6 руб., возвратные – 211 семей на 2 159 руб. [Там же. Л. 703]. Характерно, что ссуды на домообзаводство крестьянам, водворявшимся в различных местностях Сибири, центральные власти, а впоследствии крестьянские начальники выдавали с большим желанием, нежели путевые пособия. Как уже говорилось выше, переселенцам 1-го Тюкалинского участка Тобольской губернии, не получившим проходных ссуд в 1894–1895 гг., в тот же период были выданы пособия на домообзаводство от 100 до 150 руб. [9. Ф. 332. Оп. 1. Д. 159. Л. 40]. Значительно удалось поправить свое материальное положение и части переселенцев черноземных губерний России, водворившихся в исследуемых поселках Мариинского округа Томской губернии. Крестьяне пос. Павловский Боготольской волости, располагая незначительными средствами, устроились на участке благодаря денежному пособию, полученному в Тюмени (до 18 руб. на семью), и ссуде на домообзаводство, выданной по месту приписки. В разное время ссуды на обустройство получили и переселенцы других 9 поселков данной местности [10. С. 122–123]. Как следует из ведомости о материальном положении переселенцев по волостям Мариинского округа, предоставленной томским губернатором на имя управляющего Комитетом по строительству Сибирской железной дороги, в пос. Мало-Итатском все крестьянские дворы получили ссудную помощь; в пос. Дмитриевском и Ильинском пособие на обустройство было выдано более 50% водворенных там семей [3. Ф. 3. Оп. 46. Д. 504. Л. 15–17 об.]. По мнению переселенцев, устроившихся в Каинском округе Томской губернии, денежное и имущественное пособие, которое им было выдано на начальной стадии проживания в Сибири, позволило поставить хозяйство на ноги: «…только ссудами и поправились» [5. С. 415].

Одним из значимых факторов, влияющих на динамику и темпы обустройства и адаптации переселенцев из черноземного центра страны в пределах западносибирского региона, являлись трансформация экономических стереотипов поведения мигрантов, выбор ими оптимальной модели хозяйствования на основе разумного сочетания традиционных для данной группы элементов производственной деятельности, освоенных в местах выхода, с особенностями земледелия в районах водворения. Оказавшись в непривычной географической среде и специфической социальной обстановке, переселенческая производственно-хозяйственная организация проходила, как правило, через две последовательные стадии.

На первом этапе переселенцы использовали земледельческий опыт и традиции, приобретенные на родине, однако очень быстро приходили к выводу, что российские сохи и плуги не соответствуют требованиям, предъявляемым к орудиям труда в сибирском регионе: крестьяне Курской губернии, обустраивавшиеся в пос. Владимирском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии, начав земледельческие работы российским инструментом, вскоре от него отказались, так как плуги не были приспособлены для первоначальной мелкой пахоты; по аналогичным причинам переход от российских сельскохозяйственных орудий к сибирским произошел и в ряде других поселков Мариинского округа, например, Ново-Троицком и Алексеевском [10. С. 87]. С подобными трудностями столкнулись в поселках Тюкалинского уезда Тобольской губернии и переселенцы из Орловской губернии. Водворившись в пос. Ливенском Крупянской волости, они были вынуждены после первого посева докупать хлеб ввиду того, что пользовались в этот год привезенными с собой сохами, которыми «не пропашешь, так как землю трава одолевает» [Там же. С. 135]. Переход к сибирской земледельческой технике у переселенцев из черноземной полосы России затруднялся еще и недостатком средств, необходимых для приобретения рациональных, с точки зрения местных условий, орудий труда. Тамбовские и курские переселенцы пос. Ново-Архангельский Любинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии, говоря о быстрой акклиматизации к местным условиям и доступности для обработки сибирских почв, жаловались на дефицит средств, требуемых для покупки местного инвентаря и лошадей [Там же. С. 21]. Водворенные в пос. Тарасовском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии переселенцы отмечали, что более половины крестьянских хозяйств пользуются российскими плугами и сохами, так как не в состоянии приобрести местный земледельческий инвентарь [Там же. С. 78].

Попытки переселенцев из черноземной полосы России внедрять в сибирских условиях сельскохозяйственные культуры, выращиваемые на родине, также не всегда оказывались успешными, а опыты по их разведению были чрезвычайно дорогостоящими для переживающего становление переселенческого хозяйства. Крестьяне-мигранты из Курской губернии, обосновавшись в пос. Знаменском Дмитриевской волости Мариинского округа Томской губернии, опираясь на привычную практику, пытались выращивать гречиху и просо, не приживающиеся в новых местах [17. Л. 87–88 об.]; переселенцы пос. Ильинский, выражая общее мнение, утверждали: «В Сибири один хлеб едим, в России садовина да овощи, а здесь ничего» [5. С. 182]; крестьяне пос. Покровский, отмечая выгодность своего положения в Сибири, сетовали на отсутствии садов [18. С. 70]. Вместе с тем практически во всех округах Западной Сибири, где водворялись и обустраивались выходцы из Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской губерний, условия

для выращивания огородных растений были в целом благоприятными. Убедившись в бесплодности попыток разведения в Сибири арбузов, тыквы, кукурузы, фасоли, переселенцы переходили к местным огородным культурам: капусте, моркови и т.д. Главное затруднение в данной отрасли сельского хозяйства заключалось не в производстве огородных растений, а в их сбыте из-за отсутствия или отдаленности рынков. Из материалов «О собирании сведений по Томской губернии за 1865 год», в частности, следует, что Каинский и Барнаульский округа Томской губернии, из которых чаще всего доносились жалобы крестьян на невыгодность огородничества и отсутствие садовых культур, одновременно являлись и наиболее отстоящими от рынков сбыта [2. С. 66–67].

Преодолев начальные трудности адаптационного периода, значительная часть переселенческих дворов, сумевшая перевести свои хозяйства на сибирские рельсы, существенно увеличивала степень своей зажиточности. Происходило это вследствие целого ряда позитивно воздействующих на переселенческое хозяйство регулярных и ситуативных факторов: своевременного получения и рационального использования домообзаводственных пособий, благоприятного стечения природно-климатических обстоятельств, обусловивших высокие урожаи в течение нескольких лет, совместного проживания в поселках со старожилами или староселами – выходцами из родственных губерний, поселившимися в Сибири еще в дореформенное время, а также в 1860–1870-х гг. Наиболее быстро и эффективно проходило обустройство переселенцев из черноземных губерний в Ишимском, Тюкалинском округах Тобольской губернии, а также Каинском округе Томской губернии ввиду того обстоятельства, что переселенцы позднего времени попадали там в среду староселов, выселившихся в 1840–1850-х гг. из Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской губерний. Наглядной иллюстрацией такого «землячества» может послужить история пос. Матасы Теплодубровинской волости Ишимского округа Тобольской губернии: поселок был образован в 1840-е гг. однодворцами Курской губернии, в 1876 г. туда был выслан ходок от 200 душ из Дмитриевского уезда, который обустроился и письмами вызвал своих односельчан [19. С. 125–126]. По данным А.А. Кауфмана, средний размер посевной площади у переселенцев, проживших в Томской губернии от 3 до 5 лет, составлял порядка 8,0 десятин на двор; от 5 до 10 лет – 10,0 десятин; свыше 10 лет – 11,1 десятины; количество рабочих лошадей на одно хозяйство также динамично увеличивалось в зависимости от срока пребывания в Сибири – 3,1; 4,2; 5,7 голов соответственно [10. С. 12–26].

Сведения о материальном положении переселенцев Курской губернии, водворенных на казенных землях Мариинского округа Томской губернии, за 1900 г. позволяют говорить о том, что по прошествии десяти лет практически во всех поселках процент дворов, ведущих самостоятельное хозяйство, либо составлял абсолютное число, либо приближался к нему. Тем самым подтверждается предположение исследователей о том, что переселенческое хозяйство первые 4–5 лет складывалось в «кредит», а через 10–13 лет могло достичь зажиточности выше средней, увеличивая капитал, принесенный с собой, более чем на 100%, о чем свидетельствует и динамика изменения имущественного положения мигрантов из центрального черноземья, составлявших в исследуемый период до 82% всего движения в Сибирь [12. С. 47].

Таким образом, обозначив фундаментальные условия обустройства крестьян-переселенцев из черноземных губерний России, можно констатировать, что потенциальные возможности переселенческого хозяйства определялись рядом сопутствующих факторов.

Во-первых, кризисные явления в сельскохозяйственной отрасли экономики центрально-черноземного региона России: прогрессирующее малоземелье, формирование обширного контингента безземельных и малообеспеченных крестьян, уже с конца 1880-х гг. отразились на общем ходе переселенческого процесса, его импульсивном характере, слабой внутренней организации и недостаточной материальной готовности мигрантов к быстрому формированию в условиях мест водворения самостоятельных, эффективно функционирующих хозяйств.

Во-вторых, крестьяне черноземных губерний России, составлявших «остов» переселения, оказали решающее влияние на складывание некой общей схемы экономического развития региона, проявившейся в абсолютном доминировании земледелия над остальными отраслями экономики, которые при ином стечении обстоятельств и ином контингенте переселенцев могли оказаться более прогрессивными в специфических условиях сибирского региона.

Уходя в России от «голодных» наделов, переселенцы черноземной полосы оказывались в Сибири в условиях лучшей земельной обеспеченности, что открывало перед ними широкие возможности для изменения своего экономического положения, улучшения качества жизни за счет личных и общинных трудовых усилий. И действительно, многим крестьянским хозяйствам удалось достичь в регионе водворения определенных экономических успехов. Под внешнее «очарование» крестьянскими достижениями в Сибири попали и некоторые исследователи. Так, К.Р. Качоровский писал: «Переселенцы спешат работать и в будни, и в праздники. Проработав 2–3 месяца, семья переселенца имеет возможность сбить достаточно денег, необходимых для покупки избы к зиме, а также до 3 лошадей» [2. С. 64]. Известный экономист профессор А.А. Исаев, восхищаясь успехами переселенцев в Сибири, именовал их self-made-men (людьми, самих себя создавшими) [20. С. 21]. В реальности успех водворения и адаптации крестьян черноземных губерний России в Сибири, принимая во внимание стабильно возрастающий процент обратных переселений и внутренних ремиграций, касался лишь части наиболее состоятельных переселенческих дворов, но и там носил горизонтальный характер.

В-третьих, постоянно возрастающее в переселенческом движении участие малоземельных и безземельных хозяйств способствовало перенесению «кризисного» экономического мировоззрения крестьян-

мигрантов из районов выхода в регион водворения. При этом на одной чаше весов находилась долговременная привычка земледельцев выжимать из земельного участка максимум возможного, после чего забрасывать его и включать в оборот целинные земли, пренебрегая способами по улучшению и рационализации землепользования, на другой – ограниченность материальных ресурсов, необходимых для организации рационального интенсивного хозяйства. В целом трансформация экономических стереотипов поведения переселенцев черноземного центра страны в Сибирь затрагивала лишь формальные аспекты производственной деятельности крестьян, реализуясь в практически повсеместном переходе к сибирской технике земледелия с использованием адаптивного земледельческого инвентаря. Оказавшись в Сибири, переселенцы легко воспринимали принципы землепользования крестьян-старожилов, которые определялись специалистами как «хищнические»; там же, где создавались самостоятельные переселенческие поселки, подобный вариант эксплуатации земель переселенцам подсказывал их «крестьянский инстинкт».

Вследствие указанных факторов превращение переселенческого хозяйства в Сибири в полноценно действующий, стабильный производственный организм растягивалось во времени: большинству переселенцев необходимо было преодолеть экономическую зависимость от старожила, богатого соседа-ростовщика, государства, «вырастить» соответствующее размеру земельного надела число годных работников, что, в свою очередь, увеличивало сроки адаптации, требовало колоссальных энергетических, производственных и финансовых затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуркин М.К. Крестьянские переселения в Сибирь в историко-экономической и культурно-антропологической традициях отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллективная монография / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 228–265. Ч. 10.
2. Качоровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселения // Русская мысль. 1894. № 6. С. 58–67.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 428.
4. Переселенческое движение в 1907 году // Вопросы колонизации. 1907. № 3. С. 1–48.
5. Материалы для изучения быта переселенцев водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х по 1893 г.). М., 1897. Т. 2.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 7227.
7. Белевский А.А. К переселенческому вопросу // Русское богатство. 1904. № 8. С. 1–14.
8. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М. : Печатня С.П. Яковлева, 1894–1907.
9. Главное управление Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ). Ф. 332. Оп. 1. Д. 153.
10. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1896. Т. 2, ч. 1.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе : в 2 т. Барнаул : Типо-лит. при Глав. упр. Алтайского округа, 1899–1900. Т. 2, ч. 1.
12. Пронин В.И. Влияние переселений крестьян на развитие рынка Сибири в пореформенный период // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : НГПИ, 1991. С. 46–53.
13. Статистическое обозрение Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск : Изд-во Тобол. губ. стат. ком., 1898.
14. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма // отв. ред. Л.М. Горюшкин : в 5 т. Новосибирск : Наука, 1983. Т. 3.
15. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 311 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5116.
17. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7011.
18. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: (статистико-экономический сборник). Иркутск : Вост. обозрение, 1889.
19. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-во А.Ф. Девриена, 1908. С. 79–141.
20. Кравченко А.И. Исследование А.А. Исаевым крестьянских миграций // Социс. 1999. № 9. С. 13–21.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

RESETTLEMENT OF PEASANT HOUSEHOLDS OF THE CHERNOZEM CENTER IN WESTERN SIBERIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES): THE ECONOMIC SITUATION AND ADAPTIVE OPPORTUNITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 175–183.
DOI: 10.17223/15617793/429/22

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: agricultural colonization; settlers; old inhabitants; peasant household; government policy.

The economic opportunities of peasant resettlement farms of the Chernozem Center in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries are revealed in the article based on published and unpublished sources. The causes and factors of the inclusion of the peasantry of the Chernozem area in the resettlement movement, the financial opportunities of households that made the decision to resettle in the provinces and regions of Western Siberia are described. It was established during the investigation that the movement of peasants from European Russia to the Urals was carried out with the participation of governmental agencies at the central and regional levels, with varying degrees of success in correcting the resettlement movement. Two stages can be clearly traced in the course of the settlement of migrants in the region. At the first stage, settlers, using agricultural experience and traditions acquired in their homeland, quickly came to a conclusion that these practices in Siberia were not very productive. At the second stage, a significant part of resettled households, having overcome the initial difficulties of the adaptation period and having managed to adjust the farm to the Siberian realities, substantially increased the degree of prosperity. In the end, the economic condition of peasant households of settlers and, as a result, the adaptive opportunities of the settlers themselves in the new region were determined by a wide range of circumstances. It is obvious that peasants of the chernozem provinces of Russia, which constituted the “core” of the resettlement, had a decisive influence on the formation of a certain general scheme for the economic development of the region manifested in the absolute dominance of agriculture over the rest of the economy, which under different circumstances and other contingent

of settlers could be more progressive in the specific conditions of the Siberian region. The steadily growing participation in the resettlement of land-poor and landless households contributed to the preservation of the "crisis" of the economic outlook of peasant settlers, which was manifested in the region of the settlement in the almost universal transition to the Siberian farming techniques using adaptive agricultural implements. Peasant settlers settled in Siberia easily perceived the principles of land use of old inhabitants that experts defined as "predatory". In places where independent settlement settlements were created, a similar variant of land exploitation to the migrants was prompted by their "peasant instinct". As a result of these factors, the transformation of the resettlement economy in Siberia into a fully operating production body was stretched in time, which in turn increased the terms of adaptation, required enormous energy, industrial and financial costs.

REFERENCES

1. Churkin, M.K. (2015) Krest'yanskie pereseleniya v Sibir' v istoriko-ekonomicheskoy i kul'turno-antropologicheskoy traditsiyakh otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny XIX – nachala XXI v. [Peasant resettlements to Siberia in the historical, economic, cultural and anthropological traditions of Russian historiography of the second half of the 19th – beginning of the 21st centuries]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source-study and historiographical aspects of Siberian history]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
2. Kachorovskiy, K.R. (1894) Krest'yanskoe khozyaystvo i pereseleniya [Peasant farming and resettlement]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 58–67.
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 44. File 428. (In Russian).
4. Voprosy kolonizatsii. (1907) Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 godu [The resettlement movement in 1907]. *Voprosy kolonizatsii*. 3. pp. 1–48.
5. Anon. (1897) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh po 1893 g.)* [Materials for studying the life of settlers settled in Tobolsk Province for 15 years (from the late 1870s to 1893)]. Moscow: tip. O-va rasprostraneniya polez. kn.
6. State Archive of Voronezh Oblast (GAVO). Fund 20. List 1. File 7227. (In Russian).
7. Belevskiy, A.A. (1904) K pereselencheskomu voprosu [To the resettlement issue]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 1–14.
8. Anon. (1894–1907.) *Tsifrovoy material dlya izucheniya pereseleniy v Sibir'* [Figures for the study of resettlement to Siberia]. Moscow: Pechatnya S.P. Yakovleva,
9. The Main Directorate of Tyumen Oblast. State Archive of Tobolsk (GUTO GAT). Fund 332. List 1. File 153. (In Russian).
10. Kaufman, A.A. (1896) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of the settlers settled on the state lands of Tomsk Province]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K.
11. Anon. (1899–1900) *Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva v Tomskom okruge: v 2 t.* [Materials on the study of peasant and foreign economy in the Tomsk region: in 2 vols]. Barnaul: Tipo-lit. pri Glav. upr. Altayskogo okruga.
12. Pronin, V.I. (1991) Vliyanie pereseleniy krest'yan na razvitie rynka Sibiri v poreformennyy period [Influence of migrations of peasants on development of the market of Siberia in the post-reform period]. In: Solov'eva, E.I. (ed.) *Vliyanie pereseleniy na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sibiri v epokhu kapitalizma* [Influence of resettlement on social and economic development of Siberia in an epoch of capitalism]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
13. Tobolsk Province Statistics Committee. (1898) *Statisticheskoe obozrenie Tobol'skoy gubernii za 1897 god* [Statistical Review of Tobolsk Province for 1897]. Tobolsk: Izd-vo Tobol. gub. stat. kom.
14. Goryushkin, L.M. (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. In 5 vols. Novosibirsk: Nauka.
15. Ostrovskiy, I.V. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of tsarism in Siberia during the period of imperialism]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5116. (In Russian).
17. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 5. File 7011. (In Russian).
18. Chudnovskiy, S.L. (1889) *Pereselencheskoe delo na Altae: (statistiko-ekonomicheskiy sbornik)* [Resettlement in the Altai: (a statistical-economic collection)]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
19. Kaufman, A.A. (1908) Zemel'nyy vopros i pereselenie [Land issue and resettlement]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir'. Ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia. Its current state and its needs]. St. Petersburg: Izd-vo A.F. Devriena.
20. Kravchenko, A.I. (1999) Issledovanie A.A. Isaevym krest'yanskikh migratsiy [A.A. Isaev's study of peasant migrations]. *Sotsis – Sociological Studies*. 9. pp. 13–21.

Received: 28 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 184–188. DOI: 10.17223/15617793/429/23

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.016

Д.В. Викторов

МЕТАПРОФИЛЬНОЕ ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Обосновывается, что в ситуации постоянно увеличивающегося числа профессий и специальностей разносторонняя и специальная физическая подготовка способствует более быстрому освоению смежных профессий и свободной перемене труда. Раскрывается процедура достижения широкого диапазона знаний и функциональных возможностей, в которой решающее значение имеет метапрофильное физкультурное образование – компонент системы физкультурного образования, применительный ко всем специальностям. Отмечается передача личности специфических ценностей профессиональной физической культуры, независимо от избранной профессии, по которой обучаются студенты, что позволяет прогнозировать реализацию основной цели профессионального образования – формирование готовности к будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: студенты; функциональное состояние организма; здоровье; ограниченные возможности; физкультурное образование.

Важнейшим компонентом готовности к профессиональной деятельности является содержание физкультурного образования, формируемое специалистами самого учебного заведения на основе анализа будущей профессиональной деятельности. Задача Южно-Уральского государственного университета, а с 2016 г. – новых школ и институтов национального исследовательского университета – обеспечить надежность будущих специалистов в избранном виде профессионального труда. Однако в условиях укрупнения университетов, увеличения специальностей выделить наиболее значимые физические способности, двигательные умения и навыки, психические характеристики и личностные качества, обеспечивающие результативность разнообразной профессиональной деятельности, а следовательно, и построить профессиограмму будущего специалиста достаточно сложно. Причины этого: слияние в рамках одного учебного подразделения различных до этого специальностей; требования многих профессий от человека сходных качеств, которые можно тренировать по одной методике; невозможность охватывать весь диапазон рабочих профессий ограниченному контингенту преподавателей; естественный переход студентов с одной специальности на другую в течение 1-го и 2-го курсов обучения. Эти обстоятельства приводят к усилению внимания к метапрофильному физкультурному образованию, так как все составляющие сущности человека (физическая, психическая и социальная) могут быть реализованы в полной мере лишь при наличии биологического компонента здоровья, которым занимается физкультурное направление образования.

Метапрофильное физкультурное образование (МФО) – профессионально-прикладное физкультурное образование, предполагающее организацию непрерывной физической подготовки независимо от факторов и условий выбранной профессиональной деятельности, тем самым исключая выбор приоритета в использовании средств физической культуры при формировании готовности к профессиональной деятельности.

Несмотря на широкий ряд имеющихся исследований о положительном влиянии организации профессионально-прикладного физкультурного образования в образовательных учреждениях широкого спектра профессиональной деятельности (В.И. Ильинич, В.А. Кабачков, С.С. Коровин и др.), в науке слабо разработаны концепции, технологии и методики, акцентирующие внимание на профессионально-прикладном физкультурном образовании студентов с ограниченными возможностями здоровья. В рамках Федерального закона от 28 декабря 2014 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» метапрофильное физкультурное образование меняет содержание работы со студентами с ограниченными возможностями здоровья вне зависимости от ограничений здоровья (нарушения опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем) и приобретает актуальное значение.

Задача любого здорового общества – обеспечить овладение комплексом двигательных умений и навыков, необходимых для совершенствования в профессиональной деятельности, не только для студентов основной медицинской группы, не имеющих отклонений в состоянии здоровья, но и для студентов с недостаточным физическим развитием, имеющих слабую физическую подготовленность или временные нарушения состояния здоровья, занимающихся по специальным учебным программам, предусматривающим строго дифференцированную нагрузку, которая позволяет предупредить обострение заболевания.

При всей сложности этой задачи следует понимать, что у педагогики не так много инструментов воздействия на человека в данной ситуации для обогащения индивидуального фонда профессионально полезных двигательных умений и навыков, воспитания физических и непосредственно связанных с ними способностей, от которых зависит профессиональная дееспособность [1]. Поэтому студенты с ограниченными возможностями здоровья, как никто другой, должны понимать, что среди таких инструментов воздействия особое место занимают физические упражнения, способствующие достижению готовности к успешной профессиональной деятельности.

При проведении анализа состава студенческих групп Южно-Уральского государственного универси-

тета за 2016/2017 учебный год нами была выявлена следующая картина распределения заболеваний: на первом месте – болезни опорно-двигательного аппарата (34,6%), на втором – сердечно-сосудистой системы (19,2%), на третьем –органов дыхания (15,4%), далее с миопией и нарушениями зрения (11,5%), т.е. заболевания, наиболее значимые для обеспечения жизнедеятельности. Достаточно большое количество студентов с болезнями нервной системы, продолжает интенсивно увеличиваться патология ЖКТ. Нередки заболевания ЛОР-органов, эндокринной системы (ожирение), почек, кожи, мочеполовой системы, онкология. Также были выявлены случаи недостатка физического развития и инвалидности. Около 22% студентов имеют два и более негативных отклонения.

По данным А.В. Кабачковой, около 70% студентов страдают функциональными и соматическими расстройствами, а за годы обучения в вузе число хронически больных студентов увеличивается на 20% [2].

В условиях, когда студенческая молодежь представляет не только популяционный ресурс, но высококвалифицированный потенциал трудовых резервов, мы приходим к выводу, что составной частью метапрофильного физкультурного образования студентов с ограниченными возможностями здоровья, так же как и студентов основной медицинской группы, являются занятия физической культурой или другие формы занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью, направленные на максимум адаптации генетически обусловленных возможностей организма к физической нагрузке и в незначительной степени коррекцию здоровья за счет перемещения организма на более высокий уровень функционирования. В контексте нашего исследования этот факт обозначает успешность педагогической деятельности.

Цель исследования – обосновать, что метапрофильное физкультурное образование студентов с ограниченными возможностями здоровья, отнесенных к подготовительной медицинской группе, способствует более быстрому освоению смежных профессий и свободной перемене труда, создавая для этого качественные предпосылки – обширный диапазон знаний и функциональных возможностей, двигательную культуру.

Организация исследования. Изучение особенностей трудовой деятельности будущих специалистов новых школ и институтов национального исследовательского университета ЮУрГУ приводит к пониманию, что в вузе сосуществуют и взаимодействуют три направления подготовки специалистов: техническое, естественнонаучное и гуманитарное. Следовательно, затруднительно составить рекомендации по формированию необходимых знаний, физических и специальных качеств, умений и навыков, способствующих достижению готовности студента к успешной профессиональной деятельности, из-за слияния в рамках одного учебного подразделения различных до этого специальностей, требований многих профессий от человека сходных качеств, которые можно тренировать по одной методике, невозможности охватывать весь диапазон рабочих профессий ограниченному контингенту преподавателей, естественного перехода студентов с одной специальности на другую в течение 1-го и 2-го курсов обучения.

Наряду с программами физической подготовки студентов основной группы, прикладная подготовка студентов подготовительной группы, и тем более специальной, должна учитывать их коррегирующую и оздоровительно-практическую направленность с целью исправления отклонений в состоянии здоровья и повышения уровня функционального состояния организма. Из вышесказанного можно сделать однозначный вывод, что готовность к профессиональной деятельности целесообразно связывать с механизмом морфофункциональной специализации организма студентов вследствие конкретной физической активности. Данный механизм обеспечивает избирательное повышение функциональных возможностей, обусловленных постоянным воздействием на организм занимающихся физической нагрузки.

Подбор средств и методов прикладной физической подготовки, лежащей в основе метапрофильного физкультурного образования, практически неограничен, это позволяет применять оптимальные нагрузки, дозировать их с учетом индивидуальных особенностей занимающихся, что особенно актуально для студентов с ограниченными возможностями здоровья, и достигать большего тренировочного эффекта. Тем более что одна и та же физическая нагрузка может быть неэффективной для человека с высокими функциональными возможностями, но при этом повышать функциональные возможности организма малотренированного человека или имеющего недостаточное физическое развитие, слабую физическую подготовленность [3].

В исследовании принимали участие студенты ЮУрГУ (НИУ) и обучающиеся ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, отнесенные к основным и подготовительным группам.

При сравнивании показателей уровня физической подготовленности студентов основной группы с аналогичными показателями студентов с ограниченными возможностями здоровья отмечается, что показатели физического развития не являются достаточным основанием для определения признака в структуре физического статуса человека (табл. 1). Это обосновывается тем, что распределение студентов в медицинские группы в основном проводится по нозологическому принципу, т.е. врачи не учитывают уровень физической подготовленности.

Несмотря на разные подходы к комплектованию медицинских групп, занятия с такими студентами проводятся без учета оптимизации физической нагрузки в соответствии с функциональным состоянием, поэтому каждая кафедра физического воспитания сама разрабатывает свою программу по проведению практических занятий. Важно иметь в виду, что учащиеся с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в двигательной активности не меньше, а даже больше, чем здоровые люди, причем таким студентам требуется качественно иная двигательная активность.

Это привело нас к выводу, что результаты по уровню готовности к профессиональной деятельности примерно равны и не зависят от условий вуза. Кроме того, динамика при переходе с курса на курс носит вялотекущий характер, т.е. пропорции сохраняются у студентов всех исследуемых курсов.

Для формирования единой образовательной среды метапрофильного физкультурного образования, а

также выявления эффективности данного подхода для формирования готовности к профессиональной деятельности студентов с ограниченными возможностями здоровья использовался комплекс теоретических (логическое рассмотрение современных концепций образования, в том числе студентов с ограниченными возможностями здоровья, для определения начальных позиций исследования; сравнительный анализ для определения наилучшего содержания работы) и эмпирических (наблюдение, опрос, тестирование уровня физической подготовленности, компьютерная оценка) методов исследования. В процессе выявления уровня физической подготовленности как ведущего компонента, характеризующего адаптацию организма студентов вследствие морфофункциональной специализации занимающихся конкретной физической активностью и, следовательно, готовность к профессиональной деятельности, использовались общеизвестные и широко употребляемые функциональные пробы, позволяющие оценить скорость адаптации организма к физической нагрузке или обнаружить развитие какого-либо качества.

Таблица 1

Физическая подготовленность студентов за период обучения в вузе

Физические качества	Тесты	Учебные заведения				Достоверность различия
		ЮУрГИИ (осн)	ЮУрГИИ (подг)	ЮУрГУ (осн)	ЮУрГУ (подг)	
Быстрота	Бег 100 м, с	13,3	13,5	13,4	13,3	$p > 0,05$
	Челночный бег 3 × 10 м, с	6,5	6,7	6,5	6,6	$p > 0,05$
Сила	Подтягивание, раз	9	8	9	9	$p > 0,05$
	Прыжок с места, м	2,17	2,29	2,34	2,36	$p > 0,05$
Выносливость	Бег 1 000 м, с	3.47,57	3.39,53	3.31,36	3.29,61	$p > 0,05$
	Плавание 50 м, с	57	54	49	50	$p > 0,05$
Координация	Проба Яроцкого, с	11,4	12,2	13,3	13,8	$p > 0,05$

Анализировались моменты, связанные с определением самого профессионально-прикладного направления физического воспитания, установлением компонентного состава метапрофильного физкультурного образования, характера их взаимодействия, с раскрытием теоретических оснований организации процесса профессионально-прикладного физического воспитания студентов с ограниченными возможностями здоровья в процессе обучения.

От физического воспитания ожидают, прежде всего, изменения физических характеристик человека, уровня его физической и функциональной подготовленности, поскольку от этого зависит эффективность всех профессионально обусловленных качеств. Это обстоятельство приводит к усилению внимания к метапрофильному физкультурному образованию, так как все составляющие сущности человека (физическая, психическая и социальная) могут быть реализованы в полной мере лишь при наличии биологического компонента здоровья, которым занимается физкультурное направление образования.

Ввиду этого у студентов с ограниченными возможностями здоровья важнейшей позицией становится содействие формированию ценностных ориентаций, направленных на не ухудшение здоровья, а на лечение болезни. Следовательно, метапрофильное физкультурное образование реализуется непосредственно в процессе физического воспитания через развитие и совершенствование физических качеств, двигательных способностей, которые, в свою очередь, стимулируют процессы и функции органов и систем организма.

Подбор средств и методов прикладной физической подготовки, лежащей в основе метапрофильного физкультурного образования, практически неограничен. Это позволяет применять оптимальные нагрузки, дозировать их с учетом индивидуальных особенностей занимающихся, делая их эффективным средством коррекции отклонений в состоянии здоровья, что особенно актуально для студентов с ограниченными возможностями здоровья, т.е. достигать большего тренировочного эффекта. Тем более что одна и та же физическая нагрузка может быть неэффективной для человека с высокими функциональными возможностями, но при этом повышать функциональные возможности организма малотренированного человека или имеющего недостаточное физическое развитие, слабую физическую подготовленность [4].

На первом этапе (1–2-й семестры) формируется исходное звено метапрофильного физкультурного образования, создаются условия для проявления субъектной двигательной активности, направленной на всестороннее и гармоничное физическое развитие студентов с ограниченными возможностями здоровья при построении рациональной методики сообщения теоретических знаний.

На втором этапе (3–4-й семестры) студенты всех медицинских групп, пользуясь предоставленными образовательным учреждением возможностями, используют разнообразные физические упражнения и, управляя информацией, превращают их в знания, а знания – в действия. Тем самым обучающийся ориентируется не только на освоение знаний, но и на практические способы, образцы деятельностного освоения, так как в основе выбора находится он сам. Таким образом, студенты улучшают свое физическое состояние и подготовленность, физически совершенствуются, приобретают навыки самоконтроля и самовоспитания. Составными элементами единой образовательной среды МФО становятся регламентированные образовательным стандартом формы занятий физическими упражнениями и самостоятельные занятия по профессионально-прикладной физической подготовке. Степень усвоения профессионально-прикладных качеств, знаний и умений определялась путем педагогического наблюдения.

В 5–6-м семестрах выполнение практической деятельности на основе собственной ценностной позиции

позволяет студентам закрепить специальные навыки метапрофильного физкультурного образования, приобрести необходимые и допустимые профессионально-прикладные умения и навыки в ситуациях, требующих непосредственного и обязательного участия, тем самым закрепляя тесную взаимосвязь физической работоспособности с функциональным состоянием человека.

При занятиях со студентами с различными нарушениями здоровья это означает формирование двигательных качеств в соответствии с функциональными возможностями систем организма. В зависимости от функционального состояния, тренированности и течения заболевания нагрузка вначале должна быть малой интенсивности, затем – средней. Такая методика проведения занятий приводит к тому, что организм занимающегося вынужден адаптироваться (приспосабливаться) к созданным условиям. Наше мнение совпадает с мнением О.Н. Московченко о том, что адаптация организма является одним из условий не только дифференцирования нагрузки, но и ее оптимизации [5].

Учитывая, что физическая подготовка, лежащая в основе МФО, оказывает многогранное и системное воздействие на организм, в качестве интегрального критерия, охватывающего все стороны данного процесса, и с целью своевременной корректировки, а также для оценки функционального состояния организма использовалась проба Серкина (трехэтапная задержка дыхания) (табл. 2). Каждый этап данной пробы объединяет важные категории функционального состояния: 1 этап – физические возможности, 2 этап – физические способности, 3 этап – энергетические ресурсы. Это позволяет использовать пробу Серкина в качестве оценки эффективности МФО для готовности к избранной профессиональной деятельности.

Таблица 2

Трехэтапная задержка дыхания

Вуз, группа	Проба Серкина		
	1-й этап	2-й этап	3-й этап
	ЗД, отдых, с	ЗД, после нагрузки, %	ЗД, восстановление, %
ЮУрГУ, ОМГ (ю)	86,5	38,9	73,6
ЮУрГИИ, ОМГ (ю)	77,3	29,3	79,9
ЮУрГУ, ОМГ (д)	39,6	53,9	85,9
ЮУрГИИ, ОМГ (д)	36,7	31,0	62,0
ЮУрГУ, ПМГ (ю)	63,4	36,3	78,9
ЮУрГИИ, ПМГ (ю)	57,2	38,6	79,7
ЮУрГУ, ПМГ (д)	32,5	42,8	67,0
ЮУрГИИ, ПМГ (д)	31	46,3	74,8

Результаты исследования. Физическое развитие (антропометрические измерения по общепринятым показателям) студентов исследуемых учебных заведений свидетельствует о соответствии возрастным нормам.

В первый год обучения достоверные отличия ($p < 0,05$) зафиксированы у девушек ОМГ ЮУрГУ и ОМГ ЮУрГИИ на 2-м и 3-м этапах, что может свидетельствовать о достаточно высоких аэробных возможностях. Результатом первого этапа являлось понимание того, что студенты разных групп имеют зачастую лишь разные физические возможности.

На втором году обучения отмечаются достоверные отличия ($p < 0,05$) при проведении пробы Серкина на 3-м этапе у юношей ПМГ ЮУрГУ и ЮУрГИИ от результатов в 1–2-м семестрах. Это может служить доказательством возрастания адаптивных возможностей организма.

Анализ пробы Серкина показывает, что у студентов ПМГ ЮУрГУ обоих полов в 6-м семестре результаты на всех этапах проведения пробы выше и достоверно отличаются от собственных результатов во 2-м семестре. Это убедительно свидетельствует о том, что студенты ПМГ к концу третьего курса имеют более высокие функциональные и резервные возможности организма.

В рамках созданного в ЮУрГУ Института спорта, туризма и сервиса (ИСТиС) метапрофильное физкультурное образование студентов с ограниченными возможностями здоровья реализуется с помощью основного средства и метода – физического упражнения, обладающего уникальным и специфическим свойством решать многочисленные педагогические задачи по укреплению здоровья и социализации личности, независимо от избранной профессии, по которой обучаются студенты.

Выводы. Начало учебы студентов обоих учебных заведений показывает, что личная значимость полученных теоретических знаний для быстрой адаптации своего организма в сложных профессиональных условиях и осознание необходимости деятельности в направлении работы тех систем организма, которые не задействованы в патологическом процессе, способствуют профилактике и укреплению всего организма.

К концу третьего курса в целом происходит морфофункциональная перестройка организма на клеточном уровне (активизация синтеза белка в мышечных тканях, увеличение физиологического поперечника работающих мышц, выраженная функциональная гипертрофии моторного аппарата), в том числе оптимизация биохимических процессов, активизация ресинтеза АТФ, утилизации продуктов распада.

Проведение пробы Серкина убедительно свидетельствует, что среднегрупповые результаты, вне зависимости от пола и уровня физической подготовленности, указывают на тенденцию повышения адаптационных сдвигов и адекватности физической нагрузки. В частности, в группах ПМГ это выражается в увеличении задержки дыхания на 2-м этапе, что указывает на то, что студенты стали хорошо переносить гипоксические условия и экономичную работу дыхательной и мышечной систем.

В этом заключается специфика МФО – оно не замыкается в рамках какой-либо отдельной отрасли науки, а получает распространение во всех или многих ее сферах для обозначения конкретизации общих методологических положений, содержательного аспекта обоснования факторов, самопознания себя через процесс профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарафеева А.Б., Загревский О.И. Технология формирования профессиональных компетенций в рекреационной деятельности будущих специалистов по физической культуре и спорту // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 153–156.
2. Кабачкова А.В., Фомченко В.В., Фролова Ю.С. Двигательная активность студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 175–178.
3. Спортивная физиология : учеб. пособие для ин-тов физ. культ. / под ред. Я.М. Коца. М. : Физкультура и спорт, 1986. 240 с.
4. Загревская А.И. Физкультурно-спортивное образование студентов как предмет системного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 176–180.
5. Московченко О.Н. Оптимизация физических и тренировочных нагрузок на основе индивидуального адаптивного состояния человека. М. : Флинта: Наука, 2012. 312 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 февраля 2018 г.

METAPROFILE PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 184–188.
DOI: 10.17223/15617793/429/23

Dmitriy V. Viktorov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

Keywords: students; functional state of body; health; limited opportunities; physical education.

The aim of the study was the scientific substantiation of metaprofile physical education (MPE), a component of the system of physical education applicable to all specialties, during which specific values of professional physical culture are introduced to students regardless of the chosen profession. This allows to predict the fulfillment of the main aim of professional education – the formation of preparedness for future professional activity. The study showed that in the last decade the problem of health starts to be studied in depth, namely: systems of professional values of awareness by each person of the need to maintain and improve health and to protect health are developed; approaches to the restoration of somatic health by medical and valeological methods are proposed; means of education and development of appropriate motivation aimed at preserving and strengthening the health of the person as well as at spiritual and physical perfection, ability to introduce the acquired knowledge into professional activity are used. It is established that the principle of organic connection of physical education with labor activity is most specifically embodied in the professional applied physical training. The totality of the revealed facts leads to the need to develop metaprofile physical education of students with disabilities who study in preparatory medical groups, and to justify the fact that this educational environment promotes a more rapid acquisition of related professions and a free change of workplace by creating a high quality background: a vast range of knowledge and functional capabilities, physical culture. The study involved students of the basic and preparatory medical groups. In the course of training for the purpose of timely correction, as well as to assess the functional state of the organism, a three-stage respiration delay, or the Serkin sample, was used. The study showed that part of metaprofile physical education of students with disabilities, as well as students of the basic medical group, is physical education classes or other forms of sports and recreational activities aimed at the maximum adaptation of the genetically determined capacity of the organism to physical loads and its correction to a small extent by making the body more functional. In conclusion, it is shown that physical training, which is the basis of MPE, has a multifaceted and systemic effect on the body. The three-stage breath brings together the important categories of the functional status: stage 1 – physical potential, stage 2 – physical ability, stage 3 – energy resources. This is confirmed by the results obtained, which indicate that regardless of gender, level of physical fitness and health status there is a tendency to increase adaptation shifts and, therefore, preparedness for selected professional activities.

REFERENCES

1. Sharafeeva, A.B. & Zagrevskiy, O.I. (2012) Technology of formation of professional competencies in recreational activities of future specialistsin physical culture and sport. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 361. pp. 153–156. (In Russian).
2. Kabachkova, A.V., Fomchenko, V.V. & Frolova, Yu.S. (2015) Students' physical activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 392. pp. 175–178. (In Russian).
3. Kotsa, Ya.M. (ed.) (1986) *Sportivnaya fiziologiya* [Sports Physiology]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Zagrevskaya, A.I. (2014) Sports education of students as a subject of system research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 380. pp. 176–180. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/380/29
5. Moskovchenko, O.N. (2012) *Optimizatsiya fizicheskikh i trenirovochnykh nagruzok na osnove individual'nogo adaptivnogo sostoyaniya cheloveka* [Optimization of physical and training loads on the basis of an individual adaptive state of a person]. Moscow: FLINTA, Nauka.

Received: 14 February 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 189–195. DOI: 10.17223/15617793/429/24

УДК 37.01

О.Н. Кирюшина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема развития научного потенциала системы образования, определяющего процесс ее модернизации. Делаются выводы о взаимозависимости важнейших ресурсов научного потенциала – научно-информационного и научного кадрового, и их общей основы развития – научно-исследовательской деятельности. С использованием разработанного наукометрического аппарата выявлены характеристики научно-педагогической деятельности в РФ за период 2001–2012 гг. Создана научно-информационная база координации развития ресурсов научного потенциала.

Ключевые слова: научный потенциал; ресурсы; научно-исследовательская деятельность; наукометрическое исследование; структурно-количественные модели.

Научная проблема и ее обоснование. Изучение и осознание происходящих в российском образовании процессов, направленных на решение задач соответствия его современному социально-экономическому этапу развития страны и, естественно, непосредственно затрагивающих интересы всего населения, предполагают непрерывное получение объективных констатирующих знаний о развитии этой сложной многофункциональной системы. Разносторонняя научная информация должна являться источником и основанием адекватного управления ее развитием. Наряду со сведениями, непосредственно характеризующими процесс и результаты модернизации, важна информация о развитии ресурсов, формирующих условия ее проведения и составляющих научный потенциал системы образования. Научно-информа-ционный ресурс как непосредственный продукт интеллектуальной деятельности (новые идеи, научные знания, теоретические и методологические подходы и др.) и научный кадровый ресурс (часть педагогической общественности – ученых и творчески активной части специалистов, обладающая способностью создавать этот продукт), во многом зависимые от состояния научно-педагогической деятельности, относятся к числу важнейших внутренних факторов системы образования, определяющих ее модернизацию. В связи с этим научно-исследовательскую деятельность можно рассматривать как процесс развития основных ресурсов научного потенциала, включающий: цель – совершенствование системы образования и развитие основных ресурсов ее научного потенциала; средства – методологические подходы, научные методы и исследовательский инструментарий и др.; сам процесс преобразования и его результат – фонд теоретических положений, методологических подходов, практических рекомендаций, научно-исследовательских методов; подготовленные научные кадры высшей квалификации, соответствующие требованиям современного социально-экономического развития страны.

Необходимость активизации научно-педагогической деятельности, направленной на комплексное решение задач совершенствования системы образования и развитие ресурсов ее научного потенциала, предполагает адекватное управление этим процессом. Координация развития ресурсов, прежде всего научно-информационного и кадрового, возможна с использованием научной информации – системы объективных знаний о процессе, условиях и результатах научно-исследовательской деятельности. Ценность такой информации, отражающей решение задач современной системы образования и составляющей базу ее инновационного развития, в возможности прогнозирования исхода различных преобразований на основе развивающихся ресурсов, а также в своевременной корректирующей деятельности. Поэтому исследование процесса развития научно-информационного и научного кадрового ресурсов, в значительной мере определяющих развитие педагогики и процесс модернизации системы образования, актуально.

Решение этой комплексной проблемы, направленной на выявление существенных внутренних связей системы образования, обеспечивающих комплексное решение задач ее совершенствования и создание условий адекватного управления развитием ресурсов научного потенциала, предполагает теоретическую систематизацию объективных знаний о состоянии научной деятельности и ее результатах, т.е. оценку «достигнутого». «Отрасль исследований, изучающая закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами, относится к компетенции науковедения» [1. С. 406], и прежде всего к одной из ее областей – наукометрии, использующей количественные методы для изучения процесса развития науки. Поскольку к основным задачам науковедения относятся изучение процесса производства научных знаний, выявление оптимальных форм организации науки, достижение высокой эффективности научно-исследовательской деятельности, то «фундаментальная наука, все более проникая и в систему образования, становится основой совершенствования традиционной научно-педагогической деятельности» [2. С. 3]. Решения различных проблем педагогического науковедения и наукометрии отражены в трудах В.И. Мареева [Там же], А.И. Пискунова [3], В.М. Полонского [4], Л.М. Сухоруковой [5] и других ученых. Отмечая широкий спектр исследований в этой области, необходимо указать на недостаточную теоретико-методологическую разработанность проблемы более полного изучения и эффективного использования информации о результатах научно-педагогической деятельности, прежде всего, для ее координации. Поэтому в современных социально-экономических условиях развития страны и модерни-

зации системы образования необходима разработка теоретических и практических основ наукометрического исследования научно-педагогической деятельности, направленного на решение проблемы координации развития ее научного потенциала.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – обоснование теоретико-методологического подхода и разработка научно-методического обеспечения наукометрического исследования результатов научно-педагогической деятельности (основы развития педагогики и модернизации системы образования).

Для достижения цели решены следующие задачи: обоснованы научно-методологические концепты формирования системы научных знаний в области развития научно-информационного и кадрового ресурсов; разработан наукометрический аппарат многокритериального анализа и синтеза ретроспективной многопараметрической информации о научно-педагогической деятельности; сформированы структурно-количественные модели развития ресурсов научного потенциала системы образования, интегрирующие и наглядно отображающие параметры нескольких показателей динамических характеристик научно-педагогической деятельности.

Теоретические и методологические основы исследования. При обосновании теоретических положений, методологии и в процессе разработки методик наукометрического исследования результатов научно-педагогической деятельности нами использованы принципы, положения и требования философской, общенаучной (системный подход и методы системного анализа – моделирование, методы математической статистики и др.) и конкретно-научных методологий, а также их исследовательский аппарат.

Учитывая определяющее значение философской методологии во всех видах деятельности, в том числе и развитии науки, обоснована необходимость использования ее отдельных принципов, требований и категорий при исследовании проблем образования. Так, принцип диалектики – «всеобщая связь, становление и развитие бытия и познания и основанный на этом учении метод творчески познающего мышления» [1. С. 154] – использован в качестве методологической основы решения проблемы развития и эффективного использования ресурсов научного потенциала. Необходимость адекватного управления их формированием предполагает не только наличие объективной научной информации об исследуемом процессе, но и глубокое понимание философских категорий «абстрактная и реальная возможность» [Там же. С. 87–88] в его развитии. Различие данных понятий в том, что абстрактная возможность характеризует отсутствие принципиальных препятствий для развития объекта, а реальная предполагает для своей реализации все необходимые условия. Поэтому, учитывая, что «… целостность объекта, обладающего сложной внутренней структурой, выражает интегрированность, самодостаточность и автономность его составляющих» [Там же. С. 763], успешность модернизации системы образования страны определяется совокупностью условий перехода абстрактной возможности развития ресурсов научного потенциала в реальную во всех ее субъектах.

Поскольку модернизация образования базируется на новациях, полученных, как правило, в результате научных исследований, то характеристика научно-педагогической деятельности в стране отражает процесс совершенствования образования, являясь его моделью. Теоретические результаты, практические разработки и рекомендации способствуют накоплению информации по решению актуальных проблем образования в стране. Однако научные знания имеют жизненный смысл лишь в том случае, если они внедряются в практику. «Практика является источником научного познания, его движущей силой, дает познанию необходимый фактический материал, подлежащий обобщению и теоретической обработке» [1. С. 523]. Поэтому непременными условиями развития любой деятельности, в том числе и в области образования, являются создание и эффективное использование научных знаний. Несомненно, творческий процесс научно-исследовательской и образовательной деятельности доступен только для компетентного специалиста. Для обеспечения возможности получения объективных научных результатов, внедрения идей и современных технологий педагогам необходимо овладеть методологией и методами научного исследования – свободно ориентироваться в системе научных методов и технологиях их применения (в образовательной и научно-исследовательской деятельности), иметь четкое представление о понятийном аппарате исследования. И поскольку одним из основных условий преобразующей деятельности человека являются «глубокие, сущностные и всесторонние знания» [Там же. С. 192], то это обусловливает необходимость создания условий постоянного роста методологической культуры педагогов. Подготовка научно-педагогических кадров, а также высококвалифицированных специалистов, владеющих глубокими научными знаниями и творчески применяющих их в научной и образовательной деятельности, обеспечит развитие ресурсов научного потенциала и будет способствовать эффективной модернизации образования. В связи с этим формирование у специалистов компетенций к осуществлению научно-исследовательской деятельности с использованием существующего и оперативно пополняемого арсенала учебных и методических материалов является одной из важнейших задач высшей школы.

Таким образом, наряду с ростом финансирования и совершенствованием материально-технической базы системы образования, возрастает необходимость обеспечения условий дальнейшего усиления единства процессов подготовки высококвалифицированных специалистов, постоянного пополнения научных знаний и их эффективного использования, в том числе для адекватной координации этой деятельности. Путем теоретического осмысления педагогического наследия, отдельных категорий, положений и требований философской, общенаучной и педагогической методологий нами обосновано содержание ряда понятий – концептов, которые и определили общую идею решения указанной проблемы. Прежде всего, это:

– условие инновационного развития системы образования – непрерывность формирования научных

знаний и совершенствования подготовки специалистов;

– основа преобразующей деятельности человека – достижение глубоких, сущностных и всесторонних знаний, обеспечивающих формирование его профессиональных и научно-исследовательских компетенций;

– важнейшее условие повышения эффективности научной и образовательной деятельности – формирование системы научных знаний о существующем и непрерывно пополняемом научно-исследовательском арсенале;

– достижение эффективного использования научно-методического обеспечения научной и образовательной деятельности – совершенствование учебных программ системы подготовки кадров;

– основание объективной оценки состояния и выявления направлений дальнейшего развития ресурсов научного потенциала – интеграция множества результатов исследований постоянного разрешения отдельных противоречий между актуальными требованиями повышения качества образования и возможностями реализации их в конкретных условиях образовательной среды;

– база адекватного управления развитием ресурсов научного потенциала системы образования – синтез достижений педагогики и усиление единства постоянного пополнения результатов научно-исследовательской деятельности и их эффективного использования;

– движущая сила познания – обеспечение взаимосвязи эмпирического и теоретического научного познания, дающих фактический материал и возможность выявления тенденций развития, структуризации и осмысления полученных результатов;

– научное обоснование совокупности условий перехода абстрактной возможности развития ресурсов научного потенциала в реальную – выявленные на основе наукометрических исследований характеристики ресурсов научного потенциала системы образования;

– целостное развитие системы образования – координация и научное управление формированием ресурсов ее научного потенциала во всех субъектах страны.

Такой подход к развитию и эффективному использованию ресурсов научного потенциала системы образования вызывает необходимость привлечения усилий научных коллективов территориальных образований к активному участию и в организаторской деятельности. Основу адекватной координации должна составлять система объективных научных знаний по оценке «достигнутого» за определенный период, создаваемая при детальном изучении результатов научной деятельности. Важнейшие источники научной информации – достоверные сведения о научно-педагогической деятельности за анализируемый период, и прежде всего о диссертационных исследованиях, представленных к защите. Уникальность множества этих источников – в отражении происходящих процессов в системе образования и возможности получения объективной оценки их развития. В качестве составляющих индикаторов научно-педагогической деятельности использованы выходные данные авторефератов диссертационных исследований: тема; ученая степень соискателя – кандидат или доктор; отрасль науки, по которой присуждается степень – педагогика, психология, экономика, философия и др.; шифр специальности, регламентирующий область исследований; шифр универсальной десятичной классификации (УДК), отражающий тематическое направление исследования и др.

В основе методологического подхода создания системы объективных научных знаний как основания адекватной координации развития важнейших ресурсов научного потенциала использованы следующие основные положения:

– выявленные тенденции могут быть достоверными только на основе анализа информации генеральной совокупности или множества статистических данных в репрезентативных выборках (закон больших чисел – Я. Бернулли);

– основой изучения больших массивов информации при проведении наукометрических исследований является информационно-целевой анализ, направленный на выявление структурных единиц – индикаторов изучаемых характеристик, способствующих комплексному исследованию процесса и результатов;

– максимальное извлечение достоверных сведений о тенденциях развития научного потенциала системы образования страны и ее отдельных территорий достижимо на основе многокритериального анализа и синтеза многопараметрической информации о научно-педагогической деятельности;

– представление исходной информации на основе структуризации исследуемого процесса, а результатов наукометрического исследования – в виде структурно-количественных моделей;

– характеристики структурно-количественных моделей составляют научно-информационную базу обоснования направлений и приоритетов роста определенных ресурсов научного потенциала.

Итак, основанием адекватной координации развития научно-информационного и кадрового ресурсов научного потенциала должны быть результаты наукометрического исследования ретроспективной и непрерывно пополняемой многопараметрической научной информации о научно-педагогической деятельности в стране и ее территориальных образованиях.

Основные результаты исследования. Исследование развития ресурсов научного потенциала высшей школы проводилось на основе информации о диссертационных исследованиях в области образования (Образование. Воспитание. Обучение. Организация досуга), представленных к защите с 2001 г. Именно для начала XXI в. характерна активизация решения задач совершенствования образования, развития кадрового ресурса вузов и становления научных школ во всех субъектах страны. Постановления Правительства России, стимулирующие подготовку специалистов высшей квалификации по всем направлениям образовательной деятельности, обусловили интенсификацию решения проблем образования. Активизации научно-исследовательской деятельности также спо-

собствовала реализация личностно ориентированного образования. Данная парадигма предполагает оптимизацию образовательного процесса путем учета социальных, национальных и других особенностей отдельных регионов и народов страны, но, прежде всего, интересов развивающейся личности.

Для отражения процесса развития научного потенциала высшей школы как основы модернизации системы образования важны не только показатели состояния научно-педагогической деятельности, но и оценка ее динамики. Наглядно эта научная информация может быть представлена в виде структурно-количественных моделей, отражающих ряд показателей. Так, распределение исследований, представленных к защите в советы страны, по отраслям наук и специальностям педагогики отражает системность решения проблем образования и тенденции развития научно-информационного и кадрового ресурсов научного потенциала за анализируемый период (рис. 1).

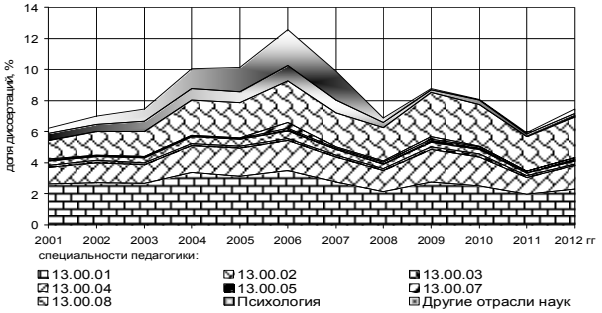

Рис. 1. Распределение диссертаций в области образования, представленных к защите в советы РФ, по отраслям наук и специальностям педагогики

Поскольку спектр решаемых проблем ограничивается не только актуальными задачами совершенствования образования, но и возможностями научно-педагогических школ страны и другими факторами, то распределение диссертаций по областям исследований существенно отличается. Значительное внимание до 2006 г. уделялось проблемам, составляющим содержание специальности 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: подходы и направления по обоснованию и реализации педагогических концепций, систем; создание условий, способствующих развитию личности; использование отечественных и зарубежных исторических и этнических традиций образования в современных условиях и др. Весьма значима разработка теоретико-методологических основ теории, методики и технологии предметного образования на всех уровнях системы и в разных образовательных областях – исследования по специальности 13.00.02. Они ориентированы на решение актуальных проблем модернизации образования и продиктованы непрерывно меняющимися потребностями развивающейся личности и запросами общества и государства. Рост качества подготовки и переподготовки специалистов всех уровней (исследования по специальности 13.00.08), также невозможен при несоответствии технологии предметного образования социокультурной и экономической ситуации развивающегося общества. Реакцией науки на возрастающие требования к качеству образования стало системное решение задач подготовки педагогических кадров для всех отраслей производства. Это предопределило расширение спектра проводимых исследований в области образования не только по педагогике, психологии, но и по другим отраслям наук – философии, экономике, социологии, культурологии и др. Количество ежегодно защищаемых диссертаций в соответствующих советах к 2006 г. значительно возросло. Однако, отмечая рост числа исследований по отдельным направлениям, необходимо отметить недостаточность внимания научно-педагогических школ к исследованию части вопросов, входящих в комплексную систему непрерывного образования. Малая доля и отсутствие положительной динамики роста количества диссертаций по теории, методике и организации социально-культурной деятельности (13.00.05), теории и методике дошкольного образования (13.00.07), а также по проблемам коррекционной педагогики (13.00.03) может быть отражением незначительного количества научных школ, соответствующих диссертационных советов и неравномерного распределения их по стране. Кроме того, немаловажным фактором является и весьма скромное материальное стимулирование сотрудников, защитивших диссертации и непосредственно занятых в учебно-воспитательных учреждениях культуры и образования (в том числе дошкольных).

Различную динамику числа ежегодно защищаемых исследований по специальностям педагогики и другим отраслям наук можно объяснить разным исходным состоянием, числом и активностью деятельности научных школ и другими факторами. Конечно, активность развития ресурсов научного потенциала во многом зависит от внутренних факторов системы образования. Но характерные изменения тенденций их развития определяют и внешние условия, в том числе организаторская деятельность федеральных и региональных органов власти и управления. Снижение количества защищаемых исследований с 2007 г. присуще для всех отраслей наук (см. рис. 1), но в наибольшей мере для исследований непрофильных организаций, способствующих системному решению проблем образования. Кроме того, необходимо отметить, что тенденция к сокращению числа ежегодно защищаемых исследований, способствующих развитию педагогики и повышающих ее роль как науки (специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»), снижает возможность обоснования основополагающих направлений решения актуальных задач модернизации образования. Сокращение числа ежегодно защищаемых диссертаций и усложнение организации их защиты – путь к замедлению роста научно-информационного и кадрового ресурсов высшей школы, а следовательно, нарушение воспроизводства научно-педагогических кадров.

Реализация философско-педагогической концепции непрерывного образования, рассматриваемой как процесс, охватывающий всю жизнь человека, а также как аспект образовательной практики с использованием всех ступеней и уровней образования, предполагает анализ результатов научно-педагогической деятельности по

тематическим направлениям. Указанный анализ и синтез научной информации выполнен нами для научно-образовательного пространства Российской Федерации с использованием специальных определителей раздела УДК 37 – «Образование. Воспитание. Обучение. Организация досуга». Количественная оценка научно-информационного ресурса, отражаемая в виде динамики и структуры исследований по тематическим направлениям, характеризует актуальные проблемы образования и приоритеты их решения (рис. 2, 3).

Рис. 2. Динамика исследований по тематическим направлениям в области образования (УДК 37), представленных в диссертационные советы РФ

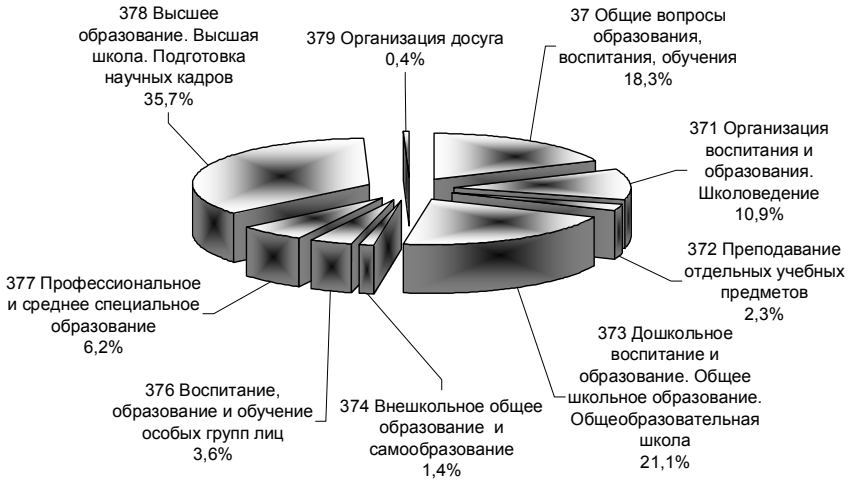

Рис. 3. Структура диссертационных исследований по тематическим направлениям в области образования за 2001–2012 гг.

Существенное пополнение научно-информационного ресурса системы образования происходит за счет исследований по решению проблем высшего образования и подготовки научных кадров. Доля таких работ около 36% от общего числа работ за анализируемый период. Это вызвано постоянным ростом требований к качеству образования, квалификации специалистов, готовности их к вхождению в высокотехнологичное производство, мобильности кадров и т.д., а также необходимостью усиления научных школ. Разумеется, реализация этих требований возможна при непрерывном развитии как научно-информационного, так и кадрового ресурса, в том числе за счет научно-исследовательской деятельности специалистов высшей квалификации. На решение проблем общеобразовательной школы и дошкольных учреждений – создание условий повышения уровня знаний обучающихся, направлено более 21% диссертационных исследований. Совершенствование образовательных программ на этих ступенях и обеспечение их преемственности является определяющим условием в формировании личности, социализации обучающихся. Особенность результатов исследований по тематическому направлению «Общие вопросы образования, воспитания, обучения» (доля работ более 18%) в их универсальности и возможности использования при совершенствовании образовательного процесса на разных ступенях и уровнях обучения

(в различных типах учреждений) и при разных формах получения образования. Поскольку спектр этого направления обширный, то при возрастающей сложности образовательных задач наметившаяся тенденция снижения их доли в общем количестве диссертаций вызывает озабоченность.

Итак, динамика числа диссертационных исследований по тематическим направлениям отличается по годам, но наглядно просматривается доминирование работ по проблемам: «Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров»; «Дошкольное воспитание и образование. Общее школьное образование. Общеобразовательная школа»; «Общие вопросы образования, воспитания, обучения». Общая доля таких работ составляет около 75% от количества представленных к защите исследований. В то же время отмечена незначительная доля исследований по направлениям: «Профессиональное и среднее специальное образование»; «Образование внешкольное и особых групп лиц».

Учитывая, что инновационное развитие страны возможно только при постоянном развитии всесторонних научных знаний и совершенствовании подготовки специалистов для различных отраслей науки и производства, соответствующих требованиям современной социально-экономической ситуации в стране, активизация научно-педагогической деятельности по всем тематическим направлениям, безусловно, положительное явление. Системное решение задач модернизации образования на базе разработанных теоретических положений, методологических подходов и методических материалов, научно-исследовательского инструментария – необходимое условие развития системы образования и выбора направлений ее успешного совершенствования.

Выводы. Таким образом, необходимость устойчивого формирования ресурсов научного потенциала системы образования во всех субъектах страны как требование целостности его развития обусловила разработку концептуальных, методологических и методических основ решения этой комплексной проблемы. Эффективная организаторская деятельность как возможность адекватного управления формированием научного потенциала предусматривает теоретическую систематизацию объективных знаний о состоянии и результатах научно-педагогической деятельности в стране. Предложенный методологический подход к оценке научного потенциала системы образования (опосредованное раскрытие условий активизации ее собственных возможностей), базирующийся на адекватности характеристик его ресурсов и показателей развития доминирующего фактора – множества результатов научной деятельности, способствует расширению спектра наукометрических исследований. Различные основания классификации диссертационных работ (по областям исследований, тематическим направлениям и др.) и разработанная система показателей, характеризующих научно-исследова-тельскую деятельность в решении проблем образования, позволяют провести ее системную оценку на уровне страны и отдельных субъектов.

Объективная научно-информационная база координации научно-педагогической деятельности – результаты наукометрических исследований в виде числовых характеристик и комплекса структурно-количественных моделей развития ресурсов научного потенциала системы образования страны, интегрирующих и наглядно отображающих параметры нескольких показателей, будет способствовать принятию обоснованных решений по созданию комплекса условий ее совершенствования. Результаты наукометрических исследований обеспечат возможность адекватной координации научно-педагогической деятельности, в том числе межрегиональной, и будут способствовать формированию общественного мнения в пользу поддержки ее определенных направлений. Это обеспечит эффективную организацию фандрайзинга и координацию академической мобильности ученых для расширения спектра исследований и становления новых научных школ в субъектах страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Мареев В.И. Теоретические основы исследовательской деятельности преподавателей педагогического вуза : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Волгоград, 1999. 47 с.
3. Методы педагогических исследований / под ред. А.И. Пискунова, Г.В. Воробьева. М. : Педагогика, 1979. 256 с.
4. Полонский В.М. Белка в колесе: почему педагогика стоит на месте // Мир образования – образование в мире. 2006. № 3. С. 168–175.
5. Сухорукова Л.М. Научные школы в педагогической науке Юга России : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 1999. 47 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 30 января 2018 г.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE SCIENTOMETRIC RESEARCH OF EDUCATIONAL RESEARCH ACTIVITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 189–195.
DOI: 10.17223/15617793/429/24

Olga N. Kiryushina, Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (Taganrog, Russian Federation). E-mail: kiryshina@bk.ru

Keywords: scientific potential; resources; scientific research activity; scientometric research; structural and quantitative models.

This article is devoted to the problem of the formation of the important resources of scientific potential of the education system. Among them, the author distinguishes a scientific and information resource as a direct product of intellectual activity (new knowledge, ideas, etc.), and a personnel resource, part of the pedagogical community with an ability to create this product. As the condition of these resources is determined by educational research activity, coordination of their development is possible with the use of a system of objective scientific knowledge of it results. The aim of the study was the substantiation of the theoretical and methodological approach and development of the research and methodological support of a scientometric research of results of educational

research activity. To achieve this aim, the following objectives were accomplished: the research and methodological concepts of the development of scientific potential resources were grounded; the scientometric apparatus for the study of retrospective multiparameter information was developed; structural and quantitative models for the development of scientific and information and personnel resources were created. The research was based on the principles, provisions and requirements of philosophical, general scientific and specific scientific methodologies and on their research apparatus. The most significant results of the study are related to the justification of theoretical provisions, concepts, approaches, the construction of models and the development of methods that further improve the theory and methodology of pedagogy. The scientometric research of results of modern educational research activity conducted by the author has allowed to reveal tendencies of the development of resources of scientific potential and to draw the following conclusions. The beginning of the 21st century is characterized by an active inclusion of the pedagogical community of the country, research schools of pedagogical psychology and non-core institutions of different branches of sciences in the system solution of education modernization problems; by domination of dissertation research works on problems of general pedagogy, history of pedagogy and education, theory and methods of professional education; by insufficient attention of research schools to the problems of theory and methods of preschool education, organization of social and cultural activity, correctional pedagogy. In the replenishment of the scientific information resource, the author notes the prevalence of studies on the problems of thematic areas "Higher Education. Training of Scientific Personnel" and "General Schools and Preschools". This is the reaction of science to the increasing demands on the quality of education. The results of a scientometric research will ensure an adequate coordination of the development of scientific potential; optimization of the "academic mobility" of researchers; effective organization of fundraising.

REFERENCES

1. Il'ichev, L.F., Fedoseev, P.N., & Kovalev, S.M. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
2. Mareev, V.I. (1999) *Teoreticheskie osnovy issledovatel'skoy deyatel'nosti prepodavateley pedagogicheskogo vuza* [Theoretical bases of research activity of teachers of pedagogical higher school]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Volgograd.
3. Piskunov, A.I. & Vorob'ev, G.V. (eds) (1979) *Metody pedagogicheskikh issledovaniy* [Methods of pedagogical research]. Moscow: Pedagogika.
4. Polonskiy, V.M. (2006) Belka v kolese: pochemu pedagogika stoit na meste [A hamster in a spinning wheel: why pedagogy is at a stop]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 3. pp. 168–175.
5. Sukhorukova, L.M. (1999) *Nauchnye shkoly v pedagogicheskoy nauke Yuga Rossii* [Research schools in the pedagogical science of the South of Russia]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Rostov-on-Don.

Received: 30 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 196–202. DOI: 10.17223/15617793/429/25

УДК 378

А.В. Лейфа

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ: СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ИХ ОЦЕНКА

Статья посвящена рассмотрению структуры физической активности и качества жизни субъектов образовательного процесса. Под качеством жизни субъектов образовательного процесса вуза понимается система жизненных ценностей, характеризующих образовательную и профессиональную деятельность, удовлетворение потребностей, личностное развитие студентов и преподавателей в аспекте удовлетворенности их жизнью, социальными отношениями и окружающей образовательной, социальной и личной средой, при этом важное значение в его повышении играет целенаправленная физическая активность. Присутствие в определении качества жизни понятия «система» свидетельствует, что основным методом оценки и изучения компонентного состава качества жизни является системный анализ – совокупность научных методов и практических приемов решения проблемы на основе системного подхода и представления объекта исследования в виде системы.

Ключевые слова: активность; физическая активность; здоровье; качество жизни; субъекты образовательного процесса.

Введение. В период поступательного развития любого общества важное значение имеют гуманистические ценности и повышение качества жизни людей. Качество жизни человека во многом определяется его физической активностью и здоровьем. В новых условиях развития России возрастает социальная роль физической активности в обществе, усиливается ее значение в формировании здорового образа жизни и повышении качества жизни человека.

Основными субъектами образовательного процесса в вузе являются студенты и преподаватели. В Федеральной целевой программе «Молодежь России» качество жизни молодежи определено как результирующий системный показатель эффективности молодежной политики в его взаимосвязи с развитием страны. В стратегии государственной молодежной политики до 2016 г. улучшение качества жизни молодежи определено как стратегическая задача. Именно на повышение качества жизни должны быть направлены усилия науки и образования. В данном аспекте сами студенты высших учебных заведений заинтересованы в повышении качества собственной жизни с позиции активной жизни, получения качественного профессионального образования, достижения должного уровня профессиональной готовности и др.

Повышение качества жизни профессорско-преподавательского состава вузов является важной задачей современной системы образования. Изменение системы высшего образования, требований к реализации Государственных образовательных стандартов высшего образования, содержания образования, выполнение ролей «преподавателя», «воспитателя», «ученого» предъявляют повышенные требования к их научно-профессиональной деятельности. Большое психоэмоциональное напряжение, низкая двигательная активность оказывают неблагоприятное воздействие на основные функциональные системы организма, а следовательно, на снижение уровня здоровья и качества жизни.

Физической активности человека посвящено значительное количество научных работ. Физическая активность понимается как целенаправленная и регулярная двигательная деятельность, направленная на повышение физического состояния человека, функциональной деятельности организма, а следовательно, здоровья. Установлено, что физическая активность умеренной и высокой интенсивности прямо и опосредованно способствует сохранению и укреплению здоровья и повышению качества жизни [1–8 и др.].

В то же время физической активностью в России регулярно занимается только 20–30% студенческой молодежи, тогда как в экономически развитых странах мира этот показатель составляет 40–60% [9]. Снижение уровня физической активности школьников и студентов при одновременном повышении нервно-эмоционального напряжения приводит к ухудшению состояния здоровья, а следовательно, и качества их жизни.

Среди преподавателей, особенно после достижения 45–50-летнего возраста, количество занимающихся физическими упражнениями хотя бы 30 мин в неделю резко снижается. Именно поэтому возрастной период преподавателей 40–49 лет в теории и методике физического воспитания и оздоровительной физической культуры характеризуется как наиболее важный, так как является некоторым переломным не только в возрастном и репродуктивном аспектах, но и в показателях функционального состояния, а также физической активности человека [10]. Здоровье и качество жизни лиц среднего возраста определяются не только биологическими, наследственными особенностями, но и социальными условиями, и зависят от многих факторов, среди которых ведущее место отводится двигательной активности. Эффективные занятия оздоровительной физической культурой в этот период, в том числе и общей физической подготовкой, позволяют не только улучшить или сохранить продолжительное время функциональные возможности мужчин на высоком уровне, но и создают надежные условия для формирования у них устойчивых мотивов и потребностей в физической активности на протяжении последующих лет жизни.

Под качеством жизни субъектов образовательного процесса вуза мы понимаем систему жизненных ценностей, характеризующих образовательную и профессиональную деятельность, удовлетворение потребностей и личностное развитие студентов и преподавателей в аспекте удовлетворенности их жизнью, социальными отношениями и окружающей образовательной, социальной и личной средой; при этом важное значение в его повышении играет целенаправленная физическая активность. Присутствие в определении

качества жизни понятия «система» свидетельствует, что основным методом оценки и изучения компонентного состава качества жизни является системный анализ – совокупность научных методов и практических приемов решения проблемы на основе системного подхода и представления объекта исследования в виде системы.

Цель проведенного исследования – рассмотрение современной структуры физической активности и качества жизни субъектов образовательного процесса в вузе, критериев и уровней их оценки.

Основные результаты. Физическая активность субъектов образовательного процесса в вузе обусловлена как внутренними (потребность в движении), так и внешними причинами (влияние среды) и направлена не только на сохранение, но и на совершенствование биосоциокультурной системы, элементом которой является сама личность субъекта.

Основными структурными компонентами физической активности как деятельности являются потребности. С одной стороны, они проявляются в виде недостатка физической активности, необходимой для поддержания и усиления жизнедеятельности субъекта на этапе его обучения и выполнения профессиональной деятельности в вузе. С другой стороны, потребность в физической активности является для студентов важным компонентом успешности будущей профессиональной деятельности, поскольку формирует мощную мотивацию к сохранению и укреплению здоровья, улучшению физического развития, физической подготовленности, физической и умственной работоспособности, а следовательно, к достижению должного уровня профессиональной готовности и повышению качества жизни.

Мотивация к физической активности базируется на потребности в движениях, выполнении физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности, ведении здорового образа жизни. Отличающийся от других видов деятельности предмет физической активности придает ей особую специальную направленность. Необходимо понимать, что физическая активность субъекта образовательного процесса является деятельностью только тогда, когда ее формы, методы, средства и объемы направлены на обеспечение специальных физкультурно-спортивных знаний и методических умений, на формирование рациональных двигательных умений и навыков, необходимых в жизни и профессии, на развитие физических качеств, способности противодействовать влиянию неблагоприятных факторов внешней среды, на сохранение и укрепление здоровья, улучшение физического развития, физической подготовленности и работоспособности.

В высших учебных заведениях именно физическая активность субъекта образовательного процесса становится основным социальным средством, обеспечивающим сохранение и сбережение здоровья, всестороннее физическое развитие, физическое совершенствование, формирование здорового образа жизни, содействие профессиональной готовности и профессионального мастерства как основных составляющих повышения их качества жизни. Обязательные и дополнительные формы физического воспитания в вузе направлены на приобретение субъектами образовательного процесса определенной суммы специальных знаний, методических и двигательных умений, которые позволят осуществлять целенаправленную и регулярную физическую активность.

Структурные элементы физической активности и входящие в ее состав предметные и личностные действия обладают высокой значимостью в жизнедеятельности субъектов образовательного процесса в вузе в период обучения и профессиональной деятельности.

Значимость фиксирует присущие обществу культурные нормы и взаимоотношения человека с внешним миром. Она обеспечивает регуляцию физической активности субъектов образовательного процесса, создавая возможности для освоения социального опыта в этой сфере и обеспечивая осознание предметных ценностей через познание, общение, обучение, игру. Регуляция физической активности требует постоянного личного отношения субъектов образовательного процесса к этой деятельности. Только усвоив ее значение, субъект может реализовывать свои действия (умственные, двигательные и т.д.) без специальной личностной оценки их значимости.

Личностные ценности физической культуры выполняют функцию регулирования в индивидуальной деятельности и характеризуют вариативность индивидуальных проявлений физической активности. Физическая активность формируется не только с помощью соответствующих знаний, методических умений и навыков, двигательной деятельности, но и через осознание самой идеи физической активности, которая направлена на обогащение индивидуального опыта индивида [7]. В этом аспекте критерием результата физической активности субъекта образовательного процесса в вузе является степень осознанности и смысл приобретения знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления его жизнедеятельности. При этом преподаватель выступает еще и в роли педагога и воспитателя, который передает свои знания и жизненный опыт студентам.

По нашему мнению, качество жизни интегрирует в себе такие понятия, как «здоровье», «образ жизни», «здоровый образ жизни». Критериями качества жизни служат такие компоненты, как уровень психического, физического и духовного благополучия человека, определяющие его образ жизни и поведение. Качество жизни субъектов образовательного процесса необходимо рассматривать как междисциплинарную категорию, характеризующую эффективность всех сторон жизнедеятельности человека, фактический уровень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей, уровень его интеллектуального, культурного и физического развития, степень обеспечения комплексной безопасности жизни с учетом субъективной оценки индивидом различных сторон жизни. Функционирование систем «физическая активность–здоровье», «физическая активность–качество жизни» и «качество жизни–поведение» происходит при непрерывном совокупном взаимодействии объективных условий и субъективных характеристик. Среди объективных социальных условий ка-

чества жизни на основе социального взаимодействия физической активности и здоровья мы выделяем производственную сферу деятельности, т.е. способ производства материальных благ, в процессе которого человек реализует и воспроизводит свой физический, психический и духовный потенциал. К факторам формирования качества жизни мы относим взаимодействие физической активности и здоровья, которое зависит от персональных ценностей и установок человека и является «внутренним ориентиром и мотивом» к действиям конкретного индивида.

Таким образом, при рассмотрении структуры физической активности субъектов образовательного процесса в вузе необходимо выделить: мотивационный компонент (потребности, мотивы, интересы); компонент теоретических знаний о физической культуре и спорте и методических умений, создающих основу построения целенаправленной физической активности; компонент двигательной деятельности, включающий двигательные умения, навыки и направленный на повышение физического развития, физической подготовленности и работоспособности, а следовательно, на повышение качества жизни (рис. 1).

Рис. 1. Структура физической активности субъектов образовательного процесса в вузе

Каждый из рассмотренных компонентов физической активности непосредственно связан с формированием здорового стиля жизни и физического совершенства субъектов образовательного процесса в вузе как основных условий укрепления здоровья и содействия повышению качества их жизни. Основной формой реализации физической активности студентов являются обязательные учебно-тренировочные занятия в рамках урочной формы и физическая тренировка в рамках индивидуальных внеурочных занятий, для преподавателей – тренировка в группах «здоровья», общей физической подготовки, индивидуальные занятия.

В целом профессорско-преподавательский состав вуза составляет значительную часть работников умственного труда; его специфика состоит в том, что наряду с высокой научной, педагогической квалификацией и знанием предмета от педагога требуются высокая эрудиция, владение ораторским искусством, сосредоточенность, дисциплина. Наиболее сложный вид работы – чтение лекций, которое сопровождается нервно-психическим напряжением, требует устойчивого внимания, тонкого и точного взаимодействия всех анализаторных систем и высших психических функций. Причем профессии преподавателя вуза свойственны длительное сосредоточение внимания на одном или нескольких объектах наблюдения, способность к быстрому переключению внимания с одного объекта на другой, а также большой объем оперативной памяти и ее высокая загрузка [11]. Особенностью профессиональной деятельности преподавателя является выполнение роли наставника в широком смысле, поэтому одна из необходимых его задач – формирование у студентов потребности и мотивации к физической активности как важному средству, направленному на восстановление, сохранение, укрепление здоровья, а следовательно, на повышение качества жизни.

Таким образом, потребности в физической активности субъектов образовательного процесса в вузе необходимо рассматривать для выполнения профессиональных функций на высоком уровне и достижения высокого качества жизни.

Как нами уже было отмечено, физическая активность включает в себя следующие компоненты: мотивы, знания и методические умения, двигательные действия.

1. Мотивация к физкультурной деятельности – это состояние личности субъекта образовательного процесса в вузе, формирующееся в результате соотнесения им своих потребностей и возможностей с предметом физической активности и служащее основой для постановки и осуществления целей, направленных на достижение оптимального уровня физической подго-

товленности и работоспособности в процессе деятельности [12]. Мотивы к физической активности отличаются друг от друга видом потребности, формами (интересы, убеждения, стремления), содержанием двигательной деятельности, в которой они проявляются. Мотивация как побуждение к деятельности имеет количественные и качественные уровни. Для выявления потребности и мотивации субъектов образовательного процесса в вузе к физической активности была использована анкета, применявшаяся в ранее проведенных исследованиях, в основу были положены рекомендации, соответствующие требованиям, предъявляемым к социально-педагогическим исследованиям [13]. Анкета состоит из блоков вопросов, дающих возможность оценить потребностно-мотивационную сферу студентов к физической активности.

При интерпретации данных анкетирования нами была применена система оценки изучаемых компонентов физкультурно-оздоровительной деятельности [14].

Для определения уровня выраженности потребностно-мотивационного компонента физической активности был применен способ Руппа: первый уровень (недопустимый) – менее 2,5; второй уровень (критический) – 2,5–3,3; третий уровень (допустимый) – 3,4–4,3; четвертый уровень (должный) – более 4,3.

2. Для выявления уровня сформированности теоретических знаний и методических умений компонента физической активности использовались специально разработанные тесты. Для измерения и оценивания результата нами разрабатывался эталон, под которым понимается полный и правильный способ выполнения заданной деятельности по всем операциям с указанием среди них важных [15].

Измерение и оценка усвоения знаний и методических умений проводились с помощью расчета коэффициента усвоения Ка по формуле:

$$Ка = a / p,$$

где а – количество правильно выполненных операций в решении задания; р – общее число операций.

Разработанный тест включал в себя по 10 вопросов для каждого уровня: первый – различения; второй – стандартного оперирования; третий – эвристический; четвертый – творческий. Для измерения знаний и умений Ка нормировали по интервалам и соотносили его с соответствующей оценкой по пятибалльной шкале (таблица).

Оценка по пятибалльной шкале на разных уровнях усвоения

Ка	Должный (IV)	Допустимый (III)	Критический (II)	Недопустимый (I)
	0,9–1	0,8–0,9	0,7–0,8	менее 0,7
Оценка	5	4	3	2

I уровень усвоения (a^1) – задания на опознание, различение или классификацию изучаемых объектов. II уровень (a^2) – задания на выявление умений воспроизводить информацию без подсказки, по памяти для решения типовых задач. К таким заданиям относятся вопросы-постановки, конструктивные, собственно типовые задачи. Задания уровня III (a^3) связаны с эвристической деятельностью, когда требуется какое-то предварительное преобразование усвоенных методик и их приспособление к ситуации в задаче, где она будет нетипичной. Задания уровня IV (a^4) выявляют творческие умения студента, т.е. его исследовательские возможности по получению новой информации. Это осуществляется за счет использования задач-проблем, в которых алгоритм решения неизвестен и не может быть прямо получен путем преобразования известных методик, как в случае эвристической деятельности.

3. Формой проявления двигательной деятельности на индивидуальном уровне является тренировка. Она направлена, прежде всего, на развитие двигательных способностей (физических качеств) и совершенствование биомеханической структуры движений (техники выполнения физического упражнения) [7]. Таким образом, двигательные способности и техника выполнения физического упражнения могут являться результатом реализации компонента двигательной деятельности в физической активности.

Двигательные способности оценивались по тестам, обязательным при определении физической подготовленности студентов высших учебных заведений. Для преподавателей использовали требования и нормы комплекса ГТО.

Представленные количественные показатели в баллах соответствовали следующим уровням двигательной деятельности по каждому показателю: первый уровень (недопустимый) – менее 2,5; второй уровень (критический) – 2,5–3,3; третий уровень (допустимый) – 3,4–4,3; четвертый уровень (должный) – более 4,3.

Уровень техники физического упражнения по видам двигательной деятельности определялся при помощи визуального наблюдения. Для каждой экспертной оценки были определены задача, технический элемент, способ проведения и приемы фиксации полученных данных.

Оценку техники физического упражнения проводили по методике В.П. Филина, А.С. Ровного [16], включавшей описание техники основных движений, классификацию эталонных требований и типичные ошибки, встречающиеся в практике изучаемых упражнений. Оценивание проводили по пятибалльной системе.

В процессе демонстрации техники двигательного действия на основе визуального наблюдения фиксировались допущенные ошибки и заполнялись контрольные листы.

Представленные количественные показатели технической подготовленности в баллах определяли уровни двигательной деятельности по каждому показателю: первый уровень (недопустимый) – (Ин) – менее 2,5; второй уровень (критический) – (Ик) – 2,5–3,3; третий уровень (допустимый) – (Ид) – 3,4–4,3; четвертый уровень (должный) – (Идол) – более 4,3.

Коэффициент двигательной деятельности определялся по формуле:

$$Кдд = \frac{Кдс + Ктп}{2},$$

где Кдд – коэффициент двигательной деятельности; Кдс – коэффициент двигательных способностей; Ктп – коэффициент технической подготовленности.

Коэффициент физической активности определялся по формуле:

$$Кфа = \frac{Км + Кзун + Кдд}{3},$$

где Кфа – интегральный показатель физической активности; Км – коэффициент мотивации; Кзун – коэффициент знаний и методических умений и навыков; Кдд – коэффициент двигательной деятельности.

Полученные баллы по всем компонентам физической активности усреднялись до среднеарифметического значения и ранжировались на следующие уровни: первый уровень (недопустимый) – менее 2,5; второй уровень (критический) – 2,5–3,3; третий уровень (допустимый) – 3,4–4,3; четвертый уровень (должный) – более 4,3.

Качество жизни субъектов образовательного процесса в вузе можно оценить опросником MOS SF-36 (русифицированная версия J.E. Ware, 1992) и опросником ВОЗКЖ-100. Опросник ВОЗКЖ-100 при заполнении позволяет определить 6 значений сфер, 24 значения субсфер, оценку общего восприятия качества жизни и здоровья и итоговую суммарную оценку связанного со здоровьем качества жизни преподавателя.

Опросник состоит из следующих сфер и субсфер: I. *Физическая сфера*: F1. Физическая боль и дискомфорт. F2. Жизненная активность, энергия и усталость. F3. Сон и отдых. II. *Психологическая сфера*: F4. Положительные эмоции. F5. Мышление, обучаемость, память и концентрация (познавательные функции). F6. Самооценка. F7. Образ тела и внешность. F8. Отрицательные эмоции. III. *Уровень независимости*: F9. Подвижность. F10. Способность выполнять повседневные дела. F11. Зависимость от лекарств и лечения. F12. Способность к работе. IV. *Социальные отношения*: F13. Личные отношения. F14. Практическая социальная поддержка. F15. Сексуальная активность. V. *Окружающая среда*: F16. Физическая безопасность и защищенность. F17. Окружающая среда дома. F18. Финансовые ресурсы. F19. Медицинская и социальная помощь (доступность и качество). F20. Возможности для приобретения новой информации и навыков. F21. Возможности для отдыха и развлечений и их использование. F22. Окружающая среда вокруг. VI. *Духовная сфера*: F24. Духовность / религия / личные убеждения.

Опросник ВОЗКЖ-100 при полном заполнении рассчитан на получение 6 значений сфер, 24 значений субсфер, оценки общего восприятия качества жизни и здоровья и итоговой суммарной оценки связанного со здоровьем качества жизни индивида.

Расчет значений сфер. Каждая субсфера вносит равный вклад в значение сферы, но все сферы имеют различное количество субсфер, поэтому для нормализации получаемых данных значение сферы равно среднему арифметическому значению всех входящих в нее субсфер:

Физическая сфера: I = (F1+F2+F3)/3.

Психологическая сфера: II = (F4+F5+F6+F7+F8)/5.

Уровень независимости: III = (F9+F10+F11+F12)/4.

Социальные взаимоотношения: IV = (F13+F14+F15)/3.

Окружающая среда:

V = (F16+F17+F18+F19+F20+F21+F22+F23)/8.

Духовная сфера: поскольку состоит только из одной субсферы, то ее значение равно значению этой субсферы.

Расчет общего качества жизни. Рассчитывается как сумма значений всех шести сфер:

I+II+III+IV+V+VI.

Общая оценка восприятия жизни рассчитывается как сумма входящих в нее вопросов:

G = G1+G2+G3+G4.

Результаты представлены в виде оценок в баллах – более высокая оценка указывает на более высокий уровень качества жизни.

Степени выраженности каждого компонента качества жизни обозначены, как «высокая», «выше среднего», «средняя», «ниже средней» и «низкая». При этом низкая степень показателя располагается в пределах 0–24 баллов, ниже среднего – 25–49, средняя – 50–74, выше среднего – 75–99, высокая – 100–120.

Заключение. Под качеством жизни субъектов образовательного процесса вуза необходимо понимать систему жизненных ценностей, характеризующих образовательную и профессиональную деятельность, удовлетворение потребностей и личностное развитие студентов и преподавателей в аспекте удовлетворенности их жизнью, социальными отношениями и окружающей образовательной, социальной и личной средой; при этом важное значение в его повышении играет целенаправленная физическая активность. Присутствие в определении качества жизни понятия «система» свидетельствует, что основным методом оценки и изучения компонентного состава качества жизни является системный анализ – совокупность научных методов и практических приемов решения проблемы на основе системного подхода и представления объекта исследования в виде системы.

При рассмотрении структуры физической активности субъектов образовательного процесса в вузе необходимо выделять: мотивационный компонент (потребности, мотивы, интересы); компонент теоретических знаний о физической культуре и спорте и методических умений, создающих основу построения целенаправленной физической активности; компонент двигательной деятельности, включающий двигательные умения, навыки и направленный на повышение физического развития, физической подготовленности и работоспособности, а следовательно, на повышение качества жизни.

Процесс формирования физической активности субъектов образовательной деятельности в вузе должен переходить от внешней деятельности во внутренний план сознания. Формирование физической активности в аспекте повышения качества жизни должно базироваться на действительности и реализовываться через активную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М. : Гардарики, 2006. 223 с.
2. Самсоненко И.В. Повышение качества жизни студентов с использованием атлетической гимнастики и информационных технологий : автореф. дис. … канд. пед. наук. Хабаровск, 2011. 24 с.
3. Лейфа А.В., Перельман Ю.М., Швецов М.Ю. Качество жизни, здоровье и физическая активность студенческой молодежи Дальнего Востока и Забайкалья. Благовещенск ; Чита : Орион, 2010. 204 с.
4. Лейфа А.В. Социальные основы формирования физической активности студенческой молодежи в аспекте их качества жизни // Физическое воспитание студентов. 2013. № 3. С. 35–41.
5. Железняк Ю.Д., Лейфа А.В., Перельман Ю.М. Взаимосвязь физической активности, здоровья и качества жизни студенческой молодежи // Теория и практика физической культуры. 2015. № 11. С. 41–43.
6. Токарь Е.В., Корчевский А.М. Технология повышения качества жизни преподавателей вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 131–134.
7. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека. М. : Теория и практика физической культуры, 2000. 275 с.
8. Leifa A.V., ZheleznyakInfluence Y.D. Of physical activity on students' life quality // Physical education of students. 2017. № 5. P. 244–248. DOI:10.15561/20755279.2017.0507.
9. Госн Валид. Комплексная методика физкультурно-оздоровительных занятий с мужчинами среднего возраста на основе интеграции средств футбола и общей физической подготовки (на материале подготовки работников промышленных предприятий) : дис. … канд. пед. наук. М., 2010. 196 с.
10. Пономарев Н.И. Некоторые проблемы функционирования развития теории физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1996. № 5. С. 55–58.
11. Копкарева О.О. Физиологическая оценка влияния факторов труда на состояние организма преподавателей вуза : дис. … канд. биол. наук. Тверь, 1999. 157 с.
12. Логинов С.И. Физическая активность: методы оценки и коррекции. Сургут : СурГУ, 2005. 342 с.
13. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методические проблемы социальной психологии. М. : Мысль, 1975. С. 25–63.
14. Тропников В.И. Структура и динамика мотивов спортивной деятельности : автореф. дис. … канд. психол. наук. Л., 1989. 24 с.
15. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М., 1989. 192 с.
16. Методы исследования в спорте : учеб. пособие / под ред. В.И.Филина, А.С. Ровного. Харьков : Основа, 1992. 142 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 ноября 2017 г.

PHYSICAL ACTIVITY AND LIFE QUALITY OF EDUCATIONAL PROCESS SUBJECTS IN THE UNIVERSITY: STRUCTURAL COMPONENTS AND THEIR ASSESSMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 196–202.
DOI: 10.17223/15617793/429/25

Andrei V. Leifa, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: Aleifa@mail.ru

Keywords: activity; physical activity; health; quality of life; subjects of educational process.

This article discusses the problems of assessing the physical activity of subjects in the educational process aimed at improving their life quality. The research was intended to justify the current structure of physical activity and the quality of life of university students and professors, the criteria and levels of their assessment. A case study for the research was Amur State University. The following theoretical methods were used in the research: literature overview, analysis and synthesis, induction and deduction, as well as comparative studies to prove the criteria, levels of physical activity and quality of life for subjects of the educational process in the university. The theoretical analysis and the empirical study made it possible to identify the following structural components of physical activity of university students and professors which increased their life quality: motivational (needs, motives, and interests), theoretical knowledge about physical culture and sports, methodological skills and motor activity. To assess the quality of life of subjects of the educational process in the university, it was necessary to use two questionnaires: MOS SF-36 (Russian version of J.E. Ware, 1992) and the WHO QLQ-100 questionnaire. These questionnaires allowed estimating six values of spheres, twenty four values of subspheres, an estimate of the overall perception of the quality of life and health, and the total pooled estimate of the health-related quality of life of educational process subjects. Despite the fact that physical activity is aimed at maintaining and improving health, physical development, physical fitness and working efficiency, the issue of shaping physical activity of the participants of the educational process in the university has not been considered in terms of improving their life quality. This fact proves that the research is relevant enough. The process of shaping physical activity in the university should change from an external activity to the internal plan of consciousness. This process aimed at improving students' and professors' quality of life should be based on the reality and implemented through their vigorous activities. The results of this research can be used by scholars and university professors to argumentatively assess physical activity and the life quality of educational process subjects in the university.

REFERENCES

1. Liga, M.B. (2006) *Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noy bezopasnosti* [Quality of life as the basis of social security]. Moscow: Gardariki.
2. Samsonenko, I.V. (2011) *Povyshenie kachestva zhizni studentov s ispol'zovaniem atleticheskoy gimnastiki i informatsionnykh tekhnologiy* [Improving the quality of life of students with the use of athletic gymnastics and information technology]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Khabarovsk.
3. Leyfa, A.V., Perel'man, Yu.M. & Shvetsov, M.Yu. (2010) *Kachestvo zhizni, zdorov'e i fizicheskaya aktivnost' studencheskoy molodezhi Dal'nego Vostoka i Zabaykal'ya* [Quality of life, health and physical activity of students of the Far East and Transbaikalia]. Blagoveshchensk; Chita: Orion.
4. Leyfa, A.V. (2013) The social basis of the development of physical activity of students in terms of their quality of life. *Fizicheskoe vospitanie studentov – Physical Education of Students*. 3. pp. 35–41. (In Russian).
5. Zheleznyak, Yu.D., Leyfa, A.V. & Perel'man, Yu.M. (2015) Cohesion of physical activity, health and quality of life of students. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 11. pp. 41–43. (In Russian).
6. Tokar', E.V. & Korchevskiy, A.M. (2016) Technology for improving the quality of life of university teachers. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (134). pp. 131–134. (In Russian).
7. Bal'sevich, V.K. (2000) *Ontokineziologiya cheloveka* [Human ontokinesiology]. Moscow: Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury.
8. Leifa, A.V. & Zheleznyak, Y.D. (2017) Influence of physical activity on students' life quality. *Physical Education of Students*. 5. pp. 244–248. DOI:10.15561/20755279.2017.0507

9. Gosn Valid. (2010) *Kompleksnaya metodika fizkul'turno-ozdorovitel'nykh zanyatiy s muzhchinami srednego vozrasta na osnove integratsii sredstv futbola i obshchey fizicheskoy podgotovki (na materiale podgotovki rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy)* [Complex methods of physical culture classes with middle-aged men on the basis of integration of football and general physical training (on the basis of training of industrial workers)]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
10. Ponomarev, N.I. (1996) Nekotorye problemy funktsionirovaniya razvitiya teorii fizicheskoy kul'tury [Some problems of the functioning of the development of the theory of physical culture]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 5. pp. 55–58.
11. Kopkareva, O.O. (1999) *Fiziologicheskaya otsenka vliyaniya faktorov truda na sostoyanie organizma prepodavateley vuza* [Physiological assessment of the influence of labor factors on the state of the body of university teachers]. Biology Cand. Diss. Tver.
12. Loginov, S.I. (2005) *Fizicheskaya aktivnost': metody otsenki i korrektsii* [Physical activity: methods of assessment and correction]. Surgut: Surgut State University.
13. Yadov, V.A. (1975) *Metodicheskie problemy sotsial'noy psikhologii* [Methodological problems of social psychology]. Moscow: Mysl'. pp. 25–63.
14. Tropnikov, V.I. (1989) *Struktura i dinamika motivov sportivnoy deyatel'nosti* [Structure and dynamics of motives of sports activity]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Leningrad.
15. Bespal'ko, V.P. (1989) *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. Moscow: Pedagogika.
16. Filina, V.I. & Rovnogo, A.S. (eds) (1992) *Metody issledovaniya v sporte* [Methods of research in sports]. Khar'kov: Osnova.

Received: 09 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 203–209. DOI: 10.17223/15617793/429/26

УДК 796.03

Д.И. Сурнин, Н.А. Усачёв

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА г.о. ТОЛЬЯТТИ

Анализируются статистические данные отчета Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти. Исследуются данные общей численности населения и сопоставляются с количеством регулярно занимающихся физической культурой и спортом и уровнем обеспеченности спортивными сооружениями (по единовременной пропускной способности). Анализируется состояние кадрового потенциала, уровень профессионального образования специалистов.

Ключевые слова: Департамент физической культуры и спорта г.о. Тольятти; физическая культура и спорт; статистические данные; форма № 1-ФК; численность спортивных сооружений; обеспеченность спортивными сооружениями; доля занимающихся физической культурой и спортом.

Введение. Развитие физической культуры и спорта (ФКиС) является важным социальным, экономическим и политическим фактором в Российской Федерации. Основной предпосылкой для серьезных перемен в исследуемой области становится «усиление внимания государства к здоровью, умственному и физическому развитию детей и воспитанию молодежи, к вопросам строительства спортивных сооружений, к значимости спорта как инструмента для решения многих социальных и экономических проблем» [1].

Реализация государственной политики в области ФКиС регулируется такими нормативно-правовыми актами, как Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы», Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 гг.» и т.д.

В соответствии с вышеизложенным актуальность исследования обусловлена реализацией в г.о. Тольятти приоритетного направления «Формирование здорового образа жизни» в рамках национального проекта «Здоровье», в котором одна из задач обозначена как развитие физкультурно-оздоровительной системы.

Анализ научных работ свидетельствует о том, что изучение проблем и перспектив ФКиС необходимо осуществлять с позиций системного подхода, что невозможно без своевременного получения объективной информации, на основе которой возможно прогнозирование дальнейшего развития на различных уровнях [2].

Анализ деятельности в области ФКиС осуществляется на основании официальной статистики, предоставляемой организациями в органы исполнительной власти (формы № 1-ФК, № 3-АФК, № 5-ФК). Официальным способом мониторинга и контроля развития физической культуры и спорта в Российской Федерации являются формы статистической отчетности. Федеральной государственной службой статистики (Росстат) ежегодно утверждается «статистический инструментарий для организации Минспортом России федерального статистического наблюдения» для отрасли физической культуры и спорта [3].

В соответствии с официальной статистикой за период с 2010 по 2016 г. наблюдается положительная динамика социально-экономического развития Самарской области,Ю и в частности г.о. Тольятти. Вместе с тем остаются факторы сдерживающего характера по вовлечению населения в систематические занятия физической культурой и спортом.

Цель исследования – выявление факторов, сдерживающих развитие физической культуры и спорта в г.о. Тольятти и разработка практических рекомендаций для их устранения.

Для достижения поставленной цели сформированы задачи:

1. Обзор нормативно-правовой документации, регламентирующей развитие физической культуры и спорта.
2. Посредством методов математической статистики проанализировать деятельность Департамента физической культуры и спорта по отчетам формы № 1-ФК в период 2010–2016 гг.
3. Выявить основные проблемы развития физической культуры и спорта в г.о. Тольятти и предложить пути их решения.

В соответствии с целями и задачами определены следующие этапы.

На первом этапе (июнь–август 2017 г.) исследовались нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти.

На втором этапе (сентябрь–октябрь 2017 г.) посредством методов математической статистики проводился анализ ежегодных федеральных отчетов Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти формы № 1-ФК, № 3-АФК за период 2010–2016 гг.

На третьем этапе (октябрь–декабрь 2017 г.) разрабатывались практические рекомендации, которые были направлены в Департамент физической культуры и спорта с предложением по внесению изменений в Стратегию развития физической культуры и спорта г.о. Тольятти

Результаты исследования и обсуждение. В рамках решения одной из поставленных задач исследования были проанализированы нормативно-правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней.

На региональном и муниципальном уровнях задачи по развитию физической культуры и спорта и формированию здорового образа жизни в достаточной степени коррелируют с федеральными нормативно-правовыми актами, среди которых: указ Президента

Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»; Концепция развития дополнительного образования детей до 2020 года; приказ Минтруда России от 16.06.2014 № 375н «О внесении изменения в Типовой перечень ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда и снижению уровней профессиональных рисков»; Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года; Концепция социально-экономического развития РФ на период до 2020 года и др. [4–6].

Согласно «Предложению по внесению изменений в текст стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» в качестве основных приоритетных направлений деятельности определены:

– увеличение доли граждан Российской Федерации, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности населения (на первом этапе (2009–2015 гг.) – с 15,9% в 2008 г. до 30% в 2015 г., на втором этапе (2016–2020 гг.) – до 40% в 2020 г.);

– увеличение доли граждан, занимающихся в специализированных спортивных учреждениях, в общей численности данной возрастной категории (на первом этапе – с 20,2 до 35% и на втором этапе – до 50%);

– повышение уровня обеспеченности населения спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности (на первом этапе – с 22,7 до 30%, на втором этапе – до 48%) [5, 6].

В рамках реализации приоритетного проекта РФ «Формирование здорового образа жизни» предполагается к концу 2019 г. увеличить долю граждан, приверженных здоровому образу жизни, до 45%, а к концу 2025 г. – до 60%; увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 38% в 2019 г. и до 45% в 2025 г. [7].

Таблица 1

Социально-экономические показатели развития отрасли «Физическая культура и спорт» в городском округе Тольятти в период 2010–2016 гг.

№	Наименование показателя	Значение показателей (по годам)						
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	Спортивные сооружения – всего:	555	589	626	681	750	759	776
1.1	Из них муниципальные	503	555	571	577	624	625	629
2	Число детско-юношеских спортивных школ	19	16	16	15	14	14	14
2.1	В них учащихся	14 992	15 296	15 355	15 293	14 518	13 711	13 342
2.2	В том числе муниципальных спортивных школ	17	14	14	14	14	14	14
2.3	В них учащихся	145 36	14 849	14 951	14 951	14 518	13 711	12 342
3	Число коллективов физкультуры	366	381	405	442	448	457	428
4	Число клубов	36	60	68	113	123	123	119
4.1	В них членов	6 166	9 203	14 832	32 057	31 171	32 099	41 098
4.2	В том числе количество детских и подростковых физкультурно-спортивных клубов	9	16	20	34	27	*	*
4.3	В них занимающихся	1 305	1 779	1 983	3 761	3 771	*	*
4.4	В том числе общественных физкультурно-спортивных клубов, зарегистрированных в реестре департамента ФКиС	*	*	19	24	29	31	40
4.5	В них занимающихся	*	*	1857	1 919	2 229	2 299	3 446
5	Количество физкультурно-спортивных мероприятий	262	293	303	313	313	317	317
5.1	В них участников	76 974	103 990	97 760	97 856	98 221	100 735	103 789
5.2	В том числе общегородские	48	69	51	72	78	84	78
5.3	В них участников	48 236	60 422	44 133	48 966	53 164	59 379	57 978
5.4	По видам спорта	214	224	252	241	235	233	239
5.5	В них участников	28 738	43 568	53 615	48 890	45 057	41 356	45 811

* Данные пункты не представлены в отчете деятельности Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти.

Во исполнение вышеуказанных законодательных и нормативно-правовых актов был проведен анализ статистических данных социально-экономического развития отрасли «Физическая культура и спорт» в городском округе Тольятти в период 2010–2016 гг. на основе ежегодных федеральных статистических отчетов № 1-ФК и № 3-АФК «Сведения о физической культуре и спорте» [4] (табл. 1). На основе полученных сведений сформулированы выводы.

1. За исследуемый период наблюдается тенденция увеличения общего количества спортивных сооружений на 39,8%, в том числе муниципальных на 25%.

2. Нисходящие тенденции наблюдаются в общей численности детско-юношеских спортивных школ – 26% и количества занимающихся в них – 12%.

3. Информация о количестве детских и подростковых физкультурно-спортивных клубов отсутствует в статистических отчетах Департамента спорта г.о. Тольятти в период 2015–2016 гг.

4. Значительные изменения за исследуемый период наблюдаются в сфере развития спортивных клубов, прирост их количества составил 83 ед.

5. Количество проводимых физкультурно-спортивных мероприятий до 2013 г. заметно увеличивалось (с 262 по 313 в год), однако с 2013 по 2016 г. наблюдается стагнация их количества и числа участников соответственно.

С целью определения процентного соотношения систематически занимающихся ФКиС от общего количества населения г.о. Тольятти проведен математический анализ данных посредством программного обеспечения Statistica v.12 (рис. 1).

Наблюдается прирост населения, систематически занимающегося ФКиС, за период с 2010–2016 гг.

В 2010 г. общая численность населения г.о. Тольятти составляла 721 752 человека, из них регулярно занимающихся ФКиС – 105 526, что составляет 14,6%, однако наблюдается резкое снижение численности населения в 2016 г. – 630 493 человека, из них регулярно занимающихся ФКиС – 226 762 (33,8%).

Резкое изменение общей численности населения в 2015–2016 гг. связано с внесенными изменениями в форму статистического отчета (форма № 1-ФК), а именно с указанием возрастного критерия (3–79 лет).

Полученные результаты свидетельствуют о планомерном увеличении процентного соотношения систематически занимающегося населения, что соответствует стратегии развития физической культуры и спорта до 2020 г.

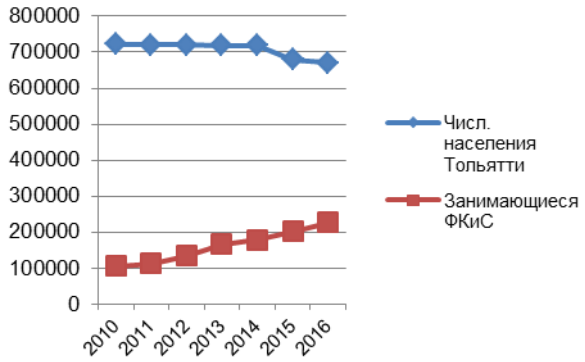

Рис. 1. Доля систематически занимающихся ФКиС от общей численности населения г.о. Тольятти

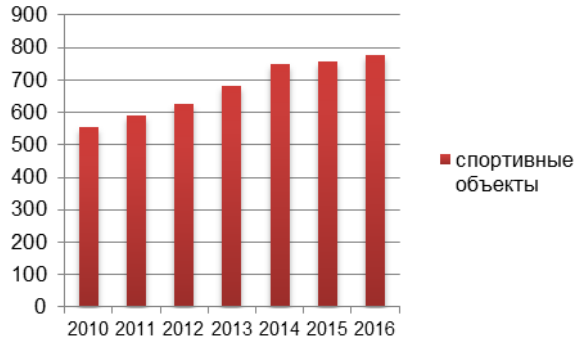

Рис. 2. Динамика показателей количества спортивных объектов г.о. Тольятти за период 2010–2016 гг.

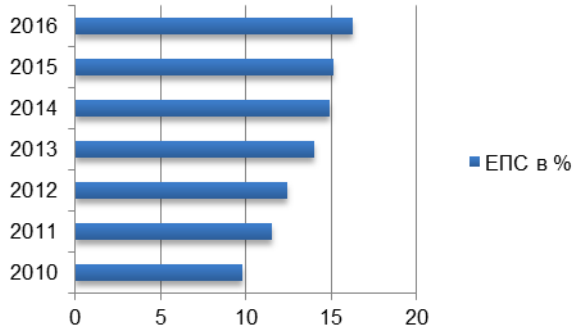

Рис. 3. Динамика показателей единовременной пропускной способности (ЕПС) спортивных объектов г.о. Тольятти

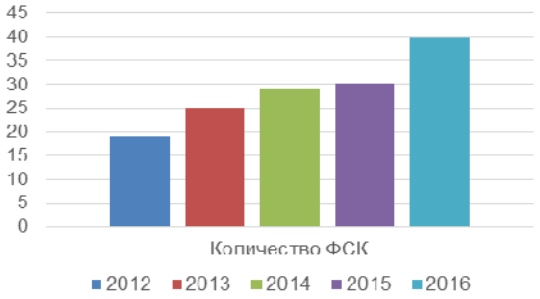

Рис. 4. Количество общественных физкультурно-спортивных и оздоровительных клубов г.о. Тольятти

Наряду с увеличением числа занимающихся физической культурой и спортом наблюдается и планомерная восходящая тенденция количества спортивных объектов г.о. Тольятти: в 2010 г. – 555 объектов, в 2016 г. – 776 (рис. 2).

В связи с вышеизложенным наблюдается рост единовременной пропускной способности спортивных объектов г.о. Тольятти (в %-ном отношении от нормативов) – в 2010 г. – 9,8%, в 2016 г. – 16,27% (рис. 3).

В соответствии с «Методикой определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах физической культуры и спорта» (распоряжение Правительства РФ от от 19 октября 1999 г. № 1683-р), исходя из численности населения г.о. Тольятти и норматива единовременной пропускной способности физкультурно-спортивных сооружений (N = 1 900 человек на 10 000 населения), определялась единовременная пропускная способность физкультурно-спортивных сооружений, необходимых для обеспечения минимальной двигательной активности населения:

$$E = Чнас. \times N = 0,19 \times Чнас.,$$

где E – единовременная пропускная способность физкультурно-спортивных сооружений; Чнас. – численность населения региона; Н – норматив единовременной пропускной способности физкультурно-спортивных сооружений: 1 900 человек на 10 000 населения.

Определяя процентное соотношение величины пропускной способности существующих сооружений к величине необходимой пропускной способности, рассчитывается уровень обеспеченности населения региона спортивными сооружениями (табл. 2) [5].

В рамках решения проблемы обеспечения населения г.о. Тольятти спортивными сооружениями разработана и реализуется муниципальная программа «Пять шагов к благоустройству», одной из целей которой является создание общедоступных спортивных площадок и сооружений для самостоятельной подготовки населения к сдаче норм Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». В течение 2017 г. введено в эксплуатацию 17 спортивных объектов, что значительно повышает доступность занятий физической культурой и спортом.

Таблица 2

Уровень обеспеченности населения г.о. Тольятти спортивными сооружениями

№	Виды спортивных сооружений	Значение показателей (по годам), % от нормативной обеспеченности						
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	Плоскостные сооружения	27,9	37,31	37,92	40,11	40,77	41,7	42,8
2	Спортивные залы	17,3	23,75	27,7	31,27	38,34	38,5	39,5
3	Плавательные бассейны	5,0	5,17	7,65	8,12	9,11	10,9	11,8

Наблюдается динамика развития системы спортивных и физкультурных мероприятий с населением по месту жительства, характеризующаяся увеличением количества общественных физкультурно-спортивных и оздоровительных клубов г.о. Тольятти, зарегистрированных в реестре Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти с 19 в 2012 г. до 40 в 2016 г. (рис. 4). Прослеживается и планомерное увеличение численности занимающихся в физкультурно-спортивных и оздоровительных клубах: за период 2015–2016 гг. прирост превысил 30% (табл. 3, рис. 5). Особое внимание стоит уделить данным Отчета по итогам деятельности Департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти за 2016 г., в котором, помимо общей информации о количественном составе спортивных клубов, отдельно приводятся статистические данные по возрастным критериям (рис. 6).

Таблица 3

Наименование общественных физкультурно-спортивных и оздоровительных клубов г.о. Тольятти, зарегистрированных в реестре Департамента ФКиС и количество занимающихся в них

№ п/п	Наименование клуба	Количество занимающихся				
		2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	Клуб любителей бега «Лада»	153	153	155	159	145
2	Клуб лыжников «Лада»	186	159	180	150	143
3	Клуб единоборств «Лада бокс»	250	130	130	130	50
4	Спортивно-туристический клуб «Лада»	96	80	93	80	80
5	Волейбольный клуб Тольятти	550	600	600	500	600
6	Клуб «Закаливания»	38	36	42	36	36
7	Клуб ветеранов спортивного плавания	96	86	86	50	50
8	Клуб «Ветеранов спорта»	45	45	43	45	45
9	Клуб автомоделирования «Форсаж»	30	23	23	25	25
10	Клуб гребцов	57	169	169	169	169
11	Клуб чемпионов-метателей	4	4	4	4	4
12	Клуб «Динамовец»	9	27	27	27	27
13	Ветераны дворового футбола «Вымпел»	24	20	23	23	23
14	Клуб по хоккею с мячом	25	25	27	25	25
15	Клуб силовых видов спорта	25	16	23	16	50
16	Клуб любителей гандбола	190	30	25	30	30
17	Клуб триатлонистов	53	83	95	73	25
18	Мини-футбольный клуб «Волгарь»	–	20	16	20	20
19	«Транспортник» (любители волейбола и плавания)	–	39	46	39	41
20	Шахматно-шашечный клуб «Ветеран ВАЗа»	–	79	79	70	105
21	Клуб любителей оздоровительного бега и ходьбы «Лада-Спиридон-Тольятти»	20	20	95	20	15
22	Клуб любителей скандинавской ходьбы	–	22	20	31	100

№ п/п	Наименование клуба	Количество занимающихся				
		2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
23	Спортивный клуб «Светогор»	–	11	20	20	26
24	Любительская хоккейная лига «СТАРТ»	–	–	39	34	20
25	MG Club Тольятти	–	–	79	346	911
26	Хоккейный клуб «Луч»	–	–	20	20	20
27	Детский клуб любителей спорта «Единство»	–	–	11	17	22
28	Спортивный клуб единоборств «Русь»	–	–	5	11	20
29	СК «15 квартал»	–	–	–	–	50
30	Клуб любителей физкультуры «Продвижение»	–	–	–	50	63
31	СК «Сокол»	–	–	–	–	44
32	СК «Искра»	–	–	–	–	35
33	СК «Ладья»	–	–	–	–	52
34	Клуб любителей волейбола Комсомольского района	–	–	–	–	11
35	Школа бега RUN TLT	–	–	–	–	8
36	Клуб АКВА-ДЕТИ	–	–	–	–	121
37	Клуб любителей активного образа жизни «Центр»	–	–	–	–	42
38	Клуб любителей физкультуры «Горизонт»	–	–	–	5	48
39	Сноуборд клуб «SLIDE»	–	–	–	–	26
40	Клуб велосипедистов «Вело Тольятти»	24	42	54	74	119
ИТОГО		**1 857**	**1 919**	**2 229**	**2 299**	**3 446**

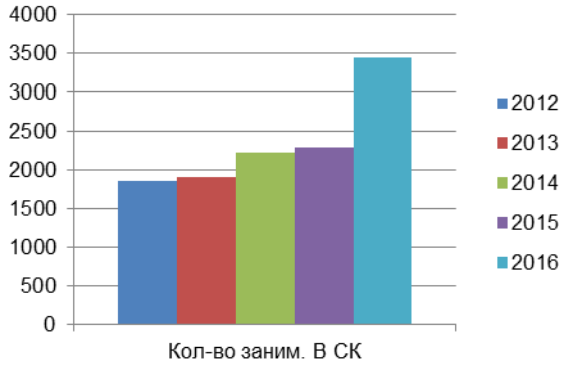

Рис. 5. Общее количество занимающихся в общественных физкультурно-спортивных клубах

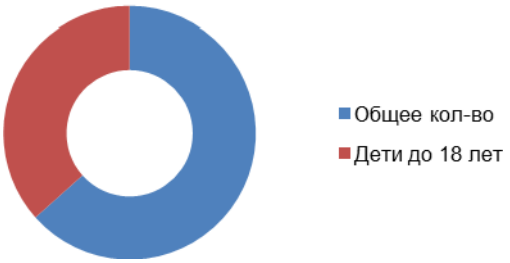

Рис. 6. Соотношение численности детей до 18 лет к общему количеству занимающихся в спортивно-оздоровительных клубах г.о. Тольятти

Однако, несмотря на положительную динамику в целом, Самарская область испытывает дефицит в квалифицированных кадрах в сфере физической культуры и спорта: около 70% выпускников учебных заведений, занимающихся подготовкой кадров в сфере физической культуры и спорта, не работают по специальности из-за низкого уровня заработной платы. В большинстве учреждений и организаций сокращены ставки инструкторов-методистов.

Анализ кадрового потенциала системы подготовки спортивного резерва и особенностей регулирования труда тренеров свидетельствует, что ключевыми проблемами развития являются недостаточный уровень подготовленности тренеров и иных специалистов, обеспечивающих спортивную подготовку, низкая привлекательность работы тренера в государственных и муниципальных учреждениях для молодых специалистов [9–15]. Как видно из рис. 7. Наблюдается общее снижение численности работников в сфере физической культуры и спорта (2 076 чел. в 2014 г., 1 956 в 2016 г.), что вступает в противоречие с общей тенденцией увеличения физкультурно-спортивных и оздоровительных клубов, спортивных сооружений, общего числа жителей, занимающихся физической культурой и спортом. Нисходящая тенденция в период с 2014 по 2016 г. прослеживается и в уровне профессионального образования. Так, например, в 2014 г. в системе ФКиС работали 1 453 специалиста с высшим образованием, в 2016 г. – 1 326 (рис. 7). Неизменным остается число работников, не имеющих профильного образования [14].

Проблемная ситуация состоит в том, что сфера физической культуры и спорта и общество в целом испытывают потребность в квалифицированных физ-

культурных кадрах различного профиля для реализации программ, связанных с совершенствованием данной сферы, а также с оздоровлением и физическим развитием населения [4].

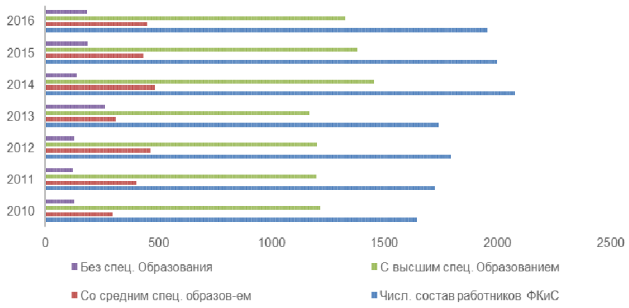

Рис. 7. Динамика изменения численного состава и уровня профессионального образования работников физической культуры и спорта г.о. Тольятти

Практические рекомендации. По итогам проведенного исследования были сформулированы рекомендации, которые были направлены в Департамент физической культуры и спорта с предложением по внесению изменений в Стратегию развития физической культуры и спорта г.о. Тольятти.

Основными из предложенных направлений деятельности являются:

1. Создание региональной (муниципальной) системы фондов грантовой поддержки с целью улучшения ситуации с финансированием физической культуры и спорта, реабилитационных центров, общественных физкультурно-спортивных и оздоровительных движений и т.д.

2. Организация конкурсов на лучший социально значимый проект физкультурно-оздоровительной направленности (спортивно-оздоровительные площадки, плоскостные сооружения для организации досуга детей дошкольного и младшего школьного возраста и т.д.) среди студентов вузов области с последующим оформлением заявки на конкурсы национальных проектов.

3. Формирование кадрового резерва специалистов в области физической культуры и спорта, в том числе внедрение системы непрерывного образования тренеров ДЮСШ, СДЮШОР посредством курсов повышения квалификации (профессиональной переподготовки) в ведущих профильных вузах.

4. Вовлечение в занятия спортом детей и подростков путем предоставления бесплатных (льготных) услуг объектами спорта.

5. Возрождение института шефства градообразующих предприятий над ДЮСШ, СДЮШОР, детскими досуговыми центрами, центрами реабилитации детей и подростков, центрами медицинского обеспечения детей (физкультурно-спортивными диспансерами).

6. Увеличение числа спортивно-зрелищных мероприятий по видам спорта с целью пропаганды здорового образа жизни и вовлечения в занятия физической культурой населения г.о. Тольятти, в том числе с ограниченными возможностями здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» : [постановление Правительства РФ от 11 янв. 2006 г. № 7] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. С. 304.
2. Савенкова Е.А. Оценка эффективности управления физической культурой и спортом в регионах Российской Федерации на основе анализа взаимосвязей между отраслевыми статистическими показателями : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 27 с.
3. Физическая культура и спорт в Российской Федерации в цифрах (2000–2012 годы) / авт.-сост. П.А. Виноградов, Ю.В. Окуньков ; под общ. ред. В.Л. Мутко. М. : Сов. спорт, 2013. 186 с.
4. Официальный сайт департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти. URL: http://tgl-sport.ru/ (дата обращения: 05.11.2017).
5. Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/ (дата обращения: 15.11.2017).
6. Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 27.11.2017).
7. Паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни». URL : http://static.government.ru/media/files/Soj3PKR09Ta9BAuW30bsAQpD2qTAI8vG.pdf (дата обращения: 03.11.2017).
8. Предложения по внесению изменений в текст стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://minsport.gov.ru/.../Предложения-по-внесению-изменений-в-текст-Стратегии.pdf (дата обращения: 30.10.2017).
9. Абрамов Э.Н. Развитие кадрового потенциала системы подготовки спортивного резерва в Уральском федеральном округе // Вестник спортивного резерва. 2017. № 1 (январь). С. 44–48.
10. Изаак С.И. Анализ кадрового потенциала физической культуры и спорта в практике государственного и муниципального управления в России // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития России : сб. статей Международной научно-практической конференции МИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. М. : Проспект, 2014. С. 234–238.
11. Изаак С.И., Юдин А.И. Моделирование кадрового потенциала индустрии спорта // Theoretical & Applied Science. 2017. № 8 (52). С. 95–101.
12. Изаак С.И. Тенденции развития спортивного управленческого образования в Российской Федерации // Спорт: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 27–30.
13. Сурнин Д.И., Усачев Н.А. Анализ статистических данных кадровой обеспеченности системы образовательных и досуговых учреждений г. Тольятти в сфере физической культуры и спорта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 10 (152). С. 240–244.
14. Усачев Н.А., Сурнин Д.И. Кадровое обеспечение процесса внедрения ВФСК «ГТО» в структуре дополнительного профессионального образования // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 5 (147). С. 167–171.
15. Щенникова М.Ю., Петров С.И. Подготовка кадров для спорта: современное состояние и развитие // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 5 (147). С. 203–211.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 января 2018 г.

STATISTICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN TOGLIATTI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 203–209.
DOI: 10.17223/15617793/429/26

Dmitry I. Surnin, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: surnindima@gmail.com
Nikolay A. Usachev, Volga State University of Service (Togliatti, Russian Federation). E-mail: surnindima@gmail.com
Keywords: Department of Physical Culture and Sports of Togliatti; physical culture and sport; statistics; Form No. 1; number of sports facilities; provision of sports facilities; share of people engaged in physical culture and sports.

In the period from 2010 to 2016, there is a positive dynamics of the socio-economic development of Samara Oblast, the city of Togliatti in particular. At the same time, there remain factors of a restraining nature in involving the population in systematic physical training and sports. In accordance with the above-described, the aim of the article is to identify factors hindering the development of physical culture and sports of Togliatti, and to develop practical recommendations for their elimination. To achieve this aim, the following objectives have been set: 1) to review of normative and legal documentation regulating the development of physical culture and sports; 2) using methods of mathematical statistics to analyze the activities of the Department of Physical Culture and Sports on the reports of Form No. 1 – FK in 2010–2016; 3) to identify the main problems of the development of physical culture and sports in Togliatti and propose ways to address them. In accordance with the aims and objectives three stages of the study were determined. At the first stage (June–August 2017), regulatory legal acts regulating the activity of the Department of Physical Culture and Sports of Togliatti were examined. At the second stage (September–October 2017), the annual federal reports of the Department of Physical Culture and Sports of Togliatti, Forms No. 1 – FK and No. 3 – AFK, for 2010–2016 were analyzed using mathematical statistics methods. At the third stage (October–December 2017), practical recommendations were developed that were sent to the Department of Physical Culture and Sports with a proposal to amend the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports of Togliatti. In accordance with the objectives and according to the stages of the research, the socio-economic indicators of the development of the Physical Culture and Sport branch, the level of the population's provision with types of sports facilities, the total number of people engaged in sports and health clubs, personnel sufficiency and level of professional education were analyzed. As a result, practical recommendations have been developed and submitted, suggesting an adjustment of the main text of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports at the municipal level.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2006) Federal'naya tselevaya programma "Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na 2006–2015 gody": [postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 yanv. 2006 g. 7] [The federal targeted program "Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for 2006–2015": [Decree of the Government of the Russian Federation of January 11, 2006]]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 3. pp. 304.
2. Savenkova, E.A. (2017) *Otsenka effektivnosti upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom v regionakh Rossiyskoy Federatsii na osnove analiza vzaimosvyazey mezhdu otraslevymi statisticheskimi pokazatelyami* [Estimation of the effectiveness of the management of physical culture and sports in the regions of the Russian Federation on the basis of analysis of the interrelations between sectoral statistical indicators]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
3. Mutko, V.L. (ed.) (2013) *Fizicheskaya kul'tura i sport v Rossiyskoy Federatsii v tsifrakh (2000–2012 gody)* [Physical Culture and Sport in the Russian Federation in Figures (2000–2012)]. Moscow: Sovetskiy sport.
4. The official website of the Department of Physical Culture and Sports of Togliatti. [Online] Available from: http://tgl-sport.ru/. (Accessed: 05.11.2017).
5. Official website of the Government of Russia. [Online] Available from: http://government.ru/. (Accessed: 15.11.2017).
6. Official site of the President of Russia. [Online] Available from: http://kremlin.ru/. (Accessed: 27.11.2017).
7. Static.government.ru. (2017) *Pasport prioritetnogo proekta "Formirovanie zdorovogo obraza zhizni"* [The passport of the priority project "The formation of a healthy lifestyle"]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/Soj3PKR09 Ta9BAuW30bsAQpD2q TAI8vG.pdf. (Accessed: 03.11.2017).
8. Ministry of Sport of the Russian Federation. (2014) *Predlozheniya po vneseniyu izmeneniy v tekst strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Proposals on the introduction of changes in the text of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period until 2020]. [Online] Available from: http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2014/11/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82-%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf. (Accessed: 30.10.2017).
9. Abramov, E.N. (2017) Razvitie kadrovogo potentsiala sistemy podgotovki sportivnogo rezerva v Ural'skom federal'nom okruge [Development of human resources of the system of preparation of the sports reserve in the Urals Federal District]. *Vestnik sportivnogo rezerva*. 1. pp. 44–48.
10. Izaak, S.I. (2014) Analiz kadrovogo potentsiala fizicheskoy kul'tury i sporta v praktike gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossii [Analysis of the human resources of physical culture and sports in the practice of state and municipal government in Russia]. *Effektivnoe gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Effective state and municipal management as a factor of Russia's social and economic development]. Proceedings of the international conference. Moscow: Prospekt. pp. 234–238. (In Russian).
11. Izaak, S.I. & Yudin, A.I. (2017) Modeling a personal potential of the industrie sport. *Theoretical & Applied Science.* 8 (52). pp. 95–101. (In Russian).
12. Izaak, S.I. (2017) Tendencies of sports management education development in the Russian Federation. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie – Sport: Economy, Law, Management.* 3. pp. 27–30. (In Russian).
13. Surnin, D.I. & Usachev, N.A. (2017) Analysis of statistical data of personnel policy of educational and leisure institutions of Togliatti city in the sphere of physical culture and sports. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 10 (152). pp. 240–244. (In Russian).
14. Usachev, N.A. & Surnin, D.I. (2017) Personnel support of the All-Russia physical training and sports complex "Ready for Labor and Defense" in the structure of additional vocational education. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta.* 5 (147). pp. 167–171.
15. Shchennikova, M.Yu. & Petrov, S.I. (2017) Training the staff for sport: current state and directions of development. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 5 (147). pp. 203–211.

Received: 10 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 210–214. DOI: 10.17223/15617793/429/27

УДК 37.378.1

Р.Р. Хадиуллина

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ВЕБ-КОНТЕНТА САЙТОВ ВУЗОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ СТУДЕНТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ДВУХЛЕТНЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Описывается результат двухлетнего исследования (2016–2017 гг.) соответствия сайтов вузов физической культуры принципам и требованиям доступности лицам с ограниченными возможностями здоровья, в частности слабовидящим студентам. В основу исследования легли положения «Руководства по обеспечению доступности веб-контента WCAG 2.0», а также критерии и показатели проверочного листа, сформированного на основе ГОСТа 52872–2012 «Интернет-ресурсы: требования доступности для инвалидов по зрению». Выявлены некоторые факты несоответствия исследуемых сайтов вузов физической культуры принципам и требованиям доступности для слабовидящих пользователей. Предложены практические рекомендации, направленные на повышение доступности сайтов в условиях инклюзивного обучения слабовидящих студентов.

Ключевые слова: вузы физической культуры; принципы доступности веб-контента; инклюзивное обучение; слабовидящие студенты.

Введение. Согласно Конвенции о правах инвалидов доступность физического, социального, экономического и культурного окружения, здравоохранения и образования, а также информации и связи очень важна. Это позволяет лицам с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) в полной мере пользоваться основными свободами и всеми правами человека [1]. В любом учебном заведении, в том числе и в вузе физической культуры, обучаются студенты с ОВЗ, в частности слабовидящие пользователи, которые могут испытывать значительные трудности при изучении контента, представленного на сайтах вуза. В своем большинстве сайты вуза предоставляют исчерпывающую информацию: нормативные документы, электронные образовательные ресурсы, новостную и контактную информацию и др. [2]. Для того, чтобы материалы были доступны лицам с ОВЗ, необходимо их соответствие определенным принципам и положениям доступности.

Доступность (от англ. *accessibility*) – это общий термин, который описывает свойство продукта (например, прибора, услуги, контекста) быть использованным как можно большим количеством разных пользователей [3]. Доступность сайта вуза можно рассматривать как «возможность использовать» и получить результат от использования, т.е. возможность понимать и скачивать контент, выполнять упражнения и т.д.

Экспертами из разных стран в области интернет-технологий, участниками Всемирного веб-консорциума (www.W3C.org) в 2008 г. был разработан документ, являющийся одновременно учебником и стандартом, а также инструментом проверки и улучшения доступности веб-контента, – «Руководство по обеспечению доступности веб-контента WCAG 2.0» [4]. Данное руководство регламентирует использование всех новейших веб-технологий с учетом всех известных физических, психических и технических ограничений пользователей, которые могут препятствовать доступу к информации для таких пользователей и которые необходимо учитывать всем разработчикам всех сайтов без исключения [5]. Согласно руководству существует четыре основополагающих принципа доступного контента.

Воспринимаемость: информация и компоненты пользовательского интерфейса должны предоставляться в том виде, в котором пользователи могут их воспринимать. ***Управляемость***: все компоненты пользовательского интерфейса и навигации должны быть управляемыми. ***Понятность***: информация и операции пользовательского интерфейса должны быть понятными. ***Совместимость***: контент должен быть совместим в той степени, которая нужна для его соответствующей интерпретации широким кругом различных пользовательских программ, включая вспомогательные технологии [6].

Отечественными исследователями были разработаны основные требования доступности интернет-ресурсов для инвалидов по зрению (ГОСТ 52872–2012), которые в дальнейшем будут расширяться и дополняться требованиями доступности не только для слабовидящих и незрячих пользователей, но и для лиц, имеющих ограничения по слуху, заболевания опорно-двигательного аппарата и др. [7, 8].

На основании предложенных принципов WCAG 2.0 и требований ГОСТа 52872–2012 проведем мониторинг-исследование соответствия сайтов вузов физической культуры данным регламентирующим документам, что позволит нам в дальнейшем предложить практические рекомендации, направленные на повышение доступности исследуемых сайтов для слабовидящих студентов в условиях инклюзивного обучения.

Методы исследования. Анализ источников литературы по исследуемой теме, практический опыт, мониторинг.

Результаты. Нами были исследованы разработанные для слабовидящих пользователей альтернативные версии 15 сайтов вузов физической культуры. Переход на альтернативную версию сайта возможен по специальной ссылке, расположенной на главной странице сайта вуза. Оценка доступности сайтов проводилась в соответствии с проверочным листом ГОСТа 52872–2012 «Интернет-ресурсы: требования доступности для инвалидов по зрению». Кратко результаты исследования можно представить в виде таблицы, в которой по столбцам представлены положения стандарта, а по строкам – проверяемые альтернативные версии сайтов вузов физической культуры для слабо-

видящих пользователей. За основу исследования берутся следующие показатели:

– основная информация представлена в виде текста;

– отсутствуют информативные надписи на пестром фоне;

– графические файлы сопровождаются поясняющим текстом (или такие файлы отсутствуют);

– при наведении мыши графические фрагменты статичны и появляется пояснение;

– для страниц с анимированными объектами есть альтернативы (или такие объекты отсутствуют);

– файлы PDF не присутствуют или представляют собой «читаемые» файлы;

– степень вложенности таблиц не превышает 3, количество строк – не более 15;

– гиперссылки содержат поясняющий текст;

– поля форм содержат подписи (или поля форм отсутствуют).

Данные представлены по результатам двух лет исследования: первая цифра – 2016 г., вторая цифра – 2017 г.

Обсуждение. Рассмотрим более подробно результаты исследования за 2017 г. по каждому из критериев проверочного листа. Также будет приведена динамика изменения этих показателей по сравнению с 2016 г.

Показатели доступности сайтов вузов физической культуры для слабовидящих пользователей

	Основная информация представлена в виде текста	Отсутствуют информативные надписи на пестром фоне	Графические файлы сопровождаются поясняющим текстом (или нет таких файлов)	При наведении мыши графические фрагменты статичны и появляется пояснение	Для страниц с анимированными объектами есть альтернативы (или нет таких объектов)	Файлы PDF не присутствуют или представляют собой «читаемые» файлы	Степень вложенности таблиц не превышает 3, число строк – не более 15	Гиперссылки содержат поясняющий текст	Поля форм содержат подписи (или нет полей)
БИФК www.bifk.ru	1/1	–/2	1/1	–/1	2/2	1/1	2/1	1/2	2/2
ДВГАФК www.dvgafk.com	1/1	–/1	–/1	–/1	–/2	1/2	1/1	–/1	2/2
ВЛГАФК www.vlgafc.ru	2/2	–/2	–/1	–/1	–/2	2/2	1/1	–/–	2/2
ВГИФК www.vgifk.ru	2/2	2/2	–/1	1/1	2/2	1/1	2/2	–/–	2/2
ВГАФК www.vgafk.ru	2/2	2/2	1/1	1/2	2/2	–/2	2/1	–/–	–/1
КГУФК www.kgafk.ru	2/2	2/2	–/1	1/1	2/2	1/2	1/1	–/–	2/2
МГАФК www.mgafk.ru	2/2	2/1	–/1	1/1	2/2	1/2	1/2	–/–	1/2
ПГАФКСиТ www.sportacadem.ru/	1/1	–/1	2/2	1/2	–/2	1/2	2/2	–/–	1/2
СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта www.lesgaft.spb.ru	1/2	2/2	–/2	1/1	2/2	2/2	1/2	–/–	–/2
СибГУФК www.sibsport.ru	2/2	2/2	–/1	2/1	2/2	–/1	2/2	–/–	–/2
СГАФКСТ www.sgafkst.ru	1/2	2/2	–/1	–/1	–/2	–/1	2/2	–/2	2/2
РГУФКСМиТ www.sportedu.ru	2/2	2/2	–/2	1/1	2/2	1/2	2/2	2/1	1/1
УралГУФК www.uralgufk.ru	2/2	2/2	–/1	1/1	2/2	1/1	1/1	1/–	1/2
ЧГИФК www.chifk.ru	2/2	2/2	2/2	2/2	2/2	1/1	1/1	–/–	2/2
ЧГИФКиС www.chgifkis.ru	2/2	2/2	2/2	1/1	–/1	1/1	1/2	–/–	–/1

Примечание. В таблице цифрами обозначены: 2 – положения стандарта выдержаны в полной мере; 1 – положения стандарта выдержаны частично; ячейки с прочерком – положения стандарта не соблюдается. Представлены сайты 15 вузов физической культуры: Башкирского института физической культуры (БИФК) www.bifk.ru; Дальневосточной государственной академии физической культуры (ДВГАФК) www.dvgafk.com; Великолукской государственной академии физической культуры и спорта (ВЛГАФК) www.vlgafc.ru; Воронежского государственного института физической культуры (ВГИФК) www.vgifk.ru; Волгоградской государственной академии физической культуры (ВГАФК) www.vgafk.ru; Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (КГУФК) www.kgafk.ru; Московской государственной академии физической культуры (МГАФК) www.mgafk.ru; Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (Поволжская ГАФКСиТ) www.sportacadem.ru/; Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им П.Ф. Лесгафта (СПбГАФК им. П.Ф Лесгафта) www.lesgaft.spb.ru; Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (СибГУФК) www.sibsport.ru; Смоленской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (СГАФКСТ) www.sgafkst.ru; Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) www.sportedu.ru; Уральского государственного университета физической культуры (УралГУФК) www.uralgufk.ru; Чайковского государственного института физической культуры (ЧГИФК) www.chifk.ru; Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (ЧГИФКиС) www.chgifkis.ru.

1. ***Основная информация представлена в виде текста.*** Согласно положению ГОСТ 52872–2012 для того, чтобы информация была доступна для лиц, имеющих ограничения по зрению, она должна быть представлена в виде текста, при этом имеется в виду именно электронный текст, а не изображение текста. Электронный текст может быть представлен в визуальном формате, аудиоформате, тактильно или в комбинации этих форматов. Необходимо предоставить возможность для увеличения шрифта, а также смены цветности букв.

Результаты исследования. Большинство (12 из 15) исследуемых вузов физической культуры в полной мере отвечают этим требованиям. На альтернативных сайтах шести вузов (ВЛГАФК, ВГИФК, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, СибГУФК, СГАФКСТ, ЧГИФКиС) имеется возможность отключения изображения. Сайты двух вузов (ВГАФК, ЧГИФК) содержат текстовую информацию без включения изображений.

2. ***Отсутствуют информативные надписи на пестром фоне.*** Неоднотонный фон, надписи на пестром фоне, лишние мелкие детали вызывают значительные трудности у слабовидящих пользователей. Недопустимо использование неконтрастных по отношению друг другу фона и цвета текста, что значительно затрудняет его прочтение. Наличие вензелей и шрифта с засечками плохо воспринимается людьми с нарушениями зрения, особенно при условии плохой контрастности.

Результаты исследования. 12 из 15 исследуемых вузов придерживаются этой рекомендации полностью (см. табл. 1). На альтернативной версии сайтов десяти вузов (БИФК, ДВГАФК, ВЛГАФК, ВГИФК, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, СибГУФК, СГАФКСТ, РГУФКСМиТ, УралГУФК, ЧГИФКиС) пользователям предоставляются дополнительные инструменты настройки шрифта и цветности текста, сочетания цветов шрифта и основного фона.

3. ***Графические файлы сопровождаются поясняющим текстом (или такие файлы отсутствуют).*** Каждый графический файл должен сопровождаться текстом, который бы пояснял представленное изображение. Сам текст максимально четко и понятно должен отражать смысл изображения. По возможности необходимо избегать неинформативных графических файлов.

Результаты исследования. На альтернативных сайтах двух вузов (ВГАФК, ЧГИФК) отсутствуют графические файлы, что положительно для слабовидящих пользователей. Сайты пяти вузов (ПГАФКСиТ, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, РГУФКСМиТ, ЧГИФК, ЧГИФКиС) большинство графических файлов снабдили поясняющим текстом, остальные вузы лишь частично выдержали это требование.

4. ***При наведении мыши графические фрагменты статичны и появляется пояснение.*** Наличие движущихся графических фрагментов затрудняет их рассмотрение, они могут быть мелкими и не иметь возможности для увеличения. Кроме того, это в целом делает работу менее комфортной. Если же все-таки такие объекты присутствуют на сайте, то при наведении на них курсора мыши они должны быть статичны и давать поясняющий текст.

Результаты исследования. На абсолютном большинстве исследуемых сайтов вузов физической культуры фрагменты статичны, но текстовое пояснение присутствует не всегда, поэтому за выполнение данного требования было присвоено по 1 баллу. Так как сайты двух вузов (ВГАФК, ЧГИФК) графических фрагментов практически не имеют, то автоматически за выполнение данного требования им было начислено по 2 балла. На сайте ПГАФКСиТ графические фрагменты статичны и при наведении на них мыши появляется пояснение (также 2 балла).

5. ***Для страниц с анимированными объектами есть альтернативы (или такие объекты отсутствуют).*** Анимированные объекты затрудняют восприятие информации, тем более слабовидящими пользователями. При размещении на странице анимированных объектов необходимо предоставить возможность перехода на страницу с альтернативной информацией. Переход на такую страницу должен осуществляться с помощью соответствующей текстовой гиперссылки.

Результаты исследования. Данное требование выполняется в десяти вузах физической культуры (БИФК, ВГИФК, ВГАФК, МГАФК, ПГАФКСиТ, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, СГАФКСТ, РГУФКСМиТ, УралГУФК, ЧГИФК) ввиду отсутствия на их сайтах анимированных объектов; на сайтах четырех вузов (ДВГАФК, ВЛГАФК, КГУФК, СибГУФК) анимированные объекты присутствуют, но имеется возможность перехода на альтернативную версию по соответствующей текстовой гиперссылке. На сайте ЧГИФКиС, несмотря на возможность отключения изображения, некоторые анимированные объекты сохраняются.

6. ***Файлы PDF не присутствуют или представляют собой «читаемые» файлы.*** Файлы формата PDF должны быть читаемыми, т.е. представлеными в виде текста, а не картинки, иначе данный файл становится неинформативным для людей с ограниченными возможностями здоровья. Если данное требование выдерживается, то такой файл становится доступным для считывания программами экранного доступа (скринридера) и перевода в звуковой формат.

Результаты исследования. Исследование сайтов на соответствие данному требованию осуществлялось путем открытия основных документов, представленных на сайте (приказы, положения, информация о вузе, информация для студентов с ОВЗ). В случае, если абсолютное большинство файлов является читаемыми, вуз получает 2 балла. Если количество читаемых файлов чуть меньше половины исследуемых – 1 балл. Если читаемых файлов значительно меньше половины исследуемых – ставится прочерк.

Восемь вузов (ДВГАФК, ВЛГАФК, ВГАФК, КГУФК, МГАФК, ПГАФКСиТ, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, РГУФКСМиТ) получили 2 балла. Остальные семь вузов по 1 баллу.

7. ***Степень вложенности таблиц не превышает 3, количество строк – не более 15.*** Информация, сверстанная в табличном виде, становится сложной для восприятия. Кроме того, при считывании текста с помощью программы экранного доступа незрячие

пользователи будут вынуждены прослушивать информацию последовательно – ячейка за ячейкой, что также затрудняет общее ее восприятие. Одна таблица должна включать не более 15 строк.

Результаты исследования. Восемь вузов (ВГИФК, МГАФК, ПГАФКСиТ, СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, СибГУФК, СГАФКСТ, РГУФКСМиТ, ЧГИФКиС) придерживались данной рекомендации полностью, остальные семь вузов лишь частично – степень вложенности представленных на сайтах таблиц в основном не превышает 3, но количество строк в таблицах – более 15.

8. ***Гиперссылки содержат поясняющий текст.*** Каждая гиперссылка, представленная на сайте, должна содержать поясняющий текст. При отсутствии поясняющего текста у гиперссылки поиск информации становится затрудненным для пользователей с ОВЗ.

Результаты исследования. 11 из 15 исследуемых вузов не выдерживают данное требование. Лишь на двух сайтах (БИФК, СГАФКСТ) большинство гипер-ссылок содержит поясняющий текст. Два вуза (ДВГАФК, РГУФКСМиТ) выполняют данное требование частично.

9. ***Поля форм содержат подписи (или поля форм отсутствуют).*** Поля форм веб-страниц должны иметь поясняющий текст. Нарушение данного положения стандарта делает практически невозможными пользование формами поиска, заполнение полей анкеты слабовидящими пользователями.

Результаты исследования. Большинство исследуемых сайтов данное требование выдерживают (2 балла). Лишь на трех сайтах (ВГАФК, РГУФКСМиТ, ЧГИФКиС) было замечено, что подписи полей находятся не внутри поля, а рядом – 1 балл.

Выводы. Таким образом, образовалась тройка лидеров – вузов, разработчики сайтов которых максимально придерживаются принципов WCAG 2.0 и положений стандарта ГОСТ 52872–2012 – СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, СГАФКСТ, РГУФКСМиТ получили 15 баллов из 18 возможных.

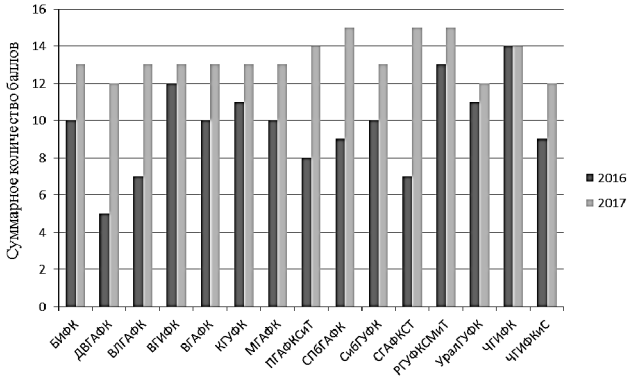

Рис. 1. Интегральная оценка доступности сайтов вузов физической культуры для слабовидящих студентов

ПГАФКСиТ, ЧГИФК получили по 14 баллов; БИФК, ВЛГАФК, ВГИФК, ВГАФК, КГУФК, МГАФК, СибГУФК – 13 баллов; ДВГАФК, УралГУФК, ЧГИФКиС – 12 баллов. Следует отметить, что в настоящий момент сайт вуза УралГУФК находится на обновлении, что в некоторой степени повлияло на результат исследуемых показателей по данному вузу. На рис. 1 представлена интегральная оценка доступности веб-контента сайтов вузов физической культуры для слабовидящих студентов по сумме баллов, набранных вузами по тем показателям, которые описаны выше.

В целом, если рассматривать динамику изменения исследуемых показателей в течение двух лет, был выявлен значительный прирост по пунктам 3, 4, 6. Графические файлы все чаще стали сопровождаться поясняющим текстом, при наведении мыши графические фрагменты стали статичными, файлы PDF стали в большинстве своем «читаемыми» файлами. Основным слабым звеном для всех вузов остался 8-й пункт – отсутствие у гиперссылок поясняющего текста.

Заключение. Анализируя полученные данные, можно кратко резюмировать, что ни один из исследуемых вузов физической культуры не обеспечивает полностью доступность сайта пользователям с ОВЗ. Это не позволяет студентам-спортсменам получать равные образовательные возможности – доступ к качественному образованию. Для полноценного осуществления образовательной деятельности студентов-спортсменов в условиях их инклюзивного обучения необходимо более тщательно подходить к оформлению и заполнению сайтов вузов.

В качестве практических рекомендаций, помимо основных принципов WCAG 2.0 и положений стандарта ГОСТ 52872–2012 хотелось бы рекомендовать следующее:

– окно необходимо разделять на несколько функциональных областей, помещая каждую из них в рамочку;

– дополнительные настройки по регулировке цвета, фона, контрастности шрифта позволят улучшить удобочитаемость текста;

– при навигации пользователя по сайту необходимо предоставить ему помощь в поиске нужной информации;

– необходимо придерживаться последовательной навигации для того, чтобы программы экранного доступа смогли сохранить смысл представленной информации;

– наименования заголовков компонентов должны быть четкими и ясными;

– когда компонент становится активным, для контрастности его желательно выделить рамкой;

– пользователь, находясь на сайте, должен четко понимать, куда ему следовать дальше; при дезориентации по месту нахождения ссылка «В начало» позволит ему вернуться на главную страницу сайта;

– для обеспечения понятности и удобочитаемости текста необходимо максимально исключить из текста аббревиатуры и сокращения;

– необходимо придерживаться единообразной навигации по всем web-страницам сайта;

– компоненты, которые несут одинаковую функциональную нагрузку, должны иметь одинаковые названия;

– какие-либо изменения контекста должны происходить только по запросу пользователя;

– функция предупреждения ошибок позволит приостановить неправильно заполнение полей форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
2. Хадиуллина Р.Р. Реализация технологии образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 172–178.
3. Исследование обеспечения доступности интернет-ресурсов Рунета для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). М., 2013. 111 с.
4. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0. URL: http://www.w3.org/TR/WCAG20
5. Understanding Web Accessibility. A guide to Create Accessible Work Environments, a publication by Wadhwani Foundation and Nasscom Foundation. URL: http://g3ict.org/resource_center/ publications_and_reports
6. Руководство по обеспечению доступности веб-контента WCAG 2.0. URL: https://www.w3.org/Translations/WCAG20-ru/
7. ГОСТ 52872–2012 Интернет-ресурсы: требования доступности для инвалидов по зрению / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. М., 2014. 24 с.
8. Новичков Д. Международный стандарт доступности веб-контента WCAG 2.0 и рекомендации по разработке качественных веб-сайтов государственных учреждений с учетом требований доступности для инвалидов // Информационное общество. 2010. № 1. С. 66–72.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 марта 2018 г.

ACCESSIBILITY OF THE WEB CONTENT OF WEBSITES OF PHYSICAL CULTURE UNIVERSITIES FOR VISUALLY IMPAIRED STUDENTS (RESULTS OF A TWO-YEAR STUDY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 210–214.
DOI: 10.17223/15617793/429/27

Rezeda R. Khadiullina, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan, Russian Federation). E-mail: info@sportacadem.ru; h_rezeda@bk.ru

Keywords: universities of physical culture; principles of accessibility of web content; inclusive education; visually impaired students.

This article describes the result of two years of study (2016–2017) on the compliance of websites of universities of physical culture with principles and requirements of accessibility to persons with disabilities, particularly to visually impaired students. The study was based on the provisions of Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0, as well as on criteria and indicators of the screening sheet formed on the basis of State Standard 52872-20012 “Internet resources: accessibility requirements for the visually impaired”. This standard, adopted in the Russian Federation in 2014, specifies the need for compliance with accessibility for visually impaired users. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0 regulates the use of all the latest web technologies taking into account all known physical, mental and technical limitations of users which can impede access to information for these users, and obliges all the developers of all sites without exception to take them into consideration. According to the above regulations to ensure accessibility of web site content for visually impaired users, one must fulfill the following requirements: 1. Basic information should be presented in the form of the text, the electronic text is meant, not the image of the text. 2. Information on a colorful background is not allowed, as a colorful background, extra small details cause major difficulties for visually impaired users. 3. Each graphic file must be accompanied by a text that explains the picture. The text should absolutely clearly and understandably reflect the meaning of the image. 4. When a computer mouse is over widgets, they need to be static, an explanation should appear. 5. Animated objects are not allowed. In their presence, there should be an alternative page without animated objects. 6. PDF files are not present or are “readable” files, that is presented as texts, not images. 7. The number of nesting tables should not exceed three, the number of lines should not exceed 15. This requirement is necessary for the convenience of reading information using the screen access program. 8. Hyperlinks should contain a descriptive text that helps to find necessary information. 9. Form fields must be labeled (otherrwise form fields are not used), the lack of labels makes it impossible to use search forms. As a result of two years of monitoring on the above requirements, some facts of discrepancy of the studied websites of universities of physical culture with the principles and requirements of accessibility for visually impaired users were revealed. Practical recommendations have been proposed to improve the accessibility of websites of universities of physical culture in the conditions of inclusive education of visually impaired students.

REFERENCES

1. UN. (2006) *Konventsiya o pravakh invalidov* [Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
2. Khadiullina, R.R. (2017) Implementation of the technology of educational process of student-athletes of different modes of study under the conditions of virtual educational environment of a physical culture higher school. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 172–178. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/26
3. Anon. (2013) *Issledovanie obespecheniya dostupnosti internet-resursov Runeta dlya lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Research on ensuring the availability of Internet resources Runet for people with disabilities]. Moscow: [s.n.].
4. W3.org. (2008) *Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0*. [Online] Available from: http://www.w3.org/TR/WCAG20.
5. Wadhwani Foundation and Nasscom Foundation. (2017) *Understanding Web Accessibility. A guide to Create Accessible Work Environments.* [Online] Available from: http://g3ict.org/resource_center/ publications_and_reports.
6. W3.org. (2008) *Rukovodstvo po obespecheniyu dostupnosti veb-kontenta WCAG 2.0* [Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0.]. [Online] Available from: https://www.w3.org/Translations/WCAG20-ru/.
7. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2014) *GOST 52872–2012 Internet-resursy: trebovaniya dostupnosti dlya invalidov po zreniyu* [GOST 52872-2012 Internet resources: accessibility requirements for visually impaired people] Moscow: Standartinform.
8. Novichkov, D. (2010) Mezhdunarodnyy standart dostupnosti veb-kontenta WCAG 2.0 i rekomendatsii po razrabotke kachestvennykh veb-saytov gosudarstvennykh uchrezhdeniy s uchetom trebovaniy dostupnosti dlya invalidov [International standard of web content accessibility WCAG 2.0 and recommendations for the development of quality websites of state institutions, taking into account accessibility requirements for persons with disabilities]. *Informatsionnoe obshchestvo – Information Society*. 1. pp. 66–72.

Received: 01 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 215–220. DOI: 10.17223/15617793/429/28

ПРАВО

УДК 343.15

А.В. Кудрявцева

КАССАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ К ОТМЕНЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЮ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследуется необходимость уточнения кассационных оснований к отмене или изменению судебных решений и их дифференциации относительно ухудшения или улучшения положений осужденного. Обосновывается необходимость пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу не только по вопросам права, но и вопросам факта, тесно связанных с вопросами права. Устанавливаются критерии связанности вопросов факта и права при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции. Аргументируется необходимость иного регулирования сроков обжалования и рассмотрения дел и материалов в кассационном судопроизводстве.

Ключевые слова: кассационные основания; существенные и фундаментальные нарушения; сроки обжалования и сроки рассмотрения.

Совершенствование стадии кассационного производства как стадии исключительной должно отвечать требованиям баланса двух ценностей – правовой определенности (которая относится не только к законодательству, но и к правоприменительным актам) и права на судебную защиту. Этим требованиям баланса должны отвечать и кассационные основания к отмене или изменению судебных решений, тесно связанные с предметом судебного разбирательства в кассационном производстве.

Предмет судебного рассмотрения в кассации, сформулированный в ст. 401.1 УПК РФ, ограничен вопросами права, что отличает данную процессуальную форму от других форм проверки судебных решений (апелляции, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

В литературе высказывается справедливое мнение, в соответствии с которым сформулированный «в таком виде предмет судебного разбирательства, с одной стороны, служит гарантией принципа правовой определенности, препятствуя оспариванию правильности установления фактических обстоятельств дела после вступления судебного решения в законную силу, а с другой стороны, оставляя участникам уголовного процесса возможность добиваться пересмотра неправосудных, по их мнению, судебных решений, тем самым обеспечивает им конституционное право на судебную защиту» [1. С. 56].

Такое формулирование предмета рассмотрения дела в суде кассационной инстанции освобождает суд от отмены или изменения приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Однако вопросы формирования кассационных оснований в уголовном процессе продолжают быть предметом дискуссий в науке уголовно-процессуального права, а наличие проблемы подтверждается также не вполне устоявшейся судебной практикой.

В статье 401.15 УПК РФ основания к отмене или изменению решений судов, вступивших в законную силу, сформулированы следующим образом: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Существенность нарушений как сугубо оценочный критерий открывает перед судьями неограниченные возможности для судейского усмотрения. Ограничения данного усмотрения установлены для пересмотров приговора в сторону ухудшения положения осужденного, который возможен только в тех случаях, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Представляется верным суждение, что сущностный смысл правосудия лежит в плоскости справедливости, ее восстановления в результате осуществления правосудия. Причем категория справедливости важна не только для осужденного, но и для потерпевшего.

В этом свете представляется весьма актуальной дискуссия о возможности пересмотра судебных решений по вопросам законности и обоснованности не только по вопросам права, но и факта. Так, В.А. Давыдов [2. С. 533], Т.Г. Бородинова [3. С. 222, 224], И.С. Дикарев [1. С. 65] полагают, что законность тесно связана с обоснованностью, и, рассматривая судебное решение в точки зрения законности, нельзя обойти вниманием и обоснованность. В.Д. Потапов считает, что «декларируемая принципиальность подходов законодателя в указанном определении предмета проверки в целом оправдано» [4. С. 230]. Однако и он ставит под сомнение возможность рассмотрения законности судебного решения, не вдаваясь в его обоснованность. Л.В. Головко, анализируя реформу контрольных производств и сравнивая новое устроение судебных инстанций с европейской моделью, указывает: «Двух инстанций достаточно, чтобы более не спорить – “бил или не бил”, “проникал или не проникал”, “имел намерение или не имел намерения”» и т.д.

Более споры по фактическим обстоятельствам (у нас сейчас бесконечные) не допускаются. Именно поэтому судебное следствие и существует только в первой и апелляционной инстанциях» [5].

Нам представляется небезынтересной позиция И.С. Дикарева, который делит обоснованность судебного акта на два уровня: первый уровень предполагает установление юридически значимых фактических обстоятельств дела на основе исследования доказательств и второй уровень – принятие правоприменительного решения на основе ранее установленных фактических обстоятельств дела [1. С. 56].

Второй уровень обоснованности предполагает выбор правовой нормы, что, соответственно, является заключительным этапом процесса квалификации деяния и предопределяется верным установлением юридически значимых фактических обстоятельств дела. Таким образом, понятие обоснованности является составной и неотъемлемой частью понятия законности, и это стало совершенно очевидным, в том числе и в судебной практике, когда приговоры в процессе кассационного производства изменяются и отменяются в связи с неверной квалификацией деяния, которая, в свою очередь, предопределена неверным установлением фактических обстоятельств дела.

Исходя из этого, строго говоря, положения абзацев первого и второго Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» противоречат друг другу по следующим причинам. Так, в абзаце первом п. 10 говорится о том, что «в силу статьи 401.1 УПК РФ при рассмотрении кассационных жалоб, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права)». При этом правильность применения норм права в части квалификации деяния предполагает, как указывалось выше, верное установление фактических обстоятельств дела на основе оценки доказательств, т.е. представляет собой первый необходимый этап квалификации деяния, правильного применения норм уголовного права, содержащихся в его Особенной части.

В абзаце втором этого же п. 10 указывается: «С учетом данного ограничения доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат. Вместе с тем, если в кассационных жалобе, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшее на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшее к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки».

Другими словами, если в доводах жалобы, представления указывается не просто на неправильность установления фактических обстоятельств дела, но и на тот факт, что это повлекло за собой еще и неправильность квалификации деяния, т.е. неправильное применение норм права, то правильность установления фактических обстоятельств дела подлежит проверке. Или может сложиться другая ситуация, когда нарушения уголовно-процессуального закона, например, нарушение правил получения доказательств, или непредставление стороне права представить свои доказательства, или неисследование доказательств в суде первой и апелляционной инстанции повлекли за собой неверное установление фактических обстоятельств дела; в этом случае правильность установления фактических обстоятельств дела также полежит проверке.

Положения закона о предмете кассационного производства как только законности в сущности не означает, что вступившее в законную силу решение не может быть отменено в силу необоснованности, а означает только то, что сам суд кассационной инстанции не может устанавливать фактические обстоятельства дела, поскольку законом не предусмотрен инструментарий для этого. Однако на практике, когда речь идет об улучшении положения лица, такие решения судами кассационной инстанции принимаются.

Так, например, согласно приговору в период с 23 часов до 02 часов у Г. после конфликта, произошедшего между ним с одной стороны, и свидетелем 6 и свидетелем 7 с другой стороны, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к подошедшему Потерпевшему возник умысел на причинение ему смерти. Реализуя умысел на убийство потерпевшего, Г. находящимся у него ножом умышленно, с целью причинения смерти, нанес потерпевшему не менее семи ударов ножом в область расположения жизненно важных органов – в область грудной клетки и левого плеча, причинив два проникающих ранения грудной клетки с повреждениями левого легкого, перикарда, правого и левого желудочков сердца, относящихся к тяжкому вреду здоровью, в результате которых наступила смерть потерпевшего на месте происшествия, а также телесные повреждения, относящиеся к легкому вреду здоровью. Осужденный Г. виновным себя не признал; в судебном заседании пояснил, что потерпевший был среди лиц, напавших на него, и нанес ему удары. Обороняясь, он (Г.) размахивал ножом.

Президиум считает, что выводы суда о фактических обстоятельствах дела соответствуют исследованным доказательствам, однако при квалификации действий осужденного неправильно применен уголовный закон.

Согласно выводам органов следствия, свидетель 6 и свидетель 7 совершили общественно опасное посягательство на осужденного, который в состоянии необходимой обороны нанес им ножевые ранения, повлекшие тяжкий вред здоровью.

Показания осужденного о том, что потерпевший был одним из лиц, нападавших на него, нанес ему удары, правильно отвергнуты судом по тем основаниям, что они содержат противоречия, опровергаются показаниями очевидцев.

Согласно показаниям свидетелей потерпевший не был участником конфликта между осужденным и свидетелем 6 и свидетелем 7. Он находился в автомобиле свидетеля 1, который, как следует из показаний свидетеля 5, приехал на место происшествия в тот момент, когда свидетель 5 усаживал в свою автомашину раненых свидетеля 6 и свидетеля 7. Суд обоснованно признал, что на момент появления автомобиля свидетеля 1 на месте происшествия конфликт между Г. и свидетелем 6 и свидетелем 7 закончился и потерпевший в нем не участвовал.

Опровергая доводы осужденного, суд в приговоре указал, что прекращение органами следствия уголовного преследования в отношении Г. в части обвинения в причинении тяжкого вреда здоровью свидетеля 6 и свидетеля 7 в связи с наличием в его действиях необходимой обороны не свидетельствует о совершении им действий в отношении потерпевшего при необходимой обороне.

Вместе с тем суд не принял во внимание, что ситуация на месте происшествия, эмоциональное состояние осужденного после общественно опасного посягательства, совершенного в ночное время, повлекшего причинение легкого вреда его здоровью, не позволяли ему объективно оценить обстановку. Он имел основания расценить появление потерпевшего на месте происшествия как продолжение этого посягательства.

Вывод суда о том, что с учетом поведения потерпевшего у Г. не могло возникнуть состояние необходимой обороны, президиум находит ошибочным. Для осужденного не был ясен момент окончания общественно опасного посягательства, совершенного группой лиц, и он не утратил право на оборону.

Президиум считает, что Г., обороняясь от предполагаемого нападения со стороны потерпевшего, применив нож, которым нанес множественные ранения потерпевшему, в том числе в область сердца, явно превысил пределы необходимой обороны, и переквалифицирует его действия с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Президиум постановил приговор Б. городского суда Забайкальского края от 28 февраля 2014 г., апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 3 июня 2014 г. в отношении Г. изменить, переквалифицировать действия Г. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ, по которой назначить ему наказание – 1 год 10 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Исключить из приговора назначение наказания в соответствии со ст. 70 УК РФ [6].

Из текста данного постановления следует, что суд кассационной инстанции не просто по-иному установил фактические обстоятельства дела, он в производстве, в котором отсутствует судебное следствие, по-иному оценил доказательства.

В связи с этим встает вопрос о понятии «исследование доказательств», в смысле ст. 274 УПК РФ всегда ли под исследованием доказательств понимается их гласное, непосредственное изучение в состязательном процессе с участием сторон. Полагаем, что изучение доказательств судьей – докладчиком, а также всеми членами президиума путем ознакомления с письменными материалами уголовного дела также означает их исследование в гносеологическом понимании этого слова и при согласии с их переоценкой судом сторонами может влечь за собой, в том числе, и иную квалификацию деяния. Такая ситуация может сложиться не только в кассационном производстве, но и при производстве в особом порядке, предусмотренном гл. 40 и 40.1 УПК РФ.

В связи с вышесказанным нам представляется, что разграничение апелляционных и кассационных производств находится не столько в плоскости законности и обоснованности, сколько в глубине и серьезности нарушений, допущенных судами первой и апелляционной инстанции. Нарушения, которые являются кассационными основаниями к отмене или изменению судебных решений, вступивших в законную силу, должны быть настолько основательны и очевидны, что могли бы преодолеть презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения.

И.С. Дикарев вполне обоснованно, исходя из реалий сегодняшнего дня, называет стадию кассационного производства ординарной [1. С. 312], по соотношению с апелляционным обжалованием кассационное обжалование и последующее рассмотрение в кассационном производстве представляет собой значительную долю. Так, за 2016 г., по данным Ставропольского краевого суда, в апелляционную инстанцию поступило жалоб и представлений по 8 727 делам и материалам, из них было отменено и изменено 1 118 приговоров и иных судебных решений, в кассационную инстанцию было подано жалоб и представлений по 2 373 делам и материалам, из них рассмотрено с изменениями и отменой президиумом 297 дел и материалов по жалобам и представлениям, т.е. процент отмен и изменений по отношению к количеству поданных жалоб и представлений по апелляционной инстанции составляет 12,8%, в кассационной инстанции – 12,5%.

Таким образом, количество отмененных и измененных приговоров и иных решений в кассационной инстанции вполне сопоставимо с количеством отмененных и измененных решений в апелляционной инстанции. Данные цифры не позволяют говорить о кассационной инстанции как об экстраординарной.

Именно это, а также требование разграничения оснований для апелляционного и кассационного производства [7] требуют уточнения кассационных оснований для отмены и изменения вступивших в законную силу приговоров и иных решений. Необходимость такого разграничения вытекает из п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку, как указал Европейский суд по правам человека, кассационное производство в целях правовой определенности подпадает под действие данного положения как отдельный вид возобновления судебного разбирательства.

Полагаем, что кассационные основания должны лежать в плоскости определения основательности причин, по которым судебное решение, вступившее в законную силу, и правовая определенность право-

применительного акта могут быть преодолены. К этим основаниям следует отнести такие нарушения права на судебную защиту, которые по своей фундаментальности наносят больший урон для правосудия и его сущности – восстановления справедливости, чем необходимость правовой определенности.

Конституционный Суд РФ связывает возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов с наличием фундаментального нарушения, неоспоримо свидетельствующего о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба [8].

Фундаментальность нарушений, влекущих за собой отмену или изменение приговора, связывается в определении Конституционного Суда РФ прежде всего с влиянием на принятое решение, а также в целом на смысл правосудия.

Следует отметить, что законодатель делал попытку определения фундаментального нарушения в период действия гл. 48 УПК РФ или «старого надзора». Федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ законодатель внес изменения в ст. 405 УПК РФ, ч. 3 которой изложил следующим образом: «К фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда». Данное определение сразу было подвергнуто критике, поскольку совершенно очевидно, что фундаментальные нарушения могут быть связаны не только и не столько с нарушениями уголовно-процессуального закона, но и с неправильным применением уголовного закона как в части квалификации деяния, так и в части назначения наказания» [9, 10]. В судебной практике при определении фундаментальности нарушений, влекущих за собой отмену или изменение судебного решения, достаточно часто апеллируют к так называемым безусловным основаниям отмены или изменения приговора, указанным в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, в тех случаях, когда они повлияли на законность приговора. Прямо на ч. 2 ст. 389.17 указывает и Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 21 постановления от 28 января 2014 г. № 2 сообщает: «К числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пп. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, в ст. 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда».

В науке высказывается мнение, в соответствии с которым «не каждое безусловное существенное нарушение является фундаментальным. К последним рекомендуется относить: постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом присяжных заседателей, нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении; отсутствие протокола судебного заседания. Фундаментальными (принципиальными) нарушениями являются только те, которые необратимо нарушают исходные начала всего состязательного судопроизводства – принципы равенства сторон и независимости суда» [9].

И.С. Дикарев предлагает при формулировании кассационных оснований применять смешанный метод их определения, через определение фундаментальных нарушений и примерный перечень, который задаст основные рамки применения таковых оснований в судебной практике: «Фундаментальное нарушение закона – это нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия» [1. С. 264]. При этом он полагает, что по мере формирования кассационной судебной практики такой перечень целесообразнее закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. С данным предложением следует согласиться еще и потому, что в этом определении фундаментальных нарушений, влекущих за собой отмену или изменение вступивших в законную силу приговоров, заложен и предмет судебного рассмотрения кассационного производства, и вопрос о разграничении вопросов права и факта при рассмотрении в суде кассационной инстанции отпадает сам собой. Другими словами вопросы факта являются предметом судебного рассмотрения в суде кассационной инстанции, если они повлекли за собой фундаментальные ошибки в вопросах права.

С основаниями отмены связан еще и срок обжалования по доводам, улучшающим положение осужденного. Поскольку вопросам ограничения обжалования по основаниям, ухудшающим положение осужденного, посвящены решения Конституционного Суда РФ, ЕСПЧ, а также достаточно много научных работ, этот вопрос в данной статье глубоко не затрагивается. Следует при этом заметить, что в настоящее время фундаментальность оснований для пересмотра приговоров действует только в отношении ухудшения положения осужденного, если же мы говорим об улучшении положения осужденного, то действуют положения существенности нарушений, которые подлежат исправлению в любом случае их влияния на законность состоявшихся судебных решений по делу.

При этом хотелось бы отметить, что подобного рода «ассиметрия» ставит в весьма невыгодное положение потерпевшего, который также имеет право на

справедливое, эффективное расследование и судебное разбирательство и в случаях неправильного применения уголовного закона, когда применена норма права, явно не отражающая фактические обстоятельства дела, позволяет лицу, в отношении которого велось уголовное преследование, уйти от уголовной ответственности или получить явно мягкое наказание, не соответствующее реально содеянному. Данной «ассиметрии» способствует также положение, в соответствии с которым обжалование вступивших в законную силу решений в сторону «улучшения» положения осужденного сроков не имеет, что влечет за собой неопределенность, которую ЕСПЧ именовал неприемлемой [11].

Кроме того, отсутствие сроков обжалования порождает иногда технические трудности, поскольку обжалуются решения, которые содержатся в материалах производства, срок хранения которых истек, и установить обоснованность доводов жалобы представляется затруднительным. Действительно, Европейский суд по правам человека в Постановлении по делу А.И. Рябых от 24 июля 2003 г. (п. 51 и 54) указал на недопустимость правовой неопределенности, когда возможность обжалования решения, вступившего в законную силу, не ограничена во времени, так что судебные постановления могут быть оспорены на протяжении неопределенного срока [12].

Представляется, что законодателю необходимо вернуться к установлению сроков для кассационного пересмотра приговоров и иных решений, за исключением случаев, когда пересмотр связан с оправданием лица или правом его на реабилитацию [13].

Необходимо отметить, что ст. 376 ГПК РФ устанавливает срок обжалования судебных решений в кассационном порядке и предусматривает возможность их восстановления, а ст. 401.6 УПК РФ предусматривает срок пересмотра (т.е. срок, в течение которого суд кассационной инстанции может реализовать свое полномочие пересмотреть вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда).

Кроме того, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 содержит положения, в соответствии с которым «пропущенный при подаче кассационных жалобы, представления предусмотренный статьей 401.6 УПК РФ годичный срок, в течение которого допускается поворот к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке, восстановлению не подлежит вне зависимости от уважительности причины его пропуска. В таком случае ходатайство о восстановлении пропущенного срока возвращается заявителю без рассмотрения. Решение о повороте к худшему не может быть принято судом кассационной инстанции по истечении годичного срока и в тех случаях, когда постановление о передаче кассационных жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной инстанции было вынесено до его истечения. При этом суд кассационной инстанции оставляет жалобу, представление без удовлетворения».

Полагаем, что такое разъяснение подчас ограничивает права потерпевших в уголовном судопроизводстве и позволяет лицам, совершившим преступления уходить от ответственности.

Было бы целесообразно установить срок обжалования вступивших в законную силу решений суда (не срок пересмотра) по доводам, улучшающим положение лица, связав его с исполнением наказания, например, не более одного года с момента, когда наказание исполнено, по доводам, ухудшающим положение лица в течение одного года с момента вступления в законную силу. Также необходимо предусмотреть возможность восстановления данного срока, если он пропущен по уважительной причине, поскольку положения ст. 130 УПК РФ должны распространяться и на стадии обжалования приговоров, вступивших в законную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. URL: http://va-mvd.ru//files/diser/diserDekarev.pdf
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2015. 552 с. С. 533.
3. Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Рос. Федерации Г.И. Загорского. М. : Юрлитинформ, 2014. 288 с.
4. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений у контрольно-проверочных стадиях производствах уголовного судопроизводства России. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 230.
5. Головко Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 22.01.2015 № 44-У-184, 185-2014 // СПС Консультант Плюс Проф.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99) // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.
9. Борисевич Г.Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2.
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник М. : Норма, 2007. С. 606.
11. Решение ЕСПЧ от 19.04.2016 по вопросу приемлемости жалобы «Тимур Иванович Кашлан против России» // СПС Консультант Плюс.
12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // СПС КонстультантПлюс.
13. Рукавишникова А.А. Пресекательный срок существования права на подачу кассационной жалобы (представления) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 62.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 января 2018 г.

CASSATION GROUNDS FOR CANCELLATION OR CHANGE OF JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 215–220.
DOI: 10.17223/15617793/429/28

Anna V. Kudryavtseva, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

Keywords: cassation grounds; substantial and fundamental breach; timing of appeal and time for consideration.

The improvement stage of the appeal proceedings as an exceptional stage must meet the requirements of the balance of the two values of legal certainty and of the right to judicial protection. These balance requirements should be met by cassation grounds for cancellation or change of judicial decisions, closely related to the subject of legal proceedings in cassation. The subject of the judicial review appeal, laid down in Article 401.1 of the RF Code of Criminal Procedure, is limited to questions of law that distinguishes this dimension from other forms of checking court decisions (appeals, resuming criminal case due to new or newly discovered facts). The article substantiates a position according to which questions of legality and reasonableness are closely connected, and the provisions of the law on the subject of appeal as legality only in essence does not mean that an enforceable decision may not be superseded by groundlessness, and only means that the appeal court cannot establish the actual circumstances of the case, since the law does not provide tools for this. The author believes that the definition of appeal grounds should lie in the determination of the solidity of the reasons why the presumption of the truth of judicial decisions entered into legal force and legal certainty of enforcement of the act can be overcome. The justification should include such a violation of the right to judicial protection, which in its fundamentality causes more damage to justice and its essence, which is the need for legal certainty. Questions of fact are subject to a judicial review in the court of appeal, if they resulted in a fundamental error in matters of law. The article also substantiates the expediency of establishing the time for appeal of enforceable court decisions (no time limit) review by arguments, improving the position of persons by associating them with the execution of a sentence, for example, not more than one year from the date when the punishment is fulfilled, by arguments that worsen the situation of persons within one year from the date of their entry into force. It is also necessary to provide the possibility of reinstatement of the time limit if it is missed for a valid reason, since the provisions of Article 130 of the RF Code of Criminal Procedure shall apply to appeal sentences entered into force.

REFERENCES

1. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya* [Supervisory-cassation form of review of judicial decisions in the criminal procedure: theoretical foundations and ways of improvement]. Law Dr. Diss. Volgograd. [Online] Available from: http://va-mvd.ru//files/diser/diserDekarev.pdf.
2. Kolokolov, N.A. (ed.) (2015) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervye rezul'taty primeneniya: v 2 ch.* [Appeal, cassation, supervision: novels of the RF Civil and Criminal Procedure Codes. The first results of application: in 2 parts]. Pt. 1. Moscow: Yurlitinform.
3. Borodinova, T.G. (2014) *Teoreticheskie i pravovye osnovy formirovaniya instituta peresmotra prigovorov v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii* [Theoretical and legal basis for the formation of the institution of review of sentences in the criminal procedure law of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
4. Potapov, V.D. (2012) *Osnovnye nachala proverki sudebnykh resheniy u kontrol'no-proverochnykh stadiyakh proizvodstvakh ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [The main principles of the audit of court decisions in the control and verification stages of criminal proceedings in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
5. Golovko, L.V. (2011) Novelly UPK RF: progress ili institutsional'nyy khaos? [Novels of the RF Code of Criminal Procedure: progress or institutional chaos?]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF i UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: novels of the RF Civil and Criminal Procedure Codes. The first experience of critical comprehension]. Moscow: Yurist.
6. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Zabaykal'skogo kraevogo suda ot 22.01.2015 44-U-184, 185-2014* [udgment of the Presidium of the Trans-Baikal Regional Court of 22.01.2015 No. 44-U-184, 185-2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
7. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2004) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 20 iyulya 2004 g. Delo "Nikitin protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba 50178/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights on July 20, 2004. The case of Nikitin v. Russian Federation (complaint No. 50178/99)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
8. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2012) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 iyunya 2012 g. N 1248-O po zhalobe grazhdanina Khoroshenko Andreya Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 5 stat'i 403, chast'yu chetvertoy stat'i 413 i chastyami pervoy i pyatoy stat'i 415 ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 N 1248-O on the complaint of citizen Andrei Khoroshenko on violation of his constitutional rights by Paragraph 5 of Article 403, Part Four of Article 413 and Parts 1 and 5 of Article 415 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
9. Borisevich, G.Ya. (2013) O sushchestvennykh, neustranimykh, fundamental'nykh narusheniyakh zakona kak osnovaniyakh otmeny ili izmeneniya sudebnykh resheniy po ugolovnym delam [On significant, unavoidable, fundamental violations of the law as grounds for cancellation or change of judicial decisions in criminal cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2.
10. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2007) *Ugolovnyy protsess* [The criminal procedure]. Moscow: Norma.
11. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2016) *Reshenie ESPCh ot 19.04.2016 po voprosu priemlemosti zhaloby "Timur Ivanovich Kashlan protiv Rossii"* [Judgment of the ECtHR of 19.04.2016 on the admissibility of the complaint "Timur Ivanovich Kashlan v. Russia"]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2003) *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 24 iyulya 2003 g. Delo "Ryabykh protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba 52854/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights of July 24, 2003 in the case of Ryabykh v. Russia (complaint No. 52854/99)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Rukavishnikova, A.A. (2015) Preclusive term for the right to file a cassation appeal (representation). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (5). pp. 60–63. (In Russian).

Received: 18 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 221–226. DOI: 10.17223/15617793/429/29

УДК 341.645.5

Т.Д. Оганесян

ПРОЦЕДУРА ПИЛОТНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК СРЕДСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Исследуются вопросы, связанные с влиянием процедуры пилотного постановления ЕСПЧ на совершенствование правовых систем государств-ответчиков. Проведен краткий обзор некоторых пилотных постановлений, принятых в отношении государств-ответчиков; дается оценка эффективности принятых мер общего характера. Обоснован вывод о том, что процедура пилотного постановления должна применяться лишь в исключительных случаях, когда существует потенциал для поиска средств устранения проблемы на национальном уровне.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Совет Европы; процедура пилотного постановления; структурные (системные) проблемы; имплементация; меры общего характера.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд) неоднократно подчеркивал в своих решениях, что Конвенция – «живой инструмент, который должен быть интерпретирован исходя из обстоятельств дня сегодняшнего» [1. П. 31]. В связи с этим представляется актуальным и целесообразным рассмотрение вынесенных пилотных постановлений Европейского суда как непосредственного способа интерпретации положений Конвенции.

Процедура пилотного постановления, получившая свое закрепление в 2011 г. в Регламенте ЕСПЧ, закрепила специальный механизм, позволяющий Суду предписывать государству-ответчику меры общего характера, необходимые для устранения внутренней структурной (системной) проблемы в национальной правовой системе.

Специфические системные (структурные) недостатки, возникающие внутри правовых систем государств-участников, весьма сложны. Некоторые из них присутствуют только в одной национальной системе правопорядка. Выявленные структурные проблемы или группа структурных недостатков требуют особого внимания со стороны национальных властей.

Как отмечает А. Буизе, «процедура пилотного постановления зависит в значительной степени от готовности государства-ответчика сотрудничать. Так как пилотное решение по своему характеру применяется в широкой ситуации, нежели только положение индивидуального заявителя, проблему сотрудничества государств можно назвать “ахиллесовой пятой” этой процедуры» [2. С. 137].

Необходимо обратить внимание на одну из основных целей пилотных постановлений – стремление Европейского суда и всех органов Совета Европа, задействованных на различных стадиях процедуры пилотного постановления, к созданию системы эффективных средств правовой защиты на национальном уровне, поскольку большая часть повторяющихся дел подтверждает данную необходимость.

Суд проявляет особую осторожность и предусмотрительность при указании общих мер в пилотном постановлении, поскольку данные меры должны соответствовать конституционным принципам государства-ответчика, историческим и политико-правовым традициям и возможностям государственного бюджета. В первом пилотном постановлении (Брониовски против Польши) суд указал, что меры по защите имущественных прав или регулированию отношений собственности внутри страны, которые государство должно предоставить тем, кто потерял собственность в результате национализации, могут «требовать принятия решений, ограничивающих размер компенсации за изъятие имущества или размер реституции имущества до уровня ниже рыночной стоимости» [3. П. 182–183]. Суд также учел бюджетные и экономические трудности, которые были тесно связаны с основными структурными проблемами.

Трансформация национальных правовых систем, зачастую связанная с изменениями ценностных, ментальных подходов, естественным образом не может происходить в короткий промежуток времени и требует непрерывной и поэтапной работы национальных властей над решением системной проблемы. Как отметила г-жа Мари-Луиза Бемельманс-Видек в своем отчете, «единообразный для всех подход к использованию национальных средств судебной защиты (например, требование о том, чтобы правовые системы государства включали в себя одинаковые законы) является неприемлемым… государствам-участникам необходима гибкость действий в рамках своих национальных условий и правовых систем» [4. П. 33].

Как отмечает Я. Герардс, существует большая вероятность того, что национальные власти государства-ответчика «не очень горят желанием сотрудничать с Судом», особенно если предполагаемая структурная дисфункция является «политически чувствительной» [5. P. 10]. Многие авторы связывают эффективность сотрудничества суда с государствами-ответчиками на стадии решения вопроса наличия структурной проблемы от характера предполагаемого нарушения, оценки национальных властей, а также от политических и экономических преимуществ в сотрудничестве с судом [6. P. 71].

Очень важно, что Европейский суд оставляет национальным властям некоторую автономию в выборе необходимых мер общего характера, не навязывая их. Данная политика направлена в том числе и на стремление в процессе диалога между правительствами и КМСЕ выработать необходимый план действий, включив конкретные меры. Поэтому в рамках исследования вынесенных пилотных постановлений и достигнутых результатов трудно переоценить роль диа-

лога и сотрудничества. При этом мы видим, что в случае уклонения национальных властей от реализации предписанных мер Совет Европы посредством своих структурных органов оказывает весьма ощутимое политическое давление на власти.

В рамках производства процедуры пилотного постановления лежит разделение компетенции между Европейским судом, в чьи функции входит «обеспечение соблюдения обязательств, принятых Высокими Договаривающимися Сторонами Конвенции и протоколов к ней» (ст. 19 Конвенции), с одной стороны, и Комитетом министров Совета Европы, осуществляющим «надзор за исполнением окончательных постановлений Европейского Суда» (ст. 46 Конвенции), с другой. Осознание этого разделения обязанностей сформировалось с учетом меняющихся обстоятельств, в частности с учетом роста количества структурных и системных нарушений Конвенции. Процедура пилотного постановления определила новое содержание конвенциальным ролям Европейского суда и Комитета министров. Особую актуальность приобрел вопрос сбалансирования обязанностей в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения положений пилотного постановления.

При этом Комитет министров Совета Европы обладает более широкими полномочиями и находится в лучшем положении, нежели Европейский суд, для осуществления надзора за принятием властями соответствующих мер общего характера.

В рамках процедуры пилотного постановления Европейский суд не стремится подменить собой компетентные органы национальных властей. В этом проявляется не только логика процедуры пилотных постановлений, но и субсидиарная роль Европейского суда, которую он должен исполнять по отношению к государствам-ответчикам в соответствии со ст. 1 и 19 Конвенции.

Механизм имплементации пилотных постановлений в России в настоящее время представлен на уровне Верховного Суда РФ, в котором Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда ведется систематизированный учет судебной практики Европейского суда по правам человека. Кроме того, отделом анализа прецедентной практики, организации и контроля исполнения решений (Аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека) осуществляются сбор, анализ и обобщение пилотных постановлений Европейского суда в целях изучения правовых последствий данных постановлений, вынесенных в отношении государств – членов Совета Европы, и подготовки с учетом практики Европейского Суда и Комитета министров Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики.

На сегодняшний день механизм имплементации пилотных постановлений определяется также Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», на основе которого ведется мониторинг исполнения постановлений ЕСПЧ с ежегодной публикацией отчета с рекомендациями законодателям и правоприменительным органам [7].

В опубликованном Министерством юстиции РФ докладе о результатах мониторинга правоприменения в 2016 г. указывается, что в настоящее время ведется работа по исполнению 150 постановлений ЕСПЧ, среди которых пилотные постановления по делам «Ананьев и другие против России», «Карелин против России», требующие внесения изменений в законодательство Российской Федерации [8]. Кроме того, в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы РФ находятся шесть законопроектов, разработанных с учетом выводов Европейского суда по правам человека, содержащихся в том числе в пилотном Постановлении от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России».

В результате вынесения пилотных постановлений были внесены существенные изменения в российскую пенитенциарную систему, созданы средства правовой защиты от чрезмерной длительности судебного разбирательства, неисполнения судебных решений, бесчеловечных условий содержания под стражей. В целях повышения эффективности имплементации пилотных постановлений в российскую правовую систему вопросы, связанные с выявлением проблем и способов реализации пилотных постановлений, особенно актуальны устранения структурных дисфункций.

Реализация предписанных мер пилотными постановлениями по делам «Бурдов против России (№ 2)», «Герасимов и другие против России» повлияли на развитие института компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства в национальном процессуальном законодательстве и позволили впервые установить критерии оценки длительности судебного разбирательства. При этом реализация созданных средств правовой защиты оставляют желать лучшего. Сумма компенсаций, присуждаемая национальными судами РФ за нарушение сроков исполнения судебных актов или судопроизводства в разумный срок, ненадлежащих условий содержания под стражей, существенно ниже тех сумм, которые присуждаются Европейским судом в аналогичных случаях.

В период с 1 января 2016 г. по 15 июня 2017 г. завершена работа по совершенствованию законодательства Российской Федерации в связи с пилотным постановлением Европейского суда от 1 июля 2014 г. по делу «Герасимов и другие против Российской Федерации», а также в связи с пилотным постановлением Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» [Там же].

В связи с рядом постановлений Европейского суда в настоящее время продолжается работа по внесению изменений в законодательство Российской Федерации. На рассмотрении Государственной Думы находится ряд законопроектов, разработанных с учетом выводов Европейского суда, указанных в пилотных постановлениях ЕСПЧ. В настоящее время федеральные органы исполнительной власти продолжают работу по подготовке проектов нормативных правовых актов в рамках исполнения пилотного постановления по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», «Карелин против России».

В настоящее время Европейский суд инициирует процедуру пилотного постановления по делу «Томов и другие против России», связанного с правилами перевозки осужденных и подследственных в России. Структурная проблема касается бесчеловечных условий транспортировки заключенных в России и необходимости внесения соответствующих изменений в отечественное законодательство в связи с массовыми жалобами в Европейский суд. Об этом, в частности, говорится в коммуникационном отчете, который ЕСПЧ направил в Минюст и трем заключенным заявителям из Коми.

Внимание ЕСПЧ к бесчеловечным условиям перевозки заключенных привлекла жалоба гражданина Томова, поданная в 2011 г. со ссылкой на нарушение ст. 3 Европейской конвенции о правах человека (запрет на пытки): заявитель при перевозке по Воркуте более двух часов провел в неотапливаемом автозаке, где на трех квадратных метрах находились еще девять заключенных с личными вещами. Так же тесно и холодно было и в железнодорожном вагоне, куда затем пересадили осужденного для этапа в колонию.

После того как ЕСПЧ коммуницировал жалобу господина Томова, РФ в 2014 г. признала нарушение ситуация не изменилась и заявителям не удалось добиться в судах РФ отмены правил перевозки, где на заключенного выделяется менее 0,6 кв м без багажа и менее 0,8 кв м с багажом. Данная ситуация, по мнению суда, свидетельствует о наличии системной проблемы российского законодательства, обосновывающей применение процедуры принятия пилотного постановления [9].

ЕСПЧ отметил, что нормы площади и высоты спецтранспорта, установленные российскими требованиями к спецавтомобилям для перевозки подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не соответствуют указанным стандартам ЕКПП и практике Европейского суда. Существующие в Российской Федерации средства правовой защиты (как превентивные, так и компенсаторные) применительно к рассматриваемому в постановлении периоду не могут расцениваться в качестве эффективных, способных устранить нарушения и предоставить надлежащую компенсацию причиненного вреда. Европейский суд с 2016 . ссылаясь на ранее вынесенные постановления, указывает, что отмеченная им проблема необеспечения надлежащих условий транспортировки подозреваемых, обвиняемых и заключенных является системной для Российской Федерации.

В рамках исполнения постановлений по группе дел «Гулиев» (Guliyev), связанных с необеспечением российскими властями надлежащих условий транспортировки подозреваемых, обвиняемых и заключенных (нарушение ст. 3 Конвенции) и отсутствием у заявителей эффективных средств правовой защиты от нарушений, прорабатывается вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство Российской Федерации в соответствии с международными стандартами. В 2016 г. была продолжена его проработка [8]. В настоящее время Минюстом России продолжается работа по подготовке нормативных правовых актов, направленных на реализацию указанных положений Концепции, а также на увеличение нормы площади, приходящейся на одного осужденного в камерах специальных вагонов.

Рассматривая вопрос об оправданности применения процедуры пилотного постановления, целесообразно упомянуть пилотное постановление по делу «Иванов против Украины», исполнение которого нельзя признать эффективным. Осознавая неэффективность процесса имплементации общих мер украинскими властями, Европейский суд поставил вопрос о значении для целей Конвенции продолжения рассмотрения жалоб типа «Иванов против Украины». Соответственно, возник вопрос о том, насколько оправдано рассмотрение жалоб «после дела Иванова» с учетом ст. 19 и 46 Конвенции и предусмотренного пп. «с» п. 1 ст. 37 Конвенции права Европейского суда прекратить производство по жалобе при наличии к тому оснований.

Структурная проблема, установленная в деле «Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine» от 15 октября 2009 г., касалась неисполнения судебных решений и отсутствия эффективных средств правовой защиты на уровне страны. Начиная с 2004 г., суд неоднократно обращал внимание в своих решениях более чем по 300 делам против Украины. При этом на момент инициирования процедуры пилотного постановления было подано приблизительно 1 400 аналогичных жалоб против Украины по тем же структурным вопросам [10].

Несмотря на неоднократные попытки украинских властей, в частности введение средства правовой защиты в 2013 г., принятые меры до сих пор не являются успешными в решении проблемы [11]. Как следствие, приток новых жалоб, подаваемых в Европейский суд, продолжает расти. Совсем недавно, в декабре 2015 г., в судебной палате ЕСПЧ, в которой подобные случаи были выделены, отказались от юрисдикции в отношении группы соответствующих дел в пользу Большой палаты [12]. В настоящее время дела находятся на рассмотрении Большой Палаты.

Таким образом, проблема неисполнения решений национальных судов Украины достигла точки, требующей принятия решительных мер. Украинские власти не вводят необходимых изменений в законодательство, а также не выделяют должного финансирования.

В Постановлении Большой Палаты по делу «Бурмыч и другие против Украины» от 12 октября 2017 г. Европейский суд принял решение объединить рассмотрение поданных пяти жалоб, а также 12 143 других жалоб, перечисленных в приложении к постановлению, в одно производство [13]. Европейский суд отметил, что все эти дела должны быть рассмотрены в рамках процедуры исполнения постановления по делу «Иванов против Украины», и передал КМСЕ для осуществления контроля за реализацией мер общего характера, указанных в пилотном постановлении.

Как неоднократно признавали сами украинские власти и Комитет министров Совета Европы в 2008 г. в своей промежуточной Резолюции, принятой после принятия постановления по делу «Иванов против Украины», проблема неисполнения и задержки исполнения судебных решений на тот момент существовала в Украине более десяти лет. Она остается

нерешенной и сегодня, несмотря на направляемые властям государства-ответчика на протяжении многих лет дополнительные инструкции Комитета министров Совета Европы в виде шести последовательных временных резолюций.

В сентябре 2009 г. на момент инициирования процедуры пилотного постановления по делу «Иванов против Украины» на рассмотрении Европейского Суда находилось 1 400 аналогичных дел. В настоящее время, даже с учетом того, что Европейский суд рассмотрел 14 430 таких дел, все еще ожидали рассмотрения 12 143 дела. Европейский суд будет перегружен поступающими жалобами до тех пор, пока не будет устранена выявленная структурная проблема в украинской правовой системе.

Длительное неисполнение надлежащих мер общего характера вынудило Европейский суд применять практику рассмотрения аналогичных дел по типу «Иванов против Украины» путем ускоренного упрощенного производства по сгруппированным делам и вынесения решений о прекращении производства, ограничивающихся, главным образом, констатацией факта нарушения и указанием суммы справедливой компенсации. Это позволяет заявителям получать быстрые решения о присуждении им денежных компенсации.

Однако к реальному прогрессу реализации мер общего характера данная судебная политика не привела. Ежегодно в ЕСПЧ поступают новые жалобы, касающиеся проблемы неисполнения украинскими властями внутригосударственных судебных решений.

Автор полагает, что в данном пилотном постановлении суд не учел в полной мере предпосылок политического и экономического кризисов, постигших Украину. Вышеперечисленное доказывает, что исполнение указанного пилотного решения требует комплексных реформ не только в сфере законодательства, но и в сфере правоприменительной практики. В данном случае власти Украины, с одной стороны, обладали незначительными средствами для существенного решения структурной проблемы, в то же время принятые меры не были должным образом финансированы, оказались недостаточными и неспособными устранить столь стойкую и сложную структурную дисфункцию национальной правовой системы.

Несмотря на имеющийся потенциал, тем не менее, процедура пилотного постановления несет в себе некоторые риски, которые могут снизить его эффективность. Суд должен проявлять политико-правовую чувствительность и осторожность при принятии решения инициирования и последующего производства процедуры. Важно, чтобы процедура пилотного постановления использовалась только в исключительных и крайне необходимых случаях, где систематические нарушения прав человека являются острыми и очевидными и где действительно существует потенциал для поиска средств устранения проблемы на национальном уровне. Это также подразумевает то, что суду предстоит внимательным образом изучать факты и доводы сторон для определения эффективности принятия пилотного постановления.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что практика вынесения пилотных постановлений играет важную роль в установлении единообразия самой процедуры и позволяет использовать опыт государств в преодолении системных проблем. Обмен опытом устранения комплексных структурных проблем между государствами и с органами Совета Европы значительно ускоряет и улучшает качество процесса исполнения пилотных решений. Для успешного совершенствования правовых систем государства – участницы Конвенции должны обладать комплексом правовых, организационных и финансовых механизмов, определяющих продуктивность процедуры пилотного постановления. Эффективность имплементации большинства вынесенных пилотных постановлений можно считать удовлетворительной, а в некоторых случаях, связанных с преодолением проблем посткоммунистического строя, – положительной, позволяющей суду гармонизировать и унифицировать общее правовое пространство Совета Европы. Однако для полной реализации большинства принятых мер государствами-ответчиками требуются постоянный мониторинг за состоянием законодательства, совершенствование отдельных аспектов правоприменительной практики и, что не менее важно, – своевременное и достаточное выделение необходимых бюджетных средств для присуждения компенсаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Tyrer v. the United Kingdom» от 25 апреля 1978 года (жалоба № 5856/72). // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 15.04.2017).
2. Буизе А. Процедура вынесения пилотных постановлений Европейским судом по правам человека: перспективы и проблемы // Право Украины. 2013. № 3.
3. Постановление Европейского суда по делу «Брониовски против Польши» от 22 июня 2004, жалоба № 31443/96 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 15.04.2017).
4. Отчет Комитета по правовым вопросам и правам человека ПАСЕ. Мари-Луиза Бемельманс-Видек (Нидерланды, Группа Европейской народной партии в Совете Европы) «Гарантирование компетенции и эффективности Европейской конвенции о защите прав человека», Doc.12811 от 3 января 2012.
5. Janneke Gerards. The pilot judgment procedure before the European Court of Human Rights as an instrument for dialogue / M. Claes & P. Popelier (eds.). Constitutional Conversations Antwerp: Intersentia, 2013.
6. Wildhaber L. Pilot Judgments in Cases of Structural or Systemic Problems on the National Level // The European Court of Human Rights Overwhelmed by Applications: Problems and Possible Solutions. Berlin, 2009.
7. Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета. 25.05.2011. № 110.
8. Доклад о результатах мониторинга правоприменения за 2016 год. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55930 (дата обращения: 30.10.2017).
9. Коммуницированная жалоба № 41234/16 по делу «Томов и другие против России» от 3 апреля 2017 года. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-173326 (дата обращения: 05.05.2017).

10. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine» от 15 октября 2009 г., жалоба № 40450/04 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 15.04.2017).
11. Notes for the 1230th meeting (June 2015) (DH) for full details about the measures taken together with the analysis thereof. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804ae13c (дата обращения: 08.08.2016).
12. Пресс-релиз Секретариата ЕСПЧ по делу «Burmych and Others v. Ukraine» от 08.12.2015 (жалобы № 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13 и 3653/14) // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 15.04.2017).
13. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бурмыч и другие против Украины» от 12 октября 2017 г., жалобы № 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13, 3653/14 // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 15.10.2017).

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 января 2018 г.

THE PROCEDURE OF THE PILOT JUDGMENT OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AS A MEANS OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS TRANSFORMATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 221–226.
DOI: 10.17223/15617793/429/29

Tigran D. Oganesyan, Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation); Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: onassis33@mail.ru

Keywords: European Court of Human Rights; Council of Europe; pilot judgment procedure; structural (systemic) problems; implementation; general measures.

The article examines the issues related to the influence of the procedure of pilot judgments of the ECtHR on the improvement of the legal systems of the Respondent States. A brief overview of some of the pilot actions taken in respect of the Respondent States is made; the effectiveness of the adopted measures of a general nature is assessed. The purpose of pilot judgments is the desire of the European Court and of all bodies of the Council of Europe involved in the procedure of pilot judgments at different stages to create a system of effective remedies at the national level, since a large part of duplicate cases confirms this necessity. The author emphasizes that the European Court should exercise special care and diligence in the indication of general measures in a pilot decision, as these measures conform with the constitutional principles of the Respondent State, historical and political-legal traditions and possibilities of the state budget. A conclusion is justified that the pilot judgment procedure should be applied only in exceptional cases, when there is an opportunity to find means to solve the problem at the national level. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition: dialectical, logical, systemic, functional, etc. Methods used in the science of international law were applied: system-legal, comparative legal, and method of interpretation of law. The latter was especially needed in addressing issues of a legal nature and specifics of the proposed pilot judgments of the European Court of Human Rights. The transformation of national legal systems, often associated with changes of value and mental approaches in a natural way, can not happen in a short period of time and require continuous and progressive work of national authorities on solving systemic problems. According to the author, the practice of making pilot judgments plays an important role in establishing the uniformity of the procedure and allows using the experience of states in overcoming systemic problems. Exchange of experience in addressing complex structural problems between the states and with the Council of Europe bodies greatly accelerates and improves the quality of pilot judgments execution. For a successful improvement of the legal systems, the member states of the Convention must have a set of legal, institutional and financial mechanisms that determine the productivity of the pilot judgment procedure. The effectiveness of the implementation of most pilot judgments can be considered satisfactory and in some cases, when overcoming the challenges of the post-Communist system, positive enable the Court to harmonize and unify the common legal space of the Council of Europe. However, to fully implement most of the measures taken by the Respondent States require constant monitoring of the state of legislation, the improvement of certain aspects of legal practice and, equally important, the timely and sufficient allocation of the necessary budget funds to award compensation.

REFERENCES

1. The official website of the European Court of Human Rights. (1978) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka po delu "Tyrer v. the United Kingdom" ot 25 aprelya 1978 goda (zhaloba 5856/72)* [The judgment of the European Court of Human Rights in the case of Tyrer v. the United Kingdom of 25 April 1978 (complaint No. 5856/72)]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/. (Accessed: 15.04.2017).
2. Buize, A. (2013) Protsedura vyneseniya pilotnykh postanovleniy Evropeyskim sudom po pravam cheloveka: perspektivy i problemy [The procedure for making pilot judgments by the European Court of Human Rights: perspectives and problems]. *Pravo Ukrainy*. 3.
3. The official website of the European Court of Human Rights. (2004) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po delu "Broniovski protiv Pol'shi" ot 22 iyunya 2004, zhaloba 31443/96* [The judgment of the European Court in the case of Broniowski v. Poland of 22 June 2004, complaint No. 31443/96]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/. (Accessed: 15.04.2017).
4. Bemelmans-Widek, M.-L. (2012) *Garantirovanie kompetentsii i effektivnosti Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka* [Guaranteeing the competence and effectiveness of the European Convention on Human Rights]. Doc.12811 of 3 January 2012.
5. Janneke Gerards. (2013) The pilot judgment procedure before the European Court of Human Rights as an instrument for dialogue. In: Claes, M. & Popelier, P. (eds) *Constitutional Conversations*. Antwerp: Intersentia.
6. Wildhaber, L. (2009) Pilot Judgments in Cases of Structural or Systemic Problems on the National Level. In: Wolfrum, R. & Deutsch, U. (eds) *The European Court of Human Rights Overwhelmed by Applications: Problems and Possible Solutions*. Berlin: Springer.
7. Rossiyskaya gazeta. (2011) Ukaz Prezidenta RF ot 20.05.2011 657 (red. ot 25.07.2014) "O monitoringe pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 657 of May 20, 2011 (as amended on July 25, 2014) "On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 May. 110.
8. Kremlin.ru. (2016) *Doklad o rezul'tatakh monitoringa pravoprimeneniya za 2016 god* [Report on the results of monitoring of law enforcement for 2016]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/55930. (Accessed: 30.10.2017).
9. The official website of the European Court of Human Rights. (2017) *Kommunitsirovannaya zhaloba 41234/16 po delu "Tomov i drugie protiv Rossii" ot 3 aprelya 2017 goda* [Communicated complaint No. 41234/16 in the case of Tomov and Others v. Russia of 3 April 2017]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-173326. (Accessed: 05.05.2017).
10. The official website of the European Court of Human Rights. (2009) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka po delu "Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine" ot 15 oktyabrya 2009 g., zhaloba 40450/04* [The judgement of the European Court of Human Rights in the case

of Yuriy Nikolayevich Ivanov v. Ukraine of October 15, 2009, complaint No. 40450/04]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/. (Accessed: 15.04.2017).

11. Council of Europe. (2015) *Notes for the 1230th meeting (June 2015) (DH) for full details about the measures taken together with the analysis thereof*. [Online] Available from: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804ae13c. (Accessed: 08.08.2016).
12. The official website of the European Court of Human Rights. (2015) *Press-reliz Sekretariata ESPCh po delu "Burmych and Others v. Ukraine" ot 08.12.2015 (zhaloby 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13 i 3653/14)* [Press release of the ECtHR Secretariat in the case of Burmych and Others v. Ukraine of 08.12.2015 (complaints No. 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13 and 3653/14)]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/. (Accessed: 15.04.2017).
13. The official website of the European Court of Human Rights. (2017) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka po delu "Burmych i drugie protiv Ukrainy" ot 12 oktyabrya 2017 g., zhaloby 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13, 3653/14* [The judgment of the European Court of Human Rights in the case of Burmych and Others v. Ukraine of 12 October 2017, complaints No. 46852/13, 47786/13, 54125/13, 56605/13, 3653/14]. [Online] Available from: http://hudoc.echr.coe.int/. (Accessed: 15.10.2017).

Received: 27 January 2018

Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230. DOI: 10.17223/15617793/429/30

УДК 343.2

Л.М. Прозументов

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ДЕЯНИЙ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРИЗНАК ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с основанием криминализации (декриминализации) деяний, которым по мнению большинства исследователей, является их общественная опасность. Обосновывается позиция, в соответствии с которой распространенность тех или иных деяний не является самостоятельным признаком, учитывающимся наравне с общественной опасностью при криминализации (декриминализации) деяний, а является факультативным признаком общественной опасности конкретных деяний.

Ключевые слова: преступление; наказание; общественная опасность; криминализация; распространенность; основание.

В научной литературе большинством исследователей поддерживается позиция, в соответствии с которой общественная опасность деяния определяется внешним его выражением: объективной стороной конкретного деяния (прежде всего, причиненным вредом) и объектом посягательства [1. С. 60; 2. С. 33–34; 3. С. 102; 4. С. 52 и др.]. Субъект и субъективная сторона деяния, по мнению большинства исследователей, не являются определяющими элементами его общественной опасности, поскольку внешне одинаково выраженные деяния могут причинить одинаковый вред независимо от виновного или невиновного отношения субъекта к деянию. Субъект – это обязательное условие привлечения к уголовной ответственности. Безусловно, в уголовном законодательстве предусмотрены преступления со специальным субъектом, тогда мы сталкиваемся с одним из двух случаев:

– специальный субъект является обязательным признаком преступления в силу своей «специальности». Без него нет и преступления по своей сути. Например, получение взятки (ст. 290 УК РФ) возможно только должностным лицом, что обусловлено самой сущностью понятия «взятка»;

– действительно, в отдельных случаях может повышаться общественная опасность деяния, но не из-за субъекта, его совершившего, а за счет «удвоения» объекта посягательства, т.е. посягательство нарушает две и более группы общественных отношений, за счет чего и происходит повышение общественной опасности.

Субъективная сторона деяния не является определяющим элементом общественной опасности деяния, поскольку внешне одинаково выраженные деяния могут причинить одинаковый вред независимо от виновного или невиновного отношения субъекта к деянию. Вина является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Общественная опасность личности как социально-психологической категории также не может рассматриваться в качестве основания установления уголовной ответственности, поскольку криминализируются только деяния, а не признаются преступниками определенные категории лиц, обладающих какими-либо социально-психологическими признаками.

Отметим, что общественная опасность личности имеет значение для криминализации постольку, поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями, и эта личность требует применения к ней мер государственного или общественного воздействия в целях общей и специальной превенции. При отсутствии общественной опасности личности не было бы необходимости в криминализации общественно опасных деяний (как и вообще каких-либо уголовно-правовых запретов). Тем не менее, по мнению большинства исследователей, общественная опасность личности не имеет самостоятельного значения для криминализации и должна рассматриваться как вспомогательное понятие для более глубокого познания субъективной стороны преступления, раскрытия общественной опасности деяния и индивидуализации уголовной ответственности [1. С. 66; 5. С. 24].

Таким образом, общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением, а именно объективной стороной деяния (и прежде всего вредом) и объектом посягательства.

Можно говорить о том, что основанием установления уголовно-правового запрета является повышенная (достаточно высокая) степень общественной опасности запрещенного деяния. Аргументом, подтверждающим высказанное положение, является ч. 2 ст. 14 УК РФ, где указано, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Исходя из нашей интерпретации понятия «общественная опасность», фразу «не представляющее общественной опасности» можно толковать как «имеющее достаточно низкую степень общественной опасности», т.е. не причиняющее существенного вреда обществу.

Отметим, что вряд ли можно считать общественно опасным такое поведение лица, которое уже причинило вред обществу, поскольку в данном случае общественная опасность реализовалась. В этой связи очевидно, что вредоносность деяния состоит в способности его причинять вред обществу. Если же исходить из иного, то вряд ли возможно обосновать установление уголовной ответственности за приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), когда вред не только не наступил, но и не начал причиняться.

В уголовно-правовой и криминологической науках существует мнение, что общественная опасность преступления состоит в возможности его повторяемости, так как преступлением признаются не единичные общественно опасные посягательства, а деяния, обладающие прецедентным характером, которые несут в

себе свойства человеческой практики [6. С. 138; 7. С. 27; 8. С. 62]. По мнению П.А. Светачева, «…пока какой-либо конкретный вид правонарушений существует как элемент распространенного явления, он общественно опасен именно в силу своей неединичности» [9. С. 18]. Другими словами, распространенность рассматривается не как самостоятельный признак, необходимый для решения вопроса о криминализации или декриминализации деяния, а как признак общественной опасности деяния. Такой подход заслуживает всяческой поддержки. Вместе с тем при его реализации необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, если деяние не обладает чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, то при криминализации следует учитывать, что оно не должно быть слишком распространенным (тогда оно из патологии превращается в норму социального поведения).

Во-вторых, уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые, по крайней мере, являются реально возможными, т.е. представляют собой проявление общих тенденций и закономерностей, иначе говоря, явления не случайные. Возможная повторяемость является необходимым условием деяния, отнесенного к числу преступлений. Криминализируемое деяние должно быть более или менее распространенным. То есть деяние не может быть всеобщим или чрезвычайно широко распространенным и не должно быть единичным без возможности повторения в будущем. Криминализация широко распространенного деяния может привести к нарушению функционирования системы уголовной юстиции, к нарушению реализации принципов неотвратимости наказания, равенства всех перед законом, справедливости, так как совершение данного деяния не обязательно будет влечь за собой уголовную ответственность, которая может стать делом случая, а не общим правилом. Также это может провоцировать повышение межличностной напряженности, поскольку возникают ситуации, при которых одни лица подпадают под действие уголовно-правовой репрессии, другие при тех же обстоятельствах – не попадают. При криминализации же индивидуально определенного единичного случая новая норма становится безжизненной и ненужной, не имеющей регулятивного значения.

Вместе с тем мы не склонны абсолютизировать данное условие, поскольку оно может не учитываться при криминализации особо опасных деяний. Например, необходимость и целесообразность существования ст. 357 УК РФ «Геноцид» никем не оспаривается, хотя о распространенности этого деяния говорить не приходится. Ведь главное в этом принципе – возможность совершения деяния в будущем. Распространенность деяния также учитывается при определении санкции за его совершение, так как чрезмерное и повсеместное наказание недопустимо.

Большая распространенность преступлений, не обладающих высокой степенью общественной опасности, может служить аргументом «за» при возможной декриминализации конкретных преступлений.

Следует обратить внимание и на следующее. При принятии решения о криминализации широко распространенных деяний, возможно, стоит изначально понизить уровень распространенности деяний не уголовно-правовыми средствами (например, административно-правовыми), а уже после того, как деяние утратит качество повышенной распространенности, ввести на него уголовно-правовой запрет. На первый взгляд это кажется нелогичным – если снижается число таких деяний, то, может, следует продолжать предпринимать меры не уголовно-правового характера для поддержания такой тенденции. Однако дело в том, что эффективность таких мер имеет свой предел, они рассчитаны на тех, кому достаточно их применения для прекращения общественно вредной деятельности, к остальным же индивидам следует применять уголовно-правовые меры как более репрессивные и в этом плане более действенные.

В-третьих, мы не склонны настолько абсолютизировать рассматриваемый признак общественной опасности (или ее количественную характеристику), но и отрицать ее вовсе, с нашей точки зрения, было бы неверным. Представляется, что соотношение качественной и количественной характеристик общественной опасности как основания криминализации для каждого деяния является различным. Например, ст. 197 УК РФ, предусматривающая ответственность за фиктивное банкротство, является относительно нераспространенным преступлением в России (факты возбуждения уголовных дел и привлечения лиц, совершивших эти деяния, к уголовной ответственности крайне редки), однако вряд ли будет разумной декриминализация данного деяния лишь по этому основанию. На наш взгляд, отсутствие зарегистрированной (статистической) распространенности само по себе не может являться аргументом в пользу декриминализации данного деяния либо необоснованности его криминализации. С другой стороны, вряд ли стоит говорить о том, что распространенность тех или иных деяний, которые не причиняют существенного вреда общественным отношениям, в современных условиях может рассматриваться в качестве достаточного основания для криминализации.

Так, до конца 2003 г. в Уголовном кодексе РФ существовала норма, предусматривавшая ответственность за обман потребителей (ст. 200 УК РФ). В 1997 г. на ее долю приходилось 44% от всего количества уголовных дел, возбужденных в России по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» (а в ней первоначально содержалось 33 статьи), в 1998 г. – 52%, в 1999 г. – 55, в 2000 г. – 54, в 2001 г. – 57, в 2002 г. – 58%. В 2002 г. в России было зарегистрировано более 250 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 200 УК РФ. Эти данные, безусловно, подтверждают широкую распространенность данного деяния, в котором законодатель признавал преступным любой обман потребителей, совершенный в значительном размере, т.е. обман, причинивший потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда. На момент исключения рассматриваемой статьи из Уголовного кодекса преступным признавался обман на сумму свыше 60 рублей; с мая 2002 г. по октябрь 2003 г. обман

был преступным, если осуществлялся на сумму свыше 45 рублей; с июля 2001 г. по май 2002 г. – свыше 30; с января по июль 2001 г. – свыше 20 рублей; с июля 2000 г. по январь 2001 г. – свыше 13 рублей 20 копеек. Приведенные суммы рассчитывались в соответствии с Федеральным законом РФ от 19.06.2000 г. № 87 ФЗ, в котором минимальный размер оплаты труда определялся следующим образом: «Установить, что до внесения изменений в соответствующие Федеральные законы, определяющие порядок исчисления налогов, сборов, штрафов и иных платежей, осуществляемое в соответствии с законодательством Российской Федерации, в зависимости от минимального размера оплаты труда, производится с 1 июля 2000 года по 31 декабря 2000 года исходя из базовой суммы, равной 83 рублям 49 копейкам, с 1 января 2001 года – исходя из базовой суммы, равной 100 рублям» (ст. 5) [10]. Абсурдность установления уголовно-правового запрета вполне очевидна при знакомстве с приведенными выше цифрами. В связи с этим можно утверждать, что криминализация рассмотренного деяния была осуществлена при отсутствии ее основания – общественной опасности деяния. Очевидно, что при криминализации этого деяния законодатели в основном ориентировались на распространенность данного деяния, рассматривая этот признак в качестве основания криминализации.

Обман потребителей представляет собой введение в заблуждение потерпевшего-потребителя относительно количества или качества реализуемого товара или оказываемой услуги или их стоимости. Вместе с тем такое соответствующее букве отмененного закона понимание обмана потребителей полностью укладывается в понятие преступления против собственности – мошенничества, и при превышении при обмане размера собственности, установленного в законе, может и должно быть квалифицировано по ст. 159 УК РФ. При недостижении этого размера следует говорить о совершении лицом административного правонарушения и привлечении лица к административной ответственности. А в соответствии со ст. 158^1 УК РФ мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, будет рассматриваться как преступление, и наказание за него будет назначаться в соответствии с действующим уголовным законодательством.

Поэтому представляется правильным считать распространенность тех или иных деяний факультативной характеристикой (признаком) общественной опасности, основу которой составляет опасность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. Иными словами, распространенность конкретных деяний может выступать в качестве дополнительного, но не определяющего аргумента в обосновании необходимости криминализации (декриминализации) тех или иных деяний.

Таким образом, конкретные деяния определяются законодателем в качестве общественно опасных (преступлений) лишь после того, как отдельные случаи этих деликтов становятся социально заметными (как качественно, так и количественно) и для их предупреждения уже недостаточно прежних (действующих) уголовно-правовых и иных установлений, не позволяющих поддерживать стабильное состояние социально-экономической системы в обществе и государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1969. 232 с.
2. Землюков С.В. Преступный вред. Теория. Законодательство. Практика : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. 50 с.
3. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.
4. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. Омск : Изд-во ВШ МВД СССР, 1986. 64 с.
5. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
6. Фефелов А.А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 135–138.
7. Фефелов А.А. Механизм уголовно-правовой охраны. М. : Наука, 1992. 230 с.
8. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть). Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
9. Светачев П.А. Уголовно-правовая ответственность за банкротство : дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. 157 с.
10. Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. С. 2729.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2018 г.

PREVALENCE OF ACTS AS AN OPTIONAL CHARACTERISTIC OF THEIR PUBLIC DANGER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 227–230.
DOI: 10.17223/15617793/429/30

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: crime; punishment; public danger; criminalization; prevalence; basis.

When dealing with the questions relating to criminalization (decriminalization) of acts, most of Russian researchers consider it necessary to proceed from the public danger of the act itself. Public danger of an act is determined by its external expression: the objective aspect of a concrete act (and, primarily, by the harm inflicted to the protected social relations) and the object of offence. The subject and the subjective aspect of an act are not the determining elements of its public danger. Public danger of the personality as a social and psychological category cannot also be considered as the basis for criminal liability since the act itself but not certain categories of the persons possessing concrete social and psychological characteristics is criminalized. There is an opinion in criminal law and criminology that public danger of a crime is in the possibility of its repetition. This approach deserves support under the observance of the following conditions. Firstly, if an act does not have an extremely high degree of public danger, the fact that this act should not be too widespread must be taken into account in the course of criminalization. Secondly, a criminalized act should be

neither extremely widespread nor a single one without possibility to be repeated in the future. When writing the present article, the author set the task to determine the relationship between the prevalence (repetition) of an act and its public danger. He used the following methods: dialectical, formal and logical, system and structural as well as analysis and synthesis. The subject matter of the article is the influence of the prevalence of acts on their public danger when resolving the issue of criminalization (decriminalization) of acts in the Russian Federation. The research showed that prevalence of any acts should be considered as an optional characteristic of their public danger based on the danger of infliction of harm to the protected social relations. In other words, prevalence of concrete acts can serve as an optional, but not a dominant argument when substantiating the need of criminalization (decriminalization) of certain acts. Legislators define concrete acts as socially dangerous (crimes) only after separate cases of these wrongful acts become socially noticeable (both qualitatively and quantitatively). However, former (current) criminal law stipulations, which are unable to support a stable condition of social and economic system in both the society and the state, are insufficient for their prevention.

REFERENCES

1. Kuznetsova, N.F. (1969) *Prestuplenie i prestupnost'* [A crime and law-breaking]. Moscow: Moscow State University.
2. Zemlyukov, S.V. (1993) *Prestupnyy vred. Teoriya. Zakonodatel'stvo. Praktika* [Criminal harm. Theory. Legislation. Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
3. Durmanov, N.D. (1948) *Ponyatie prestupleniya* [The concept of a crime]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Martsev, A.I. (1986) *Prestuplenie: sushchnost' i soderzhanie* [A crime: essence and content]. Omsk: Izd-vo VSh MVD SSSR.
5. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Fefelov, A.A. (1977) Obshchestvennaya opasnost' prestupnogo deyaniya [The public danger of a criminal act]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 5. pp. 135–138.
7. Fefelov, A.A. (1992) *Mekhanizm ugolovno-pravovoy okhrany* [Mechanism of criminal law protection]. Moscow: Nauka.
8. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General part)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Svetachev, P.A. (1997) *Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za bankrotstvo* [Criminal responsibility for bankruptcy]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2000) 26. pp. 2729.

Received: 01 March 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИКИН Даниил Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: dandee@list.ru

БАРСУКОВ Виталий Николаевич – мл. науч. сотр. отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук. E-mail: Lastchaos12@mail.ru

БАРЫШЕВ Алексей Андреевич – канд. экон. наук, ассистент кафедры социологии Томского государственного университета. E-mail: barishevnp@mail.ru

БОЧКАРЕВА Ирина Борисовна – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: portngina@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vasilyeva_sl@mail.ru

ВИКТОРОВ Дмитрий Валерьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и здоровья Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

ГАМАН Лидия Александровна – д-р ист. наук, зав. кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Московского инженерно-физического института. E-mail: GamanL@yandex.ru

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

ДАНИЛЕЦ Юрий Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина). E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

ДИДЕНКО Вероника Викторовна – ассистент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: verdi.fefu@gmail.com

ЗАЙЦЕВА Ирина Евгеньевна – доцент кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: irinazaitseva@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КАШПУР Виталий Викторович – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологии Томского государственного университета. E-mail: vitkashpur@mail.ru

КИРЮШИНА Ольга Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). E-mail: kiryshina@bk.ru

КРОПОЧЕВА Татьяна Борисовна – д-р пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и методики начального образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: krtb@yandex.ru

КУДРЯВЦЕВА Анна Васильевна – д-р юрид. наук, профессор, судья Ставропольского краевого суда. E-mail: acifna@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Надежда Геньевна – д-р филол. наук, профессор Института межкультурной коммуникации (г. Берлин, Германия). E-mail: nadeshdag@yandex.ru

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – д-р ист. наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

ЛЕЙФА Андрей Васильевич – д-р пед. наук, профессор кафедры психология и педагогики Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: Aleifa@mail.ru

ЛУЦЕНКО Антон Виленович – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Московского инженерно-физического института. E-mail: antom9@rambler.ru

ЛЫСЕНКО Юлия Александровна – д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: iulia_199674@mail.ru

МАЛЬЦЕВ Роман Константинович – аспирант кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры. E-mail: mrk1992@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: wikma116@rambler.ru

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: wikma116@rambler.ru

МИРОНОВ Василий Анатольевич – ассистент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: mironovv@mail2000.ru

МУРАТОВА Светлана Раиловна – канд. ист. наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социального образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: gaisulka@mail.ru

НАЛИМОВА Татьяна Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и методики начального образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: nalimova7@rambler.ru

НЕГРУЛЬ Светлана Валерьевна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Томского государственного университета. E-mail: svetlight@bk.ru

НИКОЛАЕВ Александр Валерьевич – магистрант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.v.nicolaev@gmail.com

ОГАНЕСЯН Тигран Давидович – преподаватель кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар); аспирант кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного университета. E-mail: onassis33@mail.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

САРАНА Наталья Владимировна – аспирант школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: sara.tasha@gmail.com

СИНЕВА Мария Викторовна – канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры теоретических основ и методики начального образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: kropocheva87@yandex.ru

СМИРНОВА Елизавета Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: cmelizaveta@yandex.ru

СУДАКОВ Гурий Васильевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: gvs035@rambler.ru

СУРНИН Дмитрий Игоревич – канд. пед. наук, доцент кафедры «Физическое воспитание» Тольяттинского государственного университета. E-mail: surnindima@gmail.com

ТРУБЕЦКОВА Елена Геннадиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: etrubetskova@gmail.com

УСАЧЁВ Николай Александрович – канд. пед. наук, доцент кафедры «Физическое воспитание» Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти). E-mail: surnindima@gmail.com

ХАДИУЛЛИНА Резеда Ринатовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физико-математических дисциплин и информационных технологий Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань). E-mail: info@sportacadem.ru; h_rezeda@bk.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 429. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 апреля 2018 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 3191. Цена свободная.

Дата выхода в свет 18 мая 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru